

HISTORIA РОССИИ

Борис Колоницкий

«Трагическая эротика» :

Образы
императорской
семьи в годы
Первой
мировой войны

HISTORIA
ROSSICA

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Борис Колоницкий
“Трагическая
эротика”:

ОБРАЗЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ
СЕМЬИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Новое
Литературное
Обозрение

2 0 1 0

УДК 94(47)“1914-1917”
ББК 63.3(2)534
К61

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слѣзкин, Р. Уортман*

В оформлении обложки использован
портрет Николая II работы Б. Кустодиева (1915)

Колоницкий Б.

К 61 «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 664 с.: ил.

Верноподданым российского императора следовало не только почитать своего государя, но и любить его. Император и члены его семьи должны были своими действиями пробуждать народную любовь. Этому служили тщательно продуманные ритуалы царских поездок и церемоний награждения, официальные речи и неформальные встречи, широко распространявшиеся портреты и патриотические стихи. В годы Первой мировой войны пробуждение народной любви стало важнейшим элементом монархически-патриотической мобилизации российского общества. Б.И. Колоницкий изучает, как пытались повысить свою популярность члены императорской семьи — Николай II, императрица Александра Федоровна, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Автор исследует и восприятие образов Романовых. Среди многочисленных источников, на основе которых написана книга, — петиции, дневники и письма современников, материалы уголовных дел против людей, обвиненных в заочном оскорблении членов царской семьи.

УДК 94(47)“1914-1917”
ББК 63.3(2)534

ISBN 978-5-86793-757-7

© Б. Колоницкий, 2010

© «Новое литературное обозрение», 2010

От автора

В 1994 году под влиянием лекций профессора Т. Блэннинга по истории Французской революции XVIII века я понял, что, подобно многим историкам Российской революции 1917 года, явно недооценивал роль слухов и значение символов.

Работы Г.Л. Соболева, Р. Стайтса и Х. Яна укрепили мое убеждение в том, что изучение массовой культуры необычайно важно для исследования политической истории.

Б.М. Витенберг обратил мое внимание на замечательный источник — дела по оскорблению членов императорской семьи. Изучение документов этого рода существенно изменило мое представление о политическом сознании эпохи Первой мировой войны.

В.И. Старцев, В.Ю. Черняев, Н.Н. Смирнов, Н.В. Михайлов, Б.Д. Гальперина, О.Г. Файджес, И. Халфин, М.Н. Лукьянов, М.М. Кром, П.Г. Рогозный, Т.А. Абросимова, В.В. Лапин, Л. Энгельштейн, У. Розенберг, С.И. Потолов, А.Н. Цамутали, Б.В. Ананьич, Б.Б. Дубенцов, Т.А. Павленко, М.Д. Долбилов, Н.Д. Потапова, Е.В. Анисимов читали различные мои тексты, посвященные политическим слухам и образам монархии. Их советы и критические замечания были для меня очень ценными.

В результате моей исследовательской работы появились учебные специальные курсы, которые я на протяжении ряда лет читал студентам и аспирантам в Санкт-Петербургском университете культуры и искусств, в Европейском университете в Санкт-Петербурге, в Саратовском государственном университете, в Иллинойском (Шампэйн-Урбана), Принстонском и Йельском университетах (США), в университетах Тарту (Эстония) и Хельсинки (Финляндия). Вопросы и замечания моих слушателей порой серьезно влияли на мою научную работу.

Н.А. Дунаева, Т.А. Павленко и А.Б. Рейеш любезно познакомили меня с документами, выявленными ими в архивах Краснодара, Кирова, Саратова и Ульяновска.

Различные фрагменты моего текста обсуждались на семинарах. Советы Ф.И. Якубсона, Д.Я. Травина, С.Г. Шелина, В.Я. Гельмана, М.Г. Мацкевич, А.М. Стоярова были для меня крайне важны.

Всем этим людям я необычайно благодарен.

Особую признательность я должен выразить членам своей семьи, рассказы которых существенно корректировали те курсы истории, которые я прослушал в советское время в школе и в институте.

Рассказы моей бабушки М.Б. Зильберберг, ее двоюродного брата П.Я. Крупникова и моего дяди И.А. Смирнова я часто вспоминал, работая над этой книгой. С детства я знал об интригах «черногорок», великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны, интригах действительных и предполагаемых, отражавшихся в слухах, которые циркулировали среди средних классов российской столицы перед революцией. Мне рассказывали о латышских рабочих парнях, шантажировавших пожилых рижанок: по вечерам они «зарабатывали» полтинники тем, что угрожали донести полиции на старушек, говоривших на улице по-немецки. Я слышал о рассказах бывших военных чиновников, которые и в 1937 году с ужасом вспоминали страшные разносы великого князя Николая Николаевича зимой 1914/15 года. В семейных альбомах я видел фотографии сестер милосердия эпохи Первой мировой войны. Одна из них — сестра моей прабабушки, другая — неизвестная мне женщина, которая во время эпидемии спасла моего деда, но сама умерла от болезни.

Особенно часто я вспоминал рассказы моего деда, Никона Филипповича Житкова, который ушел на фронт Первой мировой войны добровольцем. Крестьянский парень, закончивший накануне войны курсы телеграфистов, руководствовался не только патриотизмом, но и известным практическим расчетом: добровольцы могли выбирать род войск. Служба в саперах, возможно, спасла ему жизнь: он был ранен, контужен, отравлен газами, но остался жив, у пехотинцев же шансов уцелеть было еще меньше. Та война повлияла на его последующую жизнь — вольноопределяющийся и унтер-офицер, награжденный медалью и орденом, он был послан в школу прапорщиков. Революцию мой дед встретил офицером. С армией он связал и свою дальнейшую жизнь.

Первая мировая война была глубоким травматическим переживанием для него, о ней он рассказывал часто. С пятилетнего возраста я помню рассказы о строительстве блиндажей и газовых атаках, о легендарных штыковых атаках сибирских стрелков и о «предательстве» Ренненкампа. Я слышал и рассказы деда о царском смотре под Двинском. На мои расспросы о том впечатлении, которое произвел на него император, дед отвечал, пожимая плечами: «Полковник как полковник». Я был очень разочарован, возможно, мне передалось давнее чувство рассказчика, ожидания которого в свое время не были оправданы.

Очень жаль, что я не могу уже задать моему деду те вопросы, которые появились у меня при написании настоящей книги.

* * *

Работа над книгой велась в рамках проекта «Общественное сознание эпохи российских революций» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

В области явлений коллективной психики и следует искать причины быстроты свержения Царской власти в мартовские дни 1917 года.

Генерал Н.Н. Головин

Введение

Слова «любовь» и тем более «эротика» в сочинении, посвященном политической истории, звучат странно. Во всяком случае, значительно более странно, чем слово «ненависть». Небесспорное утверждение К. Шмитта о том, что понятие «враг» является фундаментальной категорией политического сознания, воспринимается теперь порой как банальность. Действительно, невозможно представить себе политическую историю без врагов — физических и воображаемых, которые порой становятся гораздо более важными, чем враги «реальные». Изучение истории образов врага ныне воспринимается, наконец, как занятие, вполне достойное уважаемого представителя академической науки.

Большие сомнения могут вызвать попытки написания историй политической любви, любви счастливой и несчастной, любви взаимной и безответной.

Однако и без любви, влюбленности и ревности порой невозможно представить сферу политического. Многократно изучавшаяся, но все же загадочная любовь масс к вождям стала одной из разрушительных сил XX века. Русская революция 1917 года не является в этом отношении исключением, показателем пропагандистский штамп, который использовался по отношению к А.Ф. Керенскому его сторонниками и поклонниками: «Любовь революции», «Первая любовь революции» (так, например, именовал после Февраля Керенского известный этнограф В.Г. Богораз-Тан)¹. Этот штамп использовал в названии своей книги и британский историк Р. Эбрахам, автор лучшей на сегодняшний день научной биографии «министра революции»: «Александр Керенский: Первая любовь революции»². Любовь первая, но не последняя, и не самая большая.

Слово «любовь», разумеется, используется часто как метафора, но оно необходимо для описания сложной сферы политического,

насыщенной всевозможными эмоциями. Особое значение имеет любовь в языке монархии; если идеальный государь должен быть строгим и справедливым отцом для своих подданных, «отцом отечества», или «матерью отечества», то его «дети» — чаще всего речь идет о «сыновьях» — отвечают ему любовью, этот термин использовался издавна в царских указах и манифестах. Отношения между царем и его подданными описывались как отношения эмоциональные, а не правовые³. Но не следует полагать, что метафора большой семьи, спаянной любовью к отцу, описывает все эмоциональные проявления монархизма, диктуемые культурой подданства. Царя нередко любят не только как отца. Слова «возлюбленный», «объятия» и даже «экстаз» употребляются, как мы увидим, и в самоописании монархии, и в политических текстах образцовых русских монархистов.

Название данной книге дало высказывание религиозного философа С. Булгакова, который не раз возвращался в воспоминаниях к непростой истории своей личной любви к последнему русскому императору. Это чувство он описывал как «трагическую эротику». Такое шокирующее определение невозможно понять, если не охарактеризовать политическую эволюцию философа.

Путь Булгакова к особому варианту своего собственного монархизма, если доверять его воспоминаниям, был весьма сложным. Во время учебы в духовной семинарии автор избрал для себя довольно распространенную уже роль «интеллигента», т.е. он решительно отверг религию и монархию (монархизм и религиозность были ранее слиты в его сознании):

Однако, именно на этих путях, общественного и государственного самоопределения, меня ждали наибольшие трудности и искушения, особенно в отношении к священной царской власти. Здесь я сразу и всецело стал на сторону революции с ее борьбой против «царизма» и «самодержавия». Это явилось совершенно естественным, что с утратой религиозной веры идея священной царской власти с особым почитанием помазанника Божия для меня испарилась, и хуже того, получила отвратительный, невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства⁴.

И в сознании многих других современников разного происхождения и разного уровня образования религиозные сомнения, и тем более атеизм, были связаны с отрицанием монархии. Затем, став

студентом университета, Булгаков, по его собственному признанию, настолько утвердился в своем антимонархизме, что некоторое время он даже мечтал о цареубийстве⁵. Немало русских юношей того времени хотя бы на миг примеряли на себя роль террориста, казнящего от имени народа «палача в короне»...

События 1905—1906 годов привели к тому, что Булгаков отверг путь революции, стал, по его собственному выражению, «почвенником», однако при этом он еще не стал монархистом, не полюбил царя и не поверил в монархию. Показательно, что он писал при этом о любви: «В мою “почвенность” идея монархии и монархической государственности отнюдь не входила. Вопрос о монархии есть, в сущности дела, вопрос любви или нелюви (есть любовь и в политике), и я не любил Царя»⁶. Даже возвращение в церковь не изменило первоначального отношения Булгакова к империи и императору.

Однако в канун войны, по его собственному признанию, Булгаков стал «царистом». В данном случае его религиозная эволюция повлияла и на динамику политических взглядов. Булгаков, впрочем, также утверждал, что эмоциональный толчок для осознания его собственной любви к государю дала личная встреча с царем:

Не хочу здесь богословствовать о царской власти, скажу только, что это чувство, эта любовь родилась в душе моей внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте, кажется в 1909 году, когда я его увидел (единственный раз в жизни) на набережной. Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение Ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи поновому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божьей милостью, а не народным произволением. Религиозная идея демократии была обличена и низвергнута, во имя теократии в образе царской власти⁷.

Внезапный акт своего перерождения в «цариста», полюбившего императора, Булгаков описывает как эмоциональное потрясение и религиозное озарение. Оно, очевидно, было подготовлено предшествующими событиями, философскими и политическими исканиями мемуариста, однако важным непосредственным толчком стала его собственная встреча с самим монархом. Автор дает понять,

что и сама личность императора, а не только осмысленная по-новому идея монархии была важна для его перерождения, завершившего процесс десекуляризации его политического сознания. Он полюбил не только абстрактного Царя, олицетворяющего политический принцип монархии, живой символ российской государственности, но и определенного человека, царствующего императора Николая II. Разумеется, «царизм» такого особого человека, как Булгаков, был индивидуальным, по-своему уникальным, но и официальный монархизм, и монархизм многих правых радикалов был и религиозно-политическим, и эмоционально окрашенным. От верных подданных русского царя ждали и требовали не только корректного уважения носителя верховной власти, но и искренней любви к своему государю.

Однако объект политической любви Булгакова все же не соответствовал, по его мнению, образу идеального государя: последний русский император, к его сожалению, действовал и выступал «не как царь», но как полицейский самодержец, «фиговый лист для бюрократии». Подобно многим другим искренним монархистам того времени, Булгаков обличал «бюрократию», которая мешала-де слиянию народа и государя, и мечтал о том, чтобы лично повлиять на императора с помощью собственных откровенных посланий, которые, впрочем, он так никогда и не отправил царю.

Война первоначально сняла это болезненное противоречие между искомым идеалом и несовершенной действительностью: чувство любви к царю у Булгакова теперь уже ничем не омрачалось. Однако затем он вновь ощутил трагичность своего положения, от всей души желая любить своего императора, он в то же время не мог любить его искренне.

Отношения к царю такого незаурядного человека, как Булгаков, были, разумеется, особенными, его история трагической любви к императору была индивидуальной. Невозможно доказать, что она была типичной. Но была ли она исключительной? Во всяком случае, о любви к царю писалось и говорилось накануне революции немало.

Язык монархии издавна был эмоционально насыщен, нормативные требования монархической риторики предполагают использование языка любви и счастья. Именно такой язык и употреблялся современниками Николая II. Если читать официальные отчеты того времени, то может возникнуть обманчивое впечатление, что все верноподданные российского императора всегда были

«безмерно счастливы», когда они имели счастливую возможность лицезреть «возлюбленного монарха».

Официальная риторика российской монархии предполагала и формулы нормативной сакрализации: словосочетание «Священная особа Государя Императора» встречается в различных документах. Для части современников эти постоянно повторяющиеся обязательные бюрократические формулы были застывшими, архаичными, потерявшими всякий живой смысл. Однако для части верующих, каковым был и сам С. Булгаков до своего превращения в «интеллигента», они все еще имели особое значение. Сакрализация, вообще неизменно присутствующая в политике, в условиях монархии приобретает огромную нагрузку, особенно в тех случаях, когда глава государства являлся и главой церкви. Многомерный и противоречивый процесс секуляризации общественного сознания, разворачивающийся в Новое время, не мог не затронуть монархическое сознание. Однако язык политической любви продолжал использоваться и в официальных документах, и в частной корреспонденции.

Некий провинциальный священник писал в ноябре 1914 года в личном письме: «Вчера наш Орел имел высокое счастье видеть на своих стогнах Государя Императора. Близость к нему порождает какое-то особое состояние, изобразить которое положительно невозможно. В нем соединяется и чувство удовлетворения, спокойствия и веры в себя, как частицы того великого, что сливается, объединяется в нашем Царе»⁸ (подчеркнуто в источнике).

Разумеется, вновь следует отметить, что устоявшиеся веками бюрократические формы монархической отчетности часто, хотя и не всегда, были лишь привычными штампами, использовавшимися издавна, они не давали представления о действительном эмоциональном состоянии людей, их употреблявших, даже и тогда, когда соответствующие слова проникали в личную переписку (хотя в данном случае автор письма прибегал к подобной риторике намеренно, осмысленно).

Однако постоянное употребление тех или иных слов, введение политических терминов в свой язык не проходит бесследно для людей, их использующих. Умение «говорить по-большевистски», которым в СССР овладели, добровольно или вынужденно, по разным причинам миллионы людей, имело огромные политические последствия⁹. Говорить же «по-монархически» жители Российской империи обучались веками.

Случай С. Булгакова свидетельствует и о том, что встречи, очные и заочные, подданных со своим императором не всегда были бесстрастными, хотя оппозиция «любовь—ненависть» не передает разнообразие сильных политических эмоций, овладевавших массами.

Показательно, что дискуссии об особенностях любви верноподданных к своему императору возникали на деловых встречах весьма влиятельных и очень занятых людей. Исключения не составляли и заседания Совета министров Российской империи: главы правительственных ведомств увлеченно и аргументированно спорили о своей политической любви к царю.

На важном заседании правительства 21 августа 1915 года оберпрокурор Св. синода А.Д. Самарин заявил: «Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если Царь идет во вред России, то я не могу за ним покорно следовать». Рассуждения Самарина о болезненном конфликте между чувством любви к монарху и патриотическим долгом были направлены против утверждений председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, который ставил знак равенства между монархизмом и патриотизмом, понятия «царь» и «Россия» были для него неразделимы. Самарин тем самым утверждал свое право любить царя по-своему, хотя и не отрицал за другими право любить его иначе. Горемыкин же, который сам характеризовал свои представления как «архаичные», не готов был рассуждать в духе монархического плюрализма, он отстаивал свое понимание любви к императору как единственно правильное: «Мое мнение сводится к тому, что воля Царя есть воля России, что Царь и Россия неразделимы, что этой воле мы обязаны подчиняться и что русскому человеку нельзя бросать своего Царя на перепутье, как бы лично ни было трудно»¹⁰.

И для Самарина, и для Горемыкина разговор о монархии, о любви к царю — разговор особый, не только политический, но и религиозный. Для них обсуждение типов любви к царю — это проблема не только политической теории и практики, но и политической теологии.

Если современники нередко использовали слово «любовь» в своих дискуссиях и придавали ему большое значение, то это оправдывает интерес историка к изучению данного аспекта политической риторики. Для понимания предреволюционной России это не менее важно, чем выявление в точности запасов муки в Петрограде зимой 1916/17 года или количества листовок, изданных подпольными организациями.

Большинство людей, любивших или ненавидевших, презиравших или жалевших царя и других членов императорской семьи, *никогда лично их не встречали. Представление об этих «августейших особах»* складывалось у них годами, под воздействием газетных сообщений и церковных проповедей, просмотра кинохроники, разглядывания настенных календарей и лубков, парадных портретов, висевших в присутственных местах и школьных классах, изображений царей на почтовых марках. И, не в последнюю очередь, это представление складывалось под влиянием разнообразных анекдотов и слухов. О членах императорской семьи судили по образам, распространявшимся этими различными каналами, а воспринимались, «переводились», редактировались эти образы в зависимости от современного контекста, а также под влиянием предшествующей «личной» истории отношений современников с образами данных персонажей.

Соответственно в данной книге предпринята попытка изучения тех образов членов императорской семьи, которые производили особенно сильное впечатление на современников, которые влияли на общественное сознание и на политическую борьбу в канун революции 1917 года.

Разумеется, так называемая «фактическая биография» Романовых порой не имела никакого отношения к истории жизни их многообразных и противоречащих друг другу образов, но порой именно последние оказывали большее воздействие на политический процесс, чем реальные действия соответствующего персонажа. **Нередко именно эти образы определяли и политическую судьбу оригинала. В некоторых же случаях и прототипы образов желали, чтобы их портреты выглядели иначе — они хотели казаться моложе или красивее, проще или величественнее, воинственной или милосерднее. Для историка важны все эти образы — парадные портреты, автопортреты, романтические изображения, шуточные шаржи, злые карикатуры и даже порнографические картинки** представляют не меньший интерес, чем фотографии или «реалистичные картины», при условии, если они действительно были востребованы современниками. Перед исследователем стоит сложная задача реконструкции замыслов создателей этих разнообразных образов, наполняющих портретную галерею последних Романовых. Но не менее важна и реакция зрителей и читателей, которые воспринимали и использовали образы по-своему, искажая тем самым изначальные замыслы заказчиков и цензоров, художников и писателей.

Глава I

ОБРАЗЫ МОНАРХИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ

Современные историки все больше внимания уделяют репрезентации власти. Расшифровка риторических образов осознается ныне как задача не менее важная, чем поиск «достоверных фактов». Необходимость соответствующей декодировки представлений о власти ориентирует исследователей на выявление новых источников, придает новый смысл источникам, давно уже введенным в научный оборот. Необычайно сильное влияние на российских ученых имела книга профессора Колумбийского университета Ричарда Уортмана¹.

В силу различных причин ранние классические труды М. Блока и Э.Х. Канторовича не оказали подобного воздействия на исследователей, изучающих историю Российской империи рубежа XIX—XX веков². Даже известные работы Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и В.М. Живова³, существенно повлиявшие на самого Р. Уортмана, остались недостаточно оцененными российскими историками Нового времени. Возможно, в этом проявилось влияние междисциплинарных барьеров, потребовался труд зарубежного историка, который убедительно показал, что подходы, выработанные российскими филологами и историками культуры, могут с успехом быть применены для изучения русской политической истории Нового времени. Впрочем, некоторые отечественные историки и по сей день считают исследование политической символики чем-то декоративным, каким-то украшением «настоящей» политической истории...

Используемый Р. Уортманом термин «сценарии власти» выражает суть его исследовательской позиции. Он позволяет связать поединку политику, идеологию самодержцев и символическую репрезентацию императорской власти во время различных царствований российских императоров и императриц.

Это замечательное исследование, предлагая ряд интересных наблюдений и важных выводов, ставит перед историками и нема-

ло новых сложных вопросов, требующих дальнейшего изучения. Среди них — вопросы о восприятии образов монархии, о распространении этих образов на уровне массового сознания, о «переводе» всевозможных значений образов власти в языках разных культур и субкультур. Иными словами, историков должны интересовать не только действия «сценаристов» — авторов и соавторов различных «сценариев власти», ведущих «режиссеров» и «исполнителей главных ролей»: театр власти невозможно также представить без импровизирующих честолюбцев — политических актеров второго плана, устремляющихся на авансцену. Этот театр нельзя описать без несущих отсебятину «суфлеров», а также без многочисленных заинтересованных «зрителей». Живая, а порой и возбужденная реакция последних могла существенно менять сюжет политической драмы, ломать утвержденный и отрепетированный сценарий власти.

Книга Р. Уортмана стимулировала изучение образов царской власти. Так, например, следует выделить недавнюю монографию С.И. Григорьева, в которой на основе изучения архивных источников исследуется деятельность цензуры Министерства императорского двора. Цензура придворного ведомства пыталась выступать в роли своеобразного фильтра, оказывая влияние на образы императорской власти, рождавшиеся и тиражировавшиеся в ходе реализации различных коммерческих проектов⁴.

Не только обаяние интеллектуальной моды подталкивает ученых, изучающих историю России начала XX века, к исследованию репрезентаций монархической власти. Сама современная историографическая ситуация настоятельно требует обращения к этой теме. Изучение состояния власти в предреволюционное и революционное время невозможно без обращения к этим сюжетам.

Во-первых, периоды глубоких политических потрясений необычайно усиливают роль персонификации в политике. Не следует полагать, что персонификация политических и идеологических процессов является лишь неким «пережитком» так называемого «традиционного общества», неизбежно преодолеваемым в результате «прогресса». Собственно, любой политический процесс, любое политическое движение сложно представить без персонификации разного сорта и разного уровня: не только троцкизм и маоизм, но и перонизм и голлизм пережили своих «отцов-основателей», и после смерти вождей миллионы людей продолжали отождествлять себя с ними. Однако во времена острых общественных кризисов у многих людей возникает особенно сильная психологическая по-

требность отождествлять себя с авторитетным политическим лидером. Иногда, хотя и далеко не всегда, это сопровождается действительным возрастанием воздействия выдающихся политиков и государственных деятелей на развитие общественной ситуации, существенно усиливается значение т.н. «личного фактора» в истории. Но порой современники, а вслед за ними и историки слишком доверяют горделивым авторепрезентациям политических и государственных деятелей прошлого, придавая «вождям» и правителям чрезмерное значение.

Политический автопортрет лидера (парадный или романтический) нередко определяет традицию его последующего изображения. Отодвигая других участников событий на задний план, вожди ставятся в центр повествования, а безликие «массы» становятся лишь более или менее выгодным фоном для исторических описаний, выдержанных в жанре группового портрета с героем. Соответственно история чрезмерно биографизируется, гиперперсонифицируется, жизнеописание ведущих политиков организует исторический нарратив вокруг «исторических личностей», история общества порой сводится к биографии вождя. Так, например, Октябрь 1917 года историки самых разных взглядов и всевозможных научных школ описывают «через Ленина». Тем самым они следуют в конечном итоге той историографической схеме, которая восходит к большевистской пропаганде, ставшей, хотя и не сразу, лениноцентричной. Лидер партии большевиков рассматривается как основное действующее лицо исторического процесса, как всемогущий создатель нового государства, нового общества. Неудивительно, что «тоталитаристы», яростно критикуя коммунистическую интерпретацию революции, по существу воспроизводят в основных деталях большевикоцентричную и лениноцентричную структуру большого советского исторического нарратива: политическая оценка Ленина меняется, но он остается центральным персонажем повествования.

Соответственно изучение персонифицированных образов власти даст возможность лучше понять действительную роль государственных и политических деятелей. Изучение репрезентаций позволит деконструировать исторические мифы, нередко созданные изначально как раз всевозможными репрезентациями вождей и правителей. Рассмотрение различных форм политических персонификаций ушедших эпох позволит определить допустимую степень персонификации в исторических исследованиях.

Во-вторых, в периоды острых социальных и политических потрясений можно проследить и своеобразную архаизацию общественного сознания, сопровождающуюся значительным возрастанием роли политических символов в процессах борьбы за власть на разных уровнях⁵. Сочетание же переплетающихся процессов усиления роли «персонификации» и возрастания значения «символизации» дает немало случаев, когда образ политического деятеля — положительный или отрицательный — превращается в важнейший политический знак, в ключевой элемент политического процесса. Частный случай такого соединения символизации и персонификации в новой и новейшей истории — культ вождя, нередко появляющийся в разных политических культурах Нового времени в эпохи революционных кризисов.

В-третьих, политику невозможно представить без сакрализации (показательно, например, что во времена Петра I цензурой изображений императора занимался именно Св. синод⁶). Однако сакрализация политики в Новое время не присутствует в такой явной форме, хотя политические системы и политические движения используют, как правило, тексты и символы, которые имеют для них сакральное значение. Их критика и, тем более, их отрицание воспринимается как недопустимая, кощунственная профанация священной сферы политического. Как уже отмечалось, противоречивый и многомерный процесс секуляризации, развернувшийся в Новое время, делает актуальным поиск новых форм сакрализации политического (тема секуляризации необычайно важна для современного общественнознания, ее разработка неизбежно должна повлиять и на новейшую историографию Российской революции 1917 года).

Фигура монарха наиболее ярко представляет собой соединение персонификации, символизации и сакрализации: ведь сама личность монарха — «Священная Особа Государя» — и в Новое время нередко является сакральным символом, символом государственным, а порой и религиозным. Фигура монарха играет большую роль в восприятии политической действительности у людей самых различных взглядов. Соответственно исследование репрезентаций власти и их восприятия субъектами политических процессов необычайно важно как для изучения политического функционирования монархий, так и для описания антимонархических революций.

Революция 1917 года и попытка установления демократии в России сопровождалась поисками новых политических образов, новых методов репрезентации власти, выработкой принципиаль-

но нового политического языка, а также нового ряда предписываемых эмоциональных реакций в сфере политического. Немалое значение имел и поиск новых форм персонификации, сакрализации и символизации политики. Следовало обозначить новую сферу сакрального в политической жизни, найти принципиально новый язык сакрализации политического. Особую задачу после Февраля 1917 года представлял поиск новых форм репрезентации нового «постмонархического» легитимного политического лидера, использующего язык демократии.

Казалось бы, исследователи Российской революции просто вынуждены были заняться изучением персонифицированных образов власти в общественном сознании переломной эпохи.

Между тем внимание историков революции 1917 года традиционно продолжают привлекать государственные институты и политические партии, общественные организации и политические лидеры (изучение классов и иных общественных групп, важно раннее для историков самых различных школ, в настоящее время отходит на второй план). Правда, серьезные и плодотворные попытки изучения общественного сознания революционной эпохи были предприняты в российской историографии еще более тридцати лет назад, особо следует выделить важную и новаторскую для своего времени монографию Г.Л. Соболева, которая повлияла на многих отечественных историков моего поколения⁷. Однако в потоке исследований, посвященных истории революции, эта тема, к сожалению, остается периферийной, она не оказала значительного воздействия на создание обобщающих работ и учебных пособий.

Недостаточная изученность этих сюжетов историками Российской революции 1917 года становится особенно очевидной при сравнении с богатой историографией Французской революции XVIII века. Известные труды Ф. Фюрс, Р. Дарнтон, К. Бэйкер, Д. Нин Клея, Л. Хант, Р. Шартье, Дж. Меррика, А. Фарж, Л.Дж. Грэм, А. Дюпри, посвященные изучению образов монархии в контексте предреволюционной и революционной политической культуры, ставят вопросы, весьма важные и для историков революции 1917 года⁸. Они пока не находят ответов.

Другая важная тема, хорошо разработанная применительно к Великой Французской революции, но почти не изученная исследователями революции российской, — это слухи. Классическая работа Ж. Лефевра, опубликованная более 70 лет тому назад, известна всем современным историкам буквально со школьной скамьи —

она упоминается во многих университетских учебных курсах⁹. Эта книга посвящена «Великому страху» 1789 года. Тогда в течение нескольких недель некоторые французские провинции были возбуждены слухами о коварном заговоре аристократов, о кочующих жестоких бандах, готовых терроризировать мирных обывателей. Распространявшиеся по стране образы вездесущих и неуловимых внутренних врагов, создавая истеричное настроение, способствовали политической мобилизации патриотов и радикализации революционного процесса. До Лefевра одни историки были уверены в существовании этого коварного антиреволюционного заговора, а другие, наоборот, рассматривали эту ситуацию как циничный заговор революционеров, которые сознательно и намеренно манипулировали общественным сознанием, спекулируя на страхах населения (выбор объяснения определялся политическими взглядами исследователей). И в том и в другом случае конспирологическая интерпретация политических событий ставилась в центр исторического повествования. Лefевр же перевел эту дискуссию в иную плоскость, он убедительно показал, что широко распространенный слух, основанный на массовых страхах, сам по себе становится фактором огромного общественного значения. Впоследствии работа Лefевра была продолжена другими учеными¹⁰.

Игнорируя это важное исследовательское направление, некоторые российские историки и ныне противопоставляют народную молву «реальным событиям». Слухи и вымыслы порой отбрасываются исследователями как нечто малозначительное, они отделяются от важных «фактов», от того, что было «на самом деле», хотя порой саму Февральскую революцию 1917 года современники, а вслед за ними и некоторые историки «объясняли» самыми различными слухами, в том числе слухами о недостаточных запасах муки, которые породили ажиотажный потребительский спрос.

Исследователями описано немало ситуаций, когда именно слухи организовывали важные события, определяя действия современников. Например, жестоким немецким репрессиям в Бельгии и во Франции в начале Первой мировой войны предшествовали панические слухи о «бельгийских зверствах» по отношению к германским солдатам, распространявшиеся среди немецких военнослужащих со скоростью лесного пожара. Порой же на возникновение подобных слухов влияла историческая память: прочно укоренившиеся в сознании немецкого общества на протяжении предшествующих десятилетий образы «вольных стрелков» времен Франко-

прусской войны получили в 1914 году новую жизнь, «объясняя» неожиданные препятствия и потери. Эти образы тиражировались, влияя на неоправданно жестокие действия германских солдат и офицеров по отношению к мирному населению Бельгии и Франции: немецкие военнослужащие повсюду «видели» вездесущих и беспощадных франтиреров, стреляющих им в спину. (Данной теме посвящено блестящее исследование Дж. Хорна и А. Кремера¹¹.)

Уже непосредственно в годы Первой мировой войны бельгийский социолог Ф. Ван Лангенхове, сознательно ограничивший круг своих источников лишь документами немецкого происхождения, тщательно изучал подобные слухи, распространявшиеся среди германских солдат. Он показал, что их убежденность в существовании жестоких, вездесущих и неуловимых бельгийских «франтиреров», якобы повсеместно нападавших с тыла на противника, в действительности представляла собой ряд легенд. Его книга, опубликованная уже в 1916 году, получила широкую известность. Эта работа оказала известное влияние на М. Блока, который еще в 1921 году опубликовал статью «Размышления историка о ложных слухах военного времени», посвященную массовому сознанию солдат, находившихся на передовых позициях¹². Автор, бывший армейский фронтовой офицер, показал, что вследствие цензурных ограничений военного времени огромные массы людей, прежде всего военнослужащие действующей армии, были отрезаны от достоверной печатной информации. По мнению М. Блока, фронтовики были погружены в этом отношении к далекому «допечатному» прошлому, к такой информационной ситуации, когда письменное слово оставалось достоянием немногих. Атмосфера возросшей иррациональности, присущая эпохе мировой войны, вновь стала порождать повышенную неустойчивость человеческой психики и всякого рода напряженные коллективные психические состояния¹³.

Марк Блок впоследствии вспоминал, вновь возвращаясь к этой теме: «Роль пропаганды и цензуры была значительна, но на свой лад. Она оказалась противоположной тому, чего ожидали создатели этих органов. Как превосходно сказал один юморист, “в окопах господствовало убеждение, что все может быть правдой, кроме того, что напечатано”. Газетам не верили, литературе также, ибо, помимо того что любые издания приходили на фронт очень нерегулярно, все были убеждены, что печать строго контролируется. Отсюда — поразительное возрождение устной традиции, древней мистерии легенд и мифов. Мощным толчком, о котором не посмел бы

мечтать самый отважный экспериментатор, правительства как бы стерли предшествующее многовековое развитие и отбросили солдата-фронтовика к средствам информации и состоянию ума древних времен, до газеты, до бюллетеня, до книги»¹⁴. Станным образом личный фронтовой опыт М. Блока оказал немалое воздействие на научные исследования знаменитого медиевиста, помогая ему лучше прочувствовать систему коммуникаций в изучаемую им далекую эпоху, время Средневековья, влияя на выбор тем для его собственных исследований.

Подобное восприятие прессы, однако, было присуще не только французским военнослужащим. Именно так относились к периодической печати и русские солдаты-фронтовики, писавшие своим близким: «Прошу вас, тетя, чтоб газетам вы не верили, так как правду не выпускают»; «... не верьте газетам — они пишут то, что им приказывают»¹⁵.

О возрастании роли слухов в условиях цензурного ограничения печати открыто писала и российская пресса в годы Первой мировой войны. Петроградская газета «Новое время» открыто сообщала своим читателям: «Утеснение и несправедливость печати поставила сплетню вне конкуренции и сделала ее монополисткой общественного осведомления. Сплетне верят больше, чем газетам. Печатно говорить о многом множестве предметов нельзя, но устно врать, что хочешь и чего не хочешь, можно сколько угодно — и нет ничего удивительного в том, что все общество с несравненно большим интересом слушает грязную, неизменную, но все же свободную сплетню»¹⁶.

Признанием этого стал постоянный заголовок в некоторых солидных русских газетах: «Последние телеграммы, сообщения и слухи с театра военных действий». Информационное значение слухов тем самым чуть ли не открыто приравнивалось издателями и редакторами к официальным сообщениям. Слухи рождались не только в окопах, но и в далеком тылу. Жизнь больших городов также по-своему архивизировалась, горожане разного положения и разного образования, желавшие получить последние сведения, жили молвой, питались слухами. Не представляли исключения и высшие слои, обладавшие, казалось, возможностью получить достоверные сведения из официальных источников: баронесса С. К. Буксгевден, дама, близкая к императрице Александре Федоровне, впоследствии вспоминала о времени войны: «Слухи заменяли информацию»¹⁷.

К тому же газеты, опровергая одни слухи, распространяли другие. Так, та же газета «Новое время» вскоре после начала войны авторитетно сообщала своим читателям о расстреле К. Либкнехта в Германии, о массовом антиправительственном восстании славян в Австро-Венгрии и других событиях, в действительности не происходивших. В то же время газета уделяла немалое внимание опровержению всевозможных слухов, достаточно привести лишь названия некоторых статей: «Вздорные слухи»¹⁸.

В условиях войны вновь и вновь появлялись и охотно передавались старинные российские слухи, постоянно воскресавшие в новых кризисных ситуациях. Так, неудивительно, что в деревнях опять начинали говорить о наделении крестьян землей, на этот раз долгожданная аграрная реформа связывалась с грядущим окончанием военных действий. «У нас упорно держится слух, что после войны крестьянам дадут землю», — писал князь А. Голицын из своего тульского имения 8 марта 1915 года¹⁹.

Характерной чертой уличной жизни городов военного времени стали огромные очереди людей, долгими часами толпившиеся перед продовольственными лавками и магазинами. Обозленные, усталые, нервные люди, пытавшиеся приобрести необходимые товары, охотно передавали самые невероятные вести. Современники отмечали, что уличные «хвосты» становились настоящими «фабриками слухов». В октябре 1916 года петроградец С. Облеухов писал В.М. Пуришкевичу: «Меня в ужас приводит настроение улицы. Бессмысленное стояние в “хвостах” по несколько часов и озлобило, и распустило народ. Улица превратилась в клуб, где все недопольство и возмущение объединяет всех и вся. Нужна только малейшая искра, чтобы начались поголовные погромы»²⁰.

Распространение слухов в эпоху Великой войны все же нельзя рассматривать лишь как возвращение к старинным способам коммуникации, как «простую» архаизацию, в этом отношении важный вывод М. Блока следует существенно уточнить. Неслыханные ранее для европейского читателя и корреспондента цензурные ограничения появились в то время, когда уже существовали современные средства связи и массовой информации. Соответственно на распространение слухов в это время по-своему влияли массовая пресса и фотографии, телеграф и телефон. Информационные сообщения, благополучно пропедшие через сито цензуры, порой одновременно и одинаково «прочитывались» множеством читателей иногда совершенно непредсказуемо для самых суровых цензо-

ров, поэтому новые средства связи и в условиях ограничения свободы печати позволяли слухам распространяться с невиданной в «допечатное время» скоростью. В самых широких слоях населения была уже сформирована устойчивая привычка к регулярному чтению прессы и постоянному получению новостей. Война же значительно обострила эту потребность в печатном слове, газеты пользовались огромным спросом. Даже сама российская императрица Александра Федоровна, обладавшая особыми источниками информации, сообщала царю в августе 1915 года: «Я по утрам с жадностью набрасываюсь на “Новое время”»²¹.

Ее современники, принадлежавшие к самым разным социальным и культурным группам, также стремились как можно скорее достать и прочитать свежую газету. В годы войны интерес к прессе возрос даже в тех слоях населения, которые ранее вовсе не интересовались последними новостями. Беспрецедентная пропагандистская обработка военного времени не могла полностью заменить этой информации. Сложилась парадоксальная ситуация: пресса пользовалась повсеместным ажиотажным спросом, но при этом ей не верили. Житель Казани писал в столицу уже в сентябре 1914 года: «Полное неверие к газетным сообщениям»²².

В этих условиях сами пропагандистские материалы и официальные сообщения, «обработанные», сокращенные и измененные военной цензурой, необычайно быстро распространявшиеся с помощью телеграфа и телефона, порой провоцировали появление новых волн невероятных слухов. Поэтому возникновение многих слухов эпохи Первой мировой войны невозможно представить как без усилившейся в это время цензуры, так и без современных каналов распространения информации. Особые же цензурные условия, существовавшие в России ранее, оказывались необычайно благоприятными для подобного распространения слухов в эпоху войны — у русского читателя издавна существовали навыки чтения «между строк», а авторы и редакторы хорошо владели приемами проталкивания зашифрованной информации через цензурное сито. Читательская аудитория, политическое воображение которой было весьма развито, по-своему «заполняла» белые пятна, зиявшие на месте статей, изъятых цензурой, она по-своему «прочитывала» официальные сводки, а авторы подцензурных материалов на это и рассчитывали.

Левые политики порой даже заявляли, что появление слухов, вызванных цензурными ограничениями, является следствием не-

коего заговора реакции, свившей гнездо в правительственных ведомствах. Так, А.Ф. Керенский, выступая в Государственной думе 19 июля 1915 года, фактически обвинил русскую цензуру в антипатриотической деятельности, отметив, что в результате ее мероприятий в стране циркулируют «самые темные, самые извращенные и самые мрачные слухи»²³. Соответственно правая конспирология, защищая власти, напротив обвиняла в намеренном распространении невероятных вымыслов своих политических оппонентов слева.

И люди весьма консервативных взглядов указывали на роль официальной цензуры в провоцировании слухов, неблагоприятных для режима. Некий инспектор народных училищ А. Елишев писал министру внутренних дел Н.А. Маклакову: «Но революционизирует народ само правительство, допуская разнузданную печать и думскую пропаганду. Белые места в газетах — хуже прокламаций»²⁴. К такому же мнению приходили и высокопоставленные военные. Видный чин Ставки Верховного главнокомандующего писал в 1915 году: «Белые столбцы в газетах и пустые места в строчках, являющиеся результатом цензуры, ведут к всевозможным догадкам, зачастую разгадываемым путем сопоставления. Это вредит делу и производит на общество нежелательное впечатление»²⁵.

Со временем власти попытались с этим бороться, попросту запрещая печатать «белые места» (правительство прибегало при этом к помощи военной цензуры, обладавшей в условиях войны значительными полномочиями). Но подобная мера властей не могла, разумеется, предотвратить распространение новых слухов. Некий одессит писал в октябре 1916 года: «Прежде хоть по белым пятнам от цензуры можно было догадываться, что замалчивается, а теперь запретили газетам и белые пятна. “Все же обстоит благополучно”. Зато слухи один другого печальнее передаются шепотом на ухо»²⁶.

Если в русских газетах появлялись и исчезали «белые пятна», пробуждавшие любопытство читателей, то отечественные и зарубежные иллюстрированные издания, а также иностранные газеты и журналы, поступающие в Россию, покрывались черными штампами бдительных цензоров. В октябре 1916 года один москвич писал в частном письме: «Мне приходится видеть теперь английские газеты, 1/3 зачернена, что за военные тайны, которые можно писать у англичан и нельзя писать у нас. А между тем это скрывание ни к чему не ведет, а только ухудшает дело, так как всяким слухам и сплетням дается полный простор. А их много ходит по Москве»²⁷.

Даже некоторые профессиональные цензоры и сами члены правительства осознавали абсурдность подобной ситуации. Чиновник соответствующего ведомства сообщал об этом в сентябре 1914 года в частном письме, которое, в свою очередь, было перехвачено цензурой: «Я все еще в цензуре, переменял там ряд обязанностей; к сожалению, здесь никто не влиятелен в ее направлении и приходится участвовать в массе дикостей, вызывающих общественное недовольство. Курьезно, что мой взгляд разделяют и власть имущие, например Кривошеин, уговаривавший меня быть более снисходительным»²⁸.

Показательно, что в сложившихся условиях даже сама императрица Александра Федоровна вследствие отсутствия необходимой информации в газетах порой была вынуждена питаться слухами. 19 ноября 1914 года царица писала Николаю II: «Не знаю никаких новостей — в городе говорят, что вчера было скверно, — в газете много белых, незаполненных мест; мы, вероятно, отступили около Сухачева». И в дальнейшем царица Александра Федоровна страдала от недостатка официальных новостей и по-своему расшифровывала значение «белых пятен» в периодических изданиях. Она уверяла императора, что не верит «городским сплетням, которые расстраивают нервы», она утверждала, что полагается только на официальные сообщения Ставки, но, судя по тону письма, в глубине души царица осознавала, что всей правды они не содержат. Порой, извиняясь, она в своих посланиях передавала императору разные слухи и в то же время посылала ему вырезки из газет, освещаясь о правдивости содержащихся в них сообщений²⁹. Не только обыватели, но и представители политических верхов были отрезаны от надежных источников информации, не верили газетам и официальным сообщениям и сами участвовали, прямо или косвенно, в распространении слухов.

Слухи порождали и новые слухи. В июле 1914 года некоторые жители российской столицы запасались железнодорожными билетами — в городе говорили о неизбежности немецкого десанта. Живший в Петербурге барон Н.Н. Врангель, общавшийся с людьми образованными и неплохо информированными, уже в августе 1914 года, в самом начале войны записал в своем дневнике: «В такие минуты люди должны питать свое воображение хоть какими-нибудь фактами, и, не имея сведений, они сами измышляют всякий вздор, который, переходя из уст в уста, достигает геркулесовых столбов глупости. За последние дни петербургская молва повеси-

ла нескольких командиров армий, расстреляла нескольких командиров дивизий, бригад и полков и умертвила всех командиров гвардии, плодя опасные в это время страхи». В русской провинции же в это время говорили о падении Варшавы, о немецких войсках, стоящих под Псковом, и даже... о захвате Петербурга врагом³⁰.

Столица империи и впоследствии воспринималась страной как гигантский комбинат по постоянному производству фантастических слухов. Князь Г. Трубской 5 октября 1916 года писал из Москвы бывшему министру иностранных дел С.Д. Сазонову, находившемуся в Кисловодске: «Петроград, как всегда, полон слухов, которые рождаются утром и умирают вечером, но, в сущности, никто ничего решительно не знает. Одно несомненно — это общее недовольство, которое настолько велико, что стирает границы партий и дошло до острого напряжения»³¹. Показательно, что информированный дипломат писал бывшему главе внешнеполитического ведомства о слухах и недовольстве, преодолевающих межпартийные границы. Действительно, в обстановке политического кризиса слухи становились важным фактором политической жизни, объединяли различные общественные группы в их недовольстве властью.

Русский военный цензор в Финляндии отмечал тогда же, в 1916 году: «Октябрь текущего года может быть назван месяцем слухов. Никогда еще за два года войны эти “слухи” не были распространяемы в печати и обществе в таких огромных размерах и разнообразных вариациях, как в последнее время. Девяносто процентов общественных разговоров начинаются фразами “Вы слышали?”, “Вы знаете?!” ...Далее следует передача какой-либо фантазии на тему из так называемых злоб дня в новой редакции и с новыми прибавлениями»³².

Среди фантастических слухов этой эпохи можно, например, упомянуть слух о прибытии союзных войск Японии на Восточный фронт³³. Командир лейб-гвардии Гренадерского полка писал в июле 1915 года: «Армия, насколько мы можем судить, ожидает какого-то события, которое должно повернуть войну в нашу пользу. Один слух, якобы самый достоверный, сменяется другим. По последней версии, к нам перевозится японская армия, и тогда война решится одним ударом. Многие уже видели японцев в тылу. Массовая паника»³⁴. Действительно, подобные слухи получили известное распространение, даже некий пессимистично настроенный фронтник отмечал в своем письме в июле 1915 года одну только неприятную новость: «Немножко веселит прибытие японцев»³⁵.

На самом деле никакие войсковые части армии Страны восходящего солнца не направлялись в это время в союзную Россию. Можно предположить, что главной причиной появления этого распространенного слуха стали переговоры между правительствами двух стран о переброске японских войск в Россию, а также прибытие в русскую армию нескольких групп артиллеристов-инструкторов, сопровождавших тяжелые орудия, присланные из Японии. В своих письмах российские военнослужащие, однако, сообщали самые невероятные сведения о прибытии на фронт могущественных и воинственных азиатских союзников: «К нам пришли японские артиллеристы с орудиями, вес снарядов коих до 35 пудов»¹⁶.

Гораздо большее значение для судеб страны имели «политические» слухи. Власти империи еще задолго до начала войны прекрасно осознавали важность и потенциальную опасность их распространения. Администрация и полиция постоянно внимательно следили за распространением «ложных» слухов и всячески стремились их пресекать. «Положение о чрезвычайной охране» и в мирное время предусматривало довольно суровое наказание за «распространение ложных слухов» — виновный мог быть арестован на срок до трех месяцев или оштрафован (до трех тысяч рублей)¹⁷.

Циркуляр министра внутренних дел от 11 ноября 1911 года предписывал губернаторам «обязательно и своевременно» доставлять сведения о настроении различных групп населения, при этом, в частности, особо требовалось указывать «волновавшие крестьянские массы» «ложные и неосновательные слухи»¹⁸. Показательно, однако, что слухи в этом циркуляре упоминались в том его разделе, в котором речь шла о «крестьянских массах». В перечне же интересующих МВД данных, характеризующих настроение жителей городов, рабочих и «интеллигентных слоев общества», слухи не упоминаются. Возможно, в это время и видные чиновники Министерства внутренних дел считали слухи чем-то архаичным и уходящим, присущим в основном лишь деревне, необразованным слоям населения, носителям традиционной культуры. Очевидно, предполагалось, что просвещение и урбанизация постепенно уничтожат всякую почву для распространения слухов.

Действительно, нередко переносчиками слухов в сельской среде и в начале XX века были нищие, страпники, богомольцы, переходившие из села в село, отходники, возвращавшиеся из городов. Все это напоминало старинные методы коммуникации. Но в то же

время крестьяне особенно ценили всевозможные известия, исходящие от сельских священников и деревенской интеллигенции: учителей и учительниц, фельдшеров, писарей сельских и волостных правлений; от людей бывалых и образованных, от знакомых, обладавших репутацией квалифицированного эксперта, носителя знания. Нередко же, как уже отмечалось, толчком для возникновения слуха были «переведенные» по-своему сообщения массовой печати, весьма своеобразно истолкованные слушателями во время коллективной читки вслух. Из «политических» слухов крестьян особенно интересовали известия о войнах. В современном этнографическом исследовании, посвященном преимущественно сельским жителям России, отмечается: «Самые распространенные и всех интересующие слухи — война. Слухи о войне... живут чуть ли не постоянно в народе»³⁹.

Начало войны в 1914 году не могло не породить новых волн слухов. Слова «слухи», «неосновательные слухи», «извращенные толки», «вздорные, возбуждающие и злонамеренные слухи» нередко появлялись в жандармских донесениях и губернаторских отчетах эпохи Первой мировой войны. С другой стороны, и Департамент полиции специально запрашивал губернские власти, требуя подтверждения или опровержения той информации о слухах на местах, которая поступала в Петроград. Местная же администрация, по мнению правительства, должна была противодействовать слухам. Уже 31 июля 1914 года министр внутренних дел Н.А. Макликотв отмечал в своем циркуляре: «Время войны есть время особой возбудимости и нервности населения, лишенного правдивого осведомления о текущих событиях и потому легко воспринимающего всякие слухи, чем и пользуются злонамеренные лица». Перед губернаторами ставилась задача решительного пресечения распространения слухов⁴⁰.

В то же время и генерал В.Ф. Джунковский, товарищ министра внутренних дел, требовал от губернаторов борьбы со слухами: «Мною получены сведения, что в некоторых местностях империи под влиянием вздорных, возбуждающих и злонамеренных слухов начинаются весьма нежелательные брожения в среде сельского населения». Показательно, что и в данном случае именно жители деревни считались носителями и распространителями «вздорных» слухов. Борьбой со слухами занялись и военные власти, штаб Киевского военного округа именвал их распространителей «несомненными врагами русского дела и изменниками родины»⁴¹.

Со слухами временами пыталась бороться и националистическая пресса. В феврале 1915 года в петроградском «Вечернем времени» было опубликовано стихотворение «Шептуны». Неудивительно, что это популярное издание, возглавлявшее пропагандистский поход против «внутреннего немца», называло источником вредных слухов предположительно нелояльных русских этнических немцев: некая «сестрица фон-дер-Блин» становится их постоянно действующим генератором. Затем опасная молва распространяется во всех кругах столичного общества, подрывая патриотическую мобилизацию, коварный внутренний враг торжествует:

Шепчут пернные мамыши,
Желторотые юнцы
И с душой из манной каши
Популярные дельцы,
С меланхолией во взгляде
Повторяют ряд вестей
От воронежского дяди
И сына из Тетюшей.
Шепчут думцы, шепчут земцы;
И, пустивши первый ком,
Наши внутренние немцы
Ухмыляются гайком.
Шептуны же, все в пылу,
Мечутся кругом:
Шу-шу-шу! В одном углу:
Шу-шу-шу! В другом...
Ох, прогнать бы через строй
Этих шептунов,
Чтоб избавить край родной
От зловещих сов...⁴²

Власти указывали на серьезное воздействие различных слухов, прежде всего их влияние на поведение сельских жителей. Под влиянием слухов, например, крестьяне иногда уклонялись от уплаты повинностей и внесения арендных денег за землю. Поводом для распространения слухов порой было своеобразное толкование правительственных распоряжений. Так, объявленное по армии распоряжение Министерства внутренних дел о приостановлении взимания продовольственных долгов с семей запасных, призванных в армию, понималось солдатами как разрешение не производить платежей. Ходили слухи о каком-то «приказе» Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, якобы освобождающем семьи солдат от платежей всех податей за землю. Иногда

крестьяне активно противодействовали нежелательным землеустроительным работам, объясняя свое поведение тем, что они приняли землемеров за немецких шпионов⁴³. В данном случае невозможно точно установить, действительно ли крестьяне были заражены распространённой в то время шпиономанией, или они к своей выгоде стремились «германизировать» тлеющий местный социальный конфликт, имитируя свою плохую осведомлённость или повышенную патриотическую бдительность.

Среди крестьян ряда губерний ходили слухи о том, что война затеяна для того, чтобы восстановить в России крепостное право, об этом сообщалось в письмах, перехваченных цензурой. Летом 1915 года в Казанской губернии говорили о том, что «барс нарочно ведут войну, чтобы перебить всех молодых, а потом закрепостить стариков и баб с ребятишками». В этих условиях проведение земской сельскохозяйственной переписи кормовых продуктов и скота в 1916 году породило панические слухи о возвращении крепостничества, что привело к возникновению настоящих бунтов в некоторых местностях (хотя, возможно, другой причиной волнений было опасение крестьян, что перепись приведет к увеличению налогового обложения). В Подольской губернии, например, крестьяне и, особенно, крестьянки, опасавшиеся введения «панщины», порой набрасывались на священников, учителей и других лиц, которым было поручено проводить эту перепись. Они рвали уже составленные списки и заставляли писать приговор об уничтожении земства. Слухи о «восстановлении крепостного права» фиксировались и в декабре 1916 года⁴⁴.

Впрочем, невероятные слухи, провоцировавшие также появление «бабьих бунтов», фиксировались и накануне войны. Летом 1914 года сельские жители Ставропольской губернии были взбудоражены поездками земских статистиков, проводивших экономическое обследование края. Передавали, что земцы специально собирают сведения о наличии земли и скота, чтобы половину крестьянской собственности передать в казну, а остатки обложить новыми налогами⁴⁵. Неудивительно, что в особой атмосфере военного времени слухи становились все более невероятными, а действия крестьян и крестьянок — еще более жестокими.

В соответствии с правительственными циркулярами представителями власти должны были разъяснять доверчивым и «отсталым» крестьянам «вздорность» всевозможных слухов. С другой стороны, не исключались и репрессии. Так, за распространение «ложных

слухов о войне» в административном порядке подвергали аресту при полиции. Именно такая формулировка содержалась в некоторых обвинительных приговорах⁴⁶.

Но, как уже отмечалось, в годы войны власти столкнулись и с множеством слухов, распространявшихся не только в крестьянской среде, но и в «интеллигентных слоях», среди жителей крупных городов. Иначе говоря, в условиях войны различным слухам верили не только малообразованные или вовсе неграмотные сельские жители, но и горожане, регулярно читающие газеты. В отчете Охранного отделения за ноябрь 1916 года отмечалось: «Слухи заполнили собою обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые по цензурным условиям не могут открыть всей правды. <...> Общество... жаждет вести разговоры на "политические" темы, но не имеет никакого материала для подобных бесед. Всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр. Не видно конца всем этим слухам, которыми живет изо дня в день столица»⁴⁷.

Вдумчивый историк Первой мировой войны генерал Н.Н. Головин, характеризуя общественные настроения того времени, впоследствии писал в своем исследовании: «Все эти сложные слухи являлись одним из характернейших симптомов того патологического состояния общественной психики, первой причиной которого являлись тяжелые жертвы и напряжение, вызванное войной. Социологу, пожелавшему понять назревание Русской революции, приходится обратить большое внимание на ту роль, которую сыграли эти слухи. Ложные сами по себе, они, тем не менее, широко воспринимались благодаря создавшейся атмосфере всеобщего разочарования и неудовольствия и вместе с этим способствовали еще большему нарастанию этих настроений, так как в корне подрывали моральный авторитет Царской власти. В результате Государь оказался морально изолированным»⁴⁸.

О значении слухов военного времени косвенно свидетельствуют и некоторые известные воспоминания. Так, например, мемуары «Подлинная царица», написанные Л. Ден, приближенной императрицы, ставили своей задачей опровержение многочисленных слухов о последней царице, распространявшихся в столичном обществе.

О слухах вспоминали впоследствии и хорошо информированные руководители тайной полиции: «Общественное мнение, руководимое левыми влияниями, обращается против центральной власти, причем непроверенные злонамеренные слухи разрастаются до

инсинуаций против самого Двора. Все спорят, но, в сущности, никто точно не знает, что он отрицает и с чем соглашается, причем несогласие фатально *разъединяет интеллигентную среду* в момент острого напряжения войны, когда необходимы единение и солидарность»⁴⁹.

В настоящем исследовании предпринята попытка изучения распространения и восприятия образов членов императорской семьи в массовом сознании, прежде всего в слухах.

Между тем следует признать, что важная задача изучения слухов историками России, изучающими различные эпохи, в целом до сих пор не реализована. Среди немногих исключений — работы И.В. Побережникова, В.В. Поветьева, В.Б. Аксенова⁵⁰.

В многочисленных же исследованиях, посвященных политической истории Первой мировой войны, известные слухи нередко упоминаются, но лишь как некий общий психологический фон для действий основных участников политического процесса.

Это связано не только с недооценкой темы многими историками, традиционно считающими достойными внимания серьезного ученого лишь сюжеты т.н. «большой политики», которая, по их мнению, является уделом «элит». Изучение слухов представляет и необычайно сложную исследовательскую проблему. Трудности ее решения связаны как с выбором адекватных источников, так и со способами их обработки и интерпретации.

Глава II

ИЗУЧЕНИЕ СЛУХОВ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ

Нередко первым источником, который знакомит исследователя с темой, являются мемуары. Можно привести немало случаев, когда авторы воспоминаний влияли на направление исследований и на аргументацию авторов. Достаточно вспомнить хотя бы «Дни» В.В. Шульгина, которые цитировались, цитируются и, надо полагать, будут цитироваться историками революции, хотя критическое исследование этого источника давно уже назрело.

Порой мемуаристы пытаются придать своим воспоминаниям большее информационное значение, включая в него официальные документы, письма, фрагменты дневников. В этом случае авторы мемуаров выступают в роли публикаторов, впрочем, порой весьма пристрастных.

Важнейшим источником являются письма и дневники. Однако нередко мы сталкиваемся здесь со случаями позднейшего «переписывания» и, еще чаще, со случаями редактирования дневников при подготовке их к изданию.

Так, например, в знаменитой книге М.К. Лемке «250 дней в царской ставке», которую часто используют историки, содержится дневниковая запись за 18 июля 1914 года: «Царь-исмеял боится войны и упорно стоит против нее, в особенности в военном совете»¹. Однако в оригинале запись выглядит несколько иначе: «Государь не хочет войны и очень упорно стоит против нее в военном совете»². Как видим, в опубликованном в советское время варианте Лемке, вполне в духе времени, «редактирует» свой дневник, демонстрирует меньше уважения к императору, стремясь представить свою позицию более радикальной, антимоноархической. К сожалению, в архивном фонде автора отсутствуют дневники, использовавшиеся в основной части книги, но нельзя исключать вероятности того, что и другие фрагменты текста подверглись серьезным изменениям.

Ярким примером существенной корректировки дневниковых записей служит и знаменитая «Синяя книга» З.Н. Гиппиус, которая также весьма часто цитируется исследователями.

В 1927 году З.Н. Гиппиус, находившаяся в эмиграции, получила через знакомых текст своего «дневника» за 1914—1917 годы, который был оставлен ею в Петрограде³. Вскоре отрывки текста появились в различных эмигрантских периодических изданиях, а в 1929 году белградское издательство «Русская библиотека» выпустило отдельное издание под заголовком: «Синяя книга: Петербургский дневник, 1914—1918». Сама Гиппиус в предисловии противопоставляла свою книгу воспоминаниям, неизменно искажающим прошлое: «Дневник — не стройный “рассказ о жизни”, когда описывающий сегодняшней день уже *знает* завтрашний, знает, чем все кончится. Дневник — само *течение жизни*. В этом отличие “Современной Записи” от всяких “Воспоминаний”, и в этом ее особые преимущества: она воскрешает атмосферу, воскрешая исчезнувшие и в памяти мелочи. Воспоминания могут дать образ времени. Но только Дневник дает время в его длительности». Гиппиус утверждала, что она должна откровенно взглянуть на прошлое, как это для нее ни болезненно, хотя она и готова к появлению новых недоброжелателей, заинтересованных в искажении истории: «Я не обманываю себя: те, кто из страха — даже перед самой малой частицей правды — преодолеть не могут, — станут моими врагами. Это всегда так бывает»⁴.

Книга Гиппиус была сразу же встречена с большим интересом, на нее нередко ссылаются историки, серьезно повлияла она и на художественную традицию изображения революции. Читателей привлекала и привлекает декларируемая в предисловии предполагаемая предельная искренность автора, который решительно отказывается, несмотря на изменившиеся обстоятельства, «подправлять» свой текст в угоду изменившейся политической конъюнктуре.

Между тем текст книги Гиппиус отличается от более ранней публикации, озаглавленной «Современная запись». Последняя хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Эта редакция, сохранившаяся в рукописном и машинописном вариантах, датирована июнем 1918 года, она также готовилась для публикации за границей⁵.

И опубликованной редакции «дневника» некоторые фрагменты существенно отличаются от «Современной записи». Так, в ней значительно смягчены оценки императора (Гиппиус в ранней ре-

дакции нередко пренебрежительно именуется «Ники») и императорской семьи. К моменту создания первой редакции «дневника» царь и царица были еще живы, последовавшая же вскоре трагическая смерть семьи Николая II, возможно, и заставила Гиппиус впоследствии изменить окончательный текст. Приведем ряд примеров:

	«Современная запись»	«Синяя книга»
29 сентября 1914 года	«Воздвигнуть некий Николайград — по-казенному “Петроград”. Толстый царедворец Витмер подсунул дураку подписать: патриотично, мол, а то, что за “бург”, по-немецки (!?) И без того, мол, Алиса немка. Ну, дурак и подмахнул по-хлестаковски: “Пусть называется!”»	«Воздвигнуть некий Николайград — по-казенному “Петроград”. Толстый царедворец Витмер подсунул царю подписать: патриотично, мол, а то, что за “бург”, по-немецки» (!?)
4 сентября 1915 года	«Главкомандующий сменин, сам несчастный помазанник с диким упрямством поехал на фронт»	«Главкомандующий сменин, сам царь поехал на фронт»
4 сентября 1915 года	«Правительство, в конце концов, не боится и немцев, ему наплевать на Россию в высокой степени. Царь ведь прежде всего — предатель, а уж потом осел по упрямству и психопат»	«Правительство, в конце концов, не боится и немцев»
24 ноября 1915 года	«У Гришки охрана, у Хвостова своя, хвостовские наблюдатели наблюдают за Гришкиными, Гришкины — за хвостовскими. Сам же Гриша правит, пьет и фрейлин .....т. Федоровну, по привычке»	«У Гришки охрана, у Хвостова своя, хвостовские наблюдатели наблюдают за Гришкиными, Гришкины — за хвостовскими»

23 февраля 1917 года	«Царь удрал на фронт. Лафа теперь вдвоем “пресекать” — истеричке-Алисе и сумасшедшему Протопопову»	«Царь уехал на фронт. Лафа теперь в Царском Г-ке “пресекать”»
9 марта 1917 года	«Бог спасет Россию. Маленький безумец Николай был дан ей мудро, чтобы она проснулась. Какая роковая у него судьба! Был ли он? То есть не плевел ли он, посланный дьяволом среди пшеницы, человек без души, марево, посланное для искушения людей? Он равнодушно и мертво, молчаливо, как всегда, проехал тенью в Царскосельский Дворец, где его и заперли»	«Бог спасет Россию. Николай был дан ей мудро, чтобы она проснулась. Какая роковая у него судьба! Был ли он? Он, молчаливо, как всегда, проехал тенью в Царскосельский Дворец, где его и заперли»
	ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 39, 41, 48—49, 82, 126, 137	<i>Гиппиус З.Н.</i> Синяя книга: Петербургский дневник, 1914—1918. Белград, 1929. С. 13, 37, 38, 44—45, 72, 11, 119

Как видим, задним числом Гиппиус существенно «смягчала» свои оценки покойных царя и царицы, искажая свою собственную политическую позицию десятилетней давности. Она избавляла свой окончательный текст от наиболее одиозных слухов, ложность которых со временем уже стала явной (показательно, что «дневник» отличался именно от подобных слухов, автор стремился представить себя более рациональным аналитиком, верно прогнозирующим развитие событий). Возможно, на изменение текста повлияло не только желание автора задним числом «подправить» анализ ситуации, продемонстрировать большую «проницательность», но и изменение политических взглядов самой Гиппиус. Нельзя исклю-

чать и того обстоятельства, что при переработке текста автор стремился учесть возможную реакцию своих издателей и читателей. Опубликовало бы белградское издательство «Русская библиотека» книгу с упомянутыми характеристиками царской семьи? Как были бы они восприняты эмигрантской читательской аудиторией?

Однако можно ли считать и «Современную запись» подлинным дневником Гиппиус? И у этого текста имелись свои источники. Один из них — дневник Д. В. Filosofova. Иногда Гиппиус указывает, что она его цитирует. Но в некоторых случаях она буквально воспроизводит дневник Filosofova, несколько его редактируя, не упоминая данный источник вовсе. Текстуальные совпадения двух дневников таковы, что их нельзя объяснить только общими источниками информации или взаимным обсуждением фактов, излагаемых каждым автором. Композиция информационных сообщений, построение фраз, использование одинаковых слов — все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с цитированием. При этом следует отметить, что мартовские дневниковые заметки Filosofova — это подчас краткие спешные почасовые записи. Здесь возможность цитирования другого дневника исключается. Сухая, но честная дневниковая запись Filosofova умело редактируется Гиппиус и под ее пером превращается в яркое художественное произведение. В 1917 году Гиппиус действительно вела дневник. Но текст его пока невозможно реконструировать. Можно только с уверенностью утверждать, что он существенно отличался не только от опубликованной «Синей книги», но и от ее ранней редакции 1918 года — «Современной записи»⁶.

Как и во многих других случаях, граница между дневниками и воспоминаниями предстает весьма неопределенной и пропущаемой.

Важным источником для изучения общественного сознания являются материалы перлюстрации почтовой корреспонденции. Исследователи, например, широко используют материалы военной цензуры эпохи Первой мировой войны.

Военные власти уже в годы Первой мировой войны осознали значение военно-цензурных сводок как источника по изучению общественного сознания как военнослужащих, так и их корреспондентов. С весны 1916 года военные цензоры различных частей и соединений должны были составлять отчеты по новой форме. Они заполняли специальные таблицы, учитывая отдельно письма военнослужащих своей части, военнослужащих других частей, а также корреспонденцию гражданских лиц, адресованную солдатам и

офицерам. Цензоры должны были подсчитать общее количество писем, число изъятых писем, число писем, в которых отдельные фразы были изъяты цензорами. Указывалось количество писем «бодрых духом», «безразличных» и «угнетенных духом». Отдельно указывались всевозможные мотивы недовольства. Необходимо было отмечать письма, в которых затрагивались общие политические проблемы, отдельно подсчитывались «хорошие» и «плохие» письма. Некоторые армейские цензоры-энтузиасты по своей инициативе подсчитывали даже число писем «любовных» и «поздравительных», другие добросовестные перлюстраторы превращали свои служебные отчеты в небольшие социологические исследования. Очевидно, командование вооруженных сил хотело получить представление об истинных настроениях армии и страны и использовало для этого подчиненную ему цензуру. Но эта новая функция военно-цензурного ведомства противоречила его основной задаче: сохранению военной тайны. В ходе войны цензура становилась все более строгой, командованием разного уровня издавались все новые приказы, согласно которым солдаты знакомились с темами, которых запрещалось касаться в их переписке. До военнослужащих постоянно доводили соответствующие приказы и перечни наказаний, которые должны были последовать в случае их нарушения. В тыловых частях соответствующие приказы вывешивались рядом с почтовыми ящиками в казармах, на фронте же переписка солдат просматривалась командирами, которые легко могли заставить подчиненных им авторов писем быть менее откровенными в своей корреспонденции. Но цензоры вымарывали не только сведения, сдержавшие военную тайну. В письмах уничтожались, например, фразы, в которых сообщалось о рабочих волнениях в тылу. Наказывались даже некоторые военнослужащие, отправлявшие письма «безнравственного» содержания (понятие «нравственности» понималось разными цензорами по-своему)⁷.

Разумеется, солдаты, опасаясь репрессий, все более осторожно подходили к написанию своих писем, по крайней мере тех, которые отправлялись, в соответствии с правилами, через военно-полевую почту, а не обходным путем, с какой-нибудь оказией. Рядовые военнослужащие и их родственники прибегали и к особым изобретательным способам, пытаясь избежать просмотра своих писем цензорами. Они, например, укрывали послания в орехи, пложенные в посылки, изобретали всевозможные доморощенные шифры⁸.

В письмах же, посылавшихся обычным путем, бывалые солдаты предусмотрительно обходили опасные темы — и острые вопросы армейской жизни, и злободневные политические проблемы. Ужесточение военной цензуры неизбежно влекло и значительное усиление самоцензуры солдат. В их письмах нередко встречались слова: «Написал бы больше, да сами знаете...» Один кавалерист сообщал адресатам: «Теперь посылать письма мы должны не закрытыми. Их сначала прочитывает эскадронное начальство и потом отправляет. Ввиду чего писать конечно можно, что жив и здоров. И уже не заикайся о том, как тебе живется»⁹. Уроженец Казанской губернии, служивший в армии, сообщал своим домашним в 1915 году: «Ну опять если в этом письме будет что зачеркнуто или вырезано, то я даже не знаю, что писать; придется последовать совету полковника: “Пишите: жив, здоров, живем весело, стремлюсь всей душой быть честным сыном своей справедливой родины — это самое приятное письмо на родине”»; «Ох, да не стоит писать, я знаю, что письмо не получишь». Разумеется, и эти письма были задержаны цензурой и не дошли до своих адресатов¹⁰.

Военные цензоры были, разумеется, осведомлены о подобной самоцензуре солдатских писем, это влияло на их оценки настроений и взглядов военнослужащих. В одной из сводок сообщалось: «Сравнительная бесцветность корреспонденции отчасти объясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка проходит помимо цензуры»¹¹.

Показательно, что и вдумчивые аналитики «обычной», полицейской цензуры, опытные чиновники Министерства внутренних дел, отмечали снижение по сравнению с мирным временем важной в политическом отношении информации в перлюстрированной переписке, прямо связывая это с введением военной цензуры. Так, в обзоре просмотренной частной корреспонденции за 1915 год они не без сожаления указывали «на заметную в суждениях разных лиц слержанность, вызванную установлением официального просмотра частной корреспонденции, т.е. военной цензуры»¹².

Поэтому неудивительно, что огромное число солдатских писем характеризовались военными цензорами как «безразличные». Это не значит, например, что все военнослужащие в действительности были аполитичными. Так, хотя, по оценке самих военных цензоров, солдат очень интересовала проблема созыва Государственной думы, но эта тема не находила особого отражения в их переписке¹³.

Современный исследователь А.Б. Асташов, на сегодняшний день лучший знаток солдатской переписки эпохи Мировой войны, внимательно изучивший множество архивных дел, содержащих материалы военной цензуры, нашел только одно письмо, в котором осуждался Николай II¹⁴. Но на этом основании мы никак не можем судить о преобладании монархических настроений среди солдат (к тому же некоторые известные публикации документов приводят яркие примеры осуждения императора в солдатских письмах)¹⁵.

Военную цензуру дополняют сводки Пятого особого отделения Департамента полиции Министерства внутренних дел (Секретная часть). Это замечательный источник, однако его использование затрудняется в силу различных обстоятельств. Прежде всего создается впечатление, что цензуре этого рода подвергалась преимущественно переписка «политической элиты»: систематически просматривались письма депутатов Государственной думы и активистов политических партий, генералов и бюрократов, известных публицистов и аристократов, университетских профессоров и православных епископов. Послания же т.н. «простых людей», похоже, изучались и копировались весьма выборочно. К тому же, похоже, в данном случае мы имеем дело и с самоцензурой цензоров, дозированной информацией, предоставлявшейся начальству. Не все острые вопросы представлены в выписках из писем, и не все выписки использовались затем в сводных аналитических записках. Так, создается впечатление, что цензоры не всегда копировали резкие критические замечания в адрес императора и императрицы¹⁶.

Слухи предреволюционной эпохи нашли отражение и в различных памфлетах, изданных после Февраля 1917 года. Политизированные читатели жаждали сенсационных разоблачений, и предприимчивые издатели охотно шли им навстречу. «Нужно пролить полный свет на все то, что творилось за кулисами дворцов», — заявил решительно автор одного из очерков, утверждавший среди прочего, что император Петр Великий был... сыном патриарха Никона¹⁷. Слухи стали также основой сюжетов всевозможных «злобных» пьес и кинофильмов¹⁸. Однако, разумеется, было бы неверно использовать обличительную литературу революционного времени напрямую для восстановления общественного сознания предреволюционной эпохи: воображение авторов, стремясь удовлетворить ожидания возбужденных читателей и зрителей, умножало самые невероятные слухи, добавляя к старым вымыслам новые.

При изучении того, как воспринимались образы членов императорской семьи и соответствующие слухи, мы старались использовать все перечисленные источники, придавая особое значение тем образам, которые появляются в различных источниках.

Особое же внимание в настоящей работе уделяется уголовным делам, возбужденным против людей, обвинявшихся в оскорблении членов императорской семьи. В последнее время этот источник широко используется исследователями истории России, изучающими политическое сознание различных эпох (П.В. Лукин, Е.В. Анисимов, И.В. Побережников, И.К. Кирьянов, О.С. Поршнева, В.Б. Безгин, Н.А. Дунаева, Е.А. Колотильщикова, О.А. Сухова¹⁹).

Данный источник весьма повлиял на настоящее исследование, определяя как поиск других, дополняющих источников, так и структуру этой книги.

Глава III

ДЕЛА ПО ОСКОРБЛЕНИЮ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКА

Имперское «Уложение о наказаниях» рассматривало оскорбление членов правящей династии как серьезный проступок — до восьми лет каторги мог получить человек, виновный «в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника престола, или в угрозе их Особе, или в надругательстве над их изображением, учиненным непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с той же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных». Другие статьи «Уложения» предусматривали подобные наказания и за оскорбления иных здравствующих членов императорской фамилии, а также «Деда, Родителя, или Предшественника Царствующего Императора». Правда, если оскорбление было совершенно «без цели возбудить неуважение», то и наказание существенно смягчалось. Если же преступление совершалось «по недоразумению, или по неведению, либо в состоянии опьянения», то и это считалось обстоятельством, облегчающим вину обвиняемого¹. Соответственно, не только букве закона, трезвые, грамотные и образованные правонарушители должны были подвергаться более суровому наказанию. Это побуждало многих обвиняемых выставлять себя менее образованными, чем они были в действительности, а также менее трезвыми, чем они были в момент совершения ими преступления.

Историк Е.А. Колотильщикова, изучавшая оскорбления в Тверской губернии в 1881 — 1904 годах, отмечает, что наказания за это преступление в основном ограничивались арестами нарушителей при волостных правлениях, реже — тюремным заключением². Это было характерно и для периода Первой мировой войны, хотя встречались и отдельные случаи более суровых наказаний.

Современный исследователь В.Б. Безгин, изучавший дела по оскорблению царя крестьянами с 1880-х по 1907 год, отмечал: «Общим в делах об оскорблениях этого периода являлось то, что красноречивые речи звучали чаще всего в трактире, а произносившие их были пьяны»³.

В рассматриваемый нами период оскорбления совершались не только в питейных заведениях. К тому же, как уже отмечалось, обвиняемые во время допросов порой явно преувеличивали степень своего опьянения — они не без основания полагали, что к пьяному оскорбителю членов царской семьи власти отнесутся более снисходительно. Неудивительно, что органы дознания тщательно стремились определить, действительно ли обвиняемый был пьян в момент совершения им преступления: это могло существенно повлиять на тяжесть налагаемого наказания.

Иногда власти привлекали по этим статьям «Уложения» тех людей, которые, по их мнению, оскорбляли государственную символику. Так, дела возбуждались против лиц, отказывавшихся встать при исполнении государственного гимна, не снимавших в этой ситуации головные уборы⁴.

Оскорбление членов императорской семьи считалось преступлением государственным. Упомянутые статьи включались в главу третью «Уложения о наказаниях»: «О бунте против Верховной власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома». Именно оскорбления императорской фамилии перед Мировой войной давали наибольшую долю государственных преступлений. Современный исследователь истории одного из губернских жандармских управлений отмечает, что самым распространенным основанием для привлечения к дознанию по обвинению в государственном преступлении было произнесение «дерзких слов» или «преступных выражений» против особы государя императора⁵.

Этот вывод подтверждается и другими источниками, описывающими ситуацию во всей России. Так, в 1911 году 62% лиц, осужденных за государственные преступления, проходило по соответ-

ствующим статьям «Уложения о наказаниях». Иногда власти считали необходимым явных политических противников привлекать к судебной ответственности именно за оскорбление императорского дома. Так, когда известный «охотник за провокаторами» В.Л. Бурцев вернулся в Россию после начала Первой мировой войны, то он при пересечении границы был задержан и передан в распоряжение прокурора Петроградской судебной палаты, который возбудил предварительное следствие по обвинению Бурцева в преступлении, предусмотренном 1-й частью статьи 103 Уголовного уложения. В вину ему вменялась публикация в 1913 году в парижской газете «Будущес» статей, оскорбляющих императора. Особое присутствие Петроградской судебной палаты признало Бурцева виновным, он был приговорен к ссылке на поселение.

Однако большая часть лиц, привлеченных к ответственности за оскорбление членов императорской семьи в 1911 году, не рассматривалась властями как серьезные политические преступники. Большинство (1167 из 1203) отделались арестом, часто кратковременным. И состав преступников весьма отличался: если другие виды государственных преступлений совершались в основном представителями т.н. «интеллигентных слоев общества», т.е. лицами, имевшими среднее и высшее образование, то за оскорбление императорской фамилии к уголовной ответственности привлекались преимущественно поденщики, горнорабочие и главным образом лица, занимающиеся сельским трудом (в 1911 году 80% лиц, привлеченных за оскорбление Его Величества, составили крестьяне). Среди людей, совершивших другие государственные преступления, представителей национальных меньшинств было больше, чем их доля в населении империи, а по делам за оскорбление императорской фамилии привлекались преимущественно русские (т.е., соответственно бюрократической классификации того времени, великороссы, украинцы, белорусы)⁶. Итак, если верить современной уголовной статистике, оскорбление представителей царской семьи — это прежде всего преступление «пьяное», «русское» и «крестьянское».

Ярид ли, однако, представители иных сословий и других этнических групп реже, мягче или осторожнее оскорбляли в своих речах членов царствующего дома Романовых. Это подтверждают иные источники. Так, французский посол, характеризуя настроения в Петрограде в октябре 1914 года, отмечал, что такое преступление, как «оскорбление его величества», является привычным

проступком в светских беседах высшего общества столицы⁷. Однако участников этих светских разговоров, которые велись в петроградских особняках, к уголовной ответственности за это преступление не привлекали. Вернее было бы предположить, что в русской (т.е. великорусской, украинской, белорусской) крестьянской, деревенской среде в силу различных причин чаще находились желающие информировать власти о преступлении этого рода, а образованные горожане разного положения сравнительно редко использовали именно это обвинение в своих доносах.

Существовало несколько типичных ситуаций, при которых в русской деревне оскорблялись царь и члены его семьи. Условно можно разделить их на «случайные» оскорбления, «карнавальные» оскорбления, оскорбления, связанные с конфликтами на селе, мотивированные религиозные оскорбления и, наконец, собственно политические оскорбления — оскорбления в связи с недовольством политикой государства, которую олицетворяли царь и некоторые другие члены императорской фамилии.

Нередко речь простолюдинов была столь насыщена непристойностями, что любое упоминание императора или членов его семьи в самом обычном разговоре могло формально рассматриваться как грубое оскорбление царствующего дома — имя члена императорской семьи попросту «обрамлялось» привычными и неизбежными ругательствами, которые могли и не нести никакой особой смысловой нагрузки. Как заявил один из обвиняемых за оскорбление царя, он «выразился бранными словами исключительно по привычке всякий разговор сопровождать бранью», или, как сказал другой крестьянин, признавший себя виновным, он «произнес бранные слова по отношению к Особе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по привычке всегда употреблять в разговорах брань»⁸. Возможно, при записи объяснения и оправдания обвиняемых были искажены, но смысл заявлений они, скорее всего, передавали верно. Власти, очевидно, порой учитывали это обстоятельство. Так, в одном уголовном деле по оскорблению царя встречается следующий комментарий, звучащий если и не как оправдание, то как аргумент в пользу более снисходительного отношения к провинившемуся: «...а, вдобавок, еще нецензурные слова вошли в обыкновенность, то он мог сказать без всякой цели, не зная, что этим наносит оскорбление особе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА»⁹. Похожее объяснение своего преступного поведения обвиняемыми содержится и в некоторых других делах: ненамеренно оскорбил царя «по привычке бесцель-

но сопровождать разговор бранными словами, ...не относил таких к священной Особе ГОСУДАРЯ»; «Цели оскорбить ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО у него не было. Бранное слово он употребил по привычке к сквернословию»¹⁰.

В некоторых же случаях оскорбление было следствием «вывернутого», «карнавального» поведения в особой, необычной ситуации, отличавшейся от повседневной жизни. Такая особая ситуация требовала и особого поведения, и особых слов. Так, в ряде случаев пьяный человек должен был вести себя совсем не так, как человек трезвый, код поведения в этой ситуации менялся на противоположный. Соответственно сакральное в таких ситуациях обозначалось как профанное, высокое — как низкое. Очевидно, многие люди искренне полагали, что в таких особых случаях они могут безнаказанно оскорблять и царя, и Бога. Показательно, что оскорбления Царя Небесного и царя земного переплетались: это может косвенно свидетельствовать о сохраняющейся традиции сакрализации монарха. Так, еще в 1911 году некий крестьянин, «будучи несколько выпивши», брел по улицам заводского поселка и громко сообщал встречным, что Бога он боится, но святых угодников и Божию Матерь не почитает, ругал ее, Чудотворца Николая, Серафима Саровского и государя императора матерными словами¹¹. Мы не знаем, насколько серьезно обвиняемый относился к своим словам, но сам факт помещения царя в ряду святых весьма интересен, пьяный крестьянин бросал вызов определенной сакральной структуре, частью которой для него, бесспорно, был и образ российского императора. Этот случай, однако, нельзя считать примером антимонархического сознания, точно так же как и богохульство не всегда указывает на сознание атеистическое или даже на сознание антиклерикальное.

Показательно, что в пьяном состоянии обвиняемые оскорбляли прежде всего царя, так, например, среди оскорбителей великого князя Николая Николаевича пьяные почти не упоминаются. Последний не включался в систему сакральных символов наряду со святыми, поэтому и оскорбляли его иначе, «трезво» — более рационально, более аргументированно.

Выпившие крестьяне нередко исполняли песни, содержавшие оскорбления царской семьи. Очевидно, эти песни были довольно известными, распространенными в деревнях. Можно предположить, что в сельской среде существовала определенная фольклорная традиция вызывающего «карнавального» оскорбления царя и

его родственников в определенных ситуациях. Часто эти песни были весьма неприличными:

Государь наш Николашка
Жена его Саша,
Мать его Маша...

Далее следовала нецензурная брань¹². Еще более непристойной была другая частушка, исполнявшаяся пьяным 19-летним крестьянином:

Как у нашего царя ... аршина полтора,
А у нашей у ларицы ... шире рукавицы¹³.

Вряд ли подобных певцов можно безоговорочно зачислить в ряды носителей антимонархического сознания.

Часть популярных песен такого рода, певшихся пьяными крестьянами, судя по их содержанию, сочинялась арестантами:

Иду в Сибирь,
Кляню Россию,
... Царя
и мать Марию¹⁴.

Иногда и исполнителями песен были бывшие арестанты, совершавшие новое преступление, на этот раз уже государственное. Так, в день пасхального праздника 1916 года лишенный всех особых прав и преимуществ 29-летний крестьянин Вологодской губернии, отбывший уже два срока в местах заключения, пел пьяный на сельской улице: «Бога нет, ЦАРЯ не надо, губернатора убьем, мы, мазурики-арестанты, всю Россиюшку пройдем»¹⁵. Похожую частушку, сложенную уже в годы Первой мировой войны, распевали в сентябре 1915 года в Лужском уезде Петроградской губернии: «Нам ни Бога, ни Царя, — никого не нужно. Губернаторов убьем и под немца жить пойдем»¹⁶.

Мужчина же, призываемый на службу в армию, а тем более на войну, мог во время призыва пить, буйствовать, хулиганить, это в данной ситуации порой считалось терпимым, а иногда и вполне допустимым. Подобные противоправные, наказуемые законом действия санкционировались обычаем, не воспринимались как преступления.

Впрочем, можно предположить, что в некоторых случаях призывники сознательно использовали особую ситуацию терпимого к ним отношения для безопасного нарушения закона. Так, порой они пользовались относительной свободой слова, предъявляя императору политические претензии. Показателен случай 20-летнего крестьянина Казанской губернии Ф.В. Фоменцова. 3 июня 1915 года он, пьяный, ругался на улице в пригороде. Стражник предупредил его, что на улице ругаться нельзя. Фоменцов возразил, что он идет на военную службу. В присутствии свидетелей он затем сказал: «Я иду за ЦАРЯ голову сложить, а Он ..... (брань) земли нам не дал». Обвиняемый властями Фоменцов действительно был зачислен на военную службу, а дело о нем было приостановлено¹⁷.

И во многих других случаях, когда обвиняемые призывались в армию, дела по оскорблению членов царской семьи приостанавливались. Очевидно, власти не желали давать возможность будущим солдатам отсрочить свой призыв, намеренно совершая это преступление. Возможно, часть запасных, мобилизуемых в армию, предпочли бы сравнительно легкое наказание — обычно арест при волостном правлении — немедленной отправке на фронт. Одному русскому солдату, оскорбившему великого князя Николая Николаевича, присутствующие заметили, что он может за это ответить (т.е. будет арестован). Его же эта перспектива наказания за совершение государственного преступления вовсе не испугала: «Я этого не боюсь; для меня еще лучше, так как тогда на войну не пойду». С 24 июля по 9 октября 1915 года он действительно находился под стражей, а затем все-таки был отдан под надзор военного начальства. Но отказ обвиняемого признать совершение преступления, отсутствие свидетелей, в свою очередь призванных и отправленных уже в действующую армию, затягивало вынесение судебного приговора, обвиняемого переводили из части в часть, а к 1917 году он дезертировал. После же революции он был реабилитирован¹⁸. Очевидно, в данном случае расчет оскорбителя оказался совершенно верным: совершение государственного преступления, оскорбление члена императорской семьи помогло ему избежать направления на фронт и, скорее всего, спасло жизнь.

Но можно также предположить, что позиция властей, приостанавливающих уголовное преследование военнослужащих, подтверждала совершенно особый статус призывников и отпускников, солдат-ветеранов в глазах односельчан. Им перед отправкой на службу, а порой и во время отпусков позволялось делать то, что

прочим людям возбранялось. Неудивительно, что преступление порой совершалось открыто, демонстративно, а иногда даже в присутствии представителей власти. Рядовой лейб-гвардии Павловского полка, находившийся в отпуске дома, в деревне Олонской губернии, в сопровождении двух знакомых стражников (!) отправился навещать общих приятелей. При этом бравый солдат императорской гвардии в присутствии дружественных ему представителей власти пел застольную песню, начинающуюся словами: «Вся Россия торжествует, Николай вином торгует»¹⁹.

Очевидно, эта песня появилась задолго до начала войны. Вообще тема предполагаемого «пьянства» царя и, одновременно, «спавания» царем народа (подразумевалась государственная винная монополия) нередко звучала в оскорблениях императора. В городе Кузнецке, Саратовской губернии, пьяный обыватель в июле 1914 года говорил своим гостям: «Ему быть не Государем, а лапотником, если бы он был хороший Государь, то не открыл бы казенные винные лавки и не распустил бы Россию пьянством»²⁰.

Впрочем, и значительное ограничение продажи спиртных напитков во время войны парадоксальным образом истолковывалось порой как поддержка царем пьянства. Крестьянин Томской губернии был очень обескуражен тем, что прогулял слишком много денег на Масленую неделю 1915 года. Вину же за это он возлагал на императора: «А все потому, что наш ЦАРЬ ... (брань) казенки прикрывл. Кабы ОН не прикрывал, я скорее бы напился, и деньги при мне были, а чтоб ему ... (брань)»²¹.

Криминологи тогда вообще считали, что оскорбление императора — большей частью «пьяное преступление», такого же мнения, как уже отмечалось выше, придерживаются и некоторые современные исследователи. Действительно, в соответствующих судебных делах часто встречаются выражения «в состоянии опьянения». «был сильно пьян», «будучи несколько выпивши». Но, как уже было показано, порой к этим утверждениям следует относиться осторожно: и по закону, и по обычаю нетрезвый человек мог рассчитывать на более снисходительное к себе отношение, состояние опьянения часто рассматривалось при расследовании преступления как смягчающее вину обстоятельство. Напротив, в делах нередко содержался указание и на то, что человек был трезв, т.е. подразумевалось, что он может нести полную ответственность за совершенное им преступление. Поэтому подсудимые и подсудимые, очевидно, порой намеренно преувеличивали степень своего опьянения. До-

кументы так передают слова некоторых обвиняемых: был пьян, ничего не помнит, но утверждает, что оскорбительных по адресу государя выражений никак не мог произнести. Однако не всегда свидетельские показания подтверждали эти заявления, в делах имеются комментарии чиновников, производивших расследования: был ли действительно обвиняемый пьян, дознанием не установлено²².

Но не следует считать данное преступление исключительно «пьяным». С помощью доноса порой решались многочисленные конфликты деревенской политики, которые не имели прямого отношения к императору, но царь заочно привлекался как могущественный символический союзник одной из конфликтующих сторон. Эти конфликты условно можно разделить на «вертикальные» и «горизонтальные». К первым можно отнести конфликты между крестьянами и представителями сельской власти (старосты и волостные старшины, писаря сельских и волостных правлений, полицейские урядники и стражники).

Так, нам известно 120 случаев оскорбления членов императорской семьи в 1914 году, которые были совершены русскими сельскими жителями, занимавшимися сельским хозяйством (не учитывались крестьяне, занимавшиеся торговлей, немецкие и еврейские колонисты и поселенцы). Это составляет не менее 64% всех известных нам случаев в этом году. Не менее чем в 28 случаях оскорбление было совершено в присутствии представителей власти, не менее чем в 8 случаях — в присутствии в том месте (сельское, волостное, уездное правление).

В 1915 году из 282 таких случаев 35 было совершено в присутствии в том месте, а 30 — в другом месте, но в присутствии представителей власти. Это составляет примерно 23% от числа указанных случаев. Но в том же году не менее 10 представителей сельской власти (старосты, волостные старшины, писаря) были привлечены к ответственности за оскорбление императорской семьи. Т.е. 27% известных нам зарегистрированных случаев оскорбления крестьянами в этом году было прямо связано с различными конфликтами вокруг исполнения власти в сельской местности.

Представители власти иногда использовали оскорбления символов императорской власти (должностной знак старосты, волостного старшины, десятицкого с изображением герба, портрет царя, висевший в правлении) для наказания крестьян, бросавших им выю. Порой же они явно сознательно провоцировали подчинен-

ных им деревенских жителей на оскорбление императора, чтобы иметь возможность наказать их не за какую-то провинность, непосредственно приведшую к конфликту, а за совершение государственного преступления. Нормативная сакрализация монархической власти и ее символики была для сельских властей удобным средством дисциплинирования жителей деревни.

Так, в декабре 1915 года сельский староста безуспешно пытался утихомирить пьяного унтер-офицера, находившегося в своей деревне в отпуску, он указал на свой должностной знак с царской короной. Но разгулявшийся унтер-офицер заявил представителю власти: «Я ... тебя с короной вместе, а также и самого ЦАРЯ и все русское правительство»²³. Возможно, именно на такую реакцию староста и рассчитывал, желая затем приструнить буйного отпускника с помощью доноса, который последовал незамедлительно.

Иногда вокруг знака власти возникало сразу несколько обвинений. В селе Наскафтым, Кузнецкого уезда, Саратовской губернии, бывший десятский Е.С. Кянскин разносил вновь избранным десятским должностные знаки. Крестьянин К.П. Буйлов якобы отказался этот знак принять. Возмущенный Кянскин спросил: «Как он смеет отказываться от царской короны?» На это Буйлов «по отношению к короне произнес площадную брань». Когда же ему стали надевать знак на шею, он, противясь, заявил: «Я <...> эту корону». Бывший десятский тогда же пошел заявлять полицейскому стражнику об оскорблении символа власти. Но обвиняемый и указанные им свидетели, в свою очередь, утверждали, что сам Кянскин явился к Буйлову сильно выпивший и потребовал себе спиртного в качестве угощения за передачу знака. Возмущенные подобным оскорблением символа власти друзья нового десятского якобы сказали Кянскину: «Какое ты имеешь право продавать корону»²⁴.

Конфликт в этих различных показаниях переворачивался: доносчик предстал как обвиняемый в совершении того же преступления — оскорблении императора, обвиняемый противопоставлял своему оппоненту свой донос. Но что стояло за этой ссорой? Нежелание крестьян исполнять обязанности представителя власти в деревне (такие случаи встречаются и в других делах)? Борьба за эту должность? Какой-то неизвестный нам деревенский конфликт, лишь оформленный с помощью символа власти?

Нередко старосты, старшины и писаря использовали наличие царского портрета, обязательно находившегося в сельском или волостном правлении. Они указывали на него непокорным крес-

пьянам и настоятельно требовали не ругаться в присутствии этого нижнего символа власти (не кричать, не курить, снять шапку). Раздраженный оппонент представителей сельской власти нередко после этих слов отпускал какое-то неосторожное и грубое замечание по адресу портрета или оригинала в присутствии свидетелей и должностных лиц, после чего немедленно следовал донос, а иногда и арест на месте. Иначе говоря, и в этих случаях представители сельской власти намеренно провоцировали земляков-крестьян, побуждая их совершить государственное преступление в своем присутствии.

Так, в марте 1916 года 43-летний крестьянин Томской губернии Л.С. Рогов пьяный зашел в сельское правление. Он не снял шапку в помещении, закурил папиросу и стал ругать сельского писаря. Последний предложил Рогову немедленно снять головной убор и прекратить курить в присутственном месте, при этом писарь торжественно указал на висевший в канцелярии портрет императора. Тогда Рогов, не снимая шапки, произнес: «Портрет ГОСУДАРЯ, попросту сказать, для меня ничего не составляет, я не признаю никаких портретов, а имею право быть в шапке и курить». Затем, разумеется, последовал на него донос. Был ли писарь искренне оскорблен поведением крестьянина? Желал ли он избежать неприятного для себя разговора? Хотел ли он отомстить односельчанину? Внешне похож и случай 50-летнего земляка Рогова, который произошел в апреле того же года. Пьяный крестьянин пришел в волостное правление к писарю с просьбой о выдаче ему пособия, ввиду призыва двух своих сыновей на военную службу. Получив отказ, он начал ругаться площадной бранью. Сторож правления заметил, что в присутственном месте ругаться нельзя, ибо на стене висит портрет государя императора. Возбужденный крестьянин сказал: «Этот ... (брань) наш кровопийца». Тогда в конфликт вмешался сельский староста, по его распоряжению крестьянин был заключен в «каталажную камеру». Однако буйный арестант взломал дверь арестного помещения и самовольно ушел. Тогда против него было возбуждено и уголовное дело²⁵.

Но иногда на такой конфликт с сельским начальством шли и совершенно трезвые люди. Свое поведение в некоторых случаях они обосновывали рационально, политически, сознательно подчеркивая свое равенство с царем. Так, саратовский крестьянин, отказавшийся снять шапку в волостном правлении, заявил: «Я сам себе государь»²⁶.

Похожей была и реакция 43-летнего донского казака Николая Пундикова, который в поселковом правлении затеял ссору с другим казаком. Поселковый атаман потребовал, чтобы он вел себя прилично, ибо в помещении висит портрет императора. Обвиняемый же в ответ сказал: «... (площадная брань) с вашим ГОСУДАРЕМ и портретом, У меня своих пять есть. Я вашему ГОСУДАРЮ не подчиняюсь. Я сам Николай»²⁷.

Разумеется, далеко не всегда мы имеем дело с провокацией писарей, старост и волостных старшин. Представитель сельской власти, разумеется, и по своей должности обязан был доносить о таких преступлениях, даже если он и не желал по каким-то причинам это сделать. Так, 14 февраля 1914 года в селе Труевская маза, Юловской волости, Вольского уезда, Саратовской губернии, состоялся сход. Живо обсуждался вопрос о том, что староста в прошлом году купил за общественные деньги на 3 рубля 82 копейки конфет для детей местных крестьян в день памяти 300-летия царствования дома Романовых. Однако 58-летний крестьянин В.Ф. Подгорнов был недоволен таким использованием общественных средств: «Какая-то п...а короновалась, а на общество расход». Претензии предъявлялись одновременно и старосте и императору. Однако власти не были своевременно проинформированы об этом преступлении, совершенном публично, в присутствии представителей сельской власти, которые, кстати, оскорблялись наряду с властью верховной. Преступление могло остаться незамеченным, незарегистрированным, а потому и неизвестным полицейским и судебным властям. Но 26 февраля выпивший крестьянин В.С. Каракозов поведал об этом случае нарушения закона полицейскому уряднику, присутствовавшему в этот день в волости на собрании кредитного товарищества. Можно предположить, что в этой ситуации староста уже просто был вынужден немедленно действовать — иначе он сам мог быть обвинен в недоносительстве, поэтому на следующий день он сделал официальное заявление уряднику о преступлении Подгорнова. За несвоевременное заявление, однако, и сам староста был арестован на семь суток земским начальником²⁸.

Мы точно не знаем, какого рода сельский конфликт стоял за этим доносом. Однако представляется, что в большинстве случаев старосты и волостные старшины все же доносили по собственной инициативе, желая укрепить свою власть над крестьянами.

Но иногда это оружие использовалось и крестьянами для давления на сельскую власть, которую обвиняли, справедливо или нет,

и оскорблении царя и его семьи. Как уже отмечалось, среди обвиняемых в совершении этого преступления нередко встречаются сельские старосты и волостные старшины, доносчиками же были простые крестьяне.

Так, в одном из уездов Екатеринославской губернии 56-летний волостной старшина избил в общественном доме крестьянина своей волости за неуплату волостного сбора. Затем он приказал деревенскому старосте отвезти избитого им неплательщика в «кордегардию» при волостном правлении. Тут вмешался другой местный крестьянин, который в присутствии свидетелей заявил, что волостной старшина избил свою жертву «неправильно». В ответ на это старшина выругался площадно и публично пригрозил протестующему заступнику выселением из села (в деле специально указывалось, что, произнося эту угрозу, представитель волостной власти находился в трезвом состоянии). Последовало возражение, что без суда могут выселять только правительство и государь. Крутой волостной старшина решил поставить точку в этой затянувшейся правовой дискуссии: «... с твоим правительством и с твоим ГОСУДАРЕМ; я что захочу, то с тобою и сделаю». Однако затем последовал донос простых крестьян на этого решительного представителя власти, против него было возбуждено уголовное дело²⁹.

Известен даже случай, когда после доноса крестьян был арестован чиновник, 51-летний К.И. фон Гейлер, потомственный дворянин, земский начальник первого участка Сызранского уезда. Он был обвинен в том, что в разговорах с сельскими и волостными должностными лицами якобы неоднократно позволял себе произносить слова: «Русскому ЦАРЮ не с немцами воевать, а водкой торговать»³⁰. Весьма возможно, что в данном случае имел место оговор обвиняемого, однако делу был дан законный ход, власти решили поддержать крестьян-доносчиков. Очевидно, немецкое происхождение обвиняемого чиновника повлияло на это решение властей.

Конфликты крестьян с сельскими властями напоминают конфликты на мелких предприятиях в городах. Порой и наемные работники намеренно провоцировали своих хозяев на оскорбление императора, а затем доносили на работодателей, чтобы свести с ними счеты. Так, в январе 1916 года в Казани к ответственности была привлечена 39-летняя полька, владелица прачечной. Как-то она начала бить нерадивую прачку, но та заявила, что пожалуется и участок, сообщит о происшедшем властям, тогда распаленная хозяйка произнесла площадную брань по адресу царя и правитель-

ства. На следствии же хозяйка прачечной заявила, что мстительные работницы оклеветали ее по злобе³¹.

Обратные случаи провоцирования наемных работников хозяевами обнаружить пока не удалось. Очевидно, владельцы заведений и их представители утверждали свою власть над подчиненным им персоналом с помощью других присмов.

Впрочем, исласологизировались и некоторые другие конфликты, связанные с отношениями власти-подчинения, в которых людей, обладающих какой-то властью, обозначали как оскорбителей монархии. Тем самым имущественный или бытовой конфликт выводился на другой уровень противостояния, представлялся как борьба верных подданных царя с противниками монархии. Крестьяне, рубившие лесовья, подавали жалобы на усердных лесников, арестанты — на придирчивых тюремных надзирателей, солдатские жены — на властных свекров, позарившихся на их денежное пособие, посетители публичных домов — на проституток, отказавшихся их обслуживать. Случалось даже, что и родители неуспевающих учениц доносили на требовательных учителей, обвиняя последних в оскорблении императора³².

«Горизонтальные» конфликты — это споры между крестьянами соседних деревень, между односельчанами, иногда — между родственниками. Это конфликты из-за земли, ссоры из-за потрав, из-за нарушения межи, из-за порубок леса. Так, еще в 1910 году крестьянин симбирской лесовни М.И. Майоров зашел к другому крестьянину и начал его ругать за то, что он укрепил свой надел. Затем, взяв железный заступ, набросился на него, крича: «Ты шайтанским законом укрепил свою землю. Ты черту служишь, а не царю». Нанеся несколько ударов, он убежал из дома. Потерпевший, очевидно, счел, что тактически более выгодно обвинить и наказать своего обидчика, используя не уголовную, а «политическую» статью, донос был сформулирован соответствующим образом. Обвиняемый был арестован на семь дней³³.

С помощью доносов мстили также неверным женихам и непокорным невесткам. Часто использовалась та же тактика: возбужденный оппонент провоцировался на оскорбление царя, затем следовал донос, парализующий все дальнейшие действия противника. Имущественные споры, семейные ссоры, бытовые конфликты тем самым политизировались, далекий могущественный император и в данных случаях становился символическим союзником одной из сторон.

Показателен случай обвинения трех братьев Жироховых, крестьян Вологодской губернии. При обыске лесник нашел у одного брата бревна, принадлежащие другому крестьянину, находившемуся на войне. Братья подняли крик, начали ругаться. Один из присутствовавших крестьян, носивший, кстати, ту же фамилию Жирохов, сказал, что за бранные слова они могут ответить по закону. Братья дружно и непристойно обозначили свое отношение к праву: «...хотим закон». Им было заявлено, что так выражаться нельзя, ибо на законе имеется корона государя императора. (Интересно, что сам авторитет права утверждался и в этой ситуации с помощью сакрализованного символа монархии.) Братья Жироховы, однако, упрямо стояли на своем, расширяя круг оскорбляемых новыми ругательствами: «... ваш закон, Корону и ГОСУДАРЯ». А жена одного из братьев, подняв подол своего платья и «хлопая ладонью по детородным частям», громко кричала: «Вот вам закон, Корона, ГОСУДАРЬ, все тут»³⁴. В данном случае уголовное преступление, очевидно имевшее место, политизировалось противниками обвиняемых, желавшими предъявить своим оппонентам более серьезное обвинение в совершении государственного преступления.

И здесь сложились распространенные традиционные присмыслы провоцирования оппонента на совершение преступления. Так, нередко, когда в разгар ссоры употреблялось слово «сволочь», то в ход пускалось хорошо известное оружие, оскорбленный с достоинством отвечал: «Я не сволочь, я ЦАРЮ помочь» (подобные слова зафиксированы в нескольких случаях). Далее могло последовать разъяснение: он-де сам «служил царю», или «сыновья служат государю» и т.п. Нередко после этого разъяренный оппонент распространял свои ругательства и на упоминаемого императора. Затем следовал скорый донос. Так, в мае 1915 года 42-летний крестьянин Томской губернии поссорился с односельчанкой. В ответ на его ругательства она сказала: хотя она и сволочь, но ЦАРЮ помощь, так как сыновья ее ушли на войну, и служат ЦАРЮ и Богу. Крестьянин закричал: «Черту они пошли служить». Разумеется, затем последовал донос и возбуждение уголовного дела³⁵.

В бытовых конфликтах с односельчанами также использовались имперские символы. В сентябре 1915 года 30-летний крестьянин Самарской губернии нецензурно ругал односельчанина. Тот важно достал солдатскую книжку с изображением императора и торжественно попросил своего обидчика не ругаться перед портретом государя. Площадная брань была немелленно адресована и

портрету, на что, очевидно, и рассчитывал обладатель солдатской книжки, который вскоре донес на своего недруга³⁶.

Интересны случаи комплекса доносов, связанных друг с другом.

Пример серии доносов односельчан дает село Тарапатино, Лемшинской волости, Камышинского уезда, Саратовской губернии. В августе 1915 года 30-летний С.С. Тарапата, бывший солдат, раненный на войне, вывозил со своего двора навоз и выкидывал его к окнам крестьянина Рыбинцева. Вспыхнула ссора, во время которой Тарапата ударил Рыбинцева вилами по плечу и сказал: «Мы и ЦАРЯ ... (брань) а вас-то и вовсе»³⁷. Во всяком случае, так утверждал в своих показаниях пострадавший доносчик. Затем последовал донос односельчан и на брата ветерана войны, 43-летнего П.С. Тарапату. Две крестьянки утверждали, что ночью они якобы подошли к его дому и, приоткрыв ставню, услышали: «Теперь время ЦАРЯ нашего отошло, мы Его и Фамилию Его ... а правую руку и вовсе». Обвиняемый свою вину отрицал. Он утверждал, что его оговорили по злобе, на почве хозяйственных счетов. Наличие имущественного конфликта между обвиняемыми и доносителями подтвердили другие свидетели³⁸.

Известен даже случай, когда сразу оба участника семейной ссоры были привлечены по 103-й статье «Уложения о наказаниях». 25 февраля 1915 года 25-летний крестьянин Илларион Стенин ударил своего старшего брата Евлампия по голове. Тот заявил, что пожалуется властям. В ответ на это Илларион ответил: «я ... (брань) власть и ЦАРЯ». Затем, однако, он предложил брату прекратить ссору, так как, возможно, обоих возьмут на войну. На этот раз оскорбил императорскую семью уже Евлампий: «... (брань) войну, ЦАРЯ и ЦАРИЦУ; одни дураки идут на войну, а я не пойду». Примирительный ответ Иллариона содержал, однако, еще одно оскорбление императора: «Не знаю, или ты ... ЦАРЯ, или Он нас обоих»³⁹.

Нередко имущественные конфликты переплетались с этническими, так, русские крестьяне использовали соответствующий донос при конфликтах с соседями-«инородцами», иногда они намеренно провоцировали своих оппонентов на оскорбление русского царя. Так порой решались, например, споры русских крестьян из-за покосов и пастбищ с башкирами и калмыками⁴⁰. Один конфликт возник из-за того, что русские крестьяне деревни Нагаевой, Буталовской волости, Тобольской губернии, пасли лошадей на поле, принадлежащем соседям-татарам. Во время ссоры русский крестьянин Ф. Нагаев важно заявил 23-летнему татарину Х. Абдулову:

•Если ты не перестанешь ругаться, я отоблю телеграмму ГОСУДА-РЮ ИМПЕРАТОРУ». Можно с уверенностью предположить, что он намеренно провоцировал противную сторону, вряд ли он в действительности намеревался немедленно отправиться в ближайшую телеграфную контору, чтобы вступить в переписку с царем. Его расчет, однако, полностью оправдался: распаленный Абдулов выкрикнул в присутствии многих свидетелей: «Я ... тебя вместе с вашим ГОСУДАРЕМ»⁴¹. После этого последовал донос русских крестьян на Абдулова.

Но иногда оружие доноса на славянских оскорбителей царя использовали и «инородцы», представлявшие себя, по крайней мере на время конфликта, верноподданными российского императора. В правление одного из аулов Майкопского отдела явился некий уроженец Черниговской губернии и потребовал от старшины распорядиться о розыске похищенного у него в ауле полушубка. Старшина важно предложил ему снять шапку в помещении правления, в котором находится портрет царя. Но, если верить доносу, обвиняемый заявил, что не подчиняется ни Богу, ни царю, и произнес площадную брань в адрес императора. О происшедшем законопослушный старшина аула немедленно доложил вышестоящим властям. Преступник был привлечен к ответственности⁴². Очевидно, похищенный в ауле его полушубок так и не был найден.

Соответствующие доносы использовали порой в конфликтах не только русские, но и польские крестьяне, доносившие на своих соседей-поляков⁴³. Доносы на соплеменников, в том числе и оговоры, практиковали нередко и киргизы (казахи). Так, комментируя одно обвинение, адресованное зажиточному и влиятельному мещанскому жителю, сочувствующий ему уездный исправник отмечал: «Мулла Нургалшев деятельностью своєю подозрений не внушает, среди же киргиз часто бывают ложные доносы»⁴⁴.

Порой донос был следствием конфликтов между покупателями и продавцами, соответственно случаи оскорбления императора нередко фиксировались в сельских лавках, на базарных площадях.

Во всех упомянутых конфликтах сложно оценить степень истинности доноса и искренности монархизма доносителей. Но определенно можно сказать, что последние позиционировали себя как верных подданных царя и стремились извлечь из этой позиции выгоду. Их монархизм был прагматичен и функционален вне зависимости от того, был ли он истинным или напускным.

Иногда царя оскорбляли по религиозным причинам. Продолжали фиксироваться и старинные оскорбления староверов, иных религиозных групп, в которых император именовался «сретиком», а то и «антихристом». Так, принадлежавший к секте лучинковцев чернорабочий В.Я. Рябинин, крестьянин Пермской губернии, в январе 1915 года во время спора с другими рабочими назвал «всех православных, а также государя императора еретиками». Он утверждал, что его единоверцы не признают императора и ему не служат, и убеждал своих сослуживцев: «Переходите в нашу веру, тогда не будете служить своему государю». На дознании Рябинин заявил, что считает еретиками всех, кто исповедует православную религию не так, как она исповедовалась при патриархе Никоне, в том числе и государя⁴⁵.

Порой крестьяне, осуждавшие царя и его семью, выражали так отношение к тем мероприятиям власти, которые их непосредственно затрагивали (налоги, реквизиции, мобилизации, смерть близких на войне, нежелание предоставить пособие, отказ принимать марки, использовавшиеся вместо мелкой разменной монеты). Часто царя оскорбляли, жалуясь на невыполнение государством своих обязательств; на императора, олицетворявшего страну, возлагалась личная ответственность за это. Так, в конце 1915 года беженцы из Виленской губернии, оказавшиеся на Волге, были лишены пайка за отказ от обязательных работ. Один беженец заявил: «Когда нас гнали оттуда, то царь обещал нас покоить и кормить, а он нас обманул: нам ничего не дают, хоть с голоду помирай»⁴⁶. Это послужило основанием для привлечения оскорбителя к уголовной ответственности. Ряд оскорблений был связан с денежными пособиями, получавшимися членами семей мобилизованных. Одних не устраивал размер пособия, других — его отсутствие, третьи же завидовали тем счастливым, кто это пособие получал.

Показательны те места, в которых оскорбляли императора. Как уже отмечалось, часто это — волостное или сельское правление. Именно там крестьяне узнавали все неприятные новости: сообщения о смерти и ранениях близких, находившихся на войне, известия о новых податях и повинностях. Портрет императора, висевший на стене, позволял незамедлительно определить возможного главного виновника этих бед. В то же время в правлении находились и потенциальные доносители — представители местной власти (волостной старшина, сельский староста, писарь, стражник), которые обязаны были информировать вышестоящие власти о

преступлении «по должности». Но доносили и об опасных крестьянских разговорах, происходивших и в сравнительно безопасных для совершения преступления местах, — в избе, на деревенской улице, в поле и даже в лесу.

Наконец, существовали ситуации, когда осуждались те меры общей государственной политики, которые не затрагивали непосредственно обвиняемых. Часто оскорбления были прямым следствием оживленного и заинтересованного крестьянского «разговора о войне». Так, как мы увидим, нередко царь и другие члены императорской семьи осуждались за начало войны, за неподготовленность русской армии к войне, за плохое ведение военных действий и т.п. Нередко повод для этого давало совместное чтение слух газет, брошюр, правительственных сообщений. Эти оскорбления условно можно назвать «патриотическими»: обвиняемый отождествлял себя с «Россией» и осуждал императора или другого представителя правящей династии, действующего, по его мнению, во вред стране.

Для исследователя, изучающего политическое сознание, особенно интересны случаи, когда оскорбление императора и членов его семьи как-то мотивировалось, когда членам царского дома предъявлялось какое-либо обвинение. Но и другими случаями не следует пренебрегать. Можно, например, предположить, что в одних ситуациях «бессмысленная ругань» и «пьяное» оскорбление царя стали причиной доноса, а в других — о них не сообщали властям. Очевидно, что увеличение числа зарегистрированных дел также может служить и знаком умножения сельских конфликтов разного уровня, которые пытались разрешить с помощью доносов. Т.о. это преступление во всяком случае позволяет судить о существовании известной напряженности в данной социальной среде. Нарастание даже «простых» бытовых конфликтов, намеренно (а порой и явно искусственно) политизировавшихся их участниками, имело важное политическое значение. К тому же в любом случае важны конкретные слова, произнесенные во время оскорбления императора или членов его семьи.

Встречается немало случаев, когда по указанным статьям привлекались определенные представители «сельской интеллигенции» — грамотные крестьяне, которые подрабатывали письмоводством, известные сельские сутяги, дававшие правовые советы односельчанам, «подпольные адвокаты», которые вели дела других крестьян (этих «деревенских адвокатов») власти издавна недолго-

ливали). Но главная ценность дел по оскорблению императорской семьи как исторического источника заключается в том, что он порой позволяет услышать голос неграмотных крестьян, голос, часто скрытый от историков. Правда, их подлинные слова нередко были отредактированы, а то и искажены доносчиками, следователями, полицейскими и судебскими чиновниками, записывавшими показания.

Изучение этого источника осложняется тем обстоятельством, что в некоторых случаях мы явно имеем дело с оговором. Уже в конце XIX века полицейскими властями было замечено, что обвинение в оскорблении Его Величества весьма часто используется для сведения личных счетов, при этом нередко практиковались ложные доносы частных лиц. С началом войны число последних увеличилось, чинам корпуса жандармов даже специальным приказом напоминалось о практике ложных доносов, дознаватели должны были особенно тщательно проверять соответствующие обвинения⁴⁷. Однако, разумеется, поток оговоров, ложных доносов продолжался, нередко это вело к возбуждению новых уголовных дел.

Так, в селе Бобылевка, Балашовского уезда, Саратовской губернии, в августе 1915 года несколькими односельчанами был обвинен в совершении преступления некий бакалейщик Н.С. Целиков. Он, по словам доносчиков, заявил: «Государь наш слаб, а правительство в большинстве немцы, которые во всякое время могут продать Россию немцам же». При этом Целиков указал на военного министра Сухомлинова и министра двора графа Фредерикса, добавив, «что и все остальные министры такие же». Другой свидетель показал, что Целиков якобы заявлял, что царь «слаб и ненормален», что вдовствующая императрица Мария Федоровна сожительствует с Фредериксом «и другими немцами», что наследник престола — «незаконнорожденный». Но прочие допрошенные в ходе данного следствия жители этого села утверждали, что обвиняемый Целиков, убежденный патриот и монархист, был намеренно оговорен своими давними недоброжелателями — сельским священником и писарем волостного правления. Последние входили в местное присутствие, ведавшее выдачей пособий женам солдат, и злоупотребляли своим положением, вели себя «неблаговидно» по отношению к солдаткам. Обвиняемый, возмущенный их поведением, неоднократно обличал их публично, за что они и отомстили деревенскому правдолюбцу, выдвинув против него указанное политическое обвинение⁴⁸.

Можно привести и другие примеры явных оговоров. В результате доноса к уголовной ответственности был привлечен 34-летний крестьянин из ссыльных Амурской области Н.А. Вакулин. В 1908 году за участие в преступном сообществе, составленном для насильственного посягательства на изменение существующего в России образа правления, он был приговорен к пяти годам каторжных работ. Затем Вакулин, обучавшийся ранее некоторое время в Рижском политехническом училище, стал исполнять обязанности младшего инженера Восточно-Амурской железной дороги. В доносе указывалось, что в середине июня 1915 года он якобы вел разговор о войне с начальником карьера и десятским железной дороги. Начальник карьера оптимистично заявил: «Варшавы не отдадут». В ответ на это Вакулин-де сказал: «Пока эта ... будет царствовать и ИХ не разгонят, мы все будем отдавать». Казалось бы, картина должна быть совершенно ясна для следствия: человек, уже совершивший однажды государственное преступление, вновь дерзко нарушает закон в присутствии законопослушных патриотов, которые должным образом проинформировали власти, в таких условиях возмездие рецидивисту должно быть особенно суровым. Однако в ходе дознания выяснилось, что у обвиняемого и ранее существовали неприязненные отношения с обоими доносителями. В свое время он официально докладывал начальству об их служебных проступках. Два свидетеля показали, что доносители подговаривали и их подписать ложный донос, чтобы «убрать неудобного для них» Вакулина. При этом «... предполагалось сперва возвести на него обвинение в пропаганде, а затем решили остановиться на обвинении в оскорблении ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, так это проще и скорее»⁴⁹.

Но во многих случаях преступление наверняка было совершено, это подтверждалось многими свидетелями. Как уже отмечалось, порой оскорбление членам царской семьи наносилось в присутствии местных представителей власти. Нередко обвиняемый на допрос признавал свою вину, выражал раскаяние. Иногда предьявлялась улика (например, разорванный портрет императора, или портрет царя с проколотыми глазами). Да и оговор в то время считался серьезным преступлением, гораздо более серьезным, чем недоносительство⁵⁰. Можно предположить, что это обстоятельство как-то сдерживало поток ложных доносов.

К тому же для целей настоящего исследования весьма важен и оговор. Составители ложных доносов, даже сочиняя невысказан-

ные в действительности оскорбления за обвиняемых ими лиц, очевидно, предполагали, что полиция и суд поверят тому, что именно такой слух мог распространяться, что именно такое оскорбление могло быть произнесено обвиняемым в данное время и в данном месте. Как совершенно справедливо отмечал А.С. Лавров, тщательно изучавший разнообразные доносы XVIII века, донос непременно должен быть правдоподобен⁵¹.

Скорее всего, подобные разговоры, нашедшие отражение и в ложных доносах, имели хождение в соответствующей местности, в данной среде, хотя и не всегда произносимые слова принадлежали обвиняемым. Весьма вероятно даже, что иногда доносители приписывали им свои собственные слова и мысли. Во всяком случае, можно с уверенностью предположить, что они сами в каких-то обстоятельствах ранее слышали этот слух, даже если они и не верили ему. Ложный донос, таким образом, также содержит важную информацию о состоянии общественного мнения, о распространении определенных слухов и определенных образов власти.

После начала войны русские криминологи прогнозировали снижение числа преступлений по оскорблению членов императорской семьи. Они возлагали надежды на общий патриотический подъем в стране, на призыв в армию потенциальных преступников (очевидно, что их было особенно много в возрастной группе военнослужащих) и, наконец, на резкое ограничение продажи спиртных напитков (напомним, что преступление считалось «пьяным»). Возможно, эта тенденция и имела место в самом начале войны; вообще, в это время пресса отмечала снижение любых видов преступности⁵². Так, нам известен 41 случай оскорбления императора в июле 1914 года, 44 случая — в августе. Утверждалось, что часть этих преступлений была совершена пьяными (не менее 12 случаев в июле). Для сентября, октября и ноября — соответственно 25, 12 и 25 случаев, причем зафиксировано только одно «пьяное» преступление (в сентябре). Весьма возможно, однако, что в особой обстановке начала войны часть совершившихся преступлений такого рода попросту не фиксировалась.

Однако в дальнейшем действительность явно опровергла прогнозы криминологов: число дел, возбужденных против оскорбителей членов правящей династии, возросло, существенно увеличилось и количество «пьяных» преступлений. Крестьяне, разумеется, находили способы выпить даже в условиях резкого ограничения торговли спиртными напитками. В русских газетах появились ста-

нии с красноречивыми заголовками «Борьба с одеколоном», «Опьянных делах», в городах империи обыватели втридорога переплачивали за всевозможные суррогаты, порой опасные для жизни потребителей, которые носили экзотические названия («союзная мадера», «лапландский ангитрезнин»), а русская деревня быстро осваивала разнообразные технологии самогонварения. Корреспондент петроградской газеты писал: «Для названий тех “суррогатов”, которыми заменяется теперь водка, скоро, кажется, придется составлять особый словарь. “Самосидка”, “бражка”, “кислушка”, “арака”, “ханжа” и пр., а теперь в Астрахани появился еще некий “бал”». Эти сюжеты нашли отражение и в современном фольклоре, и в личной корреспонденции современников. Уже в октябре 1914 года некий житель Иркутской губернии сообщал в своем частном письме: «Из самых различных местностей газетам сообщают, что в деревне опять замечается пьянство, что старые безобразия начинают повторяться. Сообщения эти, по-видимому, вполне правдивы, так как есть известия, что в некоторых уездах акцизный надзор вынужден был командировать особых контролеров для обнаружения мест тайной продажи питей. Пьют пиво, самодельную водку, очищенный денатурированный спирт, виноградное вино, коньяк и наливки»⁵³.

О приверженности ряда крестьян лавному и привычному образу жизни свидетельствуют и изучаемые дела об оскорблении императора. Так, 55-летний крестьянин Вятской губернии обвинялся в том, что он, будучи в трезвом состоянии, в присутствии свидетелей гордо заявил: «Вот теперь наш Никольчик запер кабаки и воспретил варить кумышку, а мы сварили бражку и не поддадимся Никольчику»⁵⁴. Из 40 известных нам случаев оскорбления императора в январе 1915 года уже не менее 9 относятся к пьяным.

К тому же у русских крестьян, трезвых или пьяных, появились новые поводы ругать различных представителей династии Романовых. Так, из 41 известного нам случая оскорбления императора в июле 1914 года 21 случай связан с особыми обстоятельствами военного времени.

Но среди обвиняемых за это преступление, преимущественно «русское» и «крестьянское», в последующее время появляется и все больше ругателей из иной социальной и этнической среды (российских немцев, евреев), что было, по-видимому, знаком усиления в годы войны конфликтов разного рода, в т.ч. и конфликтов межэтни-

ческих. По-видимому, меняется сословный состав преступников — преступление становится все менее крестьянским, об этом свидетельствует изучение описи фонда прокурора Киевской судебной палаты⁵⁵. Так, в месяцы 1914 года было возбуждено не менее 9 дел по оскорблению членов царской семьи против крестьян и только 3 — против мещан. Однако после объявления войны ситуация меняется: 8 дел против крестьян и 11 — против мещан. Это характерно и для 1915 года: 21 дело против крестьян и 25 — против мещан. В 1916 году крестьяне и мещане дают равное количество дел — по 8. Резонно было бы предположить, что за подобной динамикой стоят имущественные и этнические конфликты: большинство крестьян было украинцами (многие из них считали себя в то время «русскими»), а среди мещан было немало евреев.

В доносах на лиц, оскорблявших членов императорской семьи, также отражались и новые противоречия военной поры — между крестьянами и беженцами, между крестьянами и военнопленными, большей частью славянскими солдатами Австро-Венгрии и Германии, трудившимися в сельской местности. Противостоящие стороны всевозможных конфликтов доносили друг на друга. Возраставшее число дел по оскорблению царской семьи стало индикатором роста температуры общественного недовольства. Так это и воспринимала полиция.

В жандармском отчете по Рязанской губернии (октябрь 1915 года) указывалось, что участились преступления по оскорблению Его Величества. В Самарской губернии количество обвиняемых по статье 103 Уголовного уложения, предполагавшей наказание за оскорбление особ императорской фамилии, с 1914 по 1916 год выросло с 19 до 105. При этом не все преступления такого рода регистрировались властями. В сводке Московского охранного отделения за 29 февраля 1916 года отмечалось: «С болью приходится констатировать, что если бы реагировать на все случаи наглого и откровенного оскорбления Величества, то число процессов по 103 ст. достигло бы небывалой цифры. <...> Это настроение и низов, и буржуазии, средней и высшей»⁵⁶. Признание офицеров секретной политической полиции подтверждает распространенное мнение многих современных криминологов: к официальным данным уголовной статистики следует относиться с большой осторожностью, ибо в различные периоды власти по-разному реагируют на совершение одних и тех же преступлений, по-разному регистрируют их на разных этапах делопроизводства.

В свое время известный знаток дореволюционной уголовной статистики Е. Н. Тарновский отмечал сокращение количества политических преступлений в годы войны (значительную часть которых как раз составляли преступления по оскорблению членов императорской семьи), что отличалось от общей картины динамики преступности. Если взять общее число преступлений, совершенных в 1911 году, за 100%, то накануне войны существовала тенденция к их увеличению (105 и 112% в 1912 и 1913 годах), но после начала войны наблюдается снижение (102 и 97% в 1914 и 1913 годах). Однако в 1916 году общее число преступлений возрастает — 128% (о росте преступности с тревогой писали тогда и газеты). Но статистика политических преступлений в годы войны обнаруживает все время тенденцию к сокращению — всего 41% в 1916 году⁵⁷. Кажется, если оперировать лишь данными уголовной статистики, ничто не предвещало революционного взрыва в 1917 году.

Однако, как уже отмечалось, официальная уголовная статистика никак не дает точной картины динамики преступности. Для регистрации преступления необходим донос, хотя бы и донос ложный. Но в разное время и в разных частях страны, в разных культурах и субкультурах существовало разное отношение к доносителю. Поэтому статистика преступлений (или статистика обвинений и совершения преступлений) отражает скорее карту определенного типа правовой культуры: если одни губернии и области выделяются числом таких преступлений, а значит, и доносов, то другие губернии их почти не дают. Для регистрации преступления и возбуждения уголовного дела нужно было также желание властей. Однако в зависимости от общей и местной политической ситуации, личности преступника и обстоятельств совершения преступления власти то реагировали необычайно жестко на сравнительно незначительные преступления, то закрывали глаза на проступки гораздо более серьезные. И, как уже неоднократно отмечалось выше, власти порой никак не реагировали на некоторые явные случаи оскорбления членов императорской семьи. Так, например, можно предположить, что в ходе беспорядков, сопровождавших мобилиацию 1914 года, совершалось немало преступлений разного рода, которые не расследовались, дела о них, скорее всего, не возбуждались: как уже отмечалось, власти были заинтересованы, прежде всего, в том, чтобы призванные из запаса военнослужащие как можно скорее отправились на фронт (напротив, как видим, некоторые мобилизованные готовы были сидеть какое-то время в зак-

лючении, вместо того чтобы отправиться на позиции). В подобной ситуации даже по более серьезным преступлениям не всегда возбуждалось расследование⁵⁸.

К тому же в феврале 1916 года появилось высочайшее повеление об ограничении привлечения к судебной ответственности по данным статьям Уложения. 15-го числа председателям судебных палат и председателям окружных судов был направлен секретный циркуляр, подписанный министром юстиции А. Хвостовым. В нем сообщалось, что вследствие доклада министра 10 февраля император возложил на него на все время войны рассмотрение всех производящихся в судебных установлениях и могущих возникнуть вновь дел о преступных деяниях по статьям Уголовного уложения, предусматривающим ответственность за оскорбление царя и членов императорской семьи, на предмет обсуждения вопроса о возможности дарования высочайшей милости лицам, впавшим в означенные преступления по неразумению, невсестству, или в состоянии опьянения, или же под влиянием каких-либо связанных с чрезвычайными обстоятельствами военного времени причин, дающих основание для особого снисхождения к вине совершивших сии преступления. Во исполнение этого решения министр требовал выслать ему документы как подлежащие рассмотрению, так и дела, уже рассмотренные судом, но не приведенные еще к исполнению⁵⁹.

В последующие месяцы чиновники Министерства юстиции рассматривали сотни дел, поступивших из местных судов в Петроград, в большинстве случаев обвиняемые освобождались от уголовной ответственности. Практика же регистрации доносов и возбуждения дел по преступлениям этого сорта претерпела существенные изменения. власти все реже реагировали на «незначительные» случаи оскорбления членов императорской семьи.

Можно предположить, что наличие большого числа таких дел не только затрудняло деятельность судов, занятых рассмотрением более серьезных преступлений, но и могло стать нежелательной для властей демонстрацией состояния общественного сознания. Заведенные уже дела пересматривались, сводки дел, содержавшие рекомендации о прекращении или продолжении дела, составлялись в 3-м Уголовном департаменте 1-го отделения Министерства юстиции. Свои резолюции накладывали вице-директор департамента и товарищ министра, окончательное решение принималось от имени императора министром юстиции. Большое количество таких сводок сохранилось в фонде министерства в Российском госу-

дарственном историческом архиве, во всеподданнейших докладах министра юстиции по делам политическим и в докладах 3-го Уголовного департамента. Но далеко не все дела по оскорблению императорской фамилии попали в эти сводки. Так, там отсутствуют некоторые дела, выявленные нами в Государственном архиве Саратовской области и Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве⁶⁰.

Можно предположить, что немало таких дел отложилось в местных архивах. Однако количество дел, выявленных в РГИА, весьма значительно. Как отмечалось выше, в 1911 году было возбуждено 1203 дела. Е.Н. Тарновский же отмечал, что в годы войны количество таких дел сокращалось. Нам известно примерно полторы тысячи дел по оскорблению императорской семьи, возникших в связи с преступлениями, совершенными с июля 1914 года по декабрь 1916 года. Можно предположить, что мы располагаем информацией не менее чем о трети дел по оскорблению членов императорской семьи, возбужденных в годы войны.

В настоящем исследовании мы изучали 1462 случая оскорбления различных членов императорской семьи в 1914—1916 годах. Большая их часть взята из упоминавшихся сводок. Использовались также материалы документальных публикаций, дела, выявленные в других архивах, а также случаи, описанные уже исследователями.

Хотя, как правило, к ответственности привлекался человек, единожды оскорбивший одного члена императорской фамилии, в некоторых случаях в акте оскорбления участвовала какая-то группа. Оскорблять могли несколько раз, оскорблять одновременно могли нескольких членов царской семьи.

Нами учитывался каждый случай оскорбления одного члена царской семьи. Например, если крестьянин в 1915 году оскорбил царя, а в 1916 году нанес оскорбление царю и царице, то мы заносили это в соответствующие таблицы как три случая оскорбления. Если же три человека оскорбили совместно одного члена императорской семьи в течение одного дня, то нами это учитывалось как один случай.

Дела сопоставлялись, особое внимание уделялось повторяемости персонажей, сюжетов, речевых оборотов. Они также сопоставлялись с другими источниками, охарактеризованными выше, — переписка, цензурные сводки, дневники современников, памфлеты 1917 года.

В данной группе присутствуют прежде всего оскорбления четырех членов императорской семьи. Это сам император (1258 слу-

чаев), великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий с июля 1914 по август 1915 года, и вдовствующая императрица Мария Федоровна (соответственно 83 и 72 случая). Далее следует императрица Александра Федоровна (49 случаев).

По годам известные нам случаи оскорбления распределяются следующим образом (учитывались случаи, начиная с июля 1914 года):

	Император Николай II	Великий князь Николай Николаевич	Вдовствующая императрица Мария Федоровна	Императрица Александра Федоровна
1914	217	4	10	6
1915	629	65	46	28
1916	413	14	17	15
ВСЕГО	1258	83	72	49

Несколько случаев оскорбления великой княгини Елизаветы Федоровны, великой княжны Татьяны Николаевны, цесаревича Алексея Николаевича, великой княгини Марии Павловны (старшей), принца П.А. Ольденбургского, других членов царской семьи нами специально не рассматриваются. Не учитывались также случаи оскорбления покойных императоров, что также было основанием для привлечения к уголовной ответственности.

Приведенная таблица дает представление об объеме источников, использовавшихся в настоящем исследовании. Однако отметим сразу, что характер источников не дает возможности для широкого использования статистических методов. Так, данная таблица не дает картины динамики совершения этого преступления, ибо, как уже отмечалось, не все случаи регистрировались властями. Она не может дать даже картины возбуждения дел по интересующим нас статьям. Информация о делах, возбужденных во второй половине 1916 года, лишь начала поступать в Министерство юстиции ко времени Февральской революции. Так, нам известно лишь 8 случаев оскорбления императора в сентябре 1916 года, по 8 — в октябре и ноябре того же года и всего 2 случая в декабре. Информация о многих преступлениях, совершенных в конце 1916 — начале 1917 года,

просто не успела поступить в Министерство юстиции до свержения монархии.

Хотя подсчеты различных оскорблений и не имеют особого значения, данный комплекс источников представляет большой интерес для исследователей. Дела об оскорблении членов царской семьи интересны другим: они дают возможность зафиксировать такие образы членов императорского дома, которые отсутствуют в иных известных нам источниках.

Глава IV

ЛИКИ «ДЕРЖАВНОГО ВОЖДЯ»: ОБРАЗЫ НИКОЛАЯ II В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Нский житель Казани, человек явно консервативных взглядов, в декабре 1915 года писал члену Государственной думы И.В. Годневу: «У нас “слава Богу”, парламента нет. Есть только нечто при неограниченном монархе. Монарх этот избирает министров, облакает их своим доверием и утверждает; перед ним они только ответственны, а они действуют от его лица только и по его доверию. При таких условиях за все поступки этих лиц отвечает монарх. Злоба на него и на нем благодаря этому накапливается. Почему-то никто из избранных народа не подчеркнул этого министрам и императору, и не подчеркивает и теперь. Это ведь необходимо. Не может он совсем не дорожить мнением народа и уважением или неуважением к помазаннику. Не может же он не понять, что хулиганы не могут быть друзьями и помощниками его, не могут облакаться его доверием и не могут не разрушить обаяние и любовь к помазанникам. Ясно, что народ в конце концов вынужден будет признать, что помазанники перестали быть достойными помазания и обратились только во врагов народа. Все эти хулиганы роняют только престиж всего: и государя, и власти, и государства, это проповедь полной анархии, а не монархии»¹.

Автор, по всей видимости убежденный монархист, не исключает возможности того, что для людей его взглядов царь в силу своего особого положения может превратиться во «врага народа» в глазах самого «народа» вследствие политических ошибок и неудачного выбора помощников. Непредсказуемая траектория развития народ-

ного монархического сознания может в известной ситуации представлять опасность для государя, разрушить его обаяние, уничтожить народную любовь к нему. В начале войны ничто, казалось, не предвещало подобного изменения настроений.

1. Единство царя и народа:

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

С раннего утра 20 июля (2 августа) 1914 года толпы жителей российской столицы устремились к Неве, ожидая важного события.

Около часу дня император, императрица и царские дочери прибыли в Санкт-Петербург из Петергофа на яхте «Александрия» (наследник престола великий князь Алексей Николаевич был болен и не смог присутствовать на этой важной для династии церемонии). В устье Невы дредноуты «Гангут» и «Севастополь», новейшие и самые мощные корабли российского флота, приветствовали царский штандарт залпами своих орудий. На Английской набережной царь и члены его семьи пересели на паровой катер, который доставил их к Зимнему дворцу, выстрелы пушек Петропавловской крепости оповестили город о прибытии императора в его главную резиденцию. Царя и царицу встречали восторженные толпы, многие вставали на колени, люди кричали, пели гимн «Боже, Царя храни». Великая княжна Татьяна Николаевна записала потом в своем дневнике: «Масса народа на колсях крича ура и благословляя Папа и Мама»².

Царь подписал манифест об объявлении войны в Малахитовом зале Зимнего дворца. Манифест призывал к сплочению всего общества, всех народов России вокруг престола: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение ЦАРЯ с ЕГО народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага»³.

Затем в Николаевском зале дворца, заполненном членами императорской семьи, придворными, высшими чиновниками империи, генералами, адмиралами, офицерами гвардии и столичного военного округа, после торжественного зачтения манифеста в присутствии императора духовник царской семьи о. А. Васильев совершил торжественное молебствие о даровании победы над врагом. На аналое находились специально перенесенные во дворец почитае-

Илл. 1. Почтовая открытка (1914). Император Николай II, король Великобритании и Ирландии, император Индии Георг V, король Бельгийский Альберт I

мые верующими образа — чудотворная икона Спаса Нерукотворного из часовни Спасителя у домика Петра (этот образ сопровождал в походах первого российского императора) и «Казанская заступница» — чудотворная икона Казанской Божьей Матери из Казанского собора.

После молебствия император обратился с речью к присутствующим сановникам, придворным, представителям армии и флота, членам иностранных миссий. Он, в частности, сказал: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей». Речь эта была встречена приветственными криками.

Призыв императора нашел отклик у некоторых влиятельных современников, эти слова запомнились, так, великий князь Константин Константинович, через несколько дней приехавший в столицу, записал в своем дневнике 21 июля: «Узнаем, что накануне был Высочайший выход в Зимнем дворце и что Государь в чудесной речи сказал, что не положит оружия, пока хоть один неприятель не будет изгнан из пределов России»⁴.

Илл. 2. Почтовая открытка (1914). Император Николай II, король Великобритании и Ирландии, император Индии Георг V, президент Французской республики Р. Пуанкаре

Подобная оценка выступления императора подтверждается и описаниями реакции на выступление царя. В конце речи Николая II многие присутствующие во дворце опустились на колени, некоторые плакали. Раздались крики «ура», зазвучал гимн, затем началось пение молитв «Спаси, Господи, люди Твоя» и «Многая лета». Военные, высшие гражданские чины и придворные, собравшиеся во дворце, горячо выражали свою преданность императорской семье. Царь записал впоследствии в своем дневнике: «...дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня». Великий князь Николай Николаевич, только что назначенный Верховным главнокомандующим, провозгласил «ура» и опустился перед Николаем II на одно колено. Он вынул из ножен свою саблю и потрясал ею в воздухе, другие присутствовавшие генералы и офицеры также салютовали императору обнаженными клинками. Весь зал присоединился к пению гимна. Великая княжна Татьяна Николаевна так описала атмосферу, царившую во дворце: «Потом Папа им несколько теплых слов сказал, и они ужас как кричали. Чудно было хорошо»⁵.

Илл. 3. Обложка журнала (1914)

Современники заметили, что текст царского манифеста напоминал обращения Александра I при начале войны с Наполеоном в 1812 году⁶. И сам император, если верить воспитателю наследника П. Жильяру, сравнил 27 июля начавшуюся войну с Отечественной войной 1812 года: «Я уверен теперь, что в России поднимется движение, подобно тому, которое было в Отечественную войну 1812 г.»⁷.

Подобное настроение в начале войны разделяли многие русские патриоты самого разного толка. Очевидно, память о давнем конфликте, оформленная во многом романом Л.Н. Толстого и актуализированная во время недавнего юбилея, широко отмечавшегося в России в 1912 году, определяла и отношение к новой войне: «Россия чеховских рассказов вдруг переродилась в эпическую Россию толстовской «Войны и мира», — писало «Новос время» в самом начале войны. Желский журнал уже в номере от 1 августа отмечал: «Современная война — война народов, но для нас, русских, это такая же отечественная война, какой была война 1812 г.»⁸. Начавшуюся войну уже в августе 1914 года газеты называли «Второй оте-

чественной войной», потом это наименование проникло в официальные документы, затем она именовалась и Великой отечественной войной⁹.

После зачтения манифеста император и императрица появились на Среднем балконе, выходящем на Дворцовую площадь. Появление царской четы было встречено с восторгом большой толпой, собравшейся перед дворцом. Манифестанты держали государственные флаги и большие портреты императора¹⁰. Перед Николаем II склоняли флаги, часть собравшихся на площади опустилась на колени, раздались звуки гимна.

Реакцию толпы на Дворцовой площади невозможно понять, если не учитывать совершенно особую атмосферу, царившую уже на протяжении нескольких дней в столице Российской империи. С 13 июля жители города стали свидетелями патриотических манифестаций солидарности с Сербией. Как правило, манифестации формировались на Невском проспекте, одним из сборных пунктов был угол Садовой улицы, там, в витрине газеты «Вечернее время», вывешивались плакаты с последними новостями. Чаще всего манифестанты направлялись к зданию сербского посольства на Фурштатской улице, где русские общественные деятели и сербские дипломаты обменивались речами. Известие об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии, весть об объявлении мобилизации в России, наконец, новость об объявлении Германией войны России еще более подогревали настроение. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Да здравствует Сербия!», «Долой Австрию!», «Долой немцев!». Постоянно исполнялся гимн «Боже, царя храни» и песнопение «Спаси господи».

Обилие возбужденных людей на улицах столицы не могло не беспокоить власти, полиция вначале пыталась предотвратить патриотические манифестации. Впрочем, огромные толпы прорывали оцепления и доходили до сербского посольства. Однако полиция все же не допускала распаленных манифестантов к германскому и австрийскому посольствам, с этой целью даже устраивались импровизированные баррикады: полиция преграждала улицы, останавливая трамваи, дрожки извозчиков и телеги ломовиков. Уже 13 июля толпа поднимала национальный флаг, затем использование флагов стало массовым, манифестации иногда возглавлялись живописными группами знаменосцев. В тот же день отдельные группы манифестантов провозглашали здравицы в честь императора. Не позже 16 июля манифестанты стали использовать и большие портреты царя.

В эти дни патриотические манифестации состоялись также в Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, Одессе, Тифлисе и других городах империи. Однако движение на улицах столицы явно выделялось своим размахом. Полиция первоначально пыталась не пустить манифестантов и на Дворцовую площадь, однако к 8 часам вечера 17 июля несколько тысяч манифестантов, несущих национальные флаги, портреты царя и наследника, были туда допущены. «Знаменосцы», несущие портреты, выстроились перед дворцом большим полукругом, портреты осенили флаги. По команде руководителей манифестации тысячи людей опустились на колени и троекратно пропели «Боже, царя храни».

В последующие дни корреспонденты фиксировали все большее число портретов императора и цесаревича. Так, по Невскому циркулировал автомобиль, украшенный национальными флагами, его пассажиры, двое студентов, держали в руках большие портреты царя. Экзальтированная атмосфера на улицах столицы заставила писателя В.В. Розанова сравнить патриотические манифестации с великим христианским праздником: «Что-то неописуемое делается везде, что-то неописуемое чувствуется в себе и вокруг. Какой-то прилив молодости: на улицах народ моложе стал, в поездках моложе... В Петербурге ночью — то особенное движение и то особенное настроение, разговоры, тон, то же самое выражение лиц, какое мы все и по всем русским городам знаем в Пасхальную ночь»¹¹.

События 20 июля на Дворцовой площади были подготовлены манифестациями предшествующей недели, имевшими большое общественное значение, влиявшими на процессы принятия политических решений. Выход царя к народу стал кульминационной точкой этого движения. В нем стихийные импровизации уличной толпы дополнялись действиями различных организаций, прежде всего славянских обществ, которые направляли манифестации, организовывали порядок и, по-видимому, поддерживали контакты с властями.

Одним современникам запомнилось, что царь, вышедший на дворцовый балкон, крестился и плакал, но председатель Государственной думы М.В. Родзянко вспоминал эту сцену иначе: «Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды зашикали, но шум толпы, несмолкаемое “ура” не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения царя со своим народом, потом повернулся и ушел в покой». И современной монархической пропагандой

эта сцена, в которой царь безмолвствовал, а народ выражал свое мнение восторженными криками, изображалась как символ полного единства царя и народа. Газета «Новое время» писала даже не о единении, а о «полном и безраздельном слиянии Царя с народом»: устами царя-де говорит сам народ. Автор газеты, развивая эту тему взаимной любви народа и императора, писал: «В эту минуту казалось, что Царь и Его народ как будто крепко обняли друг друга и в этом объятии встали перед великой Родиной. Всюду глядели на Государя сквозь слезы — и это были слезы умиления и любви». В этих условиях никакие речи монарха и не были нужны: «Не слыша Государя, не зная, что Он говорил недавно там, во дворце, все понимали, что Он — сама любовь к народу, и в Его невольном безмолвии среди бури этих приветствий... Это был особенный разговор Царя с Его народом, им только понятный, после которого укреплется еще сильнее взаимная любовь, растет мужество и смело глядят глаза в будущее. ... Кто разорвет этот союз? Да живут Царь и народ!»¹²

Некоторые свидетели событий ценили сдержанность русского царя, противопоставляя ее театральным жестам германского императора в начале войны: «В то же самое время Вильгельм в Берлине произносил речи с балкона дворца перед огромной толпой, пытаясь разжечь своим красноречием патриотизм в сердцах людей. А Николай стоял перед своими подданными, не произнося ни слова, не деля ни жеста, и они опускались на колени в преклонении перед “белым царем”, даруя ему величайший час в его жизни!»¹³

Провинциальные издания, авторы которых не могли быть свидетелями событий на площади, добавляли новые живописные детали, преувеличивая масштаб и без того значительного события. Газета, выпускавшаяся во Львове после занятия города русскими войсками, так «вспоминала» тот день:

И когда была объявлена война, на огромной площади Зимнего дворца собралось более ста тысяч самой разнообразной публики. Тут были и рабочие, и чиновники, и студенты — тут были все.

Четыре часа стояла эта толпа, ожидая своего Государя, четыре часа титанический хор пел русский гимн, и когда на балконе Зимнего дворца появился Государь, поднялась буря, понеслось бесконечное ура, все как один упали на колени, и в воздух полетели тучи шапок¹⁴.

Под влиянием восторженных сообщений прессы в сознании ряда мемуаристов эта торжественная грандиозная церемония на

Дворцовой площади также запечатлелась еще более величественной, чем она была на самом деле. С. Булгаков, не бывший в это время в Петрограде и узнавший о церемонии объявления войны из газет, вспоминал ее так: «Начавшаяся война принесла неожиданный и небывалый на моем веку подъем любви к Царю. ...особенно потрясло меня описание первого выхода в Зимнем Дворце, когда массы народные, повинаясь неотразимому и верному инстинкту, опустились на колени в испуге и восторге, а царственная чета шла среди любящего народа на крестный подвиг. О, как я трепетал от радости, восторга и умиления, читая это. ... Для меня это было явление Белого Царя свосму народу, на миг блеснул и погас апокалипсический дух Белого Царства. Для меня это было откровение о Царе, и я надеялся, что это — откровение для всей России»¹⁵.

Действительно, сцена выхода императора на балкон обрастала все новыми подробностями. Автор одной газетной статьи писал о реакции простодушных призывников-крестьян, которые не были осведомлены о последних событиях. С жадностью они расспрашивали знающего человека, приехавшего в деревню из столицы, который смог, наконец, удовлетворить их любопытство:

Но больше всего произвело на них впечатление того, как Государь выходил на балкон Зимнего дворца и говорил с народом, что был на площади. Их особенно поразило то, как два десятка тысяч человек стали на колени и как все готовы были пролить кровь за отечество.

— Вот это так! — одобрили они и с грустью прибавляли:

— И ничего-то мы не знаем¹⁶.

Между тем их собеседник, воспринимавшийся крестьянами как эксперт, нарисовал воображаемую картину разговора императора со своим народом, разговора, которого в действительности не было. Воображение патриотов создавало такой идеальный образ объявления войны русским императором, который соответствовал их представлениям о единении царя и народа.

Даже авторы обличительных брошюр, в обилии появлявшихся в 1917 году после свержения монархии, вспоминали ту величественную церемонию:

В Петербурге народ опустился на площади перед царем на колени. Царь произнес речь, в которой, подражая своему прадеду, дал торжественное обещание не заключать мира до тех пор, «пока хоть один вооруженный

неприятель останется на земле русской». Это был великий момент, когда монархия вновь могла окружить себя нравственным ореолом, вновь утвердить себя в сознании народном...¹⁷

Некоторые современники, однако, считали, что Николаю II следовало бы ознаменовать начало войны более внушительными и горжественными символическими акциями: «Каким надо быть тупым и глупым, чтобы не понять народной души, и каким черствым, чтобы ограничиться поклонами с балкона... Да, Романовы-Гольштейн-Готторпы не одарены умом и сердцем», — записал в своем «дневнике» М.К. Лемке¹⁸. Подразумевалось, что царская семья, давно уже породнившаяся с немецкими правящими династиями, не может осознать величие национального сознания русского народа, поднявшегося на решительную борьбу с Германией. Однако, как уже отмечалось выше, весьма вероятно, что перед публикацией Лемке отредактировал свой «дневник», рисуя задним числом свои собственные взгляды более радикальными, ретроспективно делая их более оппозиционными, более враждебными царю и всей династии Романовых.

В то же время на некоторых современников манифесты военного времени произвели прямо противоположное впечатление. Москвич А. Шенрок в октябре 1914 года сравнивал высочайшие манифесты разных эпох: «Обыкновенно они бывали довольно официальны. Манифесты же Николая II чем дальше, тем больше становятся привлекательны по своей искренности и полному отсутствию германской надменности. Эти Манифесты вполне соответствуют духу Православного народа и Белого ЦАРЯ, Сына и Защитника Православной Церкви»¹⁹. Очевидно, автор, человек монархических взглядов, был заведомо предрасположен к положительному восприятию обращений императора. Однако, как видно, ранее он все же замечал в них некоторые черты «неискренности» и «германской надменности». Особая атмосфера, царившая в начале войны, и особенности монархической риторики военного времени способствовали национализации образа царя в его глазах.

После окончания церемоний в Зимнем дворце царская семья вновь поднялась на борт своей яхты, корабль взял курс на Петергоф. Современница, стоявшая в этот момент на берегу Невы, описывала императора, покидавшего столицу, она запомнила «одинокую фигуру на мостике яхты, в скванном приветствии поднявшую руку к козырьку морской фуражки, посреди столь шумных изъяс-

лений народного почтения и любви, какие, несомненно, редко выпадают на долю любого государя»²⁰.

Император был главным действующим лицом важного в политическом отношении церемониала объявления войны, он же, очевидно, был главным его сценаристом и режиссером. Однако церемония предоставляла возможность и для других импровизаций политического свойства. После отъезда царской четы манифестации перед дворцом продолжались. Порядок на Дворцовой площади охранялся добровольной охраной, во главе которой стоял член Государственной думы Н.Н. Лихарев, политик правых взглядов. Он разъезжал верхом на лошади в живописном боярском костюме. Затем многие манифестанты переместились на Марсово поле, деятели славянских обществ произносили речи, манифестации состоялись у английского, французского, сербского и болгарского посольств.

Однако вскоре выяснилось, что патриотические манифестации, использующие национальные и монархические символы, могут в известной ситуации представлять немалую опасность для общественного порядка на улицах столицы. Возбужденные толпы срывали вывески с надписями на немецком языке, били стекла в окнах немецких магазинов, крушили витрины в редакциях немецких газет. 22 июля толпы манифестантов с национальными флагами, состоящие в значительной степени из рабочих, стали собираться у германского посольства. С пением русского гимна они пытались пробиться в здание, и, хотя полиции удалось отгеснить большую часть манифестантов, кому-то удалось проникнуть в посольство. Из здания выкидывались немецкие флаги, знамена, портреты германского императора, которые рвались и сжигались. На месте германского герба был водружен российский флаг. С крыши посольства были сброшены массивные скульптуры. В то же время царские портреты, находившиеся в немецкой миссии, были торжественно вынесены, манифестанты пронесли их по улицам с пением русского гимна.

Действия толпы представляли собой своеобразную символическую победу над врагом, уничтожение символов противника осуществлялось почитанием национальной символики, и в том и в другом случае портреты монархов играли большую роль. Между тем в здании начался пожар, впоследствии в посольстве был обнаружен труп 62-летнего немецкого переводчика, который уже долгие годы жил в России. Хотя следствие, проведенное русскими властями,

утверждало, что он был убит кинжалом еще до штурма германской миссии, вся история со штурмом посольства и убийством служащего была крайне невыгодна России, она, казалось бы, подтверждала тезисы германской проаганды, изображавшей своего восточного противника страной варварской и дикой. Русские власти арстовали до сотни манифестантов, участвовавших в этом погроме. Однако немалая часть общественного мнения с одобрением восприняла нападение на немецкое посольство. Публика в кинематографах столицы с восторгом встречала кадры кинохроники, демонстрирующие злание после разгрома, воспринимавшегося как первая русская победа над врагом²¹.

Опасность неконтролируемых проявлений патриотизма и монархизма была осознана властями, 23 июля все манифестации в столице были запрещены распоряжением градоначальника, затем эта мера была распространена и на Санкт-Петербургскую губернию.

Эти распоряжения предотвратили в Санкт-Петербурге манифестации, вызванные вступлением в войну Великобритании. К зданиям Русско-английской торговой палаты и британского посольства направлялись большие толпы людей с флагами и портретами царя и английского короля, однако полиция препятствовала публике собираться. Полиция не могла полностью запретить состоявшуюся через несколько дней франко-бельгийскую демонстрацию, участники которой склоняли национальные флаги перед большим портретом царя, выставленным в конторе газеты «Вечернее время» на углу Невского и Садовой. Однако затем они по предложению полиции спокойно разошлись. Последовавшие 21 августа манифестации по случаю занятия русскими войсками Галича и Львова также предотвращались властями, полиция предлагала публике расходиться²².

В других городах империи манифестации не отменялись, но и там патриотические демонстрации перерастали порой в погромы. Так, в Николаеве толпа демонстрантов учинила разгром популярного в городе «петербургского» кафе, принадлежащего германоподданной²³.

Запрещая в столице уличные манифестации, власть использовала для патриотической мобилизации хорошо организованные официальные церемонии. 26 июля в Зимний дворец прибывали члены Государственного совета и Государственной думы, ранее распущенных до осени, но специально созванных по случаю начала войны. Набережная перед дворцом вновь была усыпана па-

родом, оживавшим приезда императора. В залах же дворца, по сообщению корреспондента, «расшитые мундиры придворных и министров смешались с сюртуками и фраками депутатов»²⁴. Подобное стилистическое «смешение» символизировало единство правительства и представительства, власти и общества. К моменту же прибытия императора «мундиры» были отделены от «сюртуков» и «фраков»: присутствующие расположились, следуя указаниям церемониймейстеров, в строго установленном порядке в громадном Николаевском зале.

Во время этой церемонии Николай II издал и новый манифест об объявлении состояния войны с Германией и Австро-Венгрией. Составителям царского манифеста удалось подобрать удачные образы, запоминающиеся слова, которые нашли отзвук в сознании многих жителей империи. Там, в частности, говорилось: «Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце»²⁵.

Этот яркий призыв к религиозно-милитаристской мобилизации страны впоследствии не раз цитировался современниками. Патриотическое стихотворение, опубликованное в массовом журнале, гласило:

С крестом в сердцах, железо взявши в руки,
Они идут, отвагою горя.
Пусть враг грозит, готова злые муки,
Они идут без трепета разлуки,
Чтоб умереть за братьев и царя²⁶.

Показательны и названия нескольких художественных произведений, опубликованных в годы войны, они также цитировали слова царя²⁷. Под заголовком «С крестом на груди, с железом в руках» иллюстрированный журнал «Искры» опубликовал рисунок английского художника, который был посвящен дню объявления войны в русской столице: старый дворцовый гренадер, ветеран многих сражений, украшенный боевыми наградами, смотрит вслед уходящим войскам с тревогой и надеждой²⁸.

Вернемся к событиям 26 июля. Император, одетый в походную форму, вместе с Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем вышел к депутатам Государственной думы, членам Государственного совета, министрам и придворным чинам, собранным в Николаевском зале. Царь произнес речь, по-

священную монархическо-патриотической мобилизации, он, в частности, отметил, что «огромный подъем патриотических чувств любви к родине и преданности к Престолу, который как ураган пронесся по всей земле Нашей, служит в моих глазах и, думаю, в ваших, ручательством в том, что Наша великая матушка Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до желанного конца». После речи царя зазвучали крики «ура», раздалось пение государственного гимна.

Затем выступили председатели палат. Прием в Зимнем дворце выглядел как яркая демонстрация патриотической и монархической мобилизации всего общества — представители всей страны демонстрировали свою готовность объединиться вокруг императора. Генерал Д.Н. Дубенский, «летописец царя» эпохи войны, так описывал это событие в официальном издании, подготовленном Министерством императорского двора: «В ответ на государев призыв выступили председатели обеих палат и выразили от лица всех собравшихся глубокое чувство преданности своему монарху...» Действительно, эта тема звучала в обоих выступлениях. И.Я. Голубев, председатель Государственного совета, заявил: «Единение возлюбленного Государя и населения империи Его усугубляет ее мощь». М.В. Родзянко, председатель Государственной думы, отметил: «Пришла пора явить миру, как грозен своим врагам русский народ, окруживший несокрушимую стеной своего венчепосного вождя с твердой верой в небесный Промысел». По свидетельству некоторых современников, царь слушал эти речи со слезами на глазах. Когда император покинул зал, присутствующие пели «Спаси, Господи, люди Твоя»²⁹.

Рисунки торжественного приема в Зимнем дворце 26 июля печатались в иллюстрированных журналах³⁰. Очевидно, художники либо лично присутствовали на церемонии, либо опирались на рассказы присутствовавших (во дворец на этот раз были приглашены и видные представители русской печати — всего до тридцати человек).

После приема во дворце состоялись отдельные заседания Государственной думы и Государственного совета. Дубенский писал, что они были «единодушным выражением горячего патриотизма и горячей любви к царю и родине»³¹.

Это категорическое утверждение «царского летописца» не вполне соответствовало действительности. Некоторые депутаты Думы, призывавшие к патриотической мобилизации в своих речах,

не упоминали вообще об императоре, а социал-демократ, меньшевик В.И. Хаустов вообще осудил войну и милитаризм. В то же время для ряда думцев и членов Государственного совета монархизм и патриотизм были слиты воедино, об этом свидетельствуют их выступления.

Тема единства царя и народа звучала и в выступлении представителя Центра графа В.В. Мусина-Пушкина, депутата от Московской губернии: «...бывают моменты в жизни народа, когда все мысли, все чувства, все порывы народа должны выразиться в одном клике. Да будет этот клик: “Бог, Царь и народ” — и победа над врагом обеспечена». Пресловутую традиционную верность остзейского дворянства поспешил засвидетельствовать барон Г.Е. Фелькерзам, депутат Курляндской губернии: «Ископни верноподданное население Прибалтийского края готово, как всегда, встать на защиту Престола и отечества». Лидер националистов П.Н. Балашев, депутат Полольской губернии, утверждал: «В полном единении с нашим Самодержцем пройдем сквозь строй всех испытаний, каковы бы они ни были, и достигнем святой цели»³².

Перед депутатами Думы выступили представители правительства — председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, министр финансов П.Л. Барк, но наибольший успех выпал на долю министра иностранных дел С.Д. Сазонова, передавали, что текст его речи подготовил князь Г.Н. Трубецкой. Министр закончил свое выступление со слезами в голосе, все депутаты, стоя, приветствовали его³³.

Консервативных публицистов необычайно умиляли патриотически-монархические манифестации большинства депутатов Думы. М.О. Меньшиков, преувеличивая степень единства думцев, писал в «Новом времени»: «Левые так же бурно и так же единодушно кричали “ура”, рукоплескали патриотическим девизам, восторженно пели “Боже, Царя храни”, — как Пуришкевич и Марков»³⁴.

Еще более определенно тема единства царя и народа звучала в выступлениях многих членов Государственного совета. И.Я. Голубев отметил, что «Россия всегда черпала силы и крепость в непрерывном единении со своим Царем. При наступившем тяжелом испытании это единение усугубляет мощь России». Д.П. Голицын-Муравлин заявил: «С Царем и за Царя, и Россия победит». Д.Д. Grimm трактовал тему единения несколько по-другому, он отмечал, что императору «благоугодно было созвать Государственный совет и Государственную думу, дабы быть в полном единении со Своим народом». Иначе говоря, лишь работа палат может слу-

жить необходимым условием выражения единства царя и народа. В этой же ситуации, по словам Гримма, «мы обращаем наши взоры на Верховного Вождя нашей русской армии и флота, на нашего Монарха, который в своей священной Особе олицетворяет единство, мощь и славу нашего отечества»³⁵.

Как видим, столь распространенная после начала войны тема единства царя и народа имела различные оттенки: в одних случаях это единство рассматривается как величина постоянная, в других же оно обуславливается, оно является следствием определенных верных действий императора, который должен опираться на народных представителей.

Различные патриотические резолюции 1914 года также всячески развивали тему единства народа и государя, которое служит залогом грядущей победы. Так, резолюция, вынесенная Саратовской городской думой 25 июля, гласила: «Сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войны». О том же писали и многие ведущие газеты. Московское «Утро России» заявляло: «В этот великий момент вся Россия в едином порыве доверия и любви сплачивается вокруг своего Державного Вождя, вельдущего Россию в священный бой с врагом славянства»³⁶.

Другая важная церемония, связанная с объявлением войны, состоялась в начале августа в Москве, куда отправилась царская семья. В официальной пропаганде цель визита объяснялась так: «Ища благодатной помощи свыше, в тяжелые минуты переживаний Отечества, по примеру древних русских Князей и Своих Державных предков ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО с ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ и со всем Августейшим Семейством изволил прибыть в Первопрестольную столицу, чтобы поклониться московским святыням и помолиться древней Троице, у гробницы Небесного Заступника и Предстателя у Престола Божия за Русскую Землю, Св. Преподобного Сергия»³⁷. Царь на глазах у всей страны обращался к древней (в действительности же «изобретенной») традиции, стремясь использовать ее для патриотической мобилизации.

4 августа император и его семья прибыли в Москву. На вокзале исполняющий обязанности городского головы В.Д. Брянский преподнес царю хлеб и соль, его приветственная речь также была посвящена теме несокрушимого и полного единства императора и народа: «Великий народ слился со своим царем. Никто не разлучит их. Он знает, что с державным вождем, призвавшим его к государственному строительству, он придет в царство силы и мира».

Эти слова точно передавали замысел императорского визита в древнюю столицу: он должен был стать демонстрацией абсолютно-го «слияния» народа и царя. В разных вариациях эта тема развивалась консервативной печатью, «Новое время» писало: «Царь в сердце России, в Москве! Сюда пришел Державный вождь в годину испытаний, чтобы здесь в единении с народом помолиться и принять благословение вековых русских святынь на великое бранное дело за родину».

Огромный город торжественно встречал российского императора. Задолго до приезда царской семьи Москва готовилась к его приезду. Город расцвел флагами, многие дома были задрапированы цветами национальных флагов, в витринах богатых магазинов белели элегантно декорированные бюсты царя и царицы. Затем появилась и востребованная покупателями новинка — бюст наследника в казачьей форме. На окнах и балконах были выставлены портреты царя, его бюсты. На Тверской улице на всех трамвайных столбах устроены корзины с цветами. Накануне визита пресса специально оповещала, что доступ к путям царского проезда будет совершенно открыт для народа, очевидно, власти были заинтересованы в том, чтобы встреча императорской семьи стала действительно народной, массовой. Таковой она и была: по пути следования императорского кортежа в Кремль за рядами войск, одетых в походную форму, стояли сотни тысяч москвичей. Царский автомобиль забрасывали цветами, гремели колокола церквей, духовенство выходило из своих храмов и благословляло императора³⁸.

Между тем наследника и по приезде в Москву продолжали беспокоить сильные боли, однако на этот раз царская чета пожелала, чтобы великий князь Алексей Николаевич непременно принял участие в важной официальной церемонии. Воспитатель цесаревича записал в своем дневнике: «Когда сегодня Алексей Николаевич убедился, что не может ходить, он пришел в большое отчаянье. Их Величества тем не менее ршили, что он все же будет присутствовать при церемонии. Его будет нести один из казаков. Но это жестокое разочарование для родителей: они боятся, будто в народе распространится слух, что царевич калека»³⁹.

Действительно, эти опасения подтвердились: болезнь наследника способствовала распространению всевозможных слухов, неблагоприятных для царской семьи. Генерал Спиридович впоследствии вспоминал:

В народе много про это говорили. И когда, как в сказке, прошел по устланном красным лестнице и помосту блестящий кортеж из дворца в Успенский собор и скрылся там, в толпе стали шептаться о больном наследнике, о Царице.

А та, бедная, не менее его больная нравственно, чувствуя на себе как бы укоры за больного ребенка, сжав губы, вся красная от волнения, старалась ласково улыбаться кричавшему народу. Но плохо удавалась эта улыбка Царице, бедной больной Царице... И, теперь, после прохода шествия, народ по-своему истолковывал эту улыбку. И не в пользу белой Царицы, так горячо и искренно любившей свою вторую родину и принесшей ей, того не желая, так много вреда. И когда, после службы, принимая доклады, я выслушивал немногословные, но выразительные фразы, которые слышны были в толпе про Царицу и «старца», нехорошее чувство закипало по адресу тех, кто провёл его во дворец⁴⁰.

Разные периодические иллюстрированные издания по-разному осветили этот эпизод, по-разному знакомили с ним своих читателей. «Огонек», например, поместил на обложке снимок выхода царской семьи, при этом казак императорского конвоя, несущий царевича на руках, оказался в центре композиции⁴¹. Но, как правило, публиковались такие фотографии, на которых внимание читателей привлекали прежде всего фигуры царя и царицы, больной наследник оказывался на втором плане либо вообще не попадал в кадр. Впрочем, и публикация «Огонька» не могла не пройти цензуру Министерства императорского двора. Поэтому нельзя не признать, что редакторы иных иллюстрированных изданий по собственной инициативе проявили известный такт, не привлекая внимания общественного мнения к болезни цесаревича.

5 августа в старых залах Большого Кремлевского дворца состоялся высочайший выход. При вступлении императорской семьи в Георгиевский зал были произнесены приветственные речи губернским предводителем дворянства, исполняющим должность московского городского головы, председателем Московского губернского земства и старшиной купеческого сословия.

Затем выступил император. Николай II подчеркивал особое значение своего патриотического паломничества в Москву: «В час воспной грозы, так внезапно и вопреки моим намерениям надвинувшейся на миролюбивый народ мой, я, по обычаю державных предков, ишу укрепления душевных сил в молитве у святых московских, в стенах древнего Московского Кремля». Царь также от-

мечал, что вся страна в дни войны объединилась вокруг престола: «Такое единение Моих чувств и мыслей со всем Моим народом дает Мне глубокое утешение и спокойную уверенность в будущем».

Император и его семья вышли на Красное крыльцо, по помосту они проследовали в Успенский собор, где приложились к святыням. Из собора царская семья направилась в Чудов монастырь. Там было совершено молебствие, после чего император и императрица прикладывались к мощам св. Алексия, митрополита Московского. Затем царская семья возвратилась в Большой Кремлевский дворец.

Последующие дни пребывания императорской семьи в Москве также были заполнены различными мероприятиями, официальные присымы чередовались с посещением госпиталей и поездками к святыням. Император принял городских голов, съехавшихся в Москву для обсуждения вопросов об оказании помощи раненым и больным воинам.

8 августа царская семья посетила Троице-Сергиеву лавру. В лаврском соборе было совершено молебствие. Затем император и императрица приложились к раке с мощами преподобного Сергия. Архимандрит Товия благословил Николая II иконой явления Божией Матери преподобному Сергию, написанной на гробовой доске преподобного Сергия. Эта икона со времен Алексея Михайловича сопровождала русских царей во время военных походов (впоследствии она по повелению царя была перевезена в походную церковь Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича). Приняв благословение, император, императрица и их дети посетили Серапионовскую палату, Никоновскую церковь, митрополичьи лаврские покои.

После этого царская семья выехала в Царское Село (до отъезда в Москву она жила в Петергофе)⁴².

Итак, в первые недели войны император уделил много времени и внимания государственным и религиозным церемониям, которые должны были способствовать патриотической, монархической и религиозной мобилизации общества в условиях войны. Центральное место в этих церемониях занимала тема единства, взаимной любви царя и его народа, этот мотив доминировал в официальной пропаганде и в последующее время.

С одной стороны, отмечалось, что любовь императора к своей стране во время войны проявилась особым, невиданным ранее образом. «Летописец» царя генерал Д. Дубенский писал: «Мы...

стремились передать только наиболее характерные черты трудовой жизни ЦАРЯ в минувшие месяцы первого года войны, когда безграничная ГОСУДАРЕВА любовь к России, русскому народу, русскому солдату выразилась так ярко, так завлекательно». С другой стороны, и нарастание патриотических настроений в стране описывалось как усиление любви народа к своему императору: «Мы не погрешили бы против истины и справедливости, если бы сказали, что каждый месяц войны укреплял в сознании всех граждан российских убеждение своего единства с ЦАРЕМ и Отечеством...» О неуклонном нарастании верности народа своему монарху автор писал и на других страницах этого издания: «...в настроении крестьянства, рабочих, без всякого преувеличения видна искренняя преданность ЦАРЮ, и никогда еще за последние годы ВЫСОЧАЙШАЯ Власть, Самодержавие Государя не ценились так высоко в общем сознании народной массы, как в это трудное время на Руси»⁴³.

Можно с уверенностью утверждать, что монархические церемонии, ознаменовавшие начало войны, вызвали немалый общественный интерес. Фотографии, зафиксировавшие их, печатались в вездущих иллюстрированных изданиях. Они перепечатывались, легально, а порой нелегально, или не вполне легально (т.е. без соответствующего одобрения цензуры Министерства императорского двора) производителями почтовых открыток, которые, очевидно, рассчитывали на массовый спрос, что является косвенным, но убедительным свидетельством усиления монархических настроений в связи с началом войны.

Но этот процесс имел и обратную сторону. Современный исследователь придворной цензуры обоснованно отмечает, что уже к середине XIX века прежняя монополия царской власти на репрезентацию своего образа оказалась фактически утраченной, это было связано прежде всего с развитием издательского дела. Производители посуды, платков и прочих предметов быта также постоянно стремились использовать портреты членов императорской семьи, их вензеля и пр. — одни руководствовались монархическими и патриотическими соображениями, а другие желали извлечь прибыль, используя в своих интересах популярный и востребованный образ, «бренд». Этот процесс «неконтролируемой репрезентации» русские монархи пытались регулировать с помощью цензуры Министерства императорского двора. Однако решить эту задачу полностью не удалось: постоянно возникали ситуации, когда соответствующие товары производились без всякого разрешения при-

дворной цензуры. Положение еще более изменилось после начала войны: начиная с 1914 года придворная цензура начинает давать на производство таких товаров разрешения, получение которых ранее было крайне затруднительно, а то и вовсе невозможно. В предреволюционные годы цензурой Министерства императорского двора был разрешен к выпуску еще целый ряд изделий с портретами особ императорской фамилии, предназначенных для продажи населению, пропуск которых раньше, до войны был немыслим. В продажу поступили металлические пакатунки и жестяные коробки для конфет, фарфоровые и стеклянные стаканы, кувшины и вазы, настенные клески и даже швейные машинки с высочайшими портретами. Современный исследователь С.И. Григорьев, изучавший историю придворной цензуры, отмечает, что война заставила Министерство императорского двора отказаться от одного из важнейших цензурных правил — контроль придворного ведомства над продукцией, содержащей изображения членов царской семьи, был существенно ослаблен⁴⁴.

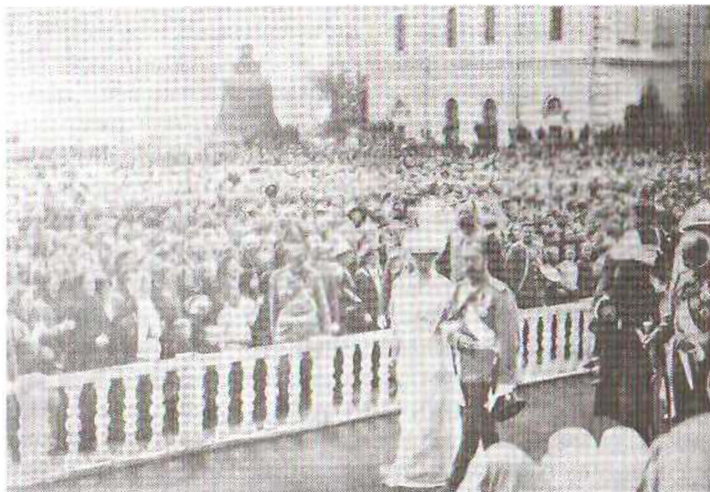
Возможно, ситуация была еще более драматичной. Так, многие открытки с изображением Николая II и членов его семьи были одобрены не придворной, а военной цензурой, влияние которой существенно возросло, т.е. цензура Министерства императорского двора потеряла свое монопольное положение контролера царской репрезентации в общей системе цензурных ведомств. Порой же издатели явно печатали подобные открытки на свой страх и риск, вообще не испрашивая разрешения у какого-либо цензурного ведомства. Очевидно, что преследование нарушителей закона, тиражировавших образы монархии без надлежащих разрешений, в военных условиях было сопряжено с очевидными политическими издержками: инициаторов подобных расследований и дознавателей сами обвиняемые могли бы обвинить в антипатриотическом поведении, препятствующем единению царя и народа.

В годы Первой мировой войны контроль над репрезентацией монархии был полностью утерян, и это стало косвенным результатом масштабной монархически-патриотической мобилизации: публичные демонстрации любви к императору, вне зависимости от степени их искренности, в условиях войны невозможно было полностью регламентировать, направлять и дозировать даже в том случае, если они внушали опасения властям разного уровня. Складывалась парадоксальная ситуация: именно подъем патриотических и монархических настроений явно подрывал монополию Мини-

стерства императорского двора, стремившегося полностью поставить под свой контроль производство и тиражирование образов монархии. Вызов министерству бросали не только военные цензоры и энергичные предприниматели, но даже... некоторые члены императорского дома. Уже в январе 1915 года киевский губернатор издал циркуляр, основанный на послании Капцелярии Министерства императорского двора. Указывалось, что конторы дворов особ императорского дома дают разрешения на помещение в печатных изданиях статей и рисунков, относящихся к одному из членов императорской фамилии. Отмечалось, что и в этом случае статьи и рисунки должны быть предварительно представлены на рассмотрение придворной цензуры⁴⁵.

С большой долей уверенности можно предположить, что речь прежде всего могла идти о публикациях, посвященных Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу. В августе 1915 года, при обсуждении вопроса о военной цензуре в Государственной думе, киевский депутат А. И. Савенко критиковал цензурные учреждения в своем крас: «В течение целого года не позволяли напечатать кому бы то ни было портрет великого князя Николая Николаевича»⁴⁶. Возможно, киевские цензоры не желали содействовать чрезмерной популяризации Верховного главнокомандующего, затмевающего образ царя. Однако, скорее всего, они действовали формально, в соответствии с имеющимися установлениями, требуя представить разрешение от придворной цензуры. Но как могли воспринимать русские патриоты весть о том, что публикация портретов прославляемого официальной пропагандой полководца, популярного в обществе великого князя, встречает препятствия со стороны различных цензоров и самого Министерства императорского двора?

С другой стороны, и явные мошенники пользовались патриотическим подъемом в своих целях. В феврале 1915 года киевский губернатор циркулярно извещал, что «за последнее время участились случаи незаконных сборов, при этом, под видом патриотической цели, неблаговидные люди эксплуатируют доверчивую публику»⁴⁷. Трудно представить, чтобы предприимчивые дельцы, продававшие патриотические и монархические открытки, заручались одобрением цензуры. Однако подобное направление преступной деятельности служит самым убедительным свидетельством патриотического подъема в начале войны. Так, некие «аферисты благотворительности» продали два миллиона открыток, выручен-

Илл. 4. Пребывание царской семьи в Москве 4—7 августа 1914 г.
Шествие в Кремле

ные средства должны были пойти на изготовление респираторов, предохраняющих солдат от газов, однако большая часть денег была присвоена шиничными дельцами. Весьма вероятно, что среди проданных этими правонарушителями открыток были и портреты членов царской семьи, они выпускались в это время различными организациями, чтобы собрать деньги на патриотические нужды. Так, например, община Св. Евгении Красного Креста, известная своими художественными изданиями, издала известный красочный портрет царя работы Б.М. Кустодиева. Портрет, наклеенный на паспарту, стоил 1 рубль, а портрет в особой рамке под стеклом — 4 рубля⁴⁸. Очевидно, подобные издания находили спрос.

В некоторых случаях на почтовых открытках воспроизводились и тексты речей царя. Так, на одной из них было напечатано выступление Николая II в Большом Кремлевском дворце, оно сопровождалось публикацией известной фотографии императора, на которой он запечатлен в облачении московского царя XVII века. Интересно, что в условиях обращения Николая II к «древней» традиции посздки в Москву оказалась востребованной именно такая репрезентация царя. Она, однако, встречается крайне редко. С самого начала войны император культивировал совершенно иной образ.

Как убедительно показал профессор Р. Уортман, Николай II ориентировался во время своего царствования на некоторые образ-

цы. Это образы «московского» царя, царя-«богомольца» и, наконец, образ «венценосного труженика»⁴⁹.

Образы «московского царя» и «богомольца» в какой-то степени использовались и в связи с началом войны, прежде всего во время упоминавшегося уже визита-паломничества в Москву. Но все же доминировал образ «венценосного труженика», который в соответствии с задачами момента еще более милитаризировался, а отчасти и «демократизировался», представлялся все более народным, намеренно-простым.

Разные периодические издания по-разному описывали форму, избранную императором для церемонии подписания манифеста 20 июля. «Новое время», например, утверждало, что царь был в форме лейб-гвардии Преображенского полка, с Андреевской лентой. Между тем «Газета-копейка» сообщала: «Верховный Вождь русской армии был в походной форме, так много и красноречиво говорившей в данный момент»⁵⁰. Действительно, император носил кожаный ремень, в то время как всем присутствующим военным и гражданским чинам предписывалось явиться во дворец в парадной форме, соответственно военные носили парадные ремни. Интересно, однако, что журналисты желали видеть царя в походной армейской форме еще до того момента, как он ее надел.

Свою приверженность походной форме император демонстрировал и позднее. Царь тем самым подчеркивал свою связь с многочисленными пехотными армейскими полками, на которые и должна была лечь главная тяжесть испытаний военного времени.

Переодевание в походную армейскую форму было своеобразной международной монархической модой 1914 года, европейские государи в это время отказывались от обычных ярких парадных мундиров своих излюбленных гвардейских полков. На новом официальном портрете и германский император был изображен «в походной форме». Правда, Вильгельм II все же не смог отказаться от аксельбантов и нескольких орденов, однако на прусскую каску с высоким шишаком был надет чехол защитного цвета. Во всяком случае, по сравнению с русским императором он выглядел более парадно. А при поездках на фронт германский император прикреплял даже к поясному ремню пистолет в кожаной кобуре⁵¹.

Многие российские периодические издания сопровождали публикацию царского манифеста официальными портретами императора. Нередко использовался погрудный портрет, на котором Николай II был запечатлен в парадной форме лейб-гвардии Пре-

ображенского полка. Пользовался популярностью также портрет царя в парадной морской форме капитана 1-го ранга: император картинно облокотился на рукоятку палаша. Между тем царь продолжал корректировать свой официальный образ.

Как уже отмечалось выше, к депутатам Государственной думы и членам Государственного совета он вышел в походном обмундировании. На официальных церемониях во время визита в Москву Николай II также носил ордена и орденскую ленту. Однако, например, во время посещения Солдатенковской больницы он также был одет в полевую форму с ремнями⁵².

Приверженность полевой форме император сохранил и в последующее время, хотя иногда церемониал требовал от него ношения множества наград. «Пошел пораньше к докладу, оделся в китель со всеми орденами и в 12 ч. поехал с Алексеем встречать японского принца Канина», — записал царь в своем дневнике 11 сентября 1914 года⁵³. Но сама запись такого рода свидетельствовала о том, что ношение множества орденов становилось для императора чем-то особенным, не вполне обычным.

Новому внешнему виду царя уделяли внимание и официальные издания. Снимок, сделанный в Ставке Верховного главнокомандующего в сентябре 1915 года, запечатлел императора в простой шинели без пуговиц⁵⁴. И позднее царь предпочитал носить такую шинель. В официальных изданиях подписи к портретам специально указывали: «Его императорское величество государь император Николай Александрович в походной форме»⁵⁵.

Образ императора, носящего простую полевую форму армейского офицера, стал важной частью его постоянной официальной репрезентации. Именно такие образы тиражировались и распространялись, а это, по крайней мере первоначально, не могло происходить без одобрения цензуры Министерства императорского двора. Очевидно, такие образы пользовались и некоторым спросом: показательно, что подобные портреты выпускали коммерческие издательства, назначая при этом солидную продажную цену. Так, например, в феврале 1915 года в книжных магазинах «Нового времени» продавалась репродукция в красках с портрета царя в походной форме, написанного художником Н.И. Кравченко, составляющая собственность императора (в рекламном объявлении указывалось, что по своей величине этот портрет самая большая фототипия в красках, исполненная известной художественной типографией «Голик и Вильборг»). Стоимость репродукции составляла 3 рубля⁵⁶.

Со временем Николай II даже заменял армейский китель простой гимнастеркой, она стала его повседневной одеждой (до войны он часто использовал шелковую малиновую рубашку — особую «русскую» форму стрелков императорской фамилии): «По своему обыкновению, он был в простой суконной рубахе, цвета “хаки”, с мягким воротником и полковничьими погонами с вензелями Александра III, в высоких шагреневых сапогах и подпоясан обыкновенным форменным ремнем», — вспоминал генерал Ю.Н. Данилов, часто видевший императора в Ставке Верховного главнокомандующего⁵⁷.

Вплоть до награждения орденом Св. Георгия 4-й степени царь, как правило, не носил никаких наград. Он, пожалуй, выглядел скромнее, чем большинство офицеров его армии, от которых его отличали лишь вензеля на погонах. Демонстративно скромный император порой явно выделялся на фоне своей свиты, выглядевшей гораздо более живописно. Это, очевидно, и соответствовало намерениям царя: его невероятная «обычность» должна была выглядеть необычной, его скромный вид должен был поражать воображение верноподданных, которым следовало восхищаться величественной простотой великого царя, объединяющегося со своим народом. О подчеркнутой простоте Николая II писало и официальное пропагандистское издание: «Эта простота ГОСУДАРЯ, эта любовь к труду, к русскому обиходу составляют одну из замечательных характерных особенностей жизни ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Ничего показного, ничего торжественного»⁵⁸.

И русская газета, выходившая во Львове, также сочла необходимым отметить эту царственную простоту императора: «Новых подданных Белого Царя приятно порадовала ласковая простота обращения Государя. Его простой мундир и, несмотря на всю простоту, царственный вид»⁵⁹.

В июле 1915 года, в годовщину начала войны ряд изданий опубликовали портреты Николая II. Официальная «Летопись войны», одно из наиболее популярных изданий той поры, серьезно повлиявшее на традицию формирования зрительных образов Первой мировой войны в России, напечатала портрет Николая II в гимнастерке, с орленом Св. Георгия 4-й степени (работы художника академика П.С. Ксидиаса). Этот же портрет открывал и пропагандистское издание Министерства императорского двора, посвященное царским поездкам по стране⁶⁰. Вряд ли это было случайным.

Именно подобное изображение императора — георгиевского кавалера должно было стать его новым официальным образом, так он изображался на различных патриотических плакатах. Портрет работы Ксидиаса был выпущен известной петроградской типографией «Голике и Вильборг». Министерство императорского двора рекомендовало его для приобретения различным правительственным ведомствам, находя портрет «наиболее удачным как по сходству, так и по художественности исполнения». Поэтому придворное ведомство сочло желательным «возможно большее» распространение его среди народа. Рекомендовалось украсить присутственные места империи именно таким изображением императора. В январе 1916 года Министерство юстиции циркулярно информировало председателей и прокуроров судебных мест о необходимости приобретения данных портретов⁶¹.

Правда, в некоторых ситуациях император носил иную форму. Иногда он считал нужным облачаться в китель с аксельбантами. Так, например, он был одет во время политически важного заседания Совета министров в Ставке Верховного главнокомандующего 14 июня 1915 года⁶². При посещении военных кораблей и морских портов Николай II носил морскую форму, при посещении казачьих областей и казачьих воинских соединений — казачью. Если верить официальным пропагандистским изданиям, то облачение царя то в походную шинель, то в кавказскую военную форму (при посещении Кавказа) с необычайной радостью воспринималось русскими солдатами и местным населением⁶³.

Однако показательно, что в гимнастерке царь запечатлен на официальных портретах военной поры и даже на семейных групповых фотографиях (некоторые из них публиковались в прессе уже в годы войны).

Очевидно, для императора ношение простой армейской полевой формы не было случайным — он необычайно внимательно относился к подобным знакам своей репрезентации, меняя свои мундиры в различных ситуациях. Можно с большой долей уверенности предположить, что тем самым царь демонстрировал свою постоянную солидарность с простым армейским офицерством, с фронтовиками. Подобная внешняя «демократизация» образа монарха должна была служить задачам патриотической мобилизации населения огромной империи.

2. «ДЕРЖАВНЫЙ ХОЗЯИН» ОБЪЕЗЖАЕТ СВОИ ВЛАДЕНИЯ: ПОЕЗДКИ ИМПЕРАТОРА И МОНАРХИЧЕСКИ-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Важным элементом репрезентации монархии в годы войны были поездки царя по стране. Первый после посещения Москвы такой визит состоялся во второй половине сентября 1914 года.

Члены императорской семьи издавна считали, что поездки царя по России, прежде всего его встречи с войсками, служат важнейшим средством монархической и патриотической мобилизации общества. Императрица Александра Федоровна писала Николаю II еще в годы Русско-японской войны: «Я люблю милых солдат и хочу, чтобы они увидели тебя, прежде чем отправиться сражаться за тебя и за твою страну. Совсем другое дело — отдать жизнь, если ты видел своего императора и слышал его голос ...»⁶⁴ По мнению царицы, разделявшимися некоторыми другими представителями правящей династии, личная встреча русских воинов со своим царем необычайно воодушевляла офицеров и солдат, помогала им преодолеть страх смерти.

О том же она писала императору и во время Первой мировой войны: «...надеюсь, тебе удастся повидать много войск. Могу себе представить их радость при виде тебя, а также твои чувства — как жаль, что не могу быть с тобой и все это видеть!»⁶⁵ Очевидно, это мнение разделяли и другие члены царской семьи. В то же время и великая княжна Ольга Николаевна писала отцу: «Когда Тебя увидит войско, и после им будет еще легче сражаться, и Тебе будет хорошо увидеть их». Письмо царицы было написано 19 сентября, великой княжны — 20-го, как раз в этот день императорский поезд покинул Царское Село, и на следующий день Николай II прибыл в Барановичи, рядом с этой железнодорожной станцией находилась Ставка Верховного главнокомандующего. Царя встречали Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и его брат, великий князь Петр Николаевич. Царский поезд проследовал затем в Ставку. Сразу же по прибытии в военно-походной церкви состоялся молебен.

На следующий день в Ставку прислал генерал Н.В. Рузский, герой недавних боев. Император побеседовал с Рузским и произвел его в генерал-адъютанты. 23 сентября царь пожаловал ордена великому князю Николаю Николаевичу и высшим чинам его шта-

Илл. 5. Николай II. Гравюра М.В.Рундальцева (1914)

ба. Момент встречи царя с Рузским был зафиксирован фотографами, этот снимок воспроизводился в разных иллюстрированных изданиях⁶⁶.

Но главным снимком, символизирующим пребывание императора в Ставке, была фотография, изображающая доклад командования парю. В комнате, увешанной большими картами военных действий, за столом, также покрытым картой, сидят Николай II и Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. За ними стоят начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич и генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов, уже украшенные новыми орденами. У руки императора лежат карандаши, зритель должен был представить, что царь лишь на мгновение оторвался от работы с картой, лично вырабатывая важные стратегические решения⁶⁷.

Этот снимок воспроизводился и в виде почтовых открыток. Иллюстрированное издание союзной Франции пошло еще дальше, художник создал графическую композицию на основе этой фотографии: Николай II заинтересованно и активно работает с картой, а три генерала, включая Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, почтительно и внимательно за ним наблюдают. Рисунок воспроизводился и в русских изданиях⁶⁸.

Поездку собственно на фронт царь начал 24 сентября 1914 года. Сначала император поехал в Ровно, где он посетил лазарет своей сестры, великой княгини Ольги Александровны, которая сама работала в качестве сестры милосердия, а 25 сентября царский поезд направился к Белостоку. Там, пересев в заготовленные заранее военные автомобили, император нанес визит в крепость Осовец, которая совсем недавно еще подвергалась ожесточенным вражеским атакам. Эта поездка Николая II была неожиданностью и для коменданта крепости, и для Ставки.

Посещению крепости предшествовала закулисная борьба в верхах. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич всячески противился посещению фронтовых частей императором. Он объяснял это стремлением оберегать драгоценную жизнь монарха, но, возможно, известную роль играло и некоторое репрезентационное соперничество: сам великий князь редко посещал войска. Несмотря на советы своих подчиненных, призывавших его воодушевлять полки, он предпочитал оставаться в Ставке.

23 сентября Николай II писал царице: «Увы! *Николаша*, как я и опасался, не пускает меня в *Осовец*, что просто невыносимо, так как теперь я не увижу войск, которые недавно дрались. В *Вильне* я рассчитываю посетить два лазарета — военный и Красного Креста; но не единственно же ради этого я приехал сюда!» Между тем и царица, и Распутин считали, что царю следует отправиться в Осовец, 24 сентября императрица сообщала Николаю II о разговоре со «старцем»: «Он расспрашивал о тебе и выражал надежду, что ты посетишь крепость». И после некоторых колебаний император так и поступил, 25 сентября он писал жене: «Все-таки остановился в Белостоке и посетил Осовец, нашел гарнизон в очень бодром виде»⁶⁹.

Не следует полагать, однако, что царь отправился в крепость, ставшую после напряженных боев известной всей стране, лишь под влиянием жены и Распутина, хотя, по-видимому, маршрут поездки обсуждался им с императрицей еще до отъезда Николая II в

Илл. 6. Портрет Николая II (1915)

Ставку, а царица, очевидно, просила совета у «старца». Сопровождавшие императора генералы В.Н. Воейков, дворцовый комендант, и В.А. Сухомлинов, военный министр, также убеждали его посетить Осовец. Царь, необычайно довольный своим визитом, впоследствии горячо благодарил их⁷⁰.

Но император и сам прекрасно понимал пропагандистское значение своих поездок в боевые части. К тому же образ «простого офицера» не был для Николая II просто результатом хладнокровных репрезентационных расчетов: царь издавна считал себя профессиональным военным, он искренне хотел выглядеть как офицер, желал действовать так, как подобает храброму офицеру в условиях войны.

Не следует сбрасывать со счетов еще одно обстоятельство: главы всех воюющих государств, представители правящих династий

часто посещали фронтовые войска, среди монархов не могло не возникнуть известное репрезентационное состязание. Между главами царствующих домов Европы существовало негласное соревнование в героизме, умеряемое личной осторожностью, а также позицией служб охраны и протокола. Трудно было состязаться с необычайно популярным бельгийским королем Альбертом, «королем-рыцарем», который часто посещал фронтовые части, попросту общался с солдатами, которых именовал «товарищами», лично брал у них письма для пересылки семьям. Наконец, бельгийский монарх в качестве наблюдателя даже поднялся в небо на босвом аэроплане и пролетел над вражескими позициями, сопровождаемый другими самолетами (этот полет стал сюжетом для немецких карикатуристов, но принес Альберту огромную популярность в странах Антанты). Так рисковать главы великих держав не могли. Но известную степень храбрости непременно следовало демонстрировать всем монархам воюющих стран — ведь даже наследник турецкого престола в 1915 году посещал позиции в Галлиполи во время Дарданелльской операции⁷¹. К этому негласному соревнованию в мужестве европейских монархов впоследствии подключилась и королева нейтральной Голландии: однажды она поднялась на борт подводной лодки и два часа пробыла под водою⁷². В таком контексте монархических репрезентаций военного времени у российского императора было достаточно оснований для того, чтобы не считаться с позицией осторожного Верховного главнокомандующего и его Ставки.

К тому же царь, очевидно, ощущал и скрытое давление общественного мнения, которое постоянно ожидало от него новых эффектных и решительных политических жестов. Эти монархические по сути ожидания проявлялись даже в оскорблениях императора его подданными, в которых он противопоставлялся предположительно храброму и энергичному германскому императору. 19 сентября, когда Николай II как раз готовился отправиться в свою первую поездку на фронт, что еще не было известно странс, 34-летний мешанин города Стародуба заявил: «Вот Вильгельм побелит, потому что у него сыновья в армии, и сам он в армии со своими солдатами, а где нашему дураку ЦАРИЮ победить... Он сидит в Царском Селе и переделывает немецкие города на русские»⁷³.

Иногда же император противопоставлялся своим царственным предкам, предположительно храбрым и деятельным. Ветеран Русско-турецкой войны, неграмотный 62-летний крестьянин Курской

губернии подвергся довольно суровому наказанию: был приговорен к четырем месяцам заключения в крепости за то, что он с возмущением заявил во время коллективного чтения газеты: «Как мы восвали, то с нами на позициях был Сам ГОСУДАРЬ с Князьями, мы тогда брали и побеждали, а этот ГОСУДАРЬ не бывает никогда, только гуляет по саду с немцами, спит и ничего не делает»⁷⁴.

И грамотные люди обвиняли императора в том, что он уклоняется от поездок на важные и опасные участки фронта. Киевский купец Б.-У.Я. Бродский был приговорен к годичному сроку заключения в крепости за то, что в ноябре 1914 года он заявил: «Государь император должен был из Петрограда прямо в Варшаву, а поехал кругом, вот сукин сын»⁷⁵. Нам неясно, считал ли этот патриот царя трусом, однако очевидно, что он желал видеть своего государя вблизи места решающих боев.

Можно с уверенностью предположить, что если бы царь согласился с мнением великого князя, если бы он вовсе отказался от посещения войск действующей армии, то подобные настроения получили бы еще большее распространение.

В крепости Осовец император был в зоне действия вражеского артиллерийского огня, впрочем крепость в это время не подвергалась обстрелу. Верховный главнокомандующий, хотя он и был противником посещения крепости царем, прекрасно понимал пропагандистское значение этой несогласованной с ним поездки и использовал ее для воодушевления войск. Великий князь Николай Николаевич отдал специальный приказ, посвященный этому визиту: «Таким образом Его Величество изволил быть вблизи боевой линии. Посещение нашего державного Верховного Вождя объявлено мною по всем армиям и я уверен воодушевит всех на новые подвиги, подобных которым святая Русь еще не видала»⁷⁶.

После посещения крепости Осовец Николай II поехал в Вильно. В здании железнодорожного вокзала ему представились высшие военные и гражданские чины. Затем к императору обратились делегации города, старообрядцев, крестьян, земских начальников и евреев. С вокзала царь отправился в православный Свято-Духовский монастырь. Путь следования императорского кортежа был усыпан цветами, толпы горожан приветствовали Николая II восторженными криками «ура». В православном монастыре императора встретил архиепископ Тихон. Царь приложился к мощам вилленских мучеников.

Николай II посетил военный госпиталь и лазарет дамского комитета Красного Креста. Он беседовал с ранеными, награждая их Георгиевскими медалями, а сестер милосердия — наградами крестами.

Возвращаясь на вокзал, император остановился у Островоротной часовни, там он был встречен представителями католического духовенства. В изданиях, рассчитанных для общероссийского читателя, отмечалось, что царь поклонился иконе, особо чтимой католиками. В воспоминаниях же генерала В.Ф. Джунковского, сопровождавшего императора, действия Николая II описывались более подробно: «Государь приложился к чудотворной иконе и выслушал краткое молитвословие»⁷⁷. Можно предположить, что авторы и редакторы официальных изданий не исключали негативной реакции части православных в том случае, если бы они узнали об этом жесте царя, рассчитанном прежде всего на его подданных-католиков.

Когда императорский поезд отошел от виленского вокзала, раздавался гимн, зазвучали крики «ура». Свидетели отмечали, что «повышенное настроение» населения вылилось затем в патриотическую манифестацию⁷⁸.

Как видим, уже первое путешествие царя состояло из визитов разного рода. Ритуалы первой поездки впоследствии неоднократно повторялись. Можно выделить посещение армии (гарнизоны, соединения войск) и посещения городов империи.

Военные визиты предусматривали проведение смотров и парадов, беседы с героями, награждения отличившихся, а в некоторых случаях — посещения мест недавних боев, сопровождавшиеся пояснениями военачальников, ставших уже известными стране. Такие поездки Николая II должны были поднять боевой дух армии, прежде всего тех соединений, которые он осматривал.

Этим визитам официальная пропаганда уделяла особое значение, «летописец» царя генерал Д. Дубенский писал:

За время настоящей войны ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР сроднился, сжил-ся с походною жизнью, и без преувеличения можно сказать, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ стали близки все условия боевой жизни русских офицеров и солдат. Нет в военной жизни такого уголка, куда бы не проникало око Царевго — все знает, все видит и, если возможно, — все испытает в солдатской жизни — таково желание ГОСУДАРЯ. Русский солдат, в строю или уже выбывший из строя и находящийся на излечении в

лазарете, является для ГОСУДАРЯ предметом особых забот и внимания. В самом деле, с какою любовью посещает ГОСУДАРЬ лазареты. Видеть раны, может быть, даже агонии умирающих — ведь это, как хотите, не простой интерес, нет, в этом сказывается только одно — великая святая Царсва любовь к Своему солдату, свою грудь и кровью отстаивающему славу и честь Великой России⁷⁾.

Не следует, однако, полагать, что при планировании царских визитов в действующую армию Николай II и его приближенные руководствовались лишь расчетом того пропагандистского эффекта, который эти поездки могли бы вызвать. Посещение войск доставляло императору особое и искреннее удовольствие, он был доволен боевыми полками, и ему действительно казалось, что его присутствие воодушевляет армию. Это мнение царя разделяли и некоторые приближенные. Воспитатель наследника записал: «Его поездки на фронт удались великолепно. Его присутствие повсеместно возбуждало сильнейший энтузиазм не только среди солдат, но также и среди крестьян, которые на каждой остановке поезда толпами сбегались из окрестностей, стараясь увидеть царя. Государь был убежден, что должен сделать все усилия, чтобы оживить в народе и в армии чувство патриотизма и привязанности к нему»⁸⁾.

Однако кадровый офицер лейб-гвардии Семеновского полка сохранил иную память о царском смотре, состоявшемся 17 декабря 1914 года: «Была оттепель. Переминаясь на грязной земле, мы ждали часа два. Наконец, когда уже стало смеркаться, подошли царские автомобили. Из первой машины вышел маленького роста полковник. ... На этого, идущего по фронту низенького, с серым и грустным лицом человека некоторые смотрели с любопытством, а большинство равнодушно. И “ура” звучало равнодушно. Никакого воодушевления при виде “вожля” мы тогда не испытывали. А воинам нужно воодушевление, и чем дольше они воюют, тем оно нужнее»⁹⁾. Следует отметить, что мемуарист, продолжавший придерживаться монархических взглядов, писал свои воспоминания в эмиграции, т.е. особых советских обстоятельств самоцензуры, требовавшей максимальной критики «старого режима», он не ощущал, хотя, возможно, и мечтал о том, чтобы его книга была опубликована и на родине.

Между тем сам император сохранил об этом смотре первых полков своей гвардии прекрасное воспоминание. «Вид частей чудный. После раздачи Георгиевских крестов обошел все части и бла-

Илл. 7. Почтовая открытка (1914). Надпись: «Его Императорское Величество Государь Император принимает доклад о ходе военных действий от Его Императорского Высочества Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича в присутствии начальника штаба Верховного Главнокомандующего Генерал-от-инфантерии Янушкевича».

годарил их за службу», — записал он в своем дневнике. О том же он писал и императрице: «Утром видел первую дивизию и роту ее величества гвардейского экипажа. Чудный здоровый веселый вид». Разумеется, и автор официального пропагандистского отчета описал этот смотр в весьма восторженных выражениях⁸².

Сложно найти источники, которые бы позволили точно замерить степень энтузиазма, порожденного в войсках и в населении во время визитов царя. Бесспорно, они возбуждали немалый интерес. Несомненно, что император считал свои посещения армейских соединений и городов империи необычайно важным аспектом монархически-патриотической мобилизации. Однако, как мы увидим и далее, разочарование ряда солдат, ждавших совершенно особенной встречи с великим царем, можно ощутить и при изучении некоторых иных источников.

Поездка в Вильно была первым с начала войны визитом императора в центр одной из губерний империи. И последующие посещения крупных городов проходили по подобной схеме, они содержали некоторые постоянные элементы. Как правило, царский поезд прибывал на вокзал губернского города в 10 часов утра. Императору на вокзале делали доклад представители местной власти, а затем его приветствовали делегации, представлявшие различные группы местного населения, первыми всегда выступали дворяне.

После этого царь посещал главный местный православный храм. Неизменно Николай II посещал лазареты, где он общался с ранеными, раздавал награды, в этом отношении царь следовал примеру Александра I и Николая I⁸³.

При посещении госпиталей царь никогда не надевал белого халата, даже в тех случаях, когда он ему предлагался. Очевидно, он полагал, что это облачение в больничную одежду может несколько снизить императорский образ. Создается впечатление, что войска Николай II посещал охотно, с искренним интересом, а многочисленные лазареты — из чувства долга, по обязанности. Во всяком случае, в своем письме матери, написанном в ноябре 1914 года, царь отмечал, что чувствует себя хорошо, однако несколько устал от посещения множества госпиталей⁸⁴.

Если напряженный график поездки оставлял некоторое время, то царь посещал и местные учебные заведения, прежде всего военные — юнкерские училища, кадетские корпуса, школы прапорщиков.

Нередко визиты императора провоцировали монархические и патриотические манифестации разного рода в тех городах, которые он посещал. Создается впечатление, что нередко они возникали и по инициативе «снизу», т.е. не всегда были следствием специальной заблаговременной организации со стороны местных властей. Во всяком случае, во многих городах императора встречали такие огромные толпы, что это никак не может быть объяснено лишь энергичными действиями губернских и областных администраций, желавших порадовать царя.

В то же время визит в Вильно отличали некоторые особенности. Важным было посещение императором католических святынь. Показательно и присутствие еврейской делегации при встрече царя на вокзале (хотя она и представилась царю последней).

Порой программа визитов была необычайно плотной, за один день царь мог посетить несколько городов. Официальная пропаганда, однако, стремилась подчеркнуть, что во время своих поездок царь осуществляет непосредственное руководство политикой на местах: «...все сословия России так горячо, так искренне ценят, что ЦАРЬ Сам всюду ездит, Сам все видит и даст Свои Государевы указания в это трудное время на Руси»⁸⁵. Однако очевидно, что выполнение напряженной обязательной программы визитов не оставляло порой времени для серьезных деловых совещаний с местными властями. Можно с большой долей уверенности предположить, что

главной задачей императорских путешествий была именно патриотическая и монархическая мобилизация общественного сознания. Города и дивизии, заводы и военные корабли почтительно докладывали Николаю II о своих патриотических деяниях и ждали его оценки. Император же своими жестами давал понять стране о желательных направлениях использования патриотического воодушевления. Царь предстал перед страной прежде всего не как энергичный организатор победы, а как ее величественный вдохновитель, предполагалось, что само присутствие «венценосного вождя» должно было пробуждать в населении энтузиазм и даже «экстаз».

В патриотически-монархической риторике того времени поездки Николая II описывались как «труд» и «подвиг». Показательна речь епископа Аганита, произнесенная при встрече императора в Екатеринославе 31 января 1915 года: «Это Ваш подвиг, Ваше Императорское Величество. — говорил владыка, — Вы трудитесь, наблюдая русскую жизнь и душу православного человека в наши скорбные, но святые дни. Вы лично видите, как Святая Русь, вместе со своим Царем, ничего не жалеет для блага своей родины». В других приветственных речах звучала мысль о том, что «подвиг» императора пробуждает невиданный энтузиазм: «...раз ЦАРЬ так близко стал к народу, народ все сделает, чтобы добиться успеха в нашей великой войне с немецким государством»⁸⁶.

В официальной пропагандистской литературе отмечалось, что визиты царя оказывали необычайно благотворное воздействие на посещаемые им местности. Порой фиксировался даже некий социально-терапевтический эффект — болезненные давние конфликты, религиозные и этнические, якобы смягчались при одной лишь вести о предстоящем высочайшем визите. «Летописец царя» генерал Дубенский так описывал атмосферу в Тифлисе, столице Кавказа: «В пламенном патриотическом порыве разноплеменного населения, с трепетом ожидавшего приезда МОНАРХА, исчезли обычные перегородки национальной обособленности. Чувствовалось, что все, без различия веры и национальности, слилось в единую великую семью, объединенную любовью к России и ее Верховному Вождю»⁸⁷.

Визиты царя создавали картину близости царя, всей императорской семьи к народу и армии.

Вместе с тем утилизировался потенциальный ресурс репрезентационных акций: поездки Николая II ставили также задачу вдохновения, поощрения и направления патриотических усилий обще-

ства, прежде всего в деле оказания помощи раненым и членам их семей. При этом подчеркивалось, что все социальные группы, все сословия участвуют в решении этих задач. Так, в разных городах император посещал госпитали, организованные всевозможными общественными организациями (местное дворянство, дамские комитеты, земство, городское самоуправление, предприниматели, крестьяне). Особенно выделялась роль «первого» сословия: представители дворянства представлялись царю первыми, а дворянские лазареты Николай II посещал особенно часто, в официальном отчете нередко особенно упоминались госпитали, размещенные «в великолепных комнатах старинных дворянских собраний». Тем самым подчеркивались патриотизм и самопожертвование традиционной российской элиты, это должно было способствовать созданию атмосферы социальной и политической стабильности в стране. Состав депутатий и маршрут поездки царя по городу, выбор мест для посещения должны были продемонстрировать также единство всех народов империи, всех этнических и религиозных групп в борьбе против врага. Исключения, пожалуй, делались для этнических немцев, составлявших немалую часть населения некоторых российских губерний, хотя в Екатеринославе ему представилась и делегация меннонитов, а в официальном отчете о поездке царя в Москву в конце 1914 года упоминалось о службе меннонитов в медицинских учреждениях. В то же время император и организаторы его поездок стремились создать образ монарха,покровительствующего всем подданным его империи, вне зависимости от их этнической и религиозной принадлежности, как видим, в некоторых случаях ему представлялись даже еврейские делегации.

Царь являл себя народу, а различные города и губернии, ревностно соревнуясь друг с другом, представлялись императору, демонстрируя свои особые усилия в деле патриотически-монархической мобилизации. Это проявлялось и в демонстрации Николаю II прекрасно оборудованных образцовых местных лазаретов, и в денежных сборах, передававшихся царю, и, наконец, в пышности и оригинальности тех церемоний, которые организовывались в честь императорского визита местными властями и общественными организациями. Подготовка к таким встречам государя требовала много времени и немалых затрат из местного бюджета.

Следующая поездка Николая II началась 21 октября 1914 года, в день его восшествия на престол. Император посетил Минск, Ставку Верховного главнокомандующего вблизи Барановичей,

Холм, Луков, Седлец, Ровно, Люблин, крепость Ивангород, Гродно (там к царю присоединилась императрица), Двинск. 2 ноября царская чета возвратилась в Царское Село.

В Ровно Николай II вновь посетил госпиталь своей сестры великой княгини Ольги Александровны. Визит в крепость Ивангород, гарнизон которой отбил недавно германское наступление, в отличие от раннего импровизированного визита в крепость Осовец, тщательно готовился. Посещение императором фортов крепости, мест боев, массовых захоронений русских солдат описывалось корреспондентами разных изданий и фиксировалось фотоаппаратами. Этот визит особенно должен был способствовать поднятию боевого духа армии.

Царь направился и в поселения, пострадавшие от военных действий. В прессе отмечалось, что император посещал разрушенные католические соборы, особо оговаривалось, что костелы пострадали от огня вражеских орудий. Император беседовал со священниками, присутствовал на молебствиях, жертвовал деньги на восстановление католических храмов. В печати эти действия императора широко освещались. Так, например, в журнале «Огонек» была напечатана фотография, на которой изображались царь, лица его свиты, польский католический священник и гминный войт. На снимке ксендз почтительно указывал Николаю II на костел, разрушенный огнем неприятельской артиллерии⁸⁸.

С уверенностью можно утверждать, что действия царя были важным эпизодом грандиозной пропагандистской борьбы, которая велась за сердца и умы российских католиков. И Россия, и Германия, и Австро-Венгрия в это время усиленно старались привлечь на свою сторону симпатии польского общественного мнения: населенные поляками провинции были важнейшим театром военных действий, а поляки сражались в рядах противостоящих друг другу армий. Соответственно немецкая и австрийская пропаганда не упускала случая напомнить о богатой трагическими событиями истории гонений католиков и униатов в России, а русские средства информации с возмущением сообщали о «кошунственном» уничтожении врагом костелов, изображений Христа, статуй святых и римских пап в Бельгии, Франции и, разумеется, в Польше. На фотографиях, публиковавшихся в русских иллюстрированных изданиях, демонстрировалось, как русские солдаты тщательно и бережно восстанавливают католические святыни, разрушенные врагом⁸⁹.

Какие чувства испытывал царь, жертвуя деньги на восстановление католических храмов? В какой степени подобный «военно-

полевой экуменизм» был вынужденным? Во всяком случае, царица не очень верила в религиозное примирение русских и поляков даже во время войны, она не испытывала никаких теплых чувств к своим подданным католикам: «Нельзя доверять этим полякам — в конце концов, мы их враги, и католики должны нас ненавидеть», — писала она императору 23 сентября, еще до посещения Николаем II разрушенных костелов и католических святынь⁹⁰.

18 ноября император отправился в новое большое путешествие, которое заняло почти месяц. Вновь царица написала Николаю II особое письмо накануне его отъезда, вновь она выражала уверенность в том, что поездка царя окажет благотворное воздействие на посещаемые им местности, ссылаясь на этот раз и на важное для нее мнение Распутина: «...сей радость кругом себя, придай всем твердости и утешь страждущих! Ты всегда приносишь с собой *обновление*, как говорит наш Друг...»⁹¹

Официальная пропаганда рассматривала поездки Николая II как центральный, ключевой момент процесса монархически-патриотической мобилизации: «Получается грандиозная картина титанической войны, где САМ ЦАРЬ вдохновлял Своим присутствием одних, являл нравственную поддержку для других, облегчал страдания третьих, и вся народная масса тянулась за “Работником за всех”»⁹².

Схожий язык использовали и лица, встречавшие императора, они уверяли его, что его торжественный визит отвечает насущным потребностям общественной мобилизации. Образцом монархически-патриотической риторики можно считать слова тверского предводителя дворянства, приветствовавшего царя в апреле 1915 года: «Светлым праздником искони было для всех городов и всей державы Ваше царское посещение. Но в грозный час народных бедствий общение с Царем не только великая радость, но и насущная потребность. Предстать в такой день пред Ваши, Государь, очи — значит *приобщиться ко всей несокрушимой мощи Государства Российского*»⁹³.

Врнемся к визиту императора, начавшемуся в ноябре 1914 года. Сначала он вновь посетил Ставку, а затем отправился в Смоленск. Императорский поезд обгонял воинские эшелоны, спешившие на фронт. Поезд Николая II не останавливался, но и глубокой ночью и ранним утром в императорском поезде были слышны громкие крики «ура»: войска приветствовали своего государя. Затем царь посетил Дорогобуж, Тулу, Орел, Курск, Харьков, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Дербент, Баладжары, Баку, Тифлис, Карс, Сарака-

мыш, Меджингерт, Александрополь, Елисаветполь, Владикавказ, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Воронеж, Тамбов, Рязань, Москву. Затем император вновь посетил Ставку Верховного главнокомандующего, Гавролин, Ново-Минск и Седлец. В трех последних пунктах император провел смотр полкам своей гвардии. Он вернулся в Царское Село 16 декабря, это был самый продолжительный его визит за годы войны.

Представление делегаций царю стало порой сопровождаться передачей денежных сумм, жертвуемых на нужды раненых и их семей. Так, в Харькове Совет съезда горнопромышленников Юга России в ознаменование визита императора ассигновал один миллион рублей. Такое большое пожертвование влиятельной предпринимательской организации было, однако, исключительным, обычно жертвовались меньшие суммы.

Посещение Саракамыша и особенно Меджингерта имело особое значение для императора, оно было связано с известной опасностью — в тылу русских войск активно действовали враждебные отряды курдов. Разумеется, были приняты необходимые меры безопасности, путь царя в горах охраняли специально для этого выделенные войсковые части. Однако этот эпизод был психологически необычайно важен для царя, представлял он и очевидную пропагандистскую ценность. Рассматривался вопрос о награждении Николая II за эту поездку боевым орденом Св. Георгия, однако соответствующее решение на этом этапе так и не было принято⁹⁴.

Задним числом официальная пропаганда преувеличивала и значение визита императора, состоявшегося накануне наступления турецкой армии, и ту опасность, которой Николай II подвергал себя. Официальный «летописец» царя генерал Дубенский впоследствии отмечал:

При такой обстановке посещение ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ Меджингерта превращается как бы в смелый осмотр той местности, тех путей сообщения, которые через несколько дней сделались ареной героических подвигов наших войск.

Потом подтвердилось, что когда автомобили с Русским ЦАРЕМ и ЕГО Свитой неслись от Саракамыша к Меджингерту по этой красивой, дикой, горной местности, то там вблизи шоссе, в ущельях и на горах, действительно скрывались и курды, и турецкие передовые части, производившие рекогносцировку местности на путях к Саракамышу при участии германских офицеров⁹⁵.

Вряд ли визит царя можно хоть в какой-то степени назвать настоящим осмотром театра военных действий, но, очевидно, эта поездка способствовала подъему боевого духа войск, никак не ожидавших видеть Николая II на далеком фронте.

В Воронеже к императору присоединилась императрица со старшими дочерьми, великими княжнами Ольгой и Татьяной. Дальнейшее путешествие они уже совершали вместе. В Москву же приехали наследник и младшие дочери царя. Из Москвы императрица с детьми отправились в Царское Село, последнюю часть путешествия, поездку на фронт царь совершал без них.

На часть современников визиты императора производили большое впечатление. Местные власти проявляли немалую энергию и изобретательность, чтобы придать визиту царя в их город особое своеобразие, несмотря на непрерывное сохранение обязательных его составляющих. Современник так описывал приезд Николая II в Одессу 14 апреля 1915 года:

Широкая дорога была украшена флагами, зеленью, но наибольший наряд придавали улицам бесконечные цепи учащих с цветами и флагами и многочисленная наряжая толпа. Все балконы, все окна были усыяны публикой. На деревьях сидели мальчуганы. Все учащиеся, корпорации были уставлены по одну сторону улицы, войска — по другую. Царский кортеж двигался тихо, тихо и сму навстречу летел целый дождь цветов. Премела музыка, неслоь оглушительное ура и звон колоколов, напоминавший Москву⁹⁶.

В частной переписке, освещающей визиты царя, порой встречаются те же самые слова, которые можно найти и в монархических изданиях. Впрочем, порой визиты императора провоцировали оскорбления в его адрес. Местную жительницу, турецко-подданную немку М. Мель, обвиняли в том, что она так отозвалась о посещении императором Екатеринодара: «... видела и я вашего Императора, какой-то он замученный — паверно, испугался Вильгельма»⁹⁷. Правда, жандармы, расследовавшие дело об оскорблении царя, высказали предположение, что доносители-коммерсанты желали таким образом устранить Мель, которая была их конкуренткой. Однако донос, очевидно, передает какие-то настроения разочарования, оставшиеся после визита Николая II у местных жителей: нередко ожидания многих монархистов, желавших увидеть царя, не были оправданы, с их точки зрения, он выглядел недостаточно величественно.

Ставропольская крестьянка, находившаяся в Екатеринодаре во время посещения города императором, также без особого почтения вспоминала этот визит: «Он не раненых посещал, а был целых два часа в б.....м институте. Он такой же дурак, как Лукашка шести-пальтый, у Него голова с мой кулачок, у Него мозги совсем не работают»⁹⁸. Очевидно, посещение царем во время визита в Екатеринодар Кубанского Мариинского женского института вызвало негодование обвиняемой (в действительности Николай II посетил и несколько городских больниц).

Когда же харьковский приказчик узнал, что ввиду предстоящего визита императора в город решено украсить витрину магазина парадным портретом императора, то он сказал в присутствии свидетелей: «Едет кровопивец, а вы наводите суету»⁹⁹. Можно предположить, что какая-то часть современников полагала, что немалые расходы, связанные с торжественным приемом императора в посещавшихся им городах, являются чрезмерными и несвоевременными.

Действительно, подготовка к встречам императора поглощала немало ресурсов. Порой свидетельства этого встречаются и в официальных пропагандистских изданиях. Генерал Дубенский, «летописец» императора, так характеризовал обстановку в Тифлисе накануне высочайшего визита: «Жители, забросив повседневные работы, отдались исключительно делу приготовления встречи ЦАРЯ». Действительно, в столице края сделано было немало: сооружались триумфальные ворота, развешивались гирлянды зелени, множество ковров и кусков материи, соответствующих цветам национального флага, красиво переплетаясь, создавали яркую картину необычайного убранства. Москва же, по свидетельству официального издания, «более недели» готовилась к встрече императора, возвращавшегося из поездки по Кавказу¹⁰⁰. Можно предположить, однако, что не все тифлисцы и москвичи радовались тому, что они были оторваны от своих повседневных дел, а ресурсы городской казны используются во время войны подобным образом.

Немало времени и средств было потрачено и в других городах, посещавшихся императором. Порой же люди считали, что посещения императором провинциальных центров являются бесполезной для него тратой времени, уклонением царя от своих непосредственных профессиональных обязанностей. Жительница столицы Кавказа заявила: «Вот дурак, приехал в Тифлис гулять, а Вильгельм не гуляет, он дело делает, берет русские города, возьмет Варшаву, возьмет другие города»¹⁰¹.

Не всегда отношение к визиту царя было однозначным, порой восхищение императором сочеталось с осуждением поведения его окружения. Житель Тифлиса писал: «Своим приездом Государь многое сделал. Народ благоговест перед ним, все поголовно очарованы, на всех он произвел самое отрадное и чудное впечатление. <...> Жаль, и даже очень, что такой Государь окружен далеко не симпатичными людьми»¹⁰². Таким образом визит царя подтверждал в данном случае слухи о «плохих советниках царя», которые были распространены даже в монархической среде.

Новое путешествие царя также начал с посещения Ставки (он прибыл туда 23 января 1915 года). 26-го император поехал в Ровно, где он вновь посетил госпиталь великой княгини Ольги Александровны. Фотография, запечатлевшая посещение Николаем II этого лазарета, получила широкое распространение. Оттуда император отправился в Киев, Полтаву, Севастополь, Екатеринослав, 1 февраля он вернулся в Царское Село.

Документы, сохранившиеся в архивных фондах Киевского жандармского управления и управления попечителя Киевского учебного округа, позволяют составить некоторое представление об организации царского визита в этот город. Начальник Юго-Западных железных дорог заведомо узнал по своим каналам о предстоящем посещении города императором, об этом он доверительно проинформировал губернатора. Уже 17 января последний собрал частное совещание, на котором помимо самого губернатора и начальника железных дорог присутствовали также губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, начальник жандармского управления, исполняющий обязанности городского головы и полицмейстер. На совещании был намечен план и график посещения Киева царем, в значительной степени этот план и был осуществлен. Однако в него были впоследствии внесены и отдельные изменения, очевидно, это было связано с некоторыми соображениями безопасности, окончательный маршрут поездки царя должен был известен ограниченному кругу лиц. Различные ведомства развили лихорадочную деятельность, так, 24 января попечитель учебного округа провел совещание руководителей учебных заведений, обсуждались вопросы организации встречи. Между тем жандармы провели аресты лиц, подозреваемых в принадлежности к революционным партиям (можно предположить, что повальные аресты такого рода не способствовали профессиональной оперативной работе). Проверялись и служащие, меди-

цинский персонал, больные и раненые тех лазаретов и госпиталей, которые предполагал посетить император (среди них были выявлены люди, совершавшие ранее государственные преступления, в том числе и несколько лиц, осужденных в свое время за оскорбление царя). Полицейские же приступили к проверке гостиниц, меблированных комнат, постоянных дворов, трактиров, чайных, подозрительных квартир, выявляя всех сомнительных лиц. Особое наблюдение было установлено за квартирами германских, австрийских и турецких подданных, а 27 января, в день царского визита, проверялись квартиры всех иностранцев, живущих в Киеве. Полицейские «освещали» всех лиц, живущих в районе 100-саженной полосы вдоль железной дороги. За заборами же городских построек по пути возможного проезда императорского кортежа были установлены посты городских, которые наблюдали за тем, чтобы там не собирались лица, которым воспрещалось выходить на улицу во время высочайшего проезда. Визит царя потребовал и приведения в порядок городских путей, секретный приказ по киевской полиции гласил: «Так как теперь выяснилось, что места посещения Его Императорского Величества неизвестны, предлагаю произвести уборку улиц по всему городу». В 7 часов утра 27 января на свои посты заступили околоточные надзиратели, городовые и конные полицейские, их точная численность и места расположения тщательно определялись приказами. Полицейские не допускали движения ломовых извозчиков, а также тех автомобилей и экипажей, владельцы которых не имели специальных билетов на шапках. Было прекращено всякое трамвайное движение по пути возможного следования царя. Для пересечения улиц пешеходами были установлены специальные пропускные пункты. На одной стороне улиц располагались выстроенные войска гарнизона, на другой — учащиеся высших и средних учебных заведений, предводительствуемые своими наставниками. За ними лицом к «обычной» публике стояли полицейские. Городовые следили за тем, чтобы публика не разгуливала по тротуару, а стояла на месте, лица с узелками, свертками и «всякими ношами» не допускались¹⁰³.

Заблаговременно на улицах города выстраивались войска, школьники и студенты. Распоряжения строго определяли количество учащихся определенных учебных заведений, число сопровождавших их преподавателей и служителей, место построения. Зима была холодной, поэтому учащимся рекомендовалось обернуть ноги газетной бумагой, а в случае особенно сурового мороза школьни-

ки младших классов и учащиеся слабого здоровья могли быть освобождены от участия во встрече императора¹⁰⁴.

Перечисление даже части мероприятий, предшествовавших визиту царя, дает представление о масштабах подготовки к встрече царя, о тех организационных усилиях и материальных затратах, которые ей сопутствовали.

Посещение Киева во многих отношениях напоминало и визиты в другие города — делегации, молебны в главном соборе города, визиты в лазареты. Как и при посещении ряда других городов, участники встречи награждались — так, учащиеся всех учебных заведений Киева на три дня освобождались от занятий¹⁰⁵.

Посещение же Екатеринослава имело некоторые особенности. Император не мог не осмотреть Запорожский музей, известную местную достопримечательность, но значительную часть времени царь уделил посещению гигантского Александровского Южно-русского завода (уже ранее, 21 ноября царь был на Тульском оружейном заводе, однако тот визит не был столь продолжительным). Император осмотрел цеха, наблюдал за производством, слушал пояснения администрации и инженеров, беседовал с рабочими. У доменных печей мастеровой, когда подошел император, направил огненный ручей чугуна по нарочно сделанной форме; и, шипя раскаленной массой и сверкая искрами, в начавшихся сумерках заблестели слова — «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ».

И в последующие свои визиты царь заезжал на крупные промышленные объекты, уделяя подчеркнуто много внимания их осмотру. Можно предположить, что возрастающая потребность в индустриальной мобилизации на нужды войны повлияла на выбор маршрутов путешествий царя и организацию его визитов.

25 февраля император с однодневным визитом посетил Гельсингфорс, очевидно, царь просто не мог посетить главную базу Балтийского флота, к этому времени он уже объехал штабы всех фронтов, посетил и Севастополь. Впервые за время своего правления император прибыл в столицу Великого княжества Финляндского. Отношение же финского общества к своему монарху, царствованию которого было ознаменовано существенным усилением русификации края и наступлением на его права, было, по меньшей мере, неоднозначным. Приближенные Николая II высказывали некоторые опасения по поводу этого визита. В целом они оказались необоснованными. Прибытие царя вызвало бесспорный интерес у жителей Гельсингфорса, хотя их реакция была более хо-

лодной по сравнению с приемом царю, оказанным населением городов империи, посещавшихся ранее императором. Правда, официальное издание отмечало, что войска, учащиеся и население приветствовали государя громкими криками ура, но солдаты, матросы и школьники кричали, разумеется, по команде. Реакция же местного населения была иной: «Масса народа заполняла путь, но ура не кричали», — вспоминал генерал Спиридович. Холодность населения местные чиновники объясняли давними традициями, сложившимися веками под воздействием сурового климата Финляндии. «Кто хотел — верил», — писал впоследствии Спиридович. Правда, при отъезде царя имела место стихийная манифестация, инициированная местными русскими, к которой присоединились и некоторые финны¹⁰⁶. Но вряд ли реакция финнов объяснялась только особенностями национального характера. Так, большинство делегаций, приветствовавших царя на вокзале, никак не упомянули войну, которую вела Российская империя. Это было явной демонстрацией, намеренно подчеркивающей совершенно особый статус Финляндии. В целом, однако, визит Николая II в столицу Великого княжества прошел на удивление неплохо.

28 февраля царь вновь прибыл в Ставку Верховного главнокомандующего. Затем он посетил Белосток, Остроленку, Ломжу. После этого он вернулся в Ставку. Очевидно, уже в ходе визита царь менял маршрут своей поездки, стремясь чаще посещать боевые части. Генерал Янушкевич, начальник штаба Верховного главнокомандующего, писал военному министру генералу Сухомлинову: «Куда поедет государь, еще не известно. Очень хочет ближе к шрапнели»¹⁰⁷.

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич вновь стремился ограничить поездки царя в армию. Это пробуждало подозрения царицы, император пытался ее успокоить: «Мне кажется, ты думаешь, что Н. удерживает меня из удовольствия не давать мне двигаться и видеть войска. В действительности это совсем не так». Далее царь объяснял невозможность посещения ряда армейских корпусов необходимостью спешной переброски войск¹⁰⁸.

В Ставке Николай II оставался, ожидая вести о падении Перемышля, осаждавшегося российскими войсками. Наконец 9 марта поступили известия о том, что вражеская крепость пала. Состоялось торжественное молебствие в походной церкви. Затем император возвратился в поезд, проходя между шпалерами приветствовавших его войск. 11 марта царь отправился в Царское Село.

Очевидное пропагандистское значение имело посещение Николаем II и Путиловского завода 31 марта. Он пробыл там три с половиной часа, посетил все мастерские, беседовал с рабочими, которых благодарил за то, что они исполняли срочные заказы даже во время религиозных праздников¹⁰⁹. И этот визит также должен был способствовать решению весьма актуальной в то время задачи — мобилизации промышленности. Как и в других случаях, организация визитов царя должна была сигнализировать обществу о наиболее актуальных общественных проблемах.

4 апреля царь снова отбыл в Ставку. Среди проблем, которые император, члены его свиты напряженно обсуждали в штабе Верховного главнокомандующего, был вопрос о царском визите в Галицию, занятую русскими войсками. Между окружением Николая II и чинами Ставки, самим Верховным главнокомандующим возникли серьезные разногласия по этому поводу, порой дискуссия проходила весьма остро.

Против посещения царем Галиции выступал Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Противником поездки царя был Распутин, некоторые сомнения высказывала и царица. Во всяком случае, она была категорически против того, чтобы в Галицию Николая II сопровождал Верховный главнокомандующий: «Но меня беспокоит твоя мысль о поездке во Л[ьвов] и П[еремышль], не рано ли еще? Ведь настроение там враждебно России, особенно во Л[ьвове]. Я попрошу нашего друга особенно за тебя помолиться, когда ты там будешь. Прости мне, что я это говорю, но Н[иколаша] не должен тебя туда сопровождать — ты должен быть главным лицом в этой первой поездке. Ты, без сомнения, сочтешь меня старой дурой (old goose), но если другие об этом не думают, то приходится мне. Он должен оставаться и работать, как всегда. Право, не бери его, ведь ненависть против него там должна быть очень сильна, а твое присутствие обрадует всех любящих тебя»¹¹⁰.

Великий князь Николай Николаевич не смог отстоять свою точку зрения, и, хотя он решил сопровождать императора во время посещения Галиции, современники отмечали плохое расположение его духа¹¹¹.

Наконец 9 апреля император прибыл на галицийскую землю. Он совершил продолжительный автомобильный переезд. Во время остановок царь посещал братские могилы русских солдат, слушал пояснения восначальников.

Важным элементом визита стало посещение Львова, столицы края. Многие городские дома были разукрашены, на улицах были установлены триумфальные арки, везде были развешены русские национальные флаги, на улицах толпились львовяне: «Казалось, все население вышло приветствовать русского царя», — писал один из приближенных императора. Помимо горожан на улицах было немало жителей окрестных деревень в живописных костюмах, некоторые крестьянские делегации пришли издалека со знаменами своих организаций.

Вечером во дворце генерал-губернатора начался торжественный обед. Между тем перед дворцом собралось много жителей, пришедших со знаменами, певших русский гимн и песню галичан «Пора за Русь святую». Царь вышел на балкон, он был встречен овацией, продолжавшейся четверть часа, звучал русский гимн, перед царем склоняли знамена галичан. Царь провозгласил: «Спасибо за прием. Да будет единая, могучая, нераздельная Русь». Эти слова, фактически торжественно провозглашавшие аннексию края, были покрыты громкими криками ура.

К описанию этой картины умильной встречи императора с народом новой провинции Российской империи следует подходить осторожно. Вряд ли энтузиазм манифестантов отражал настроения всех львовян и тем более всех галичан. Однако, очевидно, не следует ставить под сомнение ни масштаб этой встречи, ни искренность настроения многих ее участников.

Эмоциональное отношение местных жителей к этому визиту весьма растрогало Николая II. В официальном издании также выделялся особый интерес населения края к визиту императора:

Но, что всего удивительнее, местное население также приняло весьма горячее участие в русских торжествах. Еще с утра весь город разукрасился флагами, со всех сторон из-под окрестных селений потянулись толпы народа, желая приветствовать прибытие Русского Царя. Весь город словно преобразился, и на лицах местных жителей, по преимуществу галичан-словаков, был тот же неподдельный, нескрываемый восторг, что и у русских¹¹².

Интересно, что «летописец царя» был удивлен поведением галичан. Можно предположить, что и в окружении императора не все официальные лица ожидали подобной манифестации. Возможно, многие жители Львова и его окрестностей руководствовались про-

стым любопытством, но посещение города стало важным политическим событием, за которым наблюдали в России. Благодаря кинохронике и многочисленным фотографиям страна могла не только прочесть об этом событии, но и увидеть его.

На следующий день император отправился в Самбор. По дороге царь посетил санитарный поезд, он обошел все вагоны, беседовал с ранеными. В Самборе Николая II встречал герой боев в Галиции генерал А.А. Брусилов, который почтительно поцеловал руку императора. В присутствии царя состоялось награждение героя недавних сражений: прапорщику Шульгину, особенно отличившемуся в боях, были вручены сразу три Георгиевских креста. Во время завтрака император поздравил Брусилова генерал-адъютантом и лично передал ему погоны и аксельбанты.

По пути, на песчаном берегу Днестра царь произвел смотр прославленным войскам 3-го Кавказского корпуса, командовал которым генерал В.А. Ирманов, герой Порт-Артура. Особое внимание было уделено Апшеронскому полку, солдаты которого со времен Семилетней войны имели особое отличие, сапоги с красными отворотами — согласно полковой легенде, апшеронцы во время одной из битв стояли по колено в крови. Военные условия не позволяли апшеронцам соблюдать их традиционную полковую форму, но они обернули голенища своих сапог кумачом.

Генерал Спиридович вспоминал:

В одном месте тяжелый царский автомобиль зарылся в песок, завяз. Великий Князь дал знак рукой, и в один миг солдаты, как пчелы, осыпали автомобиль и понесли его как перышко. Люди облепили кругом, теснились ближе и ближе, глядели с восторгом на Государя. Государь встал в автомобиле и, смеясь, говорил солдатам: «Тише, тише, ребята, осторожней, не попади под колеса». «Ничего, Ваше Величество, Бог даст, не зашибет», — неслось с улыбками в ответ, и кто не мог дотянуться до автомобиля, тот просто тянулся руками к Государю, ловили руку Государя, целовали ее, дотрагивались до пальто, гладили его. «Родимый, родненький, кормилец наш, Царь-батюшка», — слышалось со всех сторон, а издали неслось могучее у-рр-аа, ревел весь корпус. Картина незабываемая¹³.

Об этом колоритном эпизоде сообщало, разумеется, и официальное издание¹⁴.

Награждение героев, посещение прославленных отборных боевых частей — все это были важные элементы «сценария власти», который особенно импонировал русскому императору. Такой он хотел видеть свою армию, таким он хотел быть увиденным страной. Однако великий князь Николай Николаевич, который был противником визита в Галицию, не скрывал своего плохого настроения¹¹⁵. Очевидно, он предчувствовал, какой силы вражеский удар придется испытать вскоре этим знаменитым полкам русской армии.

Официальное издание оптимистично утверждало, что посещение войск оказало чудодейственное воздействие на солдат: «Сила воодушевления русского войска растет почти бесконечно, при виде Своего ЦАРЯ, Своего Державного Повелителя, Своего Помазанника Божия, и нет тех преград, которые не сломит наше Христолюбивое воинство, когда Сам ГОСУДАРЬ благословляет свою рать на бой»¹¹⁶.

Важным эпизодом путешествия было посещение крепости Перемышль. Многочисленные фотографии запечатлели императора и великого князя, осматривавших мощные укрепления, разрушенные русской тяжелой артиллерией; восначальники, руководившие осадой мощной австрийской крепости, давали им пояснения.

Затем царь покинул Галицию и простился с великим князем, возвратившимся в Ставку. Перед своим отъездом император пожертвовал десять тысяч рублей нуждающемуся населению Львова и три тысячи рублей населению Перемышля. Действия подобного рода нетипичны для царских визитов в губернии империи. Можно предположить, что такими жестами Николай II стремился особенно подчеркнуть свое расположение к населению края, симпатии которого он стремился завоевать. В отчетах о пребывании императора во Львове специально указывалось, что во время следования императора по улицам «населению были предоставлены беспрепятственный доступ и возможность видеть Государя». В ходе визита важно было продемонстрировать, что галичане доброжелательно относятся к русским войскам и русскому царю. Военный генерал-губернатор оловестил население края и, особенно, жителей Львова о благодарности императора за радушный прием. Особо подчеркивалось, что на путях следования Николая II царил образцовый порядок, который «поддерживался самими местными жителями»¹¹⁷. Последнее утверждение, разумеется, никак не соответствовало действительности, генералы, отвечавшие за охрану царя, серьезно опасались за его безопасность в ходе этого визита, возможно, для этого

имелись серьезные основания. Неудивительно, что в Галиции были предприняты полицейскими и военными властями чрезвычайные меры для охраны императора. Однако официальное упоминание о том, что само население Галиции защищает и охраняет русского царя, было необычайно важно в политическом отношении, оно должно было служить доказательством русского характера аннексированного края.

Визит императора в Галицию должен был стать важнейшим элементом кампании патриотической мобилизации. Русская печать уделяла этому визиту большое внимание. Показательны заголовки популярных изданий: «Государь Император во вновь завоеванной Червонной Руси»; «Торжество Червонной Руси»¹¹⁸.

Российская военная газета, издававшаяся во Львове, опубликовала в день приезда императора приветственные стихи:

Восходит чудная заря
И блеском даль веков пронзает, —
От Бога данного Царя
Русь прикарпатская встречает.
Пусть льется кровь еще в горах
И мнит держаться враг надменный,
Но день, завешанный в веках,
Настал, — великий, несравненный!
Ликуй, карпатский славянин,
Встречая луч твоей свободы.
С клеймом пережитых годин
Растопит он твои невзгоды.
Ликуй и Ты, великий Царь,
На меч вражды и злобной мести
Поднявший Русь, как было встарь.
С мечом любви и бранной чести.
Среди Своих, в Своей земле,
Гряди, могучий и державный,
С венцом победы на челе
К дружине доблестной и славной.
Гряди! И верит Твой народ,
Что грозный спор решится строго
И враг поверженный падет,
Зане грядешь во имя Бога¹¹⁹.

Образ освобожденной страны, приветствующей своего «истинного» государя, использовался и в других изданиях. Автор «Нового времени» писал: «Православный Царь посетил свою отчину и долину, в течение семи веков оторванную от России и наконец от-

восвещенную подвигом народной рати. ...родовую землю Русского народа посетил Царь и ввел Россию во владение ее исконным достоянием». В другой статье, опубликованной в том же издании, значение визита императора оценивалось более откровенно: «Еще до аннексии завоеванной новой земли все почувствовали, что вековые оковы навеки пали и началась заря возрождения Галичины». О фактической аннексии Галиции, символом которой была поездка царя, писал и другой автор той же газеты: «...прибытие Государя Императора во Львов является актом воссоединения многострадальных червенских городов». Автор же русской газеты, выпускавшейся во Львове, призывал выйти на новые рубежи, надежно защищающие присоединенную провинцию: «С каждым днем наши доблестные войска идут все дальше и дальше, и близок час, когда карпатский хребет встанет как часовой на границе Русской империи». Автор «Нового времени» предлагал не ограничиваться и этими территориальными приобретениями, визит царя, по его мнению, станет сигналом для новых завоеваний: «С прибытием Государя Императора во Львов Галицкая Русь испытывает такое чувство, как будто после многовекового ненастья густой мрак черных туч, нависших над нею в длинный период лихолетья, был, наконец, пронизан ярким лучом солнца, обещающего бесповоротную победу весны над зимней тьмою, и впереди теплые, лазурные, счастливые дни... окрылят наших чудо-богатырей на новые подвиги в Карпатах для того, чтобы скорее получили заслуженную свободу попираемые ныне врагом Русь “Зеленая”, буковинская и Угорская Русь за высокими Карпатскими горами»¹²⁰.

Патриотически настроенные поэты также воспевали визит царя, служивший знаком присоединения края к империи. Автор русской газеты, выпускавшейся во Львове после занятия города российскими войсками, писал:

Вчера наш Царь, природный Царь,
Родной Галиции явился!
Его узрели мы, как встарь,
И счастьем взор наш окрылился!¹²¹

Образ царя, присезжающего в «свой» город, пробуждающего своим визитом истинный характер края, рисовали и столичные поэты:

И в наше время в том же Львове,
 Молебн праздничный твоя.
 Народ приветствует с любовью
 Освободителя-Царя.
 Нет больше узницы бесправной!
 А будешь впредь из рода в род.
 Могучий, русский, православный
 Единый, спящий народ!

Другой поэт также восхвалял императора:

Ты породил века работы вдохновенной
 Во имя торжества единых русских сил,
 И будешь славен Ты, навеки незабвенный:
 Ты правду русскую во Львове воскресил!¹²²

Новые подданные российского императора, по мнению монархистов, также должны были с волнением пережить праздник единения царя и народа. Русская газета, выходившая во Львове, писала: «И когда великое единение народа и царя, мечта каждого честного русского человека становится явью, и как молниеносная искра зажигает веру в будущее отчизны»¹²³.

Энтузиазм части общественного мнения, восторженно оценившего поездку царя в славянскую провинцию, занятую русскими войсками, свидетельствовал о том, что эта акция на какое-то время способствовала росту популярности императора. Однако некоторые источники описывают совершенно иначе восприятие обществом посещения Галиции. Французский посол записал в своем дневнике:

Все были поражены тем безразличием, или скорее той холодностью, с которой императора встречали в армии. Легенда, сложившаяся вокруг императрицы и Распутина, нанесла серьезный удар по престижу императора среди солдат и офицеров. Никто не сомневается, что измена наша приют в царскосельском дворце и что дело Мясоелова — доказательство реальности всех этих подозрений. Недалеко от Львова один из моих офицеров подслушал следующий разговор между двумя поручиками:

— О каком Николае ты говоришь?

Конечно о великом князе! Тот другой - просто немец!¹²⁴

Возможно, что источники информации М. Палеолога были весьма пристрастны, нельзя исключать и возможность того, что и

сами его дневники при публикации подверглись существенному редактированию автором либо публикатором. Однако наверняка слухи о Распутине, об измене во дворце, подтверждаемые, казалось бы, делом Мисосодова, сфабрикованным Ставкой, снижали пропагандистское значение посещения царем Галиции.

Завершив свой визит в Галицию, Николай II посетил Проскуров, Камениц-Подольск, Одессу, Николаев, Севастополь. 20 апреля император осмотрел Брянские заводы, а затем проскакал через Тверь в Царское Село.

Можно предположить, что сценарий царских визитов после поездки в Галицию был несколько скорректирован, большее внимание уделялось непосредственному общению царя с «простым народом». Так, если ранее на железнодорожных платформах для встречи императора допускались только специально организованные группы (заранее подобранные депутации, военнослужащие во главе со своими командирами, учащиеся, находящиеся под пристальным наблюдением своих наставников), то теперь разрешали появляться и «простой публике». Ответственность за соблюдение порядка во время этих встреч возлагалась на чинов железнодорожной жандармской полиции.

Впервые встреча такого рода состоялась на станции Здолбуново 12 апреля 1915 года. На следующий день, 13 апреля, непосредственное общение императора с народом получило новую форму. Во время переезда из Проскурова в Камениц-Подольск царский автомобильный кортеж остановился в лесу для завтрака. Остановка большого числа маппит привлекла внимание местных крестьян, работавших на полях. Охрана царя установила селян в определенном порядке, после завтрака Николай II подошел к местным жителям, стал их расспрашивать. После этого крестьян пожаловали серебряными часами. Благодарные местные жители упали на колени, начали целовать одежду и руки царя. Сконфуженный император стал поднимать коленопреклоненного старика, однако этой встречей он остался необычайно доволен. Показательно, что и в официальном издании, освещавшем поездки царя, приведены фотографии, запечатлевшие и раздачу часов, и крестьянина, стоявшего на коленях. Автор также счел нужным подчеркнуть изменение самого характера встречи царя и народа во время этих визитов: «И, надо правду сказать, дивную прелесть настоящих поездок ГОСУДАРЯ по России составляет именно полная их простота и доступность. Всякий может видеть ЦАРЯ, и многие даже слышат Его голос. Это большое счастье для народа»¹²⁵.

Показательно, что при описании визитов в города в официальных сообщениях стали всячески подчеркивать непосредственную, стихийную реакцию «простого народа». Так, например, приезд царя в Николаев 15 апреля описывался в следующих выражениях: «По улицам народ не только стоял, но он бежал за ЦАРЕМ, восторженно крича ура, с глубоким душевным волнением выражая радость при виде ГОСУДАРЯ». Генерал Спиридович, отвечавший за охрану царя, вспоминал посещение этого города: «Население встречало Государя попросту, по-провинциальному. Ему не только кричали ура и махали платками и шапками, но за ним и бежали. Казалось, двигалась вместе вся улица. Попросту. Бежали и мои охранники. Народ стоял на заборах, на крышах низких домов, сидели на деревьях и размахивали оттуда шапками». Можно, впрочем, с уверенностью предположить, что местные власти заведомо получили инструкции, допускавшие подобные формы проявления спонтанного народного энтузиазма.

Визит в Николаев, важнейший центр сулостроения, позволил продемонстрировать воюющей стране и другим образцовые формы единения царя и народа. Когда Николай II прибыл на Русский завод, то там его наряду с председателем правления завода и другими начальствующими лицами приветствовал и рабочий Белый (в официальном отчете специально указывалось — «простой рабочий»). Поднеся царю хлеб-соль, Белый заявил: «Мы верим, что наши труды не пропадут даром, и Россия узрит на Святой Софии, в Константинополе, православный крест вместо мусульманского полумесяца». Николай II вручил «простому рабочему» серебряные часы и, принимая царский подарок, Белый поцеловал руку императору. При этом начальствующие лица сообщили царю, что Белый не является все же совершенно «простым рабочим», директор завода сказал: «Вот как люди меняются, в 1905 году это был самый яркий агитатор». Один чин царской свиты сообщил, что Белый был социал-демократом. Интересно, что в официальном пропагандистском издании о сложном политическом прошлом «простого рабочего» не упоминалось, не писалось и о том, что он поцеловал царю руку. На опубликованной фотографии видно, что левый рукав тужурки Белого украшает повязка, очевидно, цветов национального флага¹²⁶. Во всяком случае, патриотически настроенный «простой рабочий» Николаевского завода, пересмотревший свои былые политические убеждения, становился полезным символом единения царя и народа.

По-видимому, это было уже не первое публичное выступление «простого рабочего». В июле 1914 года столичная пресса сообщала, что некий Белов, социал-демократ, обратился к николаевскому градоначальнику от имени многотысячной манифестации рабочих. Он, в частности, заявил тогда: «Пусть враг наш знает, что русская рабочая семья слилась в одном чувстве любви и преданности Государю и родине со всей Россией, и она грозна своим единодушием и сплоченностью». Растроганный градоначальник трижды поцеловал оратора¹²⁷. Очевидно, фамилия выступавшего рабочего была спутана в одной из публикаций. Вероятнее всего, при встрече царя администрация выставила уже испытанного в первые дни войны патриотически и монархически настроенного оратора.

Посещение императором Одессы и Севастополя, смотры отборным войскам, сосредоточенным в этих городах, отчетливо указывали на важнейшую военную и политическую цель — захват Стамбула и проливов; данная тема, как видим, звучала и в выступлении образцового «простого рабочего». Это находило отражение и в некоторых речах Николая II, и в официальных описаниях визитов царя.

Задаче промышленной мобилизации страны должно было служить и посещение огромного Брянского завода 20 апреля. Вновь императора приветствовал патриотической и монархической речью «простой рабочий», вновь толпы восторженных людей бежали за царем. На этот раз Николай II продемонстрировал интерес не только к производственной деятельности, но и к семейному быту мастеровых. Он «неожиданно» приказал остановить свой автомобиль у жилищ заводских работников и отправился в гости к «простым русским труженикам» — именно такое выражение использовало официальное издание. Царь посетил несколько домиков семейных рабочих, он беседовал с хозяйками, в официальном издании специально указывалось, что женщины не были заранее предупреждены о визите царя, они были необычайно взволнованы, но простые и сердечные расспросы императора приободрили их, они охотно поведали ему о своей жизни, угощали царя, доставая свои лучшие припасы. Когда же Николай II передавал им подарки в память о своем посещении завода, то они хватили руки царя и целовали их. Однако в официальном издании не упоминалось о подобной реакции простых русских женщин, видимо, информация такого сорта не считалась пригодной для пропагандистских целей,

да и сам император стеснялся подобных проявлений монархизма. Возможно, впрочем, что визит царя в заводской поселок не стал таким уж неожиданным, да и выбор домов для посещения не был вполне случайным. Показательно описание этого визита:

Слава Богу, брянские рабочие обставлены хорошо, и те домики, в которых был ГОСУДАРЬ, являлись недурно устроенными помещениями для семейных людей. Было чисто, уютно, тепло, на окнах стояли цветы. Во всех квартирах хозяйки были дома, с трепетной радостью встречали не только неожиданного, но и драгоценного, святого для них гостя¹²⁸.

В то время пока император осматривал заводы и лазареты, посещал боевые корабли и принимал парад армейских частей, войска противника нанесли мощный удар по русским позициям. В мае царь вновь направился в Ставку ввиду тревожного положения, складывавшегося на фронте. Он пробыл там более недели, встретив свой день рождения 6 мая, вопреки обычаю вдали от своей семьи. Ставку император покинул после получения известия о том, что Италия вступила в войну на стороне России и ее союзников. Когда же Николай II вернулся в Царское Село, поступили известия о том, что русские войска вынуждены были оставить Перемышль. Крепость, взятая недавно с таким большим трудом, была потеряна. Немногим более месяца тому назад сам император рассматривал ее мощные форты, разрушенные русской артиллерией, теперь же фотографии того триумфального визита, только что появившиеся в столичных иллюстрированных изданиях, воспринимались с горечью. В стране господствовало грустное и тревожное настроение, начали распространяться панические слухи, даже официальное пропагандистское издание сообщало: «Много слухов, невсеслых разговоров шло и в Петрограде, и в Москве, и в других городах»¹²⁹.

И.И. Толстой пересказал в своем дневнике слова городского головы Оренбурга: «Он повторил мне из далеской провинции то, о чем говорят и здесь: о злосчастной идее пожалования великому князю Николаю Николаевичу сабли после взятия Перемышля, о том, что стоит государю поехать на фронт, как роковым образом дела там повертываются против нас, о том, что он окружен немцами, которым до России дела нет и т.п.»¹³⁰.

На своем языке, только гораздо грубее и откровеннее, излагали те же мысли простолюдины. Неграмотный 43-летний крестья-

нин Саратовской губернии Т.В. Маркин в мае 1915 года ввязался в разговор в калачной лавке. Его собеседники рассуждали о том, что итальянский король и император Вильгельм сами командуют своими армиями. Маркин заявил: «У них есть ум в головах, и они командуют, а у нашего ГОСУДАРЯ нет ума и не работает голова, только ездит в действующую армию, а “таровянка” не работает». При этом он показал на свою голову¹³¹. Очевидно, Маркина раздражала праздничная, неделовая атмосфера визитов царя. Но можно предположить, что и для его собеседников сравнение Николая II с итальянским и германским монархами было не в пользу русского императора.

Поражения весны и лета 1915 года полностью уничтожали пропагандистское значение триумфального посещения императором Галиции. Более того, память об этом визите негативно сказывалась на авторитете монарха.

Императрица Александра Федоровна сочла нужным напомнить императору, что Распутин предостерегал его от поездки в Галицию: «Он знает, что говорит, когда говорит так серьезно. Он был против твоей поездки во Львов и П[сремьшль], и теперь мы видим, что она была преждевременна»¹³².

В этой ситуации царь отказался от посещения войсковых соединений и губернских центров. С одной стороны, у императора в этой усложняющейся ситуации просто не было времени совершать свои поездки, требовавшие большой подготовки. С другой стороны, сам сложившийся ритуал поездки представлял собой церемониал празднования, ритуал встречи ликующего народа и победоносных войск со своим державным вождем. В обстановке поражений такие торжества были явно неуместными, они вызвали бы негативный пропагандистский эффект.

3. «Венчепосный главнокомандующий»:

ОБРАЗЫ ЦАРЯ-ПОЛКОВОДЦА

19 июля 1915 года исполнилась годовщина вступления России в войну. Накануне, 18 июля в присутствии царя с верфи Адмиралтейского завода был спущен новый современный линейный крейсер «Бородино». В день же годовщины царь отдал особый приказ по армии и флоту.

В тот же день открылась чрезвычайная сессия Государственной думы и состоялось заседание Государственного совета. В формуле перехода Государственного совета к очередным делам «единение Монарха с Богом и вверенным им народом» рассматривалось как первое условие, необходимое для обеспечения победы¹³³. В то же время в формуле перехода, принятой Думой, тема единения монарха и народа не звучала. За прошедший год официальная риторика представительного органа власти претерпела существенные изменения. Надо полагать, что это не могло не беспокоить царя и его окружение.

Страна встречала годовщину объявления войны с тяжелым чувством. Еще в апреле началось мощное наступление армий противника, 20 мая российские войска оставили Перемышль, крепость, с трудом завоеванную совсем недавно, затем враг занял и Львов, столицу Галиции. Вскоре последовали новые удары, 22 июля русские войска оставили Варшаву. В августе были потеряны крепости Новогоргиевск, Ковно, Осовец, Брест-Литовск.

Уже в июле в Петрограде заговорили об опасности, которой вследствие наступления врага подвергается и столица империи, это нашло отражение в новых слухах, преувеличивавших тяжесть и без того не простой ситуации: «Сегодня все говорят о возможности подхода немцев к Петрограду! Благодарю покорно!» — записал 29 июля в своем дневнике граф И. И. Толстой. 11 августа он вновь вернулся к этой теме: «В городе — только и разговору о предстоящей эвакуации Петрограда, куда все ждут немцев чуть ли не на днях»¹³⁴.

Показательно, что даже в официальном издании Министерства императорского двора вновь упоминаются слухи той поры, они явно становились важным политическим фактором:

Тревожные слухи росли и ширились, проникая во все слои русского общества и приходя по временам самые причудливые, невероятные формы. Трусливые, малодушные голоса сначала шепотом, интелголоса, а затем открыто и настойчиво стали говорить о близкой опасности для обеих наших столиц — Москвы и Петрограда. Каждый день приносил с собою массу новых слухов, подчас совершенно невероятных и легкомысленных, но, тем не менее, вполне достаточных для того, чтобы поддерживать в населении чувство особенной нервности и беспокойства¹³⁵.

Но слухи, представлявшиеся впоследствии столь невероятными, имели под собой в то время и некоторые серьезные основания:

Илл. 8. Царская ставка. Император Николай II и наследник пресаревич Алексей Николаевич. *Фото Петра Оцуна (1915)*

на заседании Совета министров серьезно обсуждались практические меры по эвакуации Риги, Киева и даже столицы империи.

Обострилось и внутривластное положение. Майский антинемецкий погром в Москве и Московской губернии продемонстрировал, что движение, использующее патриотические лозунги, монархическую и национальную символику, может представлять немалую опасность для режима.

На этом фоне усилилось недовольство верховной властью, немало жителей империи полагало, что главная ответственность за поражение войск и за нарастание внутривластного кризиса в стране лежит не только на генералах и министрах, но и на самом императоре.

Некто С. Ястребцов сообщал 7 августа в частном письме о настроениях, царящих в госпитале, который был размещен в здании Московской духовной семинарии: «Вообще, настроение среди раненых далеко не столь бодрое, как было прежде: явно чувствуется

какая-то утомленность и слышится недовольство государственными порядками и действиями Верховной власти». Житель Казани писал 17 августа члену Государственной думы октябристу Д.С. Теренину: «Отношение к ЦАРЮ критическое, чтобы не сказать больше»¹³⁶.

Возмущение тяжелыми и неожиданными для общественного мнения военными поражениями 1915 года проявлялось и в особенностях оскорбления царя в этот период. Ответственность за неудачи на фронте все чаще возлагалась не только на отдельных генералов, на военного министра или на Ставку Верховного главнокомандующего, но и лично на императора. Так, 58-летний крестьянин Харьковской губернии заявил после падения Перемышля: «Министры немцы только водкой торговали, а к войне не готовились. Царь 20 лет процарствовал и за это время напустил полную Россию немцев, которые и управляют нами»¹³⁷. А 62-летний чернорабочий, из крестьян Пермской губернии, так отозвался на весть об оставлении русскими войсками Варшавы: «... (плошадная брань) Нашего ГОСУДАРЯ, он пропил ее (Варшаву), а на его место лучше бы поставить Канку Безносова (известный на заводе пьняница, который чистил отхожие места. — Б.К.), так как он управил бы лучше»¹³⁸.

Такие настроения, в которых патриотическая тревога переплеталась с критикой царя, проявлялись в это время не только в крестьянской среде. 43-летний донской казак был не менее резок в осуждении императора: «Нашего ГОСУДАРЯ нужно расстрелять за то, что он не заготовил снарядов. В то время, как наши противники готовили снаряды, наш ГОСУДАРЬ гонялся за сусликами»¹³⁹.

Но не только городские простолюдины и необразованные деревенские жители теряли веру в императора под влиянием военных поражений. О том же говорили и некоторые офицеры. И в вооруженных силах распространялись тревожные для Николая II настроения. И.И. Толстой записал в своем дневнике 12 августа: «Верпувшийся с фронта Фальборк говорит, что в армии господствует недовольство государем, его обвиняют в неумении управлять страной...»¹⁴⁰

Сложно сказать, насколько распространены были подобные взгляды. Можно лишь сослаться на оценку министра внутренних дел кн. Н.Б. Щербатова, который по своей должности обязан был знать о состоянии общественного мнения: на заседании Совета министров 6 августа он заявил: «В своих докладах я неоднократно обращал внимание Его Величества на рост революционных настро-

ений и предъявлял полученные через военную цензуру письма людей из разных классов общества, до самых близких к дворцовым сферам. В этих письмах ярко видно недовольство правительством, порядками, тыловой разрухой, военными неудачами и т.д., причем во многом винят самого Государя». Показательно, что главы других ведомств, имевшие свои источники информации, не сочли нужным опровергать мнение Щербатова¹⁴¹.

И дела по оскорблению членов императорской семьи, позволяющие ощутить настроения «низов», прежде всего крестьян, и цензура почтовой переписки, регистрирующая настроения образованного общества, фиксировали появление схожих формул, хотя они и выражались с помощью различного языка.

По сравнению с 1914 годом образ царя играл гораздо меньшую роль в патриотической мобилизации русского общества. Показательно, что различные иллюстрированные издания предложили своим читателям разные образы, символизировавшие головшину начала войны. Если год назад все ведущие журналы опубликовали портреты императора, то в июле 1915-го их позиция не была уже столь единодушной. Символическая репрезентация годовщины стала в этих условиях проявлением конкуренции различных концепций русского патриотизма военной поры.

Официальная «Летопись войны», разумеется, поместила царский портрет военного времени, который, очевидно, предпочитал сам император: царь в полевой форме, в гимнастерке¹⁴².

Открывшаяся в Петрограде к годовщине войны передвижная выставка «Наши трофеи», которая должна была стимулировать процесс патриотической мобилизации, была украшена традиционным портретом царя в горностаевой мантии¹⁴³.

«Синий журнал» перепечатал рисунок «Царь в действующей армии» из французского иллюстрированного журнала, который был создан на основании известной фотографии: сидящий царь склонился над картой, рядом с ним Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, за ними стоят генералы Янушкевич и Данилов¹⁴⁴. Таким образом военные усилия России в данном случае олицетворяли и император, и Ставка Верховного главнокомандующего.

Некоторые издания, впрочем, ограничились публикацией портрета одного лишь великого князя, Верховный главнокомандующий рассматривался как главный символ патриотической мобилизации.

Илл. 9. Николай II на смотре кавалерийского корпуса (1916)

Наконец, популярный московский иллюстрированный журнал «Искры» откликнулся на годовщину войны, опубликовав на обложке фотографию могучего солдата-бородача, который курил трубку, сидя на пеньке, о чем-то размышляя. Подпись к снимку гласила: «Русский богатырь»¹⁴⁵. Простой солдат-крестьянин, напоминающий былинного Илью Муромца, должен был стать символом воюющей страны.

Консервативная газета «Новое время» опубликовала в эти дни стихотворение С.А. Коштыкина «Годовщина». В нем, в частности, содержались и такие строки:

В день грознопамятный, единая как встарь,
Под звон колоколов, не знающая смерти,
Россия говорит: «Великий Государь!
В победу полную и в дух народа верьте!»¹⁴⁶

Если учитывать атмосферу слухов того времени, то нельзя не признать, что это стихотворение могло звучать довольно двусмысленно: автор призывал императора верить в полную победу России и в патриотический дух народа. Читатель мог бы предположить, что в настоящий момент царь недостаточно верит в полную победу, между тем даже по сообщениям полцензурной печати в русском обществе как раз в это время циркулировали слухи о вероятности переговоров с целью заключения сепаратного мира между Росси-

ей и Германией. Некоторые публичные речи политиков правого лагеря усиливали подобные подозрения русских воинственных патриотов. Так, во время заседания Государственного совета в день годовщины войны патриарх русской политической жизни, старый лидер консерваторов П. Н. Дурново, прекрасно понимавший те опасности, которыми грозит монархии война с Германией, призвал «гнать врага, гнать до тех пор, пока Государю не заблагорассудится повелеть армии остановиться»¹⁴⁷. Таким образом, именно воля царя, высказанная в подходящий момент, а не полная победа над врагом, признанная общественным мнением страны, могла бы завершить страшную войну. Подобные высказывания правых государственных деятелей, имевших, заслуженно или нет, репутацию германофилов, могли пробуждать у воинственных патриотов подозрения относительно политических намерений царя.

Между тем после падения Варшавы, в условиях нарастающего политического кризиса император принял решение о смещении великого князя Николая Николаевича, он решил сам стать Верховным главнокомандующим.

Для этого у Николая II было немало оснований.

Ставка несла большую долю ответственности за тяжелые поражения русской армии, в период кризиса в ближайшем окружении Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича господствовали панические настроения, сам он порой был близок к истерике. Император, давно мечтавший взять на себя командование армиями, получил для этого возможность. Практические деловые соображения царя переплетались с его мистическим чувством, с необходимостью «разделить свою судьбу» с войсками.

Подобный шаг также позволял императору преодолеть опасный кризис управления, возникший с начала войны в результате усиливающегося вмешательства военных властей в сферу компетенции бюрократов. Это положение весьма беспокоило глав правительственных ведомств, которые неоднократно обсуждали болезненный вопрос на заседаниях Совета министров: «Никакая страна, даже многотерпеливая Русь, не может существовать при наличии двух правительств», — заявил главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин¹⁴⁸. Царь, взяв на себя командование, мог объединить, казалось, различные ветви управления, координировать действия гражданских и военных властей, преодолеть управленческую неразбериху, положить конец нетерпимой ситуации «двоевластия» — именно такой термин использовался в 1915 году в высших правительственных кругах.

К тому же великий князь Николай Николаевич и Ставка становились летом 1915 года важным и весьма опасным для Николая II субъектом политического процесса: на Ставку возлагали определенные надежды и представители «Прогрессивного блока», требовавшие «министерства доверия», и те министры, которые готовы были пойти на определенные уступки «общественности». При этом, сам артистичный великий князь, желавший и умевший быть популярным, прекрасно понимал значение общественного мнения: Ставка стремилась поддерживать хорошие отношения с Думой, земствами и прессой, что объективно усиливало ее политическое значение. Некоторые ведущие столичные издания, такие как «Новое время», «Вечернее время», не без основания воспринимались министрами как рупоры Ставки. Перспектива складывания альянса могущественного и популярного великого князя, «большой прессы» и политической оппозиции не могла не тревожить самого императора и часть бюрократов.

Царя и особенно царицу весьма беспокоили также некоторые неосторожные высказывания великого князя и его окружения. Верховный главнокомандующий необычайно резко отзывался о Распутине и крайне негативно оценивал роль императрицы. Ходили слухи, что в Ставке говорили о возможности заключения императрицы в монастырь. Некоторые мемуаристы опровергают наличие определенных планов такого рода. Адмирал А.Д. Бубнов вспоминал: «Но, зная чувства и идеологию великого князя, можно с уверенностью сказать, что если он и излагал свои мнения в свойственном ему решительном тоне, то, во всяком случае, никогда не придавал им характера угрозы, которую ему приписывала народная молва, твердившая, что он требовал заточения государыни в монастырь»¹⁴⁹. В иных источниках разговорам в Ставке придается большее значение. Во всяком случае, бесспорно, что слухи такого рода были распространены и что царица была о них осведомлена. Это не могло не повлиять на отношение к великому князю Николаю Николаевичу и императрицы, и царя.

Император также полагал, очевидно вполне искренне, что весть о том, что сам царь встал во главе своих войск, воодушевит русскую армию, прежде всего простых солдат.

Наконец, в исследовательской литературе справедливо утверждается, что царь отстранил весьма популярного, несмотря на поражения, великого князя Николая Николаевича «из боязни конкуренции»¹⁵⁰. Приобретенная харизма, которую великий князь уди-

вительным образом продолжал сохранять, несмотря на тяжелые поражения русской армии весны и лета 1915 года, также представляла на данном этапе известную опасность для царской власти (об этом подробнее будет рассказано в главе 6). На заседаниях Совета министров неоднократно упоминалось о том, что не только императрица, но и царь «крайне недоволен» великим князем и лично против него раздражен. Популярность Верховного главнокомандующего, становящегося символическим конкурентом императора, была продемонстрирована на заседаниях законодательных палат, созданных в годовщину войны. Если Государственный совет послал приветственные телеграммы и императору, и Верховному главнокомандующему, то Государственная дума, провозгласив необходимые традиционные здравницы царю, направила телеграмму лишь великому князю Николаю Николаевичу и в его лице всей армии. Зачтение ответной телеграммы Верховного главнокомандующего превратилось в эффектную манифестацию поддержки российской армии. Вряд ли подобное асимметричное выражение почтительности было приятно царю.

Современный исследователь предполагает, что важное решение о принятии на себя командования Николай II принял в конце июля 1915 года, скорее всего не позднее 30-го числа¹⁵¹. Во всяком случае, оно было высказано не позднее 4 августа, император в этот день сообщил военному министру генералу А.А. Поливанову, прибывшему в Царское Село для доклада, о предстоящем смещении Верховного главнокомандующего и о своем намерении занять этот пост. Поливанов должен был отправиться в Ставку, чтобы лично сообщить великому князю Николаю Николаевичу это решение императора. Возможно, что еще раньше царь проинформировал о своем решении председателя Совета министров И.Л. Горемыкина.

В тот же день, 4 августа, в дневнике царя появляется запись: «Вечером приехал Григорий, побеседовал с нами и благословил иконой»¹⁵². Очевидно, Распутин благословил решение императора самому занять должность Верховного главнокомандующего.

Важное политическое решение недолго оставалось секретом для политической элиты. Уже 6 августа Поливанов на заседании Совета министров проинформировал своих коллег о решении царя. Весть об этом была для министров потрясением. В течение нескольких последующих дней большинство членов правительства делало все возможное, чтобы убедить царя отказаться от принятого им решения или, по крайней мере, приостановить его осуществ-

Илл. 10. Император Николай II и наследник цесаревич Алексей Николаевич. Снимок, сделанный царицей Александрой Федоровной (1916)

ление¹⁵³. Действительно, император отложил принятие на себя должности Верховного главнокомандующего. Возможно, впрочем, это было связано не с действиями министров или других лиц, пытавшихся влиять на царя, а с уже свершившимися и еще ожидавшимися поражениями русских войск: брать командование накануне неизбежных военных неудач было бы крайне неразумно. Однако император категорически отказывался вовсе изменить свое решение.

Информация, оглашенная на заседании правительства, недолго оставалась достоянием одних только министров.

Не позже 10 августа об этом узнал председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Он отправился в Царское Село и лично пытался убедить императора отменить принятое решение, его попытка была безуспешной. 11 августа Родзянко вызвал А.В. Кривошеина с заседания Совета министров и убеждал его в том, чтобы правительство решительно противодействовало намерениям императора. Возможно, он полагал, что его вмешательство укрепит и усилит собственное значение председателя Государственной думы, а быть может, и поднимет его к вершинам власти. Д.М. Шепкин со-

Илл. 11. Император Николай II, наследник цесаревич Алексей Николаевич, великая княжна Татьяна Николаевна и князь Никита Александрович. Снимок, сделанный царицей Александрой Федоровной (1916)

общал в своем частном письме от 13 августа: «Началась борьба двух течений — правого и прогрессивного. ... Вот последняя новость: Сам решил уволить Николая Николаевича и стать на Его место — говорят, это влияние Распутина, жсны и немсцкой партии. Предполагал послать Николая Николаевича на Кавказ. При этом в армию Сам не едет и думает командовать из Петрограда. Об этом бесповоротном решении сказал вчера на приеме Родзянко. Он дал Ему сильнейший отпор, указав на безумие такого шага. Сегодня я целый день сидел у Родзянко, да составлял письменный доклад, который он послал в подкрепление вчерашнего разговора. Этот доклад останется историческим документом. Он прямо грозит Ему революцией, опасностью для династии и в конце требует общественного кабинета. Родзянко принял решительные шаги, чтобы воспрепятствовать удалению Николая Николаевича. Сейчас получено известие, что оно отложено. Родзянко уже мнит себя премьером»¹⁵⁴.

Еще днем ранее, 12 августа А.В. Кривошсин заявил на заседании Совета министров, что грядущие перемены уже стали предметом общественных дискуссий: «Решение Государя ни для кого не

секрет. Его все обсуждают, о нем говорят чуть ли не на площадях. Все знают, что это решение вызывает возражения и протесты»¹⁵⁵.

По-видимому, некоторые министры сами способствовали утечке информации. Можно предположить, что мотивы передачи этих сведений были разными у разных министров, но некоторые из них явно стремились мобилизовать общественное мнение, чтобы не допустить принятия пагубного, с их точки зрения, решения императора.

Наконец, против решения царя выступили и некоторые члены императорской семьи. Мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, узнала о планах царя взять на себя командование не позднее 8 августа. В этот день она записала в своем дневнике: «А. [Александра Федоровна] хочет, чтобы Ники взял на себя Верховное командование вместо великого князя Николая Николаевича, нужно быть безумным, чтобы желать этого!» Сам Николай II сообщил своей матери важную новость 12 августа. Дневниковая запись вдовствующей императрицы за этот день гласит: «*Ники* пришел со своими четырьмя девочками. Он начал сам говорить, что возьмет на себя командование вместо Николаши, я так ужаснулась, что у меня чуть не случился удар, и сказала ему все: что это было бы большой ошибкой, умоляла его не делать этого, особенно сейчас, когда все плохо для нас, и добавила, что, если он сделает это, все увидят, что это приказ Распутина. Я думаю, это произвело на него впечатление, так как он сильно покраснел! Он совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и всей стране». Новые разговоры матери императора с сыном, состоявшиеся 18 и 21 августа, также оказались безрезультатными¹⁵⁶.

Настроение вдовствующей императрицы еще лучше, чем дневниковые записи, передает ее письмо от 18 августа (1 сентября), адресованное сестре, британской королеве Александре: «Дело в том, что — оставь это при себе — он хочет взять на себя Верховное главнокомандование вместо Большого Н[иколаши], и это ужасно! Ведь пойдут дела совсем плохо, вся ответственность пойдет на него и что тогда? Я умоляла его по крайней мере подождать, что он, в сущности, и сделал, поскольку хотел принять решение еще позавчера. Ты же понимаешь, какой это ужас для меня, ведь все разумные преданные люди приходили ко мне, просили помочь, и удержать его от этого шага! Только Господь может помочь нам, это напряжение совершенно невыносимо, ты понимаешь? Мне страшно, и я уверена, что она настаивает на этом непостижимом

решении, но ведь она ненавидит Большого Н[иколашу] и всегда старалась сделать все, чтобы убрать его с поста»¹⁵⁷.

Хотя вдовствующая императрица Мария Федоровна и просила английскую королеву держать сообщаемую ей важную информацию в секрете, но можно с уверенностью предположить, что она хотела привлечь и союзную дипломатию к давлению на царя. Показательно, что она также признает тот факт, что многие влиятельные лица — «все разумные преданные люди» — были уже осведомлены о решении императора и пытались оказать на него влияние через мать.

Роль вдовствующей императрицы в попытках оказать давление на императора демонстрирует и дневник великого князя Андрея Владимировича, 15 августа он сделал следующую запись: «По поводу решения государя принять командование над войсками оказывается, что против этого решения восстали многие во главе с императрицею матерью. Как я уже писал выше, и министры были против этого решения, и в результате государь колебался. По словам лица вполне верного (С), государь последние дни был очень расстроен. Он стал чувствовать, что все его надувают, верить ему никому нельзя, и не знал, как выбраться из создавшегося положения. Кроме того, известия с войны не могут служить утешением. Верховный к тому же написал ему письмо панического оттенка, что еще больше его расстроило, и он даже плакал»¹⁵⁸.

Показательно, что великий князь называет вдовствующую императрицу «главой» многочисленной группы представителей верхов, безуспешно пытавшихся повлиять на царя. Действительно, светские салоны и элитные клубы столицы переживали большое возбуждение, некоторые аристократы и высокопоставленные бюрократы безуспешно пытались воздействовать на царя через его мать. Необычайно взволнован был и без того крайне импульсивный принц А.П. Ольденбургский, верховный начальник санитарной и эвакуационной части. Императрица Мария Федоровна поведала великому князю Андрею Владимировичу, что расстроенный принц молил ее уговорить царя не схватить в армию: «Он предвидит ужасные последствия, до народных волнений включительно»¹⁵⁹.

Вести о принятии императором командования достигли и влиятельных иностранцев, находившихся в Петрограде. Нский англичанин, входящий в великосветские салоны, включая и великокняжеские, записал уже 13 августа в своем дневнике: «Бедный император, теперь все ляжет на его плечи. Если ему не повезет, бог знает что

может случиться». Не позднее 14 августа о решении царя узнал и французский посол М. Палеолог, в этот день он записал в своем дневнике: «Несмотря на принятые императором меры по соблюдению строгой секретности, его решение возглавить армию стало уже достоянием гласности. Эта новость вызвала неблагоприятную реакцию. Высказывалось мнение, что император не имеет стратегического опыта, что он будет непосредственно нести ответственность за поражения, опасность которых слишком очевидна, и, наконец, что у него “дурной глаз”. В неопределенной форме эта новость распространяется даже среди масс. Впечатление от нее в народе оказалось еще более отрицательным; утверждают, что император и императрица не считают, что они находятся в безопасности в Царском Селе, и поэтому стремятся найти убежище под защитой армии»¹⁶⁰.

Между тем решение царя о перемене командования, переставшее быть тайной, но не объявленное еще официально, действительно стало предметом гласного, но непрямого общественного обсуждения. Оно связывалось с задачами проведения политических реформ в стране и ускорило формирование оппозиционного «Прогрессивного блока».

18 августа с призывом реорганизации власти и в поддержку великого князя выступила Московская городская дума. Показательно, что резолюция была принята единогласно, все депутаты, включая крайне правых, поддержали ее. Сходные обращения приняли и другие организации Москвы (выборные биржевого общества, выборные купеческого сословия), их поддержала провинция. В некоторых резолюциях говорилось о необходимости единения царя и народа, но предварительным условием такого единения называлось призвание в правительство людей, наделенных общественным доверием. Вместе с тем выражалось «чувство глубокого благоговения» перед ратными подвигами Верховного главнокомандующего. Консервативное «Новое время» утверждало, что «московские резолюции найдут горячий сочувственный отклик по всей стране». Предполагалось, что выполнение содержащихся в них требований обеспечит единение царя с народом и народа с царем. Монархическая риторика в этой ситуации активно использовалась для давления на императора. Но и Николай II в своем ответе, выражая сердечную благодарность Московской городской думе, указывал на особенную необходимость единения царя и его правительства с народом, что вызвало еще более восторженные коммен-

тарии «Нового времени»: «Единение Царя с народом и народа с Царем, каким оно было в начале войны, таким и осталось»¹⁶¹. Использование одних и тех же пропагандистских штампов монархически-патриотического языка создавало иллюзию взаимного понимания, хотя в действительности они оформляли различное видение ситуации и разные сценарии выхода из кризиса. Для одних формула единения царя и народа означала согласие императора на министерство доверия, сам же Николай II считал, что он является лучшим выразителем воли народа.

Давление общественного мнения, прежде всего резолюции Московской городской думы, ощутили и министры, большинство глав правительственных ведомств начиная с 19 августа гораздо решительнее стали выступать против того, чтобы царь взял на себя командование.

На членов правительства известное воздействие оказывали и получаемые ими сведения о настроении в армии. Военный министр А.А. Поливанов сообщал своим коллегам: «По доходящим до военного ведомства слухам, в окопах идут разговоры об увольнении Великого Князя и солдаты высказываются в том духе, что у них хотят отнять последнего заступника, который держит в порядке генералов и офицеров. При таких настроениях в тылу и на фронте увольнение великого князя и вступление Государя чревато всяческими событиями». Некоторые же министры, подобно принцу Ольденбургскому, ожидали народных волнений, подобных антинемецкому погрому в Москве. Ходили слухи и о возможных выступлениях студентов высших учебных заведений, якобы недовольных смещением великого князя¹⁶².

В то же время председатель Совета министров И.Л. Горемыкин полагал, очевидно вполне искренне, что оппозиция лишь использует факт увольнения великого князя как орудие для давления на власть, чтобы добиться новых политических уступок: «По-моему, чрезмерная вера в великого князя и весь этот шум вокруг его имени есть не что иное, как политический выпад против Царя. Великий Князь служит средством»¹⁶³. Такого же мнения придерживалась и императрица¹⁶⁴.

Вопреки мнению Горемыкина, 21 августа большинство министров подписали письмо, в котором они просили императора отказаться от намерения взять на себя командование войсками.

Однако давление, оказываемое на царя министрами, другими представителями политической элиты, не возымело воздействия.

22 августа он отбыл в Ставку, а 24 августа подписал рескрипт о смещении великого князя Николая Николаевича и о принятии верховного командования (документ был датирован предшествующим днем). Наконец, 25 августа великий князь Николай Николаевич покинул Ставку. Текст императорского рескрипта гласил:

Вслед за открытием военных действий причины общегосударственного характера не дали Мне возможность последовать душевному моему влечению и тогда же лично стать во главе армии...

Усилившееся вторжение неприятеля с Западного фронта ставит превыше всего теснейшее сосредоточение всей военной и всей гражданской власти, а равно объединение боевого командования с направлением деятельности всех частей государственного управления...

Однако официально об этих важных изменениях не было объявлено сразу же, несколько дней страна продолжала питаться всевозможными слухами.

Как видим, разные лица, пытавшиеся убедить Николая II отменить принятое им решение, выдвигали схожие аргументы.

Отмечалось, что риск новых поражений слишком велик, в том же случае, если император станет Верховным главнокомандующим, вся ответственность ляжет на него. Об этом писала вдовствующая императрица Мария Федоровна, об этом говорили и некоторые министры. Если верить сообщению военного министра А.А. Поливанова, то именно этот аргумент он сразу же привел царю, когда узнал о его решении:

Я позволил себе подчеркнуть опасность вступления Главы государства в командование в момент деморализации и упадка духа армии, являющихся следствием постоянных неудач и длительного отступления. Я пояснил, что сейчас материальное снабжение находится в отчаянном состоянии и что проводимые меры к его пополнению скажутся только через некоторое время. Я не считал себя вправе умолчать о возможных последствиях во внутренней жизни страны, если личное предводительствование Царя войсками не изменит в благоприятную сторону положения на фронте и не остановит продвижение неприятеля внутри страны; при этом я доложил, что сейчас по состоянию наших сил нет надежды добиться хотя бы частных успехов, а тем более трудно надеяться на приостановку победного шествия немцев. Подумать жутко, какое впечатление произведет на страну, если Государю Императору пришлось бы от

своего имени отдать приказ об эвакуации Петрограда или, не дай Бог, Москвы. Его Величество внимательно прослушал меня и ответил, что все это им взвешено, что он сознает тяжесть момента и что, тем не менее, решение его неизменно¹⁶⁵.

Этот аргумент приводили и другие современники. Великий князь Андрей Владимирович 24 августа сделал запись в своем дневнике: «Еще одно соображение. С принятием государем командования армией, естественно, все взоры будут устремлены на него с еще большим вниманием. И ежели на первых порах на фронте будут несудачи, кого винить? ... В истории не было примера со времен Петра I, чтобы цари сами становились во главе своих армий. Все попытки к этому, как при Александре I, в 1812 г., так и при Александре II, в 1877 г., дали скорее отрицательные результаты. Главным образом вокруг Ставки создавалась атмосфера интриг и тормозов. ... Государь должен быть вне возможных на него нападков. Он должен стоять высоко, вне непосредственного управления»¹⁶⁶.

Указывалось также, что общественное мнение неизбежно припишет решение царя влиянию императрицы и (или) Распутина — даже вдовствующая императрица Мария Федоровна прямо заявила об этом царю при личной встрече. Такую реакцию общества предсказывали и некоторые министры. Министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов утверждал: «Не может быть сомнения в том, что решение Государя будет истолковано как результат влияния пресловутого Распутина. Революционная и антиправительственная агитация не пропустят удобного случая. Об этом влияния идут толки в Государственной думе, и я боюсь, как бы отсюда не возник какой-нибудь скандал. Не надо забывать, что Великий Князь пользуется благорасположением среди думцев за свои отношения к общественным организациям и представителям». А на заседании Совета министров 16 августа обер-прокурор Св. синода А.Д. Самарин уже фиксировал распространение подобных слухов, хотя царь еще и не принял на себя командования: «Между прочим, за последнее время усиленно возобновились толки о скрытых влияниях, которые будто бы сыграли решающую роль в вопросе о командовании». Он отмечал, что распространение этих толков подрывает монархический принцип гораздо сильнее, «чем всякие революционные выступления». При этом, по словам Самарина, сам Распутин внес вклад в распространение подобных слухов, утверждая, что именно он «убрал» великого князя еще до того, как решение было объявлено официально.

Илл. 12. Царь в действующей армии.

Рис. из журнала «Illustration» на обложке «Синего журнала»

Правда, уже во время кризиса председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, сам некоторос время возражавший против принятия царем командования, убеждал глав ведомств, что Николай II действовал по своей собственной инициативе: «Повторяю, в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-либо влияния. Оно подсказано сознанием Царского долга перед родиною и перед измученною армисю». Министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов также отмечал, что «вызов Распутина в Царское Село последовал помимо Государя Императора и что во время принятия решения он отсутствовал»¹⁶⁷.

Вопрос о влиянии «старца» и царицы на царя продолжает оставаться дискуссионным, некоторые историки полагают, что Николай II принял решение о командовании исключительно сам, совершенно независимо от каких-либо воздействий. Это положение нельзя считать вполне доказанным, во всяком случае определенно известно, что и императрица, и Распутин решительно поддерживали в этом отношении царя. К тому же большое значение

имело то обстоятельство, как ситуацию воспринимали современники. А, как видим, даже мать императора была убеждена в том, что Николай II принял это решение под воздействием своей жены, и справедливо предсказывала, что общество прищипет его инициативу Распутину.

Наконец, предполагалось, что смещение весьма популярного великого князя Николая Николаевича вызовет взрыв возмущения в стране, а это приведет к непредсказуемым последствиям. Для министров, противившихся решению царя, это был очень важный аргумент. «К тому же Великий Князь Николай Николаевич, несмотря на все происходящее на фронте, не потерял своей популярности и как в армии, так и в широких кругах населения с его именем связаны надежды на будущее. Нет, все говорит за то, что осуществление решения Государя безусловно недопустимо и что надо всеми средствами ему противиться», — заявил на заседании Совета министров министр внутренних дел Н.Б. Шербаков, по своей должности отвечавший за состояние общественной безопасности в империи. И совершенно панически звучало выступление обер-прокурора Святейшего синода А.Д. Самарина: «Повсюду в России настрония до крайности напряжены. Пороху везде много. Достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар. По моему убеждению, смена Великого Князя и вступление Государя Императора в предводительство армией явится уже не искрой, а целую свечою, брошенною в пороховой погреб». Некоторые министры опасались, что следствием смещения популярного великого князя будет революция, а другие не исключали и возможности каких-то силовых действий со стороны преданных Верховному главнокомандующему чинов Ставки: «В Ставке же, где много людей теряет все с уходом Великого Князя, несомненно возможны попытки склонить Его Высочество на какие-либо решительные шаги», — заявил государственный контролер П.А. Харитонов. Похоже, подобный сценарий развития событий и другие министры не считали невероятным, хотя А.В. Кривошеин и С.Д. Сазонов такую возможность исключали. Наконец, военный министр А.А. Поливанов, вернувшийся из Ставки, успокоил своих коллег на заседании Совета министров 12 августа: «Ни о какой возможности сопротивления или неповиновения не может быть и речи»¹⁶⁸. Но это выступление как раз свидетельствует о том, что до выяснения ситуации на месте и он сам размышлял о возможности силового противодействия со стороны великого князя или его окружения.

И такие опасения не были уж вовсе безосновательными. Немало высших офицеров, приближенных к Верховному главнокомандующему, готовы были пойти на чрезвычайные меры и силой противостоять смещению великого князя: «В душе многих зародился, во имя блага России, глубокий протест, и пожелай великий князь принять в этот момент какое-либо крайнее решение, мы все, а также и армия, последовали бы за ним», — вспоминал видный чин Ставки¹⁶⁹.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов считал даже нужным упомянуть о популярности великого князя в своем разговоре с царем. Он так изложил содержание своей беседы с царем, рассказывая о ней своим коллегам на заседании Совета министров 11 августа:

Увольнение Великого Князя Николая Николаевича явится огромным осложнением в переживаемых тяжелых обстоятельствах. Его репутация как среди солдат, так и в широких кругах населения очень велика: в глазах народа — он Русский Витязь, который за Русскую Землю борется с поганым идолищем, и за него ежедневно в самых глухих уголках служат сотни молебнов. На мои заявления Государь сухо ответил — «все это мне известно»¹⁷⁰.

Можно было бы и заранее предположить, что подобный аргумент, скорее всего, окажет на царя обратное воздействие. Министры прекрасно понимали, что одной из причин, заставлявших императора смещать великого князя, была как раз огромная популярность последнего. Поэтому главы ведомств вновь и вновь убеждали друг друга не упоминать об этом в разговорах с императором. Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин предостерегал своих коллег: «Но должен сказать Совету Министров, что в беседе с Государем надо всячески остерегаться говорить об ореоле Великого Князя, как вождя. Это не только не поможет, напротив, окончательно обострит вопрос». Однако именно Горемыкин заговорил о популярности великого князя во время встречи министров с императором 20 августа. Очевидно, он сделал это намеренно, чтобы еще более укрепить царя в своем решении принять командование и нейтрализовать давление на царя со стороны глав ведомств. Именно так и оценили его выступление некоторые министры, упоминавшие впоследствии Горемыкина¹⁷¹.

Совершенно невозможно было убеждать царя, используя и другой важный аргумент: его собственную непопулярность. Между тем

на заседаниях Совета министров эта тема затрагивалась неоднократно, уже 6 августа министр внутренних дел кн. Н.Б. Щербатов, как отмечалось выше, как раз об этом и говорил. Еще более резко этот аргумент сформулировал А.В. Кривошеин: «Народ давно, уже со времен Ходынки и японской кампании считает Государя Царем несчастливым, псадачливым. Напротив, популярность Великого Князя еще крепка и он является лозунгом, вокруг которого объединяются последние надежды. Армия тоже, возмущаясь командирами и штабами, считает Николая Николаевича своим истинным вождем. И вдруг — смена верховного главнокомандования. Какое безотрадное впечатление и в обществе, и в народных массах, и в войсках». Схожую мысль высказал и обер-прокурор Св. синода А.Д. Самарин: «И вдруг в такую минуту громом покaтится по всей России весть об устранении единственного лица, с которым связаны чаяния победы, о выступлении на войну самого Царя, о котором в народе сложилось с первых дней царствования убеждение, что его преследуют несчастья во всех начинаниях». Эту же мысль он повторил через несколько дней: «...в глазах народа Царь несчастливый». А министр иностранных дел С.Д. Сазонов предсказывал негативную реакцию общественного мнения союзных стран, которое скептически оценивает государственные способности императора: «Нельзя скрывать и того, что за границей мало верят в твердость характера Государя и боятся окружающих его влияний. Вообще, все это настолько ужасно, что у меня какой-то хаос в голове делается. В какую бездну толкается Россия»¹⁷². Показательно, что никто из присутствующих министров не опроверг этих суждений о непопулярности царя. Очевидно, и другие главы ведомств летом 1915 года разделяли это мнение.

26 августа, наконец, рескрипт императора и соответствующие приказы были опубликованы. Вся страна узнала, что у российской армии появился новый главнокомандующий.

Царь и его окружение понимали, что оглашение этого важного решения потребует использования новых средств борьбы за общественное мнение. Очевидно, не случайно Святейший синод назначил всероссийский пост на три дня, с 26 по 29 августа, последний день поста должен был стать «всероссийским праздником трезвости». Постановление Синода гласило:

...Но, по грехам нашим, Господь еще не благословляет нас окончательной победою. Он ждет нашего всенародного покаяния. И есть, братис,

в чем каяться. <...> В городах, где царит обычная суета земная, театры, кинематографы, цирки и разные места увеселений всюду открыты, всюду полны, даже в часы богослужений, конские ристалища привлекают к себе людей состоятельных; а простые люди ищут развлечения в азартной картежной игре, растрачивая свои трудовые копейки. Не бросил еще русский человек и сквернословия, а некоторые предаются и пьянству, вместо водки употребляя разные отравы, лишь бы опьянеть. Говорить ли о блудных грехах, оскверняющих душу и тело как простых, так и образованных людей? ...

Пришло время, возлюбленные, забыть все забавы и увеселения, бежать от них, как от заразы, искать утешения в храмах божьих, умиловать Господа и делах милосердия. Шире отворим двери для несчастных беженцев, дадим приют сиротам воинов, будем всеми способами помогать их вдовам и женам в трудное для них время.

Приказом петроградского градоначальника воспрещались «все увеселения» в течение четырех дней, с 26 по 29 августа. Уже вечером 25-го в церквях началось всснародное моление, на службе в Казанском соборе присутствовал глава правительства И.Л. Горемыкин¹⁷³.

Различные периодические издания по-разному откликнулись на весть о перемене командования. Некоторые иллюстрированные журналы, информируя об этом своих читателей, публиковали портреты царя.

Официальная «Летопись войны» опубликовала погрудный портрет императора в парадной форме Преображенского полка. В комментарии журнала указывалось: «После Петра Великого это первый русский император, который лично принял командование над войсками»¹⁷⁴. «Огонек», правда с некоторым опозданием, воспроизвел тот же портрет (он был напечатан в этом журнале и сразу после объявления войны)¹⁷⁵. Московский журнал «Искры» на обложке опубликовал фотографию: император в кавказской казачьей форме на белом коне объезжает войска. Такой снимок, сопровождаемый заметкой «Государь во главе армии», мог способствовать созданию образа победоносного военачальника¹⁷⁶.

Можно, однако, предположить, что недовольство смещением великого князя иногда демонстрировалось посредством публикации статей и иллюстраций, внешне совершенно лояльных по отношению к царю. В сентябре «Синий журнал» поместил фотографию: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ»¹⁷⁷. Это было одно из немногих изображений царя, напечатанных в этом

популярном издании в годы войны. В данном случае «Синий журнал» использовал фотографию, опубликованную уже «Огоньком» в мае 1915 года с заголовком «Государь Император во вновь завоеванной Червонной Руси», в том же месяце этот же снимок был напечатан и в «Летописи войны»¹⁷⁸. Отчего «Синий журнал» перепечатал фотоснимок именно в это время, через несколько месяцев после первой публикации? Дело в том, что на фотографии за императором, только что вышедшим из автомобиля, видны фигуры великого князя Николая Николаевича и генерала Янушкевича, которые еще находятся в автомобиле. Создавалось впечатление, что бывший Верховный главнокомандующий сверху наблюдает за царем. Можно предположить, что «Синий журнал», публикуя патристический снимок Николая II, стремился в то же время напомнить своим читателям о популярном великом князе, смещенном со своего высокого поста.

Между тем в стране оживленно обсуждались происшедшие события. Реакция российского общественного мнения на принятие царем верховного командования описывалась современниками и историками по-разному.

Официальное издание Министерства императорского двора утверждало: «Вся русская армия с восторгом приветствовала своего нового Верховного Руководителя. ... С единодушным восторгом встретила вся Россия великую весть о принятии ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ на себя верховного командования: русские мысли по этому поводу верно выражены были в радостных статьях всей русской печати»¹⁷⁹.

Некоторые консервативные издания поспешили заявить, что принятие царем Верховного главнокомандования, напротив, означает крах немецких надежд на мир, а «руководство венчанного главы русского народа» еще больше поднимет боевой дух армии «и не будет для нее невозможного». Часть прессы союзников также демонстрировала завидный оптимизм. Французская газета «Матэн» назвала решение царя началом «священной войны», в течение которой произойдут чудеса, а британская «Таймс» уверяла, что царь отправляется в армию с целью устранить внешних и внутренних врагов и освободить народ от немецкого засилья. Даже радикальные французские республиканцы с энтузиазмом — искренним или вынужденным — освещали замену командования в России и... писали о единении царя и народа. Сам Ж. Клемансо заявил в своем издании, что речь императора при открытии Особых совеща-

ний, а также его решенье стать во главе армии доказывают полное единение его с народом в стремлении защитить отечество. Так излагало мнение французского радикала издание Министерства императорского двора (показательно, что в такой книге цитировалось мнение подобного политика)¹⁸⁰.

Императрица Александра Федоровна, со своей стороны, искренне была убеждена в том, что вся Россия с одобрением восприняла решение императора, 30 августа 1915 года она писала царю: «Все смотрят на твоё новое начинание как на великий подвиг». На следующий день она вновь заявляла: «Радость офицеров по поводу того, что ты принял на себя командование, безгранична (colossal), и также безгранична вера в успех»¹⁸¹.

Николай II также верил в то, что большая и лучшая часть страны его поддерживает, 9 сентября он писал царице: «Поведение некоторых министров продолжает изумлять меня! <...> Они боялись закрыть Думу — это сделано! Я остался здесь и вопреки их совету сменил Николашу; народ принял этот шаг естественно и понял его — как мы сами. Доказательство — масса телеграмм в самых трогательных выражениях, которые я получаю из разных мест. <...> Я уехал сюда и сменил Н., вопреки их советам; люди приняли этот шаг как нечто естественное и поняли его, как мы. Доказательство — куча телеграмм, которые я получаю со всех сторон — в самых трогательных выражениях. <...> Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечные точки на карте нашего отечества!»¹⁸²

Очевидно, некоторые представители правящей династии также положительно восприняли весть о перемене верховного командования. Прежде всего, это были представители тех великокняжеских родов, которые издавна не были дружны с великим князем Николаем Николаевичем. Вдовствующая императрица зафиксировала 27 августа 1915 года в своем дневнике реакцию великого князя Кирилла Владимировича и его супруги, великой княгини Виктории Федоровны: «Даки и Кирилл пришли к обеду. Они много рассказывали о больших переменах, и Кирилл считает, что это к счастью»¹⁸³.

И по мнению ряда мемуаристов, часть армии и общества положительно отнеслась к решению императора. Г. Шавельский, протопрессвiter армии и флота, вспоминал, что генерал Нечволодов, командовавший в 1915 году дивизией на Галицийском фронте, прочитал в 1919 году в Екатеринодаре лекцию, в которой он утверж-

дал, что принятие императором должности Верховного главнокомандующего вызвало во всей армии восторг и необыкновенно подняло ее дух: «Генерального Штаба генерал Нечволодов... уверял своих слугателсей, что принятие Государем должности Верховного Главнокомандующего вызвало во всей армии восторг и необыкновенно подняло ее дух. К сожалению, я так и не узнал, какими данными располагал генерал Нечволодов, категорически утверждая факт, касавшийся не одной его дивизии, корпуса и даже одной армии, в состав которой входила его дивизия, а всего фронта, когда лично он мог быть осведомлен лишь в том, как реагировали на совершившийся факт его собственная и две-три соседних дивизии». Сам мемуарист с осторожностью отнесся к этим воспоминаниям, его собственный опыт свидетельствовал об ином: вступление императора в должность Верховного главнокомандующего «не вызвало в армии никакого духовного подъема»:

Смена Верховного, которому верила и которого любила армия, не могла бы приветствоваться даже и в том случае, если бы его место заступил испытанный в военном деле вождь. Государь же в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину: его военные дарования и знания доселе ни в чем и нигде не проявлялись, его общий духовный уклад менее всего был подходящ для Верховного воспитанника. Надежда, что Император Николай II вдруг станет Наполеоном, была равносильна ожиданию чуда. Все понимали, что Государь и после принятия на себя звания Верховного останется тем, чем он доселе был: Верховным Вождем армии, но не Верховным Главнокомандующим; священной эмблемой, но не мозгом и волей армии¹⁸⁴.

Протопресвитер российских вооруженных сил располагал своей информацией о подлинных настроениях в армии. Однако отчасти воспоминания генерала Нечволодова, цитируемые Шавельским, подтверждаются и некоторыми современными свидетельствами. Фронтовик, оказавшийся в Петрограде в конце августа 1915 года, писал: «Ныне Сам Царь становится во главе Своих войск. <...> На фронте много меньше сомнений, чем здесь. Тут все слухи да слухи»¹⁸⁵.

Схожее настроение ощущается и в письме другого фронтового офицера: «Утром приехал Великий Князь Георгий Михайлович, Который вызвал полк, чтобы благодарить его от имени ГОСУДАРЯ. <...> С радостью должен констатировать факт, как благотвор-

но отразился на духе солдат приезд Князя и весть о вступлении ГОСУДАРЯ в командование. Я думал, что популярность среди них Николая Николасвича затмит остальное, но они говорят: «Значит, мы войну выиграем, иначе ГОСУДАРЬ не принял бы командования». Эта простая мысль передалась и мне, и я опять верю в победу, в торжество правды. Помощник ГОСУДАРЯ Алексеев пользуется большим доверием армии»¹⁸⁶.

М.В. Родзянко в своих воспоминаниях отмечал: «Вопреки общему страху и ожиданиям, в армии эта перемена не произвела большого впечатления. Может быть, это сглаживалось тем, что стали усиленно поступать снаряды, и армия чувствовала более уверенности»¹⁸⁷. В данном случае мемуарные свидетельства председателя Государственной думы представляют особый интерес: обычно он подчеркивал отрицательные аспекты принятия императором на себя командования.

И в тылу некоторые были довольны переменами. С оптимизмом смотрел в будущее и профессор Зилов, 28 августа он писал профессору Ю.А. Кулаковскому: «Сегодня газеты немного порадовали известием о победе в Галиции. Принятие ГОСУДАРЕМ командования вселяет во мне надежду на лучшее будущее: если бы не было уверенности в повороте на войне, едва ли бы Он стал во главе армий; по крайней мере, армия теперь должна быть снабжена снарядами, а если так, то, может быть, и Кисва не отдадут»¹⁸⁸.

Вести о победах на фронте и другие люди как-то связывали со сменой командования. Баронесса М.А. Мелс, жившая в Петрограде, получила письмо из Полтавской губернии от своей близкой знакомой: «Бог благословил этой победой удивительно своевременно. ГОСУДАРЬ принял командование, эффект здесь громадный, вся Россия молится... Какое благословение русского оружия. Подкрепи Его Всевышний и дальше!!» Такая оценка событий встречается и в переписке других аристократок, княгине М.А. Гагариной было направлено письмо, написанное, очевидно, каким-то ее родственником: «Душевно радуясь, что день вступления ЦАРЯ в командование армиями ознаменовался блестящею победою у Тарнополя — одних пленных 12 тысяч. Это хорошее предзнаменование. Дай Бог, чтобы Распутин был бы как можно дальше от ЦАРЯ, который будет так занят спасением родины, что об этом пройдет и забудет. Дай Бог только ЦАРЮ побольше силы, чтобы совладать с двумя Своими задачами и чтобы Бог Его хранил в районе военных действий. Он будет ЦАРЕМ-Диктатором, что в данную минуту необходимо»¹⁸⁹.

Эта тема получила развитие и в некоторых газетных статьях того времени, влиятельное «Новое время» писало: «Первый же день командования Верховного Вождя ознаменовался блестящей победой русского оружия, одержанной у Тарнополя, Трэмбовли и между Днестром и левым берегом Серета»¹⁹⁰.

Как видим, люди, приветствовавшие приятие царем командования, указывали несколько причин, обосновывавших их оптимизм.

В некоторых случаях имела место автоматическая монархическая реакция: традиционная харизма верховной власти рассматривается как важнейший постоянный ресурс, якобы неизбежно распространяющийся на всякую должность, которую император решил занять; соответственно приезд царя в Ставку должен непременно улучшить положение на фронте.

Порой эта позиция связывалась с определенным практическим расчетом: раз император решил взять на себя командование, то, значит, дела на войне обстоят не так уж плохо. К тому же это решение воспринималось и как символическое послание: российскую армию, возглавляемую царем, может удовлетворить только победа, любые предложения сепаратного мира теперь будут отвергнуты. «Новое время» писало: «Русский Царь Сам стал во главе своего воинства и жалким прахом развеиваются надежды немцев на мир. ... Руководительство Всеначального главы русского народа еще на большую высоту подымет дух армии и не будет для нее невозможного»¹⁹¹. Между тем всевозможные слухи о тайной подготовке сепаратного мира с Германией были важным элементом политического кризиса. Преодоление этих слухов — как увидим, все же частичное и временное — было необходимо для выхода из кризиса.

Идея сосредоточения военной и гражданской власти в руках царя также воспринималась порой положительно: возникшее во время войны «двовластие» продемонстрировало свою неэффективность. Оптимизм внушала и фигура нового начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева, который пользовался авторитетом среди профессиональных военных и был известен общественному мнению.

Если одни современники видели руку Распутина в принятии императором на себя верховного командования, то другие, напротив, надеялись, что новые обязанности Николая II, связанные с его долгим пребыванием в Ставке, будут способствовать тому, что он, наконец, преодолет пагубное влияние «старца».

На отношение общества к решению царя взять на себя командование серьезно повлияло и то обстоятельство, что снабжение армии со временем улучшилось, а ситуация на фронте вскоре действительно стабилизировалась, Киев был спасен, в некоторых местах российские войска даже успешно контратаковали противника.

В то же время некоторые участники событий считали решение императора трагическим поворотным пунктом в истории страны. М.В. Родзянко, председатель Государственной думы, утверждал впоследствии, что этот шаг «положил начало деморализации армии и был первым толчком к сознательному революционному настроению в стране»¹⁹².

Современная исследовательница О.С. Поршнева, описывая реакцию армии, делает вывод: «Принятое Николаем II в августе 1915 г. решение о занятии им поста Верховного главнокомандующего русской армии было встречено солдатами без энтузиазма»¹⁹³. Такое утверждение, возможно, излишне категорично, соответствующие детальные исследования общественного мнения того времени, насколько нам известно, не проводились. Однако ряд источников свидетельствует о том, что многие люди и на фронте, и в тылу неодобрительно относились к смене командования.

Известный историк С.П. Мельгунов записал 29 августа в своем дневнике: «По поводу перемены в Верховном командовании у обывателей слагаются разные версии: 1) потребовали союзники; 2) царь посхал, чтобы слаться и добиться сепаратного мира. Вернее, это попытка поднять династический престиж. Так объяснял в Москве Кривошин. Говорят, на этот акт отсутствовал Распутин, вопреки мнению всех министров»¹⁹⁴.

Версия о давлении союзников, никак не соответствующая действительности, имела в данном случае некоторый негативный оттенок: царь в своих решениях зависим от Англии и Франции. Версия о поездке на фронт с целью заключения сепаратного мира не получила, похоже, особого распространения, однако интересно, что решение царя «расшифровывалось» прогивоположным образом: вместо влияния союзников указывалось на влияние «немецкой партии», желавшей заключить мир с Германией. Впрочем, разговоры о сепаратном мире продолжались. Известный консервативный публицист Л.А. Тихомиров 5 октября 1915 года сделал запись в своем дневнике:

Легко понять, как подрывают все эти события и слухи авторитет государя императора. Как всегда, враги царя пользуются всем для подрыва его.

Так рассказывают, будто бы принятие Государем верховного командования и удаление Вел. Кн. Николая Николаевича было понято в Англии и Франции как признак того, что Государь хочет иметь свободные руки для заключения сепаратного мира. В силу этого, будто бы правительства Англии и Франции конфиденциально осведомили Государя, что в случае заключения им сепаратного мира Япония немедленно нападет на Россию (ныне беззащитную на Дальнем Востоке), а личные капиталы Государя, хранящиеся в Англии, будут конфискованы. <...>

Словом, кредит Государю подрывается страшно. А Он — поддерживая этих Распутиных и Варнав — отталкивает от себя даже и дворянство и духовенство.

Не знаю, чем кончится война, но после нее революция кажется совершенно неизбежной. Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными Династии останутся только лично заинтересованные люди, но эти продажные лица, конечно, следаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа¹⁹⁵.

Наконец, как это и предполагали министры, принятие царем командования нередко приписывалось влиянию Распутина. Так полагали не только мало осведомленные простолюдины, но и люди, которых можно причислить к политической элите России. Даже бывший министр внутренних дел А.Д. Протопопов давал летом 1917 года следующие показания Чрезвычайной следственной комиссии: «Верховное командование было принято царем после долгих колебаний, по решительному совету Распутина»¹⁹⁶.

В некоторых случаях инициатива смещения великого князя приписывалась и ненавистному бывшему военному министру генералу Сухомлинову. А. Тихомиров записал 1 февраля 1916 года в своем дневнике:

В армии ходят рассказы, что под Великого Князя подкапывались Распутин и Сухомлинов: Распутин за то, что Великий Князь его вышворил из армии, а Сухомлинов потому, чтобы не быть уничтоженным за свои гнусности. Рассказывают, что, уезжая куда-то, Сухомлинов (тогда еще министр) просил Государя позволить проститься с Наследником Цесаревичем и разыграл такую сцену: став на колени перед Цесаревичем, в сердцах (?) воскликнул: «И этого невинного отрока он (Великий Князь)

хочет погубить!» Дело, конечно, не в том, сколько правды во всех этих толках, а в том, что они существуют широко, и постоянно связывают Личность Государя с самыми несправедливыми людьми!¹⁹⁷.

Пожалуй, еще большее число современников полагало, что главным инициатором важных решений о смене командования и перетасовках в верхах была царица Александра Федоровна. Обвинения в адрес «молодой императрицы» продолжала выдвигать и мать царя, вдовствующая императрица Мария Федоровна, ее мнение не было тайной для ряда влиятельных аристократов. А Булыгин писал 27 августа графу С.Д. Шереметеву после посещения резиденции матери царя: «Был сегодня на Елагине. Состояние очень удрученно. Обвиняет во всем Жену. Главное, что смущает — это удаление, или вернее изгнание всех преданных»¹⁹⁸.

Говорили даже, что важнейшее решение было принято в результате прямого сговора с врагом. Некий житель Петрограда писал: «Слухов не оберешься... Между прочим, даже такой чудовишный, будто ГОСУДАРЬ стал во главе армии по совету Вильгельма — дескать, немного подеремся, а я потом уступлю и заключим мир. Будто все это подстраивают “сферы” с черным блоком, в расчете, что Вильгельм поможет расправиться с беспорядками. Такой план мог посоветовать лишь самый злой враг Царской Семьи и монархии в России»¹⁹⁹. Если одни современники выдвигали конспирологические интерпретации событий, видели за сменой командования интриги союзников, то другие в атмосфере шпиономании военного времени даже это событие объясняли германским влиянием.

Весть о принятии императором командования вызвала новую волну оскорблений императора. Писарь тамбовской казенной палаты, например, заявил: «Такой дурак, а принимает командование армией. Ему бы только дворником быть у Вильгельма». О том же говорили и другие оскорбители императора. Молодой астраханец, присутствовавший при чтении вслух телеграммы о принятии императором на себя верховного командования, заявил: «Ну, теперь дело проиграно». Свои слова он пояснил, также назвав царя «дураком». Нижегородский крестьянин, узнав о решении царя, сказал: «Государю некогда делами заниматься. Он всегда пьяный. Он такой же германец». Некий молодой конторщик также не очень высоко оценил военные таланты императора: «Он ни ... не понимает в этом деле, а только может селедку [саблю. — Б.К.] носить». Сумский мещанин в негодовании воскликнул: «Государь так навоюет, как

навоевал Куропаткин, — за два дня продаст Россию». Вообще, немало людей было арестовано в конце августа 1915 года за оскорбление императора, нередко поводом для оскорблений было чтение газет, содержавших информацию о решении Николая II, читатели реагировали непосредственно, а порой и весьма грубо²⁰⁰.

Это поведение лиц, совершавших государственное преступление, требует комментария. Обвинения такого рода явно не были ложными доносами. По-видимому, свидетели оскорбления царя в этих случаях не имели каких-то личных материальных интересов для доноса, а искренне были возмущены совершением преступления -- оскорблением «венценосного главнокомандующего». Интересно также, что в делах по оскорблению великого князя Николая Николаевича в предшествующий период он порой противопоставляется «хорошему императору», так оскорбляли бывшего Верховного главнокомандующего противники войны разного рода. Однако после перемен командования эта оппозиция исчезает. С одной стороны, это связано с тем, что принципиальные противники войны перестают в это время считать царя «миролюбивым». С другой стороны, сторонники войны, которые ругали великого князя Николая Николаевича как плохого полководца, не стали противопоставлять ему царя-восначальника. Можно предположить, что и в милитаристской среде перемен командования далеко не всегда воспринималась с энтузиазмом, многие искренние сторонники войны не ожидали перемен к лучшему после того, как царь лично возглавил вооруженные силы.

Напротив, среди немалой части сторонников войны смещенный с должности Верховного главнокомандующего великий князь продолжал пользоваться авторитетом, он противопоставлялся якобы «неспособному» полководцу-императору. О недовольстве простонародья свершившимися изменениями в командовании сообщали и образованные современники. Нский житель Тулы писал в Петроград П.А. Лелюхину: «Как только представил себе, сколько всяких пройдох, бездарностей и жулья пролезет вслед за Ним в среду наших защитников; как только сопоставлю популярную фигуру сурового “ныне ссыльного” [великого князя Николая Николаевича. — Б.К.] с мягким Хозяином; как только вспомню о неизменных неудачах, сопутствующих Ему чуть не с пеленок; как только свяжу нового руководителя с семейной цепью с Царскосельским узником; как только представлю Его в роли (увы, новой для него) полководца, — страшно делается и за ближайшее и за

дальнейшее будущее России. Мучительно гнетет тяжелая загадка, — какой злой дух внушил Ему это решение, чья это работа... И неужели не нашлось честного человека, который указал бы Ему, насколько Он непопулярен в народе, что о Нем и близких Его (о последних особенно) говорят в самых глухих деревнях»²⁰¹.

Итак, опасения ряда министров подтвердились. Некоторые главы ведомств верно предсказали реакцию части общественного мнения и причины недовольства: влияние царицы и Распутина на царя, неподготовленность императора к занятию должности Верховного главнокомандующего, популярность великого князя, «плохая звезда» Николая II. Мы не можем судить о распространенности этих взглядов, однако сам факт того, что они включались в отчеты цензуры, весьма важен. Показательно также, что источники фиксируют эти настроения в различных слоях общества: если материалы цензуры отображают позицию образованного общества, то дела по оскорблению царя позволяют нередко судить о взглядах неграмотных или малограмотных простолудинов.

Некоторые современники считали, что решение императора было трагическим поворотным пунктом в истории страны. С. Булгаков впоследствии вспоминал: «...скоро начались затруднения и несудачи; обнаружилась «сухомлиновщина», совершилось принятие главного командования Государем, вместо Николая Николаевича, который как-то сделался популярным. Я помню, что это пережито было мною лично как гибель страны и династии, — так это и оказалось. Я просто рыдал с этим газетным листком в руках...»²⁰² Этому мемуарному свидетельству можно вскрикнуть, представляется, что подобная реакция была довольно распространена в кругах, лояльно относившихся к императору.

Однако вместе с тем серьезные опасения некоторых министров, ожидавших, что смена командования вызовет политически опасный взрыв негодования, повлечет массовые беспорядки разного рода, не подтвердились. Общественное недовольство, хотя и не всеобщее, но довольно широко распространенное, не нашло никакого проявления в новых акциях социального протеста. Возможно, это благоприятное развитие событий оказало царю и царице дурную услугу: они стали расценивать сложную политическую ситуацию чрезмерно оптимистично, ошибочно полагая, что большинство населения страны действительно с искренним энтузиазмом взирало на «венценосного главнокомандующего» и одобряет его решения «в самых трогательных выражениях». Это же никак не соответствовало действительности.

После принятия царем на себя верховного командования предпринимались различные новые меры, способствовавшие популяризации нового образа царя-полководца.

Главными визуальными репрезентациями императора, возглавляющего армию, стали снимки, сделанные известными фотографами того времени.

Особое значение для создания образа императора-полководца имела фотография работы мастера фирмы К.Е. Тана, сделанная в сентябре 1915 года. 8 октября фотография одновременно появилась в «Петроградском листке», «Петроградской газете» и «Вечернем времени». Она была опубликована и в популярных иллюстрированных изданиях, появившись в «Летописи войны» (номер от 10 октября) и в «Огоньке» (номер от 11 октября). Впоследствии этот снимок был воспроизведен и в официальном издании Министерства императорского двора, выпущенном не ранее мая 1916 года²⁰³. Подпись к фотографии в «Огоньке» гласила: «Его Величество Государь Император с начальником Своего Штаба генералом от инфантерии Алексеевым в Царской Ставке». Николай II изображен сидящим за столом, на котором была разложена большая карта. У руки царя лежит карандаш, у зрителя должно было создаваться впечатление, что император на мгновение оторвался от текущей оперативной работы. Рядом с императором стоит генерал М.В. Алексеев, а на некотором отдалении — генерал М.С. Пустовойтенко, новый генерал-квартирмейстер Ставки.

Факт одновременной публикации фотографии в нескольких ведущих изданиях заставляет предположить, что Министерство императорского двора способствовало распространению данного снимка. Очевидно, между министерством и редакцией «Огонька» существовали достаточно доверительные отношения — в других иллюстрированных журналах эта фотография не появилась. Возможно, впрочем, что отсутствие публикации снимка в некоторых иных изданиях отражало недовольство смещением великого князя Николая Николаевича.

В ноябре и «Летопись войны», и «Огонек» публикуют факсимиле оригинального текста Высочайшего приказа армии и флота 23 августа 1915 года²⁰⁴. Почти одновременная публикация также вряд ли была случайной. Очевидно, речь шла о пропагандистской акции: первоначальный текст приказа, напечатанный на пишущей машинке, был довольно сухим, а затем император своей рукой добавил несколько эмоциональных строк: «С твердою верою в ми-

лость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защитников Родины до конца и не посрамим земли Русской. Николай». Очевидно, предполагалось, что сам вид фраз, написанных собственноручно императором, найдет особый отзвук у читателей. К тому же добавленная царем фраза также должна была способствовать предотвращению слухов о сепаратном мире. Показательно, что затем этот снимок был воспроизведен и в официальном издании Министерства императорского двора, и на патриотических плакатах, выпускавшихся Комитетом народных изданий²⁰⁵.

В январе 1916 года иллюстрированный еженедельник «Солнце России» опубликовал фотографию П.А. Огуна с подписью «Царская ставка. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович с Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего ген.-от-инф. Алексеевым»²⁰⁶. Публикация снимка дополнялась очерком «В Ставке Верховного Главнокомандующего»²⁰⁷. На фотографии Верховный главнокомандующий и его начальник штаба склонились над картой военных действий. Можно предположить, что редакция журнала изменила свою первоначальную позицию и приступила к популяризации образа царя-главнокомандующего. На первоначальном варианте фотографии присутствовал еще и генерал Пустовойтенко, однако при публикации в этих изданиях левая часть снимка была убрана. Фотография оказалась отредактированной таким образом, чтобы внимание зрителя привлекала именно фигура царя. Оригинальный же вариант появился в том же месяце в «Ниве»²⁰⁸.

Значительно позже, в июле 1916 года этот более ранний вариант фотографии с заголовком «В Царской Ставке» был напечатан и в иллюстрированном журнале «Искры»²⁰⁹. Очевидно, публикация этого снимка во время напряженных боев на Юго-Западном фронте должна была создать у читателя впечатление, что император-полководец, занятый штабной работой, постоянно контролирует ситуацию на фронте.

Если ранее, до принятия командования, Николай II изображался официальной пропагандой прежде всего как величественный высочайший вдохновитель победы, то отныне он описывался и как ее неутомимый организатор. Подчеркивалась и постоянная занятость императора-полководца, при этом использовался распространенный образ бодрствующего неутомимого вождя, который напряженно трудится и в ночное время, когда его подданные имеют

возможность спокойно спать (этот образ стал часто использоваться после революции при характеристике «вождей народа»). «Летописец царя» описывал будни царской Ставки в губернском Могилеве: «Провинциальный, довольно захолустный город, по преимуществу с еврейским населением, давно уже спит, узкие улицы, с множеством мелких лавчонок, давно опустели, а в Царских окнах, во втором этаже, светится огонь, и там Царственный Труженик, Великий Руководитель нашей великой войны отдает все Свои силы на служение Богом данной Ему стране»²¹⁰.

Официальные издания уделяли вниманиис и описанию быта царской Ставки, всячески подчеркивалась личная скромность императора-главнокомандующего. Так, была напечатана фотография походной кровати царя. Когда же в Ставку прибыл наследник великий князь Алексей Николаевич, то рядом была установлена еще одна скромная походная кровать. На простоту быта могущественного государя особо указывалось в пропагандистских текстах²¹¹.

Поездки в Ставку наследника преследовали важную пропагандистскую цель, образ императора-полководца дополнялся и другими репрезентациями близких ему членов семьи. Царь и царица приняли трудное для них решение: цесаревич Алексей Николаевич должен был сопровождать императора в его поездках в Ставку и на фронт, несмотря на свое плохое здоровье. Уже 22 августа, в день отъезда царя в действующую армию, т.е. еще до того, как Николай II официально принял командование, императрица писала ему, что во время следующей поездки в Ставку наследник будет его сопровождать²¹².

И ранее портреты наследника использовались порой для патриотической мобилизации, печатались в виде открыток, публиковались в массовых изданиях. Император еще и до войны выдвигал своего сына в качестве символа русских вооруженных сил²¹³. На различных фотографиях он изображался в форме различных родов войск, чаще всего — в форме какого-либо казачьего войска (наследник русского престола считался атаманом всех казачьих войск). После объявления войны в ряде изданий были опубликованы портреты цесаревича Алексея Николаевича, иногда печатались совместные снимки царя и наследника (как правило, они изображались в казачьей форме). После начала войны в Петрограде в день тезоименитства наследника цесаревича был устроен артистами императорских театров сбор табаку и денег на покупку табака для дей-

ствующей армии. Популярны актеры продавали национальные флажки с изображением наследника, они, по свидетельствам современной печати, «покупались нарасхват»²¹⁴.

Для царя и особенно для царицы решение о поездке в действующую армию наследника, неизлечимо больного мальчика, было непростым. Но царская семья полагала, что она не может не использовать в сложившейся ситуации такое важное, с их точки зрения, пропагандистское оружие, как образ цесаревича. Император и императрица искренне считали, что сама весть о нахождении великого князя Алексея Николаевича на фронте будет с умилением воспринята в стране, вызовет всеобщий подъем патриотических чувств, предотвратит распространение неблагоприятных слухов о возможности заключения сепаратного мира. Текст плаката, изданного Комитетом народных изданий, гласил: «Кто же не поймет, что тот Царь, который самозаветное, что есть у Него, Своего Сына приводит к войскам на поля сражений, как бы говоря: "Я здесь с ним, вместе с Царевичем", как Он может думать о мире ранее победоносного конца»²¹⁵.

Кроме того, царь и царица думали, что пребывание в Ставке, поездки в действующую армию будут важны и для образования и воспитания будущего монарха.

В армию наследник отправился в форме рядового пехотинца русской армии, в официальных отчетах указывалось, что он одет в серую солдатскую шинель. Это вполне соответствовало общей репрезентационной тактике императорской семьи в годы войны, подчеркивающей ее связь с народом: царь должен был выглядеть как «простой офицер», царица — как «простая сестра милосердия», а царевич — как «простой солдат». Очевидно, считалось, что вид миловидного наследника, одетого в простую полесную форму рядового пехотинца, сможет вдохновить войска и будет способствовать массовой патриотической мобилизации общества.

Возможно, и в этом случае царь и царица учитывали современный опыт репрезентационных практик других правящих династий Европы. В иллюстрированных изданиях летом 1915 года публиковались фотографические снимки «молодого бельгийского солдата» — 13-летнего принца Леопольда. Наследник бельгийского престола был запечатлен в полной выкладке пехотинца, в шинели, с винтовкой на ремне²¹⁶.

Днем 1 октября император и наследник выехали из Царского Села, а уже 2 октября на станции Ржица император в сопровождении

лении наследника произвел смотр войскам переброшенного на север 21-го армейского корпуса, сражавшегося ранее в Галиции. Воспитатель наследника П. Жильяр пишет: «Это был первый смотр Царя войскам, после принятия им верховного командования. ... После смотра Государь подошел к солдатам и всгупил в простой разговор с некоторыми из них, расспрашивая их о некоторых боях, в которых они участвовали. ... Присутствие наследника рядом с государем возбудило интерес в солдатах, и когда он отошел, слышно было, как они шепотом обмениваются впечатлениями о его росте, выражении лица и т.д. Но больше всего их поразило, что Цесаревич был в простой солдатской форме, ничем не отличавшейся от той, которую носила команда солдатских детей»²¹⁷.

Из текста Жильяра определенно следует, что факт присутствия на смотре наследника, облаченного в «простую солдатскую форму», возбудил большое любопытство выстроенных солдат. Так, скорее всего, и было на самом деле. Не очевидно, однако, что солдаты с одобрением оценили новый образ цесаревича-солдата.

В официальной пропаганде также указывалось, что реакция солдат, выдавших на смотрах наследника, была восторженной. Они якобы с удовлетворением воспринимали необычные образы «простого офицера» и «простого солдата»: «Видел, оба в солдатских шинелях. Наследник-то даже не унтер-офицер, а как солдат рядовой идет. И как верно и смело шагает, выправка какая, смотри, как хорошо марширует за ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ. Тоже смело, как ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР в глаза глядит, никого не пропустит. Маленький, а молодец какой!»²¹⁸

Императрица же была совершенно уверена, что поездка наследника на фронт окажет положительное воздействие на русские войска, тем более что эта акция была заранее одобрена Распутиным. 2 октября она писала царю: «Не произведешь ли ты смотр войскам в Могилеве, тогда они увидели бы Бэби? Наш Друг говорил Анс, что его пребывание в армии принесет благословение — даже малютка наш помогает!»²¹⁹

В Ставке император и наследник присутствовали на празднике казаков царского конвоя, в Ставке был отмечен и день тезоименитства великого князя Алексея Николаевича, а 11 октября царь и цесаревич отправились на фронт. Официальная хроника гласила: «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович и Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич изволили отбыть к действующей армии. 11-го, 12-го и 13-го посетили Южный фронт»²²⁰.

Царь и наследник посещали фронтовой и армейские штабы, производили смотры войскам.

12 октября царь в присутствии наследника, одетого в простую солдатскую шинель, с медалями на груди, производил смотр войскам армии генерала Брусилова. Генерал Спиридович, сопровождавший императора, так описал завершение этого смотра:

Уже стемнело, когда Государь распрошался с войсками. Автомобили зажгли фонари. Кругом был какой-то, хватавший за сердце, хаос. Премело оглушительное ура, играла музыка, пели «Боже Царя храни», все толпились к автомобилям. Откуда-то появилась группа сестер милосердия. Они бросились к Наследнику, со слезами благодарили Государя, что привез Наследника. «Спасибо, Ваше Величество, спасибо», — кричали они. Государь остановился. Все столпились, облепили автомобиль. Государь стал раздавать медали сестрам. Кругом крики, восторг, слезы²²¹.

Можно предположить, что мемуарист, верный памяти царя, вовсе не склонен был задним числом снижать образы императора и цесаревича. Однако в его изображении торжественный смотр войск превращается в некую встречу путешествующих знаменитостей с истеричными поклонницами. Вряд ли награждение сестер милосердия медалями в такой обстановке положительно воспринималось ветеранами-фронтовиками (о динамике образов сестер Красного Креста в общественном сознании см. ниже).

13 октября царь и наследник осмотрели части Печерского полка, выстроенные всего лишь в 5 верстах от боевых позиций. В официальных отчетах указывалось, что место этого смотра недавно обстреливалось тяжелой артиллерией неприятеля²²².

Очевидно, однако, что поездка царя с наследником на фронт встретила не одни только положительные отклики. Учительница Клипской женской гимназии Н.И. Архангельская была обвинена в том, что в октябре 1915 года она заявила: «...и наш Николашка-дурачок поехал в действующую армию, да еще и захватил с собою и своего незаконнорожденного хромого наследника»²²³. Хотя обвиняемая утверждала, что доносители ее оговорили, но какие-то разговоры такого рода, по-видимому, имели место.

Вопрос о поездке цесаревича на фронт стал предметом обсуждения одного сельского схода в Казанской губернии. После этого 56-летний крестьянин С. Сабитов был приговорен к трехмесячно-

му аресту за то, что он сказал: «Куда наследнику. Он еще с...»²²⁴ Вряд ли пребывание цесаревича на фронте воспринималось только с умилением.

8 октября К.А. Мацкевич, студент Московского университета и «медицинский брат», участвовал в разговоре с несколькими прапорщиками и сестрами милосердия. Один из офицеров заявил, что в населении наблюдается большой подъем патриотизма. На это Мацкевич возразил: «Ну, это не совсем так, я был в Москве и слышал, что Государь поехал в армию с Наследником, чтобы сдать в плен и заключить сепаратный мир». Разгоряченным от выпитых напитков молодым офицерам показалось, что Мацкевич сам обвиняет царя, они тут же арестовали его и отвели в комендантское управление города Проскурова, было возбуждено уголовное дело, в качестве меры пресечения было избрано содержание под стражей. На следствии Мацкевич заявил: «Этот слух не соответствует ни моему убеждению, ни моим личным взглядам. Я лично не допускаю себе возможности, чтобы он был правдивым». Жандармский офицер в конце концов решил, что данных для предъявления обвинения Мацкевичу нет, и он был освобожден из-под стражи²²⁵.

Мы не знаем, что в точности говорил обвиняемый. Показательно, однако, что и доносители, и обвиняемый, и следователь сразу же поверили в существование такого слуха, в котором царь берет наследника на фронт для того, чтобы сдать в плен.

Первоначально официальные издания иллюстрировали весть о поездке наследника на фронт, публикуя известный довоенный снимок императора и цесаревича в казачьей форме²²⁶. Однако уже 18 октября в журнале «Огонек» появилась фотография, изображавшая царя и наследника во время посещения действующей армии²²⁷. Столь оперативная реакция коммерческого иллюстрированного издания на поездку цесаревича косвенно свидетельствует о том, что визит наследника на фронт был довольно важным информационным поводом. Но был ли он эффективным инструментом монархически-патриотической мобилизации?

В ноябре 1915 года фотографии, изображающие императора и наследника на смотре в октябре, появились и в официальном патриотическом издании²²⁸. Затем снимки такого рода продолжали публиковаться.

За эту первую поездку в действующую армию цесаревич был удостоен награды. 17 октября император записал в своем дневнике: «По ходатайству генерал-адъютанта Иванова пожаловал Алек-

сею Георгиевскую медаль 4-й степени в память посещения армий Юго-Западного фронта вблизи боевых позиций. Приятно было видеть его радость»²²⁹.

Отныне на различных официальных фотографиях великий князь Алексей Николаевич изображался с этой боевой медалью. На некоторых снимках наследник запечатлен со всеми своими наградами²³⁰. Но, как правило, он носил одну лишь Георгиевскую медаль. Соответствующие портреты заказывались художникам, затем они воспроизводились в виде почтовых открыток²³¹. Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения в июле 1916 года предписывал попечителям учебных округов, чтобы руководители подведомственных им учебных заведений приобретали портрет наследника, выпущенный Императорским обществом ревнителей истории. Портрет представлял собой гравюры с оригинала работы профессора Маковского, на нем наследник был изображен в походной форме и с Георгиевской медалью. Специально оговаривалось, что портрет одобрен и разрешен к распространению императрицей Александрой Федоровной. Подчеркивалось, что портрет является последним по времени и «навсегда останется памятником об участии ЕГО ВЫСОЧЕСТВА в настоящей великой войне»²³².

Очевидно, что императорская семья полагала, что такой образ наследника, удостоенного боевой награды, будет способствовать монархически-патриотической мобилизации общества. Однако это могло восприниматься и как девальвация существующей наградной системы. Как относились к этой награде войны, проливавшие свою кровь в боях? Во всяком случае, нет свидетельств того, что награждение цесаревича спровоцировало какой-то значительный патриотический подъем.

В тылу же оно порой встречало ироничные комментарии. 38-летний торговец из Томской губернии в феврале 1916 года заявил в своей лавке, указывая на портрет императора: «... вишь <...> сколько на себя орденов навесил, а на сына своего еще больше»²³³. Очевидно, лавочник, поляк по национальности, был из ссыльных поселенцев, можно предположить, что он бы негативно интерпретировал любые действия царя. Но показательно, что он повесил портрет царя (возможно, портрет царя и цесаревича) в своей лавке.

В то же время помощник начальника Киевского губернского жандармского управления следующим образом характеризовал в феврале 1916 года настроения крестьян Уманского, Звенигородско-

го и Липовецкого уездов: «...описания посещения ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ передовых линий укрепляет надежду на победный исход войны и комментируется как желание ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Самому стать на защиту своего народа, рядом с ним и во главе его»²³⁴. Показательно, однако, что составитель этого отчета ни словом не упомянул о том, что царя сопровождал наследник.

Во всяком случае, посещения войск цесаревичем привлекали некоторое внимание прессы. «Огонек», например, опубликовал снимок, на котором император, наследник, министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс, генералы Н.И. Иванов и Шербачев рассматривали карту²³⁵. У читателя, очевидно, должно было сложиться впечатление, что великий князь Алексей Николаевич смолodu постигает искусство полководца.

Первая поездка наследника в армию продолжалась недолго, уже 15 октября императорская семья встретилась в Могилеве, а 19-го затем царь, царица, наследник и царевны вернулись в Царское Село.

27 октября император и цесаревич вновь отправились в поездку. Они посетили Ревель, Псков, Ригу, Витебск, осматривая войска. В Могилев, где находилась Ставка, они прибыли 30 октября.

7 ноября они отправились в новую поездку — Одесса, Тирасполь, Рени, Балта, Херсон. 12 ноября царский поезд вновь прибыл в Могилев. 18 ноября цесаревич и император вернулись в Царское Село. Вновь они прибыли в Ставку 24 ноября. 3 декабря царь и наследник выехали на фронт, чтобы посетить войска гвардии, император предполагал провести день своих именин среди гвардейцев, однако у наследника началось сильное кровотечение на фоне простуды, кровь не удавалось остановить, и тогда императорский поезд срочно направился сначала в Могилев, а затем в Царское Село.

12 декабря Николай II вновь отправился в Ставку, на этот раз без цесаревича. Однако пропагандистское использование образа наследника продолжалось. После выздоровления он вернулся в Ставку и продолжал вместе с императором посещать войска. 25 мая 1916 года наследник был произведен в звание ефрейтора. В семье Романовых это событие было встречено с удивлением: «Поздравляю Алексея с Ефрейтором, так мило!» — писала великая княжна Татьяна Николаевна отцу²³⁶. Однако вряд ли на втором году войны эта императорская игра в солдатики могла вызвать массовый восторженный отклик в стране.

Образы царя и наследника в полевой армейской форме становились официальным символом воюющей России. Подобные изображения печатались на новом тексте воинской присяги, на Георгиевском листе-грамоте и даже на меню царского обеда в Ставке²³⁷.

И в дальнейшем снимки наследника, присутствующего на войсковых смотрах, на представлениях иностранных атташе императору, на штабных заседаниях появлялись в официальном иллюстрированном издании «Летопись войны».

Но в какой степени публикации такого рода способствовали монархически-патриотической мобилизации?

Разумеется, в официальных изданиях писали о необычайной популярности образа цесаревича: «Русские дети — отъявленные патриоты. Особенно — девочки. Возьмите любой детский альбом и укажите мне хотя бы один, где бы не было карточки наследника в боярской шапке»²³⁸. Очевидно, речь идет о довоенном снимке цесаревича в парадной казачьей форме.

Однако показательно, что некоторые коммерческие иллюстрированные издания вообще не проявляли интереса к пребыванию наследника на фронте, а другие подобные журналы быстро этот интерес утратили. Последний популярный снимок, изображавший царевича, опубликованный сразу в нескольких иллюстрированных изданиях, изображал наследника и царя, принимающего турецкие знамена, захваченные войсками Кавказского фронта при взятии Эрзерума²³⁹. Но не наследник, снятый со спины, и даже не царь, почти невидный на фотографии, привлекают внимание зрителей, главные герои снимка — солдаты, герои отборных кавказских полков, доставившие трофеи в Ставку.

Не все фотографии царя и наследника производили надлежащий эффект. Инвалид войны, 27-летний воронежский крестьянин, тяжело раненный при обороне крепости Осовец, увидев в январе 1916 года портрет императора с сыном в доме у своего соседа, заявил: «Наследник Цесаревич с отцом прошли Россию»²⁴⁰. Однако сам факт наличия подобного портрета в доме у крестьянина свидетельствует об известной распространенности предлагавшегося образа.

Важным общественным событием, способствующим монархически-патриотической мобилизации, должно было стать награждение царя орденом Святого Георгия. Очевидно, этот вопрос обсуждался еще в то время, когда Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич. Уже в начале 1915 года на-

чальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич писал военному министру генералу В.А. Сухомлинову: «Куда поедет государь, еще не известно. Очень хочет ближе к шрапнели. Вы изволили запросить (о Георгии) про поездку под Саракамыш. Великий князь поручил добыть точную справку, как получали или возложили на себя Георгия 4 ст. императоры Александр I, Николай I и Александр II. Может быть, найдете возможным помочь мне в этом и приказать такую справку добыть и переслать. Буду глубоко признателен». Т.о. инициативу награждения императора орденом проявил Сухомлинов, но, похоже, Верховный главнокомандующий вовсе не спешил реализовать этот проект. Сухомлинову оставалось только обеспечить историческое обоснование: «Справку о “Георгии” прилагаю», — писал он Янушкевичу 2 марта 1915 года²⁴¹.

Возможно, в обществе обсуждался вопрос о планируемом награждении императора военным орденом. Во всяком случае, в середине августа 1915 года, т.е. еще до того, как царь официально объявил о принятии им на себя верховного командования, журнал «Нива» опубликовал статью: «Русские императоры и орден Св. Георгия»²⁴².

Новую инициативу награждения царя проявил, по-видимому, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Н.И. Иванов.

21 октября 1915 года Георгиевская дума этого фронта единогласно постановила наградить императора орденом в связи с посещением им и наследником армий фронта 12 и 13 октября (вряд ли было случайностью то обстоятельство, что это решение было принято в день восшествия императора на престол). Обоснование постановления звучало так:

...Георгиевская Дума усмотрела: что присутствие Государя Императора на передовых позициях вдохновило войска на новые геройские подвиги и дало им великую силу духа, что изъявив желание посетить воинскую часть, находящуюся на боевой линии, и привела таковое в исполнение, Его Императорское Величество явил пример истинной военной доблести и самоотвержения, что, пребывая в местах, неоднократно обстреливаемых неприятельской артиллерией, Государь Император явно подвергал опасности свою драгоценную жизнь и пренебрегал опасностью, в великодушном желании выразить лично войскам свою монаршую благодарность, привет и пожелания дальнейшей боевой славы. На основа-

нии вышеизложенного Георгиевская Дума Юго-Западного фронта единогласно постановляет: повернуть через старейшего Георгиевского кавалера генерал-адъютанта Иванова к стопам Государя Императора всеподданнейшую просьбу: оказать обожающим Державного вождя войскам великую милость и радость, соизволив возложить на себя орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени. на основании ст. 7-й.

У читателей этого постановления могло сложиться впечатление, что император находился под обстрелом вражеской артиллерии. Впоследствии это нашло отражение в некоторых мемуарах: «Император часто инспектировал войска и несколько раз оказывался под обстрелом»²⁴³. Это не соответствовало действительности, хотя расположения войск, которые он посещал вместе с наследником, находились в зоне возможного артиллерийского обстрела: как уже отмечалось, 13 октября император неожиданно прибыл в расположение Печерского полка, находившегося всего в пяти верстах от своих боевых позиций.

Через три дня орден был вручен царю, и он сам возложил на себя Георгиевский крест. Официальное издание сообщало:

25 октября в Царскосельском Александровском дворце ... состоялась прием прибывшего из действующей армии Свиты Его Величества генерал-майора князя Бярятинского, состоящего в распоряжении генерал-адъютанта Иванова.

Кн. Бярятинский имел счастье доложить, что он командирован главнокомандующим генерал-адъютантом Ивановым для представления единогласного постановления местной Георгиевской Думы:

При этом князь Бярятинский колениопреклоненно имел счастье поднести Его Императорскому Величеству постановление местной Георгиевской Думы и Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени²⁴⁴.

Для самого императора получение военного ордена было важным событием, серьезным переживанием. Эмоциональная запись в царском дневнике в этот день весьма отличается от его обычно сухих поденных регистраций событий:

Незабвенный для меня день получения Георгиевского Креста 4-й степ.
... В 2 часа принял Толю Бярятинского, приехавшего по поручению

Н.И.Иванова с письменным изложением ходатайства Георгиевской Думы Юго-Западного фронта о том, чтобы я возложил на себя дорогой белый крест!

Целый день после этого ходил как в чалу. ... Георгий [великий князь Георгий Михайлович. — Б.К.] вернулся, чтобы поздравить меня. Все наши люди трогательно радовались и целовали в плечо²⁴⁵.

В день получения награды император направил телеграмму генералу Иванову, она также воспроизводилась в периодической печати: «Несказанно тронутый и обрадованный незаслуженным мною отличием, соглашаюсь носить наш высший боевой орден, и от всего сердца благодарю всех Георгиевских кавалеров и горячо любимые мною войска за заработанный мне их геройством и высокой доблестью крест»²⁴⁶.

Скромный и честный текст телеграммы царя вряд ли был удачным с пропагандистской точки зрения: фактически Николай II публично признавал, что орден был им получен незаслуженно.

Члены царской семьи поздравляли императора и выражали надежду, что его награждение будет способствовать укреплению боевого духа войск. Великий князь Михаил Михайлович, находившийся в Англии, 5 декабря 1915 года писал царю:

Во-первых, от всей души поздравляю тебя еще раз с Георгием 4-й ст. Давно уже об этом были неофициальные сведения в заграничных газетах, но я не смел поздравить, пока сам прочел это официально в «Русском инвалиде». Могу себе представить, с какою радостью и гордостью ты возложил этот дорогой белый крест на свою грудь. Когда я прочел в «Инвалиде» все подробности, как все это было сделано, и твою идеальную телеграмму генерал-адъютанту Иванову, у меня слезы радости и умиления так и текли. Могу только от себя прибавить, как старый кавказец и воспитанный моим незабвенным драгоценным покойным папа до глубины моих костей в старом воином духе, что, начиная от старейшего генерала до последнего солдата, все наши святые чудо-богатыри должны гордиться, видя своего возлюбленного царя и верховного вождя с этим белым крестом²⁴⁷.

Плакал ли на самом деле великий князь Михаил Михайлович, получив весть о награждении императора? Во всяком случае, он считал нужным сообщить царю о своем впечатлении именно в таких выражениях. Идеальный подданный монарха в этой ситуации дол-

жен был выражать свое крайнее умиление, ему следовало обозначить особенно сильную эмоциональную реакцию при вести о награждении царя знаменитым военным орденом.

Свою пенсию по ордену Св. Георгия 4-й ст. (150 руб. в год) и пенсию цесаревича по Георгиевской медали 4-й ст. (12 руб. в год) Николай II пожертвовал Александровскому комитету о раненых. Об этом сообщалось в официальном пропагандистском издании²⁴⁸.

Образ «Державного Георгиевского кавалера» стал необычайно важен для репрезентации монархии. Отличительной чертой всех официальных портретах император стал изображаться с Георгиевским крестом. Немалое распространение получили фотографии, на которых изображались царь и цесаревич — император с орденом, а наследник с Георгиевской медалью.

Свой вклад в определении новой тактики репрезентации царя пыталась внести царица, она писала Николаю II 5 ноября 1915 года: «Как очаровательны фотографии Алексея! Ту, на которой он стоит, следовало бы напечатать на открытках для продажи, — пожалуй, даже обе. Снимись с Бэби, тоже для продажи, чтобы мы могли разослать карточки солдатам. На юге снимитесь с крестами и медалями, в фуражках, а в ставке или по дороге туда на фоне леса, в шинелях и папахах»²⁴⁹.

Но, насколько можно судить, большее распространение получили другие портреты царя и цесаревича, сделанные в ноябре 1915 года.

Снимок работы фотографа П.А. Оцуца, собственного корреспондента официальной «Летописи войны», изображал императора и наследника, подпись гласила: «Царская ставка. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович и Его Императорское Высочество Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич». Император с орденом Св. Георгия запечатлен сидящим, рядом с ним стоит улыбающийся наследник с медалью, и отец, и сын в полевой форме, в гимнастерках. В январе 1916 года фотография появилась сначала в «Летописи войны», а затем и в различных иллюстрированных изданиях («Солнце России», «Нива»). Порой специально указывалось, что снимок сделан в Ставке. Печатались и открытки с этим изображением — так, соответствующую фотографию распространял Скобелевский комитет²⁵⁰. Очевидно, популяризации именно этого образа придавалось особое значение.

Другой довольно распространенный снимок также был сделан П.А. Оцуцом. Он появился в прессе еще раньше, в самом конце

1915 года его опубликовала официальная «Летопись войны»²⁵¹. Стоящие император и наследник запечатлены в Ставке на фоне заснеженной улицы, они в шинелях, но, вопреки пожеланиям царицы, не в папахах, а в фуражках (император предпочитал носить этот головной убор и зимой, папаху он надевал лишь во время больших морозов). У наследника на шинели медаль, у императора — георгинская ленточка. Этот снимок воспроизводили и другие иллюстрированные издания²⁵².

Официальная пресса приводила исторические справки, информировавшие читателей об исторических прецедентах награждения российских императоров военным орденом. В официальной «Летописи войны» были воспроизведены портреты царей, удостоенных этой награды, — Александр I, Александр II, Александр III, Николай II. Царствующий император был удостоен самого большого портрета, он был изображен в гимнастерке, полевой форме эпохи войны. Эта же иллюстрация появилась и в очередном выпуске официального издания, освещавшего поездки Николая на фронт²⁵³.

Принятие царем награды бесспорно стало важным информационным поводом. Соответствующие фотографии, статьи и заметки появились в ряде ведущих иллюстрированных изданий.

Но способствовало ли награждение царя задачам монархически-патриотической мобилизации?

Разумеется, официальные издания давали положительный ответ: «С глубокой радостью вся русская армия от генерала до солдата узнает, что Его Императорское Величество Государь Император возложил на себя, по ходатайству Георгиевской Думы, наш святой белый крест. С великим смирением Русский царь принял эту высокую военную награду. ... Когда военная судьба принудила нас отойти в глубь России и когда русский народ с трепетом ожидал событий тяжелых и тревожных, тогда Русский Император, взяв меч в свои руки, остановил нашествие иноплемennых. И теперь Святая Русь стала спокойнее жить, увереннее смотреть на будущее, а злой враг не только приостановил свое нашествие, но мы, как знают это все теперь, всюду начинаем теснить врагов наших»²⁵⁴.

Однако в кинотеатрах, когда демонстрировалась кинохроника, изображавшая царя с новым орденом, из темного зала нередко раздавалась незамысловатая грубая шутка: «Царь с Георгием, а царица с Григорием». Известное мемуарное свидетельство В.В. Шульгина подтверждается как иными воспоминаниями, так и другими

источниками. 10 марта 1916 года И.И. Толстой зафиксировал в своем дневнике рассказ одной знакомой: «Между прочим, она рассказала характерный анекдот: будто в кинотеатре (“Parisiana” на Невском?) демонстрировали вручение государю Георгия 4-й степени, и вдруг в тишине среди публики раздался голос: “Николаю — Георгия, а Александре — Григория на шею!” Произошел скандал, и, будто бы, кого-то удалось схватить»²⁵⁵.

Намек на влияние Распутина при дворе дополнялся, очевидно, ироничным отношением к церемонии самонаграждения царя. Так, в апреле 1916 года житель Полтавской губернии, рассматривая изображение императора на календаре, заявил: «Вот, сукин сын, как крестами украшен»²⁵⁶.

Между тем император и наследник изображались официальной пропагандой как члены большой единой семьи отважных героев, славных георгиевских кавалеров. Портреты царя и цесаревича украсили бланки наградного георгиевского листа-грамоты²⁵⁷. Дни Георгиевского праздника использовались для монархически-патриотической мобилизации. Генерал Спиридович так описывал празднование 26 ноября 1915 года:

В Ставку были вызваны георгиевские кавалеры по офицеру и по два солдата из каждого корпуса. Также и от флота. В десять утра георгиевские кавалеры были построены перед дворцом. На правом фланге стоял Великий Князь Борис Владимирович. Государь с Наследником обошел кавалеров, здоровался и поздравил с праздником. Отслужили молебен. Прошли церемониальным маршем. Государь благодарил отдельно офицеров и солдат. Алексеев провозгласил «Ура» Державному Вождю Русской Армии и Георгиевскому кавалеру! Затем была обедня и завтраки. Государь пришел в столовую солдат кавалеров и выпил за их здоровье квасом. После же завтрака офицеров, на котором было 170 человек, и сам Государь, Его Величество обошел офицеров и разговаривал буквально с каждым. Это заняло полтора часа и произвело на всех огромное впечатление. Когда же, после обхода, Государь поздравил кавалеров с производством в следующий чин, энтузиазм прорвался в криках ура и достиг апогея²⁵⁸.

Показательно, что на большой официальной церемонии император демонстративно употреблял квас, что соответствовало общей политике «отрезвления» страны во время войны. Хотя за его сто-

лом в Ставке постоянно употреблялись и крепкие напитки (это отмечено рядом мемуаристов), общественное мнение об этом не осведомлялось.

И в ноябре 1916 года Георгиевский праздник использовался для монархически-патриотической мобилизации. Так, официальная «Летопись войны» вновь воспроизвела фотопортрет царя и наследника работы Оцуна, обрамленный на сей раз Георгиевской лентой²⁵⁹.

Общение с георгиевскими кавалерами царь использовал для важных политических заявлений. Так, 20 декабря 1915 года, обращаясь во время смотра одной из армий к специально вызванным георгиевским кавалерам, он заявил: «Будьте вполне покойны: как Я сказал в начале войны, Я не заключу мира, пока мы не изгоним последнего неприятельского воина из пределов наших, и не заключу его иначе, как в полном единении с нашими союзниками, с которыми мы связаны не бумажными договорами, а истинною дружбою и кровью». Речь такого рода должна была окончательно опровергнуть все слухи о заключении сепаратного мира, а аудитория, к которой обращался император, придавала его заявлению особую торжественную значимость. Текст речи с портретом императора был опубликован и широко распространялся правительством. Так, особый плакат, посвященный этому событию, был выпущен Комитетом народных изданий при Главном управлении по делам печати, он бесплатно рассылался в войска и распространялся в стране²⁶⁰.

Автор текста, размещенного на плакате, определенно указывал, что царь, выступая перед своими отборными солдатами, стремился нейтрализовать подрывную деятельность противника: «Император Вильгельм через своих тайных шпионов, к сожалению, многочисленных, сест по России смуту, распространяя в народе слухи, что будто Правительство наше не хочет войны, что оно стремится к миру. Эта низкая бесчестная клевета, распускаемая кем-то у нас повсюду, как удушливые немецкие газы, мутит настроение России. Понял наш враг, что русские хотят вести войну до конца, и, желая подорвать доверие к Царю и Правительству, начинает говорить, что мир близок». Автор пишет о мудрости императора, но фактически признает факт распространенности антидинастических слухов: «Государь руководит войной не за сотни верст; Он бывает вблизи боев. Он чувствует настроение войск, Он понимает солдатскую душу, Он знает, о чем говорят в рядах воинов, что они желают, о чем они мечтают». Поэтому Николай II, «зная, что пушенная немцами

клевета опять поползла по народу и по армии, опять стала смущать русское сердце оскорбительными мыслями о возможности мира», и выступил перед георгиевскими кавалерами.

Плакат распространялся с помощью различных ведомств. Так, Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения в мае 1916 года разослал специальный циркуляр за подписью министра, адресованный попечителям учебных округов. В нем прямо отмечалось, что данный плакат выпущен «в опровержение ложных толков о возможности преждевременного заключения мира». Попечителям предписывалось разослать плакаты в учебные заведения округа «на предмет ознакомления учащихся и учащихся с содержанием листка». При этом прилагались посылки с плакатами, так, в Киевский учебный округ было направлено 500 экземпляров²⁶¹.

Однако воспринимался этот плакат по-разному.

Русская жительница Ревеля в мае 1916 года, войдя в чайную «Якорь», увидела на стенах только что прибитые плакаты «Речь государя императора к георгиевским кавалерам» и «Труды царицы Александры Федоровны во время войны с немцами 1914—1915—1916 гг.», в присутствии свидетелей сказала: «Зачем выставлять чертовых палачей и кровопийц? Он сам может идти воевать, а не посылать народ на убой». Обвиняемая, побывавшая в свое время в ссылке за участие в забастовке на Кренгольмской мануфактуре, и ранее неоднократно оскорбляла различных членов царской семьи²⁶². Но можно предположить, что само размещение патриотических плакатов в чайных создавало особенно благоприятные условия для рискованных политических разговоров.

Порой же и тиражирование этой важной в политическом отношении речи приводило к непредсказуемым результатам. Харьковский издатель И.Р. Сахненко быстро напечатал листок, в котором наряду с текстом речи царя были опубликованы поздравительные телеграммы Николая II и французского президента, а также молитва о даровании победы над врагом. Вероятнее всего, издатель руководствовался патриотическими соображениями, однако бдительный инспектор по делам печати обнаружил, что портрет императора сделан не в прямом, а в обратном изображении: ордена оказались на правой стороне груди, а аксельбант на левой. К тому же при внимательном прочтении оказалось, что и публикация телеграммы французского президента содержала политически опасную опечатку: вместо «защиты прав Европы» в ней было напечатано «защиты

против Европы». Против владельца типографии было возбуждено преследование, а листки с речью Николая II конфисковывались²⁶³.

Одной из последних официальных церемоний монархии стало празднование Дня Св. Георгия 26 ноября 1916 года. Главная церемония Дня состоялась в огромном петроградском Народном доме. Император записал в своем дневнике: «В 10.20 отправились втроем с Алексеем в город, прямо в Народный дом. Во всех его помещениях было собрано до 2000 чел. Георгиевских кавалеров. В трех местах было отслужено три молебна; мы находились внутри нового театра. Затем происходила раздача мешков с прибором и пищей каждому кавалеру. После здравий прошли обратно всеми залами и уехали. Порядок был образцовый»²⁶⁴.

Укреплению авторитета царя-главнокомандующего должны были способствовать и получаемые им высокие награды союзников. Это должно было содействовать и патриотической мобилизации в соответствующих странах (на некоторых открытках, изданных в союзных странах. Николай II, сам на себя не очень похожий, изображен вместе с главнокомандующими британской, французской, итальянской и бельгийской армиями).

Уже 20 декабря 1915 года английский король Георг V пожаловал царю звание фельдмаршала британской армии, представители британского монарха поднесли ему фельдмаршальский жезл в Ставке в феврале 1916 года²⁶⁵.

В 1916 году Георг V пожаловал российскому императору и орден Бани 1-й степени, 6 октября в Ставке британский посол вручил эту награду царю²⁶⁶. А 22 октября царю была вручена и итальянская Золотая медаль за военные заслуги. В официальной прессе специально отмечалось, что с начала войны всего десять человек и крепость Верден были удостоены этой высокой награды²⁶⁷.

Для репрезентации императора имели немалое значение и некоторые политические шаги. 9 февраля 1916 года Николай II сделал запись в своем дневнике: «Оригинальный и удачный день!»²⁶⁸

В этот день император посетил Государственную думу, это было первое и единственное посещение царем Думы. Император явился в Таврический дворец в сопровождении своего брата великого князя Михаила Александровича и министра императорского двора графа В.Б. Фредерикса.

В Таврическом дворце присутствовали оповещенные заранее министры во главе с новым председателем Совета министров Б.В. Штюрмером, дипломаты, члены Государственного совета, се-

наторы, придворные. Места для публики на хорах были переполнены: «весь Петроград» ожидал необычного, невиданного политического спектакля.

Император под несмолкаемые крики «ура» прошел в Екатерининский зал. Началось молебствие по случаю взятия русскими войсками Эрзерума. К церковному хору, певшему «Спаси, Господи, люди Твоя», присоединились голоса депутатов, пела даже публика на хорах. Во время провозглашения «Вечной памяти всем, на поле брани живот свой положившим» царь встал на колени, за ним опустилась вся Дума.

Затем император переговорил с присутствующими послами, а после этого обратился с речью к депутатам. Выступление Николая II также было встречено криками «ура» и пением гимна.

После приветственной речи председателя Думы император прошел в зал общих заседаний, что вызвало новую волну восторженных возгласов и пение гимна. Царь интересовался организацией работы Думы, расписался в «золотой книге». Поговорив с чинами канцелярии, Николай II покинул Думу и отправился в Государственный совет. Депутаты и публика, толпившаяся перед Таврическим дворцом, провожали его криками «ура». Великий князь Михаил Александрович оставался в Думе до конца заседаний. Это вызвало немало толков²⁶⁹.

Визит императора стал настоящей сенсацией, это использовалось правительственной пропагандой. Издание Министерства императорского двора утверждало: «Посещение ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ Думы, а затем Государственного Совета, является событием... важным и даже не Всероссийского, а, можно сказать, международного значения...»²⁷⁰

Момент для посещения Думы царем был выбран неслучайно. Различные политические силы были заинтересованы в такой акции именно в это время.

Новый председатель Совета министров Б.В. Штюрмер, не пользовавшийся особой популярностью в обществе, полагал, что визит царя будет способствовать улучшению его отношений с Думой. Царь, очевидно, также предполагал поддержать главу правительства, который должен был выступить перед Думой с декларацией.

С другой стороны, председатель Государственной думы М.В. Родзянко был обеспокоен слухами о роспуске Думы. В своих воспоминаниях он утверждал, что именно он, используя Штюрмера и дав-

него доверенного корреспондента царя А.А. Клопова, написавшего вследствие его воздействия 1 февраля письмо Николаю II, побудил царя посетить Таврический дворец²⁷¹. Визит императора на время предотвратил распространение этих слухов, а политические ставки председателя Думы повысились.

Наконец, у самого Николая II были и другие причины для посещения Таврического дворца. Взятие Эрзерума стало важным политическим событием. Даже официальное издание Министерства императорского двора сообщало: «Надо ли говорить, каким всеобщим восторгом было встречено это радостное известие, насколько неожиданное для всего русского общества и наших союзников, благодаря быстроте происшедших событий. Ликование и радость захватили не только Россию, но и союзные державы, которые учитывали важные последствия этого события»²⁷². Победа, одержанная войсками Кавказского фронта, вновь привлекла внимание общества ко все еще популярной фигуре кавказского наместника, бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, а торжественный молебен в Государственной думе по случаю падения Эрзерума тому бы способствовал. Вряд ли это соответствовало намерениям царя. Визит же в Думу стал своего рода сенсацией, он представлял на какое-то время главный информационный повод, затмивший все другие вести, включая занятие Эрзерума российскими войсками.

Все ведущие иллюстрированные издания поместили фотографические снимки, сделанные в Таврическом дворце К.К. Буллой, или рисунки своих художников²⁷³.

Нередко в прессе приводили слова председателя Государственной думы М.В. Родзянко, сказанные им при открытии заседания: «Великое историческое событие совершилось сегодня здесь. ... Непосредственное сличение Царя с Его народом отныне закреплено еще могучее и сильнее». Родзянко распорядился золотыми буквами вырезать краткую речь императора на мраморной доске, которую он предполагал вывесить в Екатерининском зале. Однако из Министерства двора прислали «речь», совершенно непохожую на слова, действительно сказанные царем в Думе, и Родзянко отменил свое первоначальное распоряжение²⁷⁴.

Правда, не вся страна с одобрением отнеслась к посещению царем Таврического дворца. В правых и аристократических кругах раздавались слова осуждения. Из Петрограда профессор А.И. Соболевский, человек консервативных взглядов, писал профессору

Ю.А. Кулаковскому: «Появление ГОСУДАРЯ в Гос. Думе и Гос. Совете здесь никто не одобряет, и я не понимаю, зачем было Его туда тащить, когда отношения Штюрмера к Думе не могут быть нежными, и обратно». А. Верженский сообщал графу С.Д. Шереметеву: «События 9 февраля произвели на меня тяжелое впечатление. Совершилось страстное желание Мусина-Пушкина, высказанное в прошлом году в июне. — ГОСУДАРЬ лично поехал в Таврическую говорильню приветствовать “достойнейших”, доверием “народа” облеченных, и в результате — декларация блока со всеми требованиями, заявленными еще в августе: политической амнистии, равноправия жидов и министерства из большинства в говорильне (по-моему, лучший перевод слова парламент на русский язык). ГОСУДАРЬ приехал нарочно, всего на один день, для придания особого значения возобновлению сессии и для умиловления строптивых леваков — что несколько похоже на Каноссу...»²⁷⁵

А. Лазаренко писал: «Я давно не был в таком подавленном состоянии, как во время трехдневного сидения в Думе. Исключительная, крайняя нервность ГОСУДАРЯ, неудовлетворенность Его речью даже националистов, позорный провал правительства, полное уныние, крайний пессимизм депутатов как в речах, так и в разговорах, и гнусные слухи, слухи без конца придавили мою душевную бодрость. Правительства у нас снова и все еще нет, так как разногласия большие, чем раньше, да и не министры решают государственные дела. Ведь посещение Думы было полною неожиданностью для Совета Министров и его главы. Оно было решено под влиянием военных кругов, все более переходящих на сторону общественности. Но это влияние, к сожалению, пока не превалирует. “Старец”, хотя и избитый, в силе»²⁷⁶.

Однако распространены были и настроения другого рода.

Удовлетворенными считали себя представители «Прогрессивного блока». Член Государственной думы октябрист М.Г. Аристархов писал: «Приезд Государя очень и очень оживил Думу. Блок был несказанно рад и чувствовал себя удовлетворенным. Не радовались и стояли понурыми только правые, да левые. Одним, ведь, совсем не нужно Думы, а другим дай Учредительное собрание. Мы же, конституционалисты, весьма довольны реальным объединением царя с народом». Те же мысли звучали и в другом письме Аристархова: «Прогрессивный блок тверд и непоколебим. Посещение государя сковало его еще плотнее. Ожидаются большие перемены в министерских сферах. Государь влюбился в Государственную Думу

и высказывает большое доверие Родзянко. Правые и левые были поражены присутствием государя: одним ведь совсем не нужна Государственная Дума, а другим, конечно, нужно учредительное собрание»²⁷⁷.

Некий офицер писал из действующей армии: «На меня, а также на всех в армии произвело громадное впечатление посещение Государственной Думы ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ. И как кстати пришлось к открытию Думы Эрзерумская победа»²⁷⁸. Последнее замечание особенно интересно, успех российских войск переставал быть главной новостью, но придавал особое значение посещению Таврического дворца. Показательно также, что автор письма писал лишь о посещении Государственной думы, подобно ряду других современников, он не придавал большого значения посещению императором Государственного совета.

Правда, посещение царем Думы привело и к появлению новых слухов, слухов, не вполне благоприятных для императора. Член Государственной думы кадет А.А. Эрн писал: «Сплетен ходит тут немало. Рассказывают, что ГОСУДАРЬ уговаривал В[еликого] К[нязя] Михаила Александровича не оставаться в Думе на первом заседании, потому что может выслушать очень много неприятных вещей. Оказалось, однако, что после заседания Михаил Александрович заявил ЦАРЮ, что ничего подобного не произошло, что Государственная Дума в ее целом оказала себя патриотичной, “а вот Твой Штюрмер, так никуда не годится”»²⁷⁹. Как видим, в этом слухе великий князь Михаил Александрович предстает как положительная фигура, противопоставляемая своему брату.

В целом, однако, посещение Думы было весьма удачным пропагандистским ходом, чему косвенным свидетельством служит то обстоятельство, что сразу несколько людей приписывали себе инициативу ее проведения. Выше отмечалось, что говорили о давлении, оказанном на царя «военными кругами». Родзянко утверждал, что замысел принадлежал ему, он-де использовал Штюрмера и Клопова, убедивших императора. В то же время Я.В. Глинка, возглавлявший один из отделов канцелярии Государственной думы, утверждал, что эта идея первоначально возникла у них с Клоповым, а затем они ознакомили с ней Родзянко²⁸⁰.

Говорили также, что совет посетить Думу дал императору Распутин. Впрочем, общественное мнение судило порой иначе. Княгиня Палей в беседе с французским послом утверждала, что «божий человек» очень недоволен этим шагом и предрекает всякие беды²⁸¹.

Возрос и интерес некоторых великих князей к Думе. Некий представитель дворянской организации сообщал в письме: «Вчера был у великой княгини Виктории Федоровны. Она и Кирилл Владимирович держали меня очень долго. ... Затем К[ирилл] В[ладимирович] очень подробно расспрашивал о том впечатлении, которое произвело на Государственную Думу посещение ее государем, и вообще о всех делах Государственной Думы. Он — ярый сторонник Государственной Думы и говорит, что это первая Дума, которая уже в действительности помогает правительству»²⁸².

Показательно также, что после посещения императором Думы некоторые иллюстрированные журналы сразу же стали гораздо больше внимания уделять и его посещениям фронта. Можно предположить, что популярность царя в связи с этим его поступком несколько возросла.

Например, журнал «Искры» в декабре 1915 года не опубликовал ни одного снимка императора, в январе — 1, а в феврале — 2, кроме того, два снимка изображали землянку и наблюдательный пункт на артиллерийских позициях, посещенные царем (об этом свидетельствовали специальные памятные знаки, установленные солдатами). «Огонек», не публиковавший фотографий царя ни в декабре, ни в январе, в феврале напечатал пять снимков. Даже бульварный «Синий журнал» опубликовал в феврале снимок Николая II.

Правда, политический эффект, вызванный посещением Думы императором, не был долговечным, это объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, как видим, разные люди по-разному интерпретировали значение визита в Таврический дворец и, соответственно, ждали от императора совершенно различных дальнейших политических действий. Некоторые члены Думы в этой ситуации даже предполагали, что Родзянко будет поручено формирование правительства²⁸³. Возможно, что и сам председатель Думы, убеждавший царя во время его визита в Таврический дворец «даровать ответственное министерство», также ожидал важных перемен. Ожидания их были обмануты. Если верить жандармскому отчету, то разочарованы, хотя и по другим причинам, были крестьяне Киевского уезда: «Милостивое прибытие Государя Императора при открытии Думы всех обрадовало и все были уверены, что такое милостивое отношение ГОСУДАРЯ заставит всех заняться делом, дабы побе-

лить врага, спасти нашу Родину и водворить в ней порядок. Надежды не оправдались, так как снова много и зло говорили и сводили старые счета с Правительством»²⁸⁴.

Во-вторых, появились новые информационные поводы, заставлявшие забыть это посещение или иначе его интерпретировать. Так, вскоре «весь Петроград» заговорил о новых скандалах, связанных с именем Распутина.

Другие попытки укрепить популярность царя и его семьи были предприняты весной 1916 года. Интерес представляет публикация серии снимков царской семьи в журнале «Столица и усадьба», который предназначался для читателей и особенно для читательниц, интересующихся жизнью «высшего света». Серию фотографий предварял заголовок: «Снимки, сделанные ее императорским величеством государыней императрицей Александрой Федоровной, Царское Село, 1915»²⁸⁵. Публикация работ «аугустейшего фотокорреспондента» в подобном издании могла сама по себе быть сенсацией. Можно с уверенностью предположить, что царица, весьма внимательно относившаяся к распространению снимков своей семьи, тщательно планировала подобную публикацию, возлагала на нее определенные надежды, стремилась воздействовать на важную часть политической элиты.

На некоторых снимках был запечатлен император, наследник, царевны, а также племянники царя, дети великой княгини Ксении Александровны, во время зимней прогулки в Царскосельском парке и железнодорожных путешествий императорской семьи. Трогательные любительские фотографии были иногда по-своему весьма удачными, недаром некоторые из них впоследствии многократно воспроизводились. Царь, убирающий снег, играющий со своими детьми, представлял как частный человек, примерный семьянин и сторонник здорового образа жизни.

Жанр семейной фотографии в данном случае политизировался. Образ счастливой императорской семьи, очевидно, должен был опровергнуть все слухи о моральном разложении в царском дворце, а приватный, частный образ Николая II должен был вызвать сочувствие читателей и читательниц.

Сходную цель, очевидно, должна была преследовать и публикация в «Летописи войны» цикла снимков «Путешествие Их Императорских Величеств к югу России». Наряду с фотографиями, изображавшими посещения военных кораблей, воинских частей и лазаретов, были опубликованы снимки царской семьи на летнем

отдыхе. На одной из фотографий император был запечатлен в белоснежном кителе морского офицера, императрица и царевны в светлых летних платьях и элегантных шляпках²⁸⁶.

В какой степени подробное умиленное освещение этого семейного визита на юг, совпавшего по времени с трудной фазой операций на Юго-Западном фронте, способствовало актуальным задачам патриотической мобилизации?

Официальное издание описывало и эту поездку как наглядную демонстрацию проявления народом монархических чувств: «Все те из раненых, которые могли уже ходить, выходили из своих помещений и спешили еще раз повидать Их Величеств и Августейших детей. Трогательно было видеть, как эти раненые, многие из них на костылях, перевязанные, все в халатах и туфлях, не обращая внимания на грязь, так как весь день шел не переставая дождь, торопились к месту, где должны были пройти Их Величества. Сестры милосердия бросали ветви сирени к ногам Их Величеств»²⁸⁷.

Можно поверить в то, что приезд царской семьи вызывал большой интерес. Возможно, он вызывал искренние монархические манифестации на местах. Но событием национального масштаба поездка эта явно не стала — показательно, что ведущие иллюстрированные издания не уделили ей особого внимания.

Главными же для пропаганды образов царя-полководца продолжали оставаться его визиты в действующую армию. Во время некоторых посещений фронта его вновь сопровождал царевич.

Репрезентация царя-полководца несколько изменилась после того, как он стал Верховным главнокомандующим.

Прежде всего подчеркивалось, что Николай II стремится находиться ближе к передовым позициям (тем самым демонстрировалось, что он был достойным кавалером боевого ордена). Например, подпись к одной из фотографий гласила: «Государь Император покидает землянку командира батареи на наблюдательном пункте». Читатель мог предположить, что царь находится в зоне действия вражеского огня, на позиции. Показательна и подпись к другой фотографии: «Государь Император беседует на позиции с одним из офицеров, лишившимся левой руки в нынешнюю войну». Специально отмечалось, что Николай II находится на позиции²⁸⁸.

Некоторые места, посещенные царем, украшались памятным знаками: «Царский наблюдательный пункт», «Его Императорское величество государь император соизволил посетить наблюдательный пункт и землянку командира 2-й тяжелой батареи на позиции

близ фольварка Урюшье 21 декабря 1915 г.». Фотографии этих знаков также воспроизводились в иллюстрированных изданиях²⁹⁰.

Официальное издание описывало, как во время одного из смотров российские зенитные батареи начали обстреливать приблизившийся вражеский аэроплан: «Государь продолжал объезд рядов юиск, и только как будто громче стало ура и оживленные сделались лица солдат и офицеров, смотревших на Царя, Который в такой боевой обстановке посещает Свои армии»²⁹⁰.

Очевидно, этот эпизод как-то обсуждался в стране. Жандармский отчет о настроении населения Киевского уезда за март 1916 года отмечал в части, касающейся настроения интеллигенции: «Частые поездки по фронту Государя Императора всех тревожат. Все опасаются за его драгоценную жизнь, и всех поразило известие, что, когда Государь Император объезжал фронт наших войск, близ Каменец-Подольска подвергал Свою жизнь явной опасности при полете вражеских аэропланов»²⁹¹. Однако в отчетах, характеризующих настроение населения других уездов Киевской губернии, этот эпизод не вспоминался.

Во время посещения фронта царь все чаще стал не обходить выстроенные для смотра войска, а объезжать их верхом. Возможно, император следовал давним рекомендациям министра императорского двора графа В.Б. Фредерикса, который, если верить воспоминаниям начальника канцелярии министерства, «всегда настаивал, чтобы Николай II показывался толпе преимущественно на лошади. Несмотря на свой небольшой рост, Николай Александрович был замечательным кавалеристом и верхом производил, действительно, болес величественное впечатление, нежели пешком»²⁹².

Периодическое издание, редактируемое царским «летописцем» генералом Дубенским, так описывало один из войсковых смотров: «Его величество медленно следовал на белом коне по фронту, здороваясь. ... Государь Император был в форме Павлоградского Императора Александра III полка, в солдатской шинели с Георгиевской лентой в петлице и походном снаряжении»²⁹³.

Здесь, как и в других случаях, царь использовал форму одного из славных полков, представленных на смотр. Специально подчеркивалось, что император носил солдатскую шинель: это, очевидно, должно было демонстрировать связь государя с миллионами простых солдат. Наконец, не случайно упоминание об императорском коне. Хотя, судя по опубликованным в иллюстрированных изданиях фотографиям и описаниям смотров, порой

царь являл себя войскам на лошадях иных мастей, но особенно часто он выезжал именно на белом коне²⁹⁴. С большой долей уверенности можно предположить, что это должно было способствовать формированию образа императора-победителя, «полководца на белом коне».

Во всяком случае, этот образ особо отмечался прессой. «Синий журнал» писал в начале 1916 года: «Мы воспроизводим здесь один из последних снимков Верховного Вождя нашей славной армии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Его Величество на белом коне объезжает доблестные войска в сопровождении командующего армией и свиты»²⁹⁵.

Особое значение имело посещение царем войск Юго-Западного фронта, участвовавших в знаменитом прорыве. Посещение царем армии должно было воодушевить войска, а необычайная популярность командующего фронтом генерала А.А. Брусилова должна была укрепить авторитет императора.

Какое воздействие на войска оказывали визиты царя в армию?

Николай II был убежден в том, что войска восторженно его принимали, это свидетельствовало, по его мнению, о боеспособности, верности и политической надежности армии. В некоторых случаях он серьезно ошибался. Так, 19 апреля 1916 года он записал в своем дневнике: «На Царицыном лугу был смотр всем гвардейским батальонам запасным в количестве 31 700 чел. Вид людей и прохождение были выше похвалы -- душу радовало такое зрелище! Целый лишний гвардейский корпус! Что за дивная сила!»²⁹⁶ Менее чем через год солдаты запасных батальонов гвардейских полков подняли восстание в Петрограде.

Вместе с тем не стоит полагать, что царские смотры не оказывали никакого воздействия на солдат. Как отмечает один мемуарист, фронтовики с нетерпением ждали царя, желали его видеть, несмотря на изнурительную муштру, с которой была связана подготовка к царскому смотру. Свидетельство это особенно интересно, ибо воспоминания принадлежат перу солдата-большевика, который никак не склонен был в своих мемуарах преувеличивать степень распространения монархизма среди солдат в годы войны²⁹⁷.

Но нельзя игнорировать и иные мемуары. Бывший артиллерист многие годы спустя вспоминал царский смотр 22 декабря 1915 года:

В декабре месяце снова было получено распоряжение выделить и послать на смотр-парад Западного фронта 15 человек. ...

Из всех прибывших [на смотр] пехотных частей была сформирована дивизия, [из] нас — артиллеристов — артиллерийская бригада, из кавалеристов — кавалерийский полк и тд. Суток 10 нас гоняли с 6 часов утра до поздней ночи под музыку, не менее тысячи раз мы на «Здравствуйте» отвечали: «Здравия желаем Ваше Императорское Величество», и так ежедневно. Саперы расчищали огромный плац, не менее трех километров. Плац было очищено не только от снега, но и было выровнено, как карта.

Настал долгожданный день 22 декабря... 1915 года. В 6 часов пригнали нас в столовую, которая была в риге, накормили. Часов в семь мы были уже на плацу, там было все подготовлено, кто где должен был встать и так далее. Каре располагалось в виде квадрата, три стороны были заполнены, четвертая открыта. Как только встали, последовала команда «Смирно» и стояли больше часа. Ну, видимо, тоже кто-то из командного состава додумал, что можно заморозить всех до прибытия «Его Величества», скомандовали «Вольно, с мест не сходить». Многие сразу же начали бег на месте, ноги у многих, в том числе и у меня, были как деревянные, ничего не чувствовали. Часов в 9 разрешили покурить, сойти с мест, запомнив кто где стоял. В 10 часов снова уже были на своих местах, приехал командующий фронтом генерал от инфантерии Эверт, он же командовал парадом. Осмотрел все, уехал. Раздалась команда: вынуть из кобур револьверы и откинуть собачки. Два офицера пошли по шеренгам, разрядили наши паганы, осмотрели в кобурах, у кого имелись запасные патроны — все изъяли, предложили паганы вложить в кобуры. У пехоты также осматривали винтовки и подсумки. Все патроны были изъяты, защитники Царя и Отечества были разоружены. Часов в 11 показался кортеж всадников — человек около ста, ехал царь и его свита. Начали с противоположной от нас стороны, [слышались] ответы на приветствия и «Ура». Наконец подъехали к нам. В окружении генералов, в сопровождении черкесов на лысой гнедой лошади ехало Его Величество. Выглядело оно примерно так: шлягавенький с погонами Генерального штаба полковник в простой шинели с георгиевской лентой в петлице, с пашкой на портупее, рыжая борода подстриженная, под глазами с переноса мешки. Послышался негромкий голос: «Здорово артиллеристы!» — и проехал дальше. После объезда войск кортеж остановился: музыка пошла под марш. Проходя [слышали] тот же голос: «Спасибо за службу», а солдаты кричали: «Рады стараться, Ваше Императорское Величество». После того, как все воинские части прошли, снова поехали по фронту. Когда царь подъехал к нам, он был пьян и, как видно, ничего не видел. ... Ну, положено было кричать «Ура!». «Ура!»

неслось со всех сторон. но среди криков «Ура!» были отчетливо слышны отдельные голоса «Дурак!» и кой-что еще почище, к сожалению оно не пишется.

...Побатарейно пошли на квартиры. ... В лесу оказались вооруженные винтовками и гранатами воинские части. ... Смотрю, видны невдалеке орудия. У идупего артиллериста спрашиваю, что они тут делают? Он мне говорит: «Парад охраняли». Орудия прямой наводкой поставлены в сторону парада, спрашиваю: «Неужели стали бы стрелять?» — «Если бы приказали»²⁹⁸.

К данным воспоминаниям ветерана, написанным в советских условиях, следует относиться весьма осторожно. Автор воспроизводит распространенные слухи о пьянстве царя, широко тиражировавшиеся после революции антидинастической пропагандой. Весьма вероятно, что он преувеличивает степень враждебности солдат: специально отобранные и вымуштрованные нижние чины, находившиеся во время смотра под особым контролем своих офицеров, вряд ли могли во время царского парада приветствовать императора таким образом. Информация об артиллерийских орудиях, направленных на войска, представлявшиеся Николаю II, требует серьезной перепроверки: если у солдат из соображений безопасности изымали винтовочные и револьверные патроны, то вряд ли разумно было держать царя под прямым прицелом пушек.

Но некоторые детали мемуарного повествования вызывают доверие. Многодневная утомительная муштра, бестолковая армейская показуха, часовое стояние на морозе, выемка патронов — все это, скорее всего, имело место. И это не могло не влиять на отношение войск, представлявших императора.

Наконец, внимания заслуживает ощущение разочарования от встречи с царем, которое передает мемуарист. Заурядный армейский полковник в простой шинели не смог воодушевить часть солдат. Как уже отмечалось, такое отношение встречается и в других мемуарах, в том числе и тех, которые были написаны в эмиграции. Не следует особенности данных воспоминаний объяснять лишь советскими обстоятельствами.

Между тем сам император был необычайно доволен данным смотром, состоявшимся 22 декабря 1915 года. В своем дневнике он записал: «Посхал с графом Фредриксом к месту смотра представителей десятой армии — от 26-го армейского, 2-го Кавказского, 3-го Сибирского, 38-го и 44-го (Осовецкого) корпусов. Войска представились прямо щеголевато»²⁹⁹.

Доволен был Николай II и смотрам 30 марта 1916 года, по его мнению, дивизия «представилась замечательно». Во время этого смотра произошел упомянутый уже выше необычный случай: в районе смотра показался вражеский аэроплан, его обстреливали русские зенитные батареи. Царь почти что оказался «под бомбами», что должно было вызвать особую реакцию солдат³⁰⁰.

Однако у генерала Брусилова сохранились иные воспоминания об этом смотре: «Как и в предыдущие разы, воодушевления у войск никакого не было. Ни фигурой, ни умением говорить царь не трогал солдатской души и не производил того впечатления, которое необходимо, чтобы поднять дух и сильно привлечь к себе сердца. Он делал, что мог, и обвинять его в данном случае никак нельзя, но благих результатов в смысле воодушевления он вызвать не мог»³⁰¹.

Наступление Брусилова вновь пробудило некоторый общественный интерес к визитам императора на фронт и его пребыванию в Ставке. Это нашло отражение и в том, что крупнейшие иллюстрированные журналы печатали соответствующие фотографии. Однако после июля 1916 года снимки царя печатала лишь официальная «Летопись войны». Вряд ли это было случайным, очевидно, царь проигрывал борьбу за общественное мнение. Да и в этом издании последний снимок царя был опубликован 26 ноября 1916 года, в связи с Георгиевским праздником. Это был уже упоминавшийся снимок работы Оцупа, изображавший царя с орденом и наследника с медалью³⁰².

А 14 января 1917 года даже это официальное издание без видимой надобности и без какого-либо комментария публикует фотографию Таврического дворца³⁰³. В центре общественного внимания в это время оказывается Государственная дума.

Правда, в это время царь не создавал никаких особых информационных поводов — ни новых посещений войск, ни эффектных политических жестов, подобных посещению Государственной думы в феврале. Присутствие царя и наследника на празднике георгиевских кавалеров в ноябре 1916 года вряд ли привлекло бы особое внимание журналистов и в сравнительно спокойное время. Тем менее значительным казалось оно на фоне обострения политического кризиса, яркими проявлениями которого были сенсационные речи депутатов Думы. Не следует объяснять это неким репрезентационным и пропагандистским просчетом царя: и в предшествующие месяцы войны он посещал города империи и производил смотры своим войскам лишь тогда, когда он был уверен в успехе

этих визитов. Хорошо организованные поездки императора могли усилить уже имеющуюся популярность, но они не могли преодолеть нарастание непопулярности. Напротив, в неблагоприятной политической ситуации они могли бы быть превращены в манифестацию, опасную для режима, поэтому было разумнее воздержаться от акций такого рода.

4. ПРОСТОЙ ЦАРЬ И ПРОСЛОВАТЫЙ ГОСУДАРЬ:

НИКОЛАЙ II КАК ОБЪЕКТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВРАЖДЕБНЫХ СИЛ

П. Яковлев, 48-летний крестьянин Казанской губернии, отец четырех детей, грамотный, в 1916 году был приговорен к заключению в крепость на девять месяцев. Причиной такого довольно сурового приговора было неоднократное оскорбление императора и членов царской семьи в связи с обсуждением политической ситуации в России и военного положения.

Очевидно, в своей деревне Яковлев имел репутацию человека информированного, читающего, односельчане часто расспрашивали знающего человека о том, что пишут в газетах. Однако прочитанные им статьи (если он действительно читал периодические издания) Яковлев комментировал весьма своеобразно. В феврале 1916 года односельчане спросили его: «Что пишут в газетах о войне?» Ответ Яковлева никак нельзя признать точной цитатой какой-либо газетной статьи, он заявил: «Надо кончать (убить) государя и Николая Николаевича». В июле жители деревни вновь стали расспрашивать грамотея о том, как идут дела на войне, и вновь Яковлев предложил свой способ разрешения международного конфликта: «Царю и Николаю Николаевичу пулю надо, тогда и война бы кончилась и кровь человеческая литься перестала». В том же месяце односельчане опять обратились к Яковлеву за последними политическими новостями, хотя вопрос на этот раз был сформулирован иначе: «Что пишут о мире?» Ответ Яковлева был еще более жесток: «Какой тебе мир. Скоро будет всероссийское собрание, проберут ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и наследника, затем их кончают (убьют), а правительство сожгут. Как Иисуса Христа распяли, так распнут ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и НАСЛЕДНИКА, после чего жить будет легче»³⁰⁴.

В ряду лиц, осужденных за оскорбление членов императорской семьи, Яковлев не был единственным человеком, желавшим во

время войны смерти царю, иногда эти пожелания были не менее жестокими. Например, 40-летний грамотный крестьянин Томской губернии заявил в своей деревне: «Во всем виноват ГОСУДАРЬ. Ему нужно голову отрубить, но не острым топором, а тупым, чтобы побольше мучился»³⁰⁵.

Не одни только крестьяне мечтали об убийстве царя. Известный художник А.Н. Бенуа записал 27 февраля 1917 года в своем дневнике: «Оторвала от работы чета Лебедевых — оба донельзя возбужденные. Анна Петровна — сушая Жанна д'Арк или Шарлотта Корде! Она горит желанием “убить Николая”»³⁰⁶. Художница А.П. Остроумова-Лебедева, супруга знаменитого химика С.В. Лебедева, сторонница продолжения войны до победы, желала, разумеется лишь на словах, смерти российскому императору в разгар уже начавшейся революции. И это служит своеобразным индикатором отношения к последнему царю в кругах столичной интеллигенции: устранение монарха с политической сцены считалось необходимым условием преодоления кризиса. Можно предположить, что настроения такого рода получили известное распространение, мемуарист свидетельствует: «По всему Петербургу ходила тогда поговорка: “Чтобы спасти монархию, надо убить монарха”»³⁰⁷.

Случай крестьянина Яковлева, хотя он и не был исключительным, выделяется все же тем, что он постоянно возвращается к теме убийства, а в одном случае считает даже необходимым лишить жизни наследника. Пожелание смерти в данном случае нельзя объяснить лишь импульсивной реакцией.

Как могло произойти, что в разгар войны какая-то часть подданных императора мечтала о гибели «возлюбленного государя», считала эту смерть единственным способом разрешения политических и социальных проблем?

К началу войны у царя уже существовала определенная репутация, разные люди имели разные представления об истории его правления. Всевозможные как позитивные, так и негативные образцы восприятия Николая II, сложившиеся за годы его царствования, оказывали немалое воздействие на восприятие государственной политики и императорской репрезентации во время Мировой войны. На царя смотрели через призму прежних представлений, его действия описывали с помощью выработанных уже культурных форм.

Неприятис тактик репрезентации царя и недовольство его политикой часто переплетались, осуждение действий правительства

Илл. 13. Ковыль-Бобыль И. Царина и Распутин.
 Пг.: Свободное книгоиздательство, 1917. Обложка

проявлялось в отвержении его образов. Но иногда первым толчком для формирования отрицательного отношения к царю было недовольство предлагаемыми образами царя, неприятие его стиля поведения на официальных церемониях — эстетическое несоответствие служило исходной точкой для общественной критики. По внешности люди делали суждения о предполагаемом характере государя, а сложившиеся представления о его личности, верные или неверные, становились ключом для интерпретации политического курса. Нередко люди различных взглядов, включая и изрядное число монархистов, именовали Николая II «невзрачным» царем, появилась кличка «большой господин маленького роста». И эта негативная характеристика визуального восприятия императора, важнейшего символа монархии, становилась индикатором его политической уязвимости, она распространялась на характеристику его царствования. И наоборот, разочарование в политике Николая II определяло стиль портретных зарисовок последнего императора, данных его современниками.

Ничем не запоминающийся, заурядный, обычный «офицерик», простой «полковник», лишенный державного величия, никак не соответствовал традиционным монархическим представлениям о могучем государе, великом царе, отце своего народа, истинном самодержце.

Известному социал-демократу запомнилась непосредственная реакция простого крестьянина, избранного в Думу; когда тот впервые лично увидел царя, то он оказался весьма разочарован: «Незавидный какой-то, невзрачный — какой он государь»³⁰⁸.

О том же писал и представитель иной социальной и культурной среды, гвардейский офицер, человек монархических взглядов. Интересно, что он также ссылался на мнение «человека из народа», приводя слова некоего служителя бани, которому довелось как-то видеть царя на одном из парадов: «Да он какой-то маленький, невзрачный такой». Далее, по словам офицера, «...банщик стал подробнее рассказывать свои впечатления, которые сводились к тому, что вся наружность Государя не давала ему, банщику, уверенности, что Государь справится с трудной и ответственной работой Царя Самодержца»³⁰⁹. Чувствуется, что и автор воспоминаний, ссылаясь на мнение «человека из народа», полагал, что Николай II не всегда мог соответствовать ожиданиям своих верноподданных, желавших видеть грозного и величественного императора.

Другими словами, но о том же говорили и некоторые представители высшего света. Иностранка описывала свое впечатление от коронационной церемонии Николая II: «Чем больше я на него смотрела, тем меньше впечатление он на меня производил. Он совсем не царственен, поскольку он довольно мал ростом и у него нет той манеры держаться, как [у императрицы], хотя он кажется полностью естественным в своих движениях»³¹⁰.

Подобное восприятие «заурядной» внешности царя и манеры его поведения, казалось, подтверждало весьма распространенное мнение о его политической и бытовой «слабости» и «слабоволии» последнего императора. Невозможно перечислить всех мемуаристов, писавших об этой черте царского характера, действительной или только приписываемой ему. Даже люди монархических взглядов писали впоследствии о «хронической болезни воли» и «ужасающем безволии» последнего царя, «слабого и безвольного», который-де «не обладал самостоятельным умом»³¹¹. Рассуждая о «болезненном» слабоволии императора, некоторые авторы воспоминаний ссылались даже на авторитетное для них мнение современных им психиатров³¹².

О слабоволии последнего царя писал в своих мемуарах и С. Булгаков. Это особенно важно, ибо, как уже отмечалось, он в воспоминаниях стремился подчеркнуть свою особую любовь к императору: «Николай II с теми силами ума и воли, которые ему были отпущены, не мог быть лучшим монархом, чем он был: в нем не было злой воли, но была государственная бездарность и в особенности страшная в монархе черта — прирожденное безволие»³¹³. Булгаков не знал царя лично, но показательно, что так продолжал вспоминать императора искренний монархист, для которого любовь к монархии и царю была глубоким религиозным чувством.

В годы Первой мировой войны «слабым» называли откровенно императора и некоторые публицисты союзных России держав³¹⁴.

Немало было потрачено и труда на то, чтобы опровергнуть это мнение, доказать, что последний царь в действительности обладал «сильной волей»³¹⁵. Впрочем, это непрекращающееся стремление поклонников Николая II защитить память последнего императора убедительнее всего подтверждает распространенность мнения о «слабоволии» царя.

Показательно также, что и официальная пропаганда в эпоху войны указывала на то, что Николай II обладал сильной волей. Так, «летописец царя», упомянув о невероятном самообладании императора, отмечал: «Да, много нужно силы воли, много нужно выдержки и ясного понимания всей обстановки, чтобы так ровно, спокойно относиться к делам»³¹⁶. Интересно, что эта цитата относится к тексту, появившемуся в 1916 году, ко времени, когда царь, став Верховным главнокомандующим, интенсифицировал свои усилия по созданию образа волевого полководца.

Однако вне зависимости от того, обладал ли Николай II волей сильной или слабой, большое влияние на развитие ситуации оказывало и то, что очень много людей верило в его «слабость» и «слабоволие», и то, что это мнение разделяли некоторые видные участники политического процесса. Такое весьма распространенное представление влияло на оценку ситуации и даже на принятие важных политических решений. В условиях России многие общественно-политические проблемы огромной страны «объяснялись» психологическими особенностями личности императора.

Показательно, что об отрицательных свойствах характера Николая II говорили и писали даже некоторые члены императорской семьи.

Уже в июле 1896 года великий князь Константин Константинович описал в личном дневнике свой разговор с великим князем Сергеем Михайловичем:

Говорили мы с Сергеем М. и о Государе. Сергей говорит, что хорошо его изучил, когда Он еще был Наследником. И очень его любит. Его нерешительность и недостаток твердости С. приписывает воспитанию; он подтвердил мое мнение: никто, собственно говоря, не имеет на Ники постоянного влияния, но, к несчастью, Он подчиняется последнему высказанному Ему взгляду. Это свойство соглашаться с последним услышанным мнением, вероятно, будет усиливаться с годами.

Как больно и страшно, и опасно!³¹⁷

Порой подобные оценки характера императора не скрывались от него самого, хотя формулировались, разумеется, иначе. В 1902 году великая княгиня Елизавета Федоровна писала императору: «Не будь так мягок — *все думают, что ты колеблешься и проявляешь слабость*, о тебе *больше* не говорят как о человеке *добром*, от этого особенно горько моему сердцу»³¹⁸.

Великая княгиня сообщала царю распространенное в светских кругах мнение, которое она, очевидно, в это время не разделяла. Однако и некоторые другие члены императорской семьи также продолжали считать императора «слабым». Великий князь Константин Константинович записал в сентябре 1903 года в своем дневнике: «После обеда разговаривал с Николаем [великим князем Николаем Михайловичем. — Б.К.], который приехал с Кавказа из-за болезни дяди. Он всегда мрачно смотрел на вещи; нынешнее положение в России он считает роковым и ждет в самом ближайшем будущем необыкновенных событий. Не могу не согласиться с ним, что причина нашего настроения — слабость Государя, который неосознанно попадает под влияние чужих мнений, то одного, то другого; последний из докладывающих всегда прав». К теме слабого характера царя, постоянно поддающего под чужое влияние, великий князь Константин Константинович вернулся и в следующем году, теперь он именуется Николая II не только слабым, но и «безвольным», в ноябре 1904 года он записал в своем дневнике: «Нынешнее настроение общества слишком напоминает то, что было в самом конце 70-х годов, в 1880-м и 1881-м. Тогда правительство растерялось, но все же чувствовалась власть; теперь же власть пошатнулась, и в безволии Государя вся наша беда. Нет ничего

определенного, на одни и те же дела сегодня смотрят с одной, а завтра с противоположной стороны»³¹⁹.

Разговоры о слабоволии царя ходили в семьях представителей правящей династии и в годы Первой мировой войны. Похоже, в это продолжали искренне верить. После убийства Распутина Владимир Палей, сын великого князя Павла Александровича, даже написал несколько сатирических стихотворений, высмеивающих «мягкость» Николая II и зависимость императора от волевой и властной жены³²⁰. Наверняка на юношу повлияли разговоры в великокняжеских дворцах.

Показательна и запись в дневнике британского короля Георга V, сделанная в 1917 году уже после отречения царя. Завершив свой разговор с великим князем Михаилом Михайловичем, находившимся в Англии, он отметил: «Миш-Миш пришел ко мне, и я ему все рассказал о революции в Петрограде, он был очень расстроен; боюсь, что причина всего этого в Алики, а Ники был слаб...»³²¹

О пресловутом конформизме императора, поддающегося «плохим влияниям», недавний министр внутренних дел Н.А. Маклаков писал в июле 1915 года К.А. Пасхалову, сохраняя внешне необходимую почтительность к Николаю II и в частной корреспонденции:

...бесчестный проходимец Кривошеин... Помесь жиды и польки теперь стал во внутренней России фактическим главнокомандующим...

Когда думаю обо всем этом, то готов плакать над тем, что сделано и вижу и понимаю, зная порядки, привычки, обычаи и приемы, — вижу, что Помазанника Божьего взяли в плен. Ему не говорят правды, не то докладывают, затушевывают одно и раздувают другое. И вокруг Него волнуется море людской суевы, интриг, зависти и подлости. Он все понимает и все чувствует, так как сердце у Него чуткое, а ум тонкий и острый, но сделать Он ничего не может, потому что Его окружает железное кольцо людей, которые притворяются (конечно не все, так как и между ними есть люди порядочные) преданными ЦАРИЮ, а работают на пагубу Его прав, а может быть, и Трона. Там кругом воронье, собравшееся на пир общественности и разрома Самодержавия³²².

По своей былой должности Маклаков был прекрасно осведомлен о практике перлюстрации корреспонденции, наверняка он писал, понимая, что его собственные письма могут быть использованы против него новыми руководителями министерства. Однако и в этом письме образцового монархиста, всячески желающего

укрепить свою репутацию верноподданного, император вовсе не выглядит как человек проницательный и обладающей сильной волей.

И некоторые другие консервативные люди писали в годы войны о «вечно обманутом государе»³²³.

О слабых характеристиках царя, поддающегося чужим влияниям, упоминала и его собственная мать. 11 сентября 1915 года вдовствующая императрица Мария Федоровна писала своей сестре, английской королеве Александре: «Мне так жаль моего любимого Н[ики], который обладает всеми качествами, чтобы достойно и разумно управлять империей, вот только силы характера ему недостает, иначе он бы избавился от ее влияния, а сейчас находится у нее под каблуком, и непостижимо, что он сам этого не чувствует»³²⁴.

Но и императрица Александра Федоровна, которую мать императора обвиняла в том, что она всецело подчинила царя своему влиянию, вовсе не считала, что ее муж обладает избытком воли. И она, со своей стороны, постоянно подозревала императора в том, что он попадает под дурное воздействие дурных советников.

В окружении великой княгини Марии Павловны старшей передавали слова, якобы сказанные императрицей Александрой Федоровной: «Государь слабоволен. На него все влияют. Я теперь возьму правление в свои руки»³²⁵. Великая княгиня, равно как и ее невестка, великая княгиня Виктория Федоровна, не принадлежала к числу друзей молодой императрицы, дворцы Владимировичей становились центрами распространения неблагоприятных для царицы Александры Федоровны слухов. Вряд ли императрица использовала именно такие формулировки в беседах с опасными родственниками, однако о недостатке воли у императора она упоминала и в своих письмах ему.

Царица в этой корреспонденции характеризовала Николая II прежде всего как человека доброго и сдержанного: «Ни у кого нет такого мужа, такого чистого и самоотверженного, доверчивого и доброго — ни слова, ни упрека, когда я непослушная, — всегда спокойного, какие бы бури ни бушевали внутри», — писала она царю³²⁶.

«Доброта» и «умение очаровывать» рассматриваются царицей не только как положительные человеческие качества, но и как важные политические свойства образцового монарха, который должен уметь внушать своим подданным чувство любви к себе. Но не всегда «доброта» царя оценивается царицей как достоинство государя.

Еще не будучи женой цесаревича, будущая императрица серьезно занялась воспитанием воли своего жениха. В 1894 году она записала в дневнике наследника великого князя Николая Александровича: «Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты любимый сын Отца и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты». Автор современной апологетической биографии Николая II справедливо отмечает, что это наставление царица Александра Федоровна потом будет бесчисленное количество раз повторять супругу устно и письменно³²⁷.

Но дело не только в том, что императрица неустанно и упорно повторяла царю свои воспитательные призывы, важно и то, как она их оформляла. По крайней мере, в годы Мировой войны она фактически требовала от мужа не только корректировки поведения, но и полной перестройки его личности. Эти сеансы императорской педагогики заметно учащаются во время периодов обострения политической ситуации.

4 апреля 1915 года императрица писала Николаю II: «Извини меня, мой дорогой, но ты сам знаешь, что ты слишком добр и мягок — громкий голос и строгий взгляд могут иногда творить чудеса. <...> Ты всех очаровываешь, только мне хочется, чтобы ты их всех держал в руках своим умом и опытом. <...> Смирение — высочайший Божий дар, но монарх должен чаще проявлять свою волю»³²⁸. Царица полагает, что пресловутое «умение очаровывать», якобы присущее императору, в сложившихся условиях явно недостаточно.

Через неделю она возвращается к характеристике личностных особенностей императора, человека и политического деятеля: «А ты лично завоевал тысячи сердец, я это знаю, твоим мягким и кротким характером и лучистыми глазами — каждый побеждает тем, чем Бог его одарил»³²⁹. Если сравнить эти слова с предшествующими письмами, то видно, что царица отлает должное наличным политическим способностям императора, но признает вместе с тем, что некоторые важные качества монарха у него отсутствуют. Бог-де одарил его многим, но одарил не всеми качествами, столь необходимыми императору.

В письме от 26 июня она вновь возвращается к характеристике волшебных качеств царя: «Моего любимца (Sweetheart) всегда надо подталкивать и напоминать ему, что он император и может делать все, что ему вздумается. Ты никогда этим не пользуешься. Ты дол-

жен показать, что у тебя есть собственная воля и что ты вовсе не в руках (are not lead by) Н[иколая Николаевича] и его штаба, которые управляют твоими действиями и разрешения которых ты должен спрашивать, прежде чем ехать куда-нибудь». На следующий день она вновь считает необходимым напомнить царю, что у него «слишком доброе и мягкое сердце»³³⁰.

22 августа 1915 года, перед важной поездкой Николая II в Ставку, накануне принятия им должности Верховного главнокомандующего, царица, опасавшаяся противодействия со стороны великого князя Николая Николаевича и его окружения, вновь настойчиво инструктировала императора, она боялась дурного воздействия, она опасалась его «исключительно мягкого характера», которому императрица противопоставляла свою сильную волю, свой твердый характер: «Когда я вблизи тебя, я спокойна. Когда мы разлучены, другие сразу тобой овладевают. Видишь, они боятся меня и поэтому приходят к тебе, когда ты один. Они знают, что у меня сильная воля, когда я сознаю свою правоту, — и теперь ты прав, мы это знаем — заставь их дрожать перед твоей волей и твердостью»³³¹.

Вновь, 8 сентября, когда политический кризис еще не завершился, императрица призывает царя перестать быть «добрым и мягким»: «Продолжай быть энергичным, дорогой мой, пусть в ход свою метлу — покажи им энергичную, увсеренную, твердую сторону твоего характера, которую они еще недостаточно видели. Теперь настало время доказать им, кто ты и что твое терпенье иссякло. Ты старался брать добротой и мягкостью, которые не подействовали, теперь покажи обратное — свою властную руку (the Master will)». О том же царица пишет императору и на следующий день: «Как бы хорошо дать им почувствовать железную волю и руку! До сих пор твое царствование было исполнено мягкости, теперь должно быть полно силы и твердости. Ты властелин и повелитель России, Всемогущий Бог поставил тебя, и они должны все преклоняться пред твоей мудростью и твердостью. Довольно доброты, которой они не были достойны. <...> Дружок (Lovy). Ты должен быть тверд...»³³²

Шли месяцы, а император, по мнению царицы, все еще не демонстрировал своей воли, не проявлял достаточной твердости. О «чрезмерной доброте императора» царица писала ему и в январе 1916 года: «Ты чересчур добр, мой светозарный ангел. <...> Люди злоупотребляют твоей изумительной добротой и кротостью. ...тебя недостаточно боятся. Покажи свою власть»³³³.

Иными словами, но о том же она вновь писала и в марте 1916 года: «Твоя ангельская доброта, снисходительность и терпение известны всем, ими пользуются». Она требовала, чтобы царь действовал «более решительно», она призывала: «Докажи же, что ты один — властелин и обладаешь сильной волей»³³⁴.

Итак, императрица Александра Федоровна в своих письмах вновь и вновь пыталась заниматься политическим воспитанием и психологической коррекцией «слишком доброго», «мягкого», «снисходительного» и «кроткого» царя. Она занималась его профессиональным обучением, она воспитывала в нем самодержца, и одновременно она требовала от него глубокой личностной перестройки. Прежде всего она желала, чтобы Николай II наконец продемонстрировал свою волю, качество, которым, по мнению царицы, вполне обладала она сама, но которого так не хватало ее любимому супругу.

Если бы какая-нибудь русская крестьянка высказала своими словами в волостном правлении о царе то, что императрица Александра Федоровна писала мужу на своем своеобразном английском языке, если бы сельская жительница простым деревенским языком описала своим соседям пресловутую «мягкость» и «кротость» императора, то ее бы могли привлечь к уголовной ответственности за оскорбление своего государя.

Возможно, сдержанный Николай II действительно обладал скрытой сильной волей, которая не всегда была видна даже близким людям. Однако ряд членов императорской семьи, включая его мать и жену, считали иначе, они обе подозревали, что царь склонен поддаваться чужим влияниям. И множество участников политического процесса разделяли это мнение, полагая, что его недостаточная воля позволяет другим людям руководить его решениями. При этом информированные современники указывали на влияние императрицы, отчасти подтверждая ее самооценку. Бывший министр внутренних дел А.Д. Протопопов давал в июне 1917 года показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Государыня — дополняла свою волю волю царя и направляла ее. Имела большое влияние. Твердый характер — нелегко сблизилась с человеком, но полагаться на нее, по словам всех и моему впечатлению, было возможно — раз положение было приобретено»³³⁵.

Тема слабоволия царя порой соседствовала с утверждениями о том, что интеллектуальные способности императора ограничены. В мемуарах современников отмечается, что распространенное

представление о царе как о недалком, слабом и бесхарактерном человеке, который стал игрушкой в руках его хитроумных и эгоистичных слуг, существовало задолго до 1914 года³³⁶.

Несудачи царствования и военные поражения империи времен Русско-японской войны этому способствовали, в критических ситуациях люди вновь и вновь возвращались к теме безволия и ограниченности интеллектуального кругозора правящего монарха. В 1905 году современник зафиксировал в своем дневнике «популярные» стишки, которые «с удовольствием» передавал офицер русской армии: «царь (говорит) — Куропаткину — поменьше терпенья, побольше умения, бери уроки у Куроки. А Куропаткин — царю: тебе ума побольше надо, поучись сам у микадо»³³⁷.

Данная тема получила развитие в оппозиционной пропаганде, а во время революции 1905 года она была необычайно растиражирована и визуализирована, иллюстрирована вследствие ослабления цензуры. Один из руководителей секретной полиции вспоминал: «Особенно специализировались некоторые из этих журнальчиков на высмеивании Царя. Он сидит на троне, а мыши подгрызают ножки трона. Он в испуге забился в занавеску, а с улицы несутся революционные крики. Вот примерно их обычный сюжет. И при этом соблюдался некоторый декорум, в том смысле, что Царя никогда не рисовали. Но карикатуристы так изловчились, что по пробору или даже по одному повороту головы легко было понять, в кого метило бойкое перо»³³⁸.

И уж совершенно не были ограничены в своем творчестве авторы тех сатирических текстов и изображений императора, которые создавались за пределами Российской империи. Разными способами они переправлялись через границу. Так, в годы Первой российской революции у контрабандистов порой кроме обычных товаров наряду с инструкциями по применению боевых гранат и наставлениями по ведению революционной пропаганды в войсках находили также и «порнографические карикатуры» на Николая II³³⁹.

Весьма широкое распространение получила книга В.П. Обнинского «Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора Николая II», изданная анонимно в Берлине в 1912 году. В ней рисуется уничижительный, хотя и не во всем реалистический портрет императора: «[Великий князь] Михаил не скрывает своего насмешливого и слегка брезгливого отношения к неспособному, запутавшемуся в дрянных делах брату.. В самом деле, ничья психология не представляется такой странной и полной противо-

речия, как Николай II. Внешняя скромность, даже застенчивость, печальные глаза и недобрая усмешка губ, чадолюбие и равнодушие к чужой жизни, домоседство и алкоголь, лень к делам и резкость суждений, подозрительность и вера на слово всякому проходимцу, любовь к преступлениям, огню и крови и живая, невидимая вера в божество, щепетильная обрядность и столовсречение, открытие мощей и выписка Филиппов и Папюсов и т.д., без конца. Здесь не только двойственность — неизменный спутник всякой живой человеческой души, здесь просто анархическая смесь разных наклонностей, неустройство мыслительного аппарата, машина, где одни винты ослаблены, другие персвинчены, третьи растеряны. Слово насмех одарила Немезида этот отпрыск Романовского дома всеми отрицательными чертами его представителей и дала так мало положительных. Все это отразилось от услужливого бюрократического зеркала на управлении государством и внесло во все дела ту же путаницу, анархию, что царил в царской голове». Известный разоблачитель провокаторов В.Л. Бурцев, опубликовавший в 1913 году в своей парижской газете «Будущее» фрагменты из данной книги, был привлечен к судебной ответственности за оскорбление императора, когда он вернулся в Россию после начала войны³⁴⁰.

Международный скандал вокруг ареста Бурцева, публично подерживавшего участие России в войне, гораздо больше способствовал распространению антимонархических и антидинастических слухов, чем эта давняя полузабытая публикация.

Образ недалекого, неудачливого, слепого царя появился и на страницах зарубежной прессы, это нашло отражение в карикатурах, печатавшихся в иностранных изданиях³⁴¹.

Подобные издания попадали в Россию. Карикатуры на царя и разоблачительные памфлеты, изданные за границей, были своеобразными диковинными сувенирами, которые привозили с собой русские туристы, возвращавшиеся на родину. Спрос влиял на предложение, требовал тиражирования старых образов русского царя и создания новых. Но не следует полагать, что издательской продукцией такого рода интересовалась лишь образованная публика. В начале 1914 года, например, было возбуждено уголовное дело в связи с тем, что некий украинский крестьянин получил письмо от родственника, живущего в Америке. В конверте находилась вырезка из нью-йоркской русской газеты с карикатурой на Николая II³⁴².

В годы Первой мировой войны образы слабого, недалекого, пьяного и даже «вшивого» русского царя использовались порой в

пропаганде Германии и Австро-Венгрии, порой рядом с ним изображался и Распутин³⁴³. Однако в формировании образа врага в этих странах Николай II не играл все же такой роли, какую германский император Вильгельм II играл в пропаганде Антанты.

Образы недалекого императора существовали не только в оппозиционной и враждебной пропаганде, они издавна проникали и в фольклор. Примечательна довоенная частушка, за которую некоторые люди привлекались к судебной ответственности:

От Петербурга до Алтая
Нет глупее самодержца Николая³⁴⁴.

К началу Первой мировой войны в политической пропаганде, в художественной литературе и в фольклоре были разработаны различные негативные образы царствующего монарха, они нашли отражение в стихах, поговорках, частушках, карикатурах, анекдотах. Люди разного положения и разного уровня образования использовали эти образы при описании и интерпретации всевозможных кризисных ситуаций.

В годы войны негативное отношение к «слабому» и «неспособному» царю стало весьма заметно. В известных нам делах по оскорблению членов императорской семьи Николай II предстает прежде всего как «царь-дурак». «Дурак» — наиболее часто встречающееся слово в известных нам делах по оскорблению императора в годы войны. Оно употребляется 151 раз (16% от известного числа оскорблений царя), следующее по «популярности» слово «кровопийца» употребляется только 9 раз. Слово «дурак» используют как некоторые иностранцы и инородцы, считающие «дураками» «всех русских», так и русские патриоты разной национальности, с сожалением именующие дураком «нашего царя».

Можно предположить, что слово «дурак», одно из самых распространенных, простых и универсальных русских ругательств, в первую очередь приходило в голову людям, ругавшим царя под влиянием внезапно полученных известий. Можно было бы предположить, что не все оскорбители царя действительно характеризовали так его умственные способности. Однако показательно, что других членов императорской семьи оскорбляли ипаче. Так, великого князя Николая Николаевича именovali «дураком» довольно редко. Ни один из известных нам оскорбителей Александры Федоровны не назвал царицу «дурой».

Наряду со словом «дурак» при оскорблении императора используются и схожие слова — «губошлеп», «сумасшедший».

В разное время существовали разные поводы для того, чтобы назвать императора «дураком». Порой крестьяне считали, что именно Николай II несет ответственность за неразрешенность аграрного вопроса, столь значимого для них.

Так, крестьянин Симбирской губернии в марте 1911 года заявил при свидетелях: «Вот наш Емельян Белов просился в старосты и обещался вокруг села железную городьбу сделать, да не сделал, так и наш ЦАРЬ — стриженный дурак Николашка, хотел нас землей награждать, да не наградил». В январе того же года другой крестьянин той же губернии явился навеселе в пивную лавку. Завязалась дискуссия о крепостном праве, во время которой обвиняемый заявил: «Император Александр II дал крестьянам свободу, а настоящий ГОСУДАРЬ — мать его ети — дает милости только дворянам и торгует вином» — далее скверная брань в адрес Государя и его супруги³⁴⁵.

И в других случаях недалекий царствующий император противопоставлялся своему мудрому деду-освободителю. В декабре 1914 года в квартире сельской учительницы крестьянин Саратовской губернии увидел портрет Александра II. Это вызвало его одобрение, однако он тут же оскорбил царствующего императора: «Этот государь хороший, так как он освободил нас, а настоящий государь — нехороший, потому что не дает земли крестьянам и старается только в свою пользу». После этого он назвал царя «дураком», а затем последовала и площадная брань. Подобная тема звучала и в других оскорблениях: «Дед освободил крестьян от крепостного права, а Внук, молокосос, крестьян опять теснит»³⁴⁶.

Иногда недовольство отсутствием земли приводило к тому, что крестьянами предлагались самые фантастические версии причин возникновения войны. Старик-пастух из Саратовской губернии был привлечен к судебной ответственности за то, что он заявил: «Императрица идет войной на императора, ибо он поклялся всю землю отдать крестьянам и клятвы не выполнил»³⁴⁷.

Нередко недовольство крестьян вызывала водочная монополия: царя называли «виноторговцем», «кабатчиком», «пробочником» — «Николка, который строит монополки». Одних не устраивали цены на спиртное, другие полагали, что подобная монополия роняет царское и государственное достоинство, а третьи обвиняли императора в том, что он намеренно спаивает народ. Тема монополии стала предметом ряда шуток и анекдотов, рассказчики которых привлекались к уголовной ответственности.

Героем одного анекдота был Александр III, который после своей смерти решил проинспектировать рай и ад. В раю он обнаруживает лишь крестьян и солдат, а в аду — высшее начальство. Мужики объясняют свое положение тем, что они «при жизни все пропились, за то и попали». Александр III немедленно звонит «по телефону» своему сыну: «Коля, открывай побольше монополия»³⁴⁸.

Но и запрет продажи водки после начала войны повлек за собой много оскорблений императора, нередко вспоминались при этом старые шутки и анекдоты.

Неприятие войны также провоцировало волны оскорблений. Порой оскорблялись все главы воюющих государств: «Черти, дураки, разве это ЦАРИ — воюют и народ переводят»; «ЦАРИ — дураки, напрасно мир губят», — неоднократно заявлял 55-летний неграмотный крестьянин Томской губернии³⁴⁹.

Крестьянин Херсонской губернии также не жаловал и вражеского императора: «Собрались наш ... (брань) и германский государь и грызутся как собаки». Правда, главная критика адресовалась в основном Николаю II: «У германского царя больше ума в ... чем у нашего ГОСУДАРЯ в голове»³⁵⁰.

Даже победные репортажи о взятии в плен масс противника могли вызвать оскорбления. В декабре 1914 года в одном из сел Волынской губернии крестьяне говорили о войне. Кто-то упомянул о том, что русские войска пленили несколько сотен австрийцев. 57-летний неграмотный крестьянин заметил: «Если бы наш ГОСУДАРЬ был умный, то резал бы их, а не брал в плен, потому что их кормить нужно. Мы сами не имеем, чего есть. Дурак ГОСУДАРЬ, что берет их в плен и кормит»³⁵¹.

Но вскоре главной причиной, вызывающей оскорбления царя, становятся военные неудачи России. Император, по мнению оскорбителей-патриотов, явно не справляется со своими основными монаршими обязанностями, он не подготовился к грандиозному конфликту, он не может должным образом вести войну. Так, 28 июля 1915 года священник Н.М. Кондратьев (Цивильский уезд, Казанской губернии) заявил на отпевании умершей девочки: «Его императорское величество Государь-император продаст всю Россию. Пора уже его нагайкою или по затылку — вести войну не может»³⁵².

Чаще всего царя обвиняют в том, что он не заготовил заблаговременно орудий и снарядов. Первое известное нам обвинение в отсутствии пушек выдвигается уже в январе 1915 года, а за отсутствие снарядов царя начинают ругать не позднее мая того же года.

Еще ранее (не позднее октября 1914 года) встречаются оскорбления царя в связи с тем, что он «назначает офицеров, которые не могут действовать против врага»³⁵³.

Вопрос о недостатке оружия и боеприпасов широко обсуждался как раз в это время в печати и на различных собраниях. Разные издания и общественные деятели давали разные ответы на вопрос о причинах этого явления. Нередко вопрос о вине персонифицировался, ответственность возлагалась на военного министра генерала Сухомлинова, на великого князя Сергея Михайловича, возглавлявшего артиллерийское управление. Можно с уверенностью предположить, что тексты современных газет влияли на крестьян, оскорблявших Николая II. Однако образованные современники в это время редко обвиняли в этом самого царя. В отличие от них, малограмотные или неграмотные крестьяне возлагали всю ответственность на императора.

Николай II оценивался теперь как «слабый» царь именно потому, что он плохо организовал подготовку к войне и ведение войны. Как заявил один казак под влиянием сообщений с театра военных действий: «... (брань) наш ГОСУДАРЬ слабо правит государством». Другой казак тоже не смог сдержать горечи при вести о поражениях русской армии: «Эх, Миколушка, Миколушка. Германец оружие справлял, а он монополии... а когда пришло время воевать, то стали из деревянных ружей стрелять»³⁵⁴.

Показательны слова 39-летней неграмотной крестьянки М.В. Поповой, обвинявшей царя в том, что после войны останется много сирот и калек: «В этом виноват сам ГОСУДАРЬ, потому что у Него нет порядку и наш ГОСУДАРЬ не думает своим людям добро (!). Германский царь, когда думает добро своим людям, то построил хорошие орудия и всего у него хватает, а у наших войск нет ничего: первые полки идут — и у тех плохое и ржавленое оружие. У германского царя построены хорошие крепости, а наш ЦАРЬ крепости понагоргал из песку». Собеседница ее возразила: может быть, наш государь не знал, что придется воевать. Попова отвечала: «Знал, не знал, а должен укрепляться, а только знал, что строить тюрьмы для народа»³⁵⁵.

Некоторые крестьяне необычайно грубо выражали свое отношение к нерадивому царю. В декабре 1914 года неграмотный крестьянин Вятской губернии заявил: «Плох германец на нашего ГОСУДАРЯ, надо бы нашему ГОСУДАРЮ стрелять в рот, чтобы пуля вышла в ж..у. Он только клубы да театры устраивает»³⁵⁶.

Смерти царю желал и донской казак Г.И. Бардаков, который в августе 1915 года сказал: «Нашего ГОСУДАРЯ нужно расстрелять за то, что он не заготовил снарядов. В то время, как наши противники готовили снаряды, наш ГОСУДАРЬ гонялся за сусликами»³⁵⁷.

В некоторых оскорблениях бездеятельный император лишен должных мужских качеств, он — «Царь-баба». Так, 56-летний крестьянин Пермской губернии заявил в июне 1915 года: «Наш ГОСУДАРЬ худая баба, не может оправдать Россию, сколько напустил немцев». Следует отметить, что данный обвиняемый характеризовался как человек толковый и грамотный, ранее он был волостным судьей и сельским старостой. Другой крестьянин сказал, что «такому царю-бабе служить не хочет». По мнению 44-летнего крестьянина Самарской губернии, «русский ЦАРЬ оказался хуже плохой деревенской бабы, ничего не приготовил, а занимался только тем, что строил мосты да кабаки. Он баба, даже хуже бабы». О том же говорил и 43-летний крестьянин Тобольской губернии: «У нашего ГОСУДАРЯ управа хуже бабы, чтобы ЕМУ первая пуля в лоб»³⁵⁸. Показательно, что крестьяне, жившие в удаленных друг от друга концах империи, использовали один и тот же язык оскорблений. Интересно также, что тот же язык патриархального мужского шовинизма использовала и одна обвиняемая крестьянка: «Государь лежит как баба, ни ... не делает, а только сидит дома»³⁵⁹.

Царь в этих высказываниях крестьян предстает как плохой, нерачительный и бестолковый «хозяин земли Русской», в оскорблениях используется постоянно метафора крестьянского хозяйства: если справный мужик загодя готовится к сезонным работам, даже старается предвидеть всякие неожиданности, то император не подумал заранее о подготовке к тяжелому и неизбежному ратному труду. Он занимался бесполезным, не мужским делом (строил тюрьмы, школы, шкальни, театры, клубы, мосты, церкви), а не наладил производство пушек и снарядов. Он, в отличие от своих предусмотрительных подданных, «не готовил свои сани летом»...

Возможно, легкомысленный царь, по мнению ряда патриотомонархистов, просто не способен исполнять некоторые виды трудной царской работы. 59-летний крестьянин Акмолинской области, эстонец по национальности, неоднократно заявлял в 1915 году: «Наш ЦАРЬ только пьянствует да по барлакам шляется; делает только валенки да перчатки, а пушки делать не может»³⁶⁰.

Нередко «слабый» Николай II, который не смог по-настоящему подготовиться к войне, противопоставляется воинственному и

энергичному германскому императору (некоторые примеры подобного противопоставления уже приводились выше).

Пожалуй, ни один образ не использовался пропагандой противников Германии так широко, как образ Вильгельма II, который персонифицировал для стран Антанты образ врага. Этот образ имел несколько граней. Порой германский император предстает исключительно как комический персонаж, хвастливый и наглый шут, который прежде всего должен вызывать чувство презрения. Но если австрийский император, турецкий султан и тем более болгарский царь всегда представляются смешными и слабыми противниками, то кайзер иногда изображается как могущественное и ужасное исчадие ада, как порождение дьявола. Вильгельм II считался главным виновником войны. В российской прессе широкое распространение получило утверждение о том, что коварная и воинственная Германия «сорок лет готовилась к войне». Немало русских простолюдинов, не вычисляя годы царствования германского императора, распространяли это обвинение и на него самого.

Но порой это обвинение «выворачивалось» наизнанку людьми, которым была адресована эта пропаганда: минус превращался в плюс, порок — в добродетель: грозный «немецкий царь» «сорок лет» тщательно готовился к войне, он добросовестно и умело выполнял свой монарший долг, серьезно относился к своим «царским» обязанностям, а русский царь ими легкомысленно и преступно пренебрегал. Недалекому и безответственному «царю-дураку» противопоставляется предусмотрительный, рачительный и воинственный Вильгельм: подобные характеристики немецкого императора, казалось, могли подтверждаться при своеобразном «прочтении» пропагандистских сообщений России и стран Антанты³⁶¹.

Неудивительно, что такую оппозицию немецкого и русского монарха используют некоторые германские подданные и русские этнические немцы, отождествлявшие порой себя с Вильгельмом II (по крайней мере, в этом обвиняли их доносители).

Так, поселянин Самарской губернии 66-летний приказчик лесной пристани И.Д. Винтерголлер обвинялся в том, что в июле 1914 года, разговаривая с крестьянами о только что объявленной войне, он заявил: «Ваш Николай дурак, а наш Вильгельм умный человек». 15-летний поселянин Самарской губернии Е. Штейнле, рубивший в декабре 1914 года лес вместе с русскими крестьянами, заявил им: «Ваш ЦАРЬ воюет с гнилыми сухарями, а наш герман-

ский с колбасой и ветчиной». После этого он употребил площадное выражение по адресу русского государя. Вины, однако, он не признал, возможно, этот донос был ложным, однако упоминание о гнилых сухарях позволяет судить о распространенном общественном недовольстве снабжением армии, ответственность за которое возлагалась на царя. 28-летний поселянин той же губернии С.А. Гейль, призванный вскоре на военную службу, во время чтения газет при свидетелях многократно восхвалял германского императора, называя русского царя «карапузом» и «чертом»³⁶².

По мнению русских националистов, именно так должны были думать российские этнические немцы, которых они поголовно обвиняли в нелояльности. Публицист А. Ренников, работавший в «Новом времени», был знаменит своим «немцееством», именно он инициировал многие политические кампании, направленные против этнических немцев. Благодаря этой репутации эксперта, неустанно разоблачающего «германское засилье», он стал адресатом различных доносов: встревоженные русские патриоты именно ему направляли письма, в которых они с большим или меньшим основанием, а иногда и без всякого основания, обвиняли немецких подданных российского императора в неверности своему царю. Житель Новгородской губернии писал Ренникову в феврале 1915 года:

Близ ст. Ушаки Николаевской ж.д. находится имение покойного Кн[язя] Голицына, где проживает немец управляющий фон Казер. Местное население взвинчено против него невероятно, питаясь разными слухами. В конце концов, и местная полиция обратила на него внимание и произведенным ею дознанием подтвердилось, что Казер через прислугу распускает такие слухи, за которые русским не поздоровилось бы. Например, его рассказ, ставший достоянием полицейского протокола, после поездки в Царское Село, гласит: «Видел я Царскосельский Дворец, уж очень он хорош, и пригодится для нашего Вильгельма, а для Русского Царя довольно и одной комнаты с решеткой»³⁶³.

Для обвиняемых русскими патриотами немцев, в том числе и для некоторых немцев, бывших подданными царя, германский император является символом положительной этнической идентификации, но крайней мере именно так ситуацию изображают доносители.

Но и представители некоторых других этнических групп, не отождествлявшие себя с германским монархом, противопоставляли «способного» германского императора «неспособному» русскому царю.

Турецко-подданные братья Ф.А. и П.А. Фелекиди, проживавшие в Керчи, были обвинены в том, что весной и летом 1915 года они вели преступные разговоры с посетителями харчевни, владельцем которой был старший брат. Им приписывались следующие слова: «Вильгельм молодчина, а ваш ГОСУДАРЬ дурак»; «Вильгельм строит училища, а ваш ГОСУДАРЬ монопошки»; «Вот германский император умный, заранее все приготовил, и там все дешево, не так, как в России. Русский же ИМПЕРАТОР дурак, ничего не мог приготовить и ничего не знает». Впрочем, братья утверждали, что их оговорили доносители, имевшие с ними личные счеты³⁶⁴. Однако повторяемость обвинений в адрес царя показательна, очевидно, какие-то разговоры такого рода действительно имели место в керченской харчевне.

Мещанин Тирасполя еврей П.Л. Дубин был обвинен в том, что с лета 1914 по декабрь 1915 года он неоднократно оскорблял царя. Дубину, в частности, приписывались слова: «Разве нашему ГОСУДАРИЮ воевать? ЕМУ только водкою торговать. ОН не знал снаряды подготавливать, а только смотрел за водкою, чтобы наши жидки не зарабатывали. Вильгельм 45 лет готовил, а теперь воюет, а наш людей мучит»³⁶⁵. В оскорблении чувствуется лавная обида на государя, монополизировавшего в свое время доходный промысел. Показательно, однако, что Дубин, в отличие от обвиняемых русских немцев, оскорбляя царя, предстает вместе с тем как русский патриот и даже как своеобразный монархист: он говорит о «нашем царе». В данном случае именно патриотическое негодование заставляет его совершить государственное преступление — оскорбить монарха, который плохо подготовил державу к войне.

Точно так же, движимые искренним патриотическим чувством, оскорбляли российского императора и некоторые русские крестьяне: Вильгельм II «сорок лет» готовился к войне, пушки изготавливал, да снаряды «отливал», а «наш» «пробочник» ничего не делал, только водкой торговал, «только шкальни открывал» (в некоторых случаях — «только церкви открывал», «только школы открывал» и т.д.). Иногда же русский император предстает как совершенно праздный человек: «... наш ЦАРЬ сидит за ..... а тот работает». Или, как сказал один сибирский крестьянин, отказавшийся жертвовать на Красный Крест, считая взносы в пользу общественной организации новым государственным налогом: «Немецкий царь знал, что ему надо, и 40 лет готовился к войне, а наш царь пьянствовал и по заведениям ходил»³⁶⁶.

Показателен и анекдот того времени, напечатанный, впрочем, уже после революции:

По Невскому идут ночью два студента и беседуют; один говорит между прочим:

— Дурак этот император...

Околоточный тут как тут:

— Вы что это говорите? О ком выражаетесь? О нашем Самодержце?

— Что вы! — хитрит студент. — Это я говорю об императоре Вильгельме!

— Ну, Вильгельм-то не дурак. — отпарировал околоточный. — Это вы прете!³⁶⁷

Присм, использованный находчивым студентом, применяли и некоторые люди, обвиняемые в оскорблении русского царя, они утверждали, что речь в действительности шла о германском или австрийском императоре. Правда, и власти, расследовавшие их преступление, подобно бдительному околоточному из анекдота, им не очень верили.

В некоторых случаях дьяволизации Вильгельма II в официальной русской пропаганде противопоставлялась его сакрализация. Пьяный неграмотный 46-летний чернорабочий заявил в августе 1915 года: «НИКОЛАЙ только и занимается, что водку продает, а вот Вильгельм умный и святой человек, на исповедь призывает грешных»³⁶⁸.

Вильгельм олицетворял Германию, но иногда царь противопоставлялся не главе враждебного государства, а «германцу», «германцам», т.е. нации противника.

Для некоторых германских подданных, интернированных на территории России, это было предметом гордости. Во всяком случае, так передавали их слова доносители: «Что, русские? Мы, немцы, готовились к войне 40 лет, а ваше правительство только свои карманы набивает, и ЦАРЬ ваш дурак, все золото отдал Франции и Англии, а вас бумажками наделяет»³⁶⁹.

Но этот мотив прослеживается и в оскорблениях царя многими русскими крестьянами. Типичным было высказывание: «Германцы 40 лет готовились к войне и строили крепости, а наш царь водкой торговал и строил монополюшки»³⁷⁰. Интересно, что «германцам» в данном случае противопоставляются не «русские», а «наш

царь», ответственность за неподготовленность к войне возлагается не на всю нацию, а на императора. Очевидно, речь идет о персонализации, присущей монархическому сознанию, в центре которого постоянно была фигура «нашего царя», хорошего или плохого. Полное делегирование ответственности государю, присущее монархическому сознанию, в условиях кризиса влечет за собой и вывод о полной и исключительной персональной виновности монарха.

Этот мотив звучит и в других случаях оскорбления императора.

Еще в сентябре 1914 года малограмотный крестьянин Вятской губернии заявил в своей деревне: «Германец хорошо подготовился к войне, а наш ГОСУДАРЬ только вином торгует, и все у него подготовлено плохо». Мещанка Могилевской губернии Л.З. Рубишник говорила о том же: «Нашему ГОСУДАРЮ не следовало войной заниматься: германец 40 лет к войне готовился, а наш — родимчик ЕГО убей — готовился шинковать, пробками занимался. Если бы ОН мне попался, я бы ЕГО, сукина сына, так вот так разорвала. ЕМУ не войною заниматься, а пробками, как ОН этим и раньше занимался»³⁷¹.

Патриотическая тревога, усиливающаяся успехами «германца», провоцировала новые оскорбления императора. Неграмотный портной, выходец из крестьян, рассматривая карту военных действий, заявил: «Наш государь кули смолил и монопольку строил, а германец в это время крепости строил. Где же теперь Нашему ЦАРЮ взять германца»³⁷².

Обвинения и оскорбления царя, сочетавшиеся с уважением к «германцу», иногда имели свою специфику в тех случаях, когда их авторами были женщины: «Наш ЦАРЬ — дурак, не заботился до войны, чтобы подготовиться к ней, как делал это германец, а только строил казенки, да какие-то театры, теперь дает пособия только солдатским женам, которые ..... а другим матерям пособий не дает; делает это потому, что Его Мать и Жена ..... (площадная брань); уже лучше бы германец нас завоевал, народу лучше было бы, чем с таким ЦАРЕМ»³⁷³. Данный донос, возможно, был ложным, однако подобные обвинения в несправедливости распределения пособий, адресуемые Николаю II, были нередкими.

Пожелание победы противнику, которого возглавляет дельный монарх, содержится и в других делах по оскорблению царя. Два крестьянина, жителя Новгородской губернии, разговорились у сельской церкви. Один из них заявил: «За нашим ЦАРЕМ после-

лия жизнь. Пусть Германия победит, за тем царем будет лучше жить». Его собеседник согласился: «Да какое уже житье за нашим ЦАРЕМ»³⁷⁴.

Вновь следует подчеркнуть, что порой оскорбления царя проноцировались особым восприятием патриотических текстов и изображений: в некоторых случаях антигерманская пропаганда «прочитывалась», интерпретировалась совсем не так, как предполагали ее создатели. Показателен случай 43-летнего крестьянина Енисейской губернии Д.И. Пойминова. В конце декабря 1914 года в сельском правлении на заседании комитета по сбору пожертвований семействам нижних чинов местный священник читал вслух брошюру, в которой осмеивался германский император. Пойминов заявил: «Германский император Вильгельм во много раз лучше и умнее нашего государя». Затем он назвал царя «дураком» и «идиотом»³⁷⁵.

Другой подобный случай произошел в ноябре 1915 года в Акмолинской области. Народная учительница увидела в доме у одной крестьянки картинку «Дракон заморский и витязь русский». Это довольно известный цветной плакат эпохи войны, на котором изображен русский витязь, сражающийся с трехглавым драконом, головы которого представляют германского, австрийского и турецкого монархов в характерных головных уборах³⁷⁶. Учительница заявила: «Напрасно Вильгельма рисуют таким, он не такой, а умный, красивый, образованный, из его страны выходят всякие фабриканты, а вот наш Николашка — дурачок»³⁷⁷.

Показательно, что в каждом из этих случаев оскорбители называли царя «нашим».

В своем дневнике образованный современник, наблюдая за отношением к войне простого народа, также фиксировал случаи «издевательств над царем» и отмечал: «...именно популярен император германский: ...у него всякая машина есть». Соответственно сибирский крестьянин, например, заявил в июле 1915 года: «Нужно молиться за воинов и великого князя Николая Николаевича. За Государя же чего молиться. Он снарядов не запас, видно прогулял да пробл...л». Даже некий священник, если верить доносу, в ноябре 1915 года заявил в церкви во время проповеди: в Германии строили крепости и литейные заводы, а Николай II открывал кабаки³⁷⁸.

Известен также один случай, когда царю противопоставлялся турецкий султан. В январе 1915 года группа «астраханских киргизов» вела разговор о войне, кто-то сказал, что Россия гораздо силь-

нсе и образованнес Турции. Пастух Мухаммедов ударил говорившего патриота и заявил: «Русский царь безумный, а турецкий султан умный, так как владет миром». Однако его поддержал лишь один участник беседы³⁷⁹. Такое противопоставление было все же исключением, вряд ли многие подданные российского императора рассматривали султана как умелого правителя.

Но в другом случае Николай II оказывался самым последним во всеобщем международном «рейтинге монархов». Колонист Бессарабской губернии Ш.С. Перельмутер заявил в августе 1914 года: «На свете есть шестнадцать Царей, все кушают, пьют и за своими делами смотрят, а наш Русский ЦАРЬ только кушает, пьет и с курвами гуляет, а за порядком не смотрит»³⁸⁰.

Недалеский царь в слухах военного времени предстает как безвольный персонаж, который находится под полным влиянием своей жены и (или) своих советников, среди которых преобладают немцы. При этом Николай II не воспринимается как главный злодей — он пассивный, слабовольный объект воздействия, он по своему является жертвой хитроумных враждебных манипуляций. Иногда в оскорблениях царя обвинения в его адрес соседствуют с некоторым сочувствием слабому и несчастному человеку. Подобно российской императрице, русские крестьяне считают, что царь часто попадает под плохое влияние своих дурных советников, разумеется, при этом назывались иные имена коварных царедворцев.

Но и образованные современники полагали, что император является объектом манипуляций царицы и «придворной клики». Мнение это разделяли и люди весьма консервативных взглядов. Л.А. Тихомиров записал 11 апреля 1916 года в своем дневнике: «Наверху — прежнес положение. Всесильный Распутин. Безусловное подчинение Царя его Супруге»³⁸¹.

Разговоры о немецком окружении и (или) немецком происхождении русских царей возникали постоянно во время различных кризисных ситуаций, что заставляло императоров покровительствовать русскому национализму. Подобные слухи не могли не возникнуть и во время войны с Германией. Это проявлялось в появлении новых шуток и анекдотов. В октябре 1914 года барон Н.Н. Врангель записал в своем дневнике:

Слышал забавный анекдот: «Когда Государь Император ездил в Москву для объявления войны, кто-то подслушал в толпе следующий разговор. Корявый мужичонка, стоя на Красной площади и наблюдая

Государя и его свиту, спрашивает соседа фамилии всех:

— Кто это?

— Граф Фрелерикс.

— А энтот?

— Граф Бенкендорф.

— А тот с одноглазкой?

— Барон Корф, обер-церемониймейстер.

— А энтот, старый?

— Фон Грюнвальд.

— А энтот?

— Флигель-адъютант Дрентельн.

— Ишь ты, сколько немцев в плен забрал. Да, только зачем это он их с собой возит!³⁸²

Осенью 1914 года разговоры о немцах в царском окружении вызывали шутки. Весной же 1915 года, после поражений русской армии, в условиях милитаристских проагандистских кампаний, провоцирующих новые волны шпиономании и германофобии, представление о германском окружении царя создавало предпосылки для оскорбления императора: по вине царя во дворце и в стране главенствуют немцы.

Русские националисты разных профессий и состояний считали, что от немецкого засилья следует освободить русскую промышленность, русскую внешнюю политику, русскую науку и литературу. Исключение не делалось и для императорского двора, он также должен быть освобожден от германского влияния. Житель Сибири писал в июне 1915 года в редакцию газеты «Русское слово»: «Сотни лет стонет Русь многострадальная от присосавшихся к ней чужестранцев, особенно немцев. ... Каждый литературный работник должен ратовать за полное освобождение от немецкого засилья, где бы оно ни было, включительно до царского двора»³⁸³. Немало «литературных работников» к этому времени уже активно подключилось к решению этой задачи.

Другими словами, но тогда же и о том же говорили простые люди, оскорблявшие царя. Разговоры о немецком засилье приобретают характер, опасный для режима, обвинения выдвигались не только против царедворцев-немцев, царедворцев-германофилов или царицы-немки, но и против самого императора: «У нас все начальство — немцы, и ГОСУДАРЬ все подписывает, что они ни напишут, а сам ГОСУДАРЬ как сторож Степан»; «Министры нем-

цы только волкой торговали, а к войне не готовились. Царь 20 лет процарствовал, и за это время пустил полную Россию немцев, которые и управляют нами»; «... все правительство наставил из немцев» и т.п.³⁸⁴

Интересна цепочка доносов, сопровождавших начиная с мая 1915 года конфликт внутри пригча сельской церкви в Пензенской губернии. Псаломщик донес, что на его квартире священник заявил: «А наш ГОСУДАРЬ окружил себя министрами-немцами ослами, да и сам-то, выходит, осел». В свою очередь, и обвиняемый священник поспешил направить властям донос на псаломщика, ему приписывались такие слова: «Варшаву и Ивангород немцы взяли и наших перекростили. Наставили жопников, например Фредерикса, вот они и работают. Раз к ним народ относится враждебно, то на черта их держат»³⁸⁵. Возможно, оба доноса были ложными, но и в этом случае они свидетельствуют о политических разговорах людей в пензенской провинции. Показательно, что и в том и в другом случае речь идет о немецком засилье, виновником которого выступает сам царь.

Некий житель Тифлиса писал в августе 1915 года (письмо было написано по-грузински): «Приехало много молодежи из столицы и из Киева. Они рассказывают такие вещи, что просто волосы дыбом становятся. Немцы, стоящие во главе чуть ли не всех учреждений в России, открыто продают нас. <...> начнется поголовное избиение немцев и их приверженцев — закоренелых бюрократов, подкупленных немцами. <...> Дворцовые, зная слабость Наследника и добродушие ГОСУДАРЯ, смело отдадут страну врагу»³⁸⁶. Грузинский патриот России, подобно императрице, считает царя добрым человеком, но именно это хорошее человеческое качество воспринимается и им как монарший порок.

Однако немало оскорбителей царя не рассуждали о добродушии царя, их оскорбления были свирепыми. Подобно крестьянину Яковлеву, упоминавшемуся в начале этой главы, они желали смерти государя, покровительствующего немцам. В мае 1915 года крестьянин Пермской губернии заявил: «У нашего ЦАРЯ все больше измена и потому, что начальство все немцы; надо их прогнать, а ЦАРЯ убить». Смерти царю желал и крестьянин Костромской губернии: «Убить бы давно нужно нашего государя, какую он дал власть немцам»³⁸⁷. Показательно, что оскорбления такого рода наблюдаются с мая 1915 года. — очевидно, кампания германофобии, развернувшаяся в это время, имели и такой эффект.

Эта тема заметна и в других оскорблениях того времени: «У нас государь дурной, ставит немцев за офицеров и генералов, а эти берут скуп и продают наших»³⁸⁸.

Приказчик-эстонец также объяснял причины поражения русской армии дурным и антинациональным окружением царя: «Наш Государь — глуп как теленок — его окружают только жида, да немцы, которые и являются у него офицерами и воеводами». Иногда набор внутренних врагов был другим, но немцы в нем непременно присутствовали: «ГОСУДАРЬ вог у нас русский, а держит татар. У нас Николай распространил татар и немцев, а нам житья нет»³⁸⁹.

Бывший солдат, большевик вспоминал беседу, относящуюся к 1915 году. Некий прапорщик в действующей армии вел с солдатами разговор о многочисленных изменниках и шпионах, находящихся на высших должностях: «... Сухомлинов, военный министр, по вине которого армия осталась без снарядов, Мясоедов, который продал немцам целые корпуса...» Однако офицер не мог предвидеть реакцию одного простого солдата, для которого обилие высокопоставленных предателей было убедительным доказательством преступного бездействия царя: «По-мосму, коли уж начинать, так начинать с головы. ... Какой это царь, который окружил себя ворами, жуликами и всякими мошенниками и пройдохами. Ясное дело, что так мы войну проиграем». После подобного заявления прапорщик немедленно ретировался. Мемуарист отмечал: «Такое неоформленное брожение среди солдат росло с каждым днем». Разумеется, к мемуарам, написанным и опубликованным в советское время, следует подходить осторожно, однако примеры подобного «неоформленного брожения», подпитываемого официальной германофобией и шпиономанией, можно обнаружить и в других источниках³⁹⁰.

Особое внимание уделялось немецкой жене царя, предполагаемой покровительнице немцев, император же описывался как глупый и безвольный полкаблунчик.

Уже осенью 1914 года появились слухи о том, что «немецкой партии», возглавляемой императрицей, удалось склонить царя к заключению сепаратного мира. Если верить французскому послу М. Палсологу, то московский предприниматель Ю.П. Гужон осведомился у него, соответствует ли действительности информация о том, что «придворной клике» удалось поколебать решимость императора продолжать войну до полного разгрома Германии. Палсолог не зафиксировал, как он ответил на данный вопрос, он лишь отметил, что рассказал все, что знал «о текущих интригах в окру-

жении императрицы, интригах, требующих очень внимательного анализа»³⁹¹. Можно предположить, что если французский посол точно передает содержание разговора, то подозрения его собеседника после подобной беседы только усилились.

И в этом случае царь — лишь объект воздействия темных сил. Главным же деятелем является царица.

Показателен анекдот о деле, якобы разбиравшемся при закрытых дверях в Московском окружном суде, он был записан в ноябре 1915 года в «дневнике» М.К. Лемке: «Серый мужиченка привлечался за оскорбление величества. Вызвали свидетеля обвинения, тоже серого мужика. Председатель спрашивает его: “Скажите, свидетель, вы сами слышали, как обвиняемый позволял себе оскорблять словом имя его императорского величества?” — “Да как же, вашество. И что только нес-то! Я и то уж ему говорил: ‘Ты все его, дурака, ругаешь, а лучше бы ее, стерну этакую...’”»³⁹². Свидетель проявляет некоторое сочувствие императору, однако тут же оскорбляет его, совершает двойное преступление прямо в суде, сам не подозревая о том, что он бросает вызов закону перед лицом его стражей. Показательно, что и Лемке готов поверить слуху о том, что подобный эпизод в суде действительно имел место.

Слухи передают, что императора обманывают, что им манипулируют. Его собственная жена изменяет ему с грязным мужиком. Простолюдины сравнивают царя с известными деревенскими дурачками и пьяницами, с калсками и юродивыми, с сельскими изгоями, чистящими отхожие места. И здесь также используется метафорика деревни, образы крестьянской семьи: государь не только не может рачительно и предусмотрительно управлять своим хозяйством, он не может вообще быть хозяином в своем собственном доме. Некий фронтовик писал домой: «Плохо жигь на белом свете белому Царю-батюшке, тому, как Гане слепому, так и ему, потому, что надел ему германец черные очки и вставляет ходу в лопшуты шары его...» (к письму был приложен портрет Николая с выколотыми глазами)³⁹³.

Слухи передавали, что в своем собственном доме царь-де подвергается оскорблениям и даже насилию со стороны своей жены. Молва простолюдинов утверждала в начале 1916 года, что царь ходит с исцарапанным царицею лицом³⁹⁴.

Весьма часто говорили о том, что царь злоупотребляет спиртным. В письмах же людей весьма консервативных взглядов содержится намеки на то, что у императора плохая наследственность.

Химик Н.Н. Любавин, профессор Московского университета, писал в апреле 1915 года: «Но каждый народ имеет такое правительство, какого он достоин. Например, вся Россия много лет пьянствовала. Что же удивительного, что и Александр II злоупотреблял спиртными напитками? Между тем последствия этого были серьезные: спирт мог быть причиною его личной слабости в управлении, расшатавшем всю Россию; он же мог отразиться очень нехорошо на его потомстве»³⁹⁵. Пьянство и дурная наследственность, либерализм и плохое управление оказываются связанными в один узел.

Простые люди попросту говорили о том, что царь пьянствует, и в петроградском обществе появились слухи и о том, что слабоволие императора усиливается оттого, что его намеренно одурманивают наркотиками, «порошками Бадмаева». Этим занимаются чужеземцы и казнокрады, преступники и предатели, «распутинцы» и «приспешники Вырубовой», возможно, даже собственная жена царя. Княгиня Кантакузен вспоминала о событиях осени 1916 года: «Императрица и мадам Вырубова управляли своими ставленниками более открыто, чем всегда, а император оставался в Ставке и проявлял такую нерешительность и инертность, что поползли ужасные слухи о его неспособности действовать. Говорили, будто персидский врач, которому покровительствовала мадам Вырубова, с согласия императрицы дает его величеству наркотики, доводя до состояния слабоумия, с тем чтобы та в конце концов смогла объявить о его неспособности управлять государством, возвести на трон сына, а самой стать регентшей при нем»³⁹⁶. Бурята П.А. Бадмаева мемуаристка ошибочно именует персом, но слухи об употреблении царем наркотических средств действительно распространялись в столичном обществе. Данная тема из дореволюционных слухов перекочевала в памфлеты революционного времени³⁹⁷.

Император действительно принимал во время болезней кокаин, он писал об этом царице, а она осведомлялась потом о результатах подобного лечения³⁹⁸. Но кокаин в это время считался сравнительно безопасным лекарственным препаратом и применялся часто.

Фантастические слухи о «зомбировании» императора отражались даже в донесениях послов. Так, Дж. Бьюкенен сообщал в Лондон о том, что Распутин якобы влияет на царя с помощью каких-то лекарств, наркотиков. Слухи об этом исходили от великого князя Дмитрия Павловича и Ф.Ф. Юсупова. Последний после Февраля охотно сообщал журналистам о таинственных «снадобьях Бадмаева»: «Николай Александрович за последний год окончательно

потерял волю и всецело попал под влияние Александры и ее друзей. ... За последнее время Государя довели почти до полного сумасшествия и его воля совершенно исчезла». Адресат же английского посла, лорд Хардинг, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании, расценивал это сообщение британского посла как «чрезвычайно интересное». Очевидно, руководители английской внешней политики не исключали того, что император союзной державы является паркоманом. Многие годы спустя слух этот воспроизвел в своих воспоминаниях и А.Ф. Керенский: «Что может лучше свидетельствовать об эффективности лечения Бадмаева, чем бегающие глаза царя и его беспомощная улыбка? Именно к этому времени относятся постоянные напоминания царицы в письмах к царю “принимать капли, предписанные Бадмаевым”»³⁹⁹. Глава великой империи предстает в сознании многих образованных современников как безвольная жертва психотропного воздействия.

Предполагаемая «второстепенность», «подчиненность» и «немужественность» императора весьма важны для понимания настроений кануна революции — жалкий персонаж слухов военного времени совершенно не соответствовал патриархальному идеалу великого и всемогущего «царя-батюшки», царя-самодержца, который насаждала официальная пропаганда и монархические организации. Он не царь, а всего лишь «паришка», именно так Николай II именовался в некоторых солдатских письмах⁴⁰⁰.

Именно «слабость» императора, отсутствие у него должных качеств государя вмснялись ему в вину и некоторыми рабочими. Среди московских рабочих поговаривали: «Ходит Николай в Ставке как из-за угла пыльным мешком приглушенный». А 3 февраля 1917 года, накануне революции, рабочие у Путиловского завода кричали: «Долой самодержавную власть, так как государь не знает, кто правит страной и ее продает...»⁴⁰¹ Во время революции одни протестовали против существующего политического строя, ибо были его принципиальными противниками, другие же полагали, что не может быть подлинного самодержавия без истинного самодержца.

Образ «Николушки дурачка» никак не соответствовал представлениям об «истинном» и «праведном» могучем государе. 45-летний латыш, управляющий имением в Новгород-Северском уезде, заявил украинскому крестьянину: «Русскому ГОСУДАРЮ не с чем уже воевать, повыбирал деньги по России и по мужикам собирается, а еще называет себя Самодержавцем. Какой он Самодержавец!»⁴⁰². И в данном случае император не соответствует идеальному образу

настоящего самодержца, что и вызывает оскорбление, за которое юзмушенный сторонник истинного самодержавия был осужден на голичное заключение в крепости.

Причиной недовольства императором для многих современников была авторитарно-патриархальная, по сути монархистская ментальность: императору в вину вменялось прежде всего то, что он не был «настоящим» царем. В основе его «должностных преступлений», совершенных во время войны, лежит «профессиональная непригодность».

Как это не раз бывало в русской истории, царь, якобы лишенный истинных монархических качеств, воспринимался порой как «подмененный» государь, как самозванец. Так, в октябре 1916 года в Саратовское жандармское управление сообщалось, что по Камышинскому уезду ходит некая странница, которая «секретно внедряет в головы темной народной массы», что Николай II «не есть Государь природный, а отпрыск жидовской крови, узурпировавший будто бы престол у Великого князя Михаила Александровича». Отмечалось, что «масса — верит, передает об этом друг другу и пропаганда под секретом разрастается»⁴⁰³. Внимание образованного общества в это время также привлекала фигура брата царя. Однако вряд ли на странницу оказали непосредственное воздействие газетные статьи и картинки из иллюстрированных журналов. Можно предположить, что носители традиционной культуры вырабатывали подобное отношение к государю без влияния культуры массовой. Во всяком случае, неизвестная странница вряд ли была агентом коварных заговорщиков, целенаправленно подрывающих монархическое сознание масс.

В послереволюционных массовых изданиях слухи военного времени получили дальнейшее развитие. Николай II предстает даже как безвольный дегенерат, наследственный алкоголик и вырожденец, как кукла в руках «развратного мужика» Распутина и своей жены, «честолюбивой немки»⁴⁰⁴.

В некоторых слухах безвольный царь чуть ли не добровольно уступает свою супругу Распутину. В одном из памфлетов после революции писалось: «Он унизил себя и свою власть до того, что поделился ею с пьяным, грязным, темным проходимцем Гришкой Распутиным; да только ли властью? С Распутиным он поделился и своей женой, и всей семьей своей!»⁴⁰⁵

Молва утверждала, что властная императрица просто терроризирует Николая II, в ее присутствии царь затравленно молчит.

В одном из бульварных листков 1917 года упоминаются слова, якобы сказанные Ф.Ф. Юсуповым: «Когда Александра Федоровна, навинченная Распутиным, является в кабинет Государя, он — я не преувеличиваю — буквально прячется от нее под стол»⁴⁰⁶. Ссылка на родственника царя, ставшего всем известным вследствие его участия в убийстве Распутина, полтверждала, казалось, справедливость самых невероятных слухов о слабовольном «муже императрицы».

И вновь бывший император воспринимается не как главный злодей, а как безвольная жертва, орудие в руках врагов России. Такое отношение встречалось в разных слоях общества.

В дневнике Д.А. Фурманова, который в качестве агитатора Совета посетил весной 1917 года немало деревень, мы находим соответствующие примеры отношения многих крестьян к царю-«бутылочнику» после Февраля: «...к нему отношение большей частью или насмешливое или сожальтельное, редко злое, но всегда неизменно отрицательное как к правителю. Насмешки большей частью насчет вина, насчет его, Николаева, пьянства, насчет Распутина... А сожаление — это, так сказать, соболезнование по глупеньком человеке, которого околдовала и опутала “злая и хитрая немка”. Она все делала со своими министрами, а Николаю ничего не говорила. А ежели когда и узнавал он, так все равно: напоят пьяным, он и подписывает. В конечном счете о Николае представление как о глупом, вечно пьяном и несчастном человеке, которого опутали кругом, обманывали и даже запугивали, несмотря на видимое могущество. Особенно удручала Николая измена жены и Распутина, отчего он главным образом и запил горькую»⁴⁰⁷.

Так под влиянием прессы революционного времени воспринимали отношения бывших императора и императрицы не только крестьяне, но и образованные современники. Жена генерала П.П. Скоропадского писала ему 18 марта 1917 года: «Все слои, без исключения, одного мнения об Александре Федоровне. Признают ее виновной во всем, его же скорее презирают и даже жалеют. Версия об участии Бадмаева (постепенное умышленное отравление Николая Александровича), скорее, в глазах общества умаляет вину его перед родиной»⁴⁰⁸.

Представление о пассивном, неинформированном и непроницательном императоре утвердилось в массовом историческом сознании: «Царь ничего не знал», — так описывали ситуацию после революции некоторые школьники в своих сочинениях⁴⁰⁹.

Юная аристократка Е.Н. Сайн-Витгенштейн описывала в своем дневнике в январе 1918 года, анализируя свою собственную политическую эволюцию, свое личное отношение к царю: «Моя любовь к Государю сейчас уже только упрямство, а не то светлое чувство, которым я прежде гордилась. А я тогда не переставала любить Государя “quand tême”, но зато с облегчением сваливала все беды на Александру Федоровну». Обличение императрицы, переложение всей ответственности на нее позволяло автору дневника оставаться искренней монархисткой, сохраняло возможность любить царя. Однако новая информация и новые слухи, распространявшиеся уже после Февраля, заставили Е.Н. Сайн-Витгенштейн пересмотреть отношение и к царю: «Несмотря на прежние монархические взгляды, я не могла желать возвращения на престол Николая II: слишком тяжело быть монархисткой во время царствования недостойного монарха». Следующей же стадией для нее было отрицание монархизма: «Перестав быть монархисткой, я стала только патриоткой»⁴¹⁰. Временным заместителем культа императора стал культ революционного вождя: некоторое время Е.Н. Сайн-Витгенштейн была убежденной поклонницей А.Ф. Керенского. Нельзя доказать, что подобная политическая эволюция была распространенной и типичной, но вряд ли она была исключительной. Немало монархистов считали императора «недостойным монархом», а после революции обращались к фигуре вождя-спасителя.

Массовая обличительная литература 1917 года сыграла немалую роль в табуировании самого языка монархии и ее символов. Но самые фантастические и грубые слухи предреволюционной эпохи не всегда можно назвать антимонархическими. Дела по оскорблению императора свидетельствуют не о десакрализации монархии, а о десакрализации образа данного самодержца, Николая II. Такой царь не мог стать символом общенационального объединения, его не поддерживали даже некоторые сторонники самодержавия.

Императрица полагала, что царь умеет внушать своим подданным любовь, но должен внушать им также чувство страха. Но различные источники свидетельствуют о том, что отношение к императору все более окрашивало чувство презрения. Обострение политической, социальной и экономической ситуации вновь и вновь актуализировало образ «слабого царя», который встречается в различных источниках. Недовольство таким «недостойным» монархом объединяло людей разных политических взглядов и разного уровня образования.

Некоторые, подобно свирепому крестьянину Яковлеву, желали царю смерти. Другие, переживая за национальное «хозяйство», разоряемое бестолковым правителем, полагали, что его нужно передать в другие руки. Как сказал в июле 1915 года крестьянин Таврической губернии: «Нужно переменить Хозяина России, вот уже другую войну проигрывает, такая военная держава, а править ею некому»⁴¹¹.

5. «ЦАРЬ-ПРЕДАТЕЛЬ»

Выше упоминалось уже, что императору адресовались самые разнообразные обвинения и ругательства. Наряду с наиболее распространенным словом «дурак» и часто встречающимися («кровопивец», «пробочник», «винополец») употребляются и совершенно неожиданные — «посалский», «забастовщик».

Но и на этом фоне выделяется совершенно особый случай оскорбления царя, который совершил в марте 1916 года 49-летний казак Черниговской губернии Т.И. Столенец. В своем селе он вел разговор о войне, и в ходе беседы он заявил односельчанину: «У тебя семь сыновей и ни один на войну не взят, а у меня один сын, и того взял Мазепа». Собеседник поинтересовался, кого тот подразумевает, кто же является ныне Мазепой? Столенец раздраженно ответил: «Да кто же? Царь». После этого последовала площадная брань по адресу государя императора, что не оставляло уже никаких сомнений относительно того, кто был властным адресатом оскорбления⁴¹².

Возможно, говоря о Мазепе, казак Столенец и не вспоминал знаменитого гетмана. Весьма вероятно, однако, перед нами случай, фиксирующий определенные особенности тогдашнего украинского исторического сознания. Возможно, впрочем, что подобное обвинение адресовано императору не случайно: он сравнивается с человеком, который, согласно официальной российской монархической политической традиции, был великим предателем, само имя которого в определенный исторический период стало символом коварной измены.

Изменником и предателем царя называли нередко, хотя, как уже отмечалось, доминировали другие обвинения: «слабый царь», «царь-дурак», «царь-баба» и др.

Порой же император описывается не как пассивная и безвольная жертва, слепое орудие в руках коварного врага, а как активный, изобретательный и корыстный злодей, как главный изменник и предатель.

Эта тема находила выражение и в различных оппозиционных пропагандистских текстах довоенного времени. Император предстает как правитель, изменяющий своему народу. Подобный образ «царя-предателя» нашел отражение и в народной поэзии революционной поры:

Всероссийский император,
Царь жандармов и штыков,
Царь изменник провокатор,
Созидатель кандалов.
Всенародный кровопийца,
Покровитель для дворян,
Для рабочих царь-убийца.
Царь-убийца для крестьян.
Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь же проклят царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови⁴¹³.

Однако в годы войны тема предательства царя приобретает иную окраску: император становится не только предателем простого народа, но и изменником России, сторонником внешнего врага.

Война нередко изображалась как результат тайного сговора правителей различных стран, ведущих таким образом борьбу против своих собственных народов.

Так, в марте 1916 года грамотный крестьянин Томской губернии заявил: «Выдумали Они, Государи, войну, налопались колбасы и ходят, посмеиваются, им нас не жалко. Им, Государям, делать нечего, с жиру вот они и заставляют нас драться. Если Государи поссорились между собою, то пушай и дерутся сами, а то заставляют нас драться». Помощник сельского писаря из Воронежской губернии был обвинен в том, что в августе 1915 года он утверждал: «Наш и другие государи сговорились воевать, чтобы перебить народ»⁴¹⁴.

Сходные мотивы звучали и в антивоенной пропаганде различных социалистических и пацифистских групп, но в народных конспирологических слухах эта тема формулировалась грубее и проще, она обрастала политическими «детальями» и бытовыми «подробностями», приобретая характер детективной истории.

Так, не позднее ноября 1914 года священник Ф.И. Троицкий получил письмо, офицеры секретной полиции предполагали, что автором письма был С.Ф. Троицкий, студент Киевской духовной академии. Автор письма сообщал: «...говорят некоторые, что войну вызвали русский и немецкий императоры, в особенности русский, чтобы сделать кровопускание рабочему классу ради подавления охватившего всю Россию революционного движения. Было ли у них тайное соглашение, или они просто угадали желания друг друга, — я не знаю. Предполагено было, по-видимому, слегка побаловаться. Отвлечь внимание пролетариата, а затем быстро заключить мир. Объединение русского общества было неожиданно для них, настолько стремительно, что трудно было сохранить первоначальный план и прекратить войну. Такого оборота дела они не ожидали. Николай II правда ездил в Ст... [по-видимому, в Ставку. — Б.К.], чтобы начать переговоры о мире, но был остановлен Николаем Николаевичем ввиду несвоевременности такого шага. Давление его августейшей (она немка — Ал[ександра] Фед[оровна]) продолжается, и он потащился вторично»⁴¹⁵.

Показательно, что изменнические действия царя в этом слухе якобы были предотвращены великим князем Николаем Николаевичем, Верховным главнокомандующим, последний описывается как положительный персонаж. Противопоставление двух представителей дома Романовых встречается и в других слухах. В этом случае руководящая роль в коварном заговоре против России припадает императрице, а царь предстает как изменник второго плана.

Можно предположить, что довоенные связи Романовых и Гогенцоллернов, хорошо известные общественному мнению, могли подпитывать подобные слухи. Очевидно, с этим было связано решение об изъятии из продажи почтовых открыток, на которых Николай II изображался вместе с Вильгельмом II. Соответствующее решение было принято управляющим Министерством внутренних дел, а в ноябре 1915 года Главное управление по делам печати направило соответствующий циркуляр в губернии с пометкой «доверительно». На местах это распоряжение должным образом исполнялось. Так, выполняя данное указание, начальник Волынского губернского жандармского управления в декабре 1915 года предписал своим подчиненным проверить все магазины города Житомира, торговавшие почтовыми открытками. Все открытые письма с совместным изображением двух императоров подлежали изъятию, а торговцам под расписки объявлялось о дальнейшем зап-

Илл. 14. «Признали мы за благо...» Карикатура Ре-ми (Н.В.Ремизова).
Новый сатирикон. 1917. № 12. (март). С.5

решении продажи подобных изображений. Соответствующие распоряжения отдавались и властями других губерний⁴¹⁶.

Наряду с темой планетарного «заговора монархов против своих народов», развивается и тема личного предательства русского царя. В этом конспирологическом построении уже не супруга императора, а он сам становится главным изменником.

Царя упрекали в покровительстве немцам, в германофильстве, корыстном или бескорыстном: иногда и сам император считался немцем, который продаст Россию «своим», т.е. Германии. Эта тема нередко звучит в оскорблениях Николая II.

Так, уже в конце 1914 года 50-летний крестьянин Семипалатинской губернии вел с другими крестьянами у себя дома разговор, в ходе которого обсуждались причины военных неудач. Объяснение нашлось скоро: «Царь не родной, он из немцев»⁴¹⁷. Хотя прямо о предательстве речь не шла, но все же оно подразумевалось.

Первые известные нам слухи об измене самого императора в выявленных на данный момент делах по оскорблению царской семьи относятся к июню 1915 года. Некто А.Н. Виленский в своей граверной мастерской беседовал с работавшими у него учениками Екатеринбургской художественной школы. Он рассказывал о царе неприличные анекдоты, неоднократно говорил, что царь — немецкой крови, что он в союзе с Вильгельмом и хочет продать и разорить Россию⁴¹⁸.

В том же месяце и двинская мещанка рассуждала об императоре, который, по ее мнению, должен выполнить коммерческое обязательство, данное ранее при заключении тайной сделки: «Он давно продал Россию и обязан отдать ее»⁴¹⁹.

Появление оскорблений такого рода в период поражений армии представляется неслучайным, именно изменой в верхах они объяснялись значительной частью общества. При этом ответственность возлагалась на определенных генералов, министров, придворных. Однако некоторые неграмотные или малограмотные современники уже в это время скорее адресовали обвинения в измене именно императору. По-видимому, часть «низов» обгоняла в этом отношении «верхи».

Николая II обвиняют также и в том, что он «все деньги перевел в Германию, а теперь хочет нашими головами воротить»; «Государь собрал со всех кабаков золото и отправил его за границу в германские банки на проценты»⁴²⁰.

В июле 1915 года встречается уже несколько оскорблений крестьян, обвиняющих царя в измене, во всех случаях упоминается свершившаяся «продажа» родины (России, солдат, армии). Предполагаемые корысть и предательство государя сливаются воедино: «...Этот мошенник продал всех наших воинов»; «Россию Николай Александрович... давно уже продал немцам и пропил»; «Государь Император продал Перемышль за тринадцать миллионов рублей и за это Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич разжаловал царя в рядовые солдаты»⁴²¹.

Иногда император обвинялся в «продаже» не Перемышля, а другой части империи. В декабре 1915 года 53-летний латыш, крестьянин Томской губернии, читал в деревенской лавке газеты. Русский крестьянин спросил его: «Не будет ли от нашего земного Бога-Батюшки ГОСУДАРЯ какой-либо милости к новому году и не будет ли мира». Читатель газеты ответил в присутствии свидетелей: «Какой ОН Бог, ОН черт, весь Балтийский край продал, последних

детей от нас отбирает, сечет и режет их»⁴²². В данном случае интересен язык сакрализации лояльного монархиста, используемый собеседником обвиняемого, который, по всей видимости, и был доносчиком. Не очевидно, впрочем, что именно эти слова он приносил в лавке, но так, по его мнению, должен был говорить истинный верноподданный. В данном случае нельзя исключать случай ложного доноса, но, учитывая происхождение оскорбителя, а также то обстоятельство, что два его сына находились в армии, он, возможно, действительно произнес подобные слова.

В октябре 1915 года крестьянин Волынской губернии, раненный на войне и уволенный из армии по ранению, говорил своим односельчанам: «Все равно Германия побьет Россию, у русских нет ни снарядов, ни ружей, и только передние шеренги солдат имеют ружья; у нас говорят, что государь наберет в карман денег, да и выедет к ..... матери за границу»⁴²³.

Тема «продажи» родины царем-космополитом возникла и впоследствии. В ноябре 1915 года 65-летний мещанин Ельца утверждал, что государь, «находясь в родстве с немцами», находится на их стороне, а русские солдаты «все запроданы»⁴²⁴.

Появляется даже легенда о том, что царь-изменник не просто «выскал за границу», а уже сбежал к врагу. 34-летний крестьянин Вятской губернии был приговорен к трехнедельному аресту при полиции за то, что в августе 1915 года он в разговорах с жителями своей деревни утверждал: «У нас Николка сбежал, у нашей державы есть три подземных хода в Германию и один из дворца, быть может, туда ускал на автомобиле. У нашего государя родство с Вильгельмом. Воюют по согласию, чтобы выбить народ из боязни, чтобы не было восстания против правительства и царя, но и теперь гостятся»⁴²⁵.

Возможно, отъезды императора из Ставки, после того как он уже стал Верховным главнокомандующим, спровоцировали некоторые слухи о его измене. В сентябре 1915 года в деревнях рассуждали: «Государь бросил свой фронт и бежал»⁴²⁶.

Оскорбления российского царя, обвиняемого в «продаже» родины, как это ни странно, сопровождалось восхвалениями в адрес германского императора. Запасной, призванный в армию, сказал, указывая поочередно на портреты Вильгельма II и Николая II: «Вот царь, умная голова, нам нужно на него молиться Богу, а вот этому дураку нужно отсечь голову за то, что он продал Россию»⁴²⁷.

О «предательстве» царя задолго до Февраля говорили простолюдины, о том же рассуждали и в некоторых столичных салонах. Однако выявленные пока источники, позволяющие судить о реакции образованного общества, свидетельствуют о том, что обвинения в измене появляются в этих кругах несколько позже, они получают меньшее распространение и не конкретизируются. В «дневнике» З.Н. Гиппиус за сентябрь 1915 года встречается запись: «Правительство, в конце концов, не боится и немцев, [ему наплевать на Россию в высокой степени. Царь ведь прежде всего — предатель, а уж потом — осел по упрямству и психопат]»⁴²⁸.

Слухи о предательстве царя достигли и художника А.Н. Бенуа. 15 декабря 1916 года он записал в своем дневнике: «Вместо какого-либо шага к миру приказ Государя по войскам с пометкой “Царьград”. ... Любопытно было бы знать, какая на сей раз (поистине темная) действовала сила. Ведь они, говорят, всецело за мир; за это его даже обвиняют в измене, в подкупе!»⁴²⁹

Об «измене» императора говорили и некоторые осведомленные современники. А.Н. Родзянко, жена председателя Государственной думы, писала 12 февраля 1917 года: «Теперь ясно, что не одна Александра Федоровна виновата во всем, он как русский царь еще болс преступен»⁴³⁰. Более чем вероятно, что и ее супруг, по крайней мере, поддерживал такие разговоры. Впрочем, речь здесь не идет явно о предательстве, хотя разговоры о «преступлениях» царицы теперь проецируются и на императора.

В дневнике члена Российской академии наук математика В.А. Стеклова, человека довольно консервативных взглядов, царь характеризуется как «немецкий прислужник и предатель»⁴³¹.

Некоторые неосторожные действия царя могли способствовать распространению неблагоприятных для него слухов.

В свое время большой сенсацией стало пленение в 1914 году германскими войсками варшавского губернатора С.Н. Корфа. Немецкая фамилия бюрократа стала основанием для появления слухов о его измене. Осенью 1915 года Корф вернулся в Россию из германского плена. Разумеется, это спровоцировало новую волну слухов. Некий житель Москвы писал в октябре этого года:

У нас полная анархия. За спиной слабого правителя низкие дупонки обдывают свои личные дела. Реакционная гидра ширится, надувается, как спрут обвил, заплел, опутал слабенького ребенка, будущего великана — Государственную Думу. ... Нам не немцы страшны. Не будь

своих подлых паразитов, своих внутренних врагов — две немецкие нации полетели бы вверх тормашками... Вернулся из плена бывший Варшавский губернатор барон Корф... Это тот Корф, который, будучи губернатором Варшавы, попал вместе со своим адъютантом и шофером в плен, когда немцы были от Варшавы не далее чем на 25 верст.

Это тот Корф, после которого не досчитали в казне 2 млн. рублей и который, забрав русские миллионы, прямо поехал к немцам. Почему же это его немцы отпустили, а боевых генералов они крепко держат в своих цепких руках. Особенно удивительно не будет, если впоследствии узнается, что Корф был передатчиком визитных карточек Вильгельма и Николая II. Россия теперь представляет собою топкое болото. Как-то сам собой вытекает из жизни этой войны такой русско-жителейский парадокс: русское правительство вместе со своим вождем идут вместе с немцами на Русь⁴³².

Игнорируя молву, царь принял бывшего варшавского губернатора⁴³³. Такое действие подтверждало, казалось, слухи об общении императора с противником.

В сознании же простонародья версия «предательства» царя упрощалась, он порой предстает как простой шпион. Некая петроградская кухарка в мае 1916 года с радостью комментировала известие о прибытии в Россию иностранных делегаций из союзных стран, их пребывание в России служит гарантией предотвращения измены со стороны российского императора: «Царь-то по фронту ходит, а справа-то у него французский генерал, а слева-то аглицкий. Ну, и ни-ни, чтобы немцам сигналов не подавал!»⁴³⁴

Императора также обвиняли в том, что он намеренно держал армию в голоде, холоде и без снарядов, специально посылал в Германию хлеб, поддерживая врага (его иногда именовали «немецким каптенармусом»), отпускал вражеских военнопленных домой, после чего они вновь вливались в ряды неприятельской армии, инициировал переговоры о сепаратном мире с Германией⁴³⁵.

Следует вновь подчеркнуть, что обвинения в предательстве адресовали царю и люди весьма консервативных взглядов. Показательно анонимное письмо из Нижегородской губернии, посланное после убийства Распутина Ф.Ф. Юсупову, оно было подписано «Голос народа»:

Честные и благородные люди России долго боролись против темных сил: говорили в Государственной Думе, умоляли и просили Царя

сойти с ложного пути и идти по пути правды и света, помнить завет Отца Миротворца, а также присягу, данную Николаем II родине. Но Николай не вынул голосу правды, остался верен со своими крамольниками преступным направлениям и без колебания продолжает вести отчизну к гибели. Спасители поняли, что просьбы и мольбы бессильны, Царь к ним глух, надо избрать иной путь, и он избран. Совершилось то, чего народ давно жаждал. Гнойник вскрыт, первая гадина раздавлена — Гришки нет, остался зловонный безвредный труп. Но далеко не все еще сделано, много еще темных сил, причастных к Распутину, гнездятся в России в лице Николая, Царицы и других отбросов и вырождков человеческого отребья. Неправильно называли великих людей убийцами. Это подлость. Они не убийцы, а святые люди, пожертвовавшие собою для спасения родины. Горе Николаю, если он посягнет на жизнь и свободу этих людей. Весь народ восстанет как один и поступит с царем так, как он поступил с Мясоедовым⁴³⁶.

Автор письма, верный памяти Александра III, полагает, что Николай II нарушил присягу, поддерживает «преступные направления»; наряду с царицей, «другими отбросами и вырождками» и «крамольниками», царь, по мнению этого странного монархиста, олицетворяет «темные силы». По мнению этого автора, царь заслуживает виселицы. В данном случае показательно, как язык крайнего монархизма используется для яростной и свирепой критики царствующего императора.

После Февраля 1917 года многие враждующие периодические издания сходились, пожалуй, в одном: Николай II изображался ими как «враг народа». Такие консервативные газеты, как «Новое время», обличали «измену» отрешкегося императора не менее яростно, чем радикальные издания⁴³⁷.

Возник и получил широкое распространение слух о том, что в дни Февраля царь якобы предполагал открыть фронт противнику, чтобы раздавить революцию, этот слух получил распространение в различных слоях общества. Общественное сознание не задавалось вопросом о практической сложности, даже невозможности выполнения подобного плана: какой бы генерал выполнил соответствующий приказ? Но император в данном случае представлялся всемогущим злодеем, способным реализовать и самый невероятный коварный замысел.

Не следует, однако, полагать, что фантастические слухи такого рода возникли лишь в накаленной революционной обстановке. И в

более ранний период фиксируются разговоры о предстоящей контрреволюционной интервенции немцев с целью подавления антимонархического движения в России. Мещанка Царицына Е.Я. Милованова была привлечена к ответственности за то, что в декабре 1916 года она восхваляла германского императора, противопоставляя его императору российскому. При этом Милованова заметила: «Русский Царь все равно ничего не сделает с немцем, потому что у него внутри должна скоро подняться смута и сам же Русский Царь будет просить Вильгельма прислать войска для усмирения русских»⁴³⁸.

В революционной же прессе появлялись сообщения, работавшие на этот слух, не нашедший, впрочем, никакого официального подтверждения. Так, одна бульварная газета, активно поддерживавшая позднее генерала Л.Г. Корнилова, в марте 1917 года следующим образом излагала результаты допроса бывшего дворцового коменданта генерала Воейкова министром юстиции Керенским. Когда генералу был задан вопрос о том, не предлагал ли он призвать немецкие войска, чтобы проучить «русскую сволочь», то тот якобы ответил, что эти слова принадлежали Николаю II, но император-де произнес эти слова в состоянии опьянения, поэтому не стоит придавать им серьезного значения⁴³⁹.

Эти слова перепечатывались в эти дни и в других изданиях, с разными комментариями они воспроизводились почти дословно в дневниках современников. Генерал А.Е. Снесарев 13 марта записал в своем дневнике: «А вот — венец. Керенский подал Воейкову газету “Киевская мысль” от 10.03, в которой сказано, что он советовал Николаю II открыть Минский фронт, чтобы немцы “проучили русскую сволочь”. И верный слуга царя заявил, что приписываемые ему корреспонденцией слова принадлежат Николаю II, что, произнося эти слова, тот находился в состоянии сильного возбуждения, почему им не следует придавать значения»⁴⁴⁰.

Очевидно, публикации такого рода могли способствовать как распространению самых фантастических слухов об «измене» царя, так и популяризации известного представления о предполагаемом пьянстве Николая II.

Версия о том, что император желал-де открыть фронт противнику, тиражировалась и с помощью ярких запоминающихся образов. В популярном сатирическом журнале была опубликована карикатура: царь, в короне и в мантии, большими ножницами разрезает проволочные заграждения, открывая тем самым путь для наступления врага⁴⁴¹.

Многие современники считали эту версию о приглашении вражеских войск для подавления революции совершенно доказанной.

Некий солдат писал в Петроградский Совет о старом командовании и Николае II, которые-де хотели «открыть Северный фронт неприятелю», чтобы бороться с революцией⁴⁴². Иногда назывался другой фронт. Слухи о том, что командующий Западным фронтом получил приказ, подписанный императором, о допущении немцев в Россию для усмирения восстания, передавались в офицерской и даже генеральской среде, они зафиксированы в дневнике одного из генералов⁴⁴³.

Группа «московских граждан» в апреле 1917 года протестовала против планов отправки царя и царицы за границу: «Что скажут тогда тени тех десятков тысяч наших храбрецов-офицеров, которые в начале войны только с одной тросточкой в руке вели миллионы солдат-героев в атаку, как на параде, и погибли все, будучи ими заранее проданными немцам?»⁴⁴⁴ Подпись, содержание и язык послания свидетельствуют о том, что его авторы также придерживались весьма умеренных политических взглядов. Даже в этих патриотических и несоциалистических кругах царь воспринимался как предатель, «продававший» русских воинов.

Пропаганда послереволюционного времени подтверждала самые невероятные слухи, они, «подтвержденные» авторитетом печатного слова, получали еще большее распространение.

Немецкие офицеры-пропагандисты, участвовавшие в братании в 1917 году, зафиксировали в своих отчетах некоторые слухи, циркулировавшие среди русских солдат. Одни искренне считали, что война является результатом сознательного сговора Николая II и Вильгельма II, а другие были уверены в том, что Германия отвергла сепаратный мир, предлагавшийся ей русским царем⁴⁴⁵.

Представление о том, что Николай II якобы тайно снабжал врага всем необходимым, получило еще большее распространение среди части русских солдат, которые именовали его немецким или австрийским «каптенармусом». Солдат-фронтовик сообщил в частном письме весной 1917 года: «На фронте весь 1-й день Пасхи была тишина, по-видимому, как нашим, так и австриякам и немцам было запрещено стрелять. Наши солдаты с передней линии ходили к неприятелю с визитом, напились там изрядно и кроме того принесли с собою в окопы по 2 бутылки рому. Немцы смеются, почему, говорят, вы сменили нашего каптенармуса Николая, он нас очень хорошо кормил в то время, когда вы кушали сухари и кукурузу»⁴⁴⁶.

Среди фронтовиков распространялись также слухи о том, что бывший император намеренно освобождал немецких военнопленных, чтобы враг мог вновь пополнять ряды своей армии: «...а почему мы не хотим (!) продолжать войну, потому, что наш царь Николай продавал нас. Сколько наши брали германцев в плен, а они обратно все в Германии, попадают по другому и третьему разу к нам в плен»⁴⁴⁷.

Наконец, для части солдат измены военного времени были лишь кульминацией цепи предательских действий, совершавшихся на протяжении многих лет представителями свергнутой династии. При этом фронтовики также ссылались на мнение противника: «Наконец Россия сумела освободить себя от изменников, которые продали ее и продавали уже не одну сотню лет; что продали в эту войну Россию Романовы — факт неоспоримый, даже австрийцы это признают»⁴⁴⁸.

«Предателем» именуется царь и в прошениях некоторых своих несчастных однофамильцев, пожелавших после Февраля избавиться от ставшего «неприличным», а то и опасным родового имени. Бомбардир П. Романов писал 9 апреля: «...стало ясно и для нас, (мало знающих государственную жизнь), кто вел Россию на край гибели, т.е. все люди, стоящие у власти, во главе с предателем монархом Романовым... носить одну фамилию с человеком — предателем своего народа, того, от которого он брал полочки для своей развратной жизни, крайне нежелательно, даже как солдату — гражданину, прослужившему в армии два года, оскорбительно»⁴⁴⁹.

Мнение о «предательстве» царя получило распространение и у людей образованных и политически влиятельных. Московский юрист Н.К. Муравьев, председатель Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством для расследования преступлений деятелей «старого режима», искренне считал первоначально правдоподобными все сплетни о намерении царя открыть фронт немцам и допускал возможность сообщения царицей Вильгельму II сведений о движении русских войск⁴⁵⁰.

Разумеется, никаких доказательств такого рода найдено не было. Чрезвычайная следственная комиссия все же пришла к выводу о ложности представлений о германофильстве царя и царицы и представила соответствующий доклад Временному правительству, а российская пресса продолжала утверждать обратное. Даже respectable «Русские ведомости» еще в июле 1917 года писали, что Николай II был свергнут «за сношения и тайный стговор с не-

приятелем». Часть современников поэтому считали императора-предателя «нечеловеческим чудовищем»⁴⁵¹.

Образ «царя-изменника» не получил такого широкого распространения, как образ «царя-дурака». Очевидно, сначала о предательстве царя заговорили в малообразованных низах, а лишь затем эта тема стала появляться в разговорах образованной элиты, хотя, по-видимому, об «измене императора» говорили значительно реже, чем о «заговоре императрицы». Большую роль в распространении этого слуха после Февраля сыграла пресса революционного времени, хотя и в новых политических обстоятельствах данный слух все же не стал доминирующим.

Глава V

ОБРАЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ

Один из бывших видных чинов российской тайной полиции впоследствии с возмущением вспоминал о разговоре, состоявшемся накануне Февраля 1917 года:

Я возвратился из Архангельска в Петроград за несколько дней до революции. В Архангельске я был в командировке. Ярких признаков навлигающих событий там не ощущалось, хотя два эпизода были симптоматичны, и они оставили у меня неприятный осадок. После одного из наших заседаний мы, члены комиссии, в числе пятнадцати человек, еще не разошлись; один из членов комиссии, генерал, скорее с правым уклоном по своим политическим убеждениям, выразился неуважительно о Государыне, резко порицая ее за то, что она развила у престола мерзкую «распутиншину», причем, когда генерал об этом говорил, двери в комнату, где находились нижние чины, были открыты настежь. Никто по этому поводу не только не протестовал, а, наоборот, как будто бы все были с ним согласны. Тогда же я подумал, что раньше такое публичное суждение было бы просто nonsensum и потому является показательным в том отношении, что в командном составе не все благополучно¹.

Показательно, что и сам автор, по своей высокой должности обязанный, казалось бы, бороться с «крамολой» разного рода, не предпринял в этой ситуации никаких мер, оставив без внимания явное государственное преступление — оскорбление члена императорской семьи, которое при нем было совершено неким генералом публично, при том фактически в присутствии рядовых солдат. Создастся впечатление, что «не все было благополучно» в этом отношении и в среде высшего руководства ведомства, отвечающего за обеспечение государственной безопасности в империи. Очевидно, и некоторые его видные чины не были уверены в том, что оскорбление царицы является серьезным преступлением, требующим немедленной реакции, тщательного расследования и сурового наказания. Можно также с уверенностью предположить, что единодушные, не встречавшие возражения высказывания военных и чиновников высокого ранга, которые не делали из своих разговоров никакой тайны, рассматривались присутствующими нижними чинами как авторитетное подтверждение самых невероятных слухов относительно императрицы и Распутина. Консервативные же убеждения упомянутого генерала и его высокий чин, сочувственное отношение его высокопоставленных слушателей придавали этим высказываниям особую значимость, они воспринимались как авторитетная экспертная оценка.

Действительно, главным объектом слухов военного времени была императрица Александра Федоровна. Распространявшийся со временем в разных общественных кругах образ «развратной предательницы», живущей в царском дворце, стал в глазах многих современников и наиболее важным символом разложения режима, и убедительным «доказательством» коварной измены в верхах.

Последняя царица никогда не была особенно популярной, однако, по свидетельствам многих современников, общественному мнению долгое время она была скорее неизвестна, чем ненавистна. Пристрастный публицист послереволюционной эпохи в книге, опубликованной уже в советское время, писал: «Россия редко видела, еще реже слышала Александру Федоровну: за круг придворной жизни и дворцовых сплетен ее имя не проникало. Она была безгласной и казалась бесцветной. <...> Царицу долго не знали и не замечали»².

В этой злой характеристике былого политического противника старого режима есть известная доля правды: вплоть до кануна Первой мировой войны имя царицы не упоминалось широкими

общественными кругами в связи с важными политическими дискуссиями, будоражившими страну. Показательно, например, что она не была главным персонажем революционной сатиры в 1905—1907 годах, не щадившей других членов царской семьи. Лишь громкие скандалы, связанные с Распутиным, накануне Мировой войны привлекли некоторое внимание прессы и общества к молодой императрице, явно покровительствовавшей экзотическому «старцу».

Вдумчивый современник, придерживавшийся монархических убеждений, хорошо информированный военный юрист Р.Р. фон Раунах, писал впоследствии: «Для современника-обывателя личность покойной императрицы, подобно истории мидян в старомодных учебниках, была “темна и непонятна”»³.

Такое мнение разделяли и некоторые люди, лично знавшие царицу, удивительно, что даже некоторые представители императорской семьи не представляли в этом отношении исключения. Великий князь Андрей Владимирович признавал, что и для ряда членов дома Романовых личность последней императрицы являла собой некую загадку, 6 сентября 1915 года он записал в своем дневнике:

Почти вся ее жизнь у нас была окутана каким-то гуманом непонятной атмосферы. Сквозь эту завесу фигура Аликс оставалась совершенно загадочной. Никто ее, в сущности, не знал, не понимал, а потому и создавали догадки, предположения, перешедшие впоследствии в целый ряд легенд самого разнообразного характера. Где была истина, трудно было решить. Это было очень жалко. Фигура императрицы должна блеснуть на всю Россию, должна быть видна и понятна, иначе роль сводится на второй план, и фигура теряет необходимую популярность⁴.

Но все же многие люди, как близкие ко двору, так и интересовавшиеся придворной жизнью, давно уже составили вполне определенное, хотя порой и совершенно ошибочное представление о личности молодой императрицы. Показательно, что и в этих явно монархических кругах последняя царица не смогла стать особенно популярной.

Преданный памяти императрицы граф В.Э. Шуленбург, имея в виду именно эту часть высшего общества, впоследствии вспоминал, что ее «подавляющее большинство» относилось к молодой императрице Александре Федоровне «неприязненно, а иногда даже и враждебно». Он с сожалением отмечал, что это негативное отношение высшего света к царице проявлялось с самых первых дней

се пребывания в России, затронув и некоторых офицеров императорской гвардии. Даже в лейб-гвардии Уланском полку, шефом которого стала сама молодая императрица, отношение к ней офицеров нередко было в лучшем случае «равнодушным», а порой враждебным, даже насмешливым. «Всех недостойных остро и обвинений не перечислить», — с горечью писал мемуарист, сам гвардейский уланский офицер, характеризуя мнение высшего света относительно царицы Александры Федоровны⁵.

Появилось немало язвительных эпиграмм и стихотворений, широко распространявшихся в списках в великосветских салонах. Злые языки уже в конце XIX века именовали дочь великого герцога Гессенского и Рейнского «гессенской мухой», сравнивая ее с известным насекомым-вредителем, беспощадно уничтожающим посевы злаков. Когда еще только появились в обществе первые сведения о помолвке молодого цесаревича и гессенской принцессы, то по рукам уже начали ходить в рукописях злые стихотворения. Эти стихи вспоминались в 1917 году:

Неумолимая судьба, —
Какая весть коснулась слуха,
Опять на русские хлеба
Садится гессенская муха⁶.

Автор явно намекал на историю династических браков дома Романовых — императрица была не первой гессенской принцессой, ставшей русской царицей. Императрица Наталья Алексеевна, первая супруга Павла I, принадлежала к этому роду. Из гессенского дома происходила и бабушка Николая II, императрица Мария Александровна, жена Александра II.

Недобрую кличку царицы Александры Федоровны вспоминали современники и впоследствии, в годы войны и революции. Некая жительница Харькова явно подразумевала супругу императора, когда она писала в ноябре 1916 года М.В. Шидловской в Петроград: «Мы с Настенькой, как старые ветераны, воспрянули духом и возобновили свою переписку на темы, о которых нельзя писать по почте, и отводим душу, особенно по части гессенской мухи»⁷.

Императрица хорошо знала, что в некоторых придворных и бюрократических кругах она весьма непопулярна. В своих письмах царю осенью 1915 года она писала о том, что даже высокопоставленный чиновник якобы открыто, не стесняясь, именовал ее «сумасшедшей женщиной». Показательно, что царица сразу же пове-

рила своему весьма пристрастному информанту — тобольскому епископу Варнаве, который обвинял в этом своего недруга, местного губернатора. очевидно, подобное отношение к себе со стороны влиятельного бюрократа императрица Александра Федоровна вовсе не считала невероятным. В том же письме от 9 сентября 1915 года императрица сообщала Николаю II: «Ты слышал, как губернатор обо мне отзывался, и здесь — в некоторых кругах — плохо против меня настроены, а теперь не время порочить имя своего Государя или его жены». Далее она писала царю о своей поездке в Петроград: «Видишь, я появляюсь в шикар­ных и в самых бедных и несчастных местах, — пусть видят, что мне безразлично, что говорят, я буду продолжать бывать всюду, как всегда». Хотя царица нередко действительно публично демонстрировала твердую волю и завидную выдержку, трудно поверить, что распространявшиеся в столице и провинции обвинения и оскорбления вовсе не задевали ее чувств. Подтверждение этому мы также находим в переписке императрицы. Тремя днями раньше она писала царю: «В Германии меня теперь тоже ненавидят... и я понимаю, что это вполне естественно». Слова императрицы «теперь тоже» заставляют предположить, что о неприязненном отношении к ней в России царице было известно уже и ранее. Через несколько дней она вновь написала императору о столичных слухах, сообщая мнение одного преданного ей кавалерийского офицера: «Ему противен город, и все его расстраивает, особенно то, что мое имя всюду на устах...» Царица не могла не думать о слухах, героиней которых она являлась. 16 сентября 1915 года она вновь писала мужу: «Правда, дух бодр, но все эти толки внушают отвращение». Вскоре она вновь возвращается к этой болезненной для нее теме: «Мое имя и без того слишком треплется гадкими людьми»⁸. Показательно, что все приведенные цитаты из писем императрицы относятся к сентябрю 1915 года, ко времени, когда принятие царем верховного командования в августе спровоцировало новую волну слухов о царице и ее политической влиянии.

Историкам хорошо известно, что в годы Мировой войны, накануне революции, подобное негативное отношение к императрице Александре Федоровне было довольно широко распространено, оно становилось важным фактором политической жизни. Об этом часто упоминается и в разнообразных источниках, и в многочисленных исследованиях. Однако это не означает, что изучение отношения общества к царице не представляет уже никакого интереса

для современных исследователей. Необходимо рассмотреть динамику и распространенность негативных образов, ведь в разное время с именем императрицы складывались совершенно разные слухи, порой противоречащие друг другу. К тому же не следует представлять, что царица Александра Федоровна вовсе не боролась за свою популярность. И борьба эта не всегда была неудачной — императрица немало времени уделяла и созданию новых образов императора, и своей собственной политике репрезентации, которая переплеталась с ее различными благотворительными и медицинскими инициативами.

1. АВГУСТЕЙШАЯ СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Хотя, как отмечалось выше, императрица Александра Федоровна не пользовалась долгое время общественной известностью, ее образ неизбежно имел значение в общей репрезентации режима задолго до войны. Современный исследователь С.И. Григорьев, изучавший материалы цензуры Министерства императорского двора, пришел к выводу, что структуру упоминаний и изображений особ императорской фамилии в текстах и изображениях, предназначенных для продажи, которые проходили как внутреннюю, так и внешнюю цензуру придворного ведомства, отличают некоторые особенности. В частности, он отмечал, что во второй половине XIX века в отчетах цензуры Министерства императорского двора существенно возрастает количество совместных упоминаний «их императорских величеств» — император и императрица упоминались, а часто и изображались вместе. То есть и для различных российских и зарубежных производителей всевозможных товаров, использующих монархическую символику, образы царствующей четы, счастливой и величественной одновременно, становились все более выгодным «брендом»⁹. Не только император и его наследник, но и малая царская семья становились символами страны.

К тому же парадные портреты императрицы Александры Федоровны порой висели в некоторых присутственных местах рядом с портретами царя, являя собой один из распространенных монархических символов. Соответственно образ императрицы иногда использовался для патриотической мобилизации в начале войны, но, насколько можно судить, это происходило все же сравнительно редко.

Илл. 15. Великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна принимают пожертвования в Зимнем дворце. Столица и усадьба. 1914. № 23. 1 декабря. С.20

Так, в одном из популярных иллюстрированных журналов были опубликованы портреты пяти членов императорской семьи, при этом императрица Александра Федоровна оказалась на четвертом месте — вслед за императором, Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем и вдовствующей императрицей Марией Федоровной — последним был портрет наследника великого князя Алексея Николаевича¹⁰. Но и этот случай представляется скорее исключением: обычно иллюстрированные издания в связи с началом войны печатали либо портреты одного императора, либо портреты Николая II и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, либо снимки царя и наследника.

На опубликованной в другом иллюстрированном издании фотографии, запечатлевшей патриотическую манифестацию учащих учебных заведений в Москве 10 октября 1914 года по случаю мобилизации студентов в армию, видно, что один манифестант несет парадный портрет императрицы, другой — портрет царя, а посередине шествует знаменосец с национальным флагом¹¹.

Все же и этот случай также, наверное, представлял собой редкое исключение. Так, в крупнейших иллюстрированных издани-

ях на фотографиях, запечатлевших иные патриотические манифестации, портреты императрицы Александры Федоровны не видны. Не упоминаются они и в известных нам описаниях подобных манифестаций.

В дальнейшем для патриотической мобилизации в эпоху войны чаще употреблялись не парадные портреты царицы, а ее образы, связанные с благотворительной и медицинской деятельностью. Благотворительности императрица и задолго до войны уделяла немало внимания. Царица была инициатором, вдохновителем и покровителем многих соответствующих проектов, она иногда финансировала их из своих личных средств, а также выступала в роли организатора, покровителя, а порой и в качестве непосредственного исполнителя — шитье и вышивки ее работы продавались на благотворительных аукционах, она лично посещала бедняков и больных. К благотворительной деятельности она приучала и своих детей.

Сразу же после начала Первой мировой войны императрица стала инициатором ряда новых патриотических начинаний. Так, состоящий под председательством царицы Комитет попечительства о трудовой помощи по ее инициативе открыл прием заказов на изготовление предметов снаряжения военных госпиталей и солдатского белья и одежды. При комитете был открыт сбор пожертвований для помощи нуждающимся семьям лиц, призванных на военную службу. Иллюстрированные журналы печатали ее портреты, указывая на ведущую роль царицы в деле оказания разнообразной помощи военным и гражданским лицам, так или иначе пострадавшим от войны, а в газетах печатались списки священнослужителей, церковных приходов, обществ, кружков, комитетов, учебных заведений и отдельных лиц, направлявших свои пожертвования в адрес императрицы¹².

Уже в первой пропагандистской книге, освещавшей деятельность царя в дни войны, появилось и сообщение о том, что императору «благоугодно было образовать пол августейшим председательством ее величества, государыни императрицы Александры Федоровны, и вице-председательством великой княжны Ольги Николаевны и великой княгини Елисаветы Федоровны постоянный Верховный совет для объединения правительственной, общественной и частной деятельности по призрению семей раненых и павших воинов». Отмечалось, что императрица лично неоднократно председательствовала на заседаниях Верховного совета, а старшие дочери царя, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна

Илл. 16. Императрица Александра Федоровна,
великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна (1914)
Фото Я. В. Штейнберга

Николаевна, собственноручно принимали пожертвования деньгами и вещами на нужды войны в залах Зимнего дворца. На первом заседании Верховного совета, состоявшемся в Зимнем дворце, присутствовали главы правительственных ведомств, доклад делал председатель Совета министров И.И. Горемыкин. Когда же после заседания царица ехала из дворца по улицам столицы, народ приветствовал ее криками «ура!»¹³.

В журнале «Столица и усадьба», и здании, предназначенном для читательниц из высшего света, публиковались фотографии старших дочерей царя, лично принимающих пожертвования в главной императорской резиденции¹⁴.

*Илл. 17. Августейшая сестра милосердия государыня императрица
Александра Федоровна (1914)
Фото П. И. Волкова*

Десятки учреждений, возникших в годы войны, пользовались покровительством царицы, их списки публиковались в периодических изданиях. В газетах печатались и списки пожертвований, направленных в адрес царицы. За месяц войны, к 18 августа 1914 года удалось собрать свыше 540 тысяч рублей. Царице часто передавались и суммы, вручавшиеся Николаю II различными делегациями во время его поездок по стране. Кроме того, в распоряжение императрицы поступали значительные денежные суммы, собранные на нужды войны в результате всевозможных патриотических акций. Так, в июле 1915 года царица публично выразила особую благодарность владельцам кинематографов разных мест империи за посылку пожертвований, составляющих выручку от однодневного сеанса в пользу раненых и больных воинов. Собранная сумма превысила 75 тысяч рублей¹⁵.

К патриотической деятельности членов царской семьи по сбору денежных средств на нужды войны разными способами привлекалось внимание общества. В рекламных разделах столичных газет даже печатались объявления такого рода: «Почетная Председательница Особого Петроградского Комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, ее императорское высочество великая княжна Ольга Николаевна изволят лично принимать пожертвования деньгами и вещами по средам, с 3 до 4 часов дня, в Зимнем Дворце — первый подъезд от Миллионной ул. (Комендантский)». Объявления такого рода публиковались и в последующие месяцы, хотя прием пожертвований осуществлялся великой княжной реж. Так, например, и в августе 1915 года в столичной прессе появлялись соответствующие объявления¹⁶. Очевидно, предполагалось, что личное участие старшей дочери царя в сборе средств будет способствовать поступлению новых пожертвований.

Информация о подобной деятельности царицы и ее дочерей преследовала и пропагандистскую цель: она должна была способствовать патриотически-монархическому сплочению общества воюющей страны вокруг престола.

В правых кругах обсуждались различные проекты еще большей популяризации работы царицы, они согласовывались с влиятельными полицейскими чинами и доверенными лицами императрицы. В декабре 1915 года Н.Н. Родзевич, председатель Одесского союза русских людей, писал другому правому деятелю князю А.А. Ширинскому-Шихматову: «С горячим сочувствием отнесся Белецкий к моей мысли о составлении книги с описанием деятельности Ее ВЕЛИЧЕСТВА. Но я боюсь, что мне не придется участвовать в столь симпатичном для меня деле. Ломан хотел устроить совещание, но я ничего от него не получил; быть может, он, мало зная меня, просто хотел отклонить мое сотрудничество»¹⁷. Очевидно, планы издания брошюры, пропагандирующей деятельность императрицы, обсуждали товарищи министра внутренних дел С.П. Белецкий и полковник Д.Н. Ломан, пользовавшийся доверием царицы (показательно, что это происходило в конце 1915 года, после принятия императором на себя верховного командования, в это время царь и царица уделяли особое внимание корректировке тактики своей репрезентации). Можно предположить, что они не желали отдать полностью в руки правых политиков дело прославления царицы, оно не должно было восприниматься как дело какой-то одной партии.

Подобные планы пропаганды были реализованы несколько позже с помощью другого автора. В 1916 году была выпущена брошюра «Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну: Краткое описание деятельности Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны и Ее Августейших дочерей Их Императорских Высочеств, Великих Княжон, Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны во Вторую Отечественную войну в заботах о наших воинах и семьях призванных на войну». Брошюра, изданная петроградским издательством «Русь», принадлежала перу плодовитого профессионального писателя Андрея Ефимовича Зарина (1862—1929). Можно с большой долей уверенности предположить, что это было «заказное издание», отражавшее позицию самой царицы и (или) круга императрицы относительно ее политики репрезентации. Наверняка текст был одобрен цензурой Министерства императорского двора, а скорее всего, и самой императрицей.

В том же году появился и плакат «Труды ЦАРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ во время войны с немцами 1914—1916 гг.». Не позже мая 1916 года это «народное издание» бесплатно рассылалось Министерством внутренних дел по разным учреждениям Красного Креста, земствам, волостным правлениям, народным школам и пр. Осенью 1916 года и Министерство народного просвещения распространяло этот плакат. Так, в ноябре канцелярия попечителя Киевского учебного округа рассылала данные плакаты во все подведомственные учебные заведения¹⁸.

И другой плакат, подготовленный генералом Дубенским, летописцем царя, и выпущенный Комитетом народных изданий, описывал деятельность императрицы и царевен как яркий символ самоотверженных усилий всего русского общества, объединившегося перед лицом могущественного противника во время тяжелых испытаний: «Царицы, Великие Княжны, весь Царский Дом, простой крестьянин, именитый гражданин, помещик и купец, все одинаково несут тяготы войны с глубокой надеждой, что Россия и ее союзники сломят коварного, злого, сильного и недостойного врага»¹⁹.

В результате предпринятых пропагандистских усилий накануне революции каждый школьник был осведомлен о патриотической деятельности царицы, о ней не могли не знать посетители различных присутственных мест и лица, в них служившие.

У царицы Александры Федоровны уже был некоторый опыт благотворительной деятельности в годы Русско-японской войны.

Тогда императрица организовала санитарный поезд, а также убежище (приют) для раненых и увечных воинов²⁰.

Но с самого начала Первой мировой войны подобная патриотическая благотворительная работа царицы Александры Федоровны приняла совершенно иные масштабы.

Уже 19 июля 1914 года императрица повелела открыть специальный вещевой склад для нужд армии прямо в здании Зимнего дворца, в залах Нового Эрмитажа. Буквально через несколько дней, 23 июля, склад уже начал свою работу. Деятельность царицы первоначально способствовала росту ее популярности в высшем обществе, княгиня Кантакузина вспоминала: «Возник порыв сплотиться вокруг императрицы с тем, чтобы она направляла эту деятельность; и многие, кто, так же как и я, прежде избегали мадам Вырубову, были вынуждены обращаться к ней, зная, что она избрана императрицей, чтобы представлять ее во время всей работы, направленной на нужды фронта». Соответственно многие аристократки в создавшихся условиях даже нанесли визиты Вырубовой. Однако царица не присутствовала на торжественном молебне по случаю открытия склада, она лишь прислала собравшимся в большом количестве дамам телеграмму. Очевидно, императрица упустила хорошую возможность использовать значимую церемонию для укрепления своей популярности в высшем обществе. Был организован сбор пожертвований деньгами и вещами, в великолепных залах дворца установлены швейные машины, на которых добровольно работали горожанки разных сословий, включая и представительниц известных аристократических семей. Работы раздавались и на дом. Среди трудившихся во дворце женщин порой появлялась и сама императрица. А. Е. Зарин в упоминавшейся выше брошюре писал: «Нередко в залах огромной мастерской можно видеть Царицу сидящей за швейной машиной или переходящей от одной добровольной работницы к другой с ласковыми речами». Эта информация была явным преувеличением, напротив, многие светские дамы и простолюдинки, работавшие на складе во дворце, были разочарованы тем, что они не имеют возможности часто видеть императрицу: «Каждый день мы налегали, что появится императрица, главным образом для того, чтобы поблагодарить бедных женщин, которые тратили свое время и силы, вместо того чтобы зарабатывать деньги на жизнь. Но проходила неделя за неделей, а ее величество не появлялась, и стали распространяться слухи, что она всецело занята маленьким личным госпиталем, открытым во

дворце Царского Села, и не проявляет никакого интереса к делам в столице, поручив все мадам Вырубовой», — вспоминала княгиня Кантакузина. В словах мемуаристки чувствуются отзвуки бывшего разочарования, она впоследствии стала работать на складе вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Мать царя, умевшая нравиться свету, спускалась к дамам, а порой и сама принимала участие в их работах. Молодая императрица явно упускала шансы закрепить свою популярность, возросшую с началом войны. Однако об отсутствии царицы в Зимнем дворце знали немногие, большая часть образованной публики получала сведения из печати, которая продолжала публиковать сообщения о патриотической деятельности царицы Александры Федоровны. Отчеты о деятельности вещевого склада, о собранных вещах и средствах, о посылках, направленных в адрес различных войсковых частей, печатались в столичных газетах. Первоначально в них точно перечислялось количество нательных рубашек и кальсон, термометров и бутылок вина, посланных в армию. В прессе публиковались и благодарственные письма войсковых начальников, направленные в адрес царицы. Вскоре число вещевых складов, созданных императрицей, достигло шести. Московский склад открылся уже в июле 1914 года в Большом дворце Кремля. Специальные поезда-склады, созданные по инициативе царицы еще в начале войны, доставляли все необходимое на фронт. Можно с большой долей уверенности предположить, что сведения такого рода некоторое время способствовали популярности царицы Александры Федоровны²¹.

Правда, не всегда открытие отделов склада императрицы было выгодно для нее в политическом отношении, иногда же эффект мог быть и обратным. Так, газеты сообщали об открытии 29 июля 1914 года отдела склада царицы в доме военного министра. Руководителем этого отдела стала супруга министра Е.В. Сухомлинова²². Если вспомнить скандальную историю ее развода и последующего замужества, в деталях освещавшегося ранее прессой, то можно предположить с уверенностью, что множество газетных отчетов и объявлений, посвященных этому отделу, могли стать плохой рекламой для царицы. Еще более сложной ситуация стала после смещения Сухомлинова с поста военного министра, когда многие подозревали самого генерала, а иногда и его жену в измене.

В иллюстрированных изданиях печатались фотографии, изображающие разнообразные работы, производимые на главном складе императрицы. Подпись к снимку, опубликованному на облож-

ке одного из августовских номеров журнала «Огонек», гласила: «На помощь воинам. Склад Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце. Дамы и девушки из общества за шитьем белья в одном из парадных зал Зимнего дворца»²³. В данном случае особо выделялась патриотическая деятельность представительниц высшего общества. Читателю массового издания давали понять, что и царица, и представительницы высших классов добровольно вносят свой вклад в дело победы. В журнале «Столица и усадьба», имевшем подзаголовок «Журнал красивой жизни», также печатались фотографии множества дам, которые усердно шили белье для раненых в величественных залах главного царского дворца²⁴. Подписи к некоторым снимкам упоминали в качестве «присутствующих» имена известных титулованных особ. Появление подобных снимков в журнале, ориентированном на аристократок, на женщин, считавших себя таковыми, а также на читателей и читательниц, интересующихся «красивой жизнью» высшего света, наглядно свидетельствовало о распространенности моды на благотворительность военного времени.

В других же иллюстрированных изданиях акценты расставлялись иначе, там подчеркивалось, что патриотическая добровольная работа в царском дворце объединяет, благодаря заслугам самой императрицы, все российское общество, представительниц различных сословий и состояний. В цитированном уже пропагандистском издании отмечалось: «Зимний дворец превращен теперь в одну обширную мастерскую, где все, начиная со знатных дам и кончая женой бедного ремесленника, несут общую, поистине громадную работу по кройке и шитью белья для наших солдат. Сама августейшая государыня императрица постоянно лично принимает участие как по общему руководству делом, так и по самой работе»²⁵.

Деятельность императрицы находила отражение и в современной кинохронике. Очевидно, общество проявляло, по крайней мере первоначально, интерес к документальным фильмам такого рода. Так, реклама известного петроградского кинотеатра «Паризиана» весной 1915 года стремилась привлечь новых зрителей с помощью таких объявлений: «Склад государыни императрицы в Зимнем дворце. С натуры»²⁶.

Сведения о пожертвованиях на нужды склада императрицы печатались в газетах вплоть до революции. Там же публиковалась информация о посланных на фронт теплых вещах, белье, продовольствии, книгах, обуви, медикаментах. Книжки представляли со-

бой литературу духовного содержания, а в списке одежды особо упоминались вещи, изготовленные самой императрицей²⁷.

Затем, в 1915 году, в Зимнем дворце был открыт прекрасно оборудованный гигантский лазарет имени наследника цесаревича Алексея Николаевича, рассчитанный на тысячу раненых и больных военнослужащих. Фотографии этого образцового большого госпиталя, размещенного в императорской резиденции, публиковались в различных иллюстрированных изданиях. Читатель мог увидеть, как величественные Николасвский и Гербовый залы дворца превращались в огромные и прекрасно обустроенные больничные палаты. Другие залы отводились под операционные, ваннные и бельсовые комнаты, помещения для размещения двух сотен санитаров и медицинских сестер. Императрица, посетившая дворец 22 августа 1915 года, лично наблюдала за работами по оборудованию лазарета²⁸.

Уже в конце сентября 1914 года из Петрограда на фронт отправился специальный поезд-склад, созданный императрицей Александрой Федоровной, в октябре к нему присоединился и второй поезд парицы. Впоследствии ею были организованы и два поезда-бани для обслуживания солдат действующей армии²⁹.

Императрица также уделяла особое внимание открытию новых стационарных госпиталей. Уже 10 августа 1914 года был освящен Царскосельский дворцовый лазарет. Он был особенно важен для императрицы, хотя под ее особым попечительством находились и другие лазареты Царскосельского района, в 1915 году их уже насчитывалось 77, заботам об этих медицинских учреждениях она уделяла немало времени. Десять санитарных поездов постоянно доставляли раненых в район Царского Села, кроме них действовали и особые отдельные вагоны-лазареты, которые могли прицепляться к обычным эшелонам. Кроме того, часть дворцовых помещений в Царском Селе была отведена для размещения родственников раненых и больных, которые приезжали навестить своих близких. Для выздоравливающих военнослужащих царица на свои средства открыла здравницу и лечебницу в курортных районах³⁰.

Под высочайшим покровительством императрицы Александры Федоровны в 1915 году было создано Всероссийское общество здравниц в память войны 1914—1915 годов. Общество должно было заботиться о повсеместном развитии и поддержании научно поставленных здравниц — клинических санаториев и учреждать таковые с целью восстановления здоровья участников войны³¹.

Для поддержки же людей, потерявших трудоспособность из-за ранений и увечий, полученных на войне, под покровительством императрицы был создан Кустарный комитет³².

О лечебницах, мастерских, лазаретах, военно-санитарных поездах, санаториях и складах, организованных императрицей, писала массовая печать, соответствующие фотографии печатались в популярных иллюстрированных изданиях³³.

Однако вскоре царица Александра Федоровна перестала довольствоваться ролью высочайшей благотворительницы и организатора новых медицинских учреждений. Она сама решила принять непосредственное участие в лечении больных и раненых офицеров и солдат. Можно предположить, что она следовала известным образцам, уже возникшим в российском и европейском обществе.

С начала войны многие женщины разных сословий пожелали исполнять обязанности сестер милосердия в военных госпиталях. Желавших было столь много, что Красный Крест первоначально вынужден был отказывать тысячам кандидаток. Многие женщины отправлялись на фронт и без всякого официального разрешения, среди них были и совсем юные патриотки. Если гимназисты и реалисты бежали в армию, чтобы стать разведчиками, то их сверстницы втайне от своих родителей устремлялись в госпитали и больницы, желая облачиться в популярную форму с Красным Крестом. Патриотическую инициативу проявили и некоторые великие княгини, уже в августе 1914 года отправившиеся на фронт вместе с подвижными лазаретами³⁴.

Подобные поступки известных и знатных женщин описывались как пример для подражания. Иллюстрированные издания сообщали о великой княгине Ольге Александровне, сестре царя, отправившейся в действующую армию уже 1 августа с госпиталем общины Святой Евгении, о великой княгине Марии Павловне младшей, дочери великого князя Павла Александровича, также поступившей в госпиталь в качестве сестры милосердия. В иллюстрированном журнале «Солнце России» были опубликованы фотографии четырех представительниц императорской семьи. Под портретами двух старших дочерей царя, великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны, указывались их новые должности (соответственно Почетная Председательница особого Петроградского Комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, и Почетная Председательница Комитета для оказания помощи пострадавшим от военных действий). Под сним-

Илл. 18. Великая княжна Татьяна Николаевна. Фото П.И.Волкова (1915?)

ками же великих княгинь Ольги Александровны и Марии Павловны младшей имелись подписи: «Ныне сестра милосердия»³⁵.

Фотографию Марии Павловны младшей в полный рост в краснокрестной форме сестры милосердия опубликовал элитарный журнал «Столица и усадьба»³⁶. Этот эффектный фотопортрет был переделан в погрудный, и в таком виде он был опубликован и в иных изданиях³⁷.

Печатались соответствующие фотографии великих княгинь Ольги Александровны и Марии Павловны младшей и в журнале «Огонек». Было показано, в частности, как обе великие княгини ассистируют при проведении медицинских операций³⁸.

Снимки великих княгинь в форме сестер милосердия печатались и в других иллюстрированных изданиях³⁹. Бульварный «Синий журнал», например, опубликовал в ноябре 1914 года статью «Война родит героев», посвященную сестре императора. Подпись к снимку гласила: «Одною из таких светлых героинь является Великая Княгиня Ольга Александровна. Нам приходилось со многих сторон слышать о ее изумительной энергии и самоотверженной

работе в действующей армии в качестве сестры милосердия. Удивительно веселая и жизнерадостная по натуре, чрезвычайно простая в общении, Великая Княгиня вносит всюду, где только ни появляется, атмосферу настоящей русской ласки и чарующей сердечной теплоты». Одновременно публиковалась и фотография великой княгини в форме сестры милосердия⁴⁰. Показательно, что подобная публикация появилась в издании, которое в иных случаях не спешило проявить особое почтение к членам царской семьи.

В том же месяце и официальная «Летопись войны» поместила репортаж о деятельности сестры императора: «Ее императорское высочество великая княгиня Ольга Александровна с первых дней войны посвятила себя всецело уходу за ранеными. В городе Ровно ее высочество работает наравне с сестрами милосердия с 7 часов утра до позднего вечера. В особенно трудные дни, когда в госпиталь Красного Креста имени Ее высочества в город Ровно прибывали сотни раненых, великая княгиня спала, не раздеваясь, по несколько ночей. Очень часто ее высочество лично раздевает и омывает раненых солдат. Без всякого преувеличения можно сказать, что великая княгиня Ольга Александровна является образцовой сердечной сестрой милосердия». Текст сопровождали фотографии великой княгини, на одной из них она была изображена рядом с обнаженным, перевязанным солдатом⁴¹. Подразумевалось, что она его лично только что перевязала, весьма вероятно, что так оно и было на самом деле.

Возможно, еще большее внимание общественного мнения к деятельности великой княгини Ольги Александровны было привлечено и тем обстоятельством, что 24 сентября 1914 года ее госпиталь в Ровно посетил император во время своей поездки на фронт, и в последующие месяцы Николай II приезжал в лазарет своей сестры. Соответствующие фотографии, изображавшие царя и его сестру в госпитальной палате, появились в иллюстрированных изданиях, распространялись они и в виде почтовых открыток.

В описании официального издания, освещавшего визиты императора на фронт, сестра царя изображалась как олицетворение патриотизма, присущего «чудной русской женщине»: «Образ женщины — самоотверженной, сострадающей, утешающей, ободряющей и даже исцеляющей, нашел в лице Великой Княгини Ольги Александровны самое наилучшее выражение»⁴².

Генерал В.Ф. Джунковский, организовывавший поездки императора, впоследствии вспоминал:

Великая княгиня ничем не выделялась среди сестер, она имела так же, как и другие, своих больных и раненых, наблюдая за ними, делая все необходимое по указанию врача, жила она вместе с сестрами, помещаясь в комнате с одной из них, вместе с ними она и пила чай, и обедала согласно распорядку госпитальной жизни. Соединяя в себе необыкновенную простоту и скромность с удивительной лаской и любовью к ближнему, великая княгиня своей общительностью, проявленными заботами и интересом к личной жизни больных приобрела огромную любовь и популярность среди всех многочисленных раненых и больных⁴³.

Следует относиться осторожно и к пропагандистским изданиям эпохи войны, и к позднему свидетельству пристрастного мемуариста-монархиста. Разумеется, положение сестры императора было совершенно особым, отличавшим ее от других сестер милосердия, однако, по-видимому, великая княгиня Ольга Александровна действительно весьма добросовестно относилась к своим профессиональным обязанностям и пользовалась большой популярностью и в 1914 году, и в последующее время. Некий киевлянин писал в июне 1915 года в редакцию либеральной массовой московской газеты «Русское слово»:

Не найдет ли редакция возможным поместить в «Искре» портрет великой княгини Ольги Александровны. Я никогда ее не видел, но, по рассказам многих раненых офицеров, их жен и солдат, это святая женщина. Она самая скромная и трудолюбивая сестра. Сама раздевает раненых, снимая рубахи, полные насекомыми, сама моет раны, присутствует при операциях, моет тазы от гноя и вообще продлевает самую грязную работу уже на протяжении десяти месяцев. Проста она необыкновенно, сама во время прогулок заходит в бакалейные лавочки, выслушивает и удовлетворяет самые разнообразные просьбы бедняков, ходатайствует за них и т.д.⁴⁴

Показательно, что сразу несколько источников отмечают необыкновенную «простоту» сестры великого царя как ее важнейшее положительное качество. «Простой» сестрой милосердия, как мы увидим, желала предстать перед страной и императрица.

В апреле 1915 года фотографический портрет великой княгини Ольги Александровны в форме с красным крестом напечатал и упоминавшийся уже журнал «Столица и усадьба»⁴⁵.

Между тем стремление стать сестрой милосердия становилось настоящей великосветской модой. Уже в номере за 1 сентября 1914 года заметка «Петроград во время войны», появившаяся в журнале «Столица и усадьба», сообщала: «Большинство дам нашего общества занято сейчас работой в “Красном Кресте”, в разных обществах и лазаретах, шитьем для раненых дома, ряд барских квартир отведен под лазареты, многие берут раненых на дом. Мы будем печатать серию портретов и групп работающих, помешать снимки этих барских особняков и т.д.»⁴⁶. Свое обещание журнал выполнил, помешая в последующих номерах множество подобных снимков. Можно представить, сколько дам, отождествлявших себя с высшим светом, надели форму с красным крестом после прочтения этой заметки и последующих публикаций.

В 1914 — начале 1915 года в этом и других иллюстрированных изданиях появилось немало фотографий представительниц высшего общества и популярных актрис, облачившихся в формы различных общин сестер милосердия (некоторые наряды были очень скромными, другие — продуманными, дорогими и элегантными, а порой и весьма кокетливыми). Среди знаменитостей разного рода, носивших форму с красным крестом, были дочь английского посла М. Бьюкенен (различные портреты юной шотландской аристократки появились сразу в трех журналах), актрисы балета А.М. Бакашова и Л. Бараш, графиня Ф.В. Бенигсен, певица С. Беннинг, дочь главы правительства Горемыкина А.И. Овчинникова, С.А. Зубковская (урожденная баронесса Стюарт), баронесса Л.А. Каульбарс, певица Н.В. Плевицкая, писательница Н.И. Потапенко (Савватий), фрейлина княжна А.А. Урусова, графиня Е.В. Шувалова и многие другие известные дамы⁴⁷. Подпись к эффектному фотопортрету танцовщицы И.Л. Рубинштейн, опубликованному в иллюстрированном журнале, гласила: «Знаменитая танцовщица, проживающая сейчас в Лондоне, посвятила себя всецело уходу за ранеными»⁴⁸. В обстановке военного энтузиазма к публикациям такого рода читатели относились с доверием, не всегда оправданным. Создавалось обманчивое впечатление, что «весь свет» надел популярную форму с красным крестом и трудится без усталы в лазаретах.

Не следует, однако, полагать, что императрица Александра Федоровна и ее старшие дочери решили исполнять обязанности сестер милосердия лишь под влиянием международной великосветской моды того времени. Это, по-видимому, было для них серьезное и сознательное решение. Возможно, на патриотическую ини-

циативу царицы оказала влияние деятельность ее матери, великой герцогини гессенской Алисы (1843—1878), которая в свое время способствовала профессиональному обучению медицинских сестер в Гессене, а во время войн 1866 и 1870—1871 годов организовывала лазареты, а также сама ухаживала за ранеными. Очевидно, великая герцогиня, дочь английской королевы Виктории, действовала по примеру популярной героини Крымской войны Флоренс Найтингейл, знаменитой британской сестры милосердия, которая оказала большое влияние на профессиональную подготовку медицинских сестер в Англии и других странах. Но можно предположить, что и на деятельность великой герцогини гессенской, и на деятельность ее дочери, ставшей русской императрицей, оказала влияние память об известной представительнице Гессенского дома Елизавете Венгерской (1207—1231), которая была причислена к лику святых за свое милосердие — после смерти своего мужа она самоотверженно ухаживала за больными бедняками. (Еще более вероятно, что на этот образец ориентировалась старшая сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна, названная своими родителями в честь святой⁴⁹.)

Впрочем, в годы Первой мировой войны представительницы различных европейских правящих династий облачались в форму сестер милосердия с красным крестом, это была довольно распространенная в то время монархическая система репрезентации. Читатели русских периодических изданий, например, могли узнать о соответствующей деятельности представительниц разных династий — бельгийской королевы, принцессы Вандомской, супруги австрийского престолонаследника, сестры бельгийского короля. После вступления в войну Румынии в 1916 году королевский дворец в Бухаресте был превращен в госпиталь, королева с двумя дочерьми работала там в качестве сестры милосердия. Можно с уверенностью утверждать, что для части особ королевской крови это была не только тактика репрезентации, рассчитанная на политический эффект. Некоторые из них, подобно царице, проходили курс обучения медицинских сестер, прежде чем облачиться в белоснежную форму с красным крестом⁵⁰.

Между тем и сама российская императрица вместе со своими старшими дочерьми великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной прослушала специальный курс у известного хирурга того времени, доктора медицины княжны В.И. Гедройц, лекции читались им в Царскосельском Александровском дворце.

Одновременно императрица Александра Федоровна и ее дочери обучались практическим навыкам в лазарете, ухаживая за ранеными, не позже 12 августа великие княжны начали сами делать перевязки в госпитале. Затем они стали выполнять и более серьезные медицинские процедуры. Великая княжна Ольга Николаевна уже 19 сентября 1914 года записала в своем дневнике: «Была операция Корженевскому 102-го Вятского полка, Татьянин [шефом полка была великая княжна Татьяна Николаевна. — Б.К.], убирали гнилые кости из левой кисти. Нас всех без конца снимал фотограф». Показательно, что и на этом этапе медицинская деятельность великих княжон фиксировалась, часть этих снимков использовалась впоследствии в пропагандистских целях. Впоследствии в очерках, посвященных медицинской деятельности императрицы и великих княжон, специально подчеркивалось, что они прошли надлежащий курс обучения: «...в течение нескольких месяцев Императрица с Дочерьми слушали лекции...»⁵¹

Уже в это время царица и царевны стали появляться в новой форме сестер милосердия, хотя и без красных крестов, порой это новое и непривычное облачение вызывало некоторое недоумение. 16 октября великий князь Константин Константинович отметил в своем дневнике: «Императрица А.Ф. и старшие ее дочери присутствовали, одетые сестрами милосердия. Я не совсем понимаю, к чему этот наряд?»⁵² Очевидно, великий князь еще не был осведомлен о медицинских занятиях императрицы и великих княжон.

О своем обучении медицинскому делу царица постоянно сообщала в письмах императору, посещавшему в это время действующую армию. 21 октября она писала ему: «В первый раз побрила ногу солдату возле раны. Я сегодня все время работала одна, без сестры или врача...» К занятиям императрица относилась очень серьезно, она писала Николаю II о своих учебных успехах: «...мы прошли полный фельдшерский курс с расширенной программой, а сейчас пройдем курс по анатомии и внутренним болезням, это будет полезно и для девочек». Царица затем с гордостью сообщила императору, что она, так же как и другие слушательницы, успешно прошла требуемые профессиональные испытания в Царскосельской общине Красного Креста. Императрица сдала экзамены первая, а затем, получив особое разрешение приемной комиссии, участвовала в испытании своих дочерей, намеренно задавая им особенно трудные вопросы. После экзамена 6 ноября 1914 года царица и царевны в торжественной обстановке получили удосто-

верения сестер военного времени и красный крест, который они отныне могли с полным правом носить на своих фартуках и косынках. Официальный отчет Российского общества Красного Креста описывал эту церемонию так: «Августейшая покровительница общины государыня императрица Александра Федоровна изволила изъявить желание подвергнуться испытанию на получение звания сестры милосердия военного времени и, по выдержании сего испытания, милостиво удостоила общину высокой чести вступить в состав сестер общины. ... По окончании молебствия попечительница общины имела счастье поднести ее императорскому величеству и их императорским высочествам дипломы на получение звания сестер милосердия военного времени и окончившие курсы сестры удостоились получения дипломов из собственных рук августейшей покровительницы общины...»⁵³

В пропагандистском издании отмечалось, что, пройдя «наряду с другими» курсы по уходу за ранеными, царица и ее дочери явили «добрый пример для всех желающих послужить страждущим воинам»⁵⁴. Можно предположить, что положительный пример императрицы и ее дочерей в данном случае противопоставлялся инициативам некоторых менее ответственных честолюбивых представительниц высшего общества, которые надели модную патриотическую форму Красного Креста вопреки установленным правилам — без специального обучения и прохождения соответствующих испытаний. Царица и царевны не были первыми представительницами высшего общества, надевшими форму с красным крестом, но они в глазах страны должны были быть действительно профессиональными медицинскими сестрами, идеальными, образцовыми сестрами Красного Креста.

Подчеркнуто скромный внешний вид августейших сестер милосердия также сразу же должен был отличать их от тех нередких легкомысленных представительниц света, которые с видимым удовольствием облачались в модную форму сестер Красного Креста, кокетливо выпуская локоны из-под накрахмаленных белоснежных косыночек⁵⁵. Пациент, находившийся в лазарете императрицы, вспоминал о царице и царевнах:

Императрица с Дочерьми кончила курсы на звание «сестер милосердия». Они нашли кресты на передники и, видимо, гордились этим отличием. Косынки они носили по правилам гигиены, тщательно пряча волосы. Одна из дам случайно или из кокетства выпустила прядь волос.

— Отчего Вы не хотите носить косынку, как носит сестра Романо-
ва? — ласково заметила ей императрица⁵⁶.

Небольшой лазарет, в котором работала императрица, находился в саду большого Царскосельского госпиталя. В свое время здание было выстроено как изолятор для содержания заразных больных, но в годы войны оно использовалось для отдельного госпиталя, который современники порой называли «Лазаретом Ее Величества». В нем было всего шесть палат по пяти кроватей в каждой. Одна из палат предназначалась для простых солдат, которые, однако, не находились там постоянно — их ежедневно приносили из Большого госпиталя для операций и перевязок. Тем самым соблюдалась известная субординация — солдаты не находились постоянно вместе с офицерами. Очевидно, подобное присутствие нижних чинов в качестве пациентов августейших сестер милосердия имело важное символическое значение: образ царицы и царевен, исцеляющих простых солдат русской армии, использовался в пропагандистских целях. В остальных палатах находились офицеры, т.о. постоянно в лазарете находилось всего не более двадцати пяти пациентов.

Обычно царица приезжала в девять часов утра, прибыв в лазарет, она принимала рапорт. В это время весь персонал госпиталя выстраивался в коридор. Женщины, прикладываясь к руке императрицы, делали глубокий реверанс. После этого все могли продолжать заниматься своими обязанностями, а царица вместе со старшими царевнами быстро обходила все палаты, здороваясь за руку со всеми ранеными и больными. Затем до одиннадцати часов они работали в операционной. После этого начинался второй, длительный обход палат, императрица беседовала с каждым пациентом, иногда присаживалась. Великие княжны в это время лично представляли по столикам больных свежие цветы, которые дважды в неделю специально доставлялись в лазарет. В начале первого императрица возвращалась во дворец. Таким образом работе в лазарете царица и ее старшие дочери уделяли три-четыре часа в день. Кроме того, днем порой императрица и царевны посещала другие лазареты, прежде всего госпиталь, расположенный в Большом Царскосельском дворце. По вечерам царица через дочерей и Вырубову, звонивших по телефону, справлялась о состоянии здоровья пациентов, внушавших ей особую опасность. В воскресные дни пе-

ревязок не было, но императрица навещала лазарет, сопровождаемая всеми своими дочерьми, беседовала с ранеными и больными офицерами⁵⁷.

Белая форма с красным крестом полюбилась императрице, в этом платье она на время теряла свою исключительность, приобретала тем самым некоторую анонимность, становилась одной из многих русских женщин, облачившихся в сестринскую форму. Это, по словам близких к ней придворных, позволяло ей преодолевать ее обычную застенчивость⁵⁸. Однако, как мы увидим, именно эта анонимность создавала немало проблем для репрезентационной политики императрицы.

Старшие царевны также часто носили форму сестер милосердия. Даже своих гостей-сверстников, приезжавших во дворец, они встречали в этой одежде⁵⁹.

Образ «августейших сестер милосердия» был важен не только для официальной патриотической пропаганды, но и для внутрисемейной личной репрезентации царской семьи. Так, в 1915 году пасхальный подарок Николая II своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, которая с 1880 года возглавляла Российское общество Красного Креста, представлял собой драгоценное пасхальное яйцо, изготовленное фирмой Фаберже. Оно было украшено символикой Красного Креста, а внутри пасхального яйца находилось пять миниатюрных портретов, выполненных на маленьких пластинках из слоновой кости: императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, великие княгини Ольга Александровна и Мария Павловна младшая — все в форме медицинских сестер Красного Креста⁶⁰.

Очевидно, императрица Александра Федоровна искренне гордилась своей патриотической деятельностью в госпитале. Именно так она желала быть представлена общественному мнению, привычные образы величественной императрицы в царской короне, в пышном наряде, украшенном редкими драгоценностями, уступали место намеренно скромному образу августейшей сестры милосердия, терпеливо и просто исполняющей свой тяжелый христианский и патриотический долг. В перевязочной палате и операционной царица работала как рядовая помощница врача — подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, терпеливо и аккуратно перевязывала гангренозные раны. Современник вспоминал: «В этой обстановке княжна Гед-

Илл. 19—20. Слева — фотографический снимок (1915). Императрица Александра Федоровна (в центре), великие княжны Ольга и Татьяна и А.А. Вырубова в Царскосельском госпитале. Справа — тот же снимок после ретуширования, он печатался в иллюстрированных журналах, на почтовых открытках.

ройц была старшей. В общей тишине слышались лишь отрывистые требования: “ножницы”, “марлю”, “лашкет” и т.д., с еле слышным прибавлением “Ваше Величество”»⁶¹.

Подобно царю, который во время войны желал выглядеть как «простой офицер» императорской армии, царица желала предстать перед страной как «простая сестра милосердия». Война, требовавшая сознательной мобилизации миллионов простых людей, была воспринята царской семьей как сигнал к личному, бытовому и в то же время демонстративному, репрезентационному опрощению. Современница писала: «Царская Семья и в мирное время стремилась к самому простому образу жизни. Со дня объявления войны жизнь их стала еще проще и скромнее. Их пища, их костюмы и выезды были доведены до возможной простоты. Придворный этикет постепенно упрощался, и их отношения к своим подданным становились все проще и задушевнее»⁶². Разумеется, это относительное стремление императора и императрицы к простоте имело свои границы — в царской семье не отказывались ни от дорогих праздничных подарков детям, ни от свежих цветов, доставлявшихся срочно из Крыма в Царское Село. Это выборочное опрощение, бытовое и репрезентационное, очевидно, соответствовало искрен-

ним религиозным, этическим и эстетическим установкам императора и императрицы, но это было и своеобразным пропагандистским приемом. Оно было связано с политическим видением царя и царицы, в котором морально здоровый и религиозный простой народ России, единый со своим царем, противопоставлялся нравственно и политически разлагающимся образованным верхам (подобная этико-политическая оппозиция низов и верхов русского общества часто встречается в письмах императрицы).

Публикация соответствующих фотографий «августейшей сестры милосердия» в форме Красного Креста была бы невозможной без специального разрешения цензуры Министерства императорского двора и самой царицы Александры Федоровны; известно, что она тщательно отбирала фотографии членов своей семьи, предназначенные для широкого распространения, браковала неудачные, с ее точки зрения, снимки. Императрица была, очевидно, и главным создателем своего нового образа «простой сестры».

По-видимому, на создание полюбившегося императрице образа «августейшей сестры милосердия» известное влияние оказал и Г.Е. Распутин. Царица Александра Федоровна писала императору 23 октября 1914 года (т.е. еще до официального испытания на звание медицинской сестры): «Друг весьма одобрил нашу поездку в Лугу, и притом в одежде сестер милосердия, и настаивает на подобных поездках и впредь. Он советует еще до твоего возвращения съездить в Псков...» Очевидно, размышления о своем новом костюме и о совете Распутина были важны для императрицы, 27 октября она вновь писала Николаю II: «Туда мы поедем в одежде сестер милосердия (это нравится нашему Другу), и завтра также. Но в Гродно при тебе мы оденемся иначе, чтобы тебе не было неловко разъезжать в обществе сиделки». Можно предположить, что в это время царица испытывала некоторые сомнения относительно влияния своего нового образа на восприятие репрезентации Николая II. К теме благословения своей медицинской деятельности «старцем» императрица вновь вернулась и в письме к царю 21 ноября, уже после официального испытания: «Вот телеграмма, которую я только что получила от нашего Друга: "Ублажишь раненых Бог имя свое прославит за ласкоту и за подвиг твой". Это так трогательно, и даст мне силу преодолеть мою застенчивость». Без сомнения, этот новый образ «августейшей сестры милосердия» весьма нравился самой царице. 23 ноября она писала императору о посещении госпиталей в Ковно: «Далее отправились в Красный

Крест простыми сестрами, в небесно-голубых платьях»⁶³. Показательно упоминание образа «простой сестры» в личном письме императрицы. К костюму сестры милосердия царица и ее дочери привыкли, в июле 1916 года перед поездкой в Могилев они зашли в свой госпиталь в обычных платьях и сразу же ощутили некоторый дискомфорт. «Ужасно конфузились друг друга, как как мы были в штатском платье. Глупо», — записала в своем дневнике великая княжна Татьяна Николаевна⁶⁴. Даже на похороны близкой императорской семье фрейлины С.И. Орбелиани (декабрь 1915 года) и царица, и царевны пришли не в трауре, а в форме сестер милосердия. В форме сестры Красного Креста императрица встретила и Февральскую революцию⁶⁵.

Друг друга царица и старшие царевны не без шутки порой называли: «Сестра Александра, сестра Романова I, сестра Романова II». Однако это обращение использовалось и в иных ситуациях, императрица порой представлялась намеренно скромно и серьезно: «Сестра Романова»⁶⁶.

Форма сестры милосердия для императрицы Александры Федоровны не была обычным монархическим маскарадом (известно, что члены императорской семьи уделяли особое внимание переодеванию в различные мундиры, соответствующие особым случаям). Она не была и внешней данью светской моде. Княжна Гедройц в своих воспоминаниях свидетельствовала о крайне добросовестном отношении императрицы и великих княжон к исполнению своих обязанностей: «Мне часто приходилось... при всех осмотрах отмечать серьезное, вдумчивое отношение всех трех к делу милосердия. Оно было именно глубокое, они не играли в сестер, как это мне приходилось потом неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого слова»⁶⁷.

Царица и царевны действительно работали в госпитале в качестве сестер милосердия, хотя, разумеется, их нагрузка существенно отличалась от обязанностей обычных медицинских сестер. Как уже отмечалось, императрица и ее дочери перевязывали раны (царица особенно гордилась своим умением, которое подтверждается и воспоминаниями пациентов, ее повязки держались долго и крепко), они ассистировали при хирургических операциях, они тяжело переживали страдания и смерть раненых и больных, ставших им близкими людьми за время нахождения в лазарете.

В некоторых отношениях восприятие Мировой войны царевнами, и в особенности царицей, явно отличалось от тех военных

Илл. 21. Почтовая открытка. Императрица Александра Федоровна assisteрует во время хирургической операции в Царскосельском госпитале

образов, с которыми знакомился царь, — им чаще и ближе доводилось видеть ужасный лик войны. Император осматривал своих молодцеватых и бодрых солдат в подогнанном обмундировании; он обходил стройные ряды войск, специально вымуштрованных и подготовленных к высочайшим смотрам, он заходил в госпитали, тщательно вычищенные к его приезду (а иногда и освобожденные от особенно тяжелых или политически неблагонадежных пациентов), он видел аккуратно перевязанных и специально проинструктированных раненых и больных. Императрица и великие княжны, разумеется, работали в совершенно особом, необычном лазарете, состав пациентов там не был случайным, но они не могли не видеть настоящие страдания — искромсанную человеческую плоть, гниющие раны, иногда они присутствовали при смерти людей, которых они только что тщетно пытались выводить, к которым они по-человечески привязались. Императрица держала в руках ампутированные конечности, она убирала пропитанные кровью и гноем грязные бинты. Письма царицы свидетельствуют о том, что опыт медицинской сестры был для них очень важным, хотя и необычайно тяжелым.

Появились фотографии, на которых изображалась царица-ассистентка, подававшая во время операции инструменты хирургу, они воспроизводились в газетах и печатались в виде отдельных открыток. На упоминавшемся уже плакате «Царицыны труды» также публиковались фотографии, запечатлевшие императрицу во время хирургических операций.

Уже в номере периодического издания «Летопись войны 1914 года» от 11 октября (т.е. до проведения экзамена и получения свидетельств и знаков медицинских сестер) появился снимок царицы и двух старших царевен в форме сестер милосердия, хотя и без знаков Красного Креста (выше упоминалось о сеансе фотографирования). Снимок был сделан придворным фотографом в Царскосельском офицерском лазарете. Императрица и ее дочери находились в больничной палате, среди раненых и медицинского персонала⁶⁸. Очевидно, царица стремилась как можно скорее ознакомить страну со своей новой деятельностью и со своим новым образом.

Эта фотография была вскоре вновь воспроизведена и на первой странице номера журнала «Огонек», вышедшего 26 октября 1914 года (снимок появился через неделю после того, как в этом издании был опубликован репортаж о великой княгине Ольге Александровне). Однако образ императрицы корректировался: на этот раз в подписи к фотографии было снято упоминание о том, что лазарет был офицерским (в дальнейшем же часто специально подчеркивалось, что царица и ее дочери работают и с нижними чинами, очевидно, это должно было быть символом единения царской семьи с простым народом). Подпись к снимку «Августейшие сестры милосердия» стала своеобразным штампом⁶⁹.

До конца 1914 года фотографом П.И. Волковым был сделан и художественный фотопортрет императрицы в форме сестры милосердия. В 1915 году он воспроизводился в официальных пропагандистских изданиях⁷⁰.

Деятельность императрицы в госпитале описывалась патриотической пропагандой, ей посвящались стихи. Уже в 1914 году некий П.А. Голощанов написал стихотворение, посвященное Царице-Сестре:

...И в это великое, страшное время
Царица — России Любимая Мать —
Сестры милосердной изволила Бремя
На плечи свои, не колеблясь, принять.
Тяжелый тот крест на Себя возлагая,
Его возложила на двух Дочерей,
Любви неземной дать примеры желая
Их юной и чистой душе поскорей.
Как Мать-Государыня, сердцем болеешь
За всех сыновей твоих — русских солдат —
И их, как Царица-Сестра, Ты делешь,
И раненый каждый уже Тебе брат.

И в миг Твоего с Дочерьми посещения
 Тот, искра в ком жизни трепещет чуть-чуть, —
 Вдруг чувствует томительных мук облегченье,
 И дышит страдальца бестрепетно грудь.
 Душа загорается подвига жаждой,
 В очах умиления зажглася слеза,
 И счастье великое в сердце, и каждый
 С мольбой устремляет на Небо глаза:
 О, Бог Вседержитель! Владыко Первейший!
 Молитву усердную нашу прими:
 Дай горя не ведать Сестре Августейшей,
 Дай, Боже, Ей счастья с Ее дочерьми,
 Дай, Боже, Ей силы в тяжелой године,
 Удачею Мужа-Царя успокой,
 Пошли Ей утеху в Наследнике-Сыне,
 Пошли только радость Ей, мир и покой!¹⁷¹

Возможно, автор находился в одном из царскосельских госпиталей, которые посещала императрица. Неизвестно, насколько искренним был поэт, насколько распространенным был образ Царицы — матери России и Царицы — любящей сестры всех русских воинов, постоянно готовой прийти на помощь любому брату-солдату.

Однако стихи такого рода не были исключением. Другим примером образцовой монархической и патриотической реакции на деятельность императрицы в качестве сестры милосердия является стихотворение Н.С. Гумилева, датированное 7 июня 1916 года. Известный поэт, кавалерист-прапорщик, находившийся на излечении в Царскосельском госпитале, записал в памятной книге этого лазарета:

Пока бросает ураганами
 Державный Вождь свои полки,
 Вы наклоняетесь над ранами
 С глазами, полными тоски.

И имя Вашего Величества
 Не позабудется, доколь
 Смирят смерть любви владычество
 И ласка утишает боль.

Несчастных кроткая заступница,
 России милая сестра,
 Где вы проходите как путница,
 Там от цветов земля пестра.
 Мы молим: сделай Бог Вас радостной.

А в трудный час и скорбный час
 Да снизойдет к Вам Ангел благодный,
 Как вы нисходите до нас ⁷².

Патриотической же деятельности дочерей императора было посвящено и стихотворение С.А. Есенина «Царевнам». Поэт, служивший санитаром в одном из царскосельских госпиталей, прочитал его на концерте, который состоялся в офицерском госпитале 22 июля 1916 года в день именин великой княжны Марии Николаевны:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
 Березки бслыс стоят в своих венцах.
 Приветствует мой стих молодых царевен
 И кротость юную в их ласковых сердцах.
 Где тени бледные и горестные муки,
 Они тому, кто шел страдать за нас,
 Протягивают царственные руки,
 Благословляя их к грядущей жизни час.
 На ложе белом, в ярком блеске света,
 Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
 И вздрагивают стены лазарета
 От жалости, что им сжимает грудь.
 Все ближе тянет их рукой неодолимой
 Туда, где скорбь кладет печаль на лбу.
 О, помолись, святая Магдалина,
 За их судьбу.

После прочтения стихотворения поэт-санитар вручил текст, написанный на ватмане акварелью славянской вязью, великой княжне Марии Николаевне, а императрице Александре Федоровне он преподнес сборник своих стихов. По некоторым данным, Есенин предполагал посвятить весь новый сборник своих стихов «молодым царевнам»⁷³.

Стихотворение крестьянского поэта было созвучно представлениям самой царицы о роли ее семьи в годы войны, оно воспринималось как должное восхищение образцового представителя простого русского народа в солдатской форме патриотической деятельностью молодых царевен.

Образ царицы, августейшей сестры русских солдат и матери/сестры России, был очень важен для репрезентации императорской семьи и в официальной пропаганде. Во время грандиозной войны она, подавая пример миллионам русских женщин, стоит рядом со своим мужем — Отцом и Хозяином России. В официальном издании, посвященном деятельности царя, писалось:

Царская Семья воплотила в себе всю ширь русской души и сердца. Воины сделались чем-то близким, родственным попечению ЦАРИЦ, ИХ Детей и Августейшей Семьи. Утешая вдов и сирот, ОНИ, не щадя Своих сил, посвящают Себя тяжелому служению многотысячной рати наших бойцов.

Разве высокий пример ГОСУДАРЯ, ЦАРИЦ и Членов Императорского Дома не мог увлечь за собою на путь тяжелого служения общим нуждам и тяготам весь народ России?... И смотрите, чем ответил он на призыв Хозяина: не было уголка, в котором не думали бы о войне, ее лишениях и нуждах⁷⁴.

Иллюстрированные издания продолжали популяризировать новый образ царицы и ее дочерей.

В номере за 5 января 1915 года журнала «Столица и усадьба» был напечатан групповой портрет императрицы и двух великих княжон в форме сестер милосердия. Снимок, сделанный известным фотографом Я.В. Штейнбергом, стал наиболее популярным образом царицы в годы войны, впоследствии он многократно воспроизводился. Публикация сопровождалась примечанием: «Собственная фотография журнала “Столица и усадьба”. Перепечатка воспрещается». Указание на авторские права издания печаталось и на почтовых открытках⁷⁵.

Однако в том же месяце этот снимок был опубликован и в официальной «Летописи войны», была перепечатана и предостерегающая надпись (очевидно, в данном случае было получено разрешение собственника). В августе этот снимок появился и в «Ниве», опять же с указанием на собственность «Столицы и усадьбы»⁷⁶.

Можно с уверенностью предположить, что тиражирование и этого образа было санкционировано самой императрицей.

Не позднее 5 февраля 1915 года в издательстве петроградской газеты Б.А. Суворина вышло новое издание «Августейшая сестра милосердия государыня императрица Александра Федоровна» с фотографией уже упоминавшегося П.И. Волкова. Издание представляло собой набор открыток («фотографических писем») по 15 копеек за экземпляр. Специально отмечалось, что «часть чистой прибыли отчисляется в пользу лазарета Царскосельского района, состоящего под Особо Милостивым покровительством Ее Величества». В пользу этих лазаретов отчислялась и прибыль от продажи новой серии открыток с фотографиями Волкова, на которых изображались уже все три «августейшие сестры милосердия», их стоимость

Илл. 22. Высочайший смотр запасным батальонам гвардейских полков на Марсовом поле. Императрица Александра Федоровна и наследник цесаревич смотрят на проходящие церемониальным маршем войска.

составляла 5 и 10 копеек за экземпляр. Специально указывалось, что царица и царевны работают ежедневно в Царскосельском дворцовом лазарете. «Вечернее время» продавало и портреты императрицы издания художника (т.е. мастера художественной фотографии) П.И. Волкова, «в трех увеличенных размерах на паспарту и в рамках». На этих портретах царица также была изображена в форме сестры милосердия. Реклама открыток и портретов и позже размещалась в изданиях Сувориных⁷⁷.

Очевидно, что сами фотографии и фотопортреты, а также заголовки серии — «Августейшая сестра милосердия» — были одобрены цензурой Министерства императорского двора. Показательно, что «Вечернее время» на данном этапе занималось издательской деятельностью такого рода. Можно предположить, что издательство надеялось получить какую-то прибыль. Очевидно, считалось, что такой образ царицы будет «продаваться», пользоваться популярностью в широких слоях населения. Действительно, во всеподданнейшем докладе главного уполномоченного Царскосельского отделения Российского общества Красного Креста, который был датирован декабрем 1915 года, указывалось, что библиотекой издания «Вечернее время» Б.А. Суворина через художника П.И. Волкова была перечислена чистая прибыль от продажи открытых писем с изображением августейших сестер милосердия в размере одной

тысячи рублей⁷⁸. Косвенно это свидетельствует о востребованности нового образа царицы и царевен современным общественным мнением.

В 1915 году и община Св. Евгении Красного Креста выпустила серию открытых писем «Августейшие сестры милосердия». При этом использовались фотографии царицы и двух ее старших дочерей, сделанные придворным фотографом А. Ягельским-Ганом⁷⁹.

В марте 1915 года фотография «августейших сестер милосердия» (императрицы и двух старших великих княжон) была вновь опубликована в журнале «Огонек». Она сопровождалась рядом снимков, освещавших разные стороны деятельности лазарета, в котором трудились царица и ее дочери⁸⁰.

Возможно, не случайно, что этот снимок появился через неделю после публикации в этом же издании обширного репортажа о псковском госпитале великой княгини Марии Павловны младшей. Журналист «Огонька» не жалел слов для описания патриотической деятельности миловидной великой княгини:

Душою, «красным солнышком», как здесь называют, этого госпиталя является одна из самых юных и деятельных «сестер» — Великая Княгиня Мария Павловна Младшая, именем Которой на днях госпиталь назван. Еще в июле месяце, тотчас по объявлении войны Ее Высочество прошла практический курс работ сестры милосердия в Рождественской городской больнице Петрограда, у доктора Вальгера, затем 16-го августа с передвижным отрядом Мраморного дворца проследовала в Истенбург; по возвращении до 22-го сентября работала в Евгениевской общине, сестрой которой Ее Высочество состоит. С конца же сентября и до настоящего времени Великая Княгиня находится в Пскове, при госпитале, работая в нем с утра до ночи. ...

Здесь, в Пскове, день Великой Княгини складывается так: с раннего утра до обеда работа в лазарете. Ее высочество присутствует не только при всех операциях, но и помогает при всех наиболее трудных случаях перевязок. В два часа — скромный обед за общим столом со всем персоналом лазарета; после обеда — занятия фотографией, или прогулка на коньках, на лыжах; по возвращении опять больные, операции, перевязки... И так изо дня в день уже несколько месяцев⁸¹.

Репортеру журнала жизнь великой княгини Марии Павловны в провинциальном госпитале напоминала подвиг инокини: «Да и сама юная Великая Княгиня в своем монашеском костюме сестры,

прилежно вышивающая, — точно живое изображение из полузабытого жития какой-то легендарной княжны-подвижницы». Репортаж сопровождался публикацией фотографий. На одной из них изображалось, как великая княгиня Мария Павловна младшая перевязывает больного георгиевского кавалера, «рядового Н.». Очевидно, и в данном случае выбор пациента для снимка не был случайным, и в данном случае именно простой фронтовик, рядовой солдат, скромный герой великой войны, должен был стать идеальным символическим объектом целительного воздействия прекрасной представительницы царского дома.

Возможно, появление в «Огоньке» упоминавшегося выше фоторепортажа о деятельности императрицы вскоре после публикации данного очерка о великой княгине не было случайностью. Весьма вероятно, что среди представительниц императорской семьи уже в это время существовало какое-то соперничество в осуществлении благотворительной и медицинской деятельности.

Примерно в то же время, 21 марта 1915 года, художественный портрет императрицы в форме сестры милосердия был опубликован и в официальной «Летописи войны»⁸².

На одной пасхальной открытке 1915 года изображена царица в форме сестры милосердия, которая вручает лежащему на госпитальной койке раненому красное яичко, рядом с ней изображен наследник, который держит корзинку, наполненную красными яйцами⁸³. Образ медицинской сестры, поздравляющей раненого с великим христианским праздником, — постоянный сюжет пасхальных почтовых открыток и фотозтипов эпохи Первой мировой войны. Но в отличие от радостных и кокетливых, порой эротичных красоток в форме Красного Креста, целующих перевязанных воинов в день светлого праздника, императрица серьезна и печальна, губы ее крепко сжаты, без улыбки протягивает она свой дар раненому. Очевидно, художник не хотел, чтобы высокий образ императрицы как-то смешивался с несколько легкомысленными сюжетами, представленными на других пасхальных открытках.

Летом 1915 года в «Летописи войны» были напечатаны и художественные фотографические портреты великих княжон Татьяны Николаевны и Ольги Николаевны в форме сестер милосердия, они также были выполнены П.И. Волковым⁸⁴. Это романтические изображения сестер милосердия, прекрасных, но в то же время скромных. Царские дочери выглядят печально, их глаза опущены. Очевидно, перед фотографом ставилась задача создать портрет красивых

молодых девушек, которые, однако, не должны были пробуждать никаких эротических чувств (последнее было присуще многим образам медицинских сестер в годы Первой мировой войны).

Фотографические портреты императрицы и двух ее старших дочерей в форме сестер милосердия развешивались в различных учреждениях, прежде всего лазаретах. Они приобретали характер официальных портретов военного времени. Так, на свидетельствах об окончании народных училищ (1916 год) печатались изображения царицы и двух старших царевен в одежде сестер милосердия (использовался фрагмент упоминавшейся фотографии Я.В. Штейнберга)⁸⁵.

В июле и августе 1915 года, в момент обострения политического кризиса в стране были предприняты новые усилия, пропагандирующие благотворительную и медицинскую деятельность императрицы и ее дочерей. В иллюстрированном журнале «Солнце России» были помещены фотографии, изображавшие, как великие княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна посещают лазарет, носящий их имя. Специально указывалось, что они общаются не только с офицерами, но и с нижними чинами, находящимися на излечении⁸⁶. Это вполне соответствовало действительности, хотя чаще дочери царя общались все же с офицерами. Очевидно, и в данном случае именно общение младших дочек царя с рядовыми солдатами выделялось в пропагандистских целях.

А в августовском номере этого журнала на первой странице была помещена новая фотография, изображавшая трех «августейших сестер милосердия»⁸⁷. При этом снимок был подвергнут существенному «редактированию»: ретушер удалил фигуру А.А. Вырубовой. На оригинальном варианте фотографии известная общественному мнению фрейлина императрицы в такой же форме Красного Креста стояла рядом с царицей и ее дочерьми⁸⁸. Очевидно, публикация такой фотографии была бы совершенно невозможной по политическим причинам, поэтому оригинальный фотоснимок и был подвергнут ретушированию.

Можно предположить, что царица была прескрасно осведомлена о возможной реакции общественного мнения. Так, фотографии, сделанные в лазарете придворным фотографом, представляли собой групповые снимки, на которых императрица и царевны были окружены ранеными и больными, находившимися на излечении, и медицинским персоналом. Императрица раздала каждому лицу, изображенному на снимке, фотографию со своим автографом, ря-

дом с ней расписались великие княжны и Вырубова. Очевидно, это вызвало недовольство части офицеров, находившихся в лазарете: «Тогда это многим не понравилось», — вспоминал мемуарист, преданный памяти царицы⁸⁹.

Общественное мнение было довольно хорошо осведомлено о медицинской подготовке, пройденной царицей и царевнами, это обстоятельство вполне соответствовало пропагандистским задачам и репрезентационной тактике императрицы. Менее известно было то обстоятельство, что вместе с ними обучалась и Вырубова, которая также впоследствии носила сестринскую форму и работала с ними в госпитале. Очевидно, власти, да и сама императрица стремились не упоминать лишней раз имя подруги царицы, раздражавшее общественное мнение, справедливо полагая, что подобное упоминание пробудит сразу же воспоминания о Распутине. Это было характерно и для данной фотографии.

Подобный портрет (также без изображения Вырубовой) можно было увидеть уже на выставке работ раненых нижних чинов, находящихся на излечении в лазарете имени Их Императорских Высочеств Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны в Царском Селе. Фоторепортаж об этой выставке был напечатан в «Солнце России» несколькими неделями ранее⁹⁰.

Этот распространенный снимок царицы и ее старших дочерей печатался и в других изданиях, воспроизводился в виде почтовых открыток. Публиковалась и другая фотография, изображавшая трех «августейших сестер милосердия».

В типографиях фирм «Нового времени» и Р. Голик и А. Вильборг была напечатана серия почтовых открыток, на которой запечатлена деятельность императрицы и двух ее старших дочерей в госпитале (использовались работы фотографа П.И. Волкова). На каждой открытке имелась надпись: «С соизволения ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ чистая прибыль от продажи этого издания пойдет на усиление средств лазаретов Царскосельского района, состоящего под Особым покровительством ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА». Однако с большой долей уверенности можно предположить, что публикация открыток была не только благотворительной, но и пропагандистской акцией, направленной на укрепление престижа царской семьи. По-видимому, особое значение придавалось тем снимкам, на которых царица и царевны были запечатлены в момент исполнения собственно медицинских обязанностей: «Ее императорское высочество великая княжна Та-

тьяна Николаевна перевязывает рану нижнему чину в Царскосельском дворцовом лазарете», «Ее императорское высочество великая княжна Ольга Николаевна перевязывает рану нижнему чину в Царскосельском дворцовом лазарете», «Е.И.В. Государыня Императрица Александра Федоровна подает инструменты во время операции в Царскосельском дворцовом лазарете», «Е.И.В. Государыня Императрица Александра Федоровна перевязывает рану нижнему чину в Царскосельском дворцовом лазарете». Интересно, что во всех трех случаях «августейшие сестры милосердия» перевязывали рану именно нижнему чину. Возможно, и это также должно было символизировать особую связь царской семьи с простым народом.

Однако можно предположить, что не всегда внешне почтительная информация о благотворительной и медицинской деятельности императрицы, появлявшаяся в прессе, распространялась ее доброжелателями. Так, в петроградском «Синем журнале» в начале 1916 года была помещена фотография чиновников и четырех сестер милосердия, занятых составлением букетов. Подпись к снимку гласила: «ЗАБОТЫ О РАНЕНЫХ ВОИНАХ Ежедневная раздача цветов, посылаемых Государыней Императрицей Александрой Федоровной раненым воинам в лазарете в Большом Царскосельском дворце»⁹¹. Если учесть, что «Синий журнал» не публиковал никакой иной информации о деятельности царицы и ее дочерей в госпитале, то читатели этого издания могли получить ложное представление, что раздачей цветов она и ограничивается. Как это воспринимали люди, испытывающие уже трудности с добычей продовольствия и топлива для своих семей?

А.Е. Зарин в своей уже упоминавшейся брошюре, посвященной деятельности императрицы в годы войны, отмечая прохождение специальных курсов и сдачу экзаменов императрицей и ее дочерьми, писал: «Единственный пример в нашей истории»⁹². Можно предположить, что царица и ее дочери тем самым противопоставлялись тем дамам высшего света и представительницам императорской семьи, которые надели форму Красного Креста раньше, но без прохождения необходимого обучения.

Действительно, как уже отмечалось, царица столкнулась с известной символической конкуренцией в сфере благотворительной и медицинской деятельности в доме Романовых, речь шла не только о великих княгинях Ольге Александровне и Марии Павловне младшей. Некоторые другие амбициозные представительницы императорской семьи, ведущие благотворительную деятельность и

организуя медицинское обслуживание в условиях войны, не желали уступать пальму первенства. Так, известный вызов Александре Федоровне бросила великая княгиня Мария Павловна старшая, вдова великого князя Владимира Александровича. Согласно императорскому рескрипту от 17 августа 1914 года, ей было поручено заботиться о раненых и больных, призываемых в военных госпиталях и лазаретах столицы. Различные аспекты ее деятельности широко освещались прессой. Энергичная великая княгиня получила даже босую награду за свою патриотическую деятельность: она была в Варшаве, посетила окопы и вернулась с медалью 1-й степени на Георгиевской ленте. И впоследствии она посещала фронт в своем военно-санитарном поезде № 1. Находясь в Петрограде, Мария Павловна старшая активно участвовала в публичных церемониях, игнорируемых императрицей. Неудивительно, что порой это позволяло ей чуть ли не монополизировать газетный раздел «Придворная жизнь»⁹³.

Другие представительницы дома Владимировичей также вели активную репрезентационную политику, связанную с благотворительной деятельностью. Так, великая княгиня Виктория Федоровна, жена великого князя Кирилла Владимировича, была удостоена нескольких медалей за ее посещения фронта. На эффектном портрете работы художника И.В. Космина эти медали хорошо видны. Сидящая гордая великая княгиня изображена в меховой шапке, создается впечатление, что она лишь присела передохнуть, готовая в любой момент отправиться в новое путешествие на фронт. На отчетной выставке Императорской Академии художеств в 1916 году этот портрет был удостоен медали. Между императрицей Александрой Федоровной и великой княгиней издавна существовали весьма плохие отношения, поэтому награждение именно этого портрета накануне революции имело, возможно, политический подтекст. Еще более вероятно то, что редакторы иллюстрированных периодических изданий, опубликовавших его репродукцию, руководствовались политическими соображениями: мало репродукций картин, созданных в годы войны, воспроизводилось практически во всех журналах такого рода⁹⁴.

Великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна также были удостоены наград: в апреле 1916 года они получили медали Красного Креста 1-й степени⁹⁵. Однако, насколько можно судить, это награждение не использовалось широко в пропагандистских целях, во всяком случае на наиболее известных и распространен-

ных фотографиях дочери царя изображены без этих медалей. Возможно, это отражало отношение императрицы к исполнению сестринского долга, которое она противопоставляла поведению других представительниц императорской семьи. Некоторые энергичные и честолюбивые великие княгини всюду рекламировали свою благотворительную и медицинскую деятельность, прежде всего успехи своих санитарных поездов, что вызывало осуждение императрицы. Придворный, близкий царице, вспоминал: «Когда некоторые поезда систематически сообщали о своей деятельности в “Новом времени”, Государыня говорила: “Точно торговый дом; к чему все это? Неужели недостаточно удовлетворения в собственной совести? Вы читали сообщения об Осовецкой крепости. Возможно ли это?”»⁹⁶. Впрочем, в этой же газете печатались и подробные отчеты о деятельности склада самой царицы.

Императрица, подобно великой княгине Ольге Александровне, культивировала образ простой сестры милосердия, одной из многих русских патриоток, скромно выполняющих свой тяжелый долг. В пропагандистских изданиях военного времени всячески подчеркивалась ее необычайная простота: «Она пришла в свой дворцовый лазарет не как Царица, а как сестра милосердия, готовая для всякой работы», — писал А.Е. Зарин. Он так рисовал деятельность императрицы: «...в Своем дворцовом лазарете Она проводит каждый свободный час; по понедельникам Сама делает перевязки, присутствует при каждой трудной операции, не отходит от койки тяжело больного». В книге цитировались слова офицера, проходившего курс лечения в лазарете: «Приняв нас под Свое высокое покровительство, Государыня императрица лично замеряла нам температуру, пульс, дыхание, лично забинтовывала нам наши раны, делала нам перевязки»⁹⁷.

Разумеется, больные и раненые, поступавшие в госпиталь царицы, нередко были поражены неожиданным присутствием августейших сестер милосердия. Порой сначала они и не узнавали императрицу:

Доставлен раненый в лазарет и сто встречает Сама Царица в скромном костюме сестры милосердия.

В простодушии солдат часто не узнает царственных черт Царицыного лица и кличет Ее «сестрицей», но каждый сразу отличает Ее заботливую внимательность.

После когда он узнает, какая сестрице ухаживала за ним, он некоторое время бывает поражен, а потом восторг и удивление охватывают его душу, и он уже ничего не видит, кроме Матушки Царицы, всегда приветливой, ласковой, спокойной, всегда участливой и нежной.

Страдальцы видели слезы участия на Ее глазах и благословляли свои страдания⁴⁸.

Автор постоянно подчеркивает упоминавшееся уже стремление царицы быть «простой медицинской сестрой», неотличимой от тысяч русских патриоток, «одной из многих», положительно оценивая это. Простота должна быть по достоинству оценена и пациентами и всеми подданными, осведомленными о деятельности царицы. А.Е. Зарин рисует образ самоотверженной императрицы — сестры милосердия, с готовностью выполняющей самую тяжелую и грязную госпитальную работу:

Она входит в лазарет, и лица всех озарились радостью. Десятки глаз встречают и провожают Ее, и в словах «Наша Матушка Царица» звучит столько благоговейной ласки, что, слыша их, сознаешь, что они выходят из простого благородного сердца.

Едва Она вошла в лазарет, как уж нет Царицы, а есть сестра милосердия, полная любви и сострадания, строгая в исполнении своего долга, готовая повиноваться распоряжению врача и готовая нести всякую работу.

И несет...

Когда прибывает партия раненых, она сама делает приемку, и нет той грязной работы, которая заставила бы Ее огорчиться или высказать брезгливое чувство.

Она своими царственными руками обмывает раненому ноги: осторожно и нежно промывает страшные раны, и светлое чело Ее омрачается только тогда, когда Она услышит стон раненого.

Для своих перевязок Государыня избрала поцедельник, и раненые так дорожат этим днем, что, скрывая боль, стараются отложить свои перевязки до этого дня⁴⁹.

Показательно, что подобные упоминания о «простом благородном сердце» подопечных императрицы создают у читателя представление прежде всего о больных и раненых солдатах, хотя в лазарете императрицы находились прежде всего офицеры.

Некоторые пациенты, находившиеся в лазарете, отмечали, по-видимому вполне искренне, профессиональное мастерство царицы, она действительно умело делала и весьма трудные перевязки. Своим умением императрица гордилась, она охотно демонстрировала его и при посещении лазаретов в других городах.

Но Зарин подводит своего читателя к мысли о том, что русская царица надслена и особыми, уникальными и удивительными целительными способностями:

Ручку свою приложит и тебе полгсчаст, — с убеждением говорят раненые в лазарете, и вера в успокоительное влияние Ее руки твердо укрепилась между ними.

Быть может, это и так.

Отчего не допустить, что вся нежность Ее сердца, все страстное желание облегчить боль страдальца таинственным флюидом не изливается с Ее рук? ...

В Ней, когда Она со своими больными, есть какая-то могучая сила¹⁰¹.

Верил ли автор в целительный дар императрицы? Во всяком случае, он не был единственным человеком, упоминавшим о подобных способностях членов царской семьи, об этом писали и некоторые пациенты. Прапорщик 10-го пластунского Кубанского батальона Церстов записал в памятной книге одного из царскосельских госпиталей: «Пойду к пластунам и расскажу им, что Царская Семья лечит раны воинов без лекарств. Лечился в Киеве, но не вылечился. Счастливый случай, и я попал в Царское Село, лазарет Большого Дворца. Все мое лечение закончилось после того, как я увидел Царицу и Царевен, Великих Печальниц Руси»¹⁰¹.

О чудодейственном лечебном воздействии посещения царицей госпиталей писал и официальный «летописец» царя: «Там, там, где перед тем были невыносимые страдания, стоны, боли, — вдруг все затихало: как будто занесено особое целительное средство, все утешающее»¹⁰².

Царица в описании Зарина совершенно неутомима в своем сестринском служении. Она якобы даже «соединила лазарет телефоном со своими покоем», дежурные по госпиталю в любое время обязаны немедленно доносить ей о всяком тревожном случае. Нередко среди ночи царицу будили, и она, получив сообщение о резком ухудшении положения какого-либо солдата или офицера,

немедленно спешила в лазарет и не отходила от койки пациента до тех пор, пока он усилиями врачей не получал облегчения. «Этих случаев не перечесть», — утверждает Зарин¹⁰³.

Царица, бесспорно, весьма серьезно относилась к своим обязанностям медицинской сестры. Однако в приведенном Зариным описании ощущается некоторое преувеличение. Неясно, зачем нужно было соединять лазарет и дворец отдельной телефонной линией. К тому же в своих письмах царю императрица Александра Федоровна не упоминает о частых ночных визитах госпиталя. Да и вряд ли бы состояние здоровья позволило супруге Николая II вести такой образ жизни.

От страны скрывалось, что царица давно уже была больным человеком. Образ милостивой, умелой и энергичной сестры милосердия не заставлял жителей России думать о тяжелых болезнях императрицы, напротив, он предполагал, что августейшая энергичная сестра милосердия становится символом исцеления раненых.

Историю же жизни царицы Александры Федоровны невозможно писать, игнорируя историю ее болезней, физические страдания часто влияли и на ее поведение, и на отношение к ней родных и близких людей. Уже письма невесты наследника российского престола своему жениху содержали упоминания о тяжелом заболвании ног — она часто пишет о массаже, серной ванне, лечебном душе и даже об инвалидном кресле, о постоянных болях. Цесаревич же восхищался способностью своей избранницы переносить страдания, для него она была доказательством удивительной силы воли, отличавшей его невесту¹⁰⁴. С детства история болезни будущей русской императрицы содержала немало неутешительных диагнозов, к ним со временем добавлялись новые и новые заболванания: невралгия лица, радикулит, ишиас, воспаление пояснично-крестцового нерва, поразившее обе ноги. У нее была предрасположенность к ишемии и ревматизму. Затем царица стала страдать болезнью сердца, возможно, это было следствием родов, в ее переписке, в письмах ее дочерей постоянно упоминается расширение сердца.

В январе 1910 года великий князь Константин Константинович отмечал в своем дневнике, что уже более года царица страдала болезнью сердца, слабостью, неврастением. Уже тогда она принимала великого князя, лежа на кушетке¹⁰⁵.

Здоровье императрицы еще до войны становилось фактором, имеющим известное политическое значение, так, об этом постоян-

но сообщал британский посол в Санкт-Петербурге, из Лондона же от дипломата требовали посылки соответствующей информации. Впрочем, слухи о болезнях царицы, порой весьма преувеличенные, открыто обсуждались тогда и в европейской прессе¹⁰⁶.

Затем здоровье императрицы улучшилось, однако с конца 1914 года, вследствие возросшего после начала войны физического и нервного напряжения, болезни царицы вновь обострились. В письмах к царю императрица очень часто, порой постоянно жаловалась на здоровье, ее неизменно мучили острые боли, мешавшие спать. Болит спина, болит рука, царицу беспокоят почки. Ее мучает подагра, острые приступы зубной боли, Александра Федоровна жалуется на свои глаза. В письмах к царю императрицы нередко упоминаются дантист, окулист, массажистка.

Создается впечатление, что императору пишет тяжело больной человек, инвалид.

О плохом самочувствии царицы нередко писали в своих письмах императору и их дочери.

Врач, оперировавший в госпитале императрицы, порой специально проводил операцию сидя, чтобы августейшая хирургическая сестра могла ему ассистировать: долго стоять царица Александра Федоровна просто не могла. Не могла она порой и самостоятельно подняться по лестнице, при посещении провинциальных госпиталей служители на руках поднимали ее на кресле на верхние этажи. Иногда она попросту не могла ходить, и ее возили на специальной коляске (в коляске императрица запечатлена на некоторых фотографиях, которые, однако, при ее жизни не получили распространения и не оказали никакого воздействия на ее репрезентацию). Затем состояние здоровья царицы ухудшилось, все чаще она использовала всевозможные лекарства: «Я принимаю массу железа, мышьяку, сердечных капель и теперь, наконец, чувствую себя несколько бодрее». Из-за болезни она надолго перестала посещать свой госпиталь: «Зантра 6 недель, как я уж не работаю в лазарете», — писала она царю 13 апреля 1915 года. Она и впоследствии жаловалась на плохое здоровье, которое не позволяло ей покидать дворец¹⁰⁷.

Бывало, во время войны царица неделями лежала на кушетке. Так она питалась, порой даже принимала доклады¹⁰⁸. Именно такой, лежащей на кушетке, запомнилась императрица преданным ей придворным и служителям. Но странна такой образ больной и стра-

дающей царицы не был известен, он не находил никакого отражения в ее официальной политике репрезентации.

Из-за болезни царица не могла порой выполнять ряд важных представительских задач. Ее иногда заменяли старшие дочери¹⁰⁹. Иногда же, как уже отмечалось, главными действующими лицами на некоторых церемониях оказывались иные представительницы дома Романовых.

Сложно представить, как информация о действительном болезненном состоянии здоровья императрицы могла бы повлиять на распространение негативных слухов о ней. Во всяком случае, общественное мнение страны об этом не знало, царица хотела выглядеть здоровой и работоспособной, энергичной и неутомимой сестрой Красного Креста.

В уже цитировавшемся тексте Зарина она таковой и представляла перед читателем: «В Ее заботах о раненых нет никакой меры. Она может работать до надрыва, не спать ночей и проявить всю свою энергию по поводу ничтожного, как кажется другим, случая. Но для Нее нет ничтожных случаев, раз они касаются больных и раненых воинов»¹¹⁰.

В изображении Зарина и после напряженного трудового дня у неутомимой царицы остаются силы для работы на благо страны. Она вышила своими руками все облачение для церкви на Братском кладбище в Царском Селе, но патриотизм заставляет императрицу и далее постоянно работать сверхурочно. Зарин писал:

Не знают отдыха Ее царственные руки. И все для воина. Во всякую свободную минуту Она вяжет и из Ее рук, Ее царственной работы, солдаты получают вязаные шлемы, рукавицы, наколенники, целые фуфайки.

Однажды надо было наспех подрубить носовые платки, и Царица взяла их к Себе в покой.

Долго за полночь стучала швейная машина: это Царица после трудового дня спешно подрубала платки...¹¹¹

Повествование Зарина не свободно от преувеличений, однако его нельзя назвать простой выдумкой: солдатам и офицерам, пишывающимся из Царскосельского госпиталя, императрица Александра Федоровна действительно вручала пакеты с подарками, среди них нередко были вещи, изготовленные самой царицей, ее дочерьми. Императрица в описании Зарина напоминает неутоми-

мую добрую волшебницу из сказки, да автор и не скрывает такой параллели: «На далеком фронте, в окопах и на позициях наши воины благословляют Ее имя и складывают легенды о доброте Ее сердца и величии Ее души. В далеких уездных городах, в селах и глухих деревнях благоговейно произносится Имя Матушки-Царицы, и когда пришедший на отдых и побывку солдат рассказывает о делах Царицы, кажется простым сердцам, что они слышат чудную, волшебную сказку о Царице-Волшебнице»¹¹².

Итак, императрица Александра Федоровна желала быть образцовой, идеальной сестрой милосердия, она даже хотела напоминать подданным российского императора «царицу-волшебницу». Но для нее было столь же важно выглядеть простой сестрой милосердия: из рядов множества русских женщин в форме Красного Креста ее, супругу могущественного императора, выделяет лишь безукоризненное, совершенное выполнение своих профессиональных обязанностей. Если царь стремился предстать перед страной простым офицером, то царица желала выглядеть простой сестрой¹¹³.

В обществе императрица и ее старшие дочери часто появлялись в форме сестер милосердия. П. Жильяр, воспитатель наследника, даже утверждал, что они носили эту форму постоянно¹¹⁴. Это не вполне верно, имеются фотографии военного времени, на которых она вместе со старшими дочерьми запечатлена в «штатском платье». Но нельзя отрицать того, что образ «августейшей сестры милосердия» использовался ею в различных ситуациях, нередко царица принимала официальных посетителей в форме сестры милосердия¹¹⁵.

Однако патриотическая инициатива императрицы не могла помешать распространению политических слухов, в которых она представляла как главный отрицательный персонаж. Более того, тактика репрезентации царицы столкнулась с рядом серьезных трудностей, образ «простой сестры милосердия» провоцировал появление новых негативных слухов.

Великая княгиня Мария Павловна, дочь великого князя Павла Александровича, которая, как уже упоминалось, сама служила в госпитале в качестве сестры милосердия, так описывала визит царицы Александры Федоровны в Псков: «Императрицу сопровождали две ее дочери и Вырубова. На всех была форма медсестер. Раненые, которым заранее сообщили о приезде императрицы, пришли в замешательство при виде четырех одинаково одетых медсе-

стер. На их лицах было написано изумление и даже разочарование; им трудно было представить, что одна из этих женщин — их царица»¹¹⁶. Столь ценимые императрицей анонимность и простота обращались для нее важной репрезентационной ошибкой¹¹⁷. Как мы увидим далее, сам новый образ царицы действительно порой создавал для царицы немало проблем.

2. «ЦАРИЦА-НЕМКА»: СЛУХИ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

1 ноября 1916 года лидер конституционно-демократической партии П.Н. Милюков произнес одну из самых знаменитых речей в русской истории. С трибуны Государственной думы он обвинил председателя Совета министров и министра иностранных дел Б.В. Штюрмера в том, что тот тайно готовит заключение сепаратного мира.

Скандал в этот день ожидался и правительством, которое имело своих информаторов в рядах оппозиции. Накануне, 31 октября сам Штюрмер докладывал Николаю II: «В день открытия предполагается произнесение речи, в которой от имени большинства Государственной Думы будет заявлено, что “в рядах русского правительства гнездится предательство, и роковое слово “измена” ходит по стране и что, вследствие сего, Государственная Дума категорически отказывается работать по законопроектам, представленным правительством»¹¹⁸.

Штюрмер не присутствовал во время речи Милюкова, еще ранее, желая избежать публичного скандала, он предусмотрительно покинул Таврический дворец, сопровождаемый, впрочем, криками левых: «Вон, долой изменника Штюрмера!»

Однако и в его отсутствие выступление Милюкова стало настоящей сенсацией. Лидер кадетов не только обвинил Штюрмера в измене, что было одобрено большинством депутатов, он заявил, что за главой правительства стоит царица. Перечисляя имена людей, обвиняемых им в предательстве, — Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер, — Милюков назвал их «придворной партией», а затем по-немецки процитировал газету «Нейе Фрейе Прессе», которая назвала назначение Штюрмера «победой придворного кружка, окружающего молодую императрицу»: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert».

Затем, обозначив высочайшего адресата своих тяжелых обвинений, Милюков перешел к заключительной части своей речи,

каждое новое тяжкое обвинение в адрес правительства он заключал риторическим вопросом: «Что это, глупость или измена?» Хор многочисленных сторонников Милюкова на думских скамьях отвечал: «Измена». Сам лидер кадетов впоследствии утверждал: «И хотя оратор скорее склонялся к первой альтернативе, аудитория своими одобрениями поддерживала вторую»¹¹⁹. Милюков задним числом лукавил, ибо, несмотря на ошутимую реакцию возбужденной аудитории, он продолжал свою речь, обличающую предательство, его выпады против правительства становились все более резкими, да и сам он порой вполне определенно говорил об измене. Наконец, он вновь намекнул о политической активности царицы, критикуя решение об отставке бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова: «Когда в разгар войны “придворная партия” подкапывается под единственного человека, создавшего себе репутацию честности у союзников (шум), и когда он заменяется лицом, о котором можно сказать все, что я сказал раньше, то это...» Однако он не успел задать свой знаменитый вопрос, ибо правый депутат крикнул с места: «А ваша речь — глупость или измена?» Милюков прервал свое выступление и заявил: «Моя речь — есть заслуга перед родиной, которой вы не сделаете». Затем он вернулся к своим обвинениям власти, на этот раз открыто обвинив ее в измене: «Нет, господа, воля ваша, уж слишком много глупости. ... Как будто трудно объяснить все это только одною глупостью».

Итак, лидер конституционно-демократической партии фактически открыто, при одобрении большинства депутатов обвинил в измене «придворную партию», которая, как он ранее отмечал, группировалась вокруг молодой царицы. Правда, не все члены Думы солидаризовались с Милюковым. Даже некоторые тогдашние союзники кадетов не поддержали всех его обвинений. «Новое время» сообщало: «...члены группы центра и прогрессивные националисты не аплодировали П.Н. Милюкову в тех местах его речи, которые особенно приветствовались левыми, кадетами и октябристами»¹²⁰.

При этом почти вся Государственная дума демонстрировала свою лояльность по отношению к царю, ранее в тот же день председатель Думы М.В. Родзянко завершил свою речь следующим призывом: «Господа, я предлагаю Государственной Думе послать привет доблестной армии и флоту в лице их Верховного Вождя Государя Императора». Призыв поддержать вооруженные силы и их

Верховного главнокомандующего, царя, объединил депутатов разных политических взглядов, раздались рукоплескания правых, центра и левых¹²¹. Очевидно, многие депутаты сохраняли, хотя бы внешне, преданность императору, поддерживая в то же время самые суровые публичные обвинения в адрес императрицы.

Однако думская речь Милюкова могла бы стать основанием для судебного разбирательства. Член Государственной думы К. Струков писал 3 ноября в частном письме: «В речи Милюкова были и обвинения правительства в измене и дерзости по адресу Высочайших Особ. ...по-видимому, будет возбуждено судебное преследование Милюкова, по одной версии, за клевету, по другой — за оскорбление Величества»¹²².

Председатель Государственной думы М.В. Родзянко распорядился изъять данные фрагменты выступления Милюкова из официального стенографического отчета. Он также отказался предоставить правительству полный текст речи, несмотря на требования Штюмерера и министра императорского двора В.Б. Фредерикса. Однако через несколько дней Родзянко все же послал властям полную стенограмму выступления Милюкова, включая и фразу, произнесенную на немецком языке¹²³.

Правительство же вообще запретило публикацию речи Милюкова, и на следующий день в газетах вместо отчетов о заседании Думы появились белые листы, в иллюстрированном «Синем журнале» пустую страницу украшала лишь фотография Милюкова. Портреты лидера конституционно-демократической партии, не сопровождавшиеся комментариями, появились и в других изданиях. Это, впрочем, лишь подогревало любопытство читателей, которым было известно, что Штюмерер потребовал выдачи ему сенсационной речи, обозначенной в газетах загадочным белым пятном. Некий житель Петрограда писал 6 ноября в частном письме: «Белые листы в газетах на местах, где должны быть напечатаны речи депутатов почти всех партий, когда эти речи сказаны в присутствии тысячи свидетелей, среди которых много военных и которые несомненно разнесут содержание их далеко за стены Таврического Дворца, только ухудшают положение. Заплата “белыми листами”, когда обвиняют в измене, более чем безнадежна»¹²⁴.

Слухи о выступлении в Таврическом дворце все ширились, речь Милюкова переписывали от руки и перепечатывали на пишущих машинках в многочисленных канцеляриях и правлениях, конторах

и даже штабах, при этом появилось и немало апокрифических вставок. Французский посол писал: «...текст речи Милюкова пересказывался в общественных кругах, и эффект от его речи оказался еще большим, поскольку каждый вносил свою лепту в преувеличение фразологии выступления Милюкова и в добавление к нему собственных разоблачений...». Спрос на текст речи возрос до такой степени, что в первые дни после думского выступления экземпляры его продавались за 25 рублей, даже за прочтение люди платили по 10 рублей¹²⁵.

Ажиотажный спрос на сенсационное выступление способствовал тому, что читатели относились со все большим доверием к его содержанию. В письмах, задержанных военной цензурой и направленных в армию, нередко попадались сообщения о том, что «член Государственной думы Милюков, имея документы в руках, всенародно доказал о продаже молодой царицы и всех министров Вильгельму»¹²⁶. В действительности у лидера конституционных демократов не было никаких документальных свидетельств, подтверждающих его серьезные обвинения, однако это никак не мешало его популярности. Некий житель столицы писал: «Запрещение речи Милюкова повело к тому, что скоро эта речь в литографированном виде обойдет всю Россию. Нет средства более сильного для распространения идей, как запрещение их касаться». Действительно, хотя почтовая цензура исправно изымала экземпляры думских речей из писем и бандеролей, они широко распространялись по стране. Член Государственной Думы Г. Гутол, сам способствовавший распространению запрещенных текстов, писал: «...непропущенные речи разошлись по Петрограду в бесконечном количестве экземпляров, перешли в Москву и провинцию и всюду вызвали сочувственные отзывы»¹²⁷.

Распространение различных редакций сенсационной речи провоцировало появление все новых слухов. Многие были уверены в том, что Милюков сказал только часть того, что он знал, передавали, что у него в руке якобы была не австрийская газета со статьей о «партии мира» в России, а некий секретный документ, убедительно обличающий императрицу в организации заговора¹²⁸.

Голоса лиц, обособленно выражавших скептическое или просто осторожное отношение к серьезным обвинениям Милюкова, лишенным в действительности веских и убедительных оснований, не были слышны. Княгиня В. Трубецкая сочла чрезмерно сдержанным выступление князя Е.Н. Трубецкого в Государственном совете. 26 ноября она писала ему:

Хорошо то, что ты говоришь о разлуке власти, но мне не нравится та часть речи, в которой ты много говоришь о психологии «обывателей», о слухах об измене: «плод расстроенного воображения». (...)

Ты еще говоришь: «Я не верю никаким слухам об измене, пока измена не доказана и не запечатлена судом». Это можно сказать в Англии, но не в России, где нарочно не доискиваются, боятся «доказать» и препятствуют «запечатлеть» судом и где инстинкт «обывателя», его инстинктивное чувство гораздо вернее подсказывает. Мы знаем, что часто суду мешают раскрывать и доказывать правду. Этой частью речи ты ослабляешь речь Милюкова с его выдержками, речь Пуришкевича, слова о высокой измене. Опасно не то «настроение» среди обывательских масс, а, действительно, «отечество в опасности», от реальности того, что есть по части измены¹²⁹.

Однако слухи о прогерманских настроениях царицы Александры Федоровны получили широкое распространение задолго до знаменитой речи Милюкова. Это, разумеется, повлияло и на ее содержание, и на восприятие этого выступления, которое подтверждало, казалось бы, все эти слухи авторитетом известного политика, решившегося на официальное выступление такого рода.

Германофобия издавна использовалась в России противниками режима для дискредитации власти, а немецкое происхождение ряда императриц и великих княгинь крайне упрощало эту задачу. Хотя репрезентационная политика царей особенно стремилась подчеркнуть национальные российские корни династии и монархии, оппозиция разного рода постоянно разыгрывала в своих целях антинемецкую карту. За династией даже отрицалось родовое имя Романовых, они именовались то «Гольштейн-Готторпскими», то «Анхальт-Цербстскими». Немало времени было потрачено разными авторами на установление того, какова доля «русской крови», имеющаяся у разных императоров.

Однако именно в годы Первой мировой войны германофобия стала представлять для династии Романовых, и для правящей элиты в целом, особую опасность, а царица Александра Федоровна представляла собой в этом отношении особенно удобную мишень для оппозиционной критики — у супруги Николая II сложилась репутация человека, слабо включенного в культурную жизнь своей новой родины. Даже в высшем обществе давно ошибочно считалось, что императрица вовсе не говорит по-русски, об этом даже в начале 1917 года писали многие офицеры. Показательно, что са-

марский губернский предводитель дворянства, будущий министр земледелия А.Н. Наумов, перед официальным представлением императрице с некоторым вызовом спросил у встречавшего его придворного: «Можно ли русскому предводителю на приеме у русской царицы говорить по-русски?» Разумеется, он получил положительный ответ¹³⁰.

С императором Александра Федоровна постоянно говорила и переписывалась по-английски, а с придворными в начале царствования общалась по-французски. Затем она все больше и все чаще говорила в обществе по-русски. По свидетельствам некоторых современников, Александра Федоровна, старательно изучавшая язык своей новой родины, говорила по-русски «очень хорошо», правильно и «почти без акцента»¹³¹.

П. Жильяр, воспитатель царских детей, вспоминал, что с окружающими императрица говорила или по-французски, или по-английски. Он, впрочем, утверждал, что она говорила по-русски в «последнее время» довольно свободно, но только с теми, кто не знал других языков. Жильяр также утверждал: «В течение всего времени, что я жил общей жизнью с императорской семьей, мне ни разу не пришлось слышать, чтобы кто-либо из ее членов говорил по-немецки иначе, как вынужденный обстоятельствами: во время приемов, с приглашенными и т.п.»¹³².

Граф В.Э. Шуленбург, также писавший о правильности русской речи Александры Федоровны, даже уточнял: «Чувствовался некоторый акцент, но не немецкий, а английский, и он был не сильнее, чем у многих русских, начавших говорить с детства не на родном языке, а по-английски»¹³³.

Кн. А. Щербатов находил акцент царицы «едва заметным» и «приятным»¹³⁴.

И. Степанов, находившийся в лазарете императрицы, вспоминал о ней: «Вопреки распространенному мнению, русским языком владела хорошо. Акцент сказывался лишь в том, что она, как большинство иностранцев, слишком четко выговаривала каждый слог. [Букву “з” произносила скорее как “зж”]»¹³⁵.

Но подобные характеристики мемуаристов, верных памяти императрицы, могли свидетельствовать, во-первых, о том, что свободное общение на русском представляло для царицы некоторую проблему, возможно, при этом сказалась ее застенчивость; во-вторых, постоянное обращение авторов воспоминаний к теме владения русской речью говорит о том, что мнение о том, что

царица плохо знала язык своей новой родины, было весьма распространено не только при жизни Александры Федоровны, но и после ее смерти.

Сама императрица первоначально порой публично избегала говорить по-русски, возможно, это было связано с застенчивостью, она, по-видимому, боялась насмешек. В годы войны политическое значение свободного владения русским языком значительно возросло, это прекрасно понимала царица: «Я больше уж не стесняюсь, и не боюсь министров, и говорю по-русски с быстротой водопада, и они имеют любезность не смеяться над моими ошибками», — не без гордости писала она императору¹³⁶. Это, однако, указывает на то, что царица Александра Федоровна продолжала рассматривать владение языком как некую проблему, она боялась допускать в разговоре ошибки, даже если ее доброжелательные собеседники предпочитали их не замечать.

О дискомфорте, который испытывала императрица, общаясь по-русски, косвенно свидетельствует и одобренный ею план образования наследника: его некоторое время специально не обучали иностранным языкам, чтобы он имел чистый русский выговор¹³⁷.

Протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский, представлявший царице в 1911 году, в своих воспоминаниях также отмечал, что императрица говорила по-русски «с акцентом, но грамматически правильно и умно». Показательно, однако, что, нанеся затем обязательный визит к вдовствующей императрице Марии Федоровне, Шавельский не без удивления узнал, что она-то как раз не вполне владеет русским языком: «Замечательно, что хоть она прожила в России около 50 лет, но она не умела правильно говорить по-русски...»¹³⁸ Хотя общительная и популярная в высшем свете вдовствующая императрица Мария Федоровна и говорила по-русски явно хуже, чем ее застенчивая невестка, но слухи о плохом владении языком новой родины преследовали не ее, а молодую императрицу. Очевидно, причиной их распространения было не действительное владение русской речью, а застенчивость, необщительность и, наконец, нарастающая непопулярность царицы Александры Федоровны.

Показательно, что многие мемуаристы впоследствии вновь и вновь возвращались к теме владения молодой императрицей русским языком, они тем самым стремились опровергнуть молву о том, что императрица Александра Федоровна не знала русский язык или плохо знала его, предпочитала говорить по-немецки и т.п., что свидетельствует о распространенности этих слухов.

Однако в годы войны обвинения в адрес царицы Александры Федоровны становятся более серьезными: императрица становится теперь главным отрицательным персонажем всевозможных слухов, ставящих под сомнение ее преданность России. Современница, жившая в царской резиденции и лично знавшая Александру Федоровну, с искренним огорчением писала в своем дневнике в феврале 1917 года: «Молва все неудачи, все перемены в назначениях приписывает государыне. Волосы дыбом встают: в чем только ее не обвиняют, каждый слой общества со своей точки зрения, но общий, дружный порыв — нелюбовь и недоверие»¹³⁹.

Уже на начальном этапе войны «царица-немка» была заподозрена в германофильстве. Эти настроения коснулись даже некоторых членов императорской фамилии. Великий князь Николай Михайлович еще 17 сентября 1914 года сообщил о своих подозрениях в письме, адресованном вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Сделал целую графику, где отметил влияния: гессенские, прусские, мекленбургские, ольденбургские и т.д., причем вреднее всех я признаю гессенские на Александру Федоровну, которая в душе осталась немкой, была против войны до последней минуты и всячески старалась оттянуть момент разрыва». О прогерманских взглядах императрицы великий князь довольно открыто говорил и впоследствии. Так, в январе 1917 года появились сведения о том, что в Яхт-клубе он позволял себе резкие суждения по поводу «Алисы Гессенской» и ее «немецкой политики»¹⁴⁰.

Александра Федоровна не могла не знать об этих слухах, распространяемых многочисленными недоброжелателями разного ранга, она всячески подчеркивала свой патриотизм, отстаивала свою преданность новой родине даже в частной корреспонденции: «Да я более русская, нежели многие иные...» — писала императрица Николаю II. Очевидно, слухи о том, что царица якобы придерживается прогерманской позиции, довольно рано стали известны царевнам. Императрица писала великой княжне Татьяне Николаевне 29 октября 1914 года: «Не вы огорчаете меня, мои девочки, а те, кто старше, и могли бы иногда думать. Но все это очень естественно. Я прекрасно понимаю чувства всех русских и *не могу* одобрять действия их врагов. Они *слишком* ужасны, и поэтому их жестокость очень задает меня — как и то, что мне приходится слышать отсюда. Я совершенно русская, как ты говоришь, но я не могу забыть свою родину»¹⁴¹.

Но ничто не могло предотвратить появления все новых и новых домыслов. Довольно рано в самых разных кругах стали говорить о том, что царица якобы радуется, «когда бьют наших, и плачет, когда бьют врагов». Так, в одном доносе указывалось, что дворянка М.И. Барановская, приехавшая в деревню из Минска, в ноябре 1914 года говорила при свидетелях в волостном правлении: «Наша государыня плачет, когда русские бьют немцев, и радуется, когда немцы побеждают»¹⁴². Хотя донос, возможно, был ложным, Барановская была привлечена к судебной ответственности за оскорбление члена императорской семьи. Весьма вероятно, что о слезах императрицы, якобы жалеющей врагов, уже в начале войны говорили в селах.

Слух, очевидно все же вызывавший некоторые сомнения, быстро трансформировался в популярный анекдот. Тогда же, в ноябре 1914 года этот анекдот зафиксировал в своем дневнике карикатурист В. Каррик. А 3 марта 1915 года и Р.Б. Локкарт, британский консул в Москве, записал в свой дневник: «Ходит несколько хороших историй, касающихся германофильских тенденций императрицы. Вот одна из лучших: Царевич плачет. Няня говорит: “Малыш, отчего ты плачешь?” — “Ну, когда бьют наших, плачет папа, когда немцев — мама, а когда мне плакать?”»¹⁴³. Сам факт того, что даже не одна, а несколько «хороших историй» такого типа рассказывались в британском консульстве, свидетельствует об их распространенности. Жанр анекдота вовсе не предполагал, чтобы рассказчик и его слушатели обязательно верили молве о германофильстве царицы. Но они непременно должны были знать о таких слухах, что косвенно убедительно свидетельствует об их распространенности: иначе слушатели не могли бы оценить юмор.

Шутку хорошо помнили и в августе 1915 года. Наверняка именно ее имел в виду некий житель города Кургана, сообщавший члену Государственной думы В.И. Дзюбинскому о слухах, сопровождавших отстранение от должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича: «Кое-что я выбрасываю, как совершенно неподходящее для письменной передачи. Суть все та же: “наши бьют — Мама плачет”. Только мой собеседник склоняется к мысли, что и Папа плачет. Ширятся, растут слухи и будят в массах темную, слепую злобу»¹⁴⁴. Иначе говоря, автор письма, явно опасавшийся цензоров, просматривавших почтовую корреспонденцию, намекнул, что в германофильстве теперь обвиняют уже не только императрицу, но и императора. И

он, и его адресат, и цензор, задержавший это письмо, явно знали упоминавшийся анекдот, это позволяло расшифровать содержащуюся в письме информацию.

Возможно, слухи о плаче императрицы Александры Федоровны возникли под влиянием сообщений о ее острой эмоциональной реакции на объявление войны в 1914 году. Потрясенная императрица тогда внезапно разрыдалась во время церемонии подписания манифеста о войне. Современник, описывая появление царской четы на балконе Зимнего дворца, писал: «Вместе с Николаем II появилась и императрица. Она казалась глубоко взволнованной, прикрывала лицо руками, но вздрагивающие плечи показывали, что она плачет». Слезы царицы запомнились и другому мемуаристу: «После молебна государь был наружно спокоен, но императрица плакала горько». Некоторые присутствовавшие понимали состояние императрицы и сочувствовали ей. Княгиня Ю. Кантакузина вспоминала: «Наша прекрасная императрица, похожая на скорбящую Богородицу со слезами на щеках, протягивала руку, проходя мимо того или иного человека, и грациозно склонялась, чтобы обнять кого-то из женщин, целовавших ей руку. Ее величество, казалось, в тот день олицетворяла всю глубину обрушившейся на нас трагедии и страданий, глубоко ощущая их, и благодарила людей за проявленную ими преданность. На ее лице отражалась необыкновенная нежность и печаль, и ее красота обрела такие качества, которых я никогда прежде не видела на этом гордом классическом лице»¹⁴⁵. Для ряда представителей русской аристократии это был момент временного примирения с непопулярной ранее царицей.

Однако подобное поведение царицы весьма отличалось от возбужденного настроения представителей политической элиты страны, заполнившей залы дворца, и ликующей толпы, собравшейся на Дворцовой площади, и, хотя ее слезы могли быть вызваны самыми различными причинами, воинственное общественное мнение могло описать их по-своему, как проявление недовольства войной между Россией и Германией, ее старой родиной.

О немецких симпатиях императрицы говорили и на деревенских улицах. 45-летнему тверскому крестьянину, например, вменялось в вину, что он сказал односельчанам: «Наша Государыня Александра Федоровна отдала бы все германскому императору Вильгельму, — она ему родня»¹⁴⁶.

Великий князь Андрей Владимирович записал в своем дневнике в сентябре 1915 года: «Удивительно, как непопулярна бедная

Аликс. Можно, безусловно, утверждать, что она решительно ничего не сделала, чтобы дать повод заподозрить ее в симпатиях к немцам, но все стараются именно утверждать, что она им симпатизирует. Единственно, в чем ее можно упрекнуть. — это что она не сумела быть популярной». В такой обстановке русский генерал мог, например, сказать английским офицерам, посещавшим русский фронт в начале 1917 года: «Что мы можем поделать. У нас немцы везде. Императрица — немка»¹⁴⁷.

Но если первоначально царицу подозревали «всего лишь» в симпатиях к немцам, то затем ее стали обвинять и в «активном германофильстве». Одни современники считали Александру Федоровну лишь инструментом противника, «бессознательным орудием германских агентов», так, например, оценивал ситуацию британский посол Дж. Бьюкенен, считавшийся хорошо информированным дипломатом¹⁴⁸.

Другие же обвиняли ее в прямой и сознательной измене, в активной деятельности в пользу врага: «царица-немка» выдает-де государственные секреты Германии и (или) готовит заключение сепаратного мира, который поработит Россию. Примечательно, что царице приписывалось даже... распространение подпольных антивоенных листовок в столице. Уже в конце 1914 года некий киевлянин писал своим близким: «В Петрограде по ее тайной инициативе были разбросаны 151 лстучки (она все скорбит о своем фатерлянде), призывающие народ заявить требования о скорейшем мире. Может быть, наболтали злые языки»¹⁴⁹. Автор письма не спешит поверить народной молве, но и не отвергает этот невероятный слух об антивоенной пропаганде царицы как совершенно абсурдный, напротив, он считает нужным сообщить о нем своей семье.

Предательницей, «царицей-изменницей» называли Александру Федоровну и некоторые деревенские жители, привлекавшиеся за оскорбление члена императорской семьи. 68-летний неграмотный крестьянин Томской губернии заявил в сентябре 1915 года: «Сама ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА является главной изменницей. Она отправила золото в Германию, из-за нее и война идет». Затем он добавил: «ГОСУДАРЫНЮ за измену уже сослали»¹⁵⁰.

Версия измены императрицы помогала «понять» явления, казавшиеся совершенно невероятными многим русским патриотам, — тяжелые военные поражения, расстройство снабжения, наконец, недостаток провизии в богатой зерном стране, экспортировавшей до войны сельскохозяйственную продукцию. Продовольственные

затруднения, нараставшие в годы войны во многих городах России, «объяснялись» тем, что царица-де их вызвала намеренно, санкционируя и даже активно поощряя чрезмерный экспорт различных продовольственных товаров, столь необходимых для внутреннего потребления. В октябре 1915 года в Шуге, на кухне при номерах Силантьева прислуга рассуждала о причинах высоких цен на всевозможные припасы. 57-летний повар авторитетно заявил: «Дороговизна оттого, что ГОСУДАРЬНЯ ИМПЕРАТРИЦА отправила за границу 30 вагонов сахара». Затем последовала площадная брань по адресу Александры Федоровны¹⁵¹.

Порой слухи о контрабандном вывозе столь нужных съестных припасов и обвинения в государственной измене переплетались: императрица якобы тайно организует поставку дефицитного продовольствия врагу, тем самым спасая немцев от голода. Солдаты также нехватку продовольствия «объясняли» тем, что хлеб и другие припасы тайно-де вывозят в Германию (это «объясняло» общественному мнению и то обстоятельство, что голодающая Германия, несмотря на продолжающуюся суровую блокаду Антанты, все-таки продолжает держаться). Намек на это содержится и в карикатурах послереволюционного времени. На одной из них истощенная жительница Германии с сожалением заявляет, что после революции в России ей нужно будет изменить диету: «Теперь, когда наша союзница — русская царица — арестована, нам придется всякой дрянью питаться». Можно предположить, что эти слухи о контрабанде провозиrowались публикациями консервативного «Нового времени», например статьями, опубликованными в январе и июле 1915 года. Многие в стране были просто уверены, что немецкие хлеботорговцы еженедельно отправляют эшелоны русского хлеба через Ригу в Германию. Царица же воспринималась как высочайшая покровительница, а то и руководительница этих коварных контрабандистов¹⁵².

Впоследствии школьники, в сочинениях, посвященных революции, также уделяли особое внимание императрице, предполагаемой высочайшей «покровительнице» контрабандистов. Царица якобы «слала за границу сухари, муку, разные кушанья»¹⁵³. Эти слова, по-видимому не раз высказывавшиеся старшими в домашней обстановке, в условиях нарастания продовольственного дефицита, запечатлелись в памяти детей.

Очевидно, что слухи о том, что императрица организует нелегальный экспорт продовольствия, были распространены прсиму-

шественно в «низах». Но еще более опасными, чем обвинения в организации контрабанды и прорыве экономической блокады Германии, для царицы были обвинения в активной политической деятельности в пользу противника, они же циркулировали в самых различных слоях общества. Крайним вариантом слуха об измене императрицы Александры Федоровны является слух о ее прямой шпионской деятельности. Она предстает как активный агент или даже как испытанный главный резидент разветвленной германской разведывательной сети.

Слухи получили развитие в некоторых публикациях революционной эпохи, в которых бывшая императрица предстает даже как давний «агент влияния» коварного врага: хитроумный Бисмарк якобы специально организовал ее брак с будущим русским царем, чтобы она затем возглавила германский шпионаж в России¹⁵⁴.

В обществе царицу даже называли виновницей смерти британского военного министра лорда Китченера, находившегося на английском крейсере, потопленном немцами в мае 1916 года: она-де тайно информировала германское руководство о маршруте и графике его поездки. Возможно, что повод для появления этого слуха дал Распутин, который не скрываясь утверждал, что гибель Китченера — благо, ибо позже он мог причинить вред России. Императрица сочла нужным сообщить это мнение «старца» царю¹⁵⁵.

Дореволюционные слухи и послереволюционные публикации утверждали даже, что царица поддерживает связь с врагом не только с помощью тайной переписки — она-де использует и самые современные средства связи: в Царском Селе якобы находилась некая тайная радиотелеграфная станция, постоянно передававшая секретные сообщения о передвижениях русских войск в Германию. В других слухах императрица даже использует для переговоров с Берлином телефонную связь.

Уже в июне 1915 года 46-летний крестьянин заявил: «Говорят, наша Государыня передает письма германцам». В том же месяце мещанин города Шадринска рассказывал, что в комнате императрицы Александры Федоровны «при обыске» нашли телефон, связывавший ее с Германией, по которому государыня уведомляла немцев о расположении и количестве русских войск, следствием чего было занятие неприязнелем Либавы¹⁵⁶.

Некая жительница Петрограда сообщала в своем письме от 26 августа 1915 года: «А сколько ходит разных слухов. Один из последних слухов это то, что у Александры Федоровны оказался

радиотелеграф, что случайно радиотелеграфная станция Петроградская перехватила Ее телеграмму в Германию. Хорошо то, что теперь все поняли, кто и как рушит Россию»¹⁵⁷.

В слухах военного времени русские энергичные офицеры-контрразведчики, пытавшиеся обнаружить эту станцию и вышедшие на след шпионов, якобы в решающий момент были остановлены, и расследование-де было прекращено по указанию «верхов». Между тем в памфлетах революционного времени утверждалось, что известный юродивый Митя Коляба, имевший в свое время доступ в Царскосельский дворец, якобы собственными глазами видел таинственный радиотелеграфный «аппарат»¹⁵⁸.

В существование «германской станции» в императорской резиденции верили даже высокопоставленные военные. Генерал В.И. Селивачев записал 7 марта 1917 года в своем дневнике: «Вчера одна сестра милосердия сообщила, что есть слух, будто из Царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда — ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство?!»¹⁵⁹

Иногда речь шла даже не о переговорах по радио, а о прямых телефонных разговорах Александры Федоровны с Вильгельмом II. Американский дипломат, основываясь на беседах с русскими представителями после революции, отмечал в своем дневнике 18 (31) марта 1917 года, что царица якобы имела личную телефонную связь с «Германским генеральным штабом», а также и поддерживала связь с Германией, пользуясь шведской дипломатической почтой¹⁶⁰. Последнее утверждение, в известной степени отражавшее действительный факт переписки императрицы с немецкими родственниками через членов шведского королевского дома, подтверждало, казалось, и совсем невероятный слух о прямой тайной телефонной линии, якобы «соединявшей» Царское Село и Берлин.

Представитель фонда Карнеги, прибывший в Россию вскоре после Февраля для подготовки экспертного обзора о положении дел в стране, также упомянул в своем отчете о пресловутой царскосельской радиостанции. Очевидно, эту информацию ему предоставили некие русские дипломаты, которые также утверждали, что по приказу императрицы было остановлено прекрасно подготовленное наступление русской армии¹⁶¹.

Этот сюжет стал устойчивым элементом исторической памяти, он даже прослеживается и в сочинениях некоторых советских

школьников, которые писали, что царица «говорила по телефону с немцами»¹⁶².

После Февраля в императорских дворцах были проведены соответствующие обыски, которые, разумеется, не дали никаких результатов. Однако совершенно невероятные рисунки «радиотелеграфной станции» продолжали появляться в иллюстрированных журналах и на почтовых открытках, создавая яркие и запоминающиеся зрительные образы коварного предательства царицы-немки. Спустя многие годы советские экскурсанты, посещавшие музей-дворцы, созданные в бывших царских резиденциях, настойчиво просили гидов показать им «тот самый» телеграфный (радиотелеграфный, телефонный) аппарат.

В то же время слухам об «измене» искренне верили и видные русские политики, это влияло на их оценку ситуации и на принятие решений и до и после Февраля. Новый министр юстиции А.Ф. Керенский ориентировал Чрезвычайную следственную комиссию, созданную Временным правительством для расследования преступлений «старого режима», на поиск доказательств преступных связей Романовых с Германией, по-видимому, он сам какое-то время искренне верил этому обвинению. Известный адвокат Н.К. Муравьев, председатель этой комиссии, также первоначально был убежден в том, что император намеревался открыть фронт немцам, а царица передавала германскому кайзеру сведения о движении русских войск. Об этом же писала после Февраля и «солидная печать». Газета «Русская воля», например, сообщала, что царица и «немкий муж» в своем дворце свили «гнездо предательства и шпионажа». Некоторые интервью бывших великих князей после революции также весьма способствовали распространению этих слухов: «Я не раз спрашивал себя, не сообщница ли Вильгельма II бывшая императрица, но всякий раз я силился отогнать от себя эту страшную мысль», — заявил журналисту великий князь Кирилл Владимирович¹⁶³. Подобный прозрачный намек близкого родственника царя мог прочитываться общественным мнением революционной страны как авторитетнейшее свидетельство, убедительно подтверждающее распространенную версию о «предательстве» бывшей царицы Александры Федоровны.

Слухи о прогерманских симпатиях российской императрицы распространялись и в союзных странах, их высказывали некоторые официальные лица, в это искренне верили. Лорд Берти, британский посол во Франции, имевший собственных информаторов в

России, писал в своем дневнике вскоре после Февраля о бывшей царице: «Она немка (Boche), не только по рождению, но и по своим чувствам. Она делала все, что могла, чтобы добиться взаимопонимания с Германией. Она считается преступницей, или преступной лугатичкой, а бывший император — преступником вследствие своей слабости и покорному следованию ее побуждениям». Подобные настроения были, по-видимому, распространены в союзных странах. Известный эсер А.А. Аргунов, возвращавшийся в 1917 году из эмиграции, вспоминал: «Французский чиновник в префектуре повторял, [вращая белыми белками]: “Нужно покончить с этой Алисой”»¹⁶⁴. Дело происходило уже после ареста царицы, очевидно, упомянутый французский чиновник откровенно высказывал пожелание ее казни.

Царица не смогла стать популярной в России, хотя, как уже упоминалось, она и пыталась бороться за симпатии общественного мнения. Ее тактика репрезентации в целом была на редкость неудачной. Она не умела привлекать людей, даже тогда, когда хотела быть популярной, а порой, кажется, и намеренно не желала стараться понравиться представителям политической элиты страны. Но распространению слухов о германофильстве императрицы Александры Федоровны способствовали и некоторые необычайно неосторожные поступки, совершенные ею во время мирового конфликта.

В годы войны она продолжала поддерживать отношения со своими родственниками в Германии. В частности, она переписывалась со своим братом Эрнстом-Людвигом, великим герцогом Гессенским и Рейнским. Он посылал письма своим родственникам, членам шведской королевской семьи, которые и переправляли его послания в Россию. И другие письма из Германии также пересылались российской императрице шведской принцессой Маргаритой и королевой Швеции Викторией.

Эта опасная для авторитета царской семьи родственная переписка содержала не одни только семейные новости, порой в ней затрагивались весьма важные и деликатные политические проблемы. В частности, в апреле 1915 года царица получила письмо, в котором содержалось предложение обсудить условия прекращения войны (утверждалось, впрочем, что германский император не был осведомлен об этой инициативе)¹⁶⁵.

Нет никаких свидетельств в пользу того, что императрица Александра Федоровна действительно поддерживала идею сепаратного мира с Германией и использовала свою переписку для достижения

этой цели. Напротив, можно с уверенностью предположить, что если бы у нее действительно были такие планы, то она бы воздержалась от использования для этой цели годобных каналов связи, несмотря на свою поразительную неосторожность. Но сам факт такой переписки с германскими родственниками явно мог серьезно скомпрометировать царицу и династию.

Другой явно неосмотрительный поступок императрица совершила в июне 1915 года. Она получила письмо от другого своего родственника, Макса, принца Баденского. Это письмо она переслала императору. В то же время Александра Федоровна встретила с неким американцем, представителем Христианской ассоциации молодых людей, который ранее с гуманитарной миссией посещал лагерь военнопленных в России и направлялся с аналогичной целью в Германию. Императрица его просила, чтобы он встретился с принцем Максом Баденским, рассказал бы ему о положении германских военнопленных в России, а также передал бы соответствующие бумаги. Итак, для поддержания весьма деликатной связи с германскими родственниками использовался малознакомый человек, иностранец, ему доверялись конфиденциальные документы, исходящие от самой царицы. Некоторую осторожность императрица, впрочем, проявила, она писала царю: «Пожалуйста, никому не говори, откуда пришли эти письма». Но вместе с тем она сочла возможным сообщить об этом и Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, которого сама она в это же время часто обвиняла в нелояльности: «Только можешь сказать Николаше про Макса, так как он заведует нашими пленными». С удивительной беспечностью императрица иронически отзывалась о своих германских и шведских родственниках, которые по понятным причинам стремились не привлекать лишнего внимания к конфиденциальной переписке правящих домов воюющих стран. Более того, она фактически подтвердила публично факт такой переписки: «Они прислали эти письма Ане [А.А. Вырубовой. — Б.К.] через одного шведа, нарочно ей, а не фрейлин, никто не должен об этом знать, даже посольство, — не знаю, откуда этот страх. — Я открыто телеграфировала Вики и поблагодарила ее за письмо, попросила ее поблагодарить от меня Макса за его заботы о наших военнопленных и передать, чтобы он был спокоен, что здесь делается все, что возможно, для их пленных. — Я этим себя не компрометирую, я ничего лично не делаю, но намерена помочь нашим пленным, сколько могу...»¹⁶⁶

По просьбе своего брата царица Александра Федоровна начала зондировать вопрос о возможности возвращения в Германию одного пленного немецкого офицера, аристократа. О ее инициативе были осведомлены не только чиновники ее собственной канцелярии, но и министр иностранных дел С.Д. Сазонов, который не принадлежал к числу сторонников императрицы, в этом случае, казалось бы, заведомо можно было бы предположить утечку информации и недоброжелательную интерпретацию подобного неосторожного поступка. И в дальнейшем императрица продолжала получать письма от своих германских родственников, хотя в некоторых случаях она была неприятно поражена тем, что об этой переписке становилось известно в обществе¹⁶⁷.

Утечка деликатной информации умножала молву о связях императрицы с родственниками в разных слоях общества. Появились даже слухи, что брат царицы великий герцог гессенский Эрнст-Людвиг в годы войны тайно посетил Царское Село (в Москве же передавали, что он находится в резиденции другой своей сестры, великой княгини Елизаветы Федоровны). Фрейлин императрицы их знакомые с любопытством расспрашивали, не скрывается ли брат императрицы в подвалах царского дворца. Императрица знала об этом, она упомянула этот слух как совершенно невероятный в своем письме царю 30 августа 1915 года, но переписка с великим герцогом, как видим, продолжалась¹⁶⁸.

Императрица действительно стремилась облегчить жизнь германских и австро-венгерских военнопленных в России. При этом она справедливо полагала, что подобные действия могут способствовать и улучшению положения российских солдат и офицеров, находившихся во вражеском плену. Она желала встретиться с немецкими и австрийскими сестрами милосердия, посещавшими лагерь военнопленных в России, и, в конце концов, приняла их в ноябре 1915 года. Царица Александра Федоровна поступила так, несмотря на возражения верных ей бюрократов, которые прекрасно понимали, какое неблагоприятное воздействие этот прием будет иметь на общественное мнение России (в условиях значительного общественного недовольства в связи с принятием императором командования борьба за симпатии населения была особенно актуальной, а неосторожные поступки царицы не могли умножить число ее сторонников среди русских патриотов). Принимала императрица немецких и австрийских сестер и впоследствии, в июле 1916 года (при этом присутствовала и великая княжна Ольга Ни-

колаевна). Однако, как и предполагали сотрудники царицы, общественное мнение «прочитывало» порой эти инициативы совершенно иначе, воспринимая их не как гуманитарную акцию, а как наглядное доказательство демонстративной прогерманской позиции императрицы.

Психологическая атмосфера в стране была крайне неблагоприятной для проведения каких-либо мер по улучшению положения немецких и австрийских военнопленных, находившихся в России (иногда оно было действительно необычайно тяжелым), в особенности для соответствующих инициатив лиц царствующего дома. В прессе постоянно появлялось множество сообщений, описывающих ужасное положение российских солдат, находившихся в немецком и австрийском плену. Иногда эти описания соответствовали действительному положению вещей, иногда они основывались на непроверенных слухах, порой же они представляли собой пропаганду военного времени, намеренно стремившуюся всячески дьяволизировать врага и предотвратить слачу в плен русских солдат. Но российское общественное мнение было особенно чутко к сведениям такого рода, и оно требовало корректировки политики по отношению к пленным врагам, желая установления более жесткого режима. Некий киевлянин писал в октябре 1914 года: «В то время, как у наших врагов обращаются с пленными безбожно, возмутительно жестоко, мы с ними нежничаем, миндальничаем»¹⁶⁹. Можно представить, как этот русский патриот воспринял весть о гуманитарных инициативах российской императрицы.

Очевидно, сама атмосфера герmanoфобии и шпиономании в сочетании с давней неприязнью или, по меньшей мере, равнодушием к непопулярной царице, распространенным в разных слоях населения, сделала бы неизбежным появление таких слухов (некоторые подобные слухи появились вскоре после начала войны). Но можно предположить, что упомянутые неосторожные поступки императрицы Александры Федоровны весьма этому способствовали. Впрочем, опасность таких действий царицы не вполне осознавал и Николай II.

Об измене царицы говорили и неграмотные простолодины, и образованные люди. Современница, лично знавшая императрицу, дружелюбно относившаяся к ней, записала в своем дневнике в ноябре 1916 года, т.е. уже после выступления Мильюкова: «26-го это ненужное появление с государыней и наследником на Георгиевском празднике. Настроение армии — враждебное, военной моло-

дежи тоже: «Как смеет еще показываться — она изменница?»¹⁷⁰. Автор дневника не верит слухам, но признает, что даже простое участие императрицы в официальных патриотических мероприятиях дает повод для их распространения. Очевидно, что «воснная молодежь», упоминаемая в тексте, это не простые армейские офицеры, а представители довольно известных семейств, что свидетельствует о распространении подобных слухов в верхах общества.

Действительно, слухам об «измене императрицы» в это время верили различные представители политической элиты. Показательно, что даже А.Н. Родзянко, жена М.Н. Родзянко, председателя Государственной думы, писала княгине З.Н. Юсуповой 1 декабря 1916 года: «Послы французский и английский жаловались Мише, что их принимают с трудом и Германия через Александру Федоровну старается восстановить царя против союзников». А в письме от 12 февраля 1917 года она сообщала: «На рижском фронте открыто говорят, что она поддерживает всех шпионов-немцев, которых по ее приказанию начальники частей оставляют на свободе»¹⁷¹.

Многие современники были поражены негативным отношением ряда офицеров армии к императрице. Школьник, отправлявшийся на поезде в Петроград в начале 1916 года, был совершенно шокирован откровенными высказываниями попутчиков-военных. Впоследствии он вспоминал: «Я впервые слышал такую резкую критику Императрицы. ...Офицеры не выговаривали имени Императора, но, насколько я понимал, большинство ставило в вину Императрице и ее окружению, что война ведется вяло. ...Вообще вредно затягивать войну, вредно для солдат, потому что это слишком затягивает их службу, и необходимо перейти к более активным действиям. Но императрица в этом отношении влияет пагубно»¹⁷².

Это мемуарное свидетельство подтверждается и другими источниками, в том числе и современными. В специальном докладе военной цензуры, посвященном настроениям русской армии в начале 1917 года, отмечалось, что офицеры все неустройство приписывают влиянию «немецкой партии», многие относятся к царице враждебно, считая ее «активной германофилкой» (при этом отмечалось, что к императору офицеры-де относятся «с любовью»). Обычно хорошо информированный морской офицер записал в свой дневник в то же время, в начале 1917 года: Александра Федоровна «фактически властвует. Говорят об ее определенных немецких симпатиях. Мерзавцы! Что они делают с моей родиной!» Офицеры подчас не скрывали своих настроений и от нижних чинов. Солдаты же

попросту говорили о бесполезности воевать, пока немцы «сильны в самой России». Они относились недоверчиво к каждому носителю немецкой фамилии, а Александру Федоровну считали «чистокровной немкой, играющей в руку Германии». В отчетах военной цензуры утверждалось, что царя солдаты «любят», но думают, что «до него ничего не доходит, а то бы он искоренил немецкое влияние». Такого рода оценки предполагали, что императрица умело манипулирует Николаем II. Подобные слухи подтверждали весьма распространенное мнение о «слабости», «слабоволии» царя¹⁷³.

Даже высокопоставленные генералы, офицеры Генерального штаба и гвардейские офицеры со временем начали передавать самые невероятные слухи о шпионаже императрицы. В дни приезда царицы в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандующего, там предпринимались экстренные меры безопасности: от императрицы тщательно скрывали секретные документы — утверждали, что после каждого такого визита супруги императора русская армия якобы терпела поражения. Генерал М.В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, заявлял впоследствии, что у царицы была обнаружена секретная карта с расположением войск, которая должна была существовать лишь в двух экземплярах, хранящихся у него и у императора. Говорили, что и генерал А.А. Брусилов якобы хитроумно уклонился от прямого вопроса царицы о точных сроках наступления возглавляемого им Юго-Западного фронта в 1916 году — он также весьма опасался «утечки» информации. Иной вариант этого распространенного слуха зафиксировал в своих мемуарах М.В. Родзянко. Он вспоминал: «Офицеры, участники наступления, считали, что успеху операции помогло то обстоятельство, что Брусилов начал наступление на полтора суток раньше назначенного Ставкой срока: в армии ходили упорные слухи, что в Ставке существует шпионаж и что враг раньше нас осведомлен о всех наших передвижениях. К сожалению, многие факты подтверждали это подозрение»¹⁷⁴.

Другие слухи сообщали о подобном конфликте императора с генералом В.И. Гурко, некоторое время исполнявшим обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего во время болезни М.В. Алексеева. Так, до В. Чеботаревой, работавшей вместе с императрицей в Царскосельском госпитале, дошла молва о том, что специальные английские агенты якобы «не могут уследить за перепиской царской семьи, т.к. отправляется в запечатанных дипломатических вализах с курьерами, но переписка с Германией

существует». Она писала также о том, что слухи об измене императрицы получили распространение среди политической элиты: «Убеждение “подозрительности” крепнет в высших кругах. Брат Марии Алексеевны со слов человека, лично говорившего с Гурко, передавал, что Гурко, приехавший сюда около 20-го с докладами, отказался показать схему плана военных действий, т.к. были не вдвоем, а втроем. Он [Николай II. — Б.К.] покраснел, но не настаивал. Какой кошмар, какой ужас! Не верю и не верю. Может заблуждаться, упрямиться, но изменять — нет, никогда!»¹⁷⁵ Как видим, сама Чеботарева категорически отказывалась верить слухам о предательстве императрицы. Однако, как отмечает она, «в высших кругах» подозрения такого рода крепили, и это находило отражение в великосветской молве.

В столице передавали также слух о том, что и бдительный морской министр адмирал И.К. Григорович якобы решил проверить слух о влиятельных германских агентах при дворе. В ответ на настойчивые запросы из Царского Села относительно точной даты одной важной военно-морской операции в Балтийском море он-де передал туда ложную информацию о предполагаемом передвижении русских крейсеров. И в назначенный час как раз в указанном им месте были сосредоточены превосходящие силы немецкого флота, что якобы убедительно свидетельствовало об «измене в верхах». Этот слух, содержащий намек на предательство в ближайшем окружении императрицы, воспроизвел впоследствии в своих воспоминаниях А.Ф. Керенский¹⁷⁶.

Полковник императорской гвардии уже в 1915 году мог утверждать, что германофильство бюрократии и даже самого двора делает невозможной победу, что следует искоренить измену «в верхах». В декабре 1916 года в высшем обществе Петрограда говорили, что императрица потворствует немцам, желает мира, создает в России партию, которая помогает германскому императору. По сведениям, сообщенным Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, даже многие офицеры отборного гвардейского Сводного полка, охранявшего Царское Село, императорскую резиденцию, сочувствовали выступлениям, «обличающим» императрицу (показания такого рода сохранились в бумагах А.А. Блока)¹⁷⁷.

После Февраля значение факта распространения слухов относительно измены царицы среди гвардейских офицеров и, соответственно, фронды последних преувеличивалось. В одном «антираспутинском» листке сообщалось: «Офицеры одного из пестроградских

гвардейских полков получили документальное доказательство, будто через лиц, окружающих императрицу Александру Федоровну, ведутся переговоры с германским штабом об отступлении наших войск от Риги». Царь же, зная, что о готовящейся измене, не только не принял необходимых мер, но приказал распустить Думу. Это якобы повлияло на решение офицеров столичного гарнизона присоединиться «к народу»¹⁷⁸. Подобные послереволюционные слухи о слухах предреволюционных были весьма востребованы в той сложной политической ситуации: все упоминания об оппозиционности офицеров, в особенности офицеров гвардии, должны были способствовать укреплению авторитета командного состава столичного гарнизона, который был значительно поколеблен в результате революции. К свидетельствам такого рода следует относиться весьма осторожно. Однако даже переписка императора и императрицы свидетельствует о том, что отношения между царской четой и многими влиятельными офицерами гвардии действительно ухудшились в это время. Александра Федоровна не раз писала о распространенности антираспутинских настроений в первом полку российской армии — лейб-гвардии Преображенском: «Полк совсем не безупречен и ненавидит нашего Друга...» Ранее она даже писала царю о «преображенской клике» — речь шла не только об офицерах, продолжавших службу в этой элитной части, но и о влиятельных генералах и чиновниках, начинавших свою службу в знаменитом полку, а затем поддерживавших друг друга на различных ступенях своей карьеры¹⁷⁹. Антидинастические слухи разъедали самые надежные ранее сегменты политической элиты.

Возможно, невероятную мысль о том, что императрица Александра Федоровна была как-то связана с германской разведкой, разделяли даже члены царской семьи, некоторые из них выражали это мнение публично (выше уже упоминалось знаменитое интервью великого князя Кирилла Владимировича). И А.А. Вырубова в своих мемуарах так описывала позицию вдовствующей императрицы Марии Федоровны: «Вдовствующая императрица... была к этому времени охвачена манией немецкого шпионажа, в котором замешаны Государыня и Распутин, не говоря уже обо мне. Она верила всей сплетенной вокруг этого лжи и, как могла, противилась решению Государя взять на себя верховное командование армией»¹⁸⁰. Это интересное мемуарное свидетельство не подтверждается целиком другими источниками. Однако известно, что вдовствующая императрица Мария Федоровна действительно несколь-

ко раз пыталась отговорить императора от плана сместить великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, она — справедливо или нет — считала императрицу Александру Федоровну инициатором этого смещения, отношение ее к невестке значительно ухудшилось после окончательного принятия данного решения. Свое мнение она не скрывала от некоторых влиятельных аристократов и бюрократов. Это же, в свою очередь, могло влиять на распространение слухов о шпионаже молодой императрицы.

Уверенность многих представителей российской политической элиты в том, что информация об измене императрицы не является просто вымыслом, передавалась и видным дипломатам союзных стран, членам всевозможных иностранных миссий, информировавших свои правительства соответствующим образом. Член английского парламента майор Д. Дэвис, посетивший Петроград еще до революции, в начале 1917 года в составе британской дипломатической миссии, отмечал в своем секретном докладе (с его содержанием ознакомили английского короля и членов кабинета): «Царица, справедливо или нет, считается агентом германского правительства». Он рекомендовал «всеми возможными способами» убедить императрицу покинуть страну и вплоть до завершения войны гостить в какой-либо союзной стране. Дэвис также писал об укорененности германского шпионажа в высших сферах России: «...нет сомнений, что враг постоянно информируется о каждом передвижении и плане операций. В результате никакая серьезная информация не может быть сохранена в секрете, и это постоянно следует иметь в виду при переговорах с русскими властями»¹⁸¹.

Слухи о тайных связях царицы с врагом влияли на судьбы людей. В дни Февральской революции был арестован жандармский полковник, служивший на пограничной с Финляндией железнодорожной станции Белоостров. Причиной его задержания были показания другого жандармского офицера, утверждавшего, что полковник и его жена якобы способствовали свободному передвижению за границу специальных курьеров императрицы Александры Федоровны, провозивших ее секретные пакеты в Германию и доставлявших ей тайную корреспонденцию из Германии. Очевидно, эти обвинения не подтвердились, ибо полковник был вскоре освобожден из-под ареста¹⁸².

Однако слухи об измене царицы получили еще большее распространение после Февраля. Историк С.Б. Веселовский записал

в своем дневнике 2 марта 1917 года: «...последней каплей, истощившей терпение, было нахождение документов по сношению царицы с Германией о сдаче Риги»¹⁸³. Никаких документов такого рода в действительности не было обнаружено. Но показательно, что даже тонкий исследователь русского прошлого, в силу своей профессиональной подготовки критически относившийся к историческим источникам, был искренне убежден в существовании официальных документов, полностью подтверждающих измену императрицы. Возможно, информацию Веселовский почерпнул из упоминавшихся выше публикаций, в которых говорилось об имевшей якобы место реакции гвардейских офицеров на некие планы сдачи врагу Риги.

3. ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Накануне революции в аристократических столичных салонах передавали стихотворение:

Все, что видишь сейчас, — не к добру,
 Это в шахматах часто бывает.
 Королева ведет всю игру.
 А король — просто мат получает!¹⁸⁴

Игра слов в последней строке подчеркивала невыигрышное положение монарха: он и поносится всеми, и обречен на поражение вследствие действий своей супруги, которая-то в действительности и «ведет всю игру». В этом стихотворении нашли отражение слухи о том, что царица Александра Федоровна является истинной правительницей страны, определяя политический курс страны помимо своего супруга. Но могли бы такие слухи распространяться без ее новых политических претензий, которые проявились во время войны?

В 1904 году императрица скромно полагала, что жена царя никак не сможет стать настоящим помощником своему мужу-самодержцу в сложных делах государственного управления. 26 июля она писала Николаю II: «Он [великий князь Михаил Александрович. — Б.К.] должен больше тебе помогать, твой единственный брат — ведь ты так одинок. Как ни дорога жена, она тем не менее не может стать таким же товарищем — она иначе мыслит, а хотелось бы, чтобы так же...»¹⁸⁵

Однако во время Мировой войны непосредственное вмешательство царицы Александры Федоровны в государственные дела крайне возросло. Особенно это проявилось после того, как император в августе 1915 года принял на себя командование и надолго уезжал в Ставку. В разделе «Придворные известия» столичные газеты сообщали: «23 августа в Царское Село выезжал председатель совета министров статс-секретарь И.Л. Горемыкин»¹⁸⁶. Читатель мог понять, что в отсутствие царя доклады главы правительства будет принимать императрица. Было известно, что царица принимала и других министров — далеко не всем людям даже весьма консервативных политических взглядов такое положение могло нравиться.

Общественное же мнение еще более преувеличивало политическую роль императрицы. Настроения такого рода нашли отражение в мемуарах М.В. Родзянко, председатель Государственной думы вспоминал: «Государь уехал в армию, а делами внутренней политики стала распоряжаться императрица. Министры, особенно И.Л. Горемыкин, ездили к ней с докладами, и создавалось впечатление, что она негласно была назначена регентшей»¹⁸⁷. Как видим, представление о том, что царица «стала распоряжаться» делами внутренней политики, автор воспоминаний сохранил и впоследствии, хотя оно и не вполне соответствовало действительности.

В годы войны слухи о «правлении императрицы», дополнявшиеся всевозможными слухами о влиянии Распутина, раздражали даже людей монархических взглядов. Публицист Л.А. Тихомиров записал 2 января 1916 года в своем дневнике:

Государь дал очень энергичный повогодний приказ по армии. Конечно, так и нужно говорить. Но насколько он сам верит своему оптимизму — вопрос иной. Я думаю, он лучше нас знает, что наше положение весьма ненадежное.

Вот чего он, вероятно, не знает — как громко стали говорить о его Августейшей супруге. Рассказывал Н. недавно, как, сжавши по траму (в трамвае. — Б.К.) (в Петрограде), его знакомый слышал слова одного из публики: «А уж нашу Матушку Царицу давно бы пора заключить в монастырь». Рассказами о Гришке полна Россия. Так, еще недавно слышал уверения, что Хвостов назначен в министры Гришкойю. Нет сомнения, что все такие слухи раздуваются врагами Самодержавия, но это не изменяет результатов. Как прежде — очень давно, в начале Царствования — общий голос был, что Царица держится в стороне от государственных дел, так

теперь все и всюду говорят, что она беспрерывно и всюду мешается и проводит будто бы именно то, чего хочет Григорий Распутин. Этот злой гений Царской Фамилии сам постоянно направо и налево рассказывает о своем влиянии. Это такая язва, такая погибель, что и выразить невозможно...¹⁸⁸

Действительное и предполагаемое вмешательство императрицы в государственные дела нарушало установившиеся давние традиции управления правительством и роняло авторитет Николая II. Как видим, слухи о влиянии царицы подтверждали распространенное мнение о невведении, некомпетентности императора. Подобное положение беспокоило многих преданных друзей царской семьи, иногда даже сама императрица Александра Федоровна осознавала опасности, вызванные ее новой политической ролью. Но все же она считала необходимым продолжать свое участие в большой политике и государственном управлении. 14 сентября 1915 года императрица писала царю, находившемуся в Ставке:

Некоторые сердятся, что я вмешиваюсь в дела, но моя обязанность — тебе помогать. Даже и в этом меня осуждают некоторые министры и общество; они все критикуют, а сами занимаются делами, которые их совсем не касаются. Таков уж бестолковый свет! Я уверена, что ты слышишь гораздо меньше сплетен в ставке, и благодарю Бога за это!¹⁸⁹

Известно, что по крайней мере в некоторых ситуациях и сам Николай II одобрял вмешательство императрицы в дела государственного управления. В часто цитируемом историками письме от 25 августа 1915 года он писал ей: «Подумай, женушка моя, не прийти ли тебе на помощь к муженьку, когда он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполняла этой обязанности давно уже, или хотя бы во время войны! Я не знаю более приятного чувства, как гордиться тобой, как я гордился все эти последние месяцы, когда ты неустанно докучала мне, заклиная быть твердым и держаться своего мнения»¹⁹⁰.

Однако слухи явно пресувеличивали политическое влияние императрицы Александры Федоровны и приписывали ей чуть ли не абсолютную власть в стране. Такое мнение разделяли и люди, которые по должности должны были быть вполне информированными: «Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным», — записал в своем дневнике французский по-

сол М. Палеолог. О том же сообщали и другие дипломаты. В своем донесении от 5 (18) февраля 1917 года и британский посол Бьюкенен отмечал, что в действительности правит страной царица¹⁹¹.

При этом иностранные дипломаты ссылались на экспертные оценки своих влиятельных собеседников, казавшиеся авторитетными, — сообщения видных российских государственных и политических деятелей, военных и дипломатов, которые, казалось бы, должны были владеть подлинной информацией. Уже 5 (18) августа 1916 года Бьюкенен в своем письме постоянному заместителю министра иностранных дел Великобритании цитировал С.Д. Сазонова, якобы утверждавшего, что император царствует, а императрица правит¹⁹².

После революции в речах и статьях нередко упоминалось «прежнее правительство», которое-де возглавлялось «царицей-немкой»¹⁹³. Факт «правления императрицы» воспринимался в это время как нечто совершенно доказанное, якобы «подтвержденное» документально.

В послереволюционных же памфлетах она даже именовалась «Самодержцем Всероссийским Алисой Гессенской»¹⁹⁴. Друзья императрицы якобы называли ее «новой Екатериной Великой», что обыгрывалось после Февраля в различных сатирических текстах, в обилии публиковавшихся в массовых изданиях:

Ах, планов я строила ряд,
Чтоб «Екатериною» стать,
И Гессеном я Петроград
Мечтала со временем звать¹⁹⁵.

Подобная оценка нашла отражение и в некоторых мемуарах. Керенский в своих воспоминаниях также явно прсувеличивал власть последней императрицы: «Постепенно всеми государственными делами стала заправлять царица, которая практически ежедневно обсуждала их с Распутиным и Анной Вырубовой». Само сравнение с Екатериной II могло породить и иные исторические параллели. В «обществе» утверждали, что императрица-де готовит дворцовый переворот, дабы самой стать регентшей при малолетнем новом царе Алексее II. Зимой 1916/17 года в Петрограде говорили о заговоре царицы, направленном даже против царя: императрица-де «намерена и по отношению к своему мужу разыграть ту же роль, которую Екатерина разыграла по отношению к Петру III». Иначе говоря, ей приписывались невероятные планы свержения

Николая II и даже его убийства. Утверждалось, что для этой цели в столицу якобы вызываются некие верные царице Александре Федоровне офицеры гвардии. Керенский в своих воспоминаниях также воспроизвел и эти разговоры, он даже утверждал, что они отражали какие-то реальные планы по устранению императора «партией императрицы»: «...стали распространяться слухи, будто Распутин пытается убедить царицу сместить царя и провозгласить себя регентшей империи. Стало очевидным, что для распутинской клики царь превратился в помеху, в опасное препятствие на пути осуществления их замыслов»¹⁹⁶.

Слухи о регентстве императрицы (иногда даже о совместном регентстве императрицы и Распутина) действительно появляются уже не позже августа 1915 года. Они были спровоцированы решением императора принять на себя верховное командование действующей армией. Так, из Москвы А.Д. Самарину, обер-прокурору Св. синода, писали: «Ввиду необходимости для ГОСУДАРЯ быть в Ставке может явиться мысль об учреждении регентства и Регентшей будет назначена ИМПЕРАТРИЦА. Это, конечно, означало бы установление царства Распутина»¹⁹⁷.

Зимой же 1916/17 года ходили слухи, что царица уже присвоила себе некую формальную функцию регентши¹⁹⁸. Даже дружелюбно настроенная по отношению к императрице В. Чеботарева, решительно опровергавшая многие абсурдные антидинастические слухи на страницах своего дневника, дама, имевшая связи в высших военных и бюрократических кругах, допускала возможность существования какого-то неопубликованного императорского декрета о регентстве царицы¹⁹⁹.

Показательно, что с этим слухом вынуждены были считаться и власти. В сентябре 1916 года А.А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора, направил письмо своему начальнику, министру барону В.Б. Фредериксу. Он считал невозможным применить карательные санкции в отношении прессы, печатавшей различные сообщения о Распутине, ибо это могло способствовать распространению гораздо более опасных слухов: «При настоящей нервности, как печати, так и общественного мнения, всякая репрессивная мера придаст нежелательную важность этому делу и только укрепит предположения о регентстве ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ»²⁰⁰. Иначе говоря, слухи о влиянии Распутина, воспринимавшиеся серьезно различными общественными кругами, становились важнейшим политическим фактором, кото-

рый затруднял даже противодействие распространению новых невероятных слухов о влиянии «старца» на императрицу, а императрицы — на царя и правительство. Косвенно это свидетельствует о необычайной распространенности подобных слухов среди политически активных жителей страны.

В слух о планах государственного переворота в пользу императрицы многие современники верили, ибо он подтверждался, казалось бы, надежными источниками: по утверждению молвы, он исходил от дамы, близкой к председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру, ненавистному обществу: эта дама якобы мечтала видеть Штюрмера «премьером Ее Величества»²⁰¹.

Согласно же некоторым слухам, отраженным впоследствии в бульварной литературе революционного времени, царица даже якобы планировала убить своего мужа. Утверждалось также, что императрица мечтает... осуществить переворот «с помощью германских штыков»²⁰².

Один из слухов о планах убийства царя в результате заговора, организованного императрицей, был зафиксирован в деле об оскорблении членов императорской семьи. Потомственный дворянин А.Г. Хорват, служивший по ведомству императрицы Марии в Москве, обвинялся в том, что в августе 1915 года в разговорах с несколькими собеседниками утверждал, что к Николаю II явился некий офицер, который признался императору, что он был послан его убить. Когда же изумленный царь спросил раскаявшегося несостоявшегося террориста о том, кто же стоял за этой попыткой покушения, то офицер якобы попросил лишь выстрелить в воздух. Сразу же после выстрела в кабинет вошла императрица, подразумевалось, что именно она выступала в роли «заказчика» цареубийства²⁰³.

Крестьяне же, по словам образованных современников, якобы попросту говорили, что Николай ушел в монастырь, а страной управляют «немка» и Распутин, царь-де «дал Гришке запись на царство». По крайней мере, так рассказывали о пагубных сельских жителей в приемных министерств²⁰⁴. Слух о заточении в монастырь переворачивался — теперь уже не императрица, а император «отстранялся» таким образом от власти.

После Февраля утверждения о всевластии царицы подтверждались, казалось, оценками авторитетных и информированных современников и тиражировались большой прессой столицы, в этом принимали участие не только бульварные издания, но и газеты, претендовавшие на респектабельность. В беседе с корреспондентом

том «Нового времени» князь Ф.Ф. Юсупов, родственник царя и популярный в то время убийца Распутина, заявил: «**Вся сила находилась в руках Александры Федоровны и ее ярых сторонников. ... Государыня вообразила, что она вторая Екатерина Великая и от нее зависит спасение и переустройство России**»²⁰¹.

4. «НЕВЕРНАЯ ЖЕНА»

Царицу Александру Федоровну также нередко обвиняли в супружеской измене. Авторы памфлетов революционного времени утверждали даже, что она «насадила такой разврат, что затмила собой самых отъявленных распутников и распутниц человечества» (упоминавшееся выше сравнение императрицы с Екатериной II способствовало распространению подобных слухов). Назывались различные имена — «кирасир Орлов», флигель-адъютант, контр-адмирал Н.П. Саблин 2-й²⁰⁶. Иногда царице приписывали связь с генералом А.А. Орловым, который командовал лейб-гвардии Уланским полком, шефом которого она была. Утверждали даже, что он был истинным отцом наследника. Эти невероятные слухи нашли отражение и в популярном в свое время романе В.С. Пикуля²⁰⁷.

Слух о неверной жене императора нашел отражение и в ряде дел по оскорблению царской семьи. Так, 31-летнему казанскому столяру в вину вменялись слова, произнесенные осенью 1914 года. При свидетелях он сказал: «**ЦАРЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ умер, а этот НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ II проклятый жулик. Он всю Россию разматает**». Затем, указывая на ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ АЛЕКСАНДРУ Федоровну и наследника цесаревича на висевшем на стене портрете, он произнес: «**Это первая ..... и Дочери Его ....., я пойду к ним .... А этот не Сын ГОСУДАРЯ, а подменен чужой**»²⁰⁸.

В крестьянской и мещанской среде вообще нередко велись разговоры о том, что наследник — незаконнорожденный. Некоторые распространители этих слухов также привлекались к судебной ответственности²⁰⁹.

Матросы Гвардейского экипажа после революции распространяли слухи о том, что на императорской яхте они видели императрицу в объятиях различных морских офицеров, которые якобы за это получали звание флигель-адъютанта: «**Охотница до наслаждений Венеры она была большая**», — утверждали бравае моряки.

«Информация» такого рода после Февраля появлялась в газетах, ей верили многие современники. Не только простые солдаты, но и офицеры передавали эти слухи, а после Февраля они появились и в генеральском дневнике, автор которого, очевидно, считал их небезосновательными²¹⁰.

Подчас слухи о распутстве царицы достигали совершенно фантастического уровня, ей приписывались романы со множеством любовников. Бульварный шовинистический сатирический журнал печатал после Февраля псевдонордные вирши:

В Царском темная «малинка»
С удовольствием цвела.
В Царском тереме Алиска
С целой гвардией жила²¹¹.

С другой стороны, еще до войны ходили слухи о «неестественной дружбе», якобы существовавшей между императрицей и ее подругой фрейлиной А.А. Вырубовой (урожденной Танеевой). Эти домыслы передавали современники, имевшие репутацию людей весьма информированных. В дневнике хозяйки известного политического салона А.В. Богданович 10 июня 1908 года отмечалось: «Сегодня говорили, что в истории царицы, Танеевой и Орлова, последний — ширма, что неестественная якобы дружба существует между царицей и Танеевой, что будто муж этой Танеевой — Вырубов — нашел у нее письма от царицы, которые наводят на печальные размышления. Говорила это Кочубей». А в дневниковой записи А.А. Бобринского, правого депутата Государственной думы, от 15 января 1911 года содержится характеристика императрицы, в частности указывается: «Говорят, что лесбийская связь ее с Вырубовой преувеличена»²¹². В последнем случае слух, имевший очевидное распространение, подвергался сомнениям²¹³.

Этот слух имел какое-то хождение и в 1914 году. Информант униатского епископа А. Шептицкого сообщал своему корреспонденту о Вырубовой накануне войны: «Эта особа до своего замужества жила с Государыней (*amor lesbicus*), а потом уверовала в Распутину»²¹⁴.

Но, как известно, чаще всего утверждалось, что царица была любовницей Распутина, слухи об этой связи еще до революции фиксировала цензура. Имя «старца» даже «расшифровывалось» столичной молвой следующим образом: «Романова Александра своим поведением уничтожила трон императора Николая»²¹⁵.

Ил. 1. «Война России с немцами. День объявления войны». Плакат (1914)

Ил. 2. «Великий союз народов против Германии и Австрии — залог европейского мира». Плакат (1914)

Ил. 3. «Петербургский крысолов». Австрийская открытка эпохи Первой мировой войны

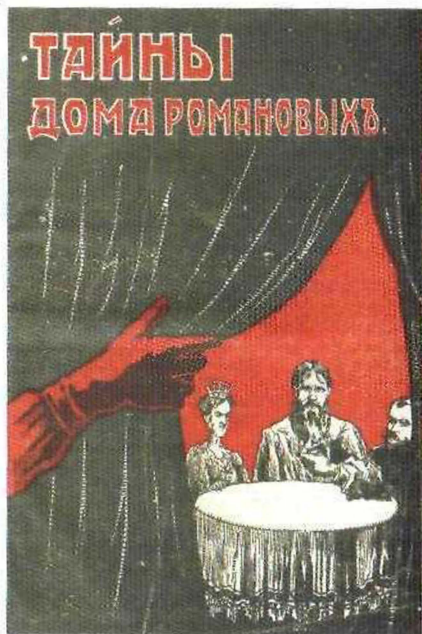
Ил. 4. «Вот так симпатичную же вошь посадил я себе на мех!» Австрийская открытка эпохи Первой мировой войны

Ил. 5. И.С.Горюшкин-Сорокопудов. «На подвиги»,
Пива. 1916. № 31 (30 июля). С.517

Ил. 6. Брошюра:
Ковыль-Бобыль И.
Вся правда о Распутине.
Пг., 1917. Обложка

Ил. 7. Брошюра:
Тайны дома Романовых.
Пг., 1917. Обложка

Ил. 8. Николай и Вильгельм. Открытка (1917)

Ил. 9. Е.И.В. Вел. Кн. Николай Николаевич
Верховный Главнокомандующий в подвижной штаб-квартире.
Открытка (1914)

Ил. 10. Г.И.В. Верховный Главнокомандующий Вел. Кн. Николай Николаевич.
Акварель Г.И. Нарбута. Лукоморье, 1914. № 26 (7 ноября). Обложка.

Ил. 11. Великий князь Николай Николаевич.
Памятный жетон. Московская фабрика Кучкина (1915)

Ил. 12. «Шах! Шах!». Австрийская карикатура (1915)

Илл. 13. Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич.
Акварель Н.С. Самокиша. Пива. 1916, № 41 (8 октября), С.677 (Обложка)

В.В. Шульгин вспоминал, что во время войны в кинематографах запретили демонстрацию фильма, в котором показывалось, как царь возлагает на себя Георгиевский крест, — в темноте неизменно раздавался чей-то голос: «Царь-батюшка с Егорием, а царица-матушка с Григорием»²¹⁶.

Известное и часто цитируемое свидетельство мемуариста подтверждается и другими источниками. О подобных демонстрациях в кинотеатрах писал в конце 1916 года и некий русский информатор британского посла во Франции: «В одном из кинематографов в Москве показывалась военная фильма. В ней изображалась жизнь ставки, генералы за работой, император, склонившийся над картами. Когда появилась императрица, то публика стала кричать: “Гриша, где же Гриша?!” ... Такого рода манифестации говорят об очень многом»²¹⁷.

«Старец» воспринимался общественным мнением как фаворит императрицы. На одной открытке с изображением великого князя Дмитрия Павловича, участника покушения на Распутина, сохранилась надпись, сделанная неким современником: «Положил конец безобразному поведению царицы — жены Николая II. Убил временщика Распутина, этого позора России»²¹⁸.

«Доказательством» связи Распутина и императрицы служили различные изображения, получившие известное распространение. Еще до Февраля в Петрограде по рукам ходила известная фотография «старца», окруженного почитательницами. Снимок пользовался спросом, его охотно покупали, платя при этом изрядную сумму. Некоторые современники искренне полагали, что в группе поклонниц Распутина, изображенных на фотографии, находится и императрица Александра Федоровна. В. Чеботарева, работавшая в госпитале императрицы, записала в своем дневнике: «В левых кругах ходит по рукам группа, снятая три года тому назад: Распутин у стола среди своих поклонниц — Головина, А.А. Вырубова и т.д. ... Головину считали за государыню и продавали эту группу за 25 рублей. Пришлось клясться, что она так же похожа, как я на китайского императора»²¹⁹.

Распространялись и невероятные слухи о том, что сам Распутин якобы охотно демонстрировал фотографию, на которой он и обнаженная царица были изображены сидящими вместе в ванной. Этот абсурдный слух вдохновил ряд художников на создание всевозможных карикатур, изображавших совместное купание в ванной императрицы и «старца». После Февраля сведения об этой «фотографии» проникли на страницы печати²²⁰.

В подобные слухи верили не только простолюдины, они распространялись и в среде интеллигенции.

З.Н. Гиппиус записала в своем «дневнике»: «Сам же Гриша правит, пьет и фрейлин ...т. И Федоровну, по привычке» (запись за 24 ноября 1915 года, при публикации эта фраза была опущена)²²¹. О распутстве царицы говорили и в традиционно лояльных слоях общества. Видный чиновник Министерства иностранных дел А.Н. Мандельштам в беседе со своими коллегами утверждал, что располагает «достоверными» сведениями, полтверждающими связь императрицы со «старцем», особых возражений и даже сомнений со стороны его высокопоставленных и хорошо информированных сослуживцев не последовало. Историк С.П. Мельгунов еще накануне революции безуспешно пытался опубликовать распространявшиеся в обществе в списках фрагменты рукописи скандальной книги С. Труфанова (бывшего иеромонаха Иллиолора) «Святой черт», ему, естественно, пришлось иметь дело с цензурой. Во время одной беседы высокопоставленные чиновники этого ведомства в мундирах, с орденами, завершив официальные расспросы, в неформальной обстановке стали живо интересоваться у Мельгунова содержанием книги, «особенно интересовал господ цензоров вопрос об отношениях царицы с Распутиным»²²². Очевидно, чиновники не считали невероятными те слухи, распространению которых они сами по своей должности пытались препятствовать.

Во время революции А.А. Блок после беседы со следователем Чрезвычайной следственной комиссии записал в своем дневнике: «Ни с императрицей, ни с Вырубовой он (Распутин) не жил». Можно предположить, что до получения авторитетных разъяснений информированного юриста автор не воспринимал слухи о связи царицы и «старца» как явно абсурдные²²³.

Еще до Февраля слухи о связях Распутина и царицы, о закулисной влиянии Распутина на царицу и, через нее, на весь государственный аппарат вызвали появление мало приличных карикатур и стихотворений, машинописные и рукописные списки которых ходили по рукам, распространялись среди «своих», а иногда и продавались. Так, появилась стихотворение «Горе-кабинет (Горемычная Россия испрохвостилась и распутной стала)» (в названии обыгрываются имена Распутина и министров — Горемыкина и Хвостова):

Грядущий день наш сер и мутен.
 Конца Распутью нет как нет.
 Вот почему один Распутин
 Весь заменяет кабинет²²⁴.

Злободневные и злые стихи тут же переписывались посетителями великосветских салонов (злое описание картины триумфа модного автора политических эпиграмм в аристократическом обществе Петрограда дал после Февраля в своей газете В.М. Пуришкевич)²²⁵. Очевидно, Пуришкевич, сам писавший политические стихи на злобу дня, не без ревности относился к писательским успехам поэта В.П. Мятлева, скорее всего, именно ему и посвящена эта статья. О Мятлеве Пуришкевич писал и в своем дневнике (запись от 7 декабря 1916 года): «Резко и зло бичует сатира Мятлева все то, что считает достойным своего внимания, выставляя порою в крайне смешном виде и не щадя самого Императора. Последнее обстоятельство всегда меня донельзя раздражало, ибо, по моему крайнему разумению. Царь не может фигурировать в сатирических произведениях, как бы талантливы они ни были, ибо это затрагивает престиж того, кто в глазах народа должен стоять на высоком пьедестале и чье имя не может трепаться в балагане. Так думал я раньше, так думаю и сейчас»²²⁶.

О востребованности творчества этого популярного светского поэта вспоминал впоследствии и архиепископ Исаян (Шаховской): «По салонам ходили юмористические легкие стихи Мятлева, их переписывали, это был великосветский “самиздат” тех дней. Помню, в одном стихотворении Мятлев обыгрывал газетное сообщение, исполняющее предписание не называть Распутина по имени. Оно было построено на варьировании слова “лицо”. “Лицо приехало к лицу” и т.д.»²²⁷.

Среди простонародья же известное распространение получили различные варианты «Акафиста новоявленному угоднику Григорию, конокраду Новому», машинописные копии которого также тайком распространялись и даже продавались с рук. На экземпляре, хранящемся в Российской национальной библиотеке, имеется надпись: «Куплена за 1 руб. 1916»²²⁸.

Спрос на тексты и изображения, «подтверждавшие» справедливость распространявшихся слухов, создавал своеобразную рыночную конъюнктуру «самиздата», которая настойчиво требовала все новых сенсаций, новых разоблачительных текстов и еще более откровенных изображений. В интеллигентных кругах зачитывались

машинописными вариантами сенсационной антираспутинской книги С. Труфанова «Святой черт», не разрешенной к печати, несмотря на усилия Мельгунова. Упоминания об этом произведении можно было встретить и в легальной печати, а наиболее «пикантные» страницы этого сочинения читались в списках. В Москве, например, они появились не позже февраля 1916 года²²⁹.

Убийство же Распутина вызвало появление списков новых стихов, подчас довольно озорных:

...А на могилу же его, молва так говорит,
Приказано сажать лишь лилии,
И надпись сделать: «Здесь лежит
Ч л с н ИМПЕРАТОРСКОЙ фамилии»²³⁰.

Кустарным способом изготовлялись всевозможные открытки, рисованные и фотографические, наглядно иллюстрирующие слухи и стихи такого рода. Некоторые из них имели явно непристойный характер.

Некий петроградец (очевидно, студент) писал в декабре 1916 года: «По Петрограду ходит очень много стишков, карикатур и т.п. изображений нашей милой действительности, в большинстве случаев порнографического характера. Какие-то темные силы пропагандируют студенчество, разбрасывают грязные прокламации»²³¹. Из текста неясно, какие именно явления «милой действительности» стали предметом порнографического изображения, но, судя по всему, речь идет о «политической порнографии», посвященной злободневным общественным событиям.

При изготовлении и размножении озорных и политически актуальных открыток, по-видимому, использовались технические возможности многочисленных фотографических ателье. В начале февраля 1917 года в Москве рассказывали, что солдаты-фронтовики открыто ругали царицу и показывали непристойные «фотографии». О распространении неприличных изображений императрицы или (и) императора с негодованием писали в то время и правые политические деятели. Известный астраханский черносотенец Н.Н. Тиханович-Савицкий накануне Февральской революции в своем письме жаловался министру внутренних дел А.Д. Протопопову, что «свободно» распространяются «позоряющие царственных особ картины»²³².

После Февраля сюжет о связи царицы и Распутина стал любимой темой бульварной литературы. Процитируем лишь один из

самых скромных вариантов его изложения: «Алиса пожелала сама убедиться в чудодейственной силе старца и после первой дупеспасительной беседы настолько вошла во вкус, что моментально дала Николаю чистую отставку, предложив Григорию занять его место». Некоторые авторы даже «реконструировали» в деталях сцену «падения» царицы»²³³. В качестве постоянной участницы «оргий» царицы и Распутина часто упоминалась А.А. Вырубова²³⁴.

Царица Александра Федоровна обвинялась молвой даже в разращении своих детей — «старец»-де с ее ведомо совратил царевен. Слухи об этом получили некоторое хождение еще до начала Первой мировой войны. Информант униатского епископа А. Шептицкого сообщал ему в начале 1914 года: «Мне самому приходилось слышать от очевидцев, что Распутин называет Государыню "Саша" и кормит ее орехами из своего рта. Старшая дочь Государыни, кажется, тоже живет с ним, а остальных он систематически разращает»²³⁵.

В. Чеботарева, знавшая лично царицу и ее старших дочерей, прекрасно понимавшая всю абсурдность подобных слухов, в годы войны отмечала их распространенность, она записала в своем дневнике: «Вернулась Курчис, говорит о впечатлениях провинции. Ненависть, ушатые грязи на бедную семью, уверяет, что каждая глухая деревня знает о Распутине: "Пусть бы сама жила, а зачем дочек разращает?" Господи, какой ужас!»²³⁶

Эта тема разращения царских детей получила развитие в публицистике революционного времени. В одной из редакций известного «Акафиста на смерть Распутина» «старец» именовался «царицино услаждение», «царевен растление», «царевича разращение» (возможно, данный текст появился еще до Февраля, но был издан уже после революции)²³⁷.

На развитие этого слуха повлияли, очевидно, и реальные встречи «старца» с великими княжнами в домашней обстановке. Утверждали, что Распутин посещал спальни царевен. Молва же приписывала императрице такие слова: «...ничего худого в этом нет, а если бы даже и случилось что-нибудь, то это было бы только большим счастьем». Слухи такого рода фиксировались в дневниках современников²³⁸.

Ходили даже невероятные слухи о том, что великая княжна Татьяна Николаевна забеременела от Распутина. После Февраля запись этого слуха появилась и в дневнике фронтового генерала. очевидно, он не считал это совершенно невероятным²³⁹.

Можно предположить, что на распространение фантастических слухов о непристойном поведении императрицы Александры Федоровны и царевен повлияло не только действительно скандальное поведение Распутина, но и их собственная патриотическая инициатива. Тщательно разрабатываемый и многократно тиражируемый с санкции императрицы образ «августейших сестер милосердия», который должен был способствовать монархически-патриотической мобилизации, стал представлять немалую опасность для царской семьи, объективно способствуя распространению невероятных слухов.

5. РЕПРЕЗЕНТАЦИОННАЯ ОШИБКА?

ОБРАЗ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как уже отмечалось выше, императрица, несмотря на свое плохое здоровье, добросовестно выполняла обязанности сестры милосердия. Но, вопреки ее ожиданиям, русское общество не всегда оценивало этот патриотический поступок по достоинству.

Стремление царицы быть «одной из многих» сестер милосердия противоречило распространенным образцам восприятия членов царской семьи. Подчас же «сестра Романова» была совершенно неотличима в ряду иных сестер милосердия. Великая княгиня Мария Павловна, дочь великого князя Павла Александровича, сама служившая в госпитале, так описывала визит Александры Федоровны в Псков: «Императрицу сопровождали две ее дочери и Вырубова. На всех была форма медсестер. Раненые, которым заранее сообщили о приезде императрицы, пришли в замешательство при виде четырех одинаково одетых медсестер. На их лицах было написано изумление, и даже разочарование; им трудно было представить, что одна из этих женщин — их царица»²⁴⁰. Столь ценящая императрицей анонимность оборачивалась репрезентационной ошибкой²⁴¹.

Иногда патриотический образ императрицы и царевен, выполнявших обязанности сестры милосердия, вызывал осуждение и у простонародья, и в высшем обществе. Считался крайне непристойным уже и сам факт того, что молодые девушки, невинные великие княжны ухаживают за мужчинами, касаясь их обнаженных тел

во время хирургических операций и перевязок. Показательно, что сама царица на некоторые операции не брала дочерей, более того, она требовала, чтобы и другие молодые сестры Милосердия также в определенные моменты покидали операционную. 20 ноября 1914 года императрица Александра Федоровна писала царю:

Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами... они едва ли останутся «мужчинами», так все пронизано пулями, быть может, придется все отрезать, так все почернело, но я надеюсь, что удастся спасти, — страшно смотреть, — я все промыла, почистила, помазала иодином, покрыла вазелином, подвязала, перевязала — все это вышло вполне успешно, — мне приятнее осторожно делать подобные вещи самой под руководством врача. Я сделала три подобных перевязки, у одного была вставлена туда трубочка. Сердце кровью за них обливается, — не стану описывать других подробностей, так как это грустно, но, будучи женой и матерью, я особенно сочувствую им. Молодую сестру (девушку) я выслала из комнаты — М-ше Анненкова несколько старше ее, молодой врач такой милый²⁴².

Общественное мнение не было точно осведомлено о том, каковы медицинские обязанности императрицы и ее старших дочерей, но отсутствие определенной информации компенсировалось порой фантастическими слухами. Во всяком случае, и в глазах многих убежденных монархистов царица иногда теряла свой престиж: «обмывая ноги солдатам», она утрачивала в их глазах свою царственность, снисходила на степень простой «сестрицы», а то и госпитальной прислужницы. Об этом писалось в цитировавшихся выше мемуарах великой княгини Марии Павловны младшей. Некоторые же придворные дамы, если верить свидетельствам информированных современников, открыто заявляли: «Императрице больше шла горностаевая магия, чем платье сестры милосердия»²⁴³.

Даже преданный памяти царицы граф В.Э. Шуленбург полагал, что в своем госпитале царица, стремящаяся быть «простой» медицинской сестрой, держала себя «слишком уж просто», что наносило известный ущерб ее достоинству императрицы: «Она хотела быть в лазарете *простой сестрой милосердия*. Ее Величество держала Себя в операционной Дворцового Госпиталя слишком просто; доктор лазарета, княжна Гедройц, вполне обнаружившая себя с первых же дней революции, держала себя почти вызывающе начальническим образом. Между операциями или сложными

перевязками княжна Гедройц, сидя, обращалась к Императрице: «Передайте мне папиросы... дайте мне спички», и Ее Величество покорно все исполняла»²⁴⁴.

О подобной негативной реакции на новый образ императрицы «светской черни» и простого народа с возмущением писала впоследствии и близкая к царице Л. Ден, сама носившая форму сестры милосердия. Ее симпатии, однако, целиком были на стороне императрицы:

Общество тотчас осудило этот благородный порыв царской семьи. Дескать, императрице Всероссийской не пристало работать сестрой милосердия. <...> Она продолжала нести свой крест, хотя то, что было достойно похвалы в других, считалось в ее случае грехом. Да не упрекнул меня в злопамятстве, но я должна с грустью отметить тот факт, что все слои русского общества начиная от князя и кончая крестьянином неизменно проявляли свою враждебность по отношению к собственной императрице. ...Возможно, государыня не сумела понять склад ума русского крестьянина. Будучи беспристрастным наблюдателем, я склонна думать, что именно так оно и было. Когда она надела платье общины Красного Креста — символа всемирного Братства Милосердия, простой солдат увидел в эмблеме Красного Креста лишь признак утраченного ею достоинства императрицы Всероссийской. Он испытывал потрясение и смущение, когда она перевязывала его раны и выполняла чуть ли не черную работу²⁴⁵.

С другой стороны, генерал А. Спиридович в своих воспоминаниях утверждал, что прежде всего не «светская чернь», а «простой народ» отказывался воспринимать новый образ царицы:

Но вот, чего не понимал простой народ — это опрошения Царицы, переодевания Ее в костюм сестры милосердия. Это было выше его понимания. Царица должна быть всегда Царицей. И неудивительно, что в толпе одного чисто русского города бабы, видя Государыню в костюме сестры милосердия, говорили: «То какая же это Царица, нет, это сестрица». Именно этот костюм совствовала Ее Величеству Ее подруга Вырубова, воображая, что она знает русский народ и его взгляды²⁴⁶.

Другая мемуаристка, хорошо знавшая императрицу, утверждала даже, что придворные со временем даже настойчиво рекомендовали императрице не носить форму Красного Креста во время ее

Илл. 23. Сестры милосердия 4-го летучего отряда полевой Юго-Западной земской организации (1915)

поездок по стране: толпа попросту не узнавала ее, поэтому весь пропагандистский эффект от поездок царицы терялся. Да и сама царица, с одной стороны желавшая сохранять инкогнито, в то же время жаловалась, что ее поездки проходят недостаточно торжественно, и приписывала это интригам своих недоброжелателей²⁴⁷.

Однако все же многие подданные царя с умилением относились к новому образу императрицы и ее дочерей. На многочисленных фотографиях, открытках и патриотических картинах они часто изображались как сестры Красного Креста, похоже, что некоторое время подобные открытки пользовались коммерческим спросом. Пресса же российских союзников восторженно отмечала, что новый образ императрицы способствовал патриотическому единству царя и народа: «...облик ЦАРИЦЫ в белой косынке сестры милосердия больше способствовал единению народа с ЦАРЕМ, чем все указы, дарующие народу свободу»²⁴⁸.

Разумеется, различные официальные лица в своих заявлениях в хвалебных выражениях описывали и новую сферу деятельности царицы, и ее новый образ. При посещении императрицей и ее старшими дочерьми Ковно в ноябре 1914 года местный епископ, по словам императрицы, трогательно обратился к августейшим «сестрам милосердия», а саму императрицу Александру Федоровну даже провозгласил «матерью милосердия»²⁴⁹.

По утверждениям некоторых лиц, близких к императрице, ее популярность в стране несколько возросла в конце 1914 — начале 1915 года в результате ее патриотической деятельности. В одном из

губернских городов толпа восторженных студентов, приветствовавших Александру Федоровну, запрудила улицу, что сделало невозможным проезд кортежа царицы²⁵⁰. Подобное мемуарное свидетельство не представляется неслыханным: патриотический подъем, как уже отмечалось выше, вызвал и всплеск монархических настроений, различавшихся, впрочем, по своей глубине, по своему характеру. Порой такое настроение действительно сказывалось и на отношении не только к императору, но и к императрице.

Показательно, например, что день рождения императрицы в мае 1915 года был отпразднован весьма широко. В этот день Петроград украсился флагами, подъезды и балконы домов были задрапированы материями, в окнах многих магазинов и на балконах домов были выставлены бюсты царя и царицы. Вся Нева запестрела флагами, флаги были вывешены на военных судах и торговых пароходах. Во всех церквях столицы были совершены благодарственные молебствия, в военных частях они сопровождались церковными парадами. Разумеется, можно было приказать развесить флаги, тщательно организовать иллюминацию и провести торжественные службы в церквях. Но сложно было заставить частных лиц уставлять балконы и витрины своих магазинов бюстами императрицы. Показательно также, что год спустя празднование дня рождения царицы проходило гораздо скромнее, ни о каких бюстах газетные сообщения не упоминают²⁵¹.

Образ «августейшей сестры милосердия» использовался в целях патриотической мобилизации и позднее, когда императрица становилась все менее популярной. В сентябре 1916 года члены Св. синода во главе с новым обер-прокурором Н.П. Раевым отправились в Царское Село, чтобы поднести императрице Александре Федоровне старинную икону и адрес, «благословенную грамоту» по случаю двухлетней годовщины служения ее сестрой милосердия. Это была одна из последних пропагандистских акций, которая должна была способствовать популярности царицы. В грамоте, в частности, так описывалась деятельность всех русских сестер милосердия и главной, образцовой сестры — царицы:

...Всюду, где только есть страдание и нужда, идет эта крестonosная армия, на всех обездоленных войной простирая свои заботы и милосердие, и душой всего этого священного порыва и подвига русской женщины христианки являетесь Вы, Ваше Императорское Величество...

Вы, как чадолубивая мать, приняли в свою любовь с самого начала страждущих нашей родины. В скромной одежде сестры милосердия Вы стоите вместе с августейшими дочерьми у самого одра раненого и больного воина, своими руками обвязывая раны, своей материнской заботой и лаской утешая страждущего, вызывая во всех чувство умиления. Священны будут воспоминания тех, кого согрела Ваша любовь. Горячи будут их благодарственные молитвы о Вас к Господу²⁵².

Правда, один из участников церемонии, протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский ощущал во время вручения грамоты императрице некоторую неловкость, он чувствовал фальшь этой церемонии. Ему показалось, что и сама царица восприняла это чествование с недоумением. Однако близкая к императрице придворная дама, напротив, сохранила об этой церемонии хорошее впечатление²⁵³.

Похоже, пропагандистский эффект от действий Св. синода не был значительным. Хотя «благословенная грамота» печаталась в газетах, но, по свидетельству председателя Государственной думы, желательного впечатления она не произвела²⁵⁴. Правда, М.В. Родзянко вряд ли можно назвать непредвзятым мемуаристом, однако пока не удалось обнаружить источники, опровергающие его суждение.

Восприятие образа императрицы-сестры милосердия общественным мнением во многом определялось не только отношением к личности царицы, особенностями монархической традиции или современными этическими воззрениями, многое зависело от специфического культурного контекста эпохи Первой мировой войны. Первоначально эта политика царской репрезентации вполне соответствовала распространенной патриотической моде. Как уже отмечалось, костюм сестры милосердия в годы войны стал необычайно популярным, появились даже соответствующие детские платья с красным крестом (маленькие девочки в форме медицинских сестер и мальчики в военной форме на улицах российских городов собирали деньги на патриотические цели). Женские журналы настойчиво призывали своих читательниц отказаться от роскоши, а то и вообще забыть про моду во время войны, появились и особые общества, борющиеся с расточительством. Рекомендовалось носить простые белые и черные наряды со значком и красным крестом из ленты²⁵⁵.

Образ сестры милосердия стал наиболее ярким символом патриотической мобилизации всех русских женщин, представитель-

ниц разных сословий и классов: «Аристократки, женщины из среднего класса, из простонародья, с дипломами и без них, всех их объединил Красный Крест». Об объединении самых разных женщин в воюющих странах под знаком Красного Креста писала и западноевропейская печать. Русские периодические издания с сочувствием цитировали ученого обличителя вырождающегося европейского общества Макса Нордау, который отмечал перемену воззрений, интересов, произведенную войной в женской среде и превратившую модницу, эстетку, суфразистку в сестру милосердия²⁵⁶.

Распространение этой патриотической моды на Красный Крест, однако, не могло не сопровождаться ее одновременным снижением, опошлением. Многократное тиражирование образов сестры милосердия сопровождалось появлением художественных штампов.

Это было отмечено современной литературной критикой: в «батальной» беллетристике эпохи Мировой войны русская женщина выступала прежде всего как идеальная, благородная сестра милосердия. Критик писал:

Женщина, вдруг почувствовавшая, что сидеть в тылу, дома, наслаждаться благами жизни, когда «там» мужчины проливают кровь, ведется ожесточенная борьба с «жестокими» тевтонцами, и... поступающая в сестры милосердия, — на этом фоне беллетрист непременно сделает так, что его героиня или вдруг роту поведет, или заразится тифом и умрет, или, приласкав умирающего воина, в последнюю минуту даст ему радость любви.

Это первый и преобладающий психологический штамп. Рассказов этой категории такое множество, что лицо авторов совершенно стерлось, и не оставляют эти рассказы в нашей памяти ни одного яркого, индивидуального штриха, ничего такого, что не забывается и трогает²⁵⁷.

Довольно быстро столь распространенное художественное явление стало объектом шаржей и пародий, иронизировавших по поводу тех незатейливых приемов, к которым прибегали расторопные и предприимчивые авторы, создававшие и тиражировавшие востребованный читателем образ женщины в краснокрестной форме. Героем сатирического очерка «Милосердная сестра» стал честолюбивый редактор нового художественного журнала. Первая же прочитанная им рукопись, носившая заголовок «Милосердная сестра», была принята им с искренним восторгом: «"Сестра милосер-

дия” звучит как-то официально, холодно. От “милосердной сестры” веет теплотой. Наш простой народ умеет давать названия очень метко». Однако каждая новая рукопись, просматриваемая редактором, вновь и вновь была посвящена очередной «милосердной сестре», созданной незатейливым воображением многочисленных литературных поденщиков: «Правой рукой милосердная сестра ловко работала хирургическим ножом, в то время как левой она перевязывала раны, поила чаем оперируемого и нежно гладила его волосы». Раздраженный редактор откладывает прозаические произведения и с надеждой приступает к чтению стихов. Однако и поэзия оказывается насленной образами «милосердной сестры»:

Стала утром рано, рано
Милосердия сестра;
Перевязывала раны,
Утешала всех шутя²⁵⁸.

Параллельно с опошлением образа сестры милосердия в литературе и искусстве шло и ее бытовое снижение. Настоящие медицинские сестры Красного Креста, серьезно и добросовестно исполнявшие свои тяжелые профессиональные обязанности, были порой возмущены стремлением кокетливых и легкомысленных современниц облачиться в популярный наряд, не обременяя себя при этом лишними трудами. Великая княгиня Ольга Александровна, сама добросовестно исполнявшая свой тяжелый долг сестры милосердия на фронте, уже в сентябре 1914 года с оптимизмом негодованием писала в личном письме:

Здесь все почти одеты фантастическими сестрами — и меня сердят все эти дуры, пародирующие по улицам. Опять будет то же — что и в ту войну было — когда дамы — которые хотели забавляться, одевались сестрами. В одно время даже гимназистки в коротких юбках ходили здесь в косынках, развешивающихся за шпильки, и с красным крестом на рукаве!²⁵⁹

Такое же отношение к популярной и легкомысленной, пошлой и безответственной «игре в милосердие» встречается и в переписке ветерана медицинского дела, организовавшего в свое время санитарную помощь еще в годы Русско-японской войны. Не без презрения он описывал элегантных дам высшего света, надевших модную форму Красного Креста. Он писал в начале января 1915 года:

Большую часть мы стояли во Львове, и это было самое неприятное. В этой новой столице пребывает приблизительно весь Петроград. Сестры играют в теннис, специально для них устроенный, обедают и ужинают по ресторанам и при том не иначе как с цветами, и вообще все необычайно элегантно и весело. Да и во всей Галиции царит среди санитарного персонала тон веселого пикника и пошлого хвастовства на тему: «Мы нужные и боевые, ничего не боимся и ничем не впечатляемые»²⁶⁰.

Скептическое отношение к новоиспеченным сестрам милосердия, лишенным необходимой подготовки и должного опыта, проявляется уже и в приказе Верховного главнокомандующего от 5 августа 1914 года: «Опыт последних войн показал, что присутствие в передовых линиях армии сестер милосердия, и особенно сестер-добровольцев является весьма нежелательным»²⁶¹. Однако даже грозные приказы сурового великого князя Николая Николаевича не могли изгнать сестер милосердия с фронта.

В то же время в начале войны форма сестры милосердия часто внушала современникам искреннее уважение. Мемуаристка вспоминала: «С горячим восхищением и уважением смотрели все в первые дни войны на женщин в белых косынках, с крестами на груди; все чаще и многочисленнее мелькали эти косынки на улицах и в домах»²⁶².

А в современной периодической печати появлялся идеализированный портрет сестры милосердия, которая стремится даже преодолеть свою женственность:

Под скромным костюмом и белой косынкою исчезли привлекательные женщины, привыкшие к особым ухаживаниям окружающих их мужчин.

Не видны проявления вседневного флирта. Нет кокетливых взглядов, обещающих улыбок, особой атмосферы влюбленности и желаний²⁶³.

Русская пресса нередко писала о проявлениях героизма женщинами, спасавшими раненых на поле боя. Некоторые сестры милосердия получали боевые солдатские ордена и медали за героизм. А сестра Красного Креста Мира Ивановна Иванова в сентябре 1915 года даже подняла в атаку роту 105-го пехотного Оренбургского полка, потерявшую всех своих офицеров. Во время боя Иванова была убита, посмертно она была награждена офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени. Неудивительно, что офицеры

одного из полков армии стали инициаторами создания памятника сестре милосердия, который предлагалось возвести в столице. В иллюстрированных изданиях печатались фотографии М.И. Ивановой, рисунки, изображавшие ее подвиг²⁶⁴.

С другой стороны, именно насилия над женщинами в форме Красного Креста, в том числе и сексуальные насилия над сестрами милосердия и варварские убийства женского медицинского персонала, ярче всего характеризовали действия жестокого врага, якобы постоянно нарушающего законы войны. Женщина в форме Красного Креста в данном случае олицетворяла нацию воюющую и нацию страдающую. Показательно, например, стихотворение некой Екатерины Фукс, опубликованное в одной из петроградских газет:

Не достоин германец и слова «пашада»,
Он не честный боец, а исчадие ада:
Малым детям, безбожный, он пальчики рубит;
Милосердья сестер и позорит, и губит. ...²⁶⁵

Впрочем, первые известия печати о расстрелах сестер милосердия не соответствовали действительности. Российский Красный Крест порой официально опровергал эти слухи, сообщая, что «в местности, указанной в газетах, сестер милосердия Российского общества Красного Креста быть не могло». Но сведения о подобных насилиях появлялись вновь и вновь, пресса сообщала о варварских убийствах сестер милосердия²⁶⁶. На пропагандистских плакатах и почтовых открытках изображался безжалостный враг, убивающий женщин в форме Красного Креста²⁶⁷.

Однако восприятие сестры милосердия за годы войны претерпело существенные изменения. Первоначальное почтительное отношение к женщине, терпеливо выполняющей тяжелый патриотический и христианский долг, постепенно вытеснялось, хотя и не полностью, иными образами. Это было характерно не только для России. В культурах разных стран медицинская сестра, казалось, преодолевала традиционные границы распределения гендерных ролей, она становилась опасной фигурой, подрывающей гендерную структуру общества²⁶⁸.

Образ «белых ангелов» (заголовок современного стихотворения Аполлона Коринфского), распространенный в начале войны, постепенно уступает место иным визуальным репрезентациям сестер милосердия. Первоначально художественные образы сестер милосердия напоминают монашек, одновременно несколько художни-

ков создают картины, которые носят почти одно и то же название: «На святой подвиг», «На святое дело», «На подвиг» (среди сестер милосердия в действительности было известное число инокинь). Для художника Нестерова юная сестра милосердия, помогающая раненому солдату, становится одним из символов Святой Руси²⁶⁹.

Затем на страницах иллюстрированных журналов появляются фотографии совсем других сестер милосердия, грубоватых и энергичных молодых женщин в кожаных куртках. Их волосы кокетливо выпущены из-под темных косынок, руки они держат в карманах (такая поза, очевидно типичная, фиксируется на нескольких фотографиях и рисунках). Картины такого рода украшают даже обложки иллюстрированных изданий²⁷⁰.

Огрубление образа сестры милосердия в данном случае явно бросает вызов традиционной гендерной репрезентации женщины на войне, однако оно не ставит непременно под вопрос ее нравственность, патриотизм и профессионализм. Напротив, образ становится более реалистичным и живым: невиданная страшная война требует принципиально новых тактик репрезентации женщин на войне. Сестра милосердия в кожаной куртке демонстрирует свою фронтоную лихость, привычку к опасностям и трудностям, постоянную готовность выполнять свой тяжкий ратный подвиг. Однако образ «белого ангела», терпеливо и кротко выполняющего ежедневный «святой подвиг», вытесняется и другими образами. Довольно скоро поползли слухи о легкомысленном поведении сестер Красного Креста, об их романах с офицерами.

Еще во времена Русско-японской войны ходили разговоры об аморальном поведении сестер милосердия. Показателен анекдот того времени: «Японцы согласны отказаться от Порт-Артура, но условия нам: найдите пять попов пельюющих, пять интендантов, взяток не берущих, пять студентов не битых, пять мужиков сытых, пять сестер не пробитых»²⁷¹. Но в годы Первой мировой войны солдаты порой противопоставляли наиболее распространенные пороки этих двух военных конфликтов начала XX века: «...японскую войну их благородия пропили, а эту с милосердными сестрами <...> прогуляли». Уже в конце ноября 1914 года некий поляк собрал свосму соотечественнику об «офицеришках», которые-де «всеми силами стараются удирать от пули и под разными предлогами отлучаются в Варшаву для забавы с сестрами милосердия»²⁷².

В августе 1915 года некий военнотружаший, находившийся в рядах действующей армии, счел даже нужным заступиться за репу-

тацию сестер милосердия. В частном письме он писал: «Удивительный народ наши солдаты. То же скажу и об офицерах и о сестрах. Много, конечно, про них говорят дурного, но больше срунду. Сестре, обыкновенно, ставят в вину, если она поболтает с офицером, или придется с ним по улице, а забывают, что они выносят, когда есть работа»²⁷³. Автор опровергал слухи, с его точки зрения безосновательные, которые, очевидно, были весьма распространены: «много говорят».

Писали современники об этом действительно немало. Санитар Красного Креста писал в июле 1915 года: «Днем процветает пьянство, а ночью офицеры проводят время с сестрами. ... Упомяну и о передовых отрядах. Нет такого отряда Красного Креста, где бы не было веселого дома, на который тратят наши трудовые гроши, пожертвованные на Кр. Крест»²⁷⁴.

Подобные образы кокетливых сестер милосердия, сопровождающих власть имущих на фронте и в тылу, получили дальнейшее распространение среди российских солдат. Негативное отношение к сестрам милосердия нашло отражение в армейском фольклоре. В стихотворении «Германско-русский бой», которое ходило на фронте по рукам в списках, эта тема получила развитие:

Раньше не было у нас сестер,
Но лечили все равно,
Попроси солдат напиток,
Кричат: «Дело не мое»...
Капитан идет с сестрою,
Да и поп себе нашел.
Генерал идет под руку.
Кричит шоферу: «Пошел»...²⁷⁵

Показательно и другое незамысловатое стихотворение поэта-солдата:

А сестрички, как лисички.
С крестом красным на груди,
Высоко подняли юбки
И бежали впереди²⁷⁶.

По-видимому, первоначально кое-где военные власти даже пытались не допускать присутствия женщин в рядах медицинского персонала в районах боевых действий (выше уже писалось о соответствующем приказе Верховного главнокомандующего). В сентябре 1914 года из действующей армии писали о высоком бое-

вом духе солдат своего соединения и о факторах, на него влиявших: «Большую роль сыграло теперь также отсутствие водки и женщин. В действующую армию не допускаются даже сестры милосердия. И это очень хорошо»²⁷⁷. Но эта инициатива местного командования все же была исключением.

В то же время сестры милосердия олицетворяли и моральное разложение тыла, о котором стали все чаще говорить современники после годовщины войны. Житель Витебска писал в декабре 1915 года: «Все с ума походили в вихре удовольствий, франтовства, безумных трат, благодаря неожиданной волне шальных денег. Забыто увлечение лазаретами, койками и пр. “Сестры”, являвшие подвиги в прошлом году, занялись теперь флиртом и т.п., и, по свидетельству москвичей, очень у них похоже на “пир во время чумы”»²⁷⁸. Показательно, что автор письма фиксирует и некоторую дилемму: аморальное настроение конца 1915 года противопоставляется патриотическому подъему 1914-го. И в том и в другом случае сестра милосердия является воплощением общественных настроений.

Со временем сестра милосердия для русских солдат-фронтовиков стала символом разврата, «тылового свинства». Наряду с «мародерами тыла» и штабными офицерами, отсиживающимися вдали от передовой, сестра милосердия становится олицетворением легкомысленного тыла, забывающего о нуждах и страданиях окопников. Появились термины «сестры утешения», «кузины милосердия», а штабные автомобили именовались в солдатских разговорах «сестровозами». В некоторых госпиталях и санитарных поездках действительно господствовали весьма вольные нравы, на глазах солдат порой разыгрывались оргии с участием офицеров и медицинских сестер (сказался и запрет на распространение спиртных напитков — госпиталь был единственным местом, где относительно легально можно было достать спирт, известное распространение получили там и наркотики). Фронтвик писал домой, в Казанскую губернию: «Вот посмотрели бы сейчас, что тут делается; у офицеров пир горой, два оркестра играют на смеху, офицеры все пьяные, а с ними и сестры, но не милосердия, а без милосердия». В солдатских слухах эти госпитальные и штабные оргии, действительные и совершенно придуманные, становились более частыми, ужасными и живописными. В то же время некоторые профессиональные проститутки, подражая патриотической и элегантно-модной моде дам высшего света, использовали столь популярную и привлекательную форму сестер Красного Креста²⁷⁹.

Показательна заметка «Присвоение формы», опубликованная в газете «Голос Калуги» уже после революции, 27 июля 1917 года: «На днях в комиссариат 1-го района была доставлена некая Елена-Бальбина Кристиановна Тим, задержанная в сквере у зимнего городского театра в форме сестры милосердия. В комиссариате выяснилось, что Тим никогда сестрой милосердия не состояла и права на это звание не имеет. О задержании Тим составлен протокол и дело передано судебному следователю. Не лишним будет отметить, что Тим в форме сестры милосердия шеголяла в Калуге уже довольно с давних пор (!) и своим часто непристойным поведением компрометировала сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Тим происходит из остзейских немок. Попала она в Калугу с каким-то городским бывшей Белостокской городской полицией»²⁸⁰. В вину этой даме вменяется прежде всего «непристойное поведение» и незаконное использование формы, но упоминание о ее немецком происхождении и связи с представителем «старого режима», которые покровительствуют аморальной немке, дополняет и подтверждает ее общую негативную характеристику. Это не может не напомнить обвинения в адрес бывшей императрицы.

Популярная форма использовалась и уголовными преступницами разного рода. В годы Мировой войны в прессе нередко появлялись сообщения и о неких миловидных «сестрах милосердия», промышлявших мошенничеством²⁸¹. Так, в начале 1915 года в Петрограде и его пригородах была замечена красивая молодая дама в форме сестры милосердия, с Георгиевской лентой на груди. Она держала себя с таким апломбом, что все ее принимали за важную особу, чем аферистка успешно и пользовалась, беззастенчиво обирая простодушных патриотов. Когда же «сестру милосердия» задержали, то выяснилось, что она действует не в одиночку. Полиция приняла меры для того, чтобы обезвредить шайку преступниц: «По всем станциям железных дорог даны телеграммы о наблюдении за проезжающими девушками в форме сестер милосердия». Однако этот прием понравился многим мошенницам, полиция продолжала отлавливать новых «аристократок» в краснокрестной форме²⁸².

Тема неблагоприятного поведения медицинских сестер развивалась в некоторых популярных сочинениях, обличавших «старый режим», которые в обилии печатались после февраля 1917 года. Так, утверждалось, что великий князь Борис Владимирович «на войне завел целый гарем, причем те же кокетки носили здесь платье сестер милосердия»²⁸³.

Изображения кокетливых сестер милосердия в годы войны пользовались спросом у солдат и офицеров. Прапорщик 39-го Сибирского стрелкового запасного полка С.Н. Покровский 26 марта 1916 года зашел в Томске в кинематограф, там производилась продажа открыток в пользу беженцев. Продавщица обратилась к нетрезвому офицеру, сказав, что у нее есть изображения «очень хорошеньких сестер милосердия». Заинтересованный Покровский опустил деньги в кружку, но, очевидно, ожидания его не оправдались, как гласит документ, продавщица «дала ему открытку с изображением в костюме сестер милосердия ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ с Августейшими дочерьми». Покровский начал отказываться: «Царская фамилия... не нужно ... ну их, я думал, что-нибудь другое, а этого мне не надо». Но в этот момент он был оттеснен публикой от стола. Желая все же вернуть полученную открытку, прапорщик бросил ее на стол продавщицы, причем открытка, скользя по столу, упала к ней на колени. Этот незначительный эпизод послужил основанием для доноса и возбуждения против офицера дела об оскорблении членов императорской семьи²⁶⁴. Но как современниками воспринималась характеристика царицы и царевен как «очень хорошеньких сестер милосердия»?

Очевидно, прапорщик Покровский стал жертвой модного, распространенного увлечения: картинки «очень хорошеньких» девушек в форме Красного Креста стали допустимыми для публикации эротическими образами, весьма распространенными среди военнослужащих. Очевидно, именно в годы Первой мировой войны в разных странах медицинская сестра стала важным образом массовой культуры, образом, приобретающим определенную эротическую нагрузку. В известной книге М. Хиршфельда, посвященной культуре Первой мировой войны, образам медицинских сестер посвящена целая глава²⁶⁵. Показательно, что Хиршфельд использовал французские, британские и главным образом немецкие и австрийские источники. Очевидно, русский материал был ему практически неизвестен, однако он подтвердил бы его наблюдения. Следует вместе с тем, отметить, что русские художники и писатели были гораздо скромнее в своей эротизации образа сестры милосердия. Очевидно, речь идет о каком-то ином уровне внутренней цензуры, ибо в русских подцензурных изданиях перепечатывались некоторые тексты и изображения весьма кокетливых сестер милосердия, опубликованные ранее в английских и французских журналах, на фоне оригинальных произведений русских авторов

они выделяются своей откровенностью. Так, иллюстрированный журнал «Солнце России» перепечатал рисунок из английского издания «The Illustrated London News», а затем огрубленный, раскрашенный и менее эротичный образ сестры милосердия украсил даже обложку женского журнала²⁸⁶.

Производители почтовых открыток также печатали изображения миловидных девушек в форме Красного Креста, что свидетельствовало о востребованности подобных образов. Иногда же сестры милосердия становились персонажами совершенно порнографических изображений, производившихся нелегально. Показательны две непристойные открытки с общим названием «Первая помощь». На одной из них показана огромная очередь русских солдат, стоящая перед палаткой, украшенной флагом Красного Креста. Солдаты с карикатурно увеличенными возбужденными половыми органами ждут своей очереди, в то время как двое из них занимаются уже любовью с сестрами милосердия. На другой непристойной картинке «очень хорошенькая» дама в форме Красного Креста ублажает сразу двух лихих кавалерийских офицеров в медицинском пункте. Очередь возбужденных военнослужащих разного ранга тянется из палатки на улицу, в то время как другая сестра милосердия всячески зазывает все новых пациентов-клиентов²⁸⁷. Можно с уверенностью предположить, что таких открыток было весьма много, однако они не сохранились в книгохранилищах. На комплектование коллекций библиотек, музеев и архивов оказывали сильное воздействие и цензура властей, и самоцензура администраторов и хранителей фондов открыток, отвергавших «непристойные изображения».

Военные власти безуспешно пытались бороться с деморализующей атмосферой госпиталей. В тылу, однако, эти меры подвергались критике: «А начальство занимается приказами на тему о том, чтобы офицеры не ухаживали за сестрами милосердия», — записал 19 декабря 1915 года в своем дневнике историк С.П. Мельгунов²⁸⁸.

В этой обстановке немецкие сестры милосердия, приезжавшие в лагеря для германских военнопленных в России, даже стеснялись своего костюма, на улицах провинциальных русских городов они нередко становились жертвами домогательств. Сестра милосердия в белой и аккуратной привлекательной форме стала центральной фигурой сексуальных фантазий и одновременно ненависти фронтовиков: «Начинаешь чувствовать ненависть к женщине. Крест, красный крест, бывший прежде символом милосердия, любви к

ближнему, самопожертвования, теперь ярко, грубо кричит: продается с публичного торга. О, с какой ненавистью смотрят на них раненые солдаты». Некоторые сестры милосердия, недовольные постоянными сексуальными домогательствами со стороны военнослужащих, покидали фронт, но и их собственные рассказы о пережитом могли служить подтверждением самых невероятных слухов о поведении их коллег²⁸⁹.

Показательна и негативная реакция некоторых крестьян на правительственную информацию о том, что царь торжественно награждает орденами и медалями сестер милосердия. Она нашла отражение в делах по оскорблению императора: «Он за то им дает, что с ними живет на позиции, которую полюбит, той и дает крест. <...> Лучше бы Государь прицепил их сестрам милосердия на <...> за то, что полюбил их», — заявил некий крестьянин в ноябре 1915 года²⁹⁰.

Если солдаты обличали в разврате всех командиров, то фронтовые офицеры упрекали в этом штабистов и тыловиков, а младшие офицеры адресовали это же обвинение старшим по званию. Уже в начале марта 1915 года молодой офицер-артиллерист в частном письме сообщал: «У нас на переловых позициях командуют только прапорщики, да подпоручики, а высшее начальство по блиндажам и окопам с сестрами милосердия наслаждается...» В том же году другой офицер писал своей знакомой: «Я очень рад, что ты не увлеклась модным стремлением попасть в сестры милосердия и не попала в этот омут тыла армии, где на одного честного человека приходится тысяча мошенников и авантюристов. Я считаю, что 99% сестер милосердия и женщин добровольцев — сомнительной нравственности авантюристки, подобно нашим санитарам, в “честности” которых мы имеем много случаев убедиться»²⁹¹.

Некий фронтовой офицер писал в октябре 1916 года: «Сестры земского союза это ....., горничные, жидовки и курсистки. Короче говоря — гарем сотрульников. Про всех сестер скажу, что их престиж очень пал. Насколько высоко было их знамя в Крымскую кампанию, настолько низко теперь. Солдаты их тоже не уважают. Продаются легко и очень дешево. Писал бы о многом, но нельзя»²⁹².

Однажды группа возмущенных офицеров направилась к генералу: «Начальство на пикниках с сестрами милосердия, они же все — б...!» Генерал возразил, что его жена тоже работает в госпитале, офицеры несколько смутились, но упорно стояли на своем²⁹³.

Отзвуки крайне негативного отношения к сестрам милосердия можно почувствовать в докладе представителя войсковых комите-

гов Западного фронта на заседании Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих 29 апреля 1917 года. В числе важнейших задач, стоящих перед армиями фронта после революции, он называл «удаление сестер милосердия, так как большинство из них опорочивает армию своим поведением»²⁹⁴.

В таком культурном контексте и до революции любая официальная информация о патриотической деятельности царицы и царевен в госпиталях могла «прочитываться» массовым сознанием как убедительное подтверждение самых фантастических слухов об их предположительном аморальном поведении, любой портрет царицы и царевен в форме Красного Креста мог пробуждать воспоминание о Распутине, пропагандистские сообщения воспринимались вопреки замыслам их создателей. По свидетельствам современников, распространение слухов и сплетен о царице и великих князьях, олицетворявших образ сестер милосердия, «растлевало» сознание широких масс столицы²⁹⁵.

В декабре 1915 года некий приказчик заявлял: «Старая Государыня, молодая Государыня и ее дочери — ..., для разврата настроили лазареты и их объезжают»²⁹⁶.

Не следует, однако, полагать, что данный культурный контекст имел определяющее значение для распространения негативных слухов об императрице Александре Федоровне. Как уже отмечалось, сестра царя, великая княгиня Ольга Александровна работала как простая сестра милосердия, в иллюстрированных изданиях печатались фотографии, на которых она перевязывала обнаженных солдат. Судя по некоторым фотографиям, она, в отличие от царицы и царевен, легкомысленно выпускала волосы из-под косынки, она носила кожаную куртку. Наконец, она развелась со своим мужем, принцем П.А. Ольденбургским, а в ноябре 1916 года вышла замуж за своего давнего возлюбленного, ротмистра Н.А. Куликовского. Императрица полагала, что эта история может отрицательно сказаться на авторитете царской семьи. Она писала Николаю II: «Жаль, что она [великая княгиня Ольга Александровна. — Б.К.] именно теперь, в такое время, когда все настроены не патриотично и против нашей семьи, придумала такую вещь»²⁹⁷. Однако, насколько можно судить, и поведение сестры царя, и этот брак не вызвали особого общественного резонанса.

В то же время культурный контекст играл, как представляется, особую роль в восприятии образов императрицы Александры Федоровны, ибо он сочтлся с уже распространенными слухами и неосторожными политическими действиями самой царицы.

6. СЛУХИ ОБ АРЕСТЕ ЦАРИЦЫ И ПОКУШЕНИЯХ НА НЕЕ

Большевик, бывший в годы войны рядовым солдатом, впоследствии вспоминал:

Война держалась просто на невежестве русского мужика, который шел на войну, не отдавая себе отчета, зачем и кому нужна эта война. И только в силу необходимости, потому что война слишком затянулась, он стал доискиваться причин ее исхода. И, разумеется, эти причины, по мнению массы, были в том, что у нас слишком много начальства из немцев, так как царица — немка, и поэтому много измен. Убийство Распутина произвело большой фурор среди солдат, а Пуришкевич, участник убийства, стал завоевывать в армии популярность. «Вот молодец, — говорили солдаты, — убил того, кто близок был к царице! Вот бы и ее убить, и тогда у нас дела пошли бы лучше, а то мы с немцами воюем, и везде немцы у нас командуют нами»²⁹⁸.

Интересно, что во втором, несколько исправленном и явно более «большевизированном» издании этих воспоминаний фрагмент о популярности Пуришкевича и предложения простых солдат решить все проблемы с помощью убийства императрицы были опущены²⁹⁹. Однако и в других источниках можно встретить подобные мотивы.

Представление о том, что царица стала государственной преступницей, породило в некоторых политических и военных кругах различные планы ее изоляции (ареста, ссылки, высылки из России), а то и физического устранения. Соответствующие проекты способствовали распространению самых невероятных слухов, а молва влияла на замыслы заговорщиков. В обществе циркулировали слухи о планах высылки царицы за границу, ее похищении, заключении в монастырь, ранении в результате покушения на нее и т.п. Мемуаристы разных политических взглядов (В.В. Шульгин, В.Н. Воейков, А.Ф. Керенский и др.) утверждали, что разговоры такого рода велись в светских салонах, армейских штабах и гвардейских полках³⁰⁰.

Не следует, однако, полагать, что слухи такого рода сначала генерировались в образованных и политически влиятельных «верхах», а только затем передавались «в низы». Первый известный нам слух об изоляции царицы относится уже к июню 1915 года. Крестьянин Вологодской губернии, 32-летний писарь волостного правления

А.А. Андрианов, в канцелярии волостного правления одновременно в присутствии разных свидетелей передавал дошедший до него через местного псаломщика слух. Он утверждал, что императрица Александра Федоровна находится под домашним арестом и надзором, не объясняя, однако, по каким именно причинам она была подвергнута изоляции. Свидетели показали, что такие разговоры обвиняемый писарь вел и позднее, в августе и ноябре 1915 года³⁰¹. Можно предположить, что ссылка на писаря и псаломщика делала утверждения такого рода авторитетными для части крестьян.

Если верить французскому послу М. Палеологу, то уже в конце июля 1915 года один из руководителей прогрессивных националистов Брянчанинов заявлял ему: «Государь мог бы быть оставлен на престоле: если ему и не достает воли, он в глубине души достаточно патриотичен. Но государыню, ее сестру, великую княгиню Елизавету Федоровну, нужно заточить в один из монастырей...»³⁰² Дневник Палеолога требует весьма осторожного прочтения, однако и в других современных источниках появляются сведения о планах ареста императрицы, фиксируются соответствующие слухи.

Показательно, например, что и самой царице было известно о подобных слухах. Уже 10 сентября 1915 года она писала императору, что слухи о ее предстоящем заточении в монастырь распространялись ранее в Кисе сестры-черногорки, великие княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна (жены великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича). Императрица признавала также, что эта «грязная сплетня» достигла и действующей армии. В начале ноября до царицы Александры Федоровны дошла весть о том, что некая женщина якобы даже телеграфировала императору, призывая его сослать в монастырь царицу и ее сестру, великую княгиню Елизавету Федоровну. Эту весть императрица получила от управляющего Министерством внутренних дел А.Н. Хвостова, что придавало этому сообщению известное политическое значение. Царица написала об этом Николаю II, требуя провести официальное расследование. Императрица позднее упоминала и о том, что и полковник А.А. фон Дрентельн, назначенный командиром лейб-гвардии Пресображенского полка, якобы «готовил» для нее монастырь³⁰³.

Если верить Г. Шавельскому, протопресвитеру русской армии и флота, об аресте императрицы говорили и в окружении великого князя Николая Николаевича, Верховного главнокомандующего, т.о. вопрос этот поднимался до его отстранения в конце август-

та 1915 года. О необходимости «запрятать» царицу в монастырь неоднократно рассуждал и сам великий князь, он полагал, что эта мера благотворно повлияет на императора. Шавельский свидетельствует, что довольно неосторожно Верховный главнокомандующий развивал эту тему в разговорах с самыми разными людьми³⁰⁴.

Действительно, в Ставке Верховного главнокомандующего, в окружении великого князя Николая Николаевича, по-видимому, открыто говорили о необходимости ссылки императрицы в монастырь. По свидетельству информированного современника, такие разговоры продолжались в Ставке даже и после того, когда Верховным главнокомандующим стал сам император. Там якобы сложилась некая группа «самостоятельных, независимых людей», «человек десять — пятнадцать», которые уже в половине 1916 года верили, что «так продолжаться не может». Они считали, что «все-му виною царица», от которой следует «избавиться». Правда, если верить показаниям свидетеля, только разговорами все и ограничилось³⁰⁵. Но показательно, что такие разговоры велись в императорской Ставке людьми, которые ежедневно могли видеть царя.

Разговоры в Ставке, появление сюжета о планах заточения царицы в ее переписке с императором свидетельствовали о том, что слухи такого рода получили известное распространение среди представителей политической элиты. Но об аресте императрицы продолжали говорить и в деревнях, вряд ли в этих случаях планы «верхов» провоцировали появление слухов «низов». В конце сентября 1915 года неграмотный 68-летний крестьянин Томской губернии в ходе разговора, посвященного актуальной теме измены в командных верхах армии, заявил односельчанам, что «Сама государыня императрица является главной изменницей. Она отправила золото в Германию, из-за нее и война идет». Затем он добавил, что «Государыню за измену уже сослали»³⁰⁶.

Различные предложения «заточения» императрицы Александры Федоровны, распространявшиеся в обществе, породили слухи о якобы уже разработанном и одобренном в верхах плане ее ссылки в монастырь. Они достигли и главной царской резиденции. В январе 1916 года В.В. Чсботарева, работавшая с императрицей в Царскосельском лазарете и хорошо к ней относившаяся, писала:

За эти дни ходили долгие, упорные слухи о разводе, что де Александра Федоровна сама согласилась и пожелала, но, по одной версии, узнав, что это сопряжено с уходом в монастырь, откачалась; по другой, и

государь не стал настаивать. Факт, однако, что-то произошло. Государь уехал на фронт от встречи Нового Года, недоволен влиянием на дочерей, была ссора. ... А ведь какой был бы красивый жест — уйти в монастырь. Сразу бы все обвинения в германофильстве отпали, замолкли бы все некрасивые толки о Григории. и, может быть, и дети и самый трон были бы спасены от большой опасности.

Вчера у Краснова Петра Николаевича был генерал Дубенский, человек со связями и вращающийся близко ко двору, ездит все время с государем, уверяет, что Александра Федоровна, Воейков и Григорий ведут усердную кампанию убедить государя заключить сепаратный мир с Германией и вместе с ней напасть на Англию и Францию ... Что этим была вызвана речь государя...³⁰⁷

Показательно, что и довольно информированная дама, пользовавшаяся расположением царицы, преданная семье императора, считала лучшим выходом из сложившейся ситуации уход императрицы Александры Федоровны в монастырь. Упоминаемый же ею генерал Д.Н. Дубенский, человек, приближенный к императору, редактировал издания, в которых освещалась деятельность императора в годы войны, он также редактировал «Летопись войны». Итак, в доме генерала, известного своими монархическими убеждениями, другой генерал, официальный «летописец царской ставки», который по должности должен был обладать надежной информацией, передавал самые невероятные слухи.

По некоторым сведениям, план ареста императрицы с последующим заключением в монастырь планировал даже начальник штаба Верховного главнокомандующего Николая II генерал М.В. Алексеев. Многие люди консервативных взглядов впоследствии обвиняли Алексеева в измене царю, но важно, что в данном случае об этом писал не недоброжелатель полководца, а В.В. Вырубов, мемуарист либеральных убеждений, относившийся к генералу с сочувствием³⁰⁸.

Современники вспоминали также, что о необходимости «устранения» императрицы говорили даже офицеры гвардейского Сводного полка, охранявшего Царское Село. Свитский генерал С.А. Долгорукий, друживший с М.И. Терещенко, вспоминал, что в начале 1917 года последний сообщал о том, что гвардейские офицеры обсуждали планы удаления императора от власти, заточения императрицы в монастырь, при этом даже назывались определенные имена. Впоследствии и граф В.В. Адлерберг рассказал бывшему жан-

дармскому генералу А.И. Спиридовичу, собиравшему материалы для своей книги, что о необходимости заточения императрицы в монастырь открыто говорили за столом у великого князя Николая Николаевича и после того, как он покинул пост Верховного главнокомандующего, когда он стал царским наместником на Кавказе³⁰⁹.

Очевидно, эти различные участники разговоров о заговоре искренне верили самым невероятным слухам об измене царицы, они считали необходимым «освободить» Николая II от пагубного влияния его супруги посредством ее изоляции.

По-видимому, вопрос о высылке или ссылке императрицы вновь стал активно обсуждаться осенью 1916 года.

Наряду с известной речью П.Н. Милюкова 1 ноября, которая воспринималась порой как атака на императрицу и ее «партию», известную роль сыграло письмо княгини С.Н. Васильчиковой, направленное императрице, в нем поднимался вопрос о связях царицы Александры Федоровны с «темными силами». За это письмо С.Н. Васильчикова была выслана в свое имение, что принесло ей громадную популярность в обществе. Немало светских дам выражало солидарность с ней, дворянские общества посылали ей сочувственные послания, иллюстрированные издания стремились публиковать ее портреты, чему мешала цензура. О содержании этого письма много говорили в столице, утверждали, что Васильчикова призывала императрицу добровольно покинуть страну. Некий петроградец писал 7 ноября: «Для спасения родины она умоляла Ее уехать из России и не касаться дел управления страной»³¹⁰.

В тот же день, 7 ноября, великий князь Николай Николаевич в Тифлисе в разговоре с протопресвитером военного и морского духовенства заявил: «...дело не в Штюрмере, не в Протопопове и даже не в Распутине, а в ней, только в ней. Уберите ее, посадите ее в монастырь, и Государь станет иным, и все пойдет по-иному. А пока всякие меры бесполезны!»³¹¹

Вновь в это время, в условиях нарастающего политического кризиса, появлялись слухи о намеченном уже якобы аресте императрицы и ее грядущей ссылке в монастырь. Некто Д. Девель писал из Петрограда 26 ноября: «Во всем обществе царит полное негодование по поводу тех темных сил, которые правят Россией. Все были под влиянием речей Государственной Думы и Государственного Совета и все отзываются с остервенением о той особе, которая является руководительницей темных сил. Письмо Гучкова к Алексееву после думских речей потеряло свое значение, ибо он

говорил в августе то, что с трибуны сказали в ноябре. <...> В Москве народ говорит, будто Полковник с Красного Крыльца в Москве объявит о заточении своей супруги в монастырь. Но до этого не дойдет дело»³¹². Показательно, что и в этих слухах императрица все еще противопоставляется своему мужу: часть общества продолжает надеяться, что августейший полковник найдет в себе силы избавиться от пагубного влияния супруги и даже подвергнет ее аресту.

Падение популярности царицы привело даже к тому, что уже летом и осенью 1916 года многие врачи, раненные и больные в лазаретах, которые она посещала, открыто демонстрировали ей неуважение³¹³. Но еще ранее возникли слухи о покушениях на жену императора, порой они переплелись с некими неопределенными планами ее убийства.

Императрица давно уже становилась объектом ненависти, нередко ей желали смерти. В июне 1915 года 46-летний неграмотный крестьянин Воронежской губернии заявил: «Если бы я был на месте НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, я бы ей ..... (брань) голову срубил ..... (брань)»³¹⁴. Впрочем, это эмоциональное высказывание, возможно, не отражало какое-либо серьезное пожелание простого сельского жителя, быть может, оно вообще и не существовало в действительности, а было сочинено доносителем.

Но известно, что царица Александра Федоровна получала адресованные ей письма с угрозами. Некоторые мемуаристы утверждали, что министр внутренних дел А.Д. Протопопов сообщал императрице о планах покушения на нее. По их словам, она совершенно хладнокровно восприняла эту весть³¹⁵.

Действительно, Протопопов сам также сообщал впоследствии Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Существовало опасение, что б. Царицу могут убить: ее не любили ни в войске, ни в тылу». Он вспоминал, что во время беседы с императрицей Александрой Федоровной 20 декабря 1916 года он призывал царицу «поберечь себя». В беседе же с царем, состоявшейся в этот день, Протопопов высказался еще более определенно, он предположил, что убийство Распутина есть только начало террористических актов, и заявил, что в сложившихся условиях следует заботиться о безопасности царицы³¹⁶.

Между тем разговоры о планах «избавления» от императрицы звучали и... в царской семье. Мысль о покушении на царицу приходила в голову даже великому князю Николаю Михайловичу. Он говорил в конце 1916 года о возможном убийстве императрицы с

В.В. Шульгиным и М.И. Терщенко³¹⁷. Великий князь заявил 23 декабря 1916 года: «...надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной, и с Протопоповым. Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убийства, не вполне еще определенные, но логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было...»³¹⁸

Неудивительно, что в сложившейся ситуации царица и царь стали опасаться даже своих близких родственников. Когда брат великого князя Николая Михайловича Александр Михайлович добивался личной встречи с императрицей для доверительного разговора с глазу на глаз, то ему в этом было отказано, при беседе присутствовал и Николай П. А.А. Вырубова в своих воспоминаниях указала, что царь опасался того, что разговор примет «совсем неприятный характер». Между тем дежурный флигель-адъютант императора во время беседы находился в соседней комнате, он объяснил свое присутствие так: «...хорошо зная масштаб интриги великих князей и особенно характер Александра Михайловича, остался нарочно и был готов в любую минуту защитить императрицу своей шпагой от оскорбления или даже попытки покушения»³¹⁹. Очевидно, во дворце не исключали возможность того, что близкий родственник императора может напасть на царицу.

Разговоры о покушении на императрицу не трансформировались в какие-то реальные планы, но они, очевидно, способствовали распространению новой волны слухов.

Показательно, что незадолго до революции в обществе вновь и вновь возникали разговоры о якобы уже состоявшихся покушениях на нее. Слухи не подтверждались, опровергались, но они появлялись снова и снова. Уже в конце декабря 1916 года французский посол М. Палеолог записал в своем дневнике: «Меня уверяют с разных сторон, что позавчера было совершено покушение на императрицу во время обхода госпиталя в Царском Селе и что виновник покушения, офицер, был вчера утром повешен. О мотивах и обстоятельствах этого акта — абсолютная тайна»³²⁰.

Другой современник записал в своем дневнике 10 января 1917 года: «Вчера по городу носились всякие “убийственные” слухи. Молва убила Вырубову, генерала Беляева, самого государя и рапила государыню». Слух, к которому сам автор дневника относился скептически, не подтвердился. Но через две недели в дневнике появилась новая запись: «Некоторое время говорили, потом замолчали, а теперь снова стали говорить о покушении на жизнь Александры Федоровны». Императрица-де сжала на могилу Распу-

тина, но у гвардейских казарм офицер князь Гагарин (в других случаях называлось иное аристократическое имя — Голицын, Урусов, Оболенский) выстрелом ранил ее в руку, после чего он был схвачен и в тот же вечер расстрелян³²¹.

Показательно, что в слухах упоминались громкие княжеские имена гвардейских офицеров — это, безусловно, было связано с усилением изоляции царской семьи после убийства Распутина, что проявлялось во фрондирующем, а то и оппозиционном поведении ряда аристократов и офицеров гвардии.

Похожие слухи в то же время зафиксировал в своем дневнике еще один петроградец: «По городу ходят вздорные слухи: одни говорят о покушении на государя, другие о ранении государыни Александры Федоровны. Утверждают (и это очень характерно), будто вся почти дворцовая прислуга ненавидит государя и охотно вспоминается история с сербской королевой Драгой». Показательно, что жителям российской столицы в это время вспоминалась Драга Машин Обренович (1861 — 1903), зверски убитая сербскими офицерами во время переворота, который привел к власти династию Карагеоргиевичей. Через несколько дней тот же петроградец вновь записал: «Как это ни невероятно, но сегодня из очень осведомленного источника я услышал, что на государыню Александру Федоровну действительно было покушение; в нее якобы стрелял офицер гвардейского стрелкового батальона, который был задержан и убит на месте». Распространители слуха ссылались на информацию, поступившую якобы из весьма компетентных источников: «Недавно один видный чин министерства внутренних дел категорически подтвердил в разговоре с хорошо известным Ч., что покушение на государыню действительно было и что пуля ее оцарапала. Другие столь же категорически утверждают, что слухи эти — вздор»³²².

Иные слухи утверждали, что в императрицу стрелял некий офицер, лечившийся в госпитале. Называлась даже точная дата, 26 декабря 1916 года, иногда передавали, что пуля, предназначенная царице, ранила Вырубову³²³. А.Н. Родзянко писала З.Н. Юсуповой 12 февраля 1917 года: «Есть даже версия, что один офицер стрелял в нее и ранил ее в руку»³²⁴.

Следует еще раз подчеркнуть, что распространявшиеся в обществе и в правительственных кругах вести о нарастании оппозиционных настроений среди офицеров гвардии, в том числе и среди офицеров войсковых частей, непосредственно отвечавших за без-

опасность царицы, создавали почву для подобных слухов, заставляли власти относиться к этим слухам серьезно. После революции А.Д. Протопопов сообщал председателю Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством: «От жандармского генерала Попова, временно командированного мною в распоряжение дворцовой охраны, ... я слышал, что среди офицеров и солдат стрелков императорской фамилии и, помнится, сводного батальона, стоявших в Царском Селе, существует возбуждение против б[ывшей] Царицы. Это я говорил ген. Воейкову и б. царице; не помню, говорил ли я про это царю, но, кажется, говорил»³²⁵.

7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОРНОГРАФИЯ: «РАСПУТИНИАДА» ДО И ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Плодовитый киевский автор Г.В. Бостунич написал после Февральской революции пьесу, которая вошла в репертуар петроградского театра «Невский фарс»³²⁶. Один из персонажей пьесы, коммивояжер Симон-Ицек Рувимович Айзенштейн, представитель торгового дома «Свободная торговля», заручившись особым разрешением Совета рабочих и солдатских депутатов, прибывает в Царскосельский дворец, стремясь сбыть свой товар другому персонажу, которого Бостунич именует «Николай Александрович Гольштейн-Готторп (по старому лжеименованию Романов)». Бывший царь отвергает всевозможные новейшие товары: зубной эликсир марки Родзянко, одеколон «27 февраля», зубочистки Чхеидзе, бинт для усов а-ля Вильгельм, колоду республиканских карт и, наконец, популярную детскую игрушку — маленький радиотелеграф для будущих шпионов. Нсутомимый торговец предлагает тогда потенциальному клиенту новейшие популярные издания: «Тайны дома Романовых», «Похождения Грипки Распутина».

Автор буквально цитирует названия памфлетов революционного времени. Очевидно, сама мысль о том, что всевозможные «Тайны Царскосельского дворца» попадут в настоящий Царскосельский дворец, казалась ему невероятно забавной.

Между тем придворные, оставшиеся верными царской семье, на самом деле прилагали немало усилий для того, чтобы оградить узников дворца от произведений такого рода. «Обличительная» малопрстойная литература в обилии попадала даже в Царскосель-

ский дворец, в котором жила царская семья. Сохранявший верность императору генерал-адъютант П. К. Бенкендорф вспоминал, что дворец был наводнен газетами и юмористическими листками, полными оскорблений царицы, от которой «...с трудом удавалось прятать эти листки»³²⁷.

Политическая порнография продолжала преследовать бывшего императора и его семью в сибирской ссылке. В. С. Панкратов, народоволец и бывший узник Шлиссельбурга, ставший затем эсером, комиссар Временного правительства, отвечавший за охрану царской семьи в Тобольске в 1917—1918 годах, вспоминал:

По инструкции Временного правительства вся корреспонденция бывшего царя, его семьи и свиты должна была проходить через меня. Признаюсь, обязанность весьма неприятная и даже противная. Дело в том, что российские «патриоты» полагают, очевидно, что все их письма, адресованные на имя членов бывшей царской семьи, как бы похабно ни было их содержание, непременно попадут к адресатам. Никогда в жизни не приходилось мне читать такие отвратительные порнографические письма, как в это время. И вся эта мерзость адресовалась или на имя Александры Федоровны, или на имя Николая II. Некоторые письма с порнографическими грязными рисунками, грубыми до безобразия, я славал полковнику Кобылинскому [начальнику особого отряда по охране царской семьи в Тобольске. — Б. К.]. Я сказал, что это письма российских «патриотов», ибо я глубоко уверен, что многие из авторов этих писем до переворота, когда Николай II был еще всемогущ, готовы были пресмыкаться перед ним и его семьей, а теперь сочиняют такие отвратительные анонимные письма, думая, что это очень хорошо и остроумно. Было много писем заклеенных, в революционных красных конвертах с революционным девизом «Да здравствует русская революция». Все письма — а их часто было очень много — приходилось тщательно просматривать и бросать в печку, немало получалось и писем угрожающего характера. Даже в Америке нашлись такие писатели, и оттуда приходили письма на английском языке на имя дочерей бывшего царя с предложениями... Иногда такого рода писем получалось так много, что целое утро тратилось на эту мерзость³²⁸.

Панкратов, как видим, фиксирует огромный поток писем, направлявшихся в адрес бывшего царя и царицы. Он отмечает, что многочисленные письма, посланные различными корреспондентами, объединяет единый стиль: в них сочетаются невероятные

политические обвинения революционной поры и грубые порнографические описания. Панкратов полагает, что авторы писем не были противниками монархии и царя до Февраля, их внезапное политическое перерождение он связывает с изменением государственного строя.

Такая оценка справедлива лишь отчасти. И до революции немалая часть сторонников монархии крайне негативно относилась к императрице, распространяя самые невероятные слухи о ней. Можно говорить о появлении жанра «политической порнографии» и в дореволюционный период. Речь идет не только о популярности порнографических слухов, но и о появлении своеобразной субкультуры, оформлявшей эти слухи в виде текстов и изображений, и о возникновении своеобразного нелегального рынка, на котором спрос на подобные изображения и тексты, политически актуальные и непристойные одновременно, быстро удовлетворялся. Разумеется, в условиях цензуры «политическая порнография» не могла получить широкого распространения, однако, как уже отмечалось выше, по рукам ходило немало соответствующих рукописных и машинописных текстов, рисунков. Публикации и иллюстрации, печатавшиеся время от времени и в подцензурных изданиях, могли развивать, комментировать и подтверждать версии событий, предлагавшиеся подобным дореволюционным «самиздатом», эти публикации создавали благоприятный контекст для восприятия «самиздата».

В различных фотостудиях печатались всевозможные фотографии Распутина, нередко в окружении различных дам. Как уже отмечалось выше, публика порой «узнавала» на них императрицу, хотя это, разумеется, не соответствовало действительности. Посетители светских салонов переписывали сатирические стихи Мятлева, интеллектуалы мечтали получить машинопись книги «Святой черт» Иллиодора (С. Труфанова), а простолюдины потешались над различными вариантами «акафистов» Распутину.

Ненависть к изменнице-царице проявилась и в дни Февраля, всевозможные обвинения адресовывались прежде всего ей — демонстранты на улицах Петрограда кричали: «Долой Сашку!» Когда бастовавших рабочих упрекали в том, что они, задерживая производство боеприпасов и оружия, «помогают врагам», то в ответ раздавалось: «Императрица сама немецкая шпионка!»³²⁹

И после революции упоминания о предательстве и развале в царских дворцах находили особенно горячий отклик у широкой политизирующейся аудитории. Ветеран революционного движения

П.А. Моиссенко, входивший в состав рабочей делегации, посетившей далекий Персидский фронт в конце марта 1917 года, вспоминал о солдатском большом митинге:

[В ответ] на выкрик из собрания о Гришке Распутине мне пришлось в своей речи охарактеризовать придворную жизнь и разврат, начиная с Елизаветы Петровны и до последнего дня [царизма]. Когда я сказал, что вместо штандарта на Зимнем дворце следовало [бы] водрузить красный фонарь как эмблему дома терпимости, то весь митинг потряс гомерический хохот и овации, в особенности солдаты бисировали³³⁰.

Интересно, что так реагировали солдаты на весьма удаленном фронте, почти отрезанном от России. Очевидно, они не ощутили еще в полной мере воздействия обличительных «антираспутинских» памфлетов, можно предположить, что их реакция определялась слухами, циркулировавшими еще в дореволюционный период. Показательно, что оратор начинает свое выступление с развернутого исторического экскурса: моральное разложение последнего царствования является наиболее ярким, но типичным для нескольких поколений представителей свергнутой династии.

Слух об «измене императрицы» — измене политической и измене супружеской — не имел серьезных оснований (во всяком случае, не было никаких доказательств, его подтверждающих), но в сложившейся ситуации самые невероятные домыслы становились важнейшими фактами политической жизни. После революции мифы о заговоре и разврате царицы воспринимались как нечто совершенно доказанное, в резолюциях она именовалась «уличенной в измене»³³¹.

Антидинастические, антимонархические настроения были направлены в первую очередь против развратной изменницы и предательницы, «царицы-немки», против «этой женщины», которая правит страной. Это представляется необычайно важным — мы можем ощутить здесь патриархальную подоснову массового политического сознания, соединявшего шпиономию, ксенофобию и женофобию. Пожалуй, ничто другое так не подрывало авторитет власти, как эти слухи об императрице. Даже самые крайние идейные монархисты под влиянием этих слухов превращались в оппозиционеров.

После Февраля именно слухи, связанные с Александрой Федоровной и Распутиным, получили дальнейшее развитие в массовой культуре.

„Самодержавная“ Алиса
и
Распутный Гриша.

Илл. 24—25. Обложка и иллюстрация из брошюры:
«Самодержавная» Алиса и распутный Гриша. Пг., 1917

В первые дни революции стихи на смерть Распутина, ходившие ранее по рукам в виде списков, продавались на патриотических аукционах, а вырученные деньги передавались на нужды «борцов за свободу», в фонд обороны России и т.п.³³² Это не могло не привлечь внимание деловых людей — предприимчивых издателей, владельцев киностудий и собственников театров. После переворота персонажи слухов становятся героями популярных бульварных книжек, новых театральных постановок и кинематографических лент, подпольная культура быстро стала важным элементом культуры массовой. «Распутинская» тема всячески разрабатывалась массовой печатью. Появление «грязных брошюр», посвященных описанию сцен «придворной жизни», весьма обеспокоило весной 1917 года многих интеллигентов, в т.ч. и М. Горького, который признавал, что и на Невском, и на рабочих окраинах Петрограда литература такого рода хорошо продавалась³³³.

А.Ф. Керенский вспоминал о том же: «В течение первых двух месяцев после падения империи так называемая “желтая пресса” развернула злобную кампанию по дискредитации бывшего царя и его супруги, стремясь возбудить среди рабочих, солдат и обывате-

Илл. 26—27. Иллюстрации из брошюры:
«Самодержавная» Алиса и распутный Гриша. Пг., 1917

лей чувство ненависти и мщения. Фантастические и порой совершенно недостойные описания дворцовой жизни стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись «полуофициальным» голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне. Либеральная и демократическая пресса в своих критических комментариях по поводу свергнутого монарха избегала духа сенсационности, но и в ней иногда появлялись статьи вполне трезвомыслящих писателей крайне сомнительного свойства»³³⁴.

Действительно, левые и левоцентристские издания уделяли сравнительно мало внимания «распутиниаде» и всевозможным «тайнам императрицы». Для консервативных же и коммерческих изданий публикация такого рода статей была довольно простым способом заработать и одновременно обозначить свой «радикализм», столь востребованный после революции.

Среди правых авторов, разрабатывавших подобную тематику, выделяется Г. Бостунич (Г.В. Шварц, Грегуар де Нуар), уже цитированный выше. Этот часто упоминаемый и переиздаваемый ныне писатель, получивший впоследствии большую известность

Илл. 28—29. Почтовые открытки, выпущенные после Февральской революции

благодаря «обличению» масонских и еврейских заговоров, в годы Первой мировой войны создал ряд произведений, которые даже были запрещены царской цензурой, ибо они были сочтены безправственными. Другие тексты Бостунича того времени отличала крайняя шовинистическая и антигерманская направленность. Одна из его антинемецких пьес также до революции была запрещена к представлению, возможно, это было связано с тем, что главным положительным персонажем в ней был В.М. Пуришкевич, резко противопоставивший себя правительству в конце 1916 года. Текст этот был опубликован только после Февраля³³⁵.

Во время революции массовая литература, сочетавшая в разных пропорциях германофобию и эротику, оказалась весьма востребованной, особенно в том случае, если к ним добавлялась и антимопархическая составляющая. Бостунич же, представивший в это время себя как жертва «автократизма, самодержавно-полицейского режима, как ржа разъедавшего весь организм великой России», выпустил несколько скандальных антиромановских памфлетов. В рекламных объявлениях указывалось, что автор был занят и написанием новой пьесы «Любовь императрицы (Коронованная предательница): Драма из современной политической жизни».

Это творчество революционного периода не помешало Бостуничу стать впоследствии видным пропагандистом Белого движе-

ния. В эмиграции же его антисемитские и антимасонские произведения, в которых он описывал Российскую революцию как результат международного заговора, привлекли внимание нацистов, в конце концов он стал видным офицером войск СС³³⁶. Интересно отметить постоянную конспирологическую составляющую творчества этого автора, сохраняющуюся в центре его исторических интерпретаций, несмотря на изменение списка главных врагов.

Памфлет Бостунича «Отчего Распутин должен был появиться» сейчас бы назвали сочинением сексопатологически-политологическим³³⁷. Автор смело признается, что, «отбросив ложный стыд, ложное сострадание, ненужную сентиментальность и ненужное жагильничанье», он смело займется «делами физически мертвого некоронованного царя России Григория Распутина и политически мертвой тиранки Алисы Гессенской и Николая Готторпа, лежащих, но все же пытающихся ужалить ненавистную им Россию». В основе психопатологических отклонений последнего императора Бостунич видит дурную наследственность: «Кто такой Николай? Сын алкоголика (Александра III-го), внук сексуально-ненормального человека (Александра II-го, который, как известно, был лишен одного из шульт), правнук морфиниста (Николая I-го), праправнук явного дегенерата (Павла I-го), и, наконец, если допустить, что Павел был законным сыном Екатерины II, пра-праправнук нимфоманки. Такая блестящая восходящая линия может дать, разумеется, только один плод, именно тот, который она дала в лице царя-последыша, царя-кретина, царя-поганыша, как мухомора пышно возросшего на болоте».

Без доли сомнения Бостунич утверждает, что Николай II обладал «наследственно ослабленным сексуальным аппаратом», хотя и не утверждал, что последний царь был импотентом. Не жалеет он и императрицу: «...барышня — манекен, полнейшее полено для жаждущего любовных утех предназначенного ей в царю вялого Николая Гольштейн-Готторпского».

Глубокомысленные ссылки на «Камасутру» приводят Бостунича к квазинаучному выводу: «Естественно, что оба друг друга ни в коем случае и никоим образом не могли удовлетворить. ...И то, что должно было заставить Николая и Алису искать вне придворного этикета интимности брачной ночи, то же должно было их и отшатнуть друг от друга в сексуальном смысле (говорю в сексуальном, потому что в чисто психологическом Николай продолжал и про-

должает и по сей день сидеть под туфлей у своей благоверной Алисы)». С апломбом автор «констатирует» сексуальную несовместимость царя и царицы.

Вследствие этого император, по мнению Бостунича, якобы вновь вернулся к Кшесинской: «Нужна была известная подготовка к любовному слиянию, нужен был известный массаж его дряблых мозгов, чтобы их расшатанные физиологические центры могли послать в известные удовлетворяющие центры восприятия приказы к конечностям — и ничего этого неподвижная жена-полено дать, разумеется, не могла». Другого партнера якобы искала и царица: «А Алисе, наоборот, нужна была только могучая и деятельная мужская сила, только физиологическое воздействие без всяких интеллектуальных поздравительных и повелительных телеграмм, только действие, как можно полнее, скорее и сильнее вызывающее известную физиологическую реакцию — и ничего больше, ничего больше, ничего абсолютно, но как раз то именно, что Николай ей дать и не мог никоим образом». Такого партнера она якобы нашла в Распутине, который-де на протяжении «10 лет» и был «некоронованным царем России».

По мнению Бостунича, сексуальные проблемы властителей влекут за собой и серьезные политические последствия. Правда, автор признает за правителями страны «право на страсть», однако он полагает, что власть имущие должны отселять свои увлечения от дел государственных. В этом отношении разумная и волевая Екатерина II противопоставляется «слабому» Николаю II: «Но лишь только интересы правления должны подчиниться прихотям темперамента, как правителю крышка и трон его может держаться еще только на предрассудках и косности «управляемых». Неконтролируемый разврат в верхах влечет необратимые политические последствия: «А Распутин продолжал распутничать, обратил двор в свой гарем, где Алиса Гессенская была только старшей одалиской, а Николай Готторпский главным свнухом, и продавал Россию и русский народ оптом и в розницу, распивочно и навывнос, поштучно и раптом, пока две патриотические пули не пробили его предательской головы».

Феномен Распутина Бостунич также «объясняет», используя квазинаучную аргументацию: «Но появление его было не случайное; это было естественное и неотвратимое последствие неравного спаривания (под вывеской “брак”) двух вырожденков...»

Илл. 30. Обложка брошюры, выпущенной после Февральской революции

Грязный и лживый текст Бостунича все же интересен для историка в нескольких отношениях. От других памятников «распутииады» того времени его отличает квазисексопатологическая аргументация: основываясь на самых невероятных слухах, он пытается «объяснить» и «подтвердить» с позиции «науки» то, во что верили многие его современники. Но многое сближает этот памфлет с другими произведениями такого рода: уверенность в развратном поведении царя, и прежде всего царицы, вера во всемогущество Распутина, предполагаемая связь между сексуальной распутенностью и политическим разложением. Подобно многим другим людям, распространявшим такие домыслы, Бостунич был приверженцем правых взглядов.

Однако, разумеется, не только правые способствовали в 1917 году созданию невероятных мифов о царской семье. И сам Керенский, упрекавший своих политических врагов в этом, содействовал распространению непроверенных слухов, некоторые же он воспроизвел и в своих мемуарах.

На страницах газет и отдельными изданиями, в столицах и в провинции печатался уже упоминавшийся «Акафист» Распутину,

появлялись и все новые его версии. На многочисленных почтовых открытках полуобнаженная, а то и обнаженная царица изображалась рядом с Распутиным. Показательна подпись к карикатуре, опубликованной в иллюстрированном журнале. Некая красотка в ответ на замечание, касающееся ее весьма «откровенного» костюма, отвечает: «Глупости! Я видала карточки Алисы, так на них она совсем без костюма, да еще вместе с Гришкой Распутиным!»³³⁸

Простая публика жадно набросилась на брошюрки с характерными названиями: «Тайна дома Романовых», «Тайны русского двора», «Тайны царского двора и Гришка Распутин», «Тайна Дома Романовых, или Похождения Григория Распутина», «Тайна влияния Гришки Распутина», «Казнь Гришки Распутина», «Жизнь и похождения Григория Распутина» и др. Успел выйти даже содержащий «сенсационные иллюстрации» «исторический роман» некоего С. Кшесинского, посвященный этому сюжету³³⁹.

Некоторые книжечки издавались довольно большими тиражами. Так, петроградское «Свободное издательство» выпустило два издания книги «Вся правда о Распутине», брошюры «Царица и Распутин» (соответственно 25, 50 и 50 тыс. экземпляров)³⁴⁰.

Подчас публикации носили явно непристойный характер, бросая вызов даже весьма свободным нравам революционного времени, местные органы власти иногда даже запрещали их распространение. В Кисев Исполнительный комитет постановил конфисковать «Манифест Распутина» и «Письма царских дочерей» Распутину — столь неприличным было их содержание. В Тифлисе же Исполнительный комитет постановил конфисковать и «Акафист Распутину», как оскорбляющий «общественную стыдливость и религиозные чувства верующих»³⁴¹.

Однако литература такого рода пользовалась у читателей большим спросом. Современник так описывал жизнь в своей деревне: «Настроение народа было легкое, мало говорили о деле, больше читали об амурных похождениях царей и Акафист Гришке Распутину. Эту литературу обильно доставляли наши же молодые люди, жившие в городе»³⁴².

Аналогичная литература пользовалась спросом и в казармах. Матрос-активист с возмущением писал, что большинство его сослуживцев вообще не интересуется никакой литературой «...и только мнѣшная часть, лежа на койках, просматривает газетку или читает книжку лубочного издания, как, например, “Тайны Царскосельского дворца”, “Жизнь старца Григория Распутина” и др.

Полезная литература лежит в шкафу и спрос на нее очень мал»³⁴³. Показательно, что моряк, считавший себя политически сознательным гражданином, активист, ориентирующийся на партию социалистов-революционеров, не одобрял интерес своих сослуживцев к «политической порнографии», считая ее бесполезной для гражданина новой России. Это подтверждает утверждения современников о том, что социалисты не считали антиромановские «разоблачения» важной частью своей пропагандистской деятельности.

«Серьезные» читатели между тем могли наконец познакомиться с книгой бывшего иеромонаха Иллиодора (С. Труфанова), опубликованной, наконец, С.П. Мельгуновым в историческом журнале «Голос минувшего» (номер вскоре стал библиографической редкостью). Затем быстро последовали и два отдельных издания сенсационной книги. Публикатор сообщал, что им опущены «фантастические» сообщения и «скабрзные» детали, но в тексте эти пропуски не указывались³⁴⁴. Соответственно у читателей книги могло создаться ошибочное впечатление, что профессиональные издатели-историки подтверждали тем самым достоверность той части этого сомнительного источника, которая была ими напечатана. На явные недостатки издания указывали уже современники, соответствующие рецензии сразу же появились в специальных исторических журналах³⁴⁵. Однако это никак не повлияло на его популярность и в дни революции, и в последующее время, публикация Мельгунова оказала немалое влияние на формирование исторических мифов, которые сам известный историк впоследствии пытался опровергнуть в своих исследованиях.

В обстановке тех дней даже на профессиональных читателей эта книга производила большое впечатление. Известный еврейский историк С.М. Дубнов записал в своем дневнике 4 августа 1917 года: «Прочел книгу бывшего иеромонаха Иллиодора “Святой черт” (о Распутине). С ужасающей реальностью раскрыты тайны Царско-сельского дворца... Занятный кровью монархизм мог бы еще возродиться, но, запачканный грязью, пропал навсегда. Россия станет демократической республикой не потому, что доросла в своей массе до этой формы правления, а потому, что царизм в ней опозорен и простолудин потерял веру в святость царя...»³⁴⁶ Любопытно, что образованный автор, профессиональный историк, находившийся под впечатлением от прочтения этого сомнительного издания, буквально цитировал заголовки желтой прессы — «Тайны Царскосельского дворца».

В периодических изданиях также появлялись весьма подозрительные «документальные» публикации, некоторые были явными подделками. Так, один предприимчивый петроградский журналист преподнес знакомой телеграфистке торт, а затем с ее помощью быстро сфабриковал «изменнически» «телеграммы императрицы» к некоему Арнольду Розенталю (тем самым тема предательства царицы получала и некоторую антисемитскую окраску), после чего опубликовал этот «документ» в петроградской газете «Российская республика». Обеспокоенные власти немедленно приступили к расследованию и быстро выяснили истину, однако общественное мнение продолжало оставаться под воздействием этой «сенсационной» публикации³⁴⁷.

«Распутииада» быстро завосывала и российскую театральную сцену. Уже 11 марта, когда после перерыва, вызванного революцией, открылись частные театры столицы, в «Троицком фарсе» сразу же начались представления пьесы «Царскосельская благодать». Она давалась два раза в день и шла почти два месяца. В репертуар других петроградских театров вошли фарсы «Крах торгового дома Романов и Ко», «Веселые дни Распутина», «Царские холопы», «Ночные оргии Распутина», «Царскосельская блудница». В некоторые же старые пьесы просто спешно вводились востребованные публикой новые «сцены с Распутиным». Современник писал о предприимчивых циничных драматургах, которые ввиду отсутствия цензурных ограничений ловко соединяли эротические сцены с политически востребованным сюжетом: «...берут старый французский фарс, немножко переделывают, переименовывают действующих лиц в Распутина и Вырубову и преподносят в виде какой-нибудь “Царскосельской благодати”». Некоторые интеллигентные современники с возмущением оценивали подобные спектакли как «порождение хама революции». Однако поэт А.А. Блок 1 июня 1917 года сделал в своем дневнике запись такого рода: «Вчера в Миниатюре — представление Распутина и Анны Вырубовой. Жестокая улица. Несмотря на бездарность и грубость — доля правды. Публика (много солдат) в восторге»³⁴⁸. Любопытно, что автор, работавший в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством для расследования преступлений «старого режима», усмотрел в подобной постановке «долю правды».

Москва не отставала от Петрограда. Репортер «Московского листка» уже 15 марта сообщал, что Никольский театр обновил репертуар, включив в него политически актуальные пьесы. Гвоздем

же сезона стала постановка «Веселые дни Распутина», которую давшая газета описала как «разухабистую вакханалию»³⁴⁹.

Подобные театральные постановки воспринимались часто современниками как «порнография», в печати появлялись призывы к борьбе с ними: значительная часть общественного мнения считала такие представления совершенно неприличными. Автор журнала «Театр и искусство» писал в середине апреля: «Неужели с наступившей желанной свободой искусство должно превратиться в порнографию? С болью в сердце приходится констатировать, что всюду встречаются объявления: “Сенсационная картина: Распутин с Александрой Федоровной в интимных отношениях” и т.д.»³⁵⁰.

Со временем тема становилась все менее сенсационной, однако пристрастие к пьесам такого рода не ослабевало до осени 1917 года, солдат-фронтовик просил актеров передвижного театра, посещавшего действующую армию, показать, «как Распутин жил в Царском дворце». Подчас во время подобных представлений возникали скандалы. В октябре, во время исполнения «Царских грешков» в одном из петроградских театров, группа зрителей поднялась на сцену и потребовала немедленно снять пьесу с репертуара³⁵¹. Можно предположить, что причиной их возмущения была не политическая составляющая сюжета, а «порнографическое» содержание пьесы.

«Распутиниада» быстро завоевала и российский киноэкран. В переполненных кинематографах шли «Тайны дома Романовых» (производство товарищества «Обновление»), «Предатели России (Мясослов и компания)» (товарищество «Орел»), «Тайна романа балериты Кшесинской» (торговый дом «Крео»), «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов и Ко», «Жизнь и смерть Распутина», «Позор дома Романовых» (фирма А.Л. Савва). Акционерное же общество Г.И. Либкина выпустило сразу несколько фильмов такого рода: «Темные силы (Григорий Распутин)», «Царские холопы» («Темные силы», 2-я серия)³⁵². Яркие и броские рекламные плакаты завлекали зрителей на киносеансы.

Первые киноленты появились необычайно быстро, уже в середине марта они вышли на экраны. Корреспондент петроградской газеты сообщал: «У касс кинематографов, где идет сенсационная драма “Темные силы — Григорий Распутин”, — целые хвосты»³⁵³. На создание нового фильма ушло менее десяти дней.

Малопристойные постановки пользовались порой особенным успехом и у совсем юной аудитории, наводнявшей кинотеатры.

Современный поэт с возмущением писал, цитируя названия популярных кинолент:

... Плодятся мерзости, как крысы
И звонко хвалит детвора
«Роман развратней шей Алисы»
И «Тайны Гришкина двора»³⁵⁴.

«Распутиниада» в кинематографе, так же как и в театре, нередко воспринималась современниками как «порнография» и в тех случаях, когда речь шла о непристойностях любого сорта. Хотя, по-видимому, некоторые ее образцы соответствуют и современным представлениям о порнографии, но в сознании современников порой любые изображения обнаженных женщин воспринимались как «порнография»³⁵⁵.

По сравнению со многими публикациями начала XXI века разоблачения 1917 года по своей форме были довольно скромными. Но показательно, что современники разного положения и разного уровня образования воспринимали их как «порнографию». Так, жена генерала П. П. Скоропадского, будущего украинского гетмана, писала ему 9 марта: «Я читаю всякие газеты... Почти во всех без исключения порнография насчет Семьи...» Это слово она вновь использовала и в своем письме от 18 марта: «Порнография насчет царской семьи за последние дни немного успокоилась. Кажется, уже все было выговорено, что только можно. Измена и шпионство Александры Федоровны, ее отношения с Вырубовой, такие же с Распутиным, беременность дочерей, отравление сына травами, слабоумие и отравление Николая Александровича, и, наконец, отравление Александрой Федоровной Николая Александровича с целью занять его место как Екатерина II»³⁵⁶.

Попытки синтеза политически конъюнктурных «революционных» сюжетов и «парижского жанра» проявились, по-видимому, довольно рано. Уже 6 марта 1917 года, через несколько дней после свержения монархии на собрании «трудовых деятелей кинематографии» И. Н. Перестиани выступил против порнографии и спекуляции на революции. Очевидно, речь шла о тех фильмах, которые еще не были выпущены на экраны. Собравшиеся обратилась к популярному и влиятельному министру юстиции А. Ф. Керенскому, в их обращении указывалось, что «беззащитные предприниматели, дурно поняв все величие и радость завоеванной народом свободы, приступают к выпуску кинолент, создаваемых в два-три

дня на грязные темы ушедшего царствования». Министра призывали «...остановить готовый пролиться в народ поток грязи и порнографии». На местах же по собственной инициативе вводилась цензура кинолент и кинематографов. Так, представители Временного комитета по регламентированию театральной жизни города Москвы предложили акционерному обществу Г.И. Либкина вырезать из фильма «Темные силы» те сцены, в которых Распутин «учил смирению» своих поклонниц. В печати обсуждался вопрос об активной борьбе с «порнографией» и на театральной сцене, предлагалось для этого создать специальную «театральную милицию».³⁵⁷

Исследователь, приступающий к изучению дел об оскорблении членов императорской семьи, предполагает обнаружить обилие случаев оскорбления императрицы. Ведь царица была главным персонажем послереволюционной массовой культуры. Нередко слухи о ней упоминаются также в дореволюционных письмах и дневниках современников. Казалось бы, в таких следственных и судебных делах рядом с царицей должны непременно присутствовать упоминания о Распутине и Вырубовой.

Однако дел по оскорблению молодой императрицы встречается удивительно мало, по числу обнаруженных в ходе данного исследования заведенных уголовных дел царицу Александру Федоровну уверенно «обгоняют» великий князь Николай Николаевич и даже вдовствующая императрица Мария Федоровна. Ни Распутин, ни Вырубова не упоминаются в выявленных делах об оскорблении императрицы (единственное известное нам упоминание о Распутине в делах по оскорблению членов императорской семьи связано с... вдовствующей императрицей Марией Федоровной).

Более того, молодая императрица неожиданно предстает в некоторых оскорблениях как положительный персонаж, она противопоставляется плохой «старой царице» — вдовствующей императрице Марии Федоровне. Можно даже предположить, что какая-то часть простолюдинов, привлечавшихся за оскорбление членов императорской семьи, продолжала хорошо относиться к царице Александре Федоровне, по каким-то причинам противопоставляя ее «плохим» Романовым. Пример тому дает дело 43-летнего крестьянина Тверской губернии П.П. Лялина, оскорбившего вдовствующую императрицу Марию Федоровну, мать императора. В местной церкви состоялся молебен по случаю открытия приюта для раненых воинов, состоявшего под августейшим покровительством императрицы. Лялин заметил: «Наверное строит Молодая Государыня, дай ей Бог здоровья, где Той строить, и так все ...»³⁵⁸

Да и зафиксированные в следственных и судебных делах оскорбления молодой императрицы не всегда являются «политическими». Она оскорблялась порой лишь в компании с мужем, «обвинения» были давними и порой явно фольклорными, они могли не быть адресованными какому-нибудь определенному персонажу, не несли собственно политической нагрузки. Так, в ноябре 1915 года некий крестьянин исполнил в волостном правлении частушку: «Царица бл...т, а царь вином торгует»³⁵⁹.

Почему же пока не удалось обнаружить большого числа следственных и судебных дел по оскорблению императрицы Александры Федоровны? Отчего в выявленных делах нет упоминания о Распутине и Вырубовой? Значит ли это, что существовала большая разница между политическими взглядами простолюдинов и их образцовых современников, выдвигавших в своих разговорах, письмах, дневниках и воспоминаниях разнообразные обвинения в ее адрес? Можно ли полагать, что царица была права, когда она противопоставляла верный своему царю простой народ политической и интеллектуальной элите российских столиц?

Вернее было бы допустить, что, возможно, царица действительно считалась виновной в приписываемых ей «преступлениях» и проступках, поэтому и некоторые убежденные монархисты, искренне возмущенные оскорблениями в адрес императора, которые произносились в их присутствии, гораздо спокойнее относились к обвинениям в адрес царицы Александры Федоровны, а иногда, возможно, даже сочувствовали им. Подобно высокопоставленному чину политической полиции, упоминавшемуся в начале этой главы, они не считали, что в таких случаях русскому патриоту и монархисту следует информировать власти о совершенном преступлении, более того, они отказывались причислять оскорбления царицы к числу государственных преступлений. Подтверждение этому предположению мы находим в одном деле по оскорблению императора. В июле 1916 года некий неграмотный крестьянин заявил: «У нашего государя правды нет». Один из слушателей немедленно заявил на него уряднику. Но представитель власти не проявил желания возбуждать дело по столь незначительному поводу. Он сказал: «Я слышал, как другие называют Государыню... и то на них не делают заявлений». Иначе говоря, полицейский откровенно признал, что в его присутствии неоднократно совершалось преступление, а он при этом никак не реагировал. После этого обвинения были выдвинуты и против нерадивого урядника, «просмотревшего» совершенное ранее государственное преступление³⁶⁰.

Показателен и упоминавшийся выше злободневный политический анекдот, записанный не позже ноября 1915 года, он был зафиксирован в нескольких источниках. В московском суде рассматривается дело об оскорблении императора. Мужик-свидетель подтверждает справедливость выдвинутого обвинения: «И что только нес-то! Я и то уж ему говорил: "ты все его, дурака, ругаешь, а лучше бы ее, стерву этакую..."». Другой вариант этого анекдота, зафиксированный несколько позже, излагал слова свидетеля так: «Он, стало быть, говорит: Царь дурак! — А я ему: Нет, брат, врешь. Хоть дурак — да наш! А вот царица — так та верно, что немецкая ст-ва!»³⁶¹ Характерно совпадение описания царя и царицы в двух вариантах анекдота: в обоих случаях он — «дурак», она — «стерва». Оскорбления первого воспринимаются простодушным крестьянином как правонарушение (хотя и он считает императора «дураком»), а императрицу он сознательно сам оскорбляет прямо в зале суда, не понимая, что тем самым и он совершает государственное преступление.

Очевидно, то обстоятельство, что разнообразные слухи, касающиеся императрицы, Распутина и Вырубовой, не нашли отражения в делах по оскорблению членов императорской семьи, можно объяснить самоцензурой потенциальных доносчиков, предпочитавших в данном случае не информировать власти о преступлении, а также, возможно, и самоцензурой представителей власти, не спешивших регистрировать подобный донос и начинать в данном случае расследование.

Иначе говоря, немало монархистов, возмущавшихся оскорблениями царя, других членов императорской семьи, не считали преступлением оскорбление царицы Александры Федоровны. Вероятнее всего, они сами верили подобным слухам.

Исследователя, изучающего слухи об императрице Александре Федоровне, не оставляет ощущение того, что общество было настроено весьма несправедливо и крайне жестоко по отношению к последней царице. Бесспорно, своими неосторожными действиями она создавала порой почву для самых невероятных слухов. Но порой даже разумные, самоотверженные и патриотические инициативы императрицы «прочитывались» общественным мнением как убедительные доказательства ее половой распущенности и властолюбия, безумия и русофобии. То, что другим современникам ставилось в заслугу, воспринималось по отношению к ней как нетерпимый недостаток.

Ненависть к царице, объединявшая различные социальные и культурные группы, нельзя объяснить только ксенофобией и шпиономанией, получившими необычайно распространение в годы Первой мировой войны.

В известной книге Л. Энгельштейн Г. Распутин представлен как фигура, воплощавшая публичные дискуссии переломной и кризисной эпохи, касающиеся отношения общественного мнения России к проблемам секса, пола, гендера и одновременно к общественным и политическим проблемам³⁶². Фигура императрицы Александры Федоровны в этом отношении еще более показательна, при этом все участники общественных дискуссий оценивали ее со знаком минус. Царица, безусловно, бросала вызов традиционным патриархальным представлениям о распределении гендерных ролей. Носителям таких взглядов сложно было примириться с тем, что царица не только активно вмешивается в «мужскую» сферу политики, но и подрывает символическую мужественность императора. Очевидно, сама царица Александра Федоровна осознавала, что она переступает некую важную гендерную границу, недаром она неоднократно писала царю о «своих штанах». Возможно, речь идет о какой-то семейной шутке, смысл которой сейчас очень сложно расшифровать, но бесспорно, речь шла о том, что символическая интерпретация гендерной роли была намеренной.

С другой стороны, и для носителей «современного», «прогрессивного», «вестернизированного» сознания императрица представляла собой серьезный раздражитель. Для них августейшая поклонница Распутина была воплощением архаичных предрассудков, олицетворением вызова просвещенному, научному, рациональному видению мира.

Показательно невнимание российских женских изданий к патриотическим инициативам царицы, хотя, казалось бы, царица и ее дочери личным примером могли бы вдохновить на реализацию целей, декларированных активистками женского движения.

Автор женского журнала призывал использовать военную ситуацию, выгодную в политическом отношении, для лоббирования своих интересов, для подлинного достижения женского равноправия: «Война превратила всех в борцов, только и читаешь, только и слышишь о том или ином раскрепощении. Последуем же и мы, женщины, по этому пути, возьмемся в этот благоприятный момент за свое раскрепощение. Укрепимся на занятых нами за время войны позициях с тем, чтобы эти позиции остались за нами и по окончании войны!»³⁶³

О том же писал и другой женский журнал: «Если уже в предыдущие две войны — за освобождение славян и японскую — русская женщина была врачом и сестрой милосердия при своих сражающихся братьях, если в эпоху севастопольских героев, по выражению поэта, “Красавицы наши сиделками шли // К безотрадному их изголовью”, то теперь русская женщина пойдет на помощь воинам во всеоружии серьезных знаний и основательной подготовки. Последние годы дали нам обширный контингент женщин-врачей и фельдшериц, — всем им будет место там, где в них будет нужда, где будут скорбь и страдания, и мы глубоко верим, что каждая из них выкажет себя на высоте святой задачи»³⁶⁴.

Публикация такого рода подчеркивает связь патриотических инициатив русских женщин с прогрессистским дискурсом феминизма: не просто самоотверженные женщины, христианки и патриотки, но квалифицированные специалистки, достойно выполняющие свой трудный профессиональный долг, представляют современную, передовую, новую Россию, рождающуюся в кровавых испытаниях войны. Казалось, риторика такого рода соответствовала и инициативам императрицы: ведь специально подчеркивалось, что она и старшие царевны прошли специальную профессиональную подготовку прежде, чем они приступили к исполнению обязанностей сестер милосердия. Можно было бы предположить, что русские феминистки могли бы использовать патриотическую инициативу царицы для общественного лоббирования своих интересов, для достижения целей своего движения. Однако в изданиях не встречаются упоминания об императрице. Нельзя объяснить это неким скрытым антимоноархизмом активисток женского движения: на обложке одного из московских женских журналов был напечатан портрет великой княгини Елизаветы Федоровны. Популярная представительница императорской семьи могла и для феминисток быть олицетворением женских патриотических инициатив. Была также опубликована и информация о награждении босвой медалью великой княгини Ольги Александровны³⁶⁵. Эта награда упоминалась автором журнала в числе важных достижений русских женщин во время войны. Вернее было бы предположить, что игнорирование патриотической деятельности императрицы было направлено против нее лично, что свидетельствовало о провале в этой среде тактики репрезентации царицы. В отличие от императора, которого участники различных конфлик-

тов часто стремились привлекать в качестве символического союзника, никто не желал ссылаться на авторитетный, казалось бы, пример русской царицы.

Императрица полагала, что ее патриотическая деятельность являет собой пример для всех русских женщин. Царица должна была стать символом их патриотической мобилизации. А.Е. Зарин писал:

Вторая Отечественная война всколыхнула всю необъятную Россию...

И в этой небывалой доселе войне — вместе с воинами — поднялись великой ратью их матери, жены и дочери, сестры и невесты.

В эту небывалую войну — необыкновенно и участие женщин. ...

И во всех этих заботах первос начинаниис принадлежит нашей Царице, Государыне Александре Федоровне.

Проницательным умом Своим, чутким сердцем Она сразу угадывает, что в тот или иной период необходимее всего нашим воинам, и, указуя пути и средства, тотчас ведет за Собою могучую любовью женскую рать.

В истории этой страшной Второй Отечественной войны будет отмечено участие русской жены, первое место будет отведено Нашей Царице³⁶⁶.

Однако, как видим, далеко не все представительницы «великой раги» русских женщин-патриоток считали императрицу своим вождем, своим символом, образцом для подражания.

Современный исследователь утверждает: «Можно предположить, что столь жестокое и однозначное неприятие императрицей самой идеи о возможности целенаправленной работы над своим образом стало одной из основных причин личной непопулярности Александры Федоровны в России»³⁶⁷.

С подобным предположением никак нельзя согласиться. Царица необычайно много внимания уделяла тиражированию специально отобранных ею образов царской семьи, существенно влияя на политику репрезентации режима.

Другое дело, что царица Александра Федоровна была не очень удачлива и, похоже, не очень искусна в популяризации своего образа. Выше упоминалось о том, что императрица не могла предвидеть особенности восприятия избранного ею образа «простой» сестры милосердия. Можно привести и иные примеры неудачной тактики репрезентации. Так, в иллюстрированном журнале «Солн-

це России» на первой странице были опубликованы фотографии, посвященные высочайшему смотру гвардейских запасных батальонов. На одном из снимков были запечатлены императрица и наследник цесаревич, сидящие в коляске. Подпись к снимку гласила, что они «изволят смотреть проходящие церемониальным маршем войска»⁴⁶⁸. Но в момент съемки царица отвернулась от фотографов. У зрителя могло создаться впечатление, что императрица не желает видеть ряды храбрых русских солдат. Удивительно, что этот снимок был пропущен придворной цензурой. Это была последняя фотография царицы, опубликованная в данном иллюстрированном издании.

Подсчеты публикаций снимков императрицы в основных журналах дают некоторое представление об общественном внимании к «августейшей сестре милосердия».

**Публикация фотографий царицы Александры Федоровны
в крупнейших иллюстрированных изданиях
(не учитывались изображения крупных церемоний,
на которых императрица сопровождала царя)**

	1914 (июль— декабрь)	1915 (весь год)	1916 (весь год)	1917 (январь— февраль)
«Искры»	—	2	1	—
«Летопись войны»	2	3	1	—
«Нива»	1	—	—	—
«Огонек»	2	1	—	—
«Солнце России»	—	1	1	—
«Столица и усадыба»	—	1	1	—

Семнадцать фотографий, из которых шесть приходятся на официальное издание, — не так уж много для царицы, которая стремилась предстать образцовой сестрой милосердия, являя собой пример патриотической деятельности для всех женщин империи.

Для сравнения укажем, что в этих изданиях было опубликовано и не менее одиннадцати фотографий вдовствующей императрицы Марии Федоровны, при этом не менее четырех — в 1916 году.

Там же появилось и не менее девяти фотографий великой княгини Марии Павловны старшей, причем не менее трех снимков было опубликовано в 1916 году. Энергичная и честолюбивая вдова великого князя Владимира Александровича искусно создавала различные информационные поводы и, похоже, умела дружить с прессой.

Снимки императрицы в 1916 году продолжала печатать официальная «Летопись войны», прежде всего это были фотографии, посвященные поездке царской семьи на юг. В сентябре 1916 года в московском иллюстрированном журнале «Искры» был опубликован снимок, изображающий царицу и двух ее старших дочерей среди раненых офицеров Царскосельского дворцового лазарета. Все «августейшие сестры милосердия» изображены в форме Красного Креста³⁶⁹. Насколько можно судить, это последний снимок царицы в русском иллюстрированном издании, даже официальная «Летопись войны» прекратила в это время печатать ее фотографии (выше отмечалось, что редактор этого издания генерал Дубенский сам передавал невероятные слухи об императрице). Исчезновение портретов царицы со страниц крупных иллюстрированных изданий служит косвенным, но убедительным свидетельством падения ее популярности.

Глава VI

АВГУСТЕЙШИЙ ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ: ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ, ОСКОРБЛЕНИЯХ И СЛУХАХ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Великий князь Николай Николаевич (1856—1929), двоюродный брат Александра III, отца царствующего императора, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, был назначен Верховным главнокомандующим русскими армиями уже 19 июля 1914 года. Именной указ Николая II, данный Правительствующему Сенату, был датирован следующим днем. Он гласил: «Не признавая возможным по причинам общегосударственного характера стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейшее повелеть нашему генерал-адъютанту, командующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии его императорскому высочеству, великому князю Николаю Николаевичу быть верховным главнокомандующим»¹.

«Положение о полковом управлении войсками в военное время», которое основывалось на предположении о том, что российский

император лично возглавит российские армии в случае войны, предоставляло Верховному главнокомандующему огромную власть. Он подчинялся только царю, и никакое другое должностное лицо или учреждение не могло требовать от Верховного главнокомандующего отчета или давать ему предписания. Функции Верховного главнокомандующего не ограничивались только управлением действующей армией. Он имел широкие возможности для вмешательства и в сферу компетенции гражданской администрации, в первую очередь в районе театра военных действий. Распоряжения Верховного главнокомандующего должны были исполняться «всеми без изъятия правительственными местами и общественными управлениями, а равно и должностными лицами всех ведомств и всем населением как высочайшие повеления. Верховный главнокомандующий имел право создавать и упразднять своей властью генерал-губернаторства, образовывать не предусмотренные штатами учреждения².

Портреты великого князя Николая Николаевича, величайшего сегодешнего генерала с суровым, решительным лицом, необычайно высокого (198 сантиметров), замелькали в европейских газетах и иллюстрированных журналах. Они печатались и в виде открыток, плакатов, лубков. Назначение великого князя на высокий пост Верховного главнокомандующего оживленно обсуждалось и комментировалось и в разных слоях русского общества и за рубежом, миллионы людей сравнивали военачальника, возглавлявшего самую большую армию в мире, со знаменитыми полководцами других воюющих держав.

В некоторых слухах, распространявшихся в годы войны, российский Верховный главнокомандующий предстает как положительный персонаж, он изображается как строгий, даже жестокий, но справедливый воитель и правитель. Порой же энергичный и решительный великий князь Николай Николаевич противопоставлялся как царствующему «племяннику» Николаю II, в этих слухах «бездеятельному» и «неспособному», так и «преступной» и «развратной» царнице. Подобное противопоставление проявлялось и в некоторых делах по оскорблению императора и императрицы.

Это отношение было следствием немалой популярности Верховного главнокомандующего. Образы, распространявшиеся патриотической пропагандой, находили широкий отклик в массовом общественном сознании, хотя и нередко «переводились» им по-своему. В частной переписке и, судя по всему, в личных разговорах многие современники положительно, порой восторженно характеризовали великого князя.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ, БИОГРАФИЯ, РЕПУТАЦИЯ

Назначение великого князя **Николая Николаевича** на должность Верховного главнокомандующего привлекло значительное внимание к личности, биографии и даже происхождению «дяди» императора.

Его портреты часто печатались в иллюстрированных изданиях, иногда они украшали обложки журналов. Так, например, на обложке одного из номеров издания «Солнце России» за 1914 год была помещена репродукция живописного портрета великого князя в полный рост работы художника В.С. Сварога¹.

Для презентации Верховного главнокомандующего немалое значение имели образы его родителей.

В январе 1915 года петроградская газета «Вечернее время» опубликовала стихотворение С.А. Касаткина «Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич», датированное 15 января 1915 (впоследствии оно было перепечатано в издании, предназначенном для военных православных священников российской армии):

... Заранее тебя, венец побед сплетая,
Кумиром назвала родная наша рать...
Отец твой был герой — а мать была святая...
Не минст и тебя Господня благодать!⁴

Поэт считал нужным напомнить читателям о славных предках Верховного главнокомандующего. Предполагалось, что великий князь унаследовал воинскую доблесть своего отца и благочестие матери, а соследиение этих замечательных качеств, в свою очередь, должно было служить надежной гарантией его собственных успехов в дни великой войны.

Некоторые влиятельные современники действительно отмечали, что великий князь отчасти унаследовал свою популярность в армейских кругах от своего отца⁵. Великий князь Николай Николаевич, именовавшийся после рождения своего первенца Николаем Николаевичем Старшим (1831—1891), третий сын императора Николая I, приобрел широкую известность как главнокомандующий Дунайской армией во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, в Болгарии его называли Николаем Николаевичем Славным. Во время войны он был награжден орденом Св. Георгия I-й степени, а в 1878 году стал генерал-фельдмаршалом.

*Илл. 31. Великий князь Николай Николаевич.
Французская открытка времен Первой мировой войны*

Жителям российской столицы о Николае Николаевиче Старшем напоминал памятник работы скульптора П. Каноника на Манежной площади, открытый незадолго до начала Мировой войны, в январе 1914 года. С высоты гранитного постамента на горожан смотрел величественный всадник, сжимающий фельдмаршальский жезл. При открытии памятника в группе членов императорской семьи особенно выделялась высокая фигура кавалерийского генерала — старшего сына полководца.

На протяжении своей жизни великий князь Николай Николаевич Старший занимал некоторые армейские должности, которые впоследствии исполнял и его сын (командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, генерал-инспектор кавалерии). Неудивительно, что некоторые поклонники Николая Николаевича (Младшего), рассчитывая в годы Мировой войны возможную траекторию его карьеры, полагали, что и ему суждено, повторяя биографию отца-полководца, стать генерал-фельд-

маршалом российской армии и кавалером высшей степени знаменитого военного ордена.

Правда, некоторые современники вспоминали грубость великого князя Николая Николаевича Старшего, а другие отмечали и его некомпетентность как военачальника. Однако исторические дискуссии о воинском мастерстве генерал-фельдмаршала, насколько можно судить, не проецировались на его сына, когда тот, в свою очередь, стал Верховным главнокомандующим.

Очевидно, и сам Верховный главнокомандующий эпохи Мировой войны желал напомнить современникам о боевом прошлом своего отца, он представлял себя как его достойного продолжателя. Охрану Ставки Верховного главнокомандующего у станции Барановичи осуществлял лейб-гвардии Казачий Его Величества полк, тот же самый полк, который во время Русско-турецкой войны составлял конвой тогдашнего главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича Старшего. В годы Мировой войны за Верховным главнокомандующим постоянно возили значок командующего, который сопровождал великого князя Николая Николаевича Старшего во время войны 1877—1878 годов, об этом сообщалось в патриотических изданиях. Для ношения же этого стяга по распоряжению донского окружного атамана в Ставку Верховного главнокомандующего прибыл вахмистр Ежов, который был ординарцем великого князя Николая Николаевича Младшего в годы Русско-турецкой войны, об этом писала пресса⁶. Подобные жесты напоминали общественному мнению о военных заслугах родителя великого князя и о его собственном боевом прошлом.

Мать великого князя Николая Николаевича Младшего, великая княгиня Александра Петровна, урожденная принцесса Александра-Фредерика-Вильгельмина Ольденбургская (1838—1900), была широко известна своей благотворительностью, она особенно славилась своим покровительством различным медицинским учреждениям. Еще при жизни своего мужа, в 1879 году великая княгиня Александра Петровна, здоровье которой не позволяло ей жить в столице, переселилась в Киев. Возможно, впрочем, что причиной переезда на юг была не только ее болезнь, но и скандальные семейные размолвки, известные в столичном обществе. Брак ее с великим князем Николаем Николаевичем Старшим не был к этому времени счастливым, а великосветские и околосветские слухи уделяли этим ссорам много внимания, украшая их всевозможными подробностями, порой преувеличенными и даже совершенно не-

вероятными. В Кисев великая княгиня, отличавшаяся крайней набожностью, уделяла много времени и сил основанному ею Покровскому женскому монастырю. В религиозных изданиях утверждалось, что в монастыре великая княгиня Александра Петровна, которая к моменту переезда в Киев не могла даже ходить в результате ушиба шейной позвоночной кости, пережила чудесное исцеление. Затем в 1889 году она и сама тайно приняла монашество под именем инокини Анастасии. В этом монастыре она и была похоронена⁷.

Первоначально великая княгиня обустроивала свой монастырь на широкую ногу, совершенно не считаясь с огромными расходами, в результате чего образовалось множество долгов, ситуация была чревата общественным скандалом. Александр III принял решение о ликвидации долгов своей больной родственницы, для этого была создана особая комиссия. Царь также повелел, чтобы эта комиссия полностью устранила великую княгиню от забот по распоряжению денежными средствами на расходы по содержанию монастыря⁸. Фактически она была ограничена в праве пользоваться своими собственными финансами. Великая княгиня необычайно переживала эту ситуацию. Однако общественное мнение не знало об этом деликатном положении, напротив, оно было хорошо осведомлено о благотворительной деятельности великой княгини Александры Петровны. К тому же новый император, Николай II, и при ее жизни, и после ее смерти оказал монастырю финансовую поддержку, позволившую существенно расширить масштабы медицинской и благотворительной деятельности этой обители, создававшейся в соответствии с идеалами т.н. «живого монашества». Кроме бесплатной женской больницы была создана лечебница имени императора Николая II, в которой ежедневно принималось до 500 больных всех вероисповеданий. В образцовой аптеке отпускались лекарства для пациентов больницы и для приходящих больных. Великая княгиня, фактически постоянно жившая в больнице монастыря, исполняя обязанности медицинской сестры, сама делала перевязки, мыла больных, подавая пример другим монахиням. Она даже ассистировала при операциях⁹.

После смерти инокини Анастасии, похороненной в основном ею монастыре, появилось несколько брошюр, специально ей посвященных¹⁰. Вокруг Киево-Покровского женского монастыря даже возникла в 1902 году настоящая теологическая дискуссия: одни религиозные авторы утверждали, что эта обитель является не настоящим уставным монастырем, а благотворительным учрежде-

нием, другие же им возражали¹¹. Эта известность матери великого князя Николая Николаевича, известность прижизненная и посмертная, могла влиять на восприятие образа Верховного главнокомандующего в 1914 году.

Киевская обитель продолжала и после смерти инокини Анастасии играть особую роль в жизни Николаевичей. В военное время в Покровском монастыре был открыт госпиталь, состоявший под особым покровительством живших в Киеве великих княгинь Анастасии Николаевны и Милицы Николаевны, жен великого князя Николая Николаевича и его брата великого князя Петра Николаевича (в годы войны великие княгини возглавили киевский Комитет помощи раненым, больным и выздоравливающим офицерам и нижним чинам). В этом лазарете в качестве сестер милосердия работали и дочери великих княгинь великие княжны Марина Петровна и Надежда Петровна и Елена Георгиевна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская. Император Николай II во время посещения Киева (в том числе и в годы войны) заезжал в монастырь, осматривал госпиталь, беседовал с великими княгинями, приходил на могилу великой княгини Александры Петровны, к которой он хорошо относился. Это также напоминало современникам о благотворительной деятельности матери Верховного главнокомандующего, продолжаемой ее семьей.

Сторонники великого князя Николая Николаевича (Младшего), охотно упоминая о положительных качествах, предположительно «унаследованных» им от родителей, не говорили о своеобразной «нервности» каждого из них, нервности, которая перешлась и их старшему сыну. Они предпочитали также не вспоминать и о том, что отношения великого князя с отцом порой были неважными, отличались соперничеством, доходившим иногда до скрытой вражды (в свое время в обществе ходили даже слухи о потасовках в великокняжеском дворце, происходивших между отцом и его старшим сыном). Биограф великого князя впоследствии осторожно отмечал, что он «уже с ранних лет должен был вступить за права матери, угнетенной ненормальным положением в семье отца»¹².

Родившийся в день полкового праздника лейб-гусар, шифром которых был Николай Николаевич Старший, великий князь был с детства зачислен в этот знаменитый гвардейский полк. О гусарском прошлом Верховного главнокомандующего напоминали и многие его изображения, распространявшиеся в годы Мировой войны в виде открыток. Он любил фотографироваться в венгерке.

Некоторые известные в обществе легендарные неписанные полковые традиции гвардейских гусар способствовали распространению слухов о великом князе. Так, офицеров полка издавна отличали дорогостоящие и долговременные кутежи, и в годы Мировой войны нередко поговаривали о пьянстве Верховного главнокомандующего, который, по слухам, в свое время мог залпом выпить бутылку шампанского. Биографы великого князя Николая Николаевича, очевидно, были осведомлены о распространенности подобных слухов, ибо они их специально опровергали¹³.

Великий князь стал хорошим кавалеристом и заядлым охотником (эту страсть он перенял у своего отца), он немало способствовал разведению в России новых пород лошадей и охотничьих собак. Подобно другим представителям дома Романовых, Николай Николаевич Младший с юности готовился к военной карьере, но он был первым представителем императорской семьи, поступившим в Николаевскую военную академию, готовившую офицеров Генерального штаба. Окончив академию с малой серебряной медалью по 1-му разряду, он принял участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и золотым оружием с надписью «За храбрость».

Боевой орденом великий князь Николай Николаевич Младший получил за форсирование Дуная. Утверждали, что он переправился через реку и, сев на бруствер, не обращая никакого внимания на свистящие вокруг него пули, крикнул своим солдатам: «Ребята! Что кланяться, что не кланяться пулям, кому жить — не тронет, кому нет — не простит!» О геройском поступке молодого офицера сообщили главнокомандующему, и когда он, в свою очередь, переправился через реку, то обнял сына и прослезился¹⁴.

Правда, на известной картине художника Н.Д. Дмитриева-Оренбургского было изображено, как главнокомандующий и его сын вместе переправлялись на лодке через Дунай¹⁵. Иначе говоря, одна героическая версия описания подвига опровергала другую, но во всех случаях форсирование стало важным элементом биографии великого князя. Так или иначе, но знаменитая переправа вспоминалась многим современникам, интересовавшимся в 1914 году личностью Верховного главнокомандующего.

Этот эпизод биографии нередко упоминался и в годы Мировой войны, что должно было способствовать героизации личности Верховного главнокомандующего. Соответствующую статью напечатала газета «Биржевые ведомости», взяв из «Голоса» эпохи Русско-

турецкой войны письмо некоего участника переправы через Дунай. Затем этот текст появился и в популярном еженедельном журнале «Нива»:

Августейший ювоша перешел Дунай с отрядом, попавшим под убийственный неприятельский огонь. Возведена была насыпь, из-за которой принялись жарить наши молодцы. Турецкие гранаты то и дело перелетали им через головы, если не ударяли в середину, или около них. Молодые солдаты при свисте пролетающих снарядов бессознательно наклоняли головы. Юный Великий Князь сел на насыпь и закричал:

— Ребята! Что кланяться, что не кланяться пулям, кому жить — не тронет, кому нет — не простит! ...

В это время новый свист гранаты прожужжал над головою Великого Князя, инстинктивно наклонившегося. Его Императорское Высочество быстро приподнял голову и расхохотался.

— Нет, вилно, с первого раза не привыкнешь! — воскликнул Великий Князь, но продолжал сидеть спокойно на насыпи, пока стрелки не двинуты были далее.

Когда Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич Старший, по окончании боя переплыл на только что отвоеванную нами турецкую землю, сго встретил генерал Драгомиров, которому он бросился на шею. Тут же стоял и молодой Великий Князь.

— Ну, мальчик, — сказал отец сыну герою, — на первый раз славно! Пойди и ты сюда!

Великий Князь Николай Николаевич Старший прижал сына к груди и зарыдал от радости, видя его невредимым¹⁶.

Назначенный после окончания войны командиром «своего» лейб-гвардии гусарского полка, великий князь был некоторое время воинским начальником наследника трона цесаревича и великого князя Николая Александровича, будущего царя Николая II, проходившего службу в этой части. В годы Первой мировой войны император полусуто вспоминал, что он даже побаивался в те годы своего требовательного и сурового командира — «грозного дядю» (это шутивное признание царя, сделанное в присутствии других лиц, весьма смущало в это время Верховного главнокомандующего)¹⁷.

О времени совместной службы царя и Верховного главнокомандующего современникам напоминали некоторые фотографии, распространявшиеся в годы Первой мировой войны в виде почтовых открыток. Император в гусарской форме, подняв голову, смот-

рит снизу вверх на долговязого великого князя Николая Николаевича. Могло сложиться впечатление, что младший по званию кавалерийский офицер почтительно дает объяснение своему командиру. О популярности этой композиции свидетельствовало то обстоятельство, что подобные открытки печатались не только в России, но и во Франции и в Англии¹⁸.

Слухи же о грандиозных традиционных попойках офицеров гвардейского гусарского полка с участием великого князя Николая Николаевича и наследника цесаревича нашли отражение в антиромановских обличительных памфлетах, публиковавшихся за границей, а затем они охотно цитировались советскими историками¹⁹.

И на посту командира полка, и затем, став командиром бригады, а потом и начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, великий князь Николай Николаевич, хороший кавалерист, начал смело экспериментировать, радикально меняя боевую подготовку вверенных ему частей. При этом всячески учитывался современный передовой мировой опыт организации и обучения конницы. Став затем генеральным инспектором кавалерии, он существенно реформировал организацию учебы российской конницы, решительно преодолевая порой сопротивление многих консервативно настроенных старых кавалерийских командиров, ставленников своего отца великого князя Николая Николаевича Старшего.

Даже военный министр генерал В.А. Сухомлинов, заклятый враг великого князя, вынужден был в своих воспоминаниях положительно оценить преобразования, проведенные в это время в кавалерии: «Обойти молчанием работу Великого Князя Николая Николаевича младшего на этом поприще было бы несправедливо: сделал он много, твердою рукою и под его эгидою русская конница проснулась от спячки, перешла к развитию активной деятельности, от прозябания в манеже выведена в поле, от рутинного лозунга: "худая лошадь околет, пока сытая похудеет" и слесов не осталось после введения им нового "Наставления для занятий в кавалерии"»²⁰. Впрочем, и сам Сухомлинов принадлежал к тому поколению кавалерийских генералов, которые смогли выдвинуться благодаря решительным преобразованиям великого князя.

Вследствие этой деятельности великий князь Николай Николаевич к началу войны пользовался репутацией человека деловитого и энергичного, компетентного и патриотичного. В августе 1914 года некий житель Ярославля в своем личном письме, скопированном

цензурой, так комментировал его назначение: «Дал бы Бог только успеха; впрочем, гарантией служит Верховный Главнокомандующий — энергичный, знающий, а главное -- настойчивый. Я его знаю чуть ли не 20 лет по Генеральному инспекториту кавалерии»²¹.

Великий князь был известен также и как покровитель конного спорта и коневодства. Недаром передовой санитарный отряд Красного Креста, созданный в годы Первой мировой войны на средства Императорского петроградского общества поощрения рысистого коневодства, находившегося под августейшим покровительством великого князя Николая Николаевича, носил его имя²².

В военных кругах великий князь пользовался известным авторитетом. Генерал А.А. Поливанов впоследствии вспоминал: «...обладая верными стратегическими и тактическими взглядами, способностью быстро распознавать обстановку на маневрах по карте и по движениям войск, был из числа строевых начальников того времени весьма незаурядным, и если бы не отвращение к книге и более уравновешенный характер, то из него мог бы к тому времени выработаться вполне авторитетный руководитель для разрешения крупных военных вопросов». Во время Русско-японской войны ходили слухи о назначении великого князя Николая Николаевича главнокомандующим, многие его недоброжелатели были серьезно обеспокоены, однако это назначение все-таки не последовало, современники объясняли, впрочем, это не «отвращением к книге» и не его характером, а придворными влияниями, беспокойством относительно возможного нарастания его популярности²³.

В июне 1905 года великий князь стал председателем Совета государственной обороны, созданного для координации военного и морского ведомств. В качестве председателя высшей аттестационной комиссии он существенно влиял на важные назначения в военном ведомстве. Впрочем, деятельность великого князя Николая Николаевича на этом посту оценивалась современниками и историками по-разному. В июле 1908 года Совет государственной обороны был распущен. Этот эпизод жизни великого князя Николая Николаевича, насколько можно судить, не очень часто вспоминали в годы Мировой войны, хотя именно тогда он приблизил к себе группу сравнительно молодых честолюбивых морских и армейских офицеров, стремившихся радикально реформировать вооруженные силы после тяжелых поражений Русско-японской войны. Некоторые заседания этого кружка «младотурок» проходили во дворце великого князя²⁴.

Перестав возглавлять Совет государственной обороны, великий князь сохранил, однако, другой важный пост, на который он был назначен 10 октября 1905 года, в разгар революции ему была доверена необычайно важная в тех условиях должность главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Именно пребывание великого князя на этом посту и повлияло на оценку его разными группами общества к началу Первой мировой войны.

Считалось, что великий князь убедил императора подписать манифест 17 октября 1905 года, позиция авторитетного и решительного родственника, занимающего важнейший пост, оказалась решающей. Этого впоследствии великому князю не могли простить консервативно настроенные современники, включая и некоторых членов царской семьи. Императрица Александра Федоровна писала 17 июня 1915 года царю, подразумевая великого князя: «Н. и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радостей»²⁵.

С другой стороны, многие люди радикальных взглядов сохраняли иную память о действиях великого князя во время Первой российской революции: войска императорской гвардии и Петербургского военного округа, действовавшие под его общим командованием, жестоко подавляли революционные восстания в различных районах страны.

Об этом упоминалось в сатирическом стихотворении «Царь Милан»:

— Молодец! — стоявший сзади,
Похвалил Милана дядя
И, как раненый пакал,
Жадной крови запылал,
И скомандовал солдатам:
«Бей мортирой!
Бей булатом»²⁶.

Великий князь предложил императору и план подавления революционного движения в Сибири, который был затем осуществлен генералами Меллер-Закомельским и Ренненкампом²⁷.

Царь высоко ценил тогда деятельность великого князя Николая Николаевича, который смог воодушевить подчиненных ему офицеров гвардии и сплотить их вокруг императорской семьи. В своем письме вдовствующей императрице Марии Федоровне Николай II сообщал, что великий князь произнес зажигательную речь перед

командным составом гвардейских полков, многие офицеры буквально плакали, а приветственные крики собравшихся были слышны даже на улице²⁸.

Впрочем, формально ряд важных задач по борьбе с революционным движением на территории столичного военного округа был возложен на генерала от инфантерии М.А. Газенкампа. Состоя помощником при великом князе Николае Николаевиче, он имел большие полномочия, чем обыкновенно, так как в функции командующего округом входило утверждение приговоров военных судов, а вовлекать великого князя в политическую борьбу и тем самым ставить его под непосредственные удары террористов считалось неудобным. Поэтому эта опасная в то время обязанность и была возложена на генерала Газенкампа, который, однако, действовал столь корректно, что на него не было произведено ни одного покушения²⁹.

Напротив, революционные террористические организации в то же самое время неоднократно планировали покушения на великого князя Николая Николаевича, однако они были вовремя предотвращены российской тайной полицией. Порой опасность нападения со стороны террористов бывала столь велика, что великий князь по настоятельной рекомендации руководителей тайной полиции был даже вынужден отменять свои визиты к императору. Дошло до того, что великий князь Николай Николаевич не явился на «разбивку» новобранцев по полкам гвардии, которая проходила в Михайловском манеже, знаменитая традиция императорской гвардии была нарушена. Он жил в своем столичном дворце как в осажденной крепости и в конце концов тайно покинул город³⁰.

Нахождение на должности главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа повлияло на отношение к великому князю в армии и особенно в гвардии.

Сам великий князь необычайно гордился своим командованием отборными войсками империи. И в рескрипте на его имя, данном Николаем II 26 июля 1908 года, отмечалось: «Высоко ценя ваше выдающееся научное и практическое значение воспитания войск, ваше понимание истинного духа военного дела...» Однако эта царская характеристика в действительности является своеобразным парадным автопортретом полководца: сам великий князь Николай Николаевич написал проект этого рескрипта, а император лишь утвердил его с некоторыми стилистическими правками³¹. Великий князь желал, чтобы страна воспринимала его как професси-

онального военного, сочетающего научный подход к военному делу с большим практическим армейским опытом.

В офицерской гвардейской среде великий князь Николай Николаевич имел репутацию весьма требовательного и даже жесткого воинского начальника. В отличие от других командиров, он мог мгновенно приструнить даже подчиненных ему своевольных членов императорской семьи, служивших под его командованием, недаром великокняжеская молодежь называла его «Грозным Дядей»³².

Идеальный строевой офицер «старой школы», внушавший искренний страх даже многим седым генералам, «гроза гвардии», он неустанно поддерживал суровую дисциплину в подчиненных ему войсках и безжалостно муштровал их. Великий князь Александр Михайлович вспоминал:

Мой двоюродный брат великий князь Николай Николаевич был превосходным строевым офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строгую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры. Тот, кому случалось присутствовать на парадах Петербургского гарнизона, имел возможность видеть безукоризненное исполнение воинских уставов в совершенстве вымуштрованной массой войск: каждая рота олегла строго по форме, каждая пуговица на своем месте, каждое движение радовало сердце убежденных фронтовиков³³.

Еще более резко отличался своего родственника другой представитель Михайловичей, великий князь Николай Михайлович. В августе 1914 года он писал о главнокомандующем: «Сам верховный так же бесцветен, как и всегда, но осанка и походка, а также голос, словом, вся манера себя держать, вселяют "респект" и повиновение, при отсутствии мозговых тканей для вдохновения. Не верю я в эти способности. Каюсь, если ошибусь»³⁴.

Гордостью великого князя Николая Николаевича были парады гвардии и особенно традиционные маневры в Красном Селе. На этих учениях суровый командующий являл себя войскам в роли величественного полководца, именно этот образ великого князя запомнился многим офицерам.

Некоторые современники полагали, что великий князь, безжалостно муштровавший войска, своей требовательностью и жестким стилем «сумел к себе внушить ненависть всей гвардии и всего петербургского военного округа»³⁵. Однако, по воспоминаниям многих военных, отношение его подчиненных к своему командиру

нельзя описать лишь таким образом, он, как уже отмечалось, умел внушать не только страх, но и повиновение, уважение, «решипект». Биограф великого князя писал годы спустя в эмиграции: «В мирное время войска его боялись, но вместе с тем и любили. Им импонировал его властный голос, его энергичная манера, его знания и, наконец, живописная фигура. С острым орлиным взглядом в глазах, сидя на шестивершковом огромном коне, великий князь Николай Николаевич производил неописуемое впечатление какого-то таинственного изваяния»³⁶.

О том же годы спустя вспоминал и бывший офицер гвардейской кавалерии, оставшийся жить в СССР:

Великий Князь выглядел на коне весьма эффектно. Несмотря на то что он обладал огромнейшим ростом и чрезмерно длинными ногами, у него была та идеальная, несколько кокетливая «николаевская» посадка кавалериста старой школы, посадка, которая так красила всадника, сливая его с конем в одно нераздельное и гармоничное целое. Одет был Николай Николаевич в китель защитного цвета с золотым генерал-адъютантским аксельбантом и простой походной ременной амуницией. На голове у него была по-кавалерийски заломленная мятая защитного цвета фуражка, на длинных ногах рейтузы с яркими красными лампасами. В то время он был уже в годах, однако все еще выглядел молодо. Его лицо, заканчивающееся книзу небольшой бородкой, было загорелое и неправильное. Оно не было красивым, но надолго врезалось в память, потому что оно не было обыкновенным военным лицом прошлого генерала. Это было совсем особенное лицо очень большого начальника-вождя — властное, строгое, открытое, решительное, но вместе с тем гордое лицо. Взгляд его глаз был пристальный, хитрый, как бы всевидящий и ничего не прощающий. Движения — уверенные и непринужденные, голос резкий, громкий, немного гортанный, привыкший приказывать и выкрикивающий слова с какою-то полупрезрительною небрежностью. Николай Николаевич был гвардеец с ног до головы, гвардеец до мозга костей. И все-таки второго такого в гвардии не было. Несмотря на то что многие офицеры старались копировать его манеры, он был неподражаем. Престиж его в то время был огромен. Все трепетали перед ним, а угодить ему на учениях было нелегко³⁷.

Упоминания о «николаевской» посадке неслучайны. Великий князь намеренно и умело строил свой образ представителя «старого времени», воина бывалого, сурового и благородного, грозного «ры-

царя», верного долгу и своему монарху. Внук Николая I, родившийся вскоре после его смерти, он ориентировался на образцы царствования своего деда. В годы Мировой войны он нередко говорил сослуживцам: «Я родился после смерти Императора Николая Павловича, — и все воспитание мое прошло в традициях того времени, в числе которых одной из главных и едва ли не наиболее существенной являлось повиновение»³⁸.

Повиновение по отношению к императору великий князь не раз демонстративно, картинно и публично подчеркивал (это вовсе не означает, что он во всех ситуациях действительно вел себя совершенно лояльно). Беспрекословного повиновения великий князь Николай Николаевич ждал и от всех своих подчиненных. По одному движению его руки шестьдесят два эскадрона императорской гвардейской кавалерии передвигались по красносельским полям с точностью хорошо отлаженных автоматов. Тысячи вымуштрованных кавалеристов на прекрасных конях, в отличном строю неутомимо скакали в облаках пыли.

Даже известный мемуарист советской поры, весьма критично относившийся к великому князю, писал: «Каким бы самодуром ни был Николай Николаевич, какими бы ничтожествами после потери им своего бесценного сотрудника Палицына он себя ни окружал, все же этот породистый великан был истинно военным человеком, имевшим большой авторитет в глазах офицерства, импонировавшим войскам уже одной своей выправкой и гордой осанкой»³⁹.

Этот образ великого князя Николая Николаевича был запечатлен живописцами. На картине известного художника-баталиста Н.С. Самокиша грозный великий князь изображен верхом, на фоне масс атакующей кавалерии. За ним находится всадник со штандартом командующего.

Такая картина услаждала взгляд многих военных той эпохи, к ней они возвращались вновь и вновь в своих мемуарах. Маневры в Красном Селе, главным действующим лицом которых был великий князь Николай Николаевич, стали своеобразным «местом памяти» старой России, пробуждая ностальгические воспоминания старых офицеров императорской армии. Но в какой мере подобные военные учения готовили войска к современной войне XX века?

Оборотной стороной достоинств великого князя считались его не менее известные, легендарные недостатки: энергия и требовательность сочетались с жестокостью по отношению к подчиненным, а его прямота и искренность граничили с настоящей грубос-

тью. Порой Лукавый (кличка великого князя в гвардии) распекал своих подчиненных, совершенно не стесняясь в выражениях. Современникам запомнился случай, когда старшие офицеры одного из знаменитых гвардейских кавалерийских полков, грубо оскорбленные командующим во время неудачно исполненных маневров, потребовали от великого князя принесения официального извинения. Это требование было удовлетворено⁴⁰.

Передавали, что грозный великий князь в моменты гнева был скор на расправу. Утверждали даже, что псари и егеря, служившие в тульском имении великого князя, побаивались во время охоты не только грубых оскорблений великого князя, но и его арапника⁴¹.

Вспыльчивость, неуравновешенность и грубость великого князя Николая Николаевича его доброжелатели обычно объясняли «ольденбургской кровью», предполагаемой дурной наследственностью по материнской линии, реже упоминалось о том, что эти же качества в меньшей степени отличали порой и его отца.

Особенности характера великого князя повлияли на его оценки современниками, не всегда они были доброжелательными. Но и среди них мнение С.Ю. Витте выделяется крайней жесткостью: «Сказать, чтобы он был умалишенный — нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова — тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здравый в уме — тоже нельзя; он был тронут, как вся порода людей, занимающаяся и верующая в столоверчение и тому подобное шарлатанство. К тому же великий князь по натуре человек довольно ограниченный и малокультурный»⁴².

Великий князь Александр Михайлович в своих уже упоминавшихся выше воспоминаниях отдавал должное некоторым командным качествам своего двоюродного брата, но в то же время он явно не считал его серьезным государственным деятелем. Как все военные, привыкшие иметь дело со строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта⁴³.

Г. Шавельский, протопресвитер военного и морского духовенства в годы войны, утверждал, что резкость, грубость и даже жестокость были присущи великому князю в юности, в зрелые же годы он мог контролировать свои эмоции. С возрастом он преодолел свои отрицательные качества. По мнению Шавельского, особое влияние на изменение его поведения оказала война: «От прежнего грубого, вспыльчивого великого князя не осталось и следа. Он

стал смиренным полководцем. Утром и вечером он смиренно молится, у него завелся точно монастырский чин». Другие современники иначе оценивали особенности его характера. Для настоящего исследования важно, что и в годы Мировой войны многие продолжали верить в то, что суровый Верховный главнокомандующий обладает бешеным нравом, и именно с учетом этой репутации прогнозировались, оценивались и описывались многие его поступки. Так складывалась его репутация. Показательно, что и сам Шавельский до знакомства с великим князем Николаем Николаевичем также оценивал его схожим образом: «Резкий, часто грубый, взбалмошный и неуравновешенный — таким рисовался, по слухам, великий князь»⁴⁴.

При этом сам образ грозного, даже жестокого полководца оценивался нередко общественным мнением положительно. Адмирал А. Бубнов, служивший в Ставке великого князя, с удовлетворением вспоминал: «Все — не исключая министров и высших чинов государства — его побаивались, а нерадивые и неспособные люди его панически боялись»⁴⁵.

Невероятные рассказы о грубости великого князя были частью великосветского фольклора. В эмиграции граф В.В. Адлерберг рассказывал бывшему жандармскому генералу А.И. Спиридовичу, что генерал А.Н. Куропаткин, прибывший после поражений в Маньчжурии в Санкт-Петербург, нанес обязательный официальный визит великому князю. На доклад адъютанта, что приехал Куропаткин, великий князь якобы ответил: «Передай, чтобы убирался к е...й матери! Смотри же, передай точно — к е...й матери!»⁴⁶ Следует отметить, что и Адлерберг, и Спиридович в момент разговора отрицательно относились к великому князю. В данном случае его грубость дополняет общую негативную характеристику великого князя Николая Николаевича. Однако в восприятии некоторых других современников она служит подтверждением его солдатской прямоты, искренности и даже патриотизма.

Шавельский предполагал, что благотворное воздействие на весьма непростой характер великого князя оказала его женитьба. Это мнение, очевидно, было довольно распространено, оно встречается и в других источниках. Сравнительно поздно, в апреле 1907 года Николай Николаевич женился на Анастасии (Стане) Николаевне (1867—1935), дочери черногорского князя (с 1910 года — короля) Николая Негоша. Стана, мать двоих детей, была ранее покинута своим мужем, герцогом Георгием (Юрием) Лейхтенбергским, и в 1906 году развелась с ним⁴⁷.

Сестра великой княгини Анастасии Николаевны Милица была замужем за великим князем Петром Николаевичем, младшим братом Верховного главнокомандующего. Женитьба на дочерях многолетнего черногорского короля роднила братьев Николаевичей с королевскими домами Сербии и Италии. Развод великой княгини Анастасии Николаевны и ее новый брак с членом дома Романовых, своим близким родственником, стали великосветской сенсацией, шокируя некоторых членов императорской семьи. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике 6 ноября 1906 года:

Узнал с ужасом от жены, которая была на гусарском празднике, что Станна Лейхтенбергская разводится с Юрием и выходит замуж за Николашу!!! Разрешение этого брака не может не представиться поблажкой, вызванной близостью Николаши к Государю, а Станы к Государыне; оно нарушает церковное правило, воспрещающее двум братьям жениться на двух сестрах⁴⁸.

Деликатность возникшей ситуации прекрасно осознавал и сам император. Перед тем как дать согласие на этот брак, он специально запросил мнение Св. синода, который не признал эту свадьбу недопустимой, однако рекомендовал при этом, чтобы церемония была скромной и была бы совершена неподалеку от Петербурга (т.е. не в самой столице). Император, который весьма нуждался в это время в поддержке великого князя Николая Николаевича, встретил это постановление с нескрываемой радостью (возможно, действительное отношение царя к предстоящему браку не было тайной и для членов Св. синода, что могло повлиять на их решение). Правда, вдовствующая императрица Мария Федоровна не скрыла от Николая II свое весьма сдержанное отношение к происходящему, она опасалась, что вся эта история может отрицательно сказаться на репутации царя и всей императорской семьи⁴⁹.

Очевидно, эти опасения были чрезмерными. Во всяком случае, обстоятельства брака великого князя Николая Николаевича никак не повлияли на восприятие его образа в годы Первой мировой войны.

Первоначально великие княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна были весьма близки к царице, С.Ю. Витте даже называл их «горничными императрицы». Великий князь Александр Михайлович утверждал, что супруги Николаевичей «имели дурное

влиянис на императрицу. По его мнению суеверныс, простодушныс, легко возбудимые, эти две черногорки представляли собой легкую добычу для всякого рода заезжих авантюристов. Каждый раз, когда они встречали “замечательного” человека, они вели его в императорский дворец, как это было с пресловутым доктором Папусом или же с Григорием Распутиным»⁵⁰. Однако затем отношения императрицы Александры Федоровны с великими княгинями Милицей Николаевной и Анастасией Николаевной изрядно испортились.

Честолюбивые и энергичные черногорки, которых во время войны педолюбливавшая их императрица именовала «черными женщинами», «черными дамами», «черным семейством», немало делали для роста популярности великого князя, недоброжелатели их обвиняли в умелом интриганстве, даже называли «черной угрозой». Однако великие княгини держались так умело, что в народную молву слухи о них не проникали. Имена Станы Николаевны и Милицы Николаевны пока не удалось обнаружить ни в делах по оскорблению членов императорской семьи, ни в слухах, связанных с великим князем Николаем Николаевичем, хотя императрица и, возможно, император придавали немалое значение влиянию «черных женщин» на Верховного главнокомандующего.

Между тем царица рисовала грозного великого князя как человека, находящегося под влиянием «этих женщин»⁵¹. Она даже считала братьев Николаевичей настоящими «подкаблучниками»: «...эти женщины держат своих мужей под башмаком»⁵². Роль главной интриганки императрица Александра Федоровна отводила великой княгине Милице Николаевне, ее она особенно опасалась. Однако большей части российского общественного мнения было трудно, даже невозможно представить, что грозный великий князь может находиться под чьим-то влиянием.

К началу Первой мировой войны политическая элита, придворный мир, армия и особенно гвардия считали великого князя главным, порой единственным кандидатом на пост Верховного главнокомандующего в случае большой войны. Однако значительная часть российского общества сравнительно мало знала о великом князе. Его сотрудник и биограф впоследствии писал: «...до войны Великого князя Николая Николаевича вне придворных политических и военных кругов знали только понаслышке. В обществе ходили разного рода анекдотические рассказы о его служебной требовательности, порывистости, и даже некоторой резкости»⁵³.

М.К. Лемке в 1915 году так описал отношение к великому князю: «До войны отношение к Николаю Николаевичу было двойственное. Армия относилась к нему довольно сдержанно, особенно те части, в которые он в свое время приезжал не в духе, прогонял их с матерною бранью с места смотра и т.п. Но ценили его элементарную честность, знание службы, умение подчиняться долгу, прямоту и серьезное отношение к своим обязанностям, порицая, однако, распушенную крикливость, несдержанность и неумение выслушать объяснение признанного виновным в нарушении порядка службы. Общество в лучшей своей части знало, что великий князь был действительным членом черносотенных организаций и вдохновителем ряда реакционных мер, и этого было вначале достаточно, чтобы отношение к нему создалось совершенно отрицательное»⁵⁴.

Очевидно, образ великого князя до войны не очень интересовал русских крестьян. Косвенно это подтверждается небольшим числом известных нам уголовных дел, связанных с его оскорблениями в начале войны, в следующем же году их число резко возрастает: с 4 в 1914 году до 64 в 1915-м.

Распространенный в свете образ сурового и прямодушного воина, который отрицает фальшивые нормы поведения лицемерного высшего света, отражал некоторые реальные черты личности великого князя.

Не упоминалось, впрочем, о других особенностях характера Николая Николаевича. Так, например, он впал в настоящее отчаяние во время отступления русских армий весной 1915 года. Император писал царице 11 мая: «Бедный Н., рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете (cabin), и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком»⁵⁵.

Свидетельство царя подтверждается и другим источником. И.Г. Шавельский, протопресвитер военного и морского духовенства, с большим почтением относившийся к великому князю, вместе с тем характеризовал его так: «...при больших несчастьях он или впадал в панику или бросался плыть по течению...» Так, Шавельский вспоминал, что, получив известия о неожиданных и страшных поражениях армии летом 1915 года, Верховный главнокомандующий впал в настоящую истерику, и протопресвитеру, имевшему влияние на великого князя, пришлось при личной встрече в вагоне Верховного главнокомандующего даже повысить свой голос, чтобы успокоить великого князя⁵⁶.

Однако общественное мнение страны никак не могло представить себе рыдающего главнокомандующего. И сторонники великого князя Николая Николаевича, и его недоброжелатели изображали волевого, брутального, грозного воина.

В прессе упоминалось о глубокой религиозности великого князя. В иллюстрированных изданиях печатались фотографии, на которых он и чины его штаба были изображены у входа в церковь Ставки. Публиковались и снимки, показывающие внутреннее убранство этой церкви⁵⁷.

Однако редко упоминалось об увлечении великого князя Николая Николаевича оккультизмом и спиритизмом, о его мистицизме, о его фанатичной, «слепой», по выражению Шавельского, религиозности. Чувствуется, что протопресвитер, симпатизировавший великому князю, не полностью одобрял религиозное поведение Верховного главнокомандующего, считал его некоторым отклонением от нормы⁵⁸. Генерал Данилов также осторожно отмечал, что великий князь был воспитан «в религиозно-мистическом экстазе»⁵⁹. Наконец, Витте в своих мемуарах охарактеризовал религиозные взгляды великого князя следующим образом: «Он был одним из главных, если не главнейший, инициаторов того ненормального настроения православного язычества, искания чудесного, на котором, по-видимому, свихнулись в высших сферах (история француза Филиппа, Сормонского, Распутина-Новых; все это фрукты одного и того же дерева)»⁶⁰.

Энергичная супруга великого князя Николая Николаевича, дружившая в свое время с царицей, и ее еще более энергичная сестра познакомили в 1905 году императорскую чету с Распутиным. Затем великая княгиня Милица Николаевна познакомила с Распутиным и Вырубову. Великие княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна издавна были увлечены оккультизмом, находили постоянно различных «ясновидящих», ранее они познакомили царя и царицу с Филиппом. Показательно, что в годы войны это воспоминание подавлялось российским обществом, несмотря на обилие всевозможных слухов о «старпе». Однако эта сторона жизни великого князя вовсе не была тайной. О его мистицизме, о его былых увлечениях Филиппом и Распутиным писал в годы войны британский автор, в целом сочувственно относившийся к российскому Верховному главнокомандующему⁶¹.

Впрочем, супруги Николаевичей, жившие в годы войны в Киеве, порой упоминались в России как покровительницы «сусе-

рий». Нский киевлянин Н. Пальмов писал в мае 1915 года астраханскому протоиерее Н. Г. Пальмову: «Всею завладели у нас монахи. В Кисеве они добрались до дворца великих княгинь, жительствоющих здесь, и собирают усердно “гленные блага” с доверчивых мирян, открывая им “новые святыни” весьма сомнительного свойства. Белое духовенство старательно отодвигается монахами на задний план, ибо оно мешаст распространению суеверий»⁶². В этом письме нашли отражение весьма распространенные в среде белого духовенства антимонашеские настроения. Однако подобное покровительство великих княгинь могло оцениваться немалой частью верующих положительно, к тому же ответственность за распространение суеверий не возлагалась на их супругов.

Наконец, насколько можно судить, довольно редко упоминались различные болезни великого князя Николая Николаевича. Напротив, он воспринимался как физически крепкий, сильный мужчина, могучий воин. Между тем Верховный главнокомандующий, так же как и его брат, великий князь Петр Николаевич, страдал слабостью ног. Поэтому, как вспоминал Г. Шавельский, для них на левом клиресе церкви в Станке даже были устроены два кресла с высокими небольшими сиденьями, чтобы на них, незаметно для публики, можно было присаживаться. Во время ходьбы великий князь порой опирался на трость⁶³.

Верховный главнокомандующий пользовался пенсне⁶⁴. Но, подобно многим другим государственным и политическим деятелям, считающим, что плохое зрение может восприниматься как знак политической близорукости, великий князь тщательно скрывал дефекты своего зрения, не фотографировался в пенсне.

Неудивительно, что о болезнях Верховного главнокомандующего не упоминалось в российской прессе, ибо вопрос о состоянии его здоровья приобретал порой политическое значение. Так, перед подготовкой германского наступления весной 1915 года немецкие спецслужбы намеренно распространяли слухи о болезни великого князя. Общественное мнение союзников было встревожено этими вестями, поэтому министр иностранных дел С. Д. Сазонов направил специальную телеграмму российскому послу во Франции, сообщая ему об отличном здоровье Верховного главнокомандующего⁶⁵.

2. ВОЗЗВАНИЕ К ПОЛЯКАМ И ОБРАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Назначение великого князя Николая Николаевича на должность Верховного главнокомандующего моментально повысило его статус в символической репрезентации царской семьи. В ряде случаев его портреты публиковались сразу же вслед за портретами императора. В номере же журнала «Огонек», посвященном объявлению войны, на первой странице был напечатан портрет царя, а на второй — портреты императрицы Александры Федоровны, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, наследника Алексея Николаевича и великого князя Николая Николаевича (в гусарской форме)⁶⁶. Таким образом, читателю предлагалась определенная иерархия членов императорской семьи, в которой великому князю отводилось почетное пятое место.

Но в общественном сознании Верховный главнокомандующий вскоре стал восприниматься как второй по значению человек в царской большой семье. Этому способствовало и то обстоятельство, что для поднятия авторитета великого князя в церковных службах была установлена для него особая молитва⁶⁷. Во время приема императором Государственной думы и Государственного совета в Зимнем дворце царь вышел вместе с Верховным главнокомандующим, это также указывало на его особое положение.

В зарубежных изданиях влиянию великого князя Николая Николаевича приписывали даже запрет продажи водки: «Одно слово великого князя — и чудо свершилось»⁶⁸. Однако, похоже, в русском общественном мнении эта версия не была особенно распространена. Хотя недовольство данной мерой было нередко поводом для оскорбления членов императорской семьи, соответствующие претензии обычно предъявлялись лишь царю.

На восприятие же великого князя Николая Николаевича немалое воздействие оказал один важный документ, связанный с его именем.

1 августа было им подписано, а на следующий день опубликовано воззвание Верховного главнокомандующего, адресованное полякам. Оно живо обсуждалось не только в западных и юго-западных губерниях Российской империи, но и по всей стране:

Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться. Полтора века тому назад живое тело Польши было растер-

зано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. ...

Иначе говоря, воззвание, адресованное всем полякам, т.е. как российским, так и немским и австрийским подданным, обещало, что польские территории Австро-Венгрии и Германии войдут в состав Российской империи, а объединенной таким образом Польше будет даровано некое самоуправление. Формы и масштабы этого самоуправления точно не определялись. Не обозначались и границы этого предполагаемого польского государственного образования в пределах Российской империи.

Одновременно Главное управление Генерального штаба указывало по распоряжению Верховного главнокомандующего всем российским военноположенным: «Поляки, как на русской территории, так и в пределах Германии и Австро-Венгрии, доказавшие свою лояльность, будут находиться под особым покровительством нашей армии и правительства»⁶⁹. Иначе говоря, и поляки, жители враждебных государств рассматривались как потенциальные подданные российского императора.

Некоторое представление о возможных границах «возрожденной Польши» давало новое обращение Верховного главнокомандующего, на этот раз обращение к русскому народу, датированное 5 августа. Оно, в частности, гласило:

Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросит его, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России.

Да свершится промысел Божий, благословивший дело великих собирателей земли русской.

Да поможет Господь Царственному Своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу Всея России завершить дело великого князя Ивана Калиты⁷⁰.

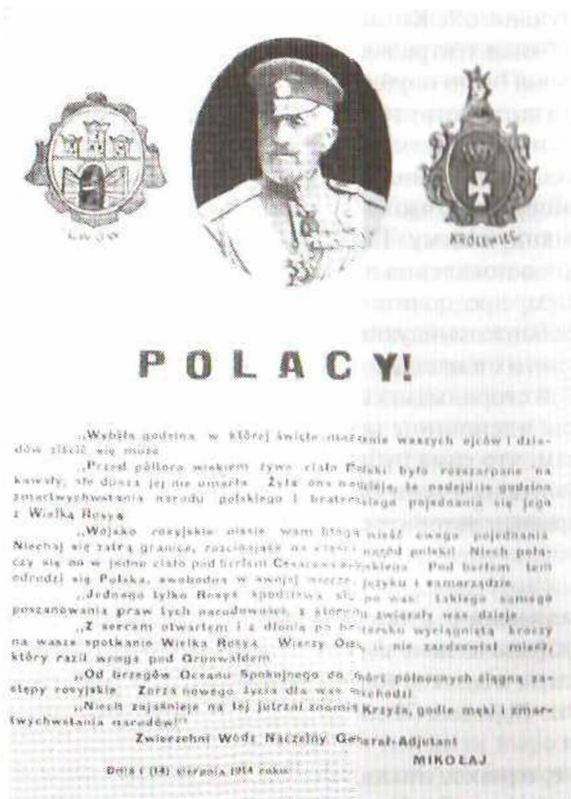
Обращение, именовавшееся в прессе обращением к «зарубежной Руси», т.о. предполагало, что «русские» территории, т.е. земли, населенные преимущественно украинцами и русинами, будут непосредственно включены в состав империи, а не войдут в состав польской ее части, наделявшейся особыми правами в соответствии с предьлущим воззванием великого князя к полякам.

Затем, после занятия русскими войсками Львова, от имени Верховного главнокомандующего было опубликовано и обращение, адресованное народам Австро-Венгрии. В нем утверждалось, что русская армия несет свободу и осуществление «всех народных вожелений» народам двуединой монархии.

Публикация подобных важнейших государственных документов, подписанных великим князем, значительно повышала политический статус Верховного главнокомандующего. Немало хорошо информированных современников даже ошибочно полагало, что воззвание к полякам было делом личной инициативы великого князя Николая Николаевича, при этом одни оценивали этот поступок положительно, а другие — отрицательно, что сказывалось на отношении русского общественного мнения к Верховному главнокомандующему. Так, княгиня Шаховская писала В.А. Евреину-ву 18 августа 1914 года: «Обращение Великого Князя чревато великими событиями в будущем. Интересно бы знать, согласовано ли оно с общим планом будущих действий правительства, или представляет блестящий экспромт вроде фейерверка...»⁷¹ Очевидно, княгиня, скептически относившаяся к содержанию обращения, допускала возможность того, что этот важный документ был подписан Верховным главнокомандующим без согласования его с другими органами власти.

И другие современники полагали, что решение о выпуске воззвания было навязано императору. Великий князь Николай Михайлович записал в начале августа 1914 года: «Прочел удивительный манифест к полякам, а скорее воззвание, за подписью вел. Кн. Николая Николаевича, а не государя, что меня озадачило, потому что вряд ли обещанное — чистосердечно, а, вероятно, исторгнуто у царя насильно, иначе он сам подписал бы такого рода документ. Поляки пока в диком восторге. Удивляюсь их наивности»⁷².

В числе противников воззвания были и влиятельные государственные деятели. Так, консервативно настроенный министр внутренних дел Н.А. Маклаков открыто критиковал обращение великого князя к полякам⁷³. Он и другие министры, придерживавшиеся

Илл. 32. Открытка времён Первой мировой войны (1914)

правых взглядов, пытались оказать на императора воздействие, указывая на опасность воззвания Верховного главнокомандующего⁷⁴.

В действительности, хотя великий князь с санкции императора играл известную роль в разработке документа, однако главная работа была проделана Министерством иностранных дел, глава которого, С.Д. Сазонов, был последовательным сторонником объединения Польши под протекторатом России. Документ предварительно обсуждался в Совете министров и затем получил высочайшее одобрение. Однако некоторые министры убедили императора, что поляки Познани и Галиции ещё находятся под германским и австрийским владычеством, поэтому прямое обращение к ним от имени императора будет пока ещё преждевременным. Решено было издать уже одобренное царем воззвание от имени Верховного глав-

нокомандующего⁷⁵. Когда великий князь, находившийся уже в Польше, вблизи театра военных действий, узнал, что воззвание в конце концов было опубликовано с его подписью, то он, по словам его близкого сотрудника, даже удивился⁷⁶.

Но можно предположить, что некоторые принципиальные противники возвания к полякам предпочитали адресовать свою критику не императору, что было заведомо бесполезно, а Верховному главнокомандующему. Так, Н.А.Маклаков, разумеется, хорошо знал историю появления документа, но он не мог прямо осуждать царя, а поему предпочитал приписывать авторство документа Верховному главнокомандующему, чтобы со временем добиться отмены оглашенных в возвании инициатив.

С другой стороны, некоторые люди монархических убеждений, не возражая в принципе против содержания манифеста, полагали вместе с тем, что сама публикация столь важного для судеб империи документа от имени Верховного главнокомандующего объективно подрывает авторитет императора. Генерал Спиридович вспоминал:

Объявленный 3-го августа манифест к полякам поднял большие разговоры. Было не понятно, почему такой важный акт издан не от имени Государя, а Великим Князем. Многие видели в этом умаление царской власти. Порицали Сазонова⁷⁷.

В итоге, однако, сложилась такая ситуация, когда именно великий князь Николай Николаевич стал олицетворять новую русскую политику в польском вопросе. Неудивительно, что поляки, бывшие подданными Российской империи, все чаще упоминали Верховного главнокомандующего, оценивая, впрочем, его обращение также по-разному.

Часть польского общества с энтузиазмом встретила обращение великого князя.

В Варшаве несколько польских партий и общественных организаций — Национальные демократы, Польская прогрессивная партия, Партия реальной политики, Польское прогрессивное объединение — направили великому князю телеграммы со словами благодарности⁷⁸.

В Лодзи прошла манифестация, в которой приняли участие 20 тысяч человек. Участники, выражая верноподданническое отношение к российскому императору, пели польские патриотические

песни. В Архангельске, Вятке и других городах империи прошли манифестации местных поляков по случаю воззвания великого князя, провозглашались здравия императору. Помещик Подольской губернии граф Собанский послал великому князю благодарственную телеграмму, он призывал Божье благословение на великого князя и просил принять 100 тысяч рублей на нужды раненых. Другие польские землевладельцы благодарили Верховного главнокомандующего не только за его обращение, но и за приказ, защищающий их собственность. Эти свидетельства лояльности российских поляков радостно регистрировала русская пресса. «Новое время», например, с чрезмерным оптимизмом сообщало, что в Киеве воззвание главнокомандующего «произвело огромное впечатление, одинаково благоприятное как среди поляков, так и среди русских», а в Варшаве происходят патриотические манифестации. поляки братаются с русскими⁷⁹.

Частная переписка, просматриваемая цензорами, дает представление об отношении некоторых польских и русских подданных Николая II к обращению Верховного главнокомандующего и в связи с этим — к личности великого князя Николая Николаевича.

В ноябре 1914 года некий русский житель Варшавы сообщал в частном письме: «Варшавяне заняты исключительно устройством будущего “крулевства”. Об этом говорят всюду и везде. Самый популярный человек у них Великий Князь Николай Николаевич»⁸⁰.

Некоторые поляки даже в личных письмах выражали свои чувства, используя официальный язык лояльных верноподданных Российской империи. Житель Ковенской губернии писал 12 августа 1914 года члену Государственной думы Н.Н. Покровскому: «Не умею тебе выразить, какое громадное впечатление и чувство глубокой радости вызвало у всех нас и особенно у меня чудное воззвание августейшего Верховного Главнокомандующего, хотя оно безусловно нас, литовских поляков, непосредственно не касается, но все же несет светлое будущее нашим единопольным братьям, несет благовест окончательного прочного примирения двух братских народов, разделенных в значительной степени происками немцев»⁸¹.

В некоторых же случаях поляки, употребляя язык патриотической мобилизации, использовали воззвание великого князя и германофобию военного времени вполне прагматично, пытаясь добиться принятия выгодных для них конкретных решений. Так, житель Петрограда А.Ф. Здырский, узнав о распоряжении адми-

нистрации Варшавского учебного округа, запрещающем преподавание истории и географии на польском языке, направил 28 октября 1914 года письмо попечителю округа Г.В. Левицкому. С недоумением, искренним или наигранным, он заявлял о том, что подобное решение выгодно только «врагам славянства», и «объяснял» его «немецким влиянием и немецким происхождением» товарища министра просвещения. «Со слезами на глазах» он просил отмены злополучного распоряжения «в виду исторического воззвания Верховного Главнокомандующего и наступающей новой эры сердечного сближения...»⁸². Показательно, что автор письма пытался преодолеть традиционную и давнюю полонофобию русской бюрократии с помощью модной и патриотичной германофобии военного времени. Великий князь, известный противник немцев, использовался в данном случае как важный символический союзник поляков для достижения определенных целей.

Какая-то часть польского общественного мнения полагала, что именно Верховный главнокомандующий возглавит в будущем новое территориальное польское образование, у некоторых поляков, похоже, это вызывало положительную реакцию. Доцент Варшавского ветеринарного института В.Ф. Евтихсв писал в апреле 1915 года, подтверждая некоторые заявления российской прессы: «Отношение к русским радикально изменилось: лучше русских-братьев теперь никого нет. Громадной популярностью пользуется Великий Князь Николай Николаевич. Его Поляки прочат себе в наместники»⁸³.

Довольно скоро появились даже слухи о том, что великая княгиня Анастасия Николаевна, честолюбивая жена великого князя Николая Николаевича, мечтает о том, чтобы ее муж стал в будущем монархом Галиции. Об известной распространенности подобного слуха свидетельствует тот факт, что обеспокоенный Распутин ранней осенью 1914 года сообщил о нем императрице. Царица Александра Федоровна, которая несма не любила великого князя, а еще менее — его энергичную супругу, в свою очередь, сразу же проинформировала об этом Николая II в письме от 20 сентября⁸⁴.

Возможно, слухи о претензиях великого князя на польскую (или галицийскую) корону были связаны с тем, что в некоторых правительственных кругах он рассматривался в качестве кандидата на должность наместника императора в Польше после окончания военных действий. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов писал начальнику штаба Верховного главнокомандующего

генералу Н.Н. Янушкевичу 2 марта 1915 года: «Приходится теперь уже наметить для Кавказа и Царства Польского будущих заместников. ... Что же касается Царства Польского, то если бы только согласился великий князь Николай Николаевич — это было бы бесспорно лучшим решением»⁸⁵. Можно предположить, что военный министр, поднимая этот вопрос, либо пытался таким образом преодолеть плохое отношение к нему со стороны великого князя, либо производил политическое зондирование, желая получить важную информацию, которую он мог бы использовать в своих целях против Верховного главнокомандующего — своего давнего недоброжелателя (интересно, что в письме упоминается и должность царского наместника на Кавказе, которую великий князь затем и занял).

Однако, если верить Янушкевичу, великий князь Николай Николаевич неоднократно категорически отвергал этот высокий пост. Он утверждал, что желает как можно скорее вернуться к частной жизни в своем любимом имении. В ответном письме Сухомялинову Янушкевич сообщал: «В[еликий] к[нязь] говорил не раз мне и при мне другим, что его заветная мечта после войны получить право не возвращаться ни к какой должности и проживать 3/4 года в Першине — Тульской губернии»⁸⁶.

Но даже если начальник штаба Верховного главнокомандующего точно передавал его слова, был ли совершенно искренним великий князь? Возможно, он отвергал примирительный жест военного министра, желавшего восстановить отношения с могущественным Верховным главнокомандующим. Еще более вероятно, что великий князь Николай Николаевич не хотел возбуждать никаких сомнений у императора по поводу своих честолюбивых планов относительно организации власти после войны, если даже они у него действительно существовали.

Если какая-то часть российских поляков готова была видеть в великом князе своего будущего короля, то многие относились к воззванию гораздо более осторожно, а то и попросту отрицательно. О скептическом отношении ряда поляков к воззванию сообщали и русские жители Варшавы. Один из них писал в ноябре 1914 года: «Вчера зашел ко мне пан Вольский. Из его слов видно, что польское общество плохо настроено, не верит общаниям Верховного Главнокомандующего»⁸⁷.

Некоторые польские политические группы резко критиковали обращение. Еще более негативным было отношение к воззванию поляков Австро-Венгрии и Германии, которые вели себя лояльно

по отношению к своим правительствам. В Галиции добровольческие сокольские отряды, состоящие из молодых поляков, сражались против русской армии, прибегая порой к тактике партизанской войны. Великий князь Николай Николаевич даже выпустил 11 ноября 1914 года специальное объявление, он приказал не считать сокольские организации воюющей стороной, предупреждая, что с захваченными соколами будут поступать «по всей строгости закона». Представители польской политической элиты Варшавы были весьма обеспокоены сложившейся ситуацией, они именовали членов польской военной организации в Галиции «бессознательными защитниками германизма, врагами польского дела и всего славянства». Обращение, подписанное графом Велепольским и другими видными общественными деятелями, было немедленно послано великому князю и растиражировано русской прессой⁸⁸.

Ю.Н. Данилов, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего и биограф великого князя, отмечал: «Воззвание не произвело ожидавшегося впечатления среди поляков»⁸⁹. Такое суждение представляется все же чрезмерно категоричным. Хотя немецкие и австрийские газеты упорно сообщали о назревании революции в польских губерниях Российской империи, население края вело себя достаточно лояльно по отношению к России, это настроение проявилось прежде всего во время мобилизации, успешно проведенной в этом крае. Польские солдаты вливались в русские полки и проявили должные боевые качества. Император даже направил телеграмму варшавскому генерал-губернатору, в которой он выражал благодарность населению Царства Польского за патриотизм, проявленный в начале войны⁹⁰. Некоторые наблюдатели и исследователи прямо связывали это настроение польского общества с возванием Верховного главнокомандующего.

Действительный и преувеличенный русскими газетами и журналами патриотизм российских поляков использовался для общеимперской патриотической мобилизации. Русская печать сообщала о героизме польских солдат русской армии, о самоотверженности прекрасных польских сестер милосердия и, наконец, о мужестве польских партизан, сражающихся с немцами по собственной инициативе. В прессе печатались живописные фотографии польских крестьян в национальной одежде, вооруженных косами, для нужд войны использовалась даже память о «косиньерах», боровшихся в свое время с русскими войсками во время национальных восстаний⁹¹.

Косвенным свидетельством эффективности обращения Верховного главнокомандующего к полякам стали всевозможные слухи об этом документе. Уже осенью 1914 года генерал-губернатор Галиции гр. Г.А. Бобринский даже счел нужным на них отреагировать, опубликовав следующее обращение: «Мною получены сведения, что австрийцы в Галиции распространяют усиленные слухи о том, что Верховным главнокомандующим, будто бы, взяты обратно обещания, выраженные в воззвании к полякам, в виду того, что последние сражаются в польском легионе против России. Для подтверждения этого злонамеренные лица распространяют фальшивые манифесты великого князя. Я уполномочен заявить, что слухи о перемене, происшедшей, будто бы, в воззрениях верховного главнокомандующего на дальнейшую судьбу Польши, не имеют под собою никакого основания и распространяются австрийцами и германцами с явною целью — внести известную рознь в среду славян, объединившихся против своего исконного врага»⁹². Борьба за польское общественное мнение продолжалась.

Другим косвенным, но весьма убедительным свидетельством популярности Верховного главнокомандующего среди части польского общества служит также выпуск почтовых открыток с изображением великого князя Николая Николаевича с надписями и текстом манифеста на польском языке. На некоторых открытках портрет великого князя был помещен среди гербов польских городов, как находившихся в составе Российской империи, так и тех германских и австрийских городов, которые должны были войти в состав «воссоединенной Польши» в соответствии с обращением Верховного главнокомандующего. На других открытках наряду с портретом великого князя помещалась репродукция известной батальной картины Я. Матейко (1878), изображающей Грюнвальдскую битву. Очевидно, эти открытки были рассчитаны на польского потребителя, которому напоминалось о давней победе «славянства» над «германизмом». Выпускались они частными издательствами, парижскими, петроградскими, варшавскими и виленскими, которые, надо полагать, надеялись на коммерческий успех⁹³. Очевидно, что они были предназначены польским покупателям. На одной из таких открыток были даже напечатаны ноты польского национального гимна⁹⁴.

Об одной почтовой карточке, выпущенной на польской территории, писал в апреле 1915 года из Варшавы М.В. Шильдер, служивший в управлении Главноуполномоченного Российского обще-

ства Красного Креста Северо-Западного района: «В книжных и бумажных лавках теперь продаются разные открытки с аллегорическими изображениями возрождающейся Польши и с ее национальным флагом — бело-малиновым. Польша изображена на них в виде воина, сражающегося с одноглавым прусским орлом, а вдали встает солнце с датой воззвания Верховного. Есть также изображения польского герба — белого орла, но есть и более рискованные комбинации, а именно: соединения на одном щите белого орла, всадника и архангела, т.е. гербов Польши, Литвы и Киевского Великого Княжества»⁹⁵.

Иначе говоря, даже сторонники воссоздания Великой Польши, предполагавшие включить в состав нового территориального образования некоторые земли, принадлежащие ныне Литве, Белоруссии и Украине, использовали в целях политической мобилизации своих сторонников воззвание великого князя Николая Николаевича.

Но, как уже отмечалось, и известная часть русского общества настороженно, а порой и отрицательно относилась к обращению, считая содержащиеся в нем «уступки» польскому обществу чрезмерными и даже опасными. Так, киевский профессор классик Ю.А. Кулаковский писал академику филологу А.И. Соболевскому в мае 1915 года, что «смелые» обещания полякам были «неосмотрительно» возглашены великим князем⁹⁶. Показательно, что и в данном случае важный государственный акт приписывается непродуманной инициативе Верховного главнокомандующего.

Полобные опасения высказывал в ноябре 1914 года и некий русский житель Благовещенска: «Каково настроение в Варшаве? Аппетиты поляков в Благовещенске под влиянием воззвания Николая Николаевича, очень велики и простираются “от можа до можа”»⁹⁷. (То есть «от моря до моря». Можно предположить, что благовещенские поляки с чрезмерным энтузиазмом встретили воззвание великого князя, воспринимая его как обещание воссоздать независимую Великую Польшу.)

С другой стороны, часть русских патриотов готова была начать новую страницу в непростой истории взаимных отношений двух народов. Эту позицию разделяли и некоторые люди, которым по своей должности следовало хорошо знать настроения поляков. В.И. Смирницкий, жандармский офицер, служивший в это время в Варшаве, высоко оценивал патриотический подъем польского общества и его помощь русским властям и войскам. В ноябре 1914 года

он писал С.А. Червинскому, товарищу обер-прокурора Св. синода: «Эта нация действительно заслуживает ту награду, которую обещал Верховный Главнокомандующий»⁹⁸.

Как представлял себе автор письма эту награду? На отношение к документу и к личности великого князя влияло и то обстоятельство, что воззвание было намеренно составлено в весьма неопределенных выражениях, которые не связывали бы власти империи какими-то конкретными обязательствами. Это, однако, открывало возможность для самых разнообразных интерпретаций текста. Так, многие «прочитывали» воззвание как обещание Польше «самостоятельности», восстановления особого королевства, предоставления автономии, что, разумеется, никак не соответствовало замыслам русского правительства, желавшего сохранить территориальное единство империи⁹⁹.

Впрочем, образ великого князя — военачальника вскоре стал доминирующим образом, привлекающим наибольшее внимание, значение обращения к полякам в его общественной презентации отошло на второй план. Но и при оценке военной деятельности Верховного главнокомандующего русским обществом именно оборона польских губерний империи, особенно Варшавы, приобретала важное символическое значение.

В частном письме из Варшавы в Москву, датированном январем 1915 года, сообщалось: «Военные уверяют, что Варшава теперь неприступна. Недавно был на позициях Великий Князь и сказал: «Умрите все, но дальше не пустите»¹⁰⁰. Слух о посещении Верховным главнокомандующим позиций не соответствовал действительности. Однако защита исторического центра Польши великий князь Николай Николаевич придавал особое значение, а от польского общества он за это ждал особой благодарности.

Житель Варшавы писал в октябре 1914 года: «Я верил не в перемену курса среди мелких чиновников, но был уверен, что Великий Князь действительно благожелателен к нам. Между тем Он не хотел принять польскую депутацию, жаждавшую поблагодарить Его за защиту Варшавы, так как полагал, что поляки выказали слишком мало радости: не иллюминировали города, не вывесили флагов. Но мы ведь пальцем шелохнуть без полиции не можем. <...> Среди населения чрезвычайное воодушевление, прямо энтузиазм по отношению к войску. Так забывать прежние обиды могут только поляки»¹⁰¹.

Представители варшавского общества поспешили развеять неудовольствие всесильного Верховного главнокомандующего. В письме современника это излагалось так: «Верховный Главнокомандующий, говорят, не доволен, что Варшава не поблагодарила его за оборону. ... Узнав о неудовольствии великого Князя, Поляки выслали депутацию, которая вручила ему золотую саблю и от имени жителей Варшавы благодарила его за оборону, на что великий князь ответил, что это заслуга не его, а непобедимой русской армии»¹⁰².

Отставка в июле 1916 года министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который выступал за унию России и Польши, усилила позиции консервативных государственных деятелей, которые открыто выступали вообще против изменения правового положения польских провинций Российской империи. В этих условиях манифест великого князя Николая Николаевича все чаще однозначно воспринимался как либеральный акт, а сам он становился в глазах части общественного мнения олицетворением прогрессивных реформаторских преобразований.

Образы Польши и Варшавы, как увидим, и в других отношениях были важны для описаний великого князя Николая Николаевича.

3. ПАТРИОТ И GERMAHOFOB

Важным элементом презентации Верховного главнокомандующего был образ воинственного русского патриота и ненавистника немцев. В российском общественном сознании великий князь воспринимался как чуть ли не единственный видный государственный деятель, последовательно противостоящий могущественной придворной «немецкой партии», которая якобы стремится заключить сепаратный мир. Показательно, что точно так же, только со знаком «минус», оценивала позицию великого князя и пресса враждебных России стран. Уже после удаления его с поста Верховного главнокомандующего немецкая газета писала: «Великий князь Николай Николаевич был убежденным панславистом и ярким ненавистником немцев»¹⁰³.

Репутацию ненавистника немцев и Германии великий князь Николай Николаевич, потомок принцев Ольденбургских, состоявший в родстве со многими немецкими княжескими родами, наме-

ренно создавал и картинно демонстрировал еще до начала Первой мировой войны.

Предполагалось, что именно он в 1912 году будет возглавлять делегацию русской армии на закладке грандиозного памятника в честь «битвы народов» под Лейпцигом. Но вследствие демонстративной антипатии великого князя к германской армии он остался в России, а делегацию возглавил военный министр генерал В. Сухомлинов¹⁰⁴.

Напротив, великий князь Николай Николаевич в том же году посетил союзную Францию, наблюдая большие военные маневры французских войск, происходившие вблизи границы с Германией. Утверждали, что он демонстративно близко подошел к государственной границе, что могло быть воспринято как символическая поддержка французского воинственного реваншизма. Передавали, что весьма недипломатические антинемецкие тосты, произносимые великим князем на торжественных приемах, лишь усилили подобное впечатление. Неудивительно, что этот визит был негативно воспринят в Германии, о чем и было сообщено российскому Министерству иностранных дел, а затем и лично императору Николаю II¹⁰⁵.

Рассказывали, что еще более яркую профранцузскую и антигерманскую демонстрацию устроила во время этого визита энергичная и изобретательная супруга великого князя — великая княгиня Анастасия Николаевна. Она картинно встала на колени у ног французского пограничника, протянула руку на германскую сторону и, захватив горсть эльзасской земли, «французской земли, захваченной врагом», стала ее целовать. Этот эпизод, связанный с символическим нарушением государственной границы, привлек, разумеется, благожелательное внимание французской прессы¹⁰⁶.

В немецкой и австрийской пропаганде военного времени предприимчивые черногорки, супруги великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича, постоянно описывались как главные «поджигательницы войны», для подтверждения этого тезиса в изданиях противников России печаталась личная корреспонденция великих княгинь, извлеченная из сербских и черногорских государственных архивов, захваченных в ходе военных действий австро-венгерскими войсками. В декабре 1915 года в будапештской немецкоязычной газете «Пештер Ллойд» была опубликована статья «Милица и Стана». Автор так изображал подготовку войны: «Под влиянием Станы и Милицы возникла великокняжеская партия, во

главе которой стал Николай Николаевич. Эта партия все время побуждала к объявлению войны Австро-Венгрии и Германии. 25 лет энергично и неустанно работала великокняжеская партия, скрываясь за кулисами политической жизни, над созданием общеввропейской войны. Вся Европа чувствовала деятельность этой партии, хотя и не догадывалась о ее существовании. Великому князю Николаю Николаевичу, мужу черногорской принцессы Станы, удалось осуществить свою волю и стать во главе русской армии. ... Пользуясь бесспорной красотой черногорских принцесс, Негоши и Карагеоргиевичи сделали карьеру, создали при петроградском дворе свою могущественную партию, непрерывным образом сплестили между собой интересы Белграда, Петрограда и Цетинье. Сербско-черногорским принцессам, которых герцог Лейхтенбергский шутливо прозвал "черногорскими пауками", удалось в течение долгих лет ценой неимоверных усилий опутать, точно паутиной, многих. Эти пауки довели в 1914 году дело до ужаснейшей войны, надеясь при помощи ее достигнуть высших степеней славы и могущества»¹⁰⁷.

Подобные характеристики австрийской и немецкой прессы свидетельствовали об отношении общественного мнения враждебных России стран к великому князю и его семье. Вряд ли эта репутация была полностью заслуженна, пропаганда военного времени фантастически преувеличивала действительное влияние энергичных великих княгинь-черногорок. Однако для российских патриотов подобные суждения врагов могли быть лишь дополнительным и убедительным доказательством последовательной анти-немецкой позиции, занимавшейся великим князем и его семьей.

Эту репутацию он стремился постоянно полтвверждать. В июле 1914 года, после назначения на пост Верховного главнокомандующего, великий князь Николай Николаевич сразу же демонстративно приказал снять все немецкие ордена со своих мундиров и сжечь форму прусского гусарского полка, шефом которого он состоял¹⁰⁸.

Уже осенью 1914 года в российской столице появились тревожные слухи о планах заключения сепаратного мира с Германией. Главным же препятствием на пути этих коварных стремлений влиятельных пронемецких сил считался патриотически настроенный великий князь.

Петроградский городской голова И.И. Толстой записал 22 сентября в своем дневнике:

В городе распространена характерная слухи или, вернее, басня, которой, однако, верят: будто гроссгерцог Гессенский прислал своей сестре, императрице Александре Федоровне, письмо, в котором умоляет ее повлиять на государя в смысле заключения скорейшего мира, причем указывает, что в случае неминуемого полного разгрома Германской империи в Германии последует общая революция и замена монархической формы правления демократической республикой. Такой переворот, по убеждению гроссгерцога, поведет в скорейшем времени к революции в России и к изгнанию или свержению династии. Это письмо произвело, будто, сильное впечатление в Царском, и государем был запрошен великий князь Николай Николаевич. Последний (приехав на один день из армии в Петроград) ответил, по одной версии, что он лично согласен был бы на немедленное заключение мира, но не позволяет этого войска; по другой версии — что если государь решится заключить немедленно мир, то что ему следует приготовиться к немедленному переселению из России, но что и при победоносном окончании войны ему все же следует подумать о даровании широких реформ, не ожидая, чтобы их потребовали как народ, так и армия. Взоркость слуха для меня очевидна, но думается, что самое возникновение его симптоматично¹⁰⁹.

Невероятные слухи такого рода продолжали циркулировать и в последующее время. А. Арапова писала из Петрограда 22 октября: «...были разные попытки склонить уже теперь Государя на мир, но Великий Князь и слышать не хочет не довести дело до полного разгрома врага, находя, что подобный исход может довести страну до революции». И в этом и в других описаниях патриотизм великого князя и его стремление разгромить Германию противопоставляются позиции российского императора, которая изображается в лучшем случае как недостаточно последовательная, а то и как откровенно пронемецкая. Через месяц студент Киевской духовной академии писал своему отцу: «Николай II правда ездил в Ст[авку], чтобы начать переговоры о мире, но был остановлен Николаем Николаевичем ввиду несвоевременности такого шага»¹¹⁰.

Даже немецкая пресса уловила это противопоставление Ставки Верховного главнокомандующего и императорской резиденции, в 1915 году германская газета писала: «... в России говорили, что двор — в Петрограде, а Россия — в главной квартире великого князя»¹¹¹.

Верховный главнокомандующий в описаниях русских патриотов разных политических взглядов предстает как доблестный рус-

ский витязь, ведущий неравный бой не только с могучим внешним врагом, но и с коварным «внутренним немцем».

Житель Ярославля писал в феврале 1915 года в редакцию газеты «Русское слово»: «У истинных российских граждан, обывателей, солдат самоотверженности, патриотизма, героизма — хоть отбавляй, но все это парализуется немецким засильем, его шпионством, изменой, и все жертвы, материальные и человеческие, приводятся к 0, несмотря на сверхчеловеческие усилия Верховного Главнокомандующего»¹¹².

Великий князь рассматривался как борец с влиятельной, чуть ли не всемогущей «немецкой партией» в столице. Об этом в марте 1915 года писал из Петрограда граф А. Коновицын: «Упаси Боже, чтобы этого [перемирия. — *Б.К.*] не случилось и чтобы так называемая немецкая партия, существующая и орудующая в этом направлении в Петрограде, этого не добилась. Благодаря железной воле и твердости характера нашего Верховного Главнокомандующего теперь, пока, все идет единодушно и спокойно, но после войны заварится еще большая каша, и трудно еще сказать, какое все это примет направление, какой оборот»¹¹³.

Термин «немецкая партия» мог расшифровываться по-разному, но часто он обозначал влиятельные прогерманские силы при русском дворе. Лаборант Варшавского политехнического института еще 25 ноября 1914 года писал своей корреспондентке: «А тут еще всякие придворные немцы стараются гадить, где только могут. Бедному Николаю Николаевичу приходится теперь вести войну на все фронты. Не будь Его — давно бы все было проиграно. <...> Берегите хорошенько нашего Главнокомандующего, которого немцы боятся пуще огня, и не пожалеют ни яда, ни бомб, ни денег, чтобы устранить Его с дороги. На это ведь они мастера»¹¹⁴.

Тема покушений на жизнь великого князя получила, как увидим, в 1914—1915 годах дальнейшее развитие.

Важнейшей заслугой грозного Верховного главнокомандующего в глазах многих патриотов считалась решительная «чистка» командного состава русской армии от немцев. Житель Нежина Я. Тхоржевский в январе 1915 года писал своему родственнику, находившемуся в рядах действующей армии: «Слышно, что Николай Николаевич “повыпирал” всех Немцев из армии, начиная с офицеров и кончая Ренненкампом, за что, конечно, сердечное спасибо скажет Ему русский народ»¹¹⁵.

Такие настроения были распространены и в войсках. Некий военнослужащий, находившийся на фронте, в своем письме от 20 июня 1915 года также особенно выделял борьбу великого князя с «внутренним немцем»:

Мы терпим больше неудач потому только, что у нас много изменников в лице разных фонов и баронов. Надо стряхнуть с себя проклятое немецкое порабощение. ...Жаль, что у нас внутри государства нет такого верховного главнокомандующего, как у нас Николай Николаевич. Без него с немцами бороться, пожалуй, невозможно. Немцы чувствуют его стальной кулак и жмутся от него, как придавленные крестом чертенята¹¹⁶.

В какой степени пресловутое «немцеедство» великого князя соответствовало его истинным убеждениям? До каких пределов германофобии он лично хотел пойти? Чем объяснялись перестановки в командовании? Можно с уверенностью предположить, что в ряде случаев и сам Верховный главнокомандующий принимал соответствующие решения не по собственной инициативе, а под влиянием и даже давлением общественного мнения. Начальник его штаба генерал Н.Н. Янушкевич писал в марте 1915 года военному министру генералу В.А. Сухомлинову: «Масса жалоб, нареканий и т.д. на то, что немцы (Ренненк[ампф], Шейдеман, Сиверс, Эбергард и т.д.) — изменники и что немцам дают ход, а равно и настроение по письмам военной цензуры убедили, что назначение П.А. П[левсе] при некоторой крупнице его режима и настойчивости проводить операции даже с жертвами побудило в.к. отказаться от первоначальной мысли от назначения П.А. и остановиться на человеке с русской фамилией»¹¹⁷. Действительно, назначение боевого генерала П.А. Плевсе на пост главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта в это время не состоялось, должность занял генерал М.В. Алексеев. Уже после смещения великого князя с поста Верховного главнокомандующего генерал Плевсе короткое время командовал войсками Северного фронта. Очевидно, император меньше считался с антинемецкими настроениями, распространявшимися в русском обществе, руководствуясь прежде всего профессиональными качествами военачальников, а не их фамилиями. Но в какой степени подобное назначение было политически оправданно в условиях нараставшей германофобии?

Косвенным свидетельством популярности Верховного главнокомандующего в русской патриотической среде и одновременно

особенно враждебного отношения к нему со стороны противника служат факты привлечения за оскорбление великого князя нескольких подданных враждебных держав, оказавшихся после начала войны в России (об этом см. ниже). Очевидно, для многих немцев и австрийцев именно великий князь Николай Николаевич олицетворял военные усилия противника. Можно также предположить, что русские доносчики-патриоты отождествляли себя с популярным военачальником и были особенно возмущены оскорблениями чужестранцев в его адрес.

И летом 1915 года именно великий князь воспринимался как главное препятствие на пути антипатриотических прогерманских сил, якобы готовых спешно заключить позорный мир с жестоким врагом. Командующий 1-й армией сообщал в частном письме:

До нас доходят слухи, что в Питере настроение тоскливое, и мои, попадающие туда, бегут через день-два назад, но, кажется, уже Питер не дает тона, а Ставка, и очень характерно говорят, что великий князь сказал: если в Питере вздумают рано заключить мир, то я пойду туда со своей армией. А потому не стоит тамешние сплетни принимать всерьез¹⁸.

Так писал военачальник, который по должности своей, казалось, должен был располагать надежной информацией. Можно представить себе, как воспринимали эту новость его адресаты... Верховный главнокомандующий, готовый ради продолжения войны пойти на войну гражданскую, оценивался русским генералом как великий патриот.

4. «ВЕЛИКИЙ ЗАЩИТНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ»: ОБРАЗЫ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

М.К. Лемке, еще во время войны вспоминая общественные настроения в 1915 году, фиксировал нарастание необычайной популярности великого князя в войсках и среди мирного населения:

С 20 июля 1914 г., когда великий князь был поставлен в то положение, в котором лицо делается предметом общего серьезного внимания, Николай Николаевич стал очень быстро приобретать симпатии сначала

армии, потом народа и общества. Тут говорят его апологеты, он шире обнаружил все то, что таилось в его изменившейся натуре. Он показал, что рвется понять нужды народа, что уже хорошо знаком с политикой нашего правительства, которой, под влиянием жены, сочувствовал-де все меньше и меньше. Прошло три-четыре месяца войны — и Николай Николаевич стал уже просто популярен. В армии о нем говорили не иначе как с восторгом и часто с благоговением; всепрощающее общество охотно дарило ему свое искреннее расположение, правительство... правительство Горемыкина и Ко вело интригу, делая вид внешнего преклонения, — это знак и я¹¹⁹.

Свидетельство Лемке интересно тем, что оно дает известное представление о динамике отношения к Верховному главнокомандующему со стороны некоторых представителей оппозиционной интеллигенции. У других слоев населения это развитие, очевидно, было иным. Однако можно утверждать, что именно репутация полководца, становящегося во время войны и видным государственным деятелем, была особенно важна для восприятия образа великого князя Николая Николаевича общественным сознанием.

Наряду с казаком Крючковым, летчиком Нестеровым, генералами Радко-Дмитриевым, Брусиловым и Рузским Верховный главнокомандующий стал излюбленным героем русской патриотической пропаганды, персонажем лубков и аналитических статей, стихотворений и цветных плакатов. Но в отличие от других русских героев войны, великий князь представлялся главным, великим защитником страны. Он — уникальный военный вождь, спаситель отечества. Помещик Саратовской губернии Н. Устинов в апреле 1915 года отправил следующее послание Верховному главнокомандующему: «...вечно кланяемся вам, великому защитнику земли русской... и горячо просим Господа, да продлит Он драгоценную жизнь вашу на много лет»¹²⁰.

В уже упоминавшемся стихотворении С.А. Касаткина великий князь Николай Николаевич описывается так:

Ты родины святой могучая опора,
Защита крепкая семей и очагов,
Ты ужас для того, на ком клеймо позора;
Ты грозный бич судьбы зазнавшихся врагов¹²¹.

Неудивительно, что русская военная пропаганда рисовала великого князя как замечательного полководца. Это был важный

Илл. 33—34. Великий князь Николай Николаевич (1914)
 Слева — почтовая открытка. Справа — фотомонтаж в «Синем журнале»

ресурс патриотической мобилизации общества — страна должна была верить в непобедимость своих прославленных генералов, главным из которых был знаменитый представитель правящей династии, грозный Верховный главнокомандующий.

Справедливость таких оценок подтверждалась, казалось бы, и высокими званиями и наградами, которые получил великий князь Николай Николаевич в первые годы войны.

Великий князь Андрей Владимирович в своем дневнике так объяснял причину необычайной популярности Верховного главнокомандующего: «Он сам по себе мало причастен к той популярности, которой он пользуется в России. Как я писал выше, это было создано самим государем, и это его огромная заслуга, ибо только человек популярный, который пользуется доверием массы, способен эту массу двигать и одухотворять»¹²².

С этой оценкой трудно полностью согласиться (запись была сделана уже после смещения великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего). Вряд ли только действия Николая II, награждавшего своего грозного родственника, повлияли на восприятие образов полководца. Различные политические и общественные организации, частные лица, руководившие всевозможными причинами, прославляли великого князя, который и сам умел и любил нравиться обществу, прекрасно понимал значение прессы. Однако невозможно отрицать, что сам царь немало сделал для популярности Верховного главнокомандующего. В некоторых случаях Николай II действовал по собственной инициативе, в других же он откликнулся на общественные инициативы. В обстановке тех дней их было трудно игнорировать.

Уже 27 июля 1914 года император предоставил великому князю Николаю Николаевичу звание почетного старика Новочеркасской станицы Области войска Донского по представлению местных казаков¹²³.

Вскоре царь наградил Верховного главнокомандующего боевым орденом Св. Георгия 3-й степени «в воздаяние мужества, решительности и непреклонной настойчивости в проведении планов военных действий, покрывших неуязвимой славой русское оружие». Награждены были и ближайшие сотрудники великого князя, начальник его штаба генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич и генерал-квартирмейстер штаба генерал-лейтенант Ю.Н. Данилов, в сентябре они получили ордена Св. Георгия 4-й степени. Николай II пожаловал орден Верховному главнокомандующему и генералам в Барановичах, где находилась Ставка, 23 сентября 1914 года¹²⁴. В октябре Янушкевичу и Данилову были присвоены звания генералов от инфантерии.

Любопытно, что награждение великого князя было оперативно учтено предприимчивыми производителями почтовых открыток. В одном случае они использовали его старый портрет, без раздумий пририсовав к нему орден Св. Георгия 3-й степени. В других случаях к старым фотографиям Верховного главнокомандующего добавлялась надпись с информацией о новых награждениях. Такие снимки использовались во время патриотических сборов, и деньги, собранные от продаж почтовых открыток и портретов великого князя, шли на военные нужды, образ победоносного полководца становился важным инструментом Патриотической мобилизации. В популяризации такого образа великого князя Николая Никола-

евича принимали участие и дети царя. Так, 1 августа 1915 года великая княжна Анастасия Николаевна посетила лазарет, созданный квартирантами дома 52 по Кировной улице Петрограда. Каждый раненый пажный чин получил из ее рук портрет Верховного главнокомандующего и кошелек с деньгами¹²⁵. Дочь царя участвовала в тиражировании образа великого князя незадолго до его смещения, вряд ли это происходило без ведома императора.

Полководческое мастерство российского Верховного главнокомандующего восхваляли и лидеры союзников, соответствующие заявления появлялись в русской прессе. Британский военный министр лорд Г.Г. Китченер, опережая события с чрезмерным оптимизмом, утверждал, что в Восточной Пруссии русские войска «под доблестным руководством великого князя Николая Николаевича одержали блестящую победу огромного стратегического значения для общего хода кампании». Другой английский министр лорд А.Д. Бальфур пошел еще дальше, заявив, что «Великий князь Николай Николаевич займет в истории место как великий организатор и великий стратег. Нынешняя война явила не только военный гений паии, но также и военный гений великого князя Николая Николаевича». Официальное издание знакомило русских читателей с подобными оценками государственных деятелей союзной страны¹²⁶.

Президент Французской республики пожаловал великому князю медаль за военное отличие (до этого единственным иностранным генералом, удостоенным этой высокой французской награды, был лишь бельгийский король Альберт, легендарный «монарх-рыцарь», бывший главным героем пропаганды Антанты). В прославлении русского Верховного главнокомандующего активно участвовали и представители российской интеллектуальной элиты. Уже в конце 1914 года Московский университет единогласно избрал российского Верховного главнокомандующего в свои почетные члены¹²⁷.

Пример московской профессуры оказался заразительным. После взятия важной австрийской крепости Перемышль Верховный главнокомандующий был избран и почетным членом Петроградского, Харьковского, Новороссийского и Киевского университетов. Решение профессоров последнего учебного заведения имело особую мотивировку: «Судьба Лувена с его старинным университетом красноречиво говорит, какая участь ожидала Киевский университет, если бы Киев хотя на короткое время оказался во власти австро-германских полчищ. Если Киевский университет продолжает мирно существовать и непрерывно функционировать, то в этом он

обязан доблести нашей армии и несравненному искусству ее Верховного командования». Военно-медицинская академия также избрала великого князя своим почетным членом¹²⁸.

В июне 1915 года и совет Киевской духовной академии принял решение о выдаче диплома почетного члена академии великому князю Николаю Николаевичу. Показательна и формулировка, одобренная советом академии, — деятельность великого князя рассматривалась не только как пример самоотверженного патриотизма, но и как христианский подвиг: «... в чувстве глубокого благоговения перед святым подвигом Его Императорского Высочества на пользу Церкви Христовой, дорогой родины и всего человечества в настоящую великую войну...» Николай II утвердил решение совета академии 2 июля, но по каким-то причинам диплом был вручен великому князю лишь в январе 1917 года, уже в бытность его наместником на Кавказе¹²⁹.

Необычайно почтительное отношение к Верховному главнокомандующему, проявленное многими русскими профессорами и целыми университетами, вызвало иронические комментарии со стороны радикальной оппозиции. Социал-демократ М.Н. Покровский писал в июле 1915 года в эмигрантской парижской газете интернационалистов «Наше слово»: «Светила германского ученого мира, перед которыми вчера еще лебезили и пресмыкались, были с позором извергнуты из почетных членов русских университетов, а на их место универсально воцарился Николай Николаевич». Последующий фрагмент статьи, очевидно еще более язвительный, был изъят при публикации французской цензурой¹³⁰.

В России пресса по понятным причинам воздерживалась от публикации подобных насмешливых отзывов антимилитаристов, однако создается впечатление, что известную неловкость от подобного шумного чествования Верховного главнокомандующего научным миром испытывали и те представители интеллигенции, которые поддерживали войну. В Киевском университете, например, решение о назначении почетным членом великого князя Николая Николаевича было принято без обычного в таких случаях обсуждения¹³¹.

После того как русские войска взяли Перемышль, великий князь 9 марта 1915 года был награжден императором орденом Св. Георгия 2-й степени. Вскоре появились и почтовые открытки, изображающие великого князя в полной парадной форме с эполетами и тремя орденами Св. Георгия¹³². И в этих случаях предпри-

имчивые издатели на свой страх и риск пририсовывали новые орден к старым портретным изображениям полководца.

Немалая часть общественного мнения считала именно Верховного главнокомандующего главным организатором победы, в газетах печатались его портреты. Земский съезд в своем обращении назвал великого князя «славным былинным богатырем»¹³³.

О полководческом мастерстве популярного главнокомандующего сообщали и в частной корреспонденции. Некий житель Москвы писал своему костромскому корреспонденту: «Поздравляю вас со взятием Перемышля, тем более ценным, что оно, благодаря мудрости Великого Князя, совершилось без кровопролития, почти без жертв. Сознывая мощь и величие России, Великий Князь не торопился, зная, что все придет само собою»¹³⁴.

Впрочем, обилие высоких наград, сыпавшихся на верховного князя, вызывало порой и иронические комментарии. В марте 1915 года в одном из сел Семиреченской области в деревенской лавке крестьяне обсуждали военное положение. Один из поклонников Верховного главнокомандующего заявил: «Защитником России является великий князь Николай Николаевич, у которого орденов будет гораздо больше, чем у Кутузова, увешанного ими, так что Великому Князю некуда будет их повесить». 54-летний крестьянин К.А. Турапин заметил: «Если не будет места на груди, то Великий Князь может их повесить на .....» За эти слова оскорбитель верховного князя был привлечен к уголовной ответственности. Правда, на следствии Турапин свою вину отрицал, хотя и признавал, что произнес слова: «Куда же Он будет их вешать, сзади, что ли?»¹³⁵

В апреле император и Верховный главнокомандующий посетили занятые австро-венгерские территории, в т.ч. Львов и крепость Перемышль. В конце визита великий князь был удостоен новой награды. В высочайшем рескрипте на его имя отмечалось: «Неуклонно следуя предначертаниям Моим, ведущим к осуществлению славных заветов наших доблестных предков — освобождения славянства от ига вражеского... жалуя Вам при сем препровождаемую Георгиевскую саблю, бриллиантами украшенную, с надписью: "За освобождение Червоной Руси"». Об исключительном характере этого награждения сообщала периодическая печать, приводились соответствующие исторические справки¹³⁶.

Хотя визит царя и великого князя в Галицию состоялся вследствие инициативы императора и его окружения, преодолевших сопротивление Ставки, но в итоге и эта поездка способствовала

*Илл. 35. Великий князь Николай Николаевич.
Плакат времен Первой мировой войны*

укреплению авторитета и популярности Верховного главнокомандующего. Ведущие иллюстрированные издания вновь печатали его фотографии и портреты, а получение необычной награды стало важным информационным поводом.

Кульτ Верховного главнокомандующего создавался сверху, государством, высшей властью. Император, щедро награждая великого князя, вносил немалый вклад в создание этого культа. Но одновременно культа полководца создавался и «снизу»: периодические издания разной направленности печатали хвалебные статьи, а немалая часть общественного мнения считала великого князя вели-

ким полководцем и национальным героем. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что всевозможные изображения великого князя получили самое широкое распространение. Характерно свидетельство официального издания, в котором освещались поездки царя по стране:

Как бы ни была бедна, сера и невзрачна русская крестьянская изба, но в переднем углу рядом с иконами, с портретом о. Иоанна Кронштадтского, вы непременно встретите теперь портрет ЦАРЯ и Верховного Главнокомандующего¹³⁷.

Различные источники подтверждают, что изображения великого князя действительно были распространены, они висели во многих домах (об этом см. ниже). Интересно, что в публикации такого рода образ великого князя Николая Николаевича рассматривается как второй главный образ монархически-патриотической мобилизации. Его образы стали востребованным, а потому и весьма выгодным товаром, рынок реагировал на возрастающий спрос, производители открыток и плакатов печатали все больше всевозможных портретов Верховного главнокомандующего. Косвенным, но убедительным доказательством необычайной популярности Верховного главнокомандующего и является выпуск востребованных потребителем открыток, картин и портретов с изображением великого князя.

Показательна экспозиция выставки «Война и печать», которая открылась в Москве 8 января 1915 года. Здесь были собраны плакаты различных особых «дней», всевозможных патриотических празднеств. На одной из современных фотографий, запечатлевших эту выставку, можно видеть продукцию Книгоиздательства Товарищества И.Д. Сытина. Двадцать плакатов представляют собой портреты, групповые или индивидуальные. Среди них — не менее трех портретов великого князя Николая Николаевича. Семь плакатов представляют собой комбинацию портретов видных деятелей войны (члены правящих династий, восначальники). Не менее чем на трех из них также имеются портреты великого князя. При этом на двух из них его портрет в центре композиции, окруженный изображениями других полководцев. Показательна развеска плакатов в центральной, официальной части экспозиции. В верхнем ряду расположены портреты императрицы, императора и наследника, в центре помещен портрет цесаревича. В нижнем ряду — два порт-

рета великого князя (погрудный и в полный рост), и также, по-видимому, еще один портрет царя, при этом парадный портрет Верховного главнокомандующего занимает центральное место. В этой композиции изображений членов императорской семьи образ великого князя находится на втором, а то и на первом месте¹³⁸.

Производители открыток и литографий с портретами великого князя Николая Николаевича использовали прежде всего его довоенные фотографии, гравюры, живописные портреты. На них, как правило, великий князь изображался в лычной парадной форме кавалерийского генерала.

Собственно, и первое выявленное оскорбление великого князя Николая Николаевича в годы Первой мировой войны связано с приобретением его портрета. Владелец писчебумажного магазина на станции Бежица, 27-летний Р.Я. Трейман (эстонец, из крестьян Лифляндской губернии), 30 августа 1914 года предлагал двум покупательницам литографированный портрет великого князя Николая Николаевича. При этом он неосторожно заметил: «Правда ли, Он на дурака похож?» Возмущенные покупательницы тут же донесли на Треймана. Последний пытался объяснить, что он имел в виду лишь плохое исполнение литографии, а не героя изображения. Это ему не помогло, Трейман был приговорен к шести месяцам заключения в крепости¹³⁹. (Показателен суровый приговор, вынесенный по этому делу, обычно обвиняемые в оскорблении членов императорской семьи отделялись меньшими наказаниями.)

И позднее люди приобретали портреты популярного великого князя и вешали их в своих домах, иногда рядом с иконами. Из Московской губернии в мае 1915 года писали: «Очень популярен Николай Николаевич и в каждой хате есть Его портрет»¹⁴⁰. Частное письмо буквально повторяет упоминавшееся выше свидетельство официального издания.

Правда, порой затем эти портреты вновь создавали повод для оскорбления военачальника гостями дома и последующего возбуждения уголовного дела: «Дурака повесил к образам, Ему место за порогом». В этом преступлении, совершенном в декабре 1915 года, обвинялся 39-летний грамотный крестьянин Пензенской губернии¹⁴¹. Данное оскорбление было произнесено уже после смещения великого князя с поста Верховного главнокомандующего, когда число обвинений в его адрес существенно возросло. Однако само это дело подтверждает факт приобретения портретов популярного

военачальника крестьянами. Показательно также, что хозяева дома сразу же донесли на человека, оскорбившего портрет, висевший в их жилище.

И другие источники свидетельствуют о том, что после начала войны возрастает популярность великого князя в крестьянской среде. Депутат Государственной думы, представлявший Орловскую губернию, сообщал в июле 1915 года корреспонденту столичной газеты о настроениях сельских жителей: «Личность Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича окружена совершенно легендарною славой, и вера в него незыблема». Свидетельства такого рода встречаются и в личной переписке. Житель Саратовской губернии сообщал в частном письме в августе 1915 года: «Николая Николаевича деревня любит и полна к нему безграничным доверием. Когда заговорят о нем, то после беседы добавляют: “Сохрани Его Господь”. Я радуюсь тому, что во главе армии такой человек, Которого любят и уважают все, кому дороги интересы нашей родины»¹⁴².

Нам неизвестно, какие именно портреты стали причиной осуждения Треймана и других людей, обвиненных в оскорблении изображений великого князя. Нам неизвестно также, какие именно портреты Верховного главнокомандующего пользовались особым спросом, какие образы главного полководца страны были востребованы общественным мнением.

На некоторых почтовых открытках он выглядел весьма молодым. В годы войны вновь публиковался старый портрет работы известного гравера, академика живописи М.В. Рундальцева. Нередко великий князь изображался в кавалерийской форме, порой — в парадном гусарском мундире. Можно предположить, что подобные образы Верховного главнокомандующего напоминали генералов XIX века, в условиях Первой мировой войны они выглядели довольно старомодно. Однако подобные устаревшие образцы репрезентации полководца пользовались спросом, и, как мы увидим, некоторые слухи о великом князе также были довольно архаичными.

Еще более старомодными и фантастическими выглядели некоторые плакаты, изображавшие великого князя.

На одной из литографий Верховный главнокомандующий русскими армиями, в живописной и яркой гусарской форме, изображен скачущим на коне по полю битвы. Конь буквально перескакивает через трупы и тела раненых. За великим князем изображен всадник со штандартом командующего¹⁴³.

Еще более впечатляет почтовая открытка, изданная общиной Святой Евгении, отпечатанная в литографии Н. Кадушина. Великий князь на поле битвы, в парадном красном мундире, с эполетами, орденской лентой Св. Андрея Первозванного, в высокой меховой шапке, он вздыбил белого коня. Всадник изображен на фоне походного шатра со штандартом командующего. Над великим князем парит двуглавый орел, зажавший в когтях молнии и меч, на мече можно разобрать надпись «С нами Бог!». Изображение помещено в рамку, которая образована венками, перевитыми Георгиевскими лентами. Вверху помещена великокняжеская корона, внизу — герб дома Романовых на фоне пик. На одной из пик — уланский красно-белый флажок. Можно предположить, что уланский флажок адресует зрителя к обращению великого князя к полякам¹⁴⁴. Так вполне мог бы быть изображен победоносный полководец эпохи Наполеоновских войн.

Очевидно, при создании открытки была использована, с добавлением некоторых деталей (двуглавый орел, рамка), репродукция акварели художника Г.И. Нарбута, украшавшая обложку журнала «Лукоморье» за 7 ноября 1914 года (номер 26).

Для художников намеренная архаизация образа полководца могла быть стилизацией, эстетской игрой «в старину», пользовавшейся спросом у потребителей. Но и сам Верховный главнокомандующий не прилагал, похоже, никаких усилий, чтобы как-то модернизировать свою репрезентацию. Глядя на официальные его снимки, сделанные уже в годы войны, нельзя подумать о том, что это военачальник эпохи современной войны XX века. Репрезентация самого великого князя Николая Николаевича была довольно старомодной. Кавалерийский генерал в гусарской форме олицетворял давнес героическое прошлое российской армии, лихие атаки кавалерии и штыковой бой пехоты. Тяжелая артиллерия и броневые автомобили, пулеметы и колючая проволока, аэропланы и подводные лодки не использовались как фон для его изображений. Это отличало образ великого князя от репрезентаций некоторых других знаменитых военачальников эпохи Великой войны.

Возможно, Нарбут и другие художники намеренно создавали портрет-символ военного вождя, а не реалистический портрет современного полководца. Но немалая часть российского общества, похоже, искренне была рада видеть победоносного генерала, скачущего на лихом скакуне впереди масс атакующей кавалерии. Вообще, можно говорить об архаичном восприятии войны известной

частью общественного мнения. Первый лубок, выпущенный после начала войны, изображал лихую атаку донских казаков на прусских драгун (он успешно продавался на улицах российских столиц уже в самом начале августа 1914 года). Даже корреспондент журнала «Огонек» отмечал фантастичность этого изображения, однако именно такие образы войны были востребованы. Впрочем, и официальные сообщения Ставки, и торжественные телеграммы великого князя царю, печатавшиеся в газетах, порой рисовали ту же картину современной войны — целые эскадры врага, изрубленные русскими кавалеристами во время жестокой сечи¹⁴⁵.

На других популярных картинах эпохи войны русские копьяки успешно боролись не только с кавалерией и пехотой врага, но и с самыми современными видами оружия, сбивая, например, неприятельские самолеты и цппслины. Показателен плакат «Охота казаков за немецкими аэропланами», выпущенный московским издательством И.М. Машистова в начале 1915 года. Изображение довольно реалистично, казаки выглядят необычайно довольными, и у зрителя могло создаться впечатление, что охота лихих донцов на вражеский самолет была успешной. Тема противовоздушной деятельности казаков привлекала внимание и других художников. В журнале «Лукоморье» за 17 октября 1914 года также был напечатан рисунок, изображающий скачущих казаков, стреляющих по улетающему аэроплану. А ранее, в номере за 10 октября была опубликована репродукция реалистичного рисунка необычайно плодовитого художника И.А. Владимирова «Подстреленный аэроплан». Конные казаки подъезжают к подбитому самолету, пилот которого или машет рукой, или поднимает руки вверх. Очевидно, и в этом случае падение воздушного корабля могло объясняться зрителями как результат молодецкой стрельбы лихих донцов. Рисунок был опубликован почти одновременно сразу в двух столичных еженедельниках — «Лукоморье» и «Ниве». При этом подпись к публикации в «Ниве» не оставляла у читателей никаких сомнений относительно событий, предшествующих пленению вражеского летчика: «Германский аэроплан, подбитый и взятый в плен казаками»¹⁴⁶. Разумеется, в начале войны выпускалось немало «народных» патристических картинок, лубков и карикатур, на которых смелливые российские (часто малороссийские) селяне и селянки «сбивали» и «захватывали» вражеские дирижабли и аэропланы. Но, в отличие от них, упомянутые изображения явно претендовали на некоторую реалистичность¹⁴⁷.

Такой подход в начале войны получил известное распространение. Личный героизм русских солдат, готовых лицом к лицу встретиться с врагом, противопоставлялся патриотической пропагандой «коварному» поведению противника, который «прятался» за достижения современной техники, избегая «настоящего» рукопашного боя¹⁴⁸. Даже в 1916 году появлялись пропагандистские тексты, в которых восхвалялся босвой «русский дух», превосходящий хитроумную «немецкую технику»¹⁴⁹. Впрочем, вряд ли это был только русский феномен, молодые лейтенанты и других армий в начале войны мечтали пойти в бой с клинком в руках, а европейские иллюстрированные журналы уделяли неоправданно много внимания кавалерийским атакам.

Старомодные образы полководцев ушедшего века в таком контексте были весьма востребованы. Показательно, что авторы популярных картинок еще более усиливали старомодность репрезентации великого князя Николая Николаевича. В этом была определенная логика развития образа. Великий князь, как уже отмечалось, культивировал образ воина-рыцаря, воина старого времени, который не мог не быть по-своему старомодным. Характерно, что и сторонники великого князя именовали его в пропагандистских публикациях «витязем», «былинным богатырем» и т.п. Архаизация такого рода подтверждала и политическую репутацию великого русского патриота.

Говорят, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне. К какой войне готов был великий князь Николай Николаевич? Во всяком случае, общественное мнение России часто с любовью рисовало образ полководца далекого прошлого и именно так представляло военачальника эпохи великой войны. В этой ситуации известная старомодность высокого кавалерийского генерала способствовала созданию положительного образа.

Правда, некоторые сторонники великого князя стремились несколько осовременить его образ. Так, известной популярностью пользовался фотомонтаж, оперативно опубликованный уже в середине августа 1914 года в петроградском «Синем журнале»: художник поместил портрет сидящего великого князя на фоне большой карты Восточной Европы¹⁵⁰. Это создавало образ стратега, занятого сложной штабной работой, и, одновременно, образ защитника родины. Правда, о лихом кавалерийском прошлом великого князя напоминали его гусарские сапоги. Удачный фотомонтаж перепечатывался и в других изданиях, что свидетельствует о его популярности.

Образ Верховного главнокомандующего невозможно представить без невероятных слухов о его легендарных воинских подвигах, в обилии распространявшихся на фронте и в тылу. Генерал В.Ф. Джунковский впоследствии писал о великом князе: «Его назначение было единодушно приветствуемо всей Россией. Он был очень популярен, вокруг его имени создавалась масса легенд, все в его пользу, его всегда *выставляли как рыцаря, как борца за правду*»¹⁵¹.

Генерал Ю.Н. Данилов, генерал-квартирмейстер Ставки, также вспоминал об этих невероятных слухах:

Не раз приходилось слышать легендарные рассказы, создававшие о великом князе в рядах армии. В воображении солдат и даже рядового офицерства, он всегда появлялся в наиболее опасных местах боя, привозил в своем поезде не достававшие войскам снаряды и патроны, «разносил» неспособных генералов и строго следил за солдатским благополучием. И всегда и всюду он являлся защитником интересов армии, а в пределах последней — «серой солдатской шинели»¹⁵².

К теме слухов о Верховном главнокомандующем Данилов, его близкий сотрудник и биограф, возвращается вновь и вновь, неоднократно отмечая, что они вовсе не соответствовали реальному поведению великого князя Николая Николаевича (которое он мог постоянно наблюдать), но отвечали ожиданиям общественного мнения и свидетельствовали о невероятной популярности легендарного Верховного главнокомандующего:

В военное время войска видели Великого Князя мало: обязанности Верховного Главнокомандующего не отпускали его надолго из Ставки. Но солдатское воображение требовало его присутствия среди войск. И вот создаются рассказы легенды. Его рисуют народным богатырем, всюду поспевающим к наиболее опасным местам на помощь, всюду пресекавшим зло и водворявшим порядок. Одни его видели бесстрашно обходящим окопы во время усиленного обстреливания неприятельским огнем, другие видели его тонкую высокую фигуру, лично направляющим войсковые цепи в атаку и им дающим боевые задания: в артиллерии — ходили рассказы, как он сам, в своем поезде, доставлял на ближайшую станцию недостающие боевые припасы; в тылах — распространялись сведения, как он строго выговаривал интенданту за недостаток столь желанного для русского солдатского желудка белого хлеба; в штабах — как он разносил начальников за плохо составленную диспозицию, на-

конец, в глубоком тылу — ходили рассказы, что на вопрос Императора, наклонившегося над географической картой: «Где противник?» он, якобы, отвечал: «в двух шагах позади», намекая своим ответом на министра, стоявшего за Императором!¹⁵³

О подобных слухах писал и Г. Шавельский, протопресвитер военного духовенства, находившийся в Ставке, хорошо знавший великого князя и высоко ценивший его:

В войсках авторитет великого князя был необыкновенно высок. Из офицеров — одни превозносили его за понимание военного дела, за глазомер и быстроту ума, другие — дрожали от одного его вида. В солдатской массе он был олицетворением мужества, верности долгу и правосудия. С самого начала стали ходить разнообразные легенды о великом князе: «Великий князь бьет виновных генералов, срывает с них погоны, предаст суду» и т.д. Молва при этом называла имена «пострадавших» генералов, у которых были сорваны погоны (например, генерала Артамонова — командира первого корпуса, печального героя Сольдау), биты физиономии и т.п. «Очевидцы» рассказывали, что они своими глазами видели великого князя в окопах под пулями. Один офицер с клятвой уверял меня, что он «своими глазами» видел великого князя в окопах, и я не смог уверить его, что этого не было. Григорию Распутину, пожелавшему приехать в Ставку, великий князь будто бы телеграфировал: «Приезжай — повешу» и т.д. Такие легенды росли, глотались независимо от фактов, от данных и от поводов, просто на почве укоренившегося представления о «строгом-строгом» воинственном князе!¹⁵⁴

Легендарный рифмованный ответ решительного главнокомандующего Распутину: «Приезжай — повешу», посланный в ответ на непрошеное обещание «старца»: «Приеду — утешу», был, по свидетельству современников, распространен на родной молвой уже в 1914 году и встречен со всеобщим энтузиазмом. Великий князь не подтверждал этот слух, но и не опровергал его в разговорах с влиятельными современниками!¹⁵⁵

Память не подвела информированных мемуаристов, сочувственно относившихся к великому князю, но критически воспринимавших весьма распространенные слухи о нем. Их свидетельства подтверждаются и другими источниками. Уже в ноябре 1914 года современники фиксируют в своих дневниках появление различных

анекдотов о великом князе Николае Николаевиче. В них рисуется образ полководца решительного, быстрого в расправе, жестокого, но справедливого и мужественного¹⁵⁶.

О всевозможных героических слухах, касающихся великого князя, сообщалось и в частной корреспонденции современников. Некий москвич писал в апреле 1915 года Карпинскому, находившемуся в Женеве: «Личность Главнокомандующего чрезвычайно популярна; она окружена легендами, в которые народ одевает свое перед ним преклонение и восторг»¹⁵⁷.

В слухах великий князь необычайно динамичен, решителен и жесток. Он суров к нерадивым начальникам и заботлив по отношению к простым солдатам. Молва утверждала, что он собственноручно срывает погоны с трусливых командиров, арестовывает вороватых интендантов, он лично расстреливает предателей, избивает хлыстом офицеров, отсиживающихся в ресторанах тыловых городов. Его ненавидят враги, поэтому слухи сообщают о том, что патриота-полководца якобы пытались убить германские агенты и представители известных остзейских родов, якобы ненавидящие Россию.

Довольно информированный современник так объяснял причины появления подобных невероятных слухов: «Народ и общество знают, какая масса мерзости делается и должна делаться при самодержавии в командном составе нашей армии. Все слышали в свое время о горячем, порывистом и несдержанном характере Николая Николаевича. Теперь ему придали благородные черты реформатора армии, яркого сторонника правды, искоренителя лжи, удовлетворяя этим свой запрос на подобные положительные качества, — отсюда легенды не о том, что было и есть, а о том, что хотелось бы», — писал в 1915 году М.К. Лемке¹⁵⁸.

Следует осторожно относиться к объяснению пристрастного современника, придерживавшегося радикальных взглядов (как уже отмечалось, радикализм свой он, возможно, еще более усилил задним числом при публикации своего «дневника»). Но можно утверждать, что немало участников событий задавалось вопросом о причинах необычайной популярности Верховного главнокомандующего. Можно привести немало свидетельств, позволяющих воссоздать тот набор положительных качеств, который общественное мнение упорно приписывало великому князю Николаю Николаевичу.

Житель Нежина сообщал своему корреспонденту в январе 1915 года: «Относительно Верховного Главнокомандующего слы-

шал от многих участников сражений и очевидно, что Он человек очень строгий к начальству, а нижним чинам отец, почему солдаты и говорят: «Наш Николай Николаевич»...»¹⁵¹

В слухах Верховный главнокомандующий стремительно перемещается по фронту, появляясь в самых неожиданных местах, тут же срывает с виновных офицеров погоны, бьет их, а то и лично казнит предателей прямо на месте. Несудивительно, что, согласно слухам, среди жертв его праведного гнева особенно много генералов и офицеров с немецкими фамилиями.

Некий поляк писал в конце 1914 года своему соотечественнику, жившему в Московской губернии: «Здесь говорят, что Великий князь не снимает руки с темляка, так как ему часто приходится бить палкой офицеров»¹⁶⁰.

Петроградские простолюдины полагали, что под горячую руку Верховного главнокомандующего попадали и особы более высокого ранга. Некий извозчик заявлял в конце 1914 года: «Россию спасает, жесток, генералов бьет. Спаси его, Господи!»¹⁶¹

Иногда в слухах Верховный главнокомандующий прямо на месте круто расправляется с предателями, не ограничиваясь уже только избиением. Рядовой солдат Р.П. Петрукович писал в частном письме в марте 1915 года: «Германцы наступали с трех сторон на нашу крепость Осовец, повредили два форта, и крепость уже готова была сдать, как приехал Верховный главнокомандующий, зарубил шашкой коменданта, начал сам командовать, и немцы не только были отбиты, но было взято в плен два неприятельских корпуса и ... тяжелых орудий». На выписке из письма имеется ироничная пометка военного цензора: «Здорово! Вот так пишется история!»¹⁶²

В том же месяце некая дама писала морскому офицеру о походе легендарном «подвиге» великого князя, предотвращающего измену предателя-коменданта, правда, на этот раз он «спасал» уже другую русскую крепость: «Рассказывали также, что было отлано приказание отдать Ивангород; приготовили ключи и выкинули белый флаг. Но в это время на автомобиле приехал верховный главнокомандующий, который отдал приказание наступать и германцы были разбиты»¹⁶³.

В другом варианте этой легенды великий князь, стоя на варшавском мосту и физически расправляясь с высшими войсковыми начальниками, лично остановил отступление войск и обеспечил за русской армией стратегически важную варшавскую переправу¹⁶⁴.

Похожая характеристика великого князя содержится в уже цитированном письме некоего киевлянина, написанном ранее, уже в конце 1914 года: «Приезжал адъютант Николая Николаевича и рассказывал следующее про него. Главнокомандующий (дядя Александра III) человек пожилых лет, с большой сединой, громадного роста и силы. С крайним недоверием относится ко всем, в особенности с нерусской фамилией, чуть не понравился доклад — выгоняет вон генерала из квартиры, чуть заподозрил — срывает погоны, бьет кулаками по лицу их. Дошли до него агентские слухи, что комендант хочет сдать крепость Новогеоргиевск (одна из лучших у нас — *первоклассная*), сейчас переоделся, на автомобиле промчался между своим и неприятельским фронтом, является в крепость и моментально собственноручно убивает его наповал из револьвера. Когда немцы подходили к Варшаве, был у них военный совет, решили сдать Варшаву; когда стали расходиться, он шепнул генералам с русскими фамилиями — драться до последней возможности и удержать за собою польскую столицу. Вести войну на огромном фронте в 500 верст с таким серьезным противником, как немец, может полководец с недюжинным умом и волей. Благоприятный конец войны в весьма значительной степени будет обязан ему. Не чета Куропаткину, с его долготерпеливой политикой. И в частной жизни, и в своем имении под Тулой он отличается не менее размашистым кулаком»¹⁶⁵.

Автор ссылается на якобы «авторитетный» источник — самого «адъютанта» Верховного главнокомандующего, подтверждает пространенные слухи о методах управления помещьем великого князя, но при этом он путает даже родственные отношения в семье Романовых. Показательна повторяющаяся история о героическом спасении русской крепости, правда, каждый раз меняется ее название, а коварный изменник уже не зарублен пашкой Верховного главнокомандующего, а застрелен им из револьвера.

Соответствующие слухи о вездесушем и грозном полководце пропикали порой на страницы известных зарубежных изданий. Так, британская «Таймс» писала в 1915 году, после смещения великого князя с поста Верховного главнокомандующего: «...Николай Николаевич был железным человеком и отличался необычайным умением присутствовать именно в тех местах, где это требовалось»¹⁶⁶.

Показательно, что фольклор военного времени, в отличие от популярных картин и плакатов, изображавших великого князя как «старинного полководца», активно включает в себя и некоторые

яркие образы современности, характерно, например, что великий князь Николай Николаевич стремительно передвигается на огромные расстояния с помощью поезда или автомобиля. Но в некоторых слухах энергичный Верховный главнокомандующий использует и самые современные транспортные средства, он покоряет небо. Медицинская сестра записала рассказы раненых солдат, проходивших лечение в лазарете:

Главнокомандующий вызывает у них чувство восторга и уважения, и не одна солдатская песенка будет сложена в честь его. Ему суждено сделаться героем новых легенд и исторических песен.

— Вот, — рассказывает один солдатик, — ведь совсем уже германцы отняли у нас Варшаву, решено было сдать ее, германцы в Берлин телеграфировали, чтобы свое управление туда прислали, ну, а наши Главнокомандующему, значит, тоже депешу. И что же? Прилетел, ровно орел, на аэроплане. — Как это Варшаву отдать? Не может этого быть! До последнего биться будем, а не отдадим! Рассердился на тех, кто славать хотел, живо скомандовал, в первую очередь их поставил, ну и своих, значит, подбавил, и отстояли мы Варшаву, прогнали германцев. А все потому, что он явился!¹⁶⁷

Впрочем, о легендарной суровости полководца в годы войны открыто писала и дружественная ему печать: «Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич весьма популярен среди наших казаков. В их глазах он является легендарным народным вождем-героем, его правдивость, честность, смелый открытый характер и строгость к нерадивым и изменникам создали целые легенды»¹⁶⁸.

Другая публикация той эпохи также сообщала о легендах, полувывших якобы распространение в казачьей среде:

В рассказах на Дону все чаще и чаще проходит имя великого князя Николая Николаевича, который будто бы предвидел войну с немцем, почему в мае 1914 г. и посетил по воле Государя казаков, чтобы убедиться, не застыла ли в них кровь казачья, и не забыли ли они, как бить врагов. Как бы ни изменялось военное счастье, народная вера, сердце донских казаков все сильнее и крепче привязывается к Верховному Главнокомандующему; с каждой неделей растет уверенность, что он знает, как справиться с врагами, что дело русской земли в надежных руках, что

он вникает во все, почти не спит и особенно жалеет простой народ и донских казаков... Как бы ни ухитрился Немец, гибели ему не миновать: «Гадюка сильно жалит, страшно извивается перед смертью, — так и с Немцем»¹⁶⁹.

Некоторые слухи, очевидно, стали основой для сюжетов патристических рассказов, в обилии публиковавшихся в годы войны. Герой одного из них, простой солдат-часовой, не узнал Верховного главнокомандующего, и отказывался пропустить его, так как он не имел пропуска. За это суровый великий князь похвалил дисциплинированного солдата (этот сюжет, характерный для рассказов о великих царях и полководцах, появлялся и потом в большевистских пропагандистских рассказах о Троцком и Ленине). Бравый же часовой впоследствии весьма огорчился, что допустил непростительную ошибку в титуловании: «...а я, значит, Их Императорское Высочество обзывал вашим высокопревосходительством — кровь даже в жилах стынет, как вспомню»¹⁷⁰.

Особое место занимали слухи о легендарном конфликте Верховного главнокомандующего и Распутина (о нем упоминалось в цитированных уже воспоминаниях Шавельского).

Некая жительница Томска сообщала в августе 1915 года члену Государственной думы А.С. Суханову о сцене, свидетельницей которой она стала на борту парохода, направлявшегося в Тобольск. Среди пассажиров был и Распутин. Публика на палубе развлекалась тем, что глумливо расспрашивала пьяного «старца»: «А как, Гриша, тебя Николай Николаевич принимал?» В ответ «Гриша» сердито бормотал: «Не был я там, ничего не знаю»¹⁷¹. Можно предположить, что слух о «телеграмме» Распутина и угрозе со стороны решительного Верховного главнокомандующего со временем превратился в слух о каком-то позорном наказании, которому грозный великий князь якобы уже подверг «старца».

Современники сообщали, что на фронте многие военнослужащие буквально боготворили Верховного главнокомандующего. Солдат, находившийся в действующей армии, сообщал в частном письме в феврале 1915 года: «Ты не удивляйся, что все так хорошо устроено. Это все Великий Князь, который стал у нас вторым Суворовым. Мы Ему верим и свою жизнь вручаем смело в Его руки. Он много сделал и сделает»¹⁷². Другой военнослужащий писал с фронта в марте: «Николая Николаевича чуть не обожают»¹⁷³.

И в тылу великий князь был необычайно популярен. Некий житель Петрограда писал в январе 1915 года в частном письме: «Имея такого талантливом, серьезного и строгого Главногокомандующего и таких доблестных помощников, как Иванов, Рузский, Брусиллов, Радко Дмитриев, Лечицкий и т.д., — мы не можем не победить»¹⁷⁴.

В этом случае Верховный главнокомандующий окружен созвездием известных российских генералов, прославлявшихся патриотической пропагандой. В других же частных письмах речь идет только о нем, подчеркивается уникальное, исключительное полководческое мастерство великого князя, настоящего спасителя отечества: «Приходится еще удивляться тому, как еще Верховный Главнокомандующий сдерживает такой натиск Немцев. Не будь Его, Немцы уже давно были бы в Москве, и Россия после войны воздаст Ему должное», — писал житель Московской губернии в январе 1915 года. Исключительную роль великого князя подчеркивал и рядовой солдат, находившийся на фронте: «Все наши победы только и достались нам благодаря отрезвлению страны и назначению Верховным Главногокомандующим Николая Николаевича, которого мы, солдаты, все любим за его правду и стойкость»¹⁷⁵.

Отсутствие других полководцев, которые хоть в какой-то степени могут быть сопоставлены с великим князем, в данном случае рассматривается как важная причина военных неудач, и, напротив именно неустанная деятельность самого Верховного главнокомандующего создает условия для побед русской армии. Сестра милосердия передавала рассказы солдат, находящихся на излечении: «И оттого мы побуждаем, что хороший главнокомандующий, — будь бы еще другой такой, мы бы уж давно в Берлине были. А то вот его и с нашей-то земли согнать не можем»¹⁷⁶.

Даже несмотря на страшные поражения русской армии весной и летом 1915 года, Верховный главнокомандующий сохранял немалую долю своей популярности, ответственность за военные неудачи возлагалась на различных генералов и офицеров. Командир 2-й Сибирской казачьей бригады Н. Волжин писал в частном письме в июне 1915 года (показательно, что так описывал ситуацию высокопоставленный офицер):

Нам по плечу бороться с немцами храбростью, и в этом наша армия выше, но не порядком, т.е. быстрыми сосредоточениями и прорывами. Одно наше спасение, что Верховный Главнокомандующий — богатырь,

а не какой-нибудь генералишка, неавторитетный и размазня. Да и того не слушают, хотя и боятся в дрожь. Для слишком многих вся война свелась к добыванию боевых отличий и орденов, поменьше тратя крови, да и просто издали и вовсе не тратя. Штабные отличаются в этом: какая-то вакханалия. Верховный Главнокомандующий обуздывает, без большого, впрочем, успеха. Да и как обуздывать, когда совершенно не боятся совести и никого и ничего не стыдятся.

За Львов я постарел сразу. ГОСУДАРЬ ведь посетил и Львов и Перемышль, и как же так? Значит не предвидели возможности? Почему не предвидели? Мне за Верховного Главнокомандующего добела досадно. Плохо, вероятно, исполняют Его волю¹⁷⁷.

Упоминаемые выше открытки и литографии могли подтверждать слухи об исключительной храбрости великого князя, проявлявшейся им непосредственно на поле боя. Между тем это никак не соответствовало действительности, хотя некоторые подписи к фотографиям, печатавшимся в виде почтовых карточек, прямо дезориентировали потребителя. Так, надпись на открытке, выпущенной издательством Д. Хромова и М. Бахраха в 1914 году, гласила: «Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич и Свиты Его Величества генерал-майор Воейков на позиции». Та же подпись сопровождала и фотографию, опубликованную в журнале «Огонек»¹⁷⁸. В действительности этот снимок был сделан в Ставке Верховного главнокомандующего, во время совместной прогулки по близлежащему лесу.

Дезориентировала читателя и подпись к фотографии К. Буллы, опубликованной в журнале «Солнце России»: «Его Императорское Высочество Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич изволит осматривать позиции»¹⁷⁹. У читателей журнала могло создаться ложное впечатление, что речь идет о поездке Верховного главнокомандующего на передовые позиции. В действительности же воспроизводился снимок, сделанный еще до войны на маневрах.

Вопреки активно распространявшемуся и широко распространенному мнению, грозный великий князь был необычайно осторожен в тех случаях, когда речь шла о его собственной безопасности, и даже, по мнению ряда современников, порой чрезмерно опаслив. Он, например, упорно противодействовал стремлениям своих сотрудников, желавших чаще показывать популярного полководца войскам. М.К. Лемке сравнивал поведение великого кня-

зя и Николая II уже после того, как царь принял на себя верховное командование, и сравнение это, по мнению людей осведомленных, было не в пользу великого князя: «**Всем нравятся частые поездки царя к войскам; Николай Николаевич ездил только в штабы фронтов, а войск почти не видел**»¹⁸⁰.

Служивший в Ставке контр-адмирал А.Д. Бубнов, хорошо относившийся к великому князю, объяснял его отказы выезжать к войскам нежеланием Верховного главнокомандующего бросать символический вызов царю: тем самым он якобы демонстрировал свою лояльность императору: «...великий князь никогда не посещал войска на фронте, всегда предоставляя это делать государю, так как опасался вызвать такими посещениями подозрение в искании популярности среди войск. Между тем посещение великим князем войск, среди которых он действительно пользовался легендарной популярностью, могло бы, особенно в критические моменты операций, значительно способствовать благоприятному их ходу»¹⁸¹.

Однако близкий к великому князю протопресвитер военного и морского духовенства, признавая нежелание Верховного главнокомандующего покидать свою Ставку, указывал и на другие причины отказа посещать войска: «Как уже говорил я, легендарная слава Верховного росла помимо его воли, иногда и независимо от его действий. Было бы безумием с нашей стороны ослаблять ее. Вера армии и народа в вождя — первый залог успеха, — так рассуждали мы. Для поддержания и закрепления такой веры необходимо было личное, живое общение Верховного с войсками; нужно было, чтобы великий князь чаще появлялся среди войск, а последние чаще видели его, слышали его живое слово, чувствовали его близость к ним. Я лично был решительным сторонником, чтобы Верховный изредка заглядывал и в окопы. ... Но все мы сходились в одном, что великий князь должен выезжать из Ставки ближе к войскам и фронту. По этому поводу я раз беседовал с начальником Штаба. Последний согласился со мною, говорил затем с самим Верховным, но тот упорно отклонял всякие поездки». Лишь позднее настойчивым чином Ставки удалось организовать несколько поездок великого князя в войска. Шавельский, весьма положительно относившийся к Верховному главнокомандующему, писал, однако, что его решимость пропадала там, где ему лично начинала угрожать серьезная опасность. Разумеется, речь и не шла об организации полетов великого князя на аэроплане, но даже к обычным для того времени поездкам на машине он относится крайне осторожно. Он, по

свидетельству Шавельского, «до крайности обсергал свой покой и здоровье; на автомобиле он делал не более 25 верст в час, опасаясь несчастья; он ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих, боясь шальной пули»¹⁸².

Показательно, что и императрица считала, что великий князь Николай Николаевич, оставшийся почти все время в Ставке, совершил серьезную политическую ошибку, не посещая войска. В письме царю от 30 октября 1915 года она предостерегала Николая II от повторения подобных ошибок уже смещенного Верховного главнокомандующего: «Н. должен теперь понять, как ложны были его суждения и как много лично он потерял от того, что никогда нигде не появлялся»¹⁸³.

Великий князь воспринимался прежде всего как суровый военный вождь, но порой образ грозного правителя, жестокого к верхам армии, но милостивого к простым солдатам, просцировался и на гражданскую жизнь. Так, с именем «строгого, но справедливо-го» великого князя были связаны слухи о непремном освобождении крестьян от тягостных платежей. Показательно, что они циркулировали даже после его смещения. Тамбовский вице-губернатор сообщал в феврале 1916 года в департамент полиции: «...солдаты в письмах сообщали женам, что будто бывший верховный главнокомандующий вел. Кн. Николай Николаевич объявлял им, что семьи солдат освобождаются от платежа всех податей за землю; в связи с этим во вверенной мне губернии были попытки к отказу от платежей податей и подстрекательству к неплательству таковых». О том же сообщали губернским властям и некоторые уездные исправники¹⁸⁴.

Частью общественного сознания великий князь начинает восприниматься не только как полководец-победитель, но и как единственный, уникальный вождь-спаситель России. По мнению некоторых современников, не только победа в войне связывается с его неустанной деятельностью, но и вся судьба отечества, все будущее огромной страны зависит от титанических усилий этого популярного представителя царского рода. Некая москвичка писала в феврале 1915 года во Францию: «Все, что у нас делается, мы узнаем только из сообщений Великого Князя Николая Николаевича, которым держится все, и все мнения сходятся на этом, все считают Его спасителем России, и Он теперь самое популярное лицо во всех слоях общества, а за Ним Король Альберт... Война вообще в высшей степени популярна, и у всех есть чувство, что мир может быть

подписан только в Берлине»¹⁸⁵. Показательно, что в этом случае российский Верховный главнокомандующий затмил своей известностью даже героический образ бельгийского короля Альберта I, короля-изгнанника, короля-солдата, короля-рыцаря, который был романтическим кумиром многих патриотически настроенных девушек в странах Антанты.

Носители такого сознания явно были патриотами и своеобразными монархистами. Но великий князь Николай Николаевич иногда был и положительным персонажем некоторых «республиканских» слухов, направленных не только против царя, но и против монархии. После смещения великого князя с поста Верховного главнокомандующего появились даже слухи о его казни. Так, в начале 1916 года двое ссыльных в Сибири говорили своим односельчанам, что «был один хороший человек – это вел. Кн. Николай Николаевич, да его наш кровосос государь повесил, т.к. он стоял за правду, и в России только тогда будет хорошо жить, когда не будет царя, как в Америке»¹⁸⁶.

Представление об уникальном характере вождя-спасителя убедительно подтверждалось и периодически возникавшими слухами о покушениях на жизнь великого князя. Такие слухи не могли не возникнуть: если в конце 1916 года общественное мнение в своем воображении охотно «казнило» Александру Федоровну, олицетворявшую гибель страны, то, в соответствии с этой же патриотической и конспирологической логикой, смертельный враг не мог не желать смерти уникальному вождю, воплощавшему, по мнению многих, единственную надежду России на спасение.

Уже в ноябре 1914 года некий петроградский студент сообщал в частном письме в Москву: «Кроме того Н. Ст. сообщила мне, что ранен Главнокомандующий русской армии»¹⁸⁷.

В том же месяце слухи о смерти великого князя стали причиной оскорбления его со стороны татарина, хлебопашца М.Х. Шехмаметьева, «именовавшего себя дворянином». В дороге один из его попутчиков, крестьянин, заметил, что великий князь Николай Николаевич командует хорошо и если, Бог даст, останется жив, то и все будет хорошо. На это Шехмаметьев заметил: «Какого черта! Он давно сдох, или тапнул что-нибудь. Я и в газетах в Петрограде читал, что Он сдох»¹⁸⁸. Возможно, действительной причиной конфликта был какой-то деревенский спор, нельзя исключать возможности оговора Шехмаметьева доносителем, но показательно, что обвиняемому в оскорблении члена императорской семьи приши-

сывались именно такие слова. Это свидетельствует о том, что слухи о смерти великого князя были распространены уже в начале войны.

В декабре же 1914 года слухи о покушении на великого князя циркулировали и в Харькове. Жительница этого города сообщила: «А, может быть, ты читал теперь, что на Верховного главнокомандующего было покушение, что администрация поспешила опровергнуть»¹⁸⁹.

Нельзя сказать, что слухи о покушениях на великого князя повсе были безосновательными. В декабре 1914 года Курт Риплер, чиновник Министерства иностранных дел Германии, предлагал организовать покушение на великого князя Николая Николаевича, чтобы подорвать боевой дух русских войск. А 12 декабря у польской деревни Камион, при попытке пересечь русские позиции был пойман некто Франц Рутсинский, российский подданный, который признался, что он немецкий агент, что ему было поручено узнать о расположении русских войск, а также убить российского Верховного главнокомандующего, если к тому представится возможность¹⁹⁰.

Впрочем, к показаниям немецких агентов следует относиться осторожно: ведь и подпоручик Я.П. Колаковский (Кулаковский), возвратившийся из немецкого плена, показал, что среди заданий, якобы порученных ему немецкой разведкой, было убийство великого князя (за это германские спецслужбы обещали-де ему один миллион рублей). Показания Колаковского побудили российскую военную контрразведку начать расследование по т.н. «делу Мясоедова». Однако некоторые информированные мемуаристы впоследствии отмечали, что сам Колаковский, допрошенный уже начальником Главного штаба, сознался, что поручения организовать убийство великого князя ему не давали, а придумал его он сам, с целью побудить начальника Главного штаба обратить на свой доклад особое внимание¹⁹¹. Впрочем, есть основания полагать, что офицеры русской контрразведки сами оказали известное воздействие на Колаковского, что и сказалось на его признаниях¹⁹². Для настоящей работы не так уж важно, давали ли в действительности немецкие офицеры такое задание своему агенту: если русские контрразведчики в сотрудничестве с Колаковским и фабриковали «дело Мясоедова», то они рассчитывали, что и их начальство, и общественное мнение страны поверят создаваемой ими версии.

Действительно, представление о том, что коварный враг мечтает уничтожить «единственного спасителя России», отвечало существовавшим уже стереотипам общественного сознания.

Колаковский заявлял, что смелкие разведчики якобы убеждали его, что главные виновники войны — великий князь Николай Николаевич и Англия, что император якобы настроен против войны, а в «придворной партии» преобладают прогерманские настроения¹⁹³. Весьма возможно, что эти слова были сочинены либо самим Колаковским, либо офицерами, которые его допрашивали. Подобным образом, однако, по мнению контрразведчиков или (и) Колаковского, желавшего доказать свой патриотизм, очевидно, должны были рассуждать организаторы немецкой разведки.

Так или иначе, но слухи о покушениях, ранении и тем более об убийстве великого князя Николая Николаевича остались только слухами, однако примечательно, что они возникали вновь и вновь.

В мае 1915 года военнослужащий, находившийся в действующей армии, сообщал в личном письме в Одессу: «Неприятный слух у нас распространился, будто бы на Великого Князя было покушение, и Он тяжело ранен. Печально, если это так, так как Он единственная личность, по-моему, могущая со всеми и всем справиться»¹⁹⁴. Показательно, что и в этом случае автор письма выделяет уникальность, незаменимость великого князя.

Затем даже появился невероятный слух о том, что на жизнь великого князя покушался один из важнейших чинов Ставки, генерал-квартирмейстер его собственного штаба. А. Соболевский писал профессору Ю.А. Кулаковскому 31 мая 1915 года: «На слухи о пощечинах Великого Князя разным генералам и т.п. я уже перестал обращать внимание. Думаю, что разговор Великого Князя с Даниловым и покушение Данилова — вранье. Но покушение вообще считаю вполне возможным»¹⁹⁵.

Наконец, в августе 1915 года газеты Сувориных «Новое время» и «Вечернее время» сообщили своим читателям: «В Германии говорят, что немцы замышляют о мире, который будет заключен вследствие предательского акта. В заговоре будто бы участвует директор очень известного германского банка и трое русских подданных, которых будто бы подкупили для того, чтобы они произвели террористический акт. В конце концов было найдено трое Русских, в том числе одна женщина, которые получили поручение совершить покушение на величайшего врага немцев и противника спартанского и преждевременного мира — Августейшего В[ерховного]

Г[лавнокомандующего]. Лица эти будто бы отправились в Варшаву, но по прибытии туда были немедленно арестованы. Ваш корреспондент в удобный момент сообщит имена этих предателей и убийц»¹⁹⁶.

Можно предположить, что публикации такого рода, основываясь на столичных слухах, преследовали цель укрепить авторитет великого князя: они появились как раз в тот момент, когда в Петрограде уже говорили о его предстоящем смещении с поста Верховного главнокомандующего. Газеты явно пытались поддержать в этой ситуации популярного, но опального полковолца. Неудивительно, что об этих статьях с возмущением писала императрица. Соответствующая публикация в «Всечернем времени», печатном органе, известном своей близостью к Ставке, стала предметом специального рассмотрения на заседании Совета министров. Главы ведомств рассматривали данную заметку как фальшивку и требовали примерного наказания редактора этих влиятельных газет Б.А. Суворина¹⁹⁷.

В германской же прессе эти слухи получили еще более преувеличенное отражение. Немецкая газета писала: «Знаменательно, что теперь, после ухода великого князя, открыли заговор на его жизнь. 50 человек арестованы»¹⁹⁸.

5. «Николай III»: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И ИМПЕРАТОРА

Летом 1915 года казаки Таубенской станицы 2-го Донского округа были весьма недовольны немецким названием своего поселения, данным в свое время в честь генерала, наказного атамана Донского казачьего войска (в то время газеты часто писали о германских самолетах типа «Таубе», а это могло оскорблять патриотические чувства донцов). Станичный сход вынес приговор, направленный окружному, а затем и наказному атаману о переименовании их родной станицы в Николаевскую. Специально оговаривалось, что новое название будет дано в честь великого князя Николая Николаевича¹⁹⁹. Был ли доволен венценосный тезка Верховного главнокомандующего подобным уточнением, сделанным казаками-патриотами?

Образ великого князя, Верховного главнокомандующего, утилитарного вождя-спасителя государства, который созданался русской милитаристской пропагандой, который был востребован массовым сознанием воюющей страны, вскоре стал представлять немалую опасность для символической системы патриотического монархизма.

Это прекрасно осознавали некоторые современники. В мае 1915 года великий князь Андрей Владимирович сделал в своем дневнике запись, в которой он описал свою беседу с генералом Ф.Ф. Палицыным (следует отметить, что последний в свое время был весьма близок к великому князю Николаю Николаевичу, пользовался его поддержкой):

Ф.Ф. был крайне недоволен, что Николаю Николаевичу дали титул «верховного».

«Это не годится, — говорил Ф.Ф., — нельзя из короны государя вырывать перья и раздавать их направо и налево. Верховный главнокомандующий, верховный эвакуационный, верховный совет — все верховные, один государь ничего. Подождите, это еще даст свои плоды. Один государь — “верховный”, никто не может быть им, кроме него. И к чему это ведет? А вот к чему. Он политикой занимается, к нему министры ездят, — я бы их не принимал, — а армией не командует. Я ему говорил это, говорил, что приказчикам он все раздал, а сам больше не хозяин своего дела. Это нельзя, нельзя заниматься политикой и войной»²⁰⁰.

Подобные настроения проникали и в зарубежную прессу, хотя знак оценки сложившейся ситуации при этом мог меняться на противоположный. Близкий сотрудник и биограф Верховного главнокомандующего впоследствии вспоминал: «В некоторой части заграничной печати Великий Князь оценивался как вождь России, перед которым совершенно ступшевыалась личность царствующего императора»²⁰¹.

Действительно, подобные настроения нашли отражение в прессе союзников России. Так, некий британский автор именовал Верховного главнокомандующего «самым популярным человеком России», обладающим реальной властью. Более того, он утверждал, что после войны могущественный великий князь станет одним из тех избранных людей, которые будут определять судьбы Европы и формировать облик новой России²⁰². Подобные оценки и тем более прогнозы явно не могли радовать российского императора.

Первоначально, однако, казалось, что создававшийся патриотической пропагандой культ Верховного главнокомандующего, «августейшего главнокомандующего», будет укреплять главный монархический культ, культ императора, «державного вождя», «венценосного вождя».

Упоминавшееся уже не раз выше патриотическое стихотворение Касаткина заканчивалось так:

Ты скуп в своих словах, но делаешь ты дело
С глубокой думою и верою в Творца;
И правда до тебя достигнуть может смело, —
Ты чужд наветам злым предателя-льстеца.
Орлиный свой полет остановив немного,
Ты вновь грозой пройдешь, несчастье пережда...
О, пусть тебя хранит всегда Десница Бога!
Спасибо, Русский Царь, — за этого вождя²⁰³.

Поэт рисует парадный портрет Верховного главнокомандующего: немногословный, но грозный и деятельный полководец, неутомимый борец с коварной изменой, богобоязненный военачальник, терпящий временные и частные неудачи, готовится к новым решительным и решающим боям. Военный вождь назначен на высокий пост мудрым решением великого монарха, верховного вождя, которому поэт-патриот за это приносит свою почтительную благодарность. Слава полководца должна укреплять авторитет великого императора. Растущая в общественном сознании фигура верховного военного вождя, подкрепляющая образ вождя державного, становится рядом с ним. Такая композиция встречается и в других пропагандистских текстах эпохи войны.

Такой призыв находил отклик в общественном сознании. В официальном издании так описывалась атмосфера в храме Киево-Печерской лавры во время посещения города императором:

В алтаре несколько монахов читали поминальные листки, и в тишине просторного храма нередко долетало до слуха: «О здравии ЦАРЯ НИКОЛАЯ, Князя Николая». Один из братьев сказал нам, что с начала войны поминая о здравии ЦАРЯ и Великого Князя постоянно подаются в большом количестве. Подавальцы были исключительно простые крестьяне богомольцы и довольно много было проходящих через Киев солдат²⁰⁴.

Мы не знаем точно, каковой была атмосфера в храме (весьма вероятно, что в данном случае зарисовка, сделанная пристрастным автором, была вполне реалистичной), но образцовые, идеальные богомольцы военной поры даже с точки зрения официального «летописца царя» генерала Дубенского должны были поступать именно таким образом: истинному патриоту следовало молиться за здоровье императора и Верховного главнокомандующего. Соответственно со временем великий князь Николай Николаевич, «августейший командующий», приобретает статус второго вождя страны, вождя, особо приближенного к императору, «венценосному вождю». Одни современники оценивали это положительно, другие по разным причинам не без опасения наблюдали за подобными проявлениями русского патриотизма.

Так, видный деятель кадетской партии, член Государственной думы Л. Велихов в частном письме от 2 января 1915 года, отмечая нарастание милитаристских и шовинистических настроений в стране, писал, что новобранцы и запасные, ратники «наперерыв» сочиняют и поют «единодушно и восторженно» песни о «царе великом» и об «орле главнокомандующем». (Показательно, что выдержка из этого письма была включена полицейским аналитиком и в общий цензурный обзор корреспонденции за 1915 год, очевидно, подобное признание видного оппозиционного деятеля вполне соответствовало официальным ожиданиям развития монархического патриотизма).²⁰⁵

Подобное объединение двух вождей встречается и в монархических записях личного характера. Так, поручик Монтвиллов, находившийся на излечении в лазарете Большого Екатерининского дворца в Царском Селе в феврале — апреле 1915 года, оставил в больничной памятной книжке следующую запись: «Ура Батюшке Царю! Ура нашему Верховному Главнокомандующему! Слава и честь России»²⁰⁶.

На молебнах по случаю побед русской армии, во время патриотических манифестаций звучали здравицы в честь императора и великого князя. Депутат Государственной думы прогрессист Я.Ю. Гольдман, инициатор создания латышских стрелковых батальонов, так приветствовал латвийских добровольцев, отправляющихся на рижский фронт: «За вами стоит весь народ, благословение милосердного Царя, Отца Родины и Верховного главнокомандующего! Ура им!»²⁰⁷

Образ Верховного главнокомандующего в некоторых ситуациях становится важным элементом репрезентации императора, допол-

Илл. 36—37. Открытки времен Первой мировой войны
 Слева - Император Николай II и великий князь Николай Николаевич.
 Справа - та же фотография после ретуширования

няет его. Так, даже книга, посвященная путешествиям Николая II по стране в ноябре — декабре 1914 года, открывается... выполненным в январе 1915 года картинным фотопортретом Верховного главнокомандующего. Он предстает как истинно русский полководец: великий князь Николай Николаевич в дубленом полушубке, в папаше стоит на фоне заснеженного леса (этот портрет получил довольно широкое распространение, он воспроизводился в иллюстрированных журналах)²⁰⁸.

И в последующих выпусках этого официального издания на первых страницах книги, главным героем которой был сам царь, автор вновь счел нужным упомянуть о заслугах великого князя Николая Николаевича: «Прошло полгода небывалой войны, за этот период произошли величайшие военные события, и, если наша родина продолжала не только верить Верховному Главнокомандующему, но все более и более начинала ценить его твердую волю, — это несомненно указывает на то, что наша великая война с немцами, превосходно подготовленными к войне, не смущает нас, и мы верим в успех ее». Показательно, что именно вера в твердую волю

великого князя даже в этом пропагандистском издании, подготовленном Министерством императорского двора и посвященном императору, рассматривается как залог будущей победы²⁰⁹.

Великий князь Николай Николаевич на ряде почтовых открыток изображался вместе с императором. Восприниматься такие образы могли по-разному, но можно вполне предположить, что они могли «прочитываться» монархически, лояльно.

Так, например, на открытке, изданной Рижским временным комитетом в пределах Риги-Орловской железной дороги на нужды воинов, их семейств, вдов и сирот, помещены два овальных портрета царя и Верховного главнокомандующего. Оба портрета украшены коронами, императорской и великокняжеской, а портрет великого князя — еще и орденом Св. Георгия²¹⁰. Николай II и Николай Николаевич выглядят как два вождя, почти равновеликих.

На одном из плакатов того времени, выпущенном издательством И.Д. Сытина, изображались главы союзных государств — России, Франции, Великобритании, Бельгии, Сербии и Черногории. Но в нижнем ряду, между наследниками сербского и черногорского престола был помещен портрет великого князя Николая Николаевича. Очевидно, у зрителей создавалось представление о совершенно особом статусе Верховного главнокомандующего, а изображение его в одном ряду со своими родственниками, наследниками престолов союзных славянских стран, могло возбуждать и мысли о каких-то претензиях на трон какой-либо страны (объединенной Польши, Галиции). Вряд ли подобный плакат мог появиться без разрешения Министерства императорского двора, но был ли доволен подобной композицией сам российский император?

Другие изображения не вызвали подобных вопросов. На обложке журнала «Лукоморье» в апреле 1915 года был напечатан портрет царя работы художника О. Шарлеманя. Подпись гласила: «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович». Николай II был изображен в гусарской форме, скачущим на белом коне. Впереди сопровождающей его группы всадников гарцсвал на коне великий князь Николай Николаевич в замстном красном мундире кавалерийского генерала²¹¹. Зрителю сразу становилось ясно, кто символически наиболее приближен к особе императора.

Впрочем, в подобной ситуации и некоторые вполне благонамеренные патриотические тексты, восхвалявшие вождя нации, могли восприниматься, «переводиться» по-разному. Так, напри-

мер, в январе 1915 года журнал «Нива» опубликовал стихотворение П. Зорьевой-Басалыго «Орлы летят». Оно начиналось так:

Орлы летят в синеющей лазури
 На смелый зов Верховного Орла,
 Они летят навстречу грозной буре,
 Навстречу мук, насилия и зла²¹².

Но кого патриотически настроенная поэтесса имела в виду, когда она писала о «верховном орле»? «Державного вождя» или «орла-главнокомандующего»? Автор же другого стихотворения, опубликованного накануне смещения Верховного главнокомандующего в официальном издании, предназначенном для военных священников, не оставлял у читателей на этот счет никаких сомнений — «великим Николасм» и «верховным вождсм» он именовал не царя, а великого князя:

Тебе, Верховный вождь и богатырь наш славный,
 Молитвенно мы шлем восторженный привет,
 Бог даст, Твоим мечом исконный враг коварный
 Да будет побежден, за зверство даст ответ.
 Смотри, как каждый дом творит свое моленье,
 Народный слышен глас, бряцание кадил...
 «Всевышний Бог! Пошли свое благословенье
 Великому вождю земных, родимых сил...»
 Пройдет войны кошмар, заблещут счастья слезы,
 «Великий Николай! – воскликнет мир и свет. —
 Мир миру дал, разбив тентонские угрозы...
 Да сохранит Господь Тебя на много лет!»²¹³

Особое распространение получил снимок, на котором Николай II в полевой форме смотрит вдаль в бинокль, а великий князь почтительно склонился к нему, как бы готовый в любой момент дать необходимые разъяснения. Этот образ стал одним из наиболее известных зрительных символов Первой мировой войны, он воспроизводился и в периодических изданиях, и на почтовых открытках того времени.

Этот яркий образ, однако, появился в результате некоторых манипуляций с фотографией К. Буллы «Его величество на военном поле»²¹⁴. Снимок был сделан во время маневров еще до войны. Собственно, царь и великий князь находятся в левом углу фотографии, а на переднем плане расположена группа офицеров. Они были отсечены, а изображения главных персонажей увеличены²¹⁵.

Но на этом редактирование снимка патриотически настроенными издателями не было завершено. В Петрограде, в типографии товарищества Р. Голице и А. Вильборг была отпечатана почтовая открытка «Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич». Ее создатели также использовали фотографию К. Буллы, но на этот раз они удалили и изображение самого императора!²¹⁶ Возможно, производители открытки использовали портрет великого князя, опубликованный в сентябре 1914 года в иллюстрированном издании «Летопись войны». Вероятно, что художники этого лояльного по отношению к монархии издания первыми «изъяли» царя из этой композиции, не вкладывая в свои действия какого-либо политического оппозиционного смысла²¹⁷. Однако подобные манипуляции с известной фотографией символичны. И в патриотическом общественном сознании Верховный главнокомандующий порой вытеснял императора. Уникальный вождь, спаситель России превращался в единственного истинного вождя воюющей страны.

По-видимому, это символическое вытеснение Николая II проявлялось и в ходе некоторых патриотических милитаристских манифестаций. Так, 11 января 1915 года в Москве прошла т.н. «славянская манифестация», «славянский день» в честь победы армии сербов над австрийцами. Внушительная процессия со знаменами, национальными флагами России и союзных государств, большими портретами сербского короля Петра и королевича Александра, короля черногорского Николая и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича собралась у памятника императору Александру II. Информация об этом появилась в иллюстрированных журналах «Нива» и «Искры»²¹⁸. Показательно, что портреты императора в описаниях манифестации не упоминаются, не видны они и на опубликованных в этих изданиях фотографии. Не русский царь, а Верховный главнокомандующий олицетворял для некоторых панславистов военные усилия России.

Можно, разумеется, предположить, что редакции журналов исходили из каких-то своих политических предпочтений, описав манифестацию именно таким образом. Но это представляется маловероятным: так, впоследствии в этих же изданиях публиковались тексты, вполне верноподданные по отношению к царю. Скорее всего, манифестация в Москве была монархической (показателен выбор места для ее проведения), но для ее участников военные

усилия России символизировал не император, а популярный Верховный главнокомандующий, к тому же близкий родственник монархов Черногории и Сербии.

Показательно, что иначе в той же «Ниве» описывался «сербско-черногорский день», прошедший в Москве на другой день. Участники этой манифестации несли портреты императора, наследника цесаревича, Верховного главнокомандующего, сербского и черногорского королей. Как видим, однако, и здесь образ великого князя Николая Николаевича был представлен, к тому же делегация поляков несла плакат с воззванием Верховного главнокомандующего, которое становилось для части русских поляков важным символом патриотической мобилизации²¹⁹.

На обложке официального иллюстрированного журнала «Летопись войны» была помещена фотография, изображавшая императора и Верховного главнокомандующего. Редакция издания всячески подчеркивала свою верноподданность, но на изображении царь снизу вверх смотрел на величественного великого князя²²⁰. В нашем распоряжении нет источников, позволяющих реконструировать восприятие этого изображения современниками. Можно, однако, предположить, что оно иллюстрировало и тем самым подтверждало распространенные в то время представления о главенствующем положении Верховного главнокомандующего. Патриотичный и решительный великий князь, «Николай большой», в общественном сознании порой противопоставлялся императору, «Николаю маленькому», якобы неспособному и бездеятельному. Эта оппозиция двух конкурирующих вождей нашла отражение и в некоторых уголовных делах, возбужденных против лиц, оскорблявших царя.

Уже в марте 1915 года 28-летний крестьянин Томской губернии в пьяном состоянии обратился на улице к односельчанам с речью, сопровождая почти каждое свое слово площадной бранью: «У нас ГОСУДАРЬ и правительство спят, только старается один НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Если бы меня взяли на войну, я там бы все перевернул — все законы, ЦАРЯ и ЦАРЯТ». Пьяным был и 49-летний астраханский мещанин, который в мае того же года заявил в парикмахерской: «НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ у нас строгий, а ЦАРЬ ..... (непристойное слово)». Но те же мысли высказывались порой и вполне трезвыми людьми. Неграмотный 44-летний крестьянин Самарской губернии, привлеченный к ответственности за оскорбление императора, признавал: «Николаю Николаевичу, может быть, доверяют, но ГОСУДАРЮ никто не доверяет. Он баба,

даже хуже бабы». 57-летний донской казак в июне 1915 года говорит: «Наш ГОСУДАРЬ глупого рассудка и если бы не было НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, то война давно уже была бы проиграна». О том же говорил и 43-летний оренбургский казак в октябре 1915 года, уже после того как Николай II сам стал Верховным главнокомандующим: «..... (брань) наш ГОСУДАРЬ слабо правит государством. Зачем Сам на войну пошел? Не могли избрать из Великих князей. Спасибо НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ: если бы не ОН, то германец пробрался бы в Россию». Крестьянин Тобольской губернии заявил в июле 1915 года: «Нужно молиться за воинов и великого князя Николая Николаевича. За Государя же чего молиться. Он снарядов не запас, видно, прогулял да проб...чал». В слухе, относящемся к тому же месяцу, дядя царя даже сурово карает предателя-племянника: «Государь Император продал Перемышль за 13 миллионов рублей и за это Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич разжаловал царя в рядовые солдаты». Показательно, что обвиняемый, наделявший в своем воображении Верховного главнокомандующего такой огромной властью, якобы позволявшей ему «разжаловать» самого царя, признал себя виновным в совершении преступления, он подтверждал, что обвинил правящего монарха в государственной измене²²¹.

Итак, люди, оскорблявшие императора, обвинявшие его в неспособности вести войну, а то и в предательстве, восхваляли в то же время «августейшего главнокомандующего». В их свособразном патриотическом сознании «сильный» и «строгий» Верховный главнокомандующий противопоставляется «слабому» и «бездействительному» (а то и «преступному») «племяннику»-императору.

В других оскорблениях членов царской семьи с могущественным великим князем связываются и надежды Некоторых воинственных патриотов на суровое наказание императрицы-«изменщицы». В июне 1915 года 46-летний неграмотный воронежский крестьянин в сердцах сказал своим односельчанам: «Говорят, наша Государыня передает письма германцам. Если бы я был на месте НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, я бы ей голову срубил (брань)»²²². И в этом случае власть главнокомандующего преувеличивается, а сам он напоминает былинного, сказочного витязя, одним ударом избавляющего страну от злой царицы-изменщицы.

Популярность великого князя росла не только среди неграмотных крестьян, но и у представителей высшего света. В 1915 году в первом майском номере столичного журнала «Столица и усадьба»,

который был рассчитан на светских читательниц, появился большой портрет Верховного главнокомандующего (еще в феврале этот портрет был опубликован в издании «Летопись войны», рассчитанном на гораздо более широкую аудиторию)²²³. Использовался уже упоминавшийся портрет: великий князь был изображен на фоне леса в дубленном полушубке, в папаше и с башлыком. В этом же номере журнала «Столица и усадьба» публиковались портреты чинов его штаба и, что было немаловажно для этого издания, портреты их жен. Если учесть, что тема войны освещалась в журнале «Столица и усадьба» преимущественно посредством публикации фотографий аристократок, исполнявших обязанности сестер милосердия и (или) облаченных в элегантную и модную форму сестер милосердия, то для подобного издания это был серьезный и знаковый великосветский политический демарш²²⁴. Показательно, однако, отсутствие в этом выпуске портрета супруги великого князя. Очевидно, редакция издания проявила объяснимую осторожность. Возможно, впрочем, великая княгиня Анастасия Николаевна сама пожелала не раздражать лишним раз императорскую чету.

Верховный главнокомандующий порой даже рассматривался частью представителей высшего света и как подходящая кандидатура на роль «хорошего царя». Княгиня Кантакузен вспоминала впоследствии о событиях лета 1915 года:

Великий князь обнаружил, что числится во главе оппозиционной партии, совершенно неожиданно и против своей воли. В то время Москва прислала депутацию, где его просили свергнуть императора и самому занять трон. Я это знаю, потому что его императорское высочество отказался даже принять их, и на моего мужа была возложена обязанность передать отказ великого князя рассматривать или обсуждать подобные предложения²²⁵.

К подобному свидетельству мемуаристики следует относиться скептически. Скорее всего, в ее памяти смешиваются события, относящиеся к разным периодам; маловероятно, чтобы московские общественные деятели уже летом 1915 года могли обратиться к Верховному главнокомандующему с подобным предложением совершить государственный переворот. Но это не значит, что цитируемый фрагмент воспоминаний не представляет для историка никакого интереса. Очевидно, что разговоры о возможности возведения великого князя на престол велись в это время. Упомина-

ния о таком отношении к Верховному главнокомандующему мы встречаем и в другом источнике. Описывая настроения участников антинемецкого погрома в Москве в мае 1915 года, французский посол М. Палеолог записал в своем дневнике: «На знаменитой Красной площади... толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, передачи престола великому князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина и проч.»²²⁶. К «дневнику» Палеолога следует относиться весьма осторожно, однако и в других источниках встречаются упоминания о том, что популярный Верховный главнокомандующий рассматривался частью общественного мнения как кандидат на императорский трон.

Великого князя порой даже именовали Николаем III. Протопресвитер Г. Шавельский впоследствии вспоминал: «В придворных кругах в это время многозначительно говорили о ходившем по рукам портрете великого князя с надписью “Николай III”»²²⁷.

Другие источники также свидетельствуют о том, что в народе говорили о желательности смены царя. Так, потомственный дворянин А.Г. Хорват, служивший по ведомству императрицы Марии, обвинялся в том, что в июле и августе 1915 года он говорил разным лицам, что Москва полна революционерами, волнуется и желает провозглашения императором «Николая III», подразумевая при этом великого князя Николая Николаевича²²⁸.

О распространенности таких настроений свидетельствует и то обстоятельство, что подобные разговоры дошли и до царицы. Императрица Александра Федоровна знала о них, она писала об этом царю 16 сентября 1915 года: «Ты — властелин, а не какой-нибудь Гучков, Щербатов, Кривошеин, Николай III (как некоторые осмеливаются называть Н.), Родзянко, Суворин. Они ничто, а ты — все, помазанник Божий»²²⁹. Помещение царицей влиятельного члена императорской семьи, обозначенного именем, данным ему молвой, в ряду бюрократов и профессиональных политиков имеет характер намеренного снижения, профанации образа великого князя Николая Николаевича. Иными словами, императрица фактически косвенно признает необычайную популярность военачальника, уже оставившего к этому времени должность Верховного главнокомандующего.

Но и после перемещения великого князя на Кавказ о нем продолжали говорить как о желательном кандидате на русский престол. В феврале 1916 года нетрезвый 49-летний крестьянин Уфим-

ской губернии заявил односельчанам: «К .... (брань) войту вашу и ЦАРЯ вашего; не ему, а НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ нужно быть царем»²³⁰.

Очевидно, на эти слухи и планы намскал и великий князь Николай Михайлович, который писал Николаю II 28 апреля 1916 года: «Вам известна моя беззаветная преданность вашему покойному родителю, вашей матушке, вам и вашему роду, за который ежеминутно я готов лечь костью, но других вариантов в династическом отношении я не признаю и никогда признавать не буду»²³¹. Можно с уверенностью предположить, что «другим» династическим вариантом считались планы выдвижения на престол великого князя Николая Николаевича: в предшествующих фрагментах данного письма речь шла о его нарастающей популярности, которая, по мнению великого князя Николая Михайловича, представляла немалую политическую опасность.

Подобное отношение к великому князю проявлялось и в дни революции 1917 года. Н.С. Трубецкой вспоминал некоего мастерового, ораторствовавшего на улицах Москвы в дни Февраля: «“Хочу, чтобы была республика... но чтобы царем вместо Николая Александровича сидел бы Николай Николаевич”. Выяснилось, что под “республикой” оратор разумел не политическую форму правления, а нский бытовой уклад, сводившийся к *dolce far niente* (сладости безделья), беспрерывному променаду и хорошему за сие жалованию»²³². Очевидно, анекдот о подобном «народном» восприятии образа великого князя получил известное распространение в интеллигентских кругах Москвы. И видный деятель московских кадетов В.А. Маклаков впоследствии вспоминал его, придавая, впрочем, подобной фразе и известное политическое значение: «Хотячая фраза того времени, над которой смеялись: “Пусть будет республика, но чтобы царем в ней был Николай Николаевич”, не только смешна. На этом чувстве было заложено поклонение Керенскому, потом Ленину, а в конце обоготворение Сталина»²³³.

Распространению слухов о «Николае III» в годы Первой мировой войны способствовало несколько обстоятельств.

Как уже отмечалось, «Положение о полевом управлении войсками в военное время» предполагало, что во время большой войны император сам будет Верховным главнокомандующим. Верховному главнокомандующему предоставлялась огромная власть. Ситуация усугублялась тем, что в «Положении» отсутствовали какие-либо указания, определенно регламентирующие взаимоотно-

шения военных властей, прежде всего Верховного главнокомандующего и его штаба, и центральной гражданской администрации в лице Совета министров²³⁴.

Высшее военное руководство нередко истолковывало отсутствие точной регламентации в свою пользу. Военные власти бесцеремонно, нередко незаконно и порой весьма некомпетентно вмешиваясь в деятельность различных гражданских ведомств, что вызывало немалое неудовольствие как императора, так и бюрократов, в том числе и министров, как весьма консервативно настроенных, так и имевших репутацию либералов. Иногда и представители «общественности» критиковали неожиданные управленческие инициативы Ставки. Чины штаба Верховного главнокомандующего часто просто не были профессионально подготовлены к деятельности такого рода, распоряжения Ставки могли противоречить существующему законодательству: их составители не были осведомлены о существовании ряда важных правовых актов. Попытки координировать деятельность Ставки и правительства не увенчались успехом. В то же время воздействие Верховного главнокомандующего на правительственный аппарат возрастало. С.П. Белецкий впоследствии даже утверждал, что великий князь Николай Николаевич не только вынудил министров считаться со своими взглядами, но и прямо поставил их «в положение исполнительных органов своих повелений». Впрочем, Белецкий, по-видимому, намеренно преувеличил масштабы влияния Ставки на правительство. Одновременно Ставка во всех критических ситуациях возлагала ответственность на тыл, что объективно способствовало распространению и без того сильных антибюрократических настроений и даже противоправительственной агитации. В то же время и военная цензура, подчинявшаяся Верховному главнокомандующему, порой весьма снисходительно относилась к публикациям, резко критикующим правительство²³⁵. Это не могло не раздражать глав правительственных ведомств.

Современники заговорили о своеобразном «двоевластии», которое складывалось во время войны в стране (именно такой термин использовался уже в 1915 году). О «двух правительствах» рассуждали и на заседаниях Совета министров. Выдвигались различные проекты преодоления подобного «двоевластия». Так, председатель Государственной думы М.В. Родзянко однажды заявил председателю Совета министров И.Л. Горемыкину: «...пускай... великий князь будет диктатором, чтобы правительство переехало в ставку».

При этом, однако, сам Родзянко, несмотря на его положительное отношение к Верховному главнокомандующему, отмечал, что великий князь был «совершенно незнаком с ведением внутреннего государственного распорядка»²³⁶. Подобные планы не были реализованы, но даже разговоры о «диктатуре» Ставки не могли нравиться императору.

Усиление власти Верховного главнокомандующего и усиление популярности великого князя, планы еще большего расширения полномочий Ставки, а тем более проекты создания какой-то «диктатуры» во главе с Верховным главнокомандующим особенно сильно беспокоили царицу. Она писала императору 29 января 1915 года: «Я так рада, что ты обстоятельно побеседовал с Н. — Фредерикс прямо в отчаянии (и справедливо) от многих его неразумных приказов, только ухудшающих дело, и по поводу еще многого, о чем сейчас лучше не говорить, он находится под влиянием других и старается взять на себя твою роль, что он не вправе делать — за исключением разве вопросов, касающихся войны. Этому следовало бы положить конец. Никто не имеет права перед Богом и людьми узурпировать твои права, как он это делает, — он может заварить кашу, а позже тебе не мало труда будет стоять ее расхлебать. Меня это ужасно оскорбляет. Никто не имеет права так злоупотреблять своими необычайными полномочиями»²³⁷.

Опасения императрицы усилились после отстранения одиозных министров. Верховный главнокомандующий рассматривался как союзник тех членов правительства, которые противостояли своим реакционным коллегам, интриговали против них, планировали реорганизацию Совета министров. Член Государственной думы Велихов писал еще 7 февраля 1915 года: «В высших правительственных кругах идет борьба двух влияний: Кривошеина, которого поддерживает Ставка Главнокомандующего, и Маклакова»²³⁸.

В то же время и некоторые министры вели интригу против великого князя. Министр внутренних дел Маклаков и военный министр Сухомлинов указывали царю на связи Верховного главнокомандующего с «общественностью», стремясь скомпрометировать его в глазах императора²³⁹.

Однако Маклаков и Сухомлинов потеряли свои должности, правительство было пополнено популярными министрами. Отчасти это было следствием политического давления Верховного главнокомандующего на царя. Важное заседание обновленного Совета министров состоялось в Ставке 14 июня 1915 года. Это заседа-

ние, проходившее под председательством Николая II и при участии великого князя Николая Николаевича, взяло курс на диалог с «общественностью». При этом состоявшиеся перемены в правительстве согласовывались со Ставкой. Визуальным символом «нового курса» стал коллективный снимок участников совещания. Верховный главнокомандующий сидел справа от царя, всем становилось ясно, кто является вторым человеком в стране. Общественное же мнение приписывало инициативу кадровых перестановок в правительстве великому князю Николаю Николаевичу. Некий житель Тифлиса писал в июле 1915 года: «Лучше всех понял народ и его волю великий князь, наш верховный главнокомандующий. Он и потребовал смену министров-народоненавистников и ретроградов»²⁴⁰.

Влияние великого князя Николая Николаевича на политическую жизнь страны, возможно, и переоценивалось некоторыми современниками, но бесспорно, что летом 1915 года оно явно усиливалось. Это еще более укрепило опасения императрицы Александры Федоровны относительно политических амбиций Верховного главнокомандующего. 17 июня царица писала императору:

Ох, не нравится мне присутствие Н. на больших заседаниях по внутренним вопросам! — Он мало понимает нашу страну и импонирует министрам своим громким голосом и жестикулацией. Меня его фальшивое положение временами бесит. ...

Он не имеет права вмешиваться в чужие дела, надо этому положить конец и дать ему только военные дела — как Френч и Жофр. Никто теперь не знает, кто император, — ты должен мчаться в Ставку и вызывать туда министров, как будто ты не мог их видеть здесь, как в прошлую среду. Кажется со стороны, будто Н. все решает, производит перемены, выбирает людей. — это приводит меня в отчаяние²⁴¹.

Подобные опасения не оставляли царицу и в последующие недели. Она писала царю 25 июня 1915 года, подразумевая великого князя: «Он не имеет права себя так вести и вмешиваться в твои дела — все возмущены, что министры ездят к нему с докладом, как будто бы он теперь Государь. Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы!» При этом императрица ссылалась на мнение некоторых придворных, на великого князя Павла Александровича и на Распутина: «Павел [великий князь Павел Александрович. — Б.К.] очень предан и, оставляя в стороне свою личную антипатию к Н.,

также находит, что в обществе не понимают положения последнего, — нечто вроде второго императора, который во все вмешивается. — Как много людей говорят это (наш Друг тоже)»²⁴².

Не только определенная особая политика Ставки, но и своеобразный политический державный стиль, культивировавшийся Верховным главнокомандующим, еще ранее, весной 1915 года, все более беспокоили царя, царицу, некоторых других членов императорской семьи, а также Распутина. Различные официальные документы, воззвания, исходившие из Ставки, все чаще имитировали слог царских манифестов. Императрица писала царю 4 апреля 1915 года: «Хотя Н. поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга так же, как и меня, возмугило, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т.д. твоим стилем, — он должен был бы писать более просто и скромно»²⁴³.

Показательно, что такое же мнение высказывали и некоторые министры, считавшие недопустимым именовать документы, исходящие из Ставки, «рескриптами»²⁴⁴.

Император не разделял всех опасений царицы относительно политических амбиций великого князя Николая Николаевича, но в данном случае он, по-видимому, счел ситуацию достаточно серьезной, чтобы вмешаться. Можно предположить, что министру императорского двора барону Фредериксу было поручено переговорить по этому поводу с Верховным главнокомандующим. Николай II писал Александре Федоровне 5 мая 1915 года: «Я имел длинную беседу с Н., потом обычный доклад, и в церковь. <...> Только что старый Фредерикс имел свой разговор с Н. За обедом я смогу по выражению их лиц судить о том, как прошла у них эта беседа»²⁴⁵.

Однако порой противопоставление императора и Верховного главнокомандующего переходило и в иное измерение. Великий князь, который, как это уже отмечалось выше, рассматривался как последовательный противник Германии, «внутренних немцев» и сторонник доведения войны до победного конца. В то же время ходили слухи, что царь желает скорейшего мира. Эту ситуацию пытался использовать противник. Немецкие пропагандисты уже с 1914 года выпускали прокламации, адресованные русским солдатам. Прокламации эти на фронте бросались с аэропланов, а в тыл проникали из Швеции по почте, большей частью под бандеролью, например в виде образчиков товаров из Швейцарии. Некоторые подобные листовки воспроизводит в своих воспоминаниях генерал В.Ф. Джунковский.

Отдельные немецкие прокламации содержали сфабрикованное фальшивое обращение к русским солдатам от имени российского императора и были подписаны «несчастный ваш царь Николай II»: «Возникла сия несчастная война против воли моей; она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его сторонников, желающих устранить меня, дабы ему самому занять Престол. Ни под каким видом я не согласился бы на объявление сей войны, зная наперед ее печальный для матушки России исход; но коварный мой родственник и вероломные генералы мешают мне в употреблении данной мне Богом власти, и, опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнять все то, что требуют от меня» (подобный текст подтверждал мнение о «слабоволии» и «слабости» царя, подкрепляя версию о его приверженности идее сепаратного мира). Эта тема звучала и в другом листке, выпущенном германскими пропагандистами. В данном случае они, однако, не использовали технику «черной пропаганды», листовка не приписывалась российскому императору, она открыто исходила от немецкого командования: «... ваш Государь император Николай II не совершил и не хотел совершить такой великий грех. Он не пожелал этого кровопролития — он любит свой народ. Вина вата другая личность — великий князь Николай Николаевич. Он заставил Государя начать эту несчастную войну. Это он безжалостно гонит вас на верную смерть. Он равнодушно смотрит на ваши потери, на слезы ваших жен и детей. Он не отвечает за благо народа. Ему до вас какое дело! А от англичан и французов, ваших старых врагов, он взял деньги и продал им свою душу. Но вам ли, русские солдаты, слушаться этого бессовестного человека. Позволять ему стать клином между Государем и его народом. Нет, не вам это терпеть. Свергайте его с места, ему не подобающего. Отказывайтесь дальше сражаться за его преступное честолюбие. Оставьте его и ступайте домой или переходите на нашу сторону»²⁴⁶.

Сложно сказать, как воспринимались подобные прокламации подданными Николая II. Кто-то мог сделать вывод о том, что великий князь Николай Николаевич является главным «поджигателем войны». Часть читателей листовок, очевидно, воспринимала их как явную фальшивку. Можно с уверенностью предположить, что для части читателей немецких воззваний они служили подтверждением патриотизма Верховного главнокомандующего. В этом случае результат германских листовок был противоположен замыслам их создателей. Кто-то мог понять их как подтверждение слухов о

стремлении императора заключить сепаратный мир. Но в некоторых случаях читатели могли интерпретировать листовки именно так, как и предполагали немецкие пропагандисты. Часть российского общественного мнения воспринимала великого князя как главного инициатора войны.

Очевидно, у Верховного главнокомандующего были свои основания опасаться пропаганды противника, он мог полагать, что распространение настроений такого рода еще более обострит его отношения с царем, и без того непростые. В начале 1915 года великий князь Николай Николаевич издал специальный приказ, в котором, в частности, указывалось: «Из австрийской армии нарочно назначенные нижние чины разбрасывают среди наших войск прокламации, в которых обнагленные враги дерзают обращаться якобы от имени священной особы Государя императора и как бы за его подписью к вам, доблестные сыны России. Всякий верноподданный знает, что в России все беспрекословно повинуются, от верховного главнокомандующего до каждого солдата, единой священной и державной воле помазанника Божия, нашего горячо обожаемого Государя императора, который един властен вести и прекратить войну». Верховный главнокомандующий приказывал всех лиц, захваченных с подобными прокламациями, предавать немедленно полковому суду для наказания со всей строгостью законов военного времени как государственных преступников²⁴⁷. Сам факт появления подобного специального приказа Верховного главнокомандующего, посвященного нескольким вражеским листовкам, свидетельствует о том, какое значение придавалось подобной пропаганде врага — ведь приказы такого рода доводились до всех военнослужащих, находящихся в действующей армии.

Следует отметить, что для значительной части германского общественного мнения именно великий князь Николай Николаевич персонифицировал образ русского врага, российскому императору уделялось гораздо меньше внимания. Уже в первом выпуске популярного немецкого иллюстрированного издания, посвященного войне, были опубликованы портреты полководцев противника. Портрет великого князя Николая Николаевича был самым большим и занимал центральное место в композиции²⁴⁸.

Довольно часто он изображался и современными немецкими карикатуристами. Сначала он предстает как «кровавый мясник», «корень всех несчастий», но после поражений русской армии германские художники создают комический образ долговязого и не-

уклюжего генерала-неудачника. На одной карикатуре изображен великий князь, схватившийся руками за голову, его утешает... Карл Либкнехт, известный социал-демократический депутат рейхстага, противник войны, голосовавший против военных расходов в 1914 году. Либкнехту приписываются слова: «Не отчаивайтесь, великий князь! У меня еще есть страшное оружие для борьбы с Германией — моя депутатская неприкосновенность»²⁴⁹. Как и во многих других случаях, образ внутреннего врага, в данном случае антимилитариста и революционера Либкнехта, создавался путем привязывания его к узнаваемому образу внешнего врага. Это косвенно свидетельствует о той значительной роли, которую великий князь Николай Николаевич играл в немецкой милитаристской пропаганде.

Популярность Верховного главнокомандующего, его реальная возрастающая политическая власть, его державная репрезентация, его связи с «общественностью», его открытое желание резко огранить власть императрицы — все это в сочетании со стремлением какой-то части общества видеть его на престоле создавало необычайно сложную ситуацию. А это уже привело и к появлению качественно новых слухов. Мемуарист, служивший в годы войны в Ставке Верховного главнокомандующего, вспоминал: «И вот в столице — в известных кругах и при дворе — начали шептаться о том, что громадная популярность в России великого князя может причинить вред престолу, и стали намекать на то, что в Ставке могут появиться, на почве этой популярности, узурпаторские тенденции»²⁵⁰.

Комментарии вражеской прессы могли только укреплять подобные подозрения у императора. Польская газета, выходявшая в Берлине, писала: «Великий князь в нынешнюю войну был не только Верховным главнокомандующим всех русских армий, его считали фактическим повелителем России, перед которым совершенно ступевывалась личность его племянника, царствующего императора. В качестве победителя он после войны, быть может, захватил бы в свои руки верховную власть, которой он фактически обладал»²⁵¹.

6. Великий князь Николай Николаевич как ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Приведенные факты свидетельствуют о возрастании популярности великого князя Николая Николаевича в 1914—1915 годах. Сторонники войны, придерживавшиеся разных политических

взглядов, именно с великим князем связывали свои надежды на благоприятный исход грандиозного конфликта.

Однако в то же время великий князь Николай Николаевич предстает во многих слухах и как отрицательный персонаж, это проявляется и в нарастании числа дел по оскорблению великого князя в 1915 году. Ранее всего Верховного главнокомандующего стали оскорблять всевозможные противники войны. Прежде всего это касается тех дел, где в качестве «фигурантов» выступали представители этнических меньшинств и иностранцы, в наибольшей степени пострадавшие после начала военных действий. А именно они в это время нередко привлекались к ответственности за оскорбления великого князя. Так, нам известно 64 случая доносов по поводу оскорбления великого князя в 1915 году. В 13 случаях к ответственности привлекались немцы (преимущественно русские подданные, а также военные и гражданские пленные, подданные Германии и Австро-Венгрии), в 11 случаях — евреи, русские подданные. В то же время, как уже отмечалось, известно лишь 4 случая оскорбления великого князя Николая Николаевича в 1914 году, при этом ни немцы, ни евреи не привлекались в качестве обвиняемых. Можно сделать вывод, что регистрация подобных преступлений в 1915 году служила знаком новой общественной ситуации, новых конфликтов.

Подобное отношение представителей данных этнических групп к великому князю Николаю Николаевичу вполне объяснимо. Депортации еврейского и немецкого населения, производимые в 1915 году по инициативе Ставки Верховного главнокомандующего, другие репрессии не могли прибавить великому князю популярности в этих этнических группах, хотя инициатива подобных мероприятий в действительности принадлежала порой не ему, а начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Янушкевичу²⁵².

Правда, в некоторых случаях явно имели место оговоры. Можно с уверенностью предположить, что жертвой ложного доноса стал и 68-летний Густав Вильгельмович Нейгауз, известный преподаватель музыки, отец Г.Г. Нейгауза, впоследствии знаменитого пианиста. Он приехал в Россию из Германии еще в 1870 году, был женат на русской подданной, а его сын находился во время войны в рядах действующей армии. Сам Г.В. Нейгауз подал в это время прошение о переходе в русское подданство. Квартирная хозяйка донесла на него властям, она показала, что при чтении газет ее постоялец часто порицал русское высшее военное командование, называл

Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича «большой свиньей». Но допрошенная в качестве свидетельницы домашняя прислуга утверждала, что она никогда не слышала этих слов от квартиранта. Она также рассказала, что Нейгауз неоднократно делал замечания владелице квартиры по поводу неряшливости и плохого приготовления обедов в ее доме. Хозяйка приписывала его влиянию уход других своих нахлебников. Лишившись вследствие этого дохода, она, по словам прислуги, решила отомстить Нейгаузу и донести на него: «Ей все поверят, а ему нет, т.к. он немец»²⁵³. Показательно, однако, что доносчица приписывала Нейгаузу такие слова: так, по ее мнению, должен был говорить «настоящий» немец, противник России, — ему следовало оскорблять прежде всего именно великого князя. Несмотря на явные признаки отговора, министр юстиции не считал возможным прекратить расследование даже в тех условиях, когда дела по оскорблению царской семьи в массовом порядке пересматривались в 1916 году, в отличие от большинства подобных случаев, он повелел «дать делу законный ход». Очевидно, национальность обвиняемого повлияла на решение министра.

Более повезло 62-летнему торговцу хлебом еврею Ш.И. Белявскому, который был даже обвинен в том, что высказывал мысль об убийстве Верховного главнокомандующего. Крестьянин П. Релько донес властям, что в марте 1915 года Белявский сказал ему: «Если бы убить верховного главнокомандующего, то и война бы кончилась». Такому обвинению можно было поверить: как уже отмечалось, великий князь Николай Николаевич часто считался «поджигателем войны». Правда, расследование показало, что Релько был должен Белявскому до сотни рублей, других же свидетелей злополучного разговора не было. Начальник Киевского жандармского управления, ознакомившись со сведениями о политической благонадежности подсудимого, считал возможным прекратить расследование без всяких для Белявского последствий²⁵⁴. Однако показательно, что доноситель приписывал ему именно такие слова, очевидно, что-то похожее ему уже доводилось слышать.

Можно предположить, что в некоторых случаях евреи и немцы, упоминаемые в делах по оскорблению великого князя Николая Николаевича, действительно произносили приводившиеся в следственных делах фразы. Обвиняемым в оскорблении Верховного главнокомандующего приписывались следующие слова: Николай Николаевич «только пьянствует, разбойничает и вешает мирных

евреев»²⁵⁵. Он описывается и как неоправданно жестокий военачальник: «Это неправда, что немцы режут наших пленных. Сам Николай Николаевич режет наших солдат»²⁵⁶.

Великий князь считается главным виновником войны и в высказываниях, зафиксированных в других доносах.

58-летняя еврейка и ее дочь говорили о Верховном главнокомандующем: «Из-за него одного столько народу пропадает». 63-летний еврей так отреагировал на слух о том, что в Петрограде сгорел дворец великого князя Николая Николаевича: «Лучше бы было, если бы Великий Князь сгорел с душою и телом. Скорей бы конец войны был». 51-летней еврейке приписывали слова, сказанные русскому крестьянину: «Наше дело пропащее, — дали власть НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ, сидит Он там, старый черт, только народ кладет». Ее сверстница, еврейка, жившая в другом городе, также считала великого князя виновником войны, она заявила знакомым, купившим портрет Верховного главнокомандующего: «Что вам НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, вы и без Него можете обойтись, кабы не Он, и войны бы у нас не было. Он самый бунтовщик». 76-летней еврейке приписывали такие слова: «Да, Главнокомандующий хороший человек, только Бог смерти Ему не даст. Если бы Сам Государь воевал, то давно был бы мир, а этот только знает восвать, да людей убивать»²⁵⁷.

Последние слова весьма показательны: миролюбивый император противопоставляется свирепому и воинственному дяде-военачальнику. Можно предположить, что оскорбительница великого князя, если она действительно произносила эти слова, продолжала сохранять известное уважение к царю. Совершая государственное преступление, оскорбляя Верховного главнокомандующего, старая русская еврейка использует монархический язык, субъективно выступает как верноподданная своего государя.

Лояльный монархизм по отношению к государю присущ и некоторым другим оскорблениям Верховного главнокомандующего. О том же говорил уже в январе и 44-летний немец, поселянин Самарской губернии, противопоставляя воинственного великого князя и предположительно «миролюбивого императора»: «ГОСУДАРЬ хочет мира, а НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ не хочет, за это Его давно следовало бы убить ..... (площадная брань)». Аналогичные слова приписывались и 37-летнему поселянину-немцу той же губернии: «Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА надо убить — так как ваш ГОСУДАРЬ давно бы помирился, а он мучает народ».

Похожие мысли высказывал и 61-летний немец, крестьянин Бессарабской губернии: «Это не виноват ГОСУДАРЬ, что война, а виноват ЕГО ГОСУДАРЯ ДЯДЯ, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Когда немец просил мира, так НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ не хотел, а теперь пускай поцелует его в задницу .... (брань)». 30-летней немке, русской потомственной дворянке, приписывались такие слова: «Этого мерзавца Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА следовало бы застрелить, или отравить, и война кончилась бы». Поселянка же Таврической губернии, 41-летняя немка, была настроена критично по отношению к императору, в то же время она, говоря о великом князе, утверждала: «ГОСУДАРЬ ничего не знает, это тот седой черт наставляет». 20-летний немец, поселянин Бессарабской губернии, призванный в армию, сказал при свидетелях, подразумевая Верховного главнокомандующего: «Через эту сволочь .... (брань) пропадает много народа и я должен идти на войну»²⁵⁸.

Показательно, что некоторые лица, оскорблявшие Верховного главнокомандующего, верили слухам, что император-де готов был подписать сепаратный мир, но воинственный великий князь помешал ему. Этот мотив, как мы уже видели, присущ был и германской военной пропаганде. Так же считали и некоторые русские патриоты, подозревавшие Николая II в стремлении заключить сепаратный мир. Однако в отличие от людей, желавших продолжения войны, оскорбители Верховного главнокомандующего положительно оценивали предположительно «миролюбивые» стремления царя и отрицательно — «воинственные» действия великого князя Николая Николаевича.

Очевидно, смерти великому князю желала и киевская мешанка, занимавшаяся торговлей, Б.И. Сокол. Беседа в мае 1915 года с крестьянами одной из деревень Брацлавского уезда, она заявила, что «в Австрии и Германии живется лучше». Один из ее собеседников заявил, что было бы лучше, если бы Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ избавил Россию от германцев и австрийцев. Очевидно, он имел в виду известную антинемецкую позицию Верховного главнокомандующего. В ответ Сокол произнесла: «Как бы Он пропал, нам бы лучше было»²⁵⁹. Это и послужило причиной ее привлечения к уголовной ответственности.

Все цитируемые высказывания евреев и немцев относятся к весне—лету 1915 года.

И в некоторых других оскорблениях российских «инородцев» великий князь назывался в числе главных виновников продолжения войны, иногда ему желали смерти. Чуваш П. Яковлев, крестьянин Казанской губернии, полагал, что и император, и Верховный главнокомандующий в равной степени виновны в продолжении войны. Он говорил односельчанам: «ЦАРЮ и НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ пулю надо, тогда и война бы кончилась и кровь человеческая литься перестала»²⁶⁰.

Но и в некоторых оскорблениях русских крестьян и казаков этого времени великий князь Николай Николаевич порой предстает как отрицательный персонаж. Они адресуют ему схожие обвинения: Верховный главнокомандующий воспринимается как главный виновник возникновения или (и) продолжения кровопролитной войны. Но, в отличие от упоминавшихся выше примеров оскорбления великого князя немцами и свреями, оскорбления Верховного главнокомандующего дополняются пылким обличением непрофессионализма военачальника. Солдатка, крестьянка Владимирской губернии, заявила уже в апреле 1915 года деревенским жителям, ждавшим прибытия свежих газет: «А вы верите, что вам напишет пастух Николай Николаевич. Сам он на войне не бывает, а только пьянствует, войска своего не видит, посылает туда наших мужей, да бьет их». 56-летний крестьянин Пермской губернии в июне 1915 года говорил односельчанам: «... (площадная брань) нашего главнокомандующего НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, давно бы его, пса, надо убить, сколько он народа сварил без толка. Наш ГОСУДАРЬ худая баба, не может оправдать Россию, сколько напустил немцев». В данном случае обвинения в непрофессионализме адресуются и императору, и великому князю. Крестьянка Самарской губернии после последней панихиды, совершенной по убитому мужу в августе 1915 года, сказала священнику, что «наших» бьют на войне по вине великого князя Николая Николаевича, которому «все равно, так как он панят». В июле 1915 года 54-летний русский крестьянин заявлял: «Надо Николая Николаевича расстрелять, так как он затягивает войну. Если бы не он, то Государь давно бы мир заключил»²⁶¹. В последнем случае император и великий князь противопоставляются, можно предположить, что оскорблению предшествовали слухи о поддержке царем планов заключения мира, к которым обвиняемый крестьянин, подобно упоминавшимся немецким и еврейским оскорбителям великого князя, относился, очевидно, сочувственно.

Крестьянин Черниговской губернии, работавший разносчиком писем, услышав, что великий князь Николай Николаевич желает вести войну до победного конца, заявил: «НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ хорошо: где-нибудь сидит и может иметь штук 200 б...й». Показательно, что обвиняемый признал свою вину и принес искреннее раскаяние в сказанной им непристойности, «сорвавшейся у него как-то неволью»²⁶². То есть в данном случае речь явно не идет об оговоре, подобное преступление действительно было совершено. Характерно, что у обвиняемого «сорвались» именно такие слова: Верховный главнокомандующий изображался им как виновник затягивания войны и развратник.

О предполагаемой половой распущенности и также продажности великого князя говорила в августе 1915 года 32-летняя крестьянка Тургайской области, муж которой находился на фронте. На крыльце своего дома она всла разговор с односельчанками: «Ваш ЦАРЬ дурак, допустил НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА воевать, а ОН, сволочь, с курвами возится, а нашего брата продает, а себе деньги в карман кладет»²⁶³.

Антивоенные высказывания некоторых военнослужащих также порой включали оскорбления великого князя. Солдат, находившийся в отпуске в своей деревне, заявил односельчанке, желавшей узнать у бывалого человека, когда же, наконец, будет завершена война: «Мира не будет, так как мы германца не Победим, а хорошо было бы, если бы германцы взяли в плен государя и Николая Николаевича, тогда бы лучше было». Его собеседница, по-видимому, все же верила в победу России, она отметила, что у нас есть «хорошие вояки». Отпускник-солдат не разделял ее воинственные настроения: «А вояк — чтоб черт забрал всех во главе с государем и Николаем Николаевичем»²⁶⁴.

И в данном случае и император, и Верховный главнокомандующий в равной степени рассматривались как виновники войны (это можно рассматривать как своеобразное отражение культа двух вождей, который сложился к этому времени). Но многие положительные оценки «миролюбивого» Николая II, противопоставлявшегося главнокомандующему, готовому воевать «до конца», могли подтверждать распространявшиеся слухи о стремлении императора заключить сепаратный мир (об этом уже писалось выше). Воинственность же великого князя, осуждавшаяся обвиняемыми, для других современников убедительно подтверждала его патриотизм.

Годовщина войны в 1915 году ознаменовалась новой пропагандистской кампанией, восхваляющей Верховного главнокомандующего. 19 июля великий князь Николай Николаевич отдал приказ по армии и флоту, который был написан высоким, «державным» стилем. В некоторых газетах в этот день печатали портреты Верховного главнокомандующего²⁶⁵.

Это весьма отличалось от событий годичной давности — тогда объявление войны сопровождалось публикацией портретов императора. И в 1915 году официальная «Летопись войны» сначала опубликовала портрет императора, затем — глав союзных государств, и только потом — портреты великого князя и других русских военачальников. Однако некоторые периодические издания не следовали этому примеру.

Создавалось впечатление, что именно великий князь олицетворяет для немалой части патриотического общественного мнения военные усилия России. Вряд ли это вызвало одобрение царя и особенно царицы.

Поражения русской армии весной и летом 1915 года вызвали волну критики в адрес правительства и командования. Особое политическое и психологическое значение имело оставление русскими войсками Варшавы 22 июля. В августе в правительстве обсуждали планы эвакуации Киева и даже Петрограда.

Правда, современники отмечали, что армия и страна готовы были обвинять кого угодно, но только не Верховного главнокомандующего. Великий князь Андрей Владимирович записал в своем дневнике 24 августа: «...личность Николая Николаевича была известна всей России, и его популярность не была даже поколеблена последним периодом войны, когда нашей армии пришлось все отступить»²⁶⁶.

Люди нередко возлагали ответственность за поражения на правительство, в особенности на военного министра Сухомлинова. Так, некий житель Саратовской губернии писал 27 июля 1915 года в Петроград: «Падение Варшавы произвело здесь на крестьян большое впечатление. Нет слова, каким они не ругают Сухомлинова; большинство читает газеты и, конечно, по-своему объясняет речи в Думе. Мне постоянно задают вопрос, когда Великий Князь повесит его, и вы понимаете, как мне трудно отвечать на это»²⁶⁷.

В стратегическом же отношении особое значение имело падение крепости Ковно 4 августа. Дело было не только в том, что десятки тысяч солдат оказались во вражеском плену, а противник

захватил более тысячи русских орудий. В отличие от ряда других крепостей, занятых ранее неприятелем, она находилась на линии фронта, сохраняя босвую связь с полевыми войсками. После оставления крепости в руки неприятеля перешли мосты через р. Неман и железнодорожная линия на Вильну, только частично разрушенная гарнизоном²⁶⁸.

Широкое общественное мнение не было осведомлено о всех аспектах стратегической ситуации, однако падение Ковно также переживалось необычайно остро, вызвав новые волны шпиономании; распространялись слухи о том, что крепость сдана генералами-предателями. Слухи эти не всегда были беспочвенными. Немецкая разведка действительно предлагала коменданту крепости генералу В.Н. Григорьеву миллион марок и политическое убежище в Германии в случае сдачи крепости. Первоначально он, возможно, готов был принять предложение немецкого командования, но затем изменил свое мнение. Григорьев бежал из крепости, оставив своих солдат, ибо боялся быть отрезанным немецкими войсками²⁶⁹.

Наконец, значительное недовольство общества вызывали и ближайшие сотрудники великого князя, прежде всего начальник его штаба генерал Янушкевич, который в начале войны восхвалялся милитаристской пропагандой как «герой войны» (уже в феврале 1915 года последний стал получать анонимные письма, в которых его упрекали за то, что он «взялся за дело не по уму»²⁷⁰). И лишь фигуры самого Верховного главнокомандующего острая критика не касалась. К августу эта критика Янушкевича и других чинов Ставки значительно усилилась²⁷¹.

Действительно, в некоторых источниках резкая критика генералитета и (или) правительства соседствует с похвалами в адрес популярного великого князя. Некий военнослужащий писал из действующей армии 26 мая 1915 года: «Настроение с падением Перемышля сильно понизилось. С ужасом думаем — неужели с такой напряженностью и трудом придется провести еще зиму — не хватит нервов. <...> Генералы же наши бросают зачастую непроизводительность на убый десятки тысяч солдат; живут они в полном комфорте, в 15—20 верстах от боя и получают за храбрость других Георгиевские кресты. <...> А какие мои солдаты молодцы. Вот в них я верю. Как бы хотелось, чтобы все это знал наш Верховный Главнокомандующий. Мы Его любим, верим в него»²⁷².

Встречались, однако, и другие мнения. С.А. Загребский, бывший на момент совершения преступления студентом Новороссий-

ского университета, был обвинен в том, что он неоднократно заявлял: «Наш Гинденбург — гениальный человек, Ваш же Николай Николаевич в сравнении с ним ничтожество»; «Вот наш Гинденбург деятельный человек, культурный молодец; он покажет, где раки зимуют, а ваш Николай Николаевич — ничтожество против него». Мать Загрецкого, немка по происхождению, утверждала, что его намеренно оговорили соседи, с которыми их семья была в ссоре. Показания свидетелей были противоречивы, и расследование в конце концов было прекращено за недостаточностью улик²⁷³. Можно, однако, с уверенностью предположить, что современники нередко сравнивали военное мастерство германского полководца и русского Верховного главнокомандующего (полобное противопоставление было присуще немецкой и австро-венгерской пропаганде). Вероятно, это сравнение далеко не всегда было в пользу великого князя.

Все же, несмотря на поражения, немало жителей России и летом 1915 года продолжало полностью верить великому князю Николаю Николаевичу. Как уже отмечалось, он продолжал восприниматься многими как уникальный вождь-спаситель.

Патриот-одессит, подписавший свое письмо «гражданин русского государства», писал председателю Государственной думы М.В. Родзянко: «Наше счастье и спасение, что во главе войск стоит Верховный Главнокомандующий Императорской крови и человек с твердой волей. Жаль только, что среди командного офицерского состава карьеризм и личные награды довольно часто ставятся выше общего дела, — отчего страдает и само дело... тяжело видеть и сознавать это Верховному Главнокомандующему, а потому всеми силами нужно поддержать Его бодрый дух, — в нем залог наших будущих побед»²⁷⁴.

Некий житель Нерехты направил свое письмо в редакцию газеты «Русское слово» 21 августа 1915 года, он просил передать свое послание «лучшему депутату Государственной Думы». Вопрос о смещении великого князя был уже решен императором, но автор письма этого еще не знал. Его беспокоило недобросовестное отношение многих врачей к своим обязанностям, он полагал, что в этом случае даже Верховный главнокомандующий в одиночку бессилён навести порядок: «Наш труженик Великий князь всего себя отдает родине, но не может же Он знать о всех мелочах, как, например, о таких врачах, которым не хочется поработать над начавшей гноиться раной, — хватают нож и, как мясники, отрубаят руки, ноги».

Поэтому содействие великому князю должны оказать члены Думы: «Вам, гг. депутатам, облеченным доверием, следует во все входить, помогать нашему Верховному Главнокомандующему»²⁷⁵. Автор понимает, что сил «великого труженика» недостаточно, и полагает, что задача депутатов оказать помощь именно великому князю. Такое видение ситуации предполагает, что лишь от великого князя страна может ждать спасения.

О том же избиратели сообщали и другим депутатам. Из Самарской губернии писали члену Государственной думы священнику В. И. Немерцалову: «Вера в Бога и Великого Князя Верховного Главнокомандующего — огромная»²⁷⁶. Показательно, что особа императора не упоминается автором письма.

Доверие к великому князю Николаю Николаевичу сохранял и некий житель Москвы. По его мнению, Верховный главнокомандующий не только воплощал надежду на победу над внешним врагом, он также был гарантом реформирования страны и уничтожения «врага внутреннего». В августе 1915 года он писал своему знакомому в Америке:

Народ все несет на алтарь отечества: он отдал своих лучших сыновей, он дает деньги, дает пищу, одесду для армии, и все гибнет только потому, что все это проходит чрез руки изменников. Удивительно, что эти антихристы умсют обойти даже нашего Верховного Главнокомандующего, эту надежду всего русского народа, этот единственный для нас якорь спасения, и Ему ничего больше не остается, как отступить, чтобы сохранить армию. <...> Мы ведем сейчас две войны — с немцами и со старым порядком; оба враги для нашей родины, одинаково опасные, так как они тесно переплетаются друг с другом. Победив своего домашнего врага, внутреннего, мы сможем победить и врага внешнего. <...> Чем скорее мы разлавим внутреннего врага, тем скорее будет конец европейской войне²⁷⁷.

Автор письма, подобно многим другим поклонникам великого князя, считал Верховного главнокомандующего сторонником обновления страны, борцом со «старым порядком».

Однако нельзя утверждать, что фигура главнокомандующего воспринималась исключительно положительно всеми теми жителями империи, которые желали продолжения войны. В некоторых источниках признается, что великий князь Николай Николаевич был необычайно популярен на начальном этапе войны, однако

отношение к нему стало меняться летом 1915 года. Некий житель Казани писал 24 июля члену Государственной думы И.В. Годневу, вспоминая невероятные слухи о легендарном Верховном главнокомандующем:

В начале войны проявился острый интерес к газетам, а теперь ничему не верят. Общий отзыв, — что скрывают. Жили и живем своими легендами. В первую половину войны народным героем сделался Великий Князь Верховный Главнокомандующий. Народу нравилось, что в Нем он нашел наконец того носителя русской правды, по которому стосковалась русская душа. Он охотно допускал и верил, что в пылу гнева, праведного гнева, Великий Князь рубил головы ненавистным генералам и головы виноватых летели на сажень. И в то же время ненавистным он был потому, что народ потерял веру в представителей и агентов власти²⁷⁸.

Хотя Верховный главнокомандующий в целом продолжает пользоваться доверием армии и страны, но критика полководческих качеств великого князя Николая Николаевича нарастает, весной и летом 1915 года она наблюдается в различных слоях общества. Если ранее Верховного главнокомандующего осуждали прежде всего многие противники войны, то теперь его начинают осуждать и некоторые патриоты, желавшие скорейшей победы.

Настроения такого рода можно встретить в аристократических кругах. Граф С.Д. Шереметев писал 14 июля 1915 года А.Г. Булыгину: «Наш Главнокомандующий в неудачах склонен шалеть, и теряется подобно А.П. Ольденбургскому»²⁷⁹. Сравнение великого князя с его неуравновешенным дядей, получившим прозвище «сумбур-паша», было явно нелестным для полководца. Корреспондент князя Б.А. Куракина писал ему из Петрограда 23 июля 1915 года: «Дела наши очень печальны — результат доверия к Сухомлипову. Это понятно с одной стороны, но Верховный-то чего зевал целый год? Ему следовало провсрить количество запасов»²⁸⁰.

Но еще ранее можно проследить недовольство ведением войны в крестьянской среде. Это можно видеть в делах по оскорблению великого князя. Вновь следует отметить: если раньше Верховного главнокомандующего оскорбляли прежде всего противники войны, то весной—летом 1915 года великого князя осуждают и сторонники ведения войны до победы, которые все чаще ругают его за непрофессионализм, за неэффективное ведение войны.

Уже в мае 1915 года 36-летний русский крестьянин Уфимской губернии, узнав, что русские войска отступают с Карпат, заявил: «Зачем же ГОСУДАРЬ с Его Дядей туда лезли», после чего выругался площадной бранью. Правда, обвиняемый свою вину категорически отрицал, объясняя свое поведение «скверной привычкой» всегда ругаться площадной бранью²⁸¹. Однако совершенно ясно, что вину за отступление с территории, завоеванной русской армией большой кровью, он возлагал не только на царя, но и на Верховного главнокомандующего.

В том же месяце 45-летний крестьянин Тверской губернии С.В. Байков, читая газеты вместе с односельчанами, также выразил свое возмущение ведением войны, оскорбив сразу нескольких членов императорского дома. Похоже, его собеседники не очень были шокированы, когда Байков весьма резко отозвался о царе и царице. Один из присутствующих заметил: «Вот дай Бог нашему Великому князю НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ. Надо за него Бога молить. Он за нас старается». Очевидно, этот крестьянин противопоставлял Верховного главнокомандующего другим членам императорской семьи. Но, в отличие от односельчан, у Байкова не нашлось добрых слов и для великого князя: «Что за него Бога молить, какой Он РОМАНОВ: Он перешел из рода РОМАНОВЫХ лет уже пятнадцать, род Байковых и то лучше»²⁸². Можно, однако, предположить, что причиной доноса было именно оскорбление Верховного главнокомандующего, что свидетельствует косвенно о его популярности среди части крестьян.

Встречаются в это время и оскорбления великого князя казаками. Некий донской казак заявил 27 июля жительнице его станицы: «Туда его, Верховного Главнокомандующего, он живет нашими тысячами»²⁸³. Тема несправедливого обогащения великого князя в годы войны, не имевшая, насколько можно судить, под собой оснований, получила затем известное распространение.

В июне 1915 года оскорбил великого князя и цеховой города Шлока П.И. Егерман, десятник на Царицынском оружейном заводе. Национальность Егермана неизвестна, сам он своей «народности» при допросе определить не смог, однако ругал он Верховного главнокомандующего как завзятый русский патриот, осуждая великого князя за поражения армии. В разговоре с другими десятниками, обсуждавшими оставление русскими войсками крепости Перемышль, занятой ранее с большим трудом, Егерман заявил: «За взятие Перемышля Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

был награжден золотым оружием. С какими бельмами он теперь надснет эту шашку ..... » После этого последовала крепкая ругань в адрес полководца²⁸⁴.

Не один цеховой Егерман в то время полагал, что великий князь был награжден царем слишком педро и преждевременно. Сама императрица о том же писала Николаю II 12 июня 1915 года: «Он получил бесчисленные награды и благодарности за все, но слишком рано. Больно подумать, что он столько получил, а мы почти все опять потеряли»²⁸⁵.

Как уже отмечалось, в народных крестьянских суждениях под вопрос ставится полководческое мастерство великого князя. Порой это мнение подтверждалось и «экспертной оценкой» — оценочными высказываниями солдат-фронтовиков. Ефрейтору лейб-гвардии Измайловского полка из крестьян Ярославской губернии, находившемуся дома в отпуске после ранения, приписывалось оскорбление Верховного главнокомандующего в конце мая 1915 года. Односельчанин его заметил: «Пока, слава Богу, сейчас на всех фронтах идет ничего, благодаря Верховному Главнокомандующему НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ». На это бравадный гвардеец якобы ответил: «А ... ли такой Главнокомандующий НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. Он сидит верст за 30—40 от передовых позиций в бараках и пьет шампанское; побывал бы Он на передовых позициях, узнал бы тогда, что там делается; а мы за них проливаем кровь; счастье Его, что закрыты казенки, а то бы солдату была первая чарка, а Ему первая палка от солдата»²⁸⁶. Правда, сам факт доноса свидетельствует о том, что слушатели ветерана были шокированы подобными обвинениями в адрес популярного полководца. Весьма вероятно, однако, что в данном случае имел место оговор (свидетели показали, что у доносителя и обвиняемого был имущественный конфликт). Но такой образ великого князя, некомпетентного военачальника, ведущего аморальный образ жизни, создается и в других слухах. Известен еще один случай, когда крестьяне доносили на односельчанина-солдата, которому приписывались критические высказывания в адрес Верховного главнокомандующего²⁸⁷.

Солдат, находившийся в действующей армии, писал в конце июля 1915 года члену Государственной думы В. Маклакову: «Россия — старшая сестра Турции, да и Турция уже бьет нас, и все будут бить, если не будут дела делать, а только менять Сухомлиновых на Поливановых и т.д., да если Верховный будет придирается к начальникам при малейшей неудаче, не давая никакой самостоя-

тельности»²⁸⁸. Жестокость грозного Верховного главнокомандующего по отношению к подчиненным ему генералам и офицерам восхищала ранее многих людей, теперь же она оценивается порой отрицательно, свидетельствует о неэффективности его руководства.

И в некоторых других случаях именно чрезмерная жестокость великого князя, одобрявшаяся немалой частью общественного мнения, теперь осуждается, именно ею объясняются поражения российской армии. В июне 1915 года некий мещанин г. Лида утверждал: «Всему виноват Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич — он зверски расправляется со всеми генералами; талантливый генерал Рузский находится в Кисловодске, генерал Артамонов повешен ранее взятия Перемышля ... казнены и многие другие генералы, имена которых станут известны лишь после войны... Нельзя так жестоко обращаться с генералами — толку не будет ... Генералы разошлись и не стали выполнять планов Главнокомандующего... потому нас немцы и бьют»²⁸⁹.

В крестьянской среде критикуются различные действия великого князя. Иногда эта критика носила оттенок ксенофобии и даже антисемитизма. 15 августа 1915 года 38-летний ярославский крестьянин заявил в трактире: «Верховный Главнокомандующий наш Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ неправильно ведет войну; Он из евреев, боится немцев и находится в их руках; ГОСУДАРЬНИ наши также из евреев». Свидетели описали обвиняемого как человека ненормального, болтуна и хвастуна, страдающего расстройством умственных способностей. Это, однако, не помешало дознавателям избрать мерой пресечения арест, и примерно месяц обвиняемый провел под стражей²⁹⁰.

Можно предположить, что недовольство полководческим мастерством Верховного главнокомандующего выразили наборщик и редактор виленской «Вечерней газеты». В №978 этого издания за 10 июня 1915 года в телеграмме «От Штаба Верховного Главнокомандующего» в последнем слове оказалась пропущенная буква «л». Расследование, тщательно изучив готовый набор, установило, что для того, чтобы вынуть букву, необходимо было использовать специальный инструмент, т.е. речь не могла идти о простой опечатке²⁹¹. Можно отнести к этому преступлению как к неуместному озорству, хулиганству молодых печатников. Однако показательно, что оно было совершено как раз в период поражений русской армии.

Все же, как уже отмечалось, Верховный главнокомандующий сохранял свой авторитет. Министр внутренних дел князь Н. Б. Щер-

батов, который по должности должен был быть хорошо осведомлен о состоянии общественного мнения, говорил на заседании Совета министров 6 августа 1915 года: «...Великий Князь Николай Николаевич, несмотря на все происходящее на фронте, не потерял своей популярности и как в армии, так и в широких кругах населения с его именем связаны надежды на будущее»²⁹².

7. СМЕЩЕНИЕ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

В период поражений император принял решение о смещении великого князя с поста Верховного главнокомандующего, при этом сам царь решил взять на себя высшее командование. Великий князь Николай Николаевич отправлялся на Кавказ в качестве наместника царя.

О различных факторах, повлиявших на это важнейшее решение Николая II, говорилось выше в четвертой главе. Отметим здесь, что одной из главных причин была громадная популярность Верховного главнокомандующего, которую он сохранял, несмотря на поражения российских армий. Верховный главнокомандующий, а не император становился символом патриотизма, воинской славы и военного руководства страной. Это было опасно в условиях поражений, но это могло бы стать еще более опасным и в том случае, если бы в конечном итоге война закончилась для России победоносно²⁹³.

Во всяком случае, сохранявшийся авторитет великого князя весьма раздражал и беспокоил царицу. Великий князь Андрей Владимирович в своем дневнике описал разговор императрицы с великой княгиней Ксенией Александровной, сестрой Николая II. Последняя поинтересовалась: неужели Николашу сменят: он так популярен теперь. «Опять про Николашу, все только о нем и говорят, — ответила царица, — это мне надоело слышать; Ники гораздо более популярен, нежели он, довольно он командовал армией, теперь ему место на Кавказе»²⁹⁴.

Выше отмечалось уже, что большая часть министров пыталась отговорить императора; при обсуждении этого вопроса в Совете министров в качестве важнейших причин указывались «ореол» великого князя и непопулярность императора. Нельзя не отметить, что при обсуждении решения царя реальный Верховный главнокомандующий интересует министров гораздо меньше, чем его образы, усвоенные массовым сознанием. Так, Совет министров был

весьма критично настроен по отношению к Верховному главнокомандующему. В оценках ряда министров великий князь предстает как растерявшийся, не всегда компетентный человек, который не контролирует своих помощников, он находится «в плену» у своих ближайших сотрудников, последние порой манипулируют им. К административным и полководческим способностям великого князя Николая Николаевича главы российских ведомств не питают особого уважения²⁹⁵. Но именно образ могучего Верховного главнокомандующего, в который верит страна, представляется министрам грозной политической силой, с которой следует считаться.

Прения министров порой напоминают дискуссии социологов, по-разному оценивающих состояние общественного мнения. Так, например, председатель Совета министров И.Л. Горемыкин полагал, что конструирование культа великого князя, в создании которого участвовали и оппозиционные силы, является лишь тактическим циничным приемом полигиков, наиболее удобным для борьбы с правительством и императором. Большая же часть министров возражала, полагая, что «орел» Верховного главнокомандующего есть следствие развития искреннего патриотического чувства в стране²⁹⁶.

Решение Николая II еще официально держалось в тайне, но поползли слухи, что популярный Верховный главнокомандующий должен будет оставить свой пост. Об этом быстро узнали в Ставке, но какие-то слухи стали распространяться и за пределами высших военных и правительственных сфер в столицах и в провинции. Некий житель Невеля писал еще 17 августа: «Жалко, если по действительному нездоровью Великому Князю Николаю Николаевичу придется сдать командование. Многие этому не поверят и будут толковать как разочарование в конечном успехе. Надобно и с тем считаться, что Его престиж в армиях велик»²⁹⁷.

Министры продолжали оказывать давление на царя, пытаясь переубедить его. Между тем многие информированные люди прогнозировали, что смещение Верховного главнокомандующего повлечет серьезные политические последствия. Князь Кудашев, директор дипломатической канцелярии при Ставке, писал своему начальнику, министру иностранных дел С. Сазонову, желая, очевидно, еще более усилить противодействие либеральной группы министров планам императора удалить великого князя Николая Николаевича из Ставки. Он также ссылаясь на общественное мнение: «Его немилость будет несомненно широко и успешно ис-

пользована для поколебания престижа Государя и всего монархического начала. Уже теперь, среди офицеров слышно такое суждение: Великий Князь стоял за войну а outrance (беспощадно, до конца. — Б.К.). Свергла его немецкая партия, и что бы ни говорили, а партия эта желает мира, который и будет заключен в октябре. Если даже это не так, то важна возможность такого толкования у офицеров. При этом, под офицерами я отнюдь не подозреваю приближенных к Великому князю, а среднюю серую массу офицерства...»²⁹⁸

Возможно, князь Кудашев намеренно сгущал краски, побуждая Сазонова действовать еще более активно в поддержку великого князя Николая Николаевича. Но, если верить некоторым воспоминаниям, отдельные чины Ставки в самом деле серьезно опасались бунтов в армии из-за увольнения популярного великого князя²⁹⁹.

В это время вновь поползли новые слухи об угрозе для жизни Верховного главнокомандующего. Житель Усмани писал 22 августа члену Государственной думы А.Я. Тимофееву: «И солдаты, и офицеры говорят, что Николаю Николаевичу не сносить головы. Ухлопают Его свои же, и именно те, кому Он мешает грабить и продавать родину»³⁰⁰. Можно предположить, как люди, придерживавшиеся подобных взглядов, интерпретировали объявленную вскоре отставку великого князя с должности Верховного главнокомандующего.

Информация о покушениях на великого князя печаталась на страницах «Нового времени», газеты, связанной со Ставкой. Члены Совета министров, несмотря на то что они в большинстве своем старались сохранить великого князя в Ставке, с негодованием восприняли эти публикации. Однако никаких возможностей у министра внутренних дел повлиять на петроградские газеты не было: они были подконтрольны военной цензуре, а Ставка не находила нужным пресекать подобные публикации. Императрица также полагала, что слухи о покушениях на великого князя Николая Николаевича намеренно фабрикуются редакциями «Нового времени» и «Вечернего времени», чтобы повысить популярность великого князя и сделать невозможным его отъезд из Ставки. Она писала царю: «В газетах была статья о том, что поймали около Варшавы двух мужчин и одну женщину, намеревавшихся сделать покушение на Николашу. Говорят, что Суворин выдумал это ради сенсации (цензор сказал А., что все это утки). — Месяц тому назад все редакторы из Санкт-Петербурга вызывались в Ставку, где Янушке-

вич дал им инструкции». К теме газетных публикаций о покушениях на великого князя императрица вернулась затем вновь, она опять называла эти сообщения «утками»³⁰¹.

В тот день, когда писалось это письмо, император уехал в Ставку.

К этому времени весть о его решении распространялась все шире. И.И. Толстой записал в своем дневнике 23 августа: «Вчера уехал в Ставку Главнокомандующего государь со свитой. Утверждают, что он намерен лично стать во главе армии, отправив Николая Николаевича наместником на Кавказ. Гр. Панин рассказывает, что это решение принято после говения, исповеди и причастия, причем считается внушенным самим Богом... Нельзя не сказать, что решение, если рассказы верны, крайне необдуманное и опасное, а для хода военных действий едва ли полезное или, вернее, абсолютно вредное...»³⁰²

В записи И.И. Толстого звучит надежда на то, что император может еще изменить свое решение. На это надеялись и другие представители политической элиты. Не исключала этого и императрица Александра Федоровна, она буквально до последнего момента опасалась, что в решающий момент царь не проявит должной твердости в отношении великого князя³⁰³.

Да и в Ставке многие надеялись, что фактически управление войсками останется в руках великого князя Николая Николаевича: «...вопрос будет перерешен в смысле оставления Великого Князя во главе армии и что, в случае принятия Государем Верховного Командования, Великий Князь делается начальником штаба»³⁰⁴.

Однако в тот самый день, когда И.И. Толстой сделал упомянутую дневниковую запись, окончательное решение было уже принято. 23 августа 1915 года император, прибывший в Ставку, принял на себя командование. Через несколько дней это решение стало известно стране.

Некоторые современники отмечали сдержанный тон императорского рескрипта великому князю, они справедливо рассматривали это как знак недовольства царя, а возможно, и как проявление какого-то внутреннего конфликта. Москвич Ф. Мясоедов писал 28 августа, когда текст документа стал уже известен обществу: «Читал рескрипт. Невольно проглядывает какое-то неудовольствие Николаем Николаевичем и, по-моему, даже как будто страх, чтобы не вышиб и не предъявил Своей кандидатуры»³⁰⁵.

Великий князь Андрей Владимирович иначе оценивал реакцию общественного мнения, но и он отмечал прохладный тон рескрипта. Он записал 4 сентября в своем дневнике: «Большинство же приветствовало эту перемену и мало обратило внимания на смещение Николая Николаевича. Отмечают лишь, что рескрипт Николаю Николаевичу холоднее рескрипта графу Воронцову»³⁰⁶.

Очевидно, какис-то люди и в окружении царя, и тем более в окружении великого князя Николая Николаевича полагали, что император должен как-то подсластить горькую пилюлю, освобождая великого князя от обязанностей Верховного главнокомандующего. По всей видимости, это мнение разделяли и многие простые подданные русского царя. Возможно, «в сферах» звучало и предложение о присвоении ему звания генерал-фельдмаршала, высшего чина в российской армии, которого в свое время достиг Николай Николаевич Старший. Очевидно, эти неосуществленные проскты имела в виду царица, когда писала Николаю II 23 августа: «Надеюсь, что старый Фред[ерикс] не впал в детство и не будет просить фельдмаршальства, которое если и будет дано, то только после войны»³⁰⁷.

В тот же день, когда императрица писала это письмо, а император подписал упомянутые документы, 23 августа великий князь подписал приказ № 736, свой последний приказ в качестве Верховного главнокомандующего русской армии. В нем, в частности, говорилось: «Твердо верю, что, зная, что сам Царь, которому вы присягали, ведет вас, вы явите новые, невиданные доселе подвиги, и что Господь от сего дня окажет Своему помазаннику всесильную помощь, дарующую победу».

К сожалению, в нашем распоряжении нет источников, которые позволили бы проследить реакцию армии и общества на этот приказ великого князя, хотя он распространялся и на фронте, и в тылу в виде специальных плакатов. В почтово-телеграфной конторе Курликовского отделения, Новоузенского уезда, Самарской губернии, на подобном плакате химическим карандашом была сделана надпись «дурак», по этому поводу было возбуждено уголовное дело³⁰⁸. Однако нам точно неизвестны мотивы поведения преступника.

25 августа великий князь покинул Ставку.

Царь и царица весьма беспокоились о том, как произойдет смещение Верховного главнокомандующего, как великий князь Николай Николаевич воспримет новое назначение. Возможно, они не исключали и какого-то противодействия, в сложившихся условиях оно было чревато серьезными политическими последствиями.

В письме императрице Николай II весьма подробно информировал ее о поведении великого князя (косвенно это свидетельствует о том, что царь и царица уделяли большое внимание реакции смещенного полководца):

В следующие дни за завтраком и обедом он был очень словоохотлив и в хорошем расположении духа, в каком мы его редко видели в течение многих месяцев. ...

Мы много говорили о Кавказе. Он любит его и интересуется населением и прекрасной природой, но он просит, чтобы ему недолго оставаться там по окончании войны. Он немедленно надел на себя чудесную старую черкесскую шапку — подарок, который Шервашидзе сделал ему несколько лет тому назад, — и будет носить ее все время³⁰⁹.

Очевидно, что ношение «чудесной» кавказской шапки и Последующее облачение великого князя в черкеску, кавказскую форму, было явным знаком, сигналом со стороны великого князя, символом того, что он уже приступает к исполнению своих новых обязанностей, не обозначая никак неудовольствия и тем более протеста по поводу решения императора.

Однако общественному мнению еще не было сообщено о состоявшемся важном решении вплоть до отъезда великого князя из Ставки. Императрица полагала, что тем самым совершается серьезная политическая ошибка: «Чем скорее будет официально все объявлено, тем спокойнее будет настроение. Все волнуются в ожидании новостей, которые задерживаются. Такое ложное положение всегда очень скверно. Только трусы, как Воейков и Фредерикс, могли тебе это предложить, так как они думают об Николае Николаевиче больше, чем о тебе. Неправильно держать это в тайне, никто не думает о войсках, которые жаждут узнать радостную новость»³¹⁰.

Действительно, отсутствие официальной информации не предотвратило полностью распространения слухов и вестей о состоявшихся переменах.

А. Акимов, военнослужащий, находившийся в действующей армии, 24 августа еще не знал точных новостей, но, очевидно, в его войсковой части уже говорили о переменах в командовании. В этот день он сообщал в личном письме: «Что же касается Верховного командования, то пусть бы оно было, как есть. Не знаю, как у вас, но в армии имя Великого князя очень популярно. И замена Его хоть Небесным Архистратигом убьет веру в победу»³¹¹.

В отличие от него правитель дел походной канцелярии Его Величества В. Попов располагал полной и точной информацией. Он также был встревожен смещением великого князя. В письме князю Ф.Ф. Юсупову от 24 августа он писал: «Будет шум в армии и в народе»³¹².

Когда же весть о смещении великого князя была объявлена, то, как уже отмечалось, это было воспринято частью общества как победа «партии императрицы», «партии Распутина», «немецкой партии». Жена князя Г.Г. Гагарина писала своему супругу, сводя воедино действия этих антипатриотических сил: «А немцы будут в восторге, добившись желаемой перемены, так как они боялись решительности Николая Николаевича. Тут во всем действует Александра Федоровна с Распутиным и подобная компания; крестят немцев Ренненкампов в православие и прогоняют всех русских, близких к Государю. Родзянко и Рузский отговаривали Государя производить эту перемену, но как человек без воли, он уперся и хочет это провести во что бы то ни стало. Он взводит глаза к небу и говорит: Я хочу спасти Россию, и Им вертят, как хотят Александра Федоровна со своей кличкой»³¹³.

В других письмах звучали слухи об особой роли Распутина в смещении Верховного главнокомандующего. Житель Петрограда писал 31 августа: «Я сегодня слышал, будто из самых достоверных слухов, что виновник уничтожения Ставки и смещения Николая Николаевича был Распутин...»³¹⁴

Схожие темы звучали и в письме супруги князя П.П. Голицына, осуждавшей решение царя, именуемого в письме «Полковником». Она даже подозревала «старпа» в организации покушения на великого князя:

Как этого Полковник [т.е. Николай II. — Б.К.] не понимает, что Он доставит громадное удовольствие Кайзеру смещением Н.Н. Бедный Н.Н. <...> Что скажут полки, может быть возмущенные, они его ведь так любили. Правда ли, что было покушение на Ник. Ник.? И это, быть может, дело рук Гр. [Распутина]...

... Если Н.Н. будет переведен, то не верю больше в успех, опять немецкая клика добьется постыдного мира... Сердце разрывается, болит. Как я ненавижу Ее, сколько зла принесла Она России. Я, кажется, если могла, потрясла бы Полковника, да сильно сказала бы свое мнение³¹⁵.

Можно предположить, что «старец» сам немало сделал для распространения подобного мнения, Распутину приписывали слова о том, что смещение Верховного главнокомандующего — дело его рук. Слухи такого рода проникали и в высшие сферы. Великий князь Андрей Владимирович не исключал подобную версию, он записал в своем дневнике: «Молва говорит, что Распутин в пьяном виде публично похвалялся, что прогнал Николашку, прогонит обер-прокурора святейшего Синода Самарина, Джунковского и великую княгиню Елизавету Федоровну. Где тут правда, конечно, сказать трудно». Член императорской семьи не был склонен верить перечисленным слухам, однако он и не опровергал их как совершенно невероятные. Эти сомнения видных представителей элиты создавали в обществе весьма благоприятную почву для спекуляций относительно победы «немецкой партии». Во второй половине августа в прессе появилось немало статей, разоблачающих «старца», в некоторых из них открыто писалось о том, что Распутин ведет пропаганду в пользу заключения мира с немцами и всегда пользовался покровительством «немецкой партии»³¹⁶.

Слухи о победе «немецкой партии» возникли и в Кургане. Житель этого далекого провинциального города писал члену Государственной думы В.И. Дзюбинскому:

Смутные и страшные слухи ходят у нас по Кургану о причинах удаления от командования Николая Николаевича. Слухи тем более страшные, что идут они от солдат. Удаление объясняется тем, что Николай Николаевич был сторонником войны до конца. В Его удалении видят победу «немецкой партии», партии сепаратного мира...

«Наши Немцы осилили. Теперь Николая Николаевича убрали...»
<...> Кое- что я выбрасываю, как совершенно неподходящее для письменной передачи»³¹⁷.

Версия о победе «немцев» проникала и в крестьянскую среду. Жительница Пензенской губернии писала: «Весть об уходе Великого Князя Николая Николаевича была принята крестьянами тяжело и объясняется тем, что немцы взяли верх»³¹⁸.

О победе «немецкой партии» рассуждали и люди, имевшие генеральские звания. Генерал А. Дьяков писал 11 октября из Петрограда генералу А.Н. Эрдели: «Николая Николаевича уволили потому, что он не любит немцев. Наши немцы, близко стоящие к царю, взяли верх»³¹⁹.

Некий житель Тулы сравнивал популярную фигуру сурового «ныне ссыльного» великого князя с «мягким Хозяином», и сравнение это было не в пользу последнего³²⁰.

Тяжелое впечатление произвели перемены в командовании и на академика А.И. Соболевского, человека весьма консервативных взглядов. Он, впрочем, писал в частном письме не о технических последствиях смещения Верховного главнокомандующего, а о влиянии этого шага на общественное мнение: «Увольнение от командования великого князя Николая Николаевича произвело в обществе панику, которая, конечно, даст невыгодные последствия. Это — удар хуже поражения»³²¹.

Серьезные опасения вызывали перемены у С. Самарина. 26 августа он писал обер-прокурору Св. синода А.Д. Самарину: «Ошеломляющее действие произведет известие об удалении Великого Князя. Массе неизвестны его ошибки или недостатки, о которых говорят высшие военные, а популярность большая, и с этим нельзя не считаться». Главным виновником смещения Верховного главнокомандующего он ошибочно считал председателя Совета министров И.Л. Горемыкина: «...он мог заронить в ГОСУДАРЕ подозрение, что вы все с Великим Князем ведете какой-то заговор против ГОСУДАРЯ»³²².

Встречались и утверждения о том, что смещение великого князя устраняет все препятствия на пути заключения сепаратного мира. Нский тифлисский корреспондент княгини Н.П. Голицыной писал ей в Петроград: «У нас в провинции говорят уже и о сепаратном мире, и что будто бы были смещены те, которые противились этому, но их опасались отставлять, боясь желания народа видеть Николая III. Конечно, все это вздор, но народ смотрит и судит по-своему». Автор явно имеет в виду упоминавшиеся уже разговоры о желательности вступления на трон великого князя. Он продолжает: «Все это немецкая игра для создания в России беспорядков»³²³.

Для части современников уход великого князя с поста Верховного главнокомандующего был тяжелым личным переживанием. Жительница Саратовской губернии В. Ениксеева писала 31 августа в Петроград княгине Т.А. Гагариной:

На меня уход Главнокомандующего подействовал потрясающе. Никакая наша несудача не повергала меня в такое уныние. Я слепо верила, что в конце концов мы должны победить. А теперь эту веру отняли. Я не вижу

просвета, я вижу только гибель впереди. Боже, спаси и помилуй несчастную Россию.

Только накануне я прочла, что враги, путе и террористического акта, пытались избавиться от самого главного, самого опасного врага; и вдруг мы сами идем навстречу их желанию. Вель до чего была сильна вера в Ник. Ник., что при всех наших неудачах народ совершенно спокойно сознавал, что эдчит так должно быть, что Главнокомандующий знает, как изгнать врага.

Какая несчастная мысль в такой момент тяжелый менять план кампании, брать на себя такую ответственность!... Море крови впереди!¹²⁴

Женщина, напуганная ранее фантастическими газетными сообщениями о покушениях на жизнь великого князя, рассматривала его устранение как некий террористический акт внутренних врагов, совершенный бюрократическими средствами.

Впрочем, опасения, искренние или надуманные, относительно возможности возмущения в армии в связи с отстранением великого князя оказались явно преувеличенными. Какая-то часть военнослужащих, напротив, с надеждой встретила весть о том, что император взял на себя командование. Некий офицер писал о настроениях солдат: «Я думал, что популярность среди них Николая Николаевича затмит остальное, но они говорят: "Значит, мы войну выиграем, иначе ГОСУДАРЬ не принял бы командования"».³²⁵

Если верить современникам, то некоторые армейские офицеры, огорченные удалением великого князя, одновременно с радостью восприняли весть об удалении его крайне непопулярных помощников, прежде всего генерала Н.Н. Янушкевича, занимавшего должность начальника штаба Верховного главнокомандующего³²⁶.

Сходные настроения распространялись и в некоторых консервативных столичных кругах. Здесь в вину великому князю или его окружению вменялись также и контакты с либеральными кругами. Н. Тальберг писал Черниговскому вице-губернатору: «Прежде всего я доволен, что уничтожен главный заразный очаг — Янушкевич и Данилов. Под прикрытием честного и доблестного Великого Князя творились вещи очень скверные в политическом отношении и все левое страшно дорожило той поддержкой, которая оказывалась им в Барановичах».³²⁷

О подобных настроениях писал 4 сентября в своем дневнике великий князь Андрей Владимирович: «Как теперь выясняется, все, что я писал раньше о ген. Данилове (черном), просочилось в мас-

су и создало атмосферу недоверия не лично к Николаю Николаевичу, а к его штабу. Смена штаба и вызвала общее обдечение в обществе. В итоге все прошло вполне благополучно»³²⁸.

В упомянутом уже письме генерала А. Дьякова от 11 октября отмечалось: «Что удалили Николая Николаевича, жалко, но Янушкевича ничуть не жаль. Это — совершенная бездарность, хотевшая разыграть роль Кутузова. Отступать мы под руководством таких воевод, как Янушкевич и Куропаткин, научились хорошо, но отступлениями, хотя и великолепными, мы не победим»³²⁹.

К тому же некоторые современники, отмечая достоинства великого князя, упоминали и о его серьезных недостатках. Москович Ф. Мясоедов писал: «Кроме того, на Н.Н. многие обижаются за Его резкое и грубое отношение, особенно когда Он вспылит. Иногда удержу не было, и тогда он третировал всех, кто под руку попадался. Но Он был вполне самостоятелен и не попадал под чужое влияние, а если что и делал, то по личному мнению, а не по чужой указке»³³⁰.

Других поклонников великого князя примиряло с его отставкой то, что начальником штаба императора стал уважаемый в войсках и в стране генерал М.В. Алексеев. Некая одесситка писала о настроениях в армии: «Николай Николаевич обожаем. Происшедшая перемена всех поразила, как обухом по голове. Многие говорят, что Великий Князь не любит Алексеева и потому эта перемена произошла. Дай Бог, чтобы ГОСУДАРЬ все предоставил Алексееву, которого все признают гением. Страшны только петроградские немецкие влияния»³³¹.

О том же позднее писал в Одессу житель Петрограда: «Известия о переменах в верхах командования местная публика приняла очень сдержанно; видно было даже мало скрываемое сожаление о переводе Великого Князя на Кавказ. Начальника Штаба почти никто не жалел, даже напротив. Лично я считаю, что хуже не будет. Выросло до небывалых размеров значение Генерала Алексеева, действия которого определяют будущее России»³³².

Правда, некоторые современники полагали, что лучшим выходом было бы создание тандема великого князя и генерала Алексеева. Житель Москвы писал в декабре 1915 года: «Сожалеют, что Великий Князь не взял сразу Алексеева, а держал Янушкевича»³³³.

Ходили слухи, что отставка великого князя связана с разногласиями в высшем военном руководстве относительно стратегического планирования. Житель столицы писал 12 сентября:

Как оказывается, в Петрограде до сих пор муссируются слухи об отставке Николая Николаевича. ... Генерал Рузский в начале войны указывал вместе с Ивановым на план завлечения немцев за Вислу. План был отвергнут Николаем Николаевичем. Когда наши войска отразили атаки немцев на Варшаву и заняли линию Сана, Рузский опять предложил прекратить всякое наступление и вести позиционную войну, как на западе, подготавливая снаряды и живую силу. Николай Николаевич с Янушкевичем решил, однако, продолжать наступление и поперли на Карпаты, расстреливая последние снаряды и ухлопывая тысячи жизней. Рузский должен был поэтому уйти. Когда план Николая Николаевича, вследствие недостатка снарядов, не удался и нас поперли из Галиции, Рузского опять призвали. Он предложил новый план, и Николай Николаевич должен был уйти¹¹⁴.

О разногласиях между великим князем и генералом Рузским сообщала и современная печать союзников¹¹⁵.

В России же слухи о некомпетентности великого князя и о его конфликте с генералом Рузским, очевидно, получили некоторое развитие. 19 сентября некий житель Москвы писал:

В народной массе полное недоверие к власти. Носятся самые невозможные слухи, но, вероятно, есть кое-что и справедливого в этих слухах. Об отставке Николая Николаевича слышал такую версию: Н.Н. мало занимался делами, больше ел и пил, чем работал; понаставил в армии немцев, приказывал делать безрассудные наступления и т.д. Передают, что Рузский подал в отставку на Рождество, после того, как потратил много сил на сдерживание бесполезного наступления в Карпатах. Нас разбили в Карпатах, а дальше вам уже известно. Передают еще, что французы и англичане заявляли не раз нашему правительству, что они до тех пор не станут наступать, пока не уберут Ник. Ник. Последнее немного совпадает с действительностью¹¹⁶.

Показательно, что слухи о профессиональной несостоятельности великого князя в данном случае соседствуют со слухами о покровительстве немцам и о его моральном разложении, которые ранее уже появились в некоторых делах по оскорблению великого князя. Эта тема, как увидим, получила развитие и в новых делах по оскорблению великого князя, возбужденных уже после его отставки. Теперь она нашла отражение и в письмах столичных аристократов. Граф Игнатьев писал 12 октября 1915 года графине Е.Л. Игнатьевой, жившей в кисвском имении:

Сведения о не особенно хорошем поведении Николая Николаевича подтверждаются. Говорят, что пьет ужасно на Кавказе. Теперь до публички доходят слухи, что пьянство его началось еще в Ставке и доходило до громадных размеров, что, отчасти, и заставило Государя взять командование в свои руки. А мы-то молились за его здоровье!... Говорят, после завтрака Николай Николаевич бывал невменяем, и Бог знает к чему его состояние привело бы? Возможно, что краски стущены, но достаточно, что говорят об этом. Перемена в командовании не произвела особенного впечатления на войска. Здесь ходят слухи, что Николай Николаевич продает свой дворец, не желая вернуться в Петроград³³⁷.

Некоторых же бывших поклонников великого князя разочаровало то, что он покинул свою должность, не оказав никакого сопротивления. Консервативный публицист Л.А. Тихомиров записал 1 февраля 1916 года в своем дневнике:

Это был единственный вождь, которого любили и которому верили даже после всех неудач. В армии была значительная часть, которая ожидала, что Великий Князь откажется уйти, проявив более заботливости о России, нежели о Царской фамилии. И все таковы не одобряют Великого Князя за то, что он подчинился Воле Государя. Вот каковы настроения!³³⁸

Наконец, смещение Верховного главнокомандующего с удовлетворением встретили некоторые люди, близкие царской семье, а также представители ряда великокняжеских родов. Императрица в своих письмах царю приводит ряд примеров того, как члены аристократического общества с энтузиазмом восприняли отставку великого князя Николая Николаевича. Да и сам Николай II отмечает, что некоторые представители династии выражали удовлетворение тем, что он положил конец «фальшивой» ситуации (такое выражение встречалось ранее в письмах императрицы)³³⁹. Очевидно, видные представители кланов великих князей Михайловичей и Владимировичей, и ранее враждовавших с Николаевичами, после начала войны были недовольны усилением влияния своего амбициозного и грозного родственника и искренне радовались его смещению.

8. НОВЫЕ СЛУХИ

Великий князь Андрей Владимирович, узнав о смещении Верховного главнокомандующего записал в своем дневнике: «Что скажут теперь в России? Как объяснить народу и армии, что Николай Николаевич, который был покрыт всеми милостями царя, вдруг сменяется? Естественно спросят, что же он сделал, чтобы заслужить такую немилость. Хорошо, если правительство так обставит вопрос, что государь сам становится во главе армии, и, естественно, верховный должен свой пост покинуть. Но он мог бы у него остаться помощником. А молитва за ектенией? Что с ней делать? С уходом Николая Николаевича народное впечатление будет задето глубоко. Во всех судах его фотографии, все за него молятся, — и в один день херь все. Да за что, невольно спросит себя всякий. И, не найдя подходящего ответа, или скажут, что он изменник, или, что еще может быть хуже, начнут искать виновников выше»³⁴⁰.

Это предположение оказалось верным во всех его частях. Одни, как мы уже видели, с новой силой стали искать виновников «в высших сферах», а другие принялись рассуждать о «предательстве» самого бывшего Верховного главнокомандующего.

После отстранения великого князя с поста Верховного главнокомандующего самые невероятные слухи о нем стали распространяться с новой силой, они фиксируются как в письмах современников, так и в уголовных делах о его оскорблении. К старым обвинениям в адрес великого князя стали добавляться и новые. Не исчезали слухи о некомпетентности, моральном разложении и коррупции, напротив, они дополнялись новыми живописными деталями.

Получила развитие и тема главного виновника войны. Порой подчеркивалась личная заинтересованность великого князя в продолжении войны. Так, И. Орлов, солдат 185-го пехотного Башкирского полка, писал в ноябре 1916 года домой: «Выходит, мы воюем для Николая Александровича да для Николая Николаевича, которому хочется быть королем Польши»³⁴¹. Слухи 1914 года о желании поляков видеть великого князя своим королем, распространявшиеся в связи с его воззванием, вспоминались в новой ситуации иначе.

Но в оскорблениях великого князя появляется и совершенно новая тема, не встречавшаяся ранее, — обвинение его в измене.

Так, 62-летнему неграмотному крестьянину Харьковской губернии доносители приписывали следующие слова: «Там НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ воюет так, что бодай Его черт восвать. Он вместе с матерью ГОСУДАРЯ за германцев стоит. Вот теперь ГОСУДАРЬ сам и стал командовать, НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА сослал на Кавказ. Мать же ГОСУДАРЯ ..... (брань) еще в церквах поминают». Правда, сам обвиняемый это отрицал. Он-де только передал слух со слов какого-то солдата, будто Великий князь и вдовствующая императрица поддерживают немцев³⁴². Возможно, крестьянин лгал, хотел так облегчить свою вину, однако он признал, что считал великого князя германофилом, саботирующим военные усилия России. Интересно, что в этом слухе Николай II предстает как положительный персонаж.

Распространяется и слух о взяточничестве великого князя, иногда он связывается с предательством. Эта тема звучит в ряде уголовных дел: «Верховный Главнокомандующий Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ взял миллион и уехал домой»; «Николай Николаевич продал пол-России»; «Колька продал немцам три тысячи солдат» (речь шла о Николае Николаевиче); «Один край обобрал, а теперь поехал на другой фронт обирать и там»³⁴³. Интересно, что в некоторых оскорблениях использовались одни и те же выражения. 50-летний житель города Верный так прокомментировал перевод великого князя на Кавказ: «Обобрал германцев (взял с них взятку), а потом поехал на турецкий фронт, где оберет и уедет за границу, как Стессель»³⁴⁴. Николай Николаевич сравнивался с печально знаменитым комендантом Порт-Артура, которого многие в России упорно продолжали считать предателем.

Другая грань образа великого князя — пьяница и развратник, забывший служебный долг. Тема, звучавшая уже и ранее, получила дальнейшее развитие. 20-летней крестьянке приписывали такие слова: «ОН, мерзавец, прогулял с ..... Варшаву, за что ЕГО перевели на Кавказский фронт...»³⁴⁵ 25-летний грузин оправдывал пьянство своего знакомого: «Мало ли кто бывает пьяным. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ во время боя напивался и валялся в канаву»³⁴⁶.

Некоторые слухи соединяли образы пьяницы, развратника и предателя. 52-летнему протоиерею из Калуги приписывали слова о том, что во время войны великий князь «пьянствовал и развратничал с графиней Потоцкой, вследствие чего отдал немцам Варшаву и всю Польшу...»³⁴⁷

Некий волостной писарь и его помощник рассказывали крестьянам в волостном правлении, что Николай Николаевич-де «сделал измену» и продал Варшаву за 16 пудов золота, но один солдат на него донес, и великого князя будут судить. На следствии помощник волостного писаря ссылся на своего начальника. Тот же признал свою вину, но указал, что сведения эти ему сообщила жена учителя¹⁴⁸. Мы не знаем точно, каков был в действительности путь распространения этого слуха, но показательно, что на следствии обвиняемые выстраивали свою защиту, образуя цепочку ссылок на более авторитетного и интеллигентного информанта.

Слухи о «пудах золота», полученных якобы великим князем за предательство, появлялись вновь и вновь. Пьяный тамбовский торговец убеждал посетителей трактира в ночь на 1 января 1916 года, что «бывший Верховный Главнокомандующий Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ продал Карпаты и Россию за бочку золота и теперь война проиграна»¹⁴⁹.

Распространяются и слухи, в которых дядя императора, ранее часто противопоставлявшийся царю, обвиняется наряду с Николаем II. Пьяный 17-летний служитель при банях говорил на московской улице: «ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II ..... (брань), не воюет, а только карман набивает, так же как и НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, прогнанный на Кавказский фронт, ничего не делал..... (брань)». А 27-летний крестьянин Тамбовской заявил инвалиду войны: «Вас бы всех нужно было перевешать, а в первую голову ЦАРЯ Николашку .... (ругательство) и другого вояку, командующего Николашку, за то, что продали Россию»¹⁵⁰.

Показательно, что в предшествующие годы мы такого соединения императора и великого князя не встречали. Напротив, как уже отмечалось, царь и великий князь Николай Николаевич, хотя и оценивались по-разному, но противопоставлялись друг другу. С августа же 1915 года великий князь начинает описываться как некомпетентный полководец, развратник, взяточник и предатель. Его образ начинает напоминать «царя дурака», часто встречавшийся в слухах и оскорблениях эпохи Первой мировой войны.

Следует отметить, что среди лиц, распространявших слух о предательстве Николая Николаевича, практически не встречаются немцы и евреи, хотя, как отмечалось выше, в этой среде великий князь не был особенно популярен, вряд ли популярность его в этой среде возросла после того, как он был переведен на Кавказ. Вообще, доля немцев и евреев среди лиц, привлеченных за оскор-

бление великого князя, существенно снижается после его отстранения с поста Верховного главнокомандующего. Одновременно снижается и число его оскорблений противниками войны. Тому может быть несколько объяснений. Теперь великий князь Николай Николаевич уже не олицетворял военные усилия России. Поэтому можно предположить, что люди, желавшие мира, его реже оскорбляли, а сторонники продолжения войны не так резко реагировали на подобные оскорбления великого князя и, соответственно, не спешили доносить властям о совершении подобного государственного преступления.

9. НАМЕСТИК НА КАВКАЗЕ

В своем исследовании, посвященном кризису верхов накануне революции, А.Я. Аврех сочувственно цитирует воспоминания известного адвоката Н.П. Карбачевского, который утверждал, что великого князя Николая Николаевича «как губкой стерло из народного сознания, как только царскоесельские влияния разжаловали его как верховного главнокомандующего». Известный историк отмечал, что отставка Николая Николаевича так же мало взволновала народ и солдатскую массу, как и роспуск Думы 3 сентября³⁵¹. С мнением А.Я. Авреха нельзя согласиться целиком, а суждение юриста-мемуариста требует серьезных уточнений. И после переезда на Кавказ среди части общества великий князь сохранял немалую популярность. Об этом свидетельствуют и письма современников, и уголовные дела, возбужденные против лиц, оскорбивших Николая II: несмотря на упомянутые изменения, порой грозный великий князь и в новом своем качестве продолжает противопоставляться «неспособному» и «слабому» царю³⁵².

Оренбургский казак 43-летний С.Н. Зуев противопоставлял великого князя всей императорской семье. В октябре 1915 года он заявил: «..... (брань) наш ГОСУДАРЬ слабо правит государством. Зачем Сам на войну пошел? Не могли избрать из Великих князей. Спасибо НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ: если бы не ОН, то немец пробрался бы в Россию». Затем Зуев добавил: «Вот ..... (брань) сколько Великих князей, а принять командование некому»³⁵³.

Императрица объясняла сохранение популярности великого князя конспирологически, в духе «теории заговора»: она-де была следствием специальной пропагандистской кампании, умело

проведенной сторонниками бывшего Верховного главнокомандующего. Так, в письме царю от 10 сентября 1915 года она указывала, что когда читались молитвы за императора, то перед Казанским собором в Петрограде было роздано до тысячи портретов великого князя Николая Николаевича. Организаторов этой пропагандистской кампании она обвиняла в предательстве: «Со всех сторон доходит все больше и больше про их грязную, изменническую игру»³⁵⁴.

Царица Александра Федоровна полагала, что подобная пропагандистская кампания была организована окружением великого князя, прежде всего великими княгинями Милицей Николаевной и Анастасией Николаевной. Императрицу крайне беспокоило и то, что великий князь и его супруга пытались создать в Тифлисе свой «двор», группируя там оппозиционных представителей столичной аристократии и бюрократии, а также умело привлекая симпатии кавказских элитных групп. Она призывала императора бдительно следить за новым центром власти, ставшим притягательным и для оппозиционных политиков, и для некоторых высокопоставленных военных. М.В. Родзянко вспоминал, что и опальные военачальники находили новые должности в Тифлисе: «...недоброжелательство было обоюдное: когда в Ставке отстраняли кого-нибудь от должности, его брали на Кавказ»³⁵⁵.

Мнение императрицы подтверждал, казалось бы, и великий князь Николай Михайлович, 28 апреля 1916 года, после взятия Эрзерума кавказскими войсками, он, опасаясь роста влияния великого князя Николая Николаевича, писал царю:

Относительно популярности Николаши скажу следующее: эта популярность была мастерски подготовлена из Киева Милицей, совсем исподволь и всеми способами, распространением в народе брошюр, всяких книжонков, лубков, портретов, календарей и т.п. Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность не упала после Галиции и Польши и снова возросла после Кавказских побед.

С самого начала кампании я неоднократно писал Твоей матушке и предупреждал о киевских интригах, Тебе же писать не мог, состоя при штабе генерал-адъютанта Иванова и не нарушая дисциплины.

Теперь я свободно говорю, говорил уже, когда вы лично взяли бразды верховного управления армиями, и повторяю и ныне, что на Кавказе Милица не дремлет.

Смею тебя уверить, по моему глубокому убеждению, что в династическом отношении явление той популярности меня тревожит, особен-

но при возбужденном состоянии нашего общественного мнения, которое все яснее обрисовывается в провинции.

Популярность эта вовсе не идет на пользу престола или престижа Императорской фамилии, а только к муссированию мужа Великой княгини славянки, а не немки, равно как и брата и племянника Романа. При возможности всяких смут после войны надо быть на-чеку и наблюдать зорко за всеми ходами для поддержания сей популярности³⁵⁶.

О пропагандистской активности жены великого князя, Анастасии Николаевны, и ее сестры, великой княгини Милипы, живших в киевском Покровском монастыре, писал впоследствии и дворцовый комендант В.Н. Воейков. И по его сведениям, они организовали там издание лубков и портретов с изображением Верховного главнокомандующего, брошюр о нем. По свидетельству Воейкова, эта деятельность была весьма успешной³⁵⁷.

Вопрос о закулисной пропагандистской деятельности энергичных черногорок заслуживает специального исследования. Возможно, они действительно умели успешно воздействовать на общественное мнение.

Однако сохранение популярности великого князя нельзя объяснить лишь подобными пропагандистскими усилиями. К тому же пропаганда имени великого князя встречала порой серьезное противодействие. Депутат Государственной думы Савенко, например, обличая свирепые и нерациональные меры цензуры в Киеве, отмечал, что цензоры «в течение целого года не позволяли печатать портрет Великого Князя Николая Николаевича»³⁵⁸.

Имя великого князя стало к этому времени своеобразным символом, который и на новом этапе пытались в своих целях использовать и одновременно тиражировать различные общественные группы.

Так, например, 27 сентября 1915 года в Москве состоялось освящение 51-го кадрового автомобильного отряда им. Его императорского высочества великого князя Николая Николаевича³⁵⁹. Можно предположить, что название отряда и торжественная церемония были допустимой формой проявления общественной оппозиционности.

Очевидно, имя опального полководца в это время было и неплохим товарным знаком. Так, пароходное общество «Кавказ и Меркурий» дало двухпалубному теплоходу, построенному в 1916 году на Коломенском заводе, имя «Великий князь Николай Николаевич»³⁶⁰. Очевидно, управляющие фирмой полагали, что подобное

Илл. 38. Смотр кавказских войск в присутствии наместника, великого князя Николая Николаевича

название не будет отталкивать пассажиров. Вернее было бы даже предположить, что название нового корабля свидетельствовало о популярности имени великого князя.

О сохранении популярности образов «грозного полководца» свидетельствуют и ожидания общественного мнения на Кавказе.

Великий князь сразу же начал создавать образ боевого кавказского генерала, который соответствовал стереотипам, издавна укорененным в русской культуре: опальный сановник, заслуживший симпатии «общества», «ссылаемый» на далекую границу империи. Выше уже упоминалось о том, что уже в Могилеве он облачился в кавказскую форму. Художнику Н.С. Самокишу был заказан новый портрет: величественный кавказский всадник эффектно смотрит на фоне горного хребта³⁶¹.

Представители армянской, грузинской, мусульманской и русской элит на Кавказе возлагали на приезд великого князя свои особые надежды. И.И. Воронцов-Дашков, предшественник великого князя Николая Николаевича на посту кавказского наместника, пользовался репутацией покровителя армян. От смены наместника разные этнические группы, разные региональные элиты ожидали изменения сложного баланса сил на Кавказе. В то же время и представители армянской общины надеялись сохранить свое влияние в крае. Некий Арам писал 3 октября из Тифлиса: «Назначение к нам Августейшего Наместника, Члена ИМПЕРАТОРСКОГО Дома — большой плюс для Кавказа. Великий князь приветливо и

благожелательно отнесся к нашим представителям и вообще он доволен тифлисцами, что Он и Сам сказал, но все дело могут испортить сумасбродные Грузины, которые намерены просить у Него автономии для себя. Этот легкомысленный, пустой народ заразил и татар, которые тоже начинают кричать о своем “полном несправии” в России»³⁶².

С другой стороны, многие кавказцы ожидали, что суровый великий князь «наведет порядок» в беспокойном крае.

Бакинский вице-губернатор А. Макаров 28 августа писал А.Н. Макарову, злорадно прогнозируя переполох в администрации края: «Назначение Великого Князя Николая Николаевича на Кавказ производит впечатление стрельбы из пушки по воробьям, но хорошо, что воронцовской неурядице будет положен конец. <...> Воображаю, какое теперь смятение в Тифлисе, сколько народу, забыв все, дрожит за свою шкуру»³⁶³.

Между тем двор наместника приближался к Тифлису, это создало определенные бытовые проблемы для обывателей столицы края. Жительница города писала: «С присездом наместника в Тифлис у нас все заметно подорожало. Ведь сразу приехало два “двора” с несметным количеством всякой высокой и низкой челяди. Говорят, для перевозки двух “дворов” в Тифлис понадобилось несколько поездов. А тут еще воронцовский “двор” вызвился. Из-за этого в Баку застряло 500 вагонов с провиантом»³⁶⁴.

О начале нового периода правления на Кавказе оповестило эффектное прибытие великого князя в Тифлис. Встреча наместника, как писали городские жители, была «поистине царская». А. Громов, прокурор окружного суда, описал ее так:

Въезд великого князя ошеломил Тифлис. Он ехал на белом, горячем, арабском скакуне, эффектно правя лошадей, постоянно бросавшись в сторону от флагов, которыми махали дети, и сыпавшихся цветов. Прием чиновников, военных и общественных деятелей был действительно великокняжеским. Всех удивил его первый приказ, в особенности фраза: «Приветствую все народности Кавказа». Все интриги отпали, всякая дрянь, присосавшаяся было к гр. Воронцовой, была выгнана из дворца и получилось следующее: великий князь, его семья и свита, а затем на почтительном расстоянии — все остальное. Так и следует для престижа власти³⁶⁵.

Илл. 39. Наместник Его Императорского Величества на Кавказе. Августейший Главнокомандующий кавказской армией Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич. Обложка журнала «Искры».

Представители армянского, грузинского, мусульманского и русского населения спешно попытались расшифровать тайный смысл первого великокняжеского приказа, тщательно изучали этот документ, пытаясь по нему определить особенности грядущего нового политического курса. Казалось бы, первые речи и награждения, приемы и визиты Наместника помогут расставить необходимые акценты. Однако великий князь, знаток театральных ритуалов власти, не спешил прояснять ситуацию.

В тифлисском обществе оживленно обсуждали перечень тех лиц, которых великий князь удостоил своим рукопожатием во время первого приема. Передавали, что с гражданскими чинами великий князь был очень любезен, с военными — довольно сух и строг. Хатисов, армянин, городской голова Тифлиса, был милостиво принят на особой аудиенции. «От сего наш мэр поднял нос чуть не в поднебесье», — писала русская обитательница Тифлиса. Казалось,

«армянская партия» могла торжествовать. Но последующие шаги наместника озадачили местных аналитиков, знатоков тифлисского придворного ритуала: «А великий князь все же первые визиты делал грузинским дамам. Какая-то всплывет политика у нас? У нас все как-то так бывает: ждешь лучшего, а получишь худшее», — писала та же корреспондентка³⁶⁶.

Упомянувшийся выше прокурор Громов оценивал ситуацию так: «Армяне потеряли прежнюю власть, но еще борются за остаток былого величия. Они стараются использовать военное время, чтобы потуже набить карман: вздули на все цены невероятнo»³⁶⁷.

Другие жители Кавказа также полагали, что влияние армян несколько уменьшается: «Конечно, грузины надеются, что Великий Князь для них многое сделает. Татары, вероятно неожиданно для них, сразу оказались обласканными, но пока, как видно, никому ни худо, ни хорошо не сделано»³⁶⁸.

С самого начала суровый наместник, как это от него и ожидали, начал подтягивать военную дисциплину в кавказских войсках, издавна славящихся особым отношением к уставным требованиям. Житель Тифлиса писал: «Приезд нового “живого” наместника чувствуется на каждом шагу; все невольно подтянулись, особенно прапоры, которые маршируют по улицам в ограниченном числе (раньше ходили толпами) и заправски отдают честь направо и налево»³⁶⁹. О том же писал и другой житель города: «В первый же день своего приезда в Тифлис, Великий Князь обратил внимание на то, что офицеры плохо отдают друг другу честь и вовсе не отвечают на приветствие нижним чинам. Последовало строгое распоряжение. Военщины сразу поубавилось в городе наполовину»³⁷⁰.

Другим аспектом укрепления дисциплины была борьба со злоупотреблениями в местном управлении. Действительные меры, предпринятые новой властью, дополнялись слухами о новых грядущих суровых карах, которые также связывались с именем грозного великого князя. Из Тифлиса сообщали: «Купеческий староста армянин Милов — под арестом. В связи с продажей этим Армянском казенных суков, готовится скандальная интендантская панамма. С сахаром то же скандал, ожидается, что Великий Князь прикажет отдать всю Гор[одскую] Управу (сплошь состоит из армян) под суд за доходы по операциям с сахаром в свои карманы»³⁷¹. А.Н. Милов был видным представителем кавказской элиты, связанным с предыдущим наместником, достаточно сказать, что 27 ноября 1914 года он входил в число делегатов, встречавших на город-

ском вокзале Николая II, и вручил императору «маленькую лепту на нужды войны». И в других письмах из Тифлиса арест Милова и его компаньона рассматривался как политическое поражение армянской общины. Ходили слухи о том, что тифлисские армяне якобы угрожали полицмейстеру и следователям, а в ответ грозный паместник пообещал не смедея повесить Милова, если будет убит какой-нибудь чиновник³⁷². Обещание немедленной расправы подтверждало, казалось бы, грозную репутацию великого князя.

После первых приемов и визитов великий князь Николай Николаевич отправился в поездку по краю. Этот динамизм, отличавшийся от его поведения на посту Верховного главнокомандующего, когда великий князь неохотно покидал Ставку, способствовал росту популярности наместника на Кавказе: «Новый наш Наместник све, конечно, загадка. Как человек военный Он быстро, без предупреждений, ездит туда и сюда и благодаря этому все стараются подтянуться и показаться получше»³⁷³.

Однако первоначальные завышенные ожидания местных жителей сменились через некоторое время разочарованием: жизнь на Кавказе вовсе не менялась к лучшему, а старые привычные злоупотребления продолжались и при новой власти.

Не только императрица полагала, что политика великого князя на Кавказе, и прежде всего кадровые перестановки, определяется его стремлением добиваться популярности. Но не всегда это воспринималось сочувственно. Граф Л. Игнатъев писал в декабре 1915 года графине Е.Л. Игнатъевой: «Николай Николаевич бьет на популярность на Кавказе, и всех старых прогнал...»³⁷⁴ Тогда же и из Тифлиса писали: «У нас на Кавказе новые назначения сыплются как из рога изобилия. Выходит так, что главная работа — в перетасовках. И это во время войны...»³⁷⁵

Не прибавил популярности великому князю в крае и приезд к его «кавказскому» двору ряда видных представителей столичной элиты. В декабре жительница Тифлиса писала: «Много здесь уже петроградских известных имен, и еще понаедут, но держат себя совершенно отдельно»³⁷⁶.

Некоторые другие письма, отправлявшиеся из Тифлиса в декабре, также свидетельствуют об известном разочаровании деятельностью великого князя. Некий Аврам писал 23 декабря: «Великий Князь проявляет мало самостоятельности. Выходит, будто Он занят каким-то другим вопросом, но не войною». Через два дня и некий доктор Иванов сообщал своему корреспонденту: «Жизнь в

Илл. 40. Великий князь Николай Николаевич, наместник императора на Кавказе. Фотография печаталась в иллюстрированных журналах в середине февраля 1917 г. по случаю годовщины взятия Эрзерума.

Тифлисс идет своим чередом. Пребывание их Высочеств ничем не проявляется. Показываются Они весьма редко, и только ради исключительных случаев. Великий Князь посетил кое-какие лазареты только по случаю приезда принца Ольденбургского. Даже такой лазарет, как специально офицерский, не удостоился посещения. Очевидно, Великий Князь занят более важными делами». Правда, этот житель Тифлиса отмечает одно положительное изменение вследствие приезда великого князя: «Одно хорошо тут стало: немцев держат в ежовых рукавицах»³⁷⁷.

Очевидно, некоторые кавказцы уже не считали, что и грозный великий князь способен «навести порядок» в их беспокойном крае.

Тревожным знаком стал погром магазинов, лавок и продовольственных складов в Баку, вызванный недостатком провизии. Ходили слухи, что коррумпированная бакинская полиция потворствовала этому погрому, а

то и организовала его. Утверждали, что наместник намерен решительно бороться с виновниками погрома. Житель Баку писал в феврале 1916 года: «Великий князь, говорят, решил строго наказать нашу полицию. Сейчас все местное начальство уже раскассировано, кто отдан под суд, кто просто смещен, а полицейских низшего ранга отправляют на позицию»³⁷⁸.

Однако и самые жестокие репрессии не смогли заменить столь необходимую провизию. Продовольственные беспорядки имели место и в Тифлисе, при этом порой вспоминали имя великого князя. Несколько кухарок обнаружили в одной из лавок спрятанный картофель, которого давно уже не было в городе. Разъяренная при-

слуга уже готова была «сделать Баку», но явившийся полицейский пристав объявил присутствующим, что картофель «дворцовый», т.е. предназначен для двора наместника. Кухарки этому не верили и упорно не расходились. Жительница Тифлиса писала в феврале 1916 года: «Это мне нравится: наша низкая, подкупная полиция не только не защищает бедноту от прожорливости купеческой, но еще сваливает все на голову великого князя...»³⁷⁹ В данном случае полиция пытается предотвратить беспорядки (или укрыть преступников), ссылаясь на авторитет великого князя, а обозленные обыватели отказываются ей верить, что свидетельствует о сохранении влияния наместника. Однако использование его имени в конфликтах такого рода, скорее всего, вело к снижению образа великого князя.

Со временем вера в решительного наместника слабела. Житель Тифлиса писал в мае 1916 года: «...наши генералы с утроенным нахальством заняты грабежом казны. Никто делом не занят, все стараются потуже набить карманы, нахватать чины, ордена, награды и пр. ... Власть, в чьи бы она ни была руках, останется слепою и глухою для нас»³⁸⁰.

Впрочем, великий князь решил способствовать проведению давно уже намечавшейся, но откладывавшейся реформы, введению земства на Кавказе. В условиях многонационального края со сложной социальной структурой проведение подобной реформы было связано со многими трудностями. Однако, как писал биограф великого князя, наместник «признал необходимым дать движение заглохшему проекту»³⁸¹. Можно предположить, что, иницилируя эту реформу местного самоуправления, окружение великого князя стремилось способствовать укреплению его популярности в либеральных кругах. Весной 1916 года великий князь председательствовал на специально созванном красном совещании. По его завершении администрация наместника стала готовить соответствующий законопроект

Правда, эта попытка оказалась не очень эффективной, как признавал сам великий князь, на совещании выявились серьезные противоречия между различными этническими группами Кавказа, реформа не была осуществлена³⁸². Это вызвало известное разочарование. Житель Тифлиса писал в марте 1916 года, до созыва совещания: «Власть, вместо того чтобы созвать и спрашивать какие-то мнения, должна была обрядиться в золото и пурпур, устроить парад и при ярком солнце, под шум развевающихся флагов, окруженная красным конвоем и золотыми камергерами, объявить, как милость, Манифест о введении какого бы то ни было куцего зем-

ства, но немедленно. И все бы стали курить фимиам, никаких бы не было национальных распрей, а толку было бы больше, чем сейчас. Фигура Наместника так подходит для подобного жеста. Его популярность возросла бы в десять раз после такого жеста»³⁸³.

Но и сама попытка подобного реформирования местного самоуправления, хотя она и не привела к каким-либо практическим результатам, способствовала популярности наместника в либеральных кругах. Напротив, императрица сочла проект преобразований преждевременным и опасным, ее тревогу вызывало и председательство великого князя Николая Николаевича на этом важном совещании³⁸⁴.

Известность великого князя возросла и вследствие успехов российской армии на Кавказе. В феврале 1916 года штурмом был взят Эрзерум. Правда, в действительности великий князь не был сторонником штурма мощной турецкой крепости, но генерал Н.Н. Юденич, командовавший войсками Кавказской армии, смог настоять на этом решении³⁸⁵.

Общественное мнение страны, однако, не всегда было осведомлено о дискуссиях среди командования фронта, и успех операции порой приписывался великому князю Николаю Николаевичу. Во всяком случае, победы российских войск на Кавказе вновь привлекли внимание части прессы к наместнику царя. В январе в журнале «Огонек» после долгого перерыва был опубликован небольшой портрет великого князя. Предшествовавшие изображения, коллективный портрет участников совещания в Ставке 14 июня 1915 года, было напечатано в номере за 5 июля 1915 года, т.е. долгое время в данном издании фотографии бывшего Верховного главнокомандующего не печатались, это было характерно и для других иллюстрированных журналов. Вскоре в «Огоньке» появилась другая новая фотография великого князя, облаченного в бурку. Он стоял в автомобиле, на фоне заснеженных кавказских гор. Подпись к снимку гласила: «Войска восторженно приветствуют Его Императорское Высочество Великого Князя Николая Николаевича»³⁸⁶.

В январе снимки великого князя появились и в других иллюстрированных изданиях³⁸⁷.

Однако главным героем событий был все же генерал Юденич, которого император наградил 15 февраля 1916 года орденом Св. Георгия 2-й степени. В том же «Огоньке» был опубликован его фотопортрет, подпись к нему гласила: «Генерал Н.Н. Юденич, ближайший руководитель эрзерумской операции». Затем в этом издании был помещен снимок с заголовком «Поцелуй победителю»:

«Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич поздравляет героя Эрзерума ген. Юденича с победой». Первую страницу петроградского «Синего журнала» в номере от 20 февраля 1916 года украшал фотопортрет Юденича, подпись к нему гласила: «Славный герой Эрзерума». В тот же день фотографию Юденича напечатал и еженедельник «Лукоморье». Другой же иллюстрированный журнал, «Солнце России», воздержался от публикации фотографий великого князя, зато в августе поместил на обложку одного из номеров цветную репродукцию красочного портрета генерала Юденича, украшенного орденами Св. Георгия сразу трех степеней³⁸⁸.

В апреле же русская Кавказская армия заняла Трапезунд. Это, очевидно, также способствовало тому, что в обществе вновь и вновь вспоминали бывшего Верховного главнокомандующего. В 1916 году, несмотря на тяжелые поражения прошлого года, встречаются высокие оценки полководческого мастерства великого князя. В одном доносе указывалось, что начальник разъезда Омской железной дороги в апреле сказал подчиненным: «Таким Главнокомандующим, как Николай II, дураком Николашкой, дела не поправятся; сюда, на этот фронт нужно Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА»³⁸⁹.

О «все возрастающей» популярности кавказского наместника писал 28 апреля 1916 года в своем письме царю и великий князь Николай Михайлович. Это, как уже отмечалось выше, беспокоило его, ибо великий князь Николай Николаевич составлял к этому времени некое исключение среди членов императорской семьи: прочие великие князья не пользовались особой любовью и уважением русского общества³⁹⁰.

Однако жесткий стиль руководства наместника не остановил процессов коррозии дисциплины в тылу Кавказского фронта. Даже в гарнизоне Тифлиса, в столице края, в 1916 году произошли волнения. В июле солдат писал домой своему родственнику: «Дорогой мой дядя, у нас идут сильные бунты, так что у Тифлиса разбили весь город и хотели убить Николая Николаевича, но он убежал»³⁹¹. Этот слух о «бегстве» великого князя показателен в нескольких отношениях. Во-первых, наместник является предметом особой ненависти солдат, очевидно, именно он олицетворяет собой причины недовольства. Во-вторых, образ великого князя, в страхе оставляющего свою должность, весьма отличается от образа грозного военачальника, который преобладал ранее в общественном сознании.

10. Великий князь и революция

Хотя, по-видимому, популярность великого князя существенно уменьшилась по сравнению с летом 1915 года, в оппозиционных кругах он продолжал пользоваться значительным авторитетом.

Интерес к личности великого князя вновь стали проявлять и популярные иллюстрированные издания. Так, в октябре 1916 года на обложке «Нивы» была напечатана цветная репродукция акварели Н.С. Самокиша «Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич». Она напоминает уже упоминавшийся портрет работы этого художника, выполненный еще до войны³⁹². Меняется лишь масть коня, да увеличивается количество орденов у великого князя. Но совершенно иным становится контекст восприятия картины баталиста: теперь величественный военачальник не руководитель маневров, а полководец великой войны.

В том же месяце и на обложке иллюстрированного еженедельника «Искры» был напечатан рисунок «На передовых позициях. Наместник Его Императорского Величества на Кавказе, Августейший Главнокомандующий кавказской армией Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич»³⁹³. Великий князь был изображен в полевой форме, верхом, он картинно объезжал некое «поле битвы». За ним был помещен всадник, напоминающий генерала Янушкевича, начальника штаба великого князя, на заднем фоне — массы атакующей кавалерии. Очевидно, этот рисунок был создан еще в бытность великого князя Верховным главнокомандующим, а затем, после его смещения, положен «под сукно». По-видимому, с точки зрения редакции, осенью 1916 года вновь пришло время опубликовать романтический портрет великого князя Николая Николаевича.

Вряд ли было случайным то обстоятельство, что два ведущих иллюстрированных журнала почти одновременно опубликовали на своих обложках репродукции картин, изображающих военачальника-победителя. Очевидно, в либеральных кругах полагали, что в сложившейся ситуации общественному мнению следует вновь напомнить о герое-военачальнике.

В ноябре фотография великого князя была опубликована в иллюстрированном приложении «Нового времени». А в феврале 1917 года и «Нива», и официальная «Летопись войны» в связи с годовщиной взятия Эрзерума публикуют фотопортреты великого князя, на которых он изображен стоящим в полный рост, в живописной кавказской форме³⁹⁴.

Показательно, что при этом с августа 1916 года ведущие иллюстрированные журналы фактически прекратили публикацию портретов императора.

Соответственно в это время в правых кругах великий князь воспринимался чуть ли не как явный сторонник либеральной оппозиции. Известный астраханский черносотенец Н. Тиханович-Савицкий писал своему единомышленнику об успехах «левых» (к которым он относил Гучова и Львова) в мае 1916 года: «Две трети наиболее интеллигентного общества и купечества за них, горожане вторят статьям левых газет. А Великий Князь Н.Н.? А теперь Б.В. [великий князь Борис Владимирович. — Б.К.], окруживший себя мятежными думцами-казаками во главе с Карауловым»³⁹⁵. Подозрения правых относительно связей кавказского наместника с либералами не были совсем уж безосновательными.

В декабре 1916 года в Москве должен был состояться съезд городских и земских деятелей. Полиция не допустила проведения съезда, однако она не смогла предотвратить частные совещания и беседы. Во время одной из подобных встреч важный разговор произошел между князем Г.Е. Львовым, главой Земского союза, и уже упоминавшимся А.И. Хатисовым, тифлисским городским головой. Львов заявил, что страну в сложившейся ситуации может спасти только дворцовый переворот. Престол же, по его мнению, в этом случае должен будет перейти к великому князю Николаю Николаевичу, «воцарение» которого должно было сопровождаться образованием «ответственного министерства». Львов просил Хатисова переговорить в Тифлисе по этому поводу с самим кавказским наместником. Такой случай вскоре представился Хатисову, когда он поздравлял великого князя Николая Николаевича с Новым годом. Царский наместник на Кавказе отказался дать ответ немедленно. Но показательно, что он не отверг сразу же это сомнительное, с точки зрения лояльного верноподданного, предложение об участии в государственном перевороте. Через несколько дней в разговоре с Хатисовым наместник царя на Кавказе заявил о своем отказе поддержать подобный переворот. По его мнению, основанному на суждениях генерала Янушкевича, солдаты не поняли бы значение этого шага³⁹⁶. Характерно, что свое решение великий князь мотивировал практическими соображениями, речи же о его подчеркнутой верности монарху, которой ранее всегда так гордился великий князь Николай Николаевич, в это время уже не было.

Впрочем, известный историк предреволюционной эпохи А.Я. Аврех считал этот эпизод выдумкой журналистов и мемуаристов, которую великий князь счел нужным подтвердить в эмиграции: по мнению исследователя, репутация решительного политика должна была укрепить его шансы как претендента на российский престол³⁹⁷. Маловероятно, однако, чтобы воспоминания такого рода укрепили авторитет великого князя Николая Николаевича среди убежденных монархистов. Напротив, поведение кавказского наместника в дни Февраля скорее может служить подтверждением факта его доверительных переговоров с тифлисским городским головой.

О революции великий князь узнал 1 марта, находясь в Батуми. Наместник поспешил возвратиться в Тифлис, где вступил в контакт с революционными силами. Он пригласил к себе Хатисова, которому поручил объезжать казармы, оповещая гарнизон о своем сочувствии народному движению. Городского голову сопровождали близкие великому князю генералы. О своей поддержке народного движения великий князь Николай Николаевич объявил и на приеме, данном лидерам революционных партий³⁹⁸.

Некоторые офицеры российской гвардии объясняли поведение великого князя в дни революции тем обстоятельством, что он был уверен, что унаследует царский трон после отречения императора³⁹⁹.

Как известно, одним из последних документов, подписанных Николаем II перед отречением, был приказ о назначении великого князя Николая Николаевича новым Верховным главнокомандующим. Он был получен уже 3 марта. Однако только 7 марта великий князь отправился из Тифлиса в Ставку, в Могилев. На вокзале ему были организованы торжественные проводы. Верховный главнокомандующий произнес речь, в которой он благодарил провожающих за оказанное ему доверие. Проводы великого князя свидетельствовали о том, что и в условиях революции он продолжал пользоваться немалой популярностью. Люди, певшие «Марсельезу» и носившие красные флаги, полагали, что и при новом строе ранее опальный влиятельный полководец, представитель свергнутой династии, сохранит свое влияние и власть. О том же свидетельствовали и встречи великого князя Николая Николаевича на железнодорожных станциях, во время его поездки в Ставку. Сопровождавший его великий князь Андрей Владимирович отмечал, что почти на всех станциях его встречал народ, среди встречавших было немало рабочих. В Харькове Совет рабочих депутатов преподнес

великому князю хлеб-соль. Произносились патриотические речи, а «простые, но сильные» ответы Верховного главнокомандующего вызывали у присутствующих громкие и несмолкающие крики «ура». В Ставке Верховного главнокомандующего штабные писаря и служащие канцелярий уже развешивали на стенах сохраненные портреты «любимого и обожаемого вождя»⁴⁰⁰.

Однако в столицах общественное мнение было настроено куда более радикально. Уже 6 марта глава Временного правительства князь Г.Е. Львов телеграфировал генералу М.В. Алексееву, который исполнял обязанности Верховного главнокомандующего до прибытия великого князя. Министр-председатель полагал, что, учитывая общес негативное отношение к дому Романовых, великий князь Николай Николаевич сам должен отказаться от должности Верховного главнокомандующего⁴⁰¹.

Генерал Алексеев пытался сохранить этот пост за великим князем. Он телеграфировал Львову в ответ:

Характер великого князя таков, что если он раз сказал: признаю, становлюсь на сторону нового порядка, то в этом отношении он ни на шаг не отступит в сторону и исполнит принятое на себя. Безусловно думаю, что для Временного правительства он явится желанным начальником и авторитетным в армии, которая уже знает об его назначении, получает приказы и обращения. В общем, он пользуется большим расположением и доверием в различных слоях армии, в него верили. Полученные донесения свидетельствуют о том, что назначение Великого Князя Николая Николаевича принимается с большой радостью и верою в успех. Во многих частях даже восторженно! Проникает сознание, что Великий Князь даст сильную, твердую власть — залог восстановления порядка. Благоприятное впечатление произвело назначение не только в Черноморском флоте, но даже в Балтийском. До настоящей минуты получены на имя Верховного Главнокомандующего приветствия от 14-ти городов; в числе их Одесса, Киев, Минск сообщили удовольствия по поводу возвращения Великого князя на свой прежний пост и уверенность в победе. Я могу еще раз только повторить, что для нового правительства он будет помощником, но не помехою!⁴⁰²

Телеграмма Алексеєва примечательна в нескольких отношениях. С одной стороны, он указывает на лояльность великого князя по отношению ко Временному правительству. Внук Николая I, по мнению генерала, может стать вождем Вооруженных сил новой

России. С другой стороны, генерал Алексеев указывает на сохранявшуюся громадную популярность великого князя Николая Николаевича не только в армии, но и на флоте, в том числе в весьма революционизированных соединениях. Возможно, генерал несколько переоценил восторженность офицеров, солдат и матросов, но, скорее всего, великий князь действительно продолжал пользоваться немалой популярностью в войсках. Однако, вероятно, именно это обстоятельство и побуждало революционных политиков настоятельно требовать его смещения. Они руководствовались теми же соображениями, что и император в августе 1915 года: авторитетный полководец, стоявший во главе огромной армии, мог быть опасным для власти в Петрограде.

В то время, когда Николай Николаевич совершал свою триумфальную поездку из Тифлиса в Могилев, встречая восторженный прием на железнодорожных станциях, в газетах появились сообщения о том, что А.Ф. Керенский, популярный и влиятельный революционный министр юстиции, выступая в Москве 7 марта, публично заявил, что великий князь не будет Верховным главнокомандующим. Иногда Керенский действовал на свой страх и риск, ставя других министров перед свершившимся фактом, но в данном случае он, по-видимому, отражал мнение всего Временного правительства.

Великий князь успел, однако, прибыть в Ставку и официально принять должность верховного главнокомандующего. Об этом он уведомил Временное правительство. Однако, как телеграфировал генералу Алексееву князь Львов, послание великого князя Николая Николаевича вызвало в Петрограде «большое смущение».

В этой ситуации великий князь направил телеграмму Временному правительству, в которой он официально сообщал о сложении своих полномочий. В другой телеграмме, адресованной военному министру, содержалось прошение об отставке.

Однако память о популярном главнокомандующем продолжала жить в революционной России. И в советское время появлялись некие самозванцы, называвшие себя именем великого князя. Они находили своих почитателей и получали у них финансовую поддержку, даже несмотря на очевидную угрозу репрессий⁴⁰³.

Культ Верховного главнокомандующего создавался на начальном этапе войны различными политическими силами, стремившимися возбудить патриотический подъем, а также использовать в своих целях популярность главного полководца России. Среди них были и консервативные деятели, и либеральные политики и бюрократы, желавшие добиться проведения политических реформ в годы войны. Популяризации Верховного главнокомандующего способствовали и издатели, руководствующиеся коммерческим интересом: образ великого князя хорошо в то время продавался.

Вскоре после начала войны образ Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича стал фигурой позитивной интеграции российского общества. На какое-то время он стал объединяющим политическим символом для сторонников войны, придерживавшихся различных политических взглядов. Культ военного вождя-спасителя был архаичен по форме репрезентации, но в то же время этот образ был харизматичен по своей сути. Это способствовало патриотической мобилизации российского общества, но в то же время в перспективе представляло немалую опасность для стабильности режима: фигура популярного великого князя, строгого и грозного полководца, уникального вождя-спасителя, противопоставлялась императору, «слабому» и «неспособному». И даже и в тех случаях, когда подобное противопоставление открыто не проявлялось, сам факт появления харизматического лидера рядом с традиционной властью монарха уже представлял для царя известный политический вызов. Личностная харизма полководца-спасителя становилась важным фактором политической жизни, который никак не был предусмотрен «Основными законами» империи и монархической политической традицией, допускавшей лишь «должностную харизму» помазанника, полученную в результате коронования. «Приобретенная» харизма Верховного главнокомандующего подрывала традиционную власть императора вне зависимости от истинных намерений ее носителя.

С подобной проблемой, правда в меньшей степени, столкнулась в годы Первой мировой войны и монархия в Германии: император Вильгельм II со смешанным чувством наблюдал за ростом популярности генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга, который с 1914 года возглавлял командование на Восточном фронте, а начиная с 1916 года руководил военными операциями всех немец-

ких вооруженных сил. Новый культ полководца военного времени, представлявшегося немецкой милитаристской пропагандой спасителем нации, символизовавшим военные усилия империи, вступил в известную символическую конкуренцию с традиционным культом кайзера, который превращался в «теневого императора» в условиях возрастания реального влияния могущественной Ставки Верховного командования. Популярность Гинденбурга достигла таких масштабов, что она способствовала десакрализации образа Вильгельма II, вне зависимости от того, какими были изначальные намерения военного руководства и немецких пропагандистов⁴⁰⁴. Этот конфликт не был секретом и для современных русских обозревателей. В августе 1915 года, как раз в тот момент, когда Николай II принял решение о смещении великого князя с поста Верховного главнокомандующего, влиятельная петроградская газета, отрицательно относившаяся к этому, писала: «Отношение к Гинденбургу у императора остается по-прежнему недружелюбным. Такое отношение объясняется завистью к популярности маршала»⁴⁰⁵. Что думал автор «Нового времени», газеты, близкой к российскому Верховному главнокомандующему, когда он писал эти строки?

Для различных противников войны в России именно великий князь Николай Николасвич олицетворял милитаризм, это проявлялось в 1915 году в увеличении числа дел, возбужденных против лиц, его оскорблявших. При этом образ великого князя порой «выворачивался наизнанку»: его личные качества, действительные или только приписываемые ему, воспринимались одними современниками положительно, иными же — крайне отрицательно. Так, легендарная грубость Верховного главнокомандующего для одних была ярким проявлением его солдатской прямоты и патриотической энергии, а для других — убедительным свидетельством ограниченности и бесчеловечности. Это проявляется прежде всего в делах по обвинению лиц, оскорблявших великого князя. Однако в частной переписке того времени, освещавшейся цензурой Министерства внутренних дел, эту тему недовольства великим князем как главным виновником войны выявить почти не удалось. Можно предположить, что первоначально она имела большее хождение в «низах», а не среди образованной части общества (полицейская цензура мало уделяла внимания корреспонденции низших слоев).

После поражений российской армии весной — летом 1915 года усиливается и критика иного рода: Верховного главнокомандующего порой порицают за некомпетентность. Это проявляется и в де-

лах по оскорблению великого князя, и в известной степени в частной переписке того времени. Но, несмотря на тяжелые военные неудачи, значительная часть общественного мнения страны продолжает относиться к великому князю Николаю Николаевичу с доверием (сейчас его могли бы назвать «тефлоновым полководцем» — по аналогии с современным распространенным штампом «тефлоновый политик» — государственный деятель, к которому не прилипают никакие обвинения). Нараставшая критика не адресовалась ему, а вся ответственность за поражения возлагается на иные институты власти, на других военачальников, на императрицу, порой даже на самого императора, но, как правило, не на Верховного главнокомандующего, который, казалось бы, должен был нести ответственность за тяжелые поражения русских армий.

Очевидно, Николай II, смещая великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, преследовал различные цели (замена командования в условиях поражения, уничтожение «двоевластия», проявившиеся в условиях конфликта Ставки и министерств). Это была и одна из важнейших мер, направленных на преодоление кризиса лета 1915 года, когда различные оппозиционные политики и фрондирующие бюрократы пытались заигрывать со Ставкой. Вместе с тем создается впечатление, что одной из причин его отстранения как раз и была громадная популярность великого князя, которая становилась опасной для режима, вне зависимости от того, насколько Верховный главнокомандующий был лично лоялен по отношению к царю (вопрос о степени его верности императору на разных этапах войны нуждается в дальнейшем в специальном изучении).

Рационально вполне объяснимое решение императора о смещении великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего привело к тому, что образ последнего претерпел существенные изменения. Оставив высокую должность, он терял и немалую часть своей харизмы, переставал восприниматься как непобедимый и всемогущий военный вождь. Как справедливо отмечал современник, служивший в Ставке и сочувствовавший великому князю, после этого перестала существовать «легенда» полководца, которая была необычайно важна для боевого духа армии⁴⁰⁶. Несудивительно, что в новых слухах этого времени великий князь Николай Николаевич все чаще предстает как некомпетентный пьяница, развратник и вор. Появляется и тема предательства бывшего Верховного главнокомандующего, которая ранее вовсе не встречалась в изученных источниках.

Вместе с тем немалая часть жителей страны продолжала с доверием относиться к великому князю, он все еще воспринимался многими как уникальный вождь-спаситель России. В обществе колоритная фигура бывшего Верховного главнокомандующего, «сосланного на Кавказ», нередко вызывала сочувствие. Но этот картинный образ опального вождя приобретает еще более оппозиционное значение, перестает быть общенациональным объединяющим символом военного времени.

Культ военного вождя, великого полководца, активно создававшийся милитаристской пропагандой разного рода, в том числе самим царем и воинственной пропагандой националистов, подрывал стабильность режима вне зависимости от того, какими соображениями изначально руководствовались его создатели и распространители.

Глава VII

ВДОВСТВУЮЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА В ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ, «НАРОДНЫХ» СЛУХАХ И ОСКОРБЛЕНИЯХ

23 октября 1916 года в вагон 3-го класса поезда, следующего в Киев, на станции Голендры вошла некая сестра милосердия. Впоследствии оказалось, что это была М. Уткина, жена каменецкого уездного врача. Странное поведение Уткиной привлекло внимание пассажиров, которые вскоре заподозрили в ней душевнобольную. При приближении поезда к железнодорожной станции Казатин Уткина громко заявила попутчикам, что у нее был офицер-казак любовник, которого у нее «отбила Государыня Мария Федоровна», а затем она, придя в состояние сильного раздражения, стала выкрикивать: «Сволочь, мерзавка! Она отбила у меня любовника, несмотря на то что содержит таких двадцать пять казаков. Я не буду молчать, я буду все кричать! Я ничего не боюсь, так как была уже два раза арестована, но меня отпускали». По прибытии поезда в Казатин нарушительница порядка была задержана представителями власти, но и во время следования в дежурную жандармскую комнату она продолжала выкрикивать оскорбления в адрес вдовствующей императрицы.

Против странной пассажирки было выдвинуто обвинение по оскорблению члена императорской семьи, однако обстоятельства совершения ею преступления заставили стражей порядка усом-

ниться в здравости ее рассудка. Уткина была доставлена в Киев и здесь помещена в психиатрическое отделение земской Кирилловской больницы. При допросе Уткина признала себя виновной в предъявленном ей обвинении, но вместе с тем проявила явные признаки душевного расстройства. Произведенным медицинским расследованием было установлено, что Уткина как во время совершения приписываемого ей преступления, так и во время проведения следствия и обследования страдала душевным расстройством в форме маниакально-депрессивного психоза. Киевский окружной суд, рассмотрев это дело, признал, что Уткина во время совершения ею преступления не могла понимать свойства и значения совершаемых ею действий. Уголовное преследование дальнейшим производством было прекращено¹.

Казалось бы, слова сумасшедшей женщины не могут представлять никакого интереса для исследователя, изучающего политическую историю эпохи Мировой войны. Между тем это дело любопытно именно своей бесспорной искренностью, необычной болезненной откровенностью обвиняемой. В вагоне поезда Уткина открыто прокричала то, о чем некоторые подданные российского императора обычно не говорили громко, но нередко передавали «в своем кругу». В словах больной женщины нашли отражение некоторые странные и абсурдные слухи, преследовавшие мать царя.

Первая мировая война застала вдовствующую императрицу Марию Федоровну в Великобритании. Обеспокоенная осложнением международной обстановки, она прервала свою поездку по Западной Европе, пыталась скорее добраться до России. 19 июля она покинула Англию, намереваясь через Париж и Берлин вернуться в Санкт-Петербург. Однако когда вдовствующая императрица доскакала до германской столицы, немецкое правительство потребовало, чтобы мать российского царя немедленно покинула пределы Германии. Императрица Мария Федоровна выехала в Данию, а затем через Швецию и Великое княжество Финляндское вернулась в Россию. Она приехала в столицу империи лишь 27 июля.

Вместе с вдовствующей императрицей в Санкт-Петербург прибыло и несколько десятков российских граждан, которых начало войны застало в Германии. Они были размещены в вагонах поезда императрицы по ее личному повелению.

Немало подданных российского императора, оказавшихся в это время на немецкой и австро-венгерской территории, испытывали большие трудности с возвращением на родину. Некоторые из них

Илл. 47. Вдовствующая императрица Мария Федоровна. Портрет, печатавшийся в годы Первой мировой войны.

подвергались издевательствам, а иногда и насилиям со стороны властей враждебных стран. В русских газетах сведения об этом печатались под заголовками «Германские жестокости» и даже «Немецкие зверства». Иногда они давали истинное представление о

тяжелом, порой попросту страшном положении российских граждан на вражеской территории, иногда же патриотическое воображение журналистов существенно умножало те трудности, с которыми действительно сталкивались русские путешественники. Образ мирных жителей, прежде всего путешественниц, ставших беззащитными жертвами жестокого врага, играл немалую роль в патриотической мобилизации военного времени, об этом много писали газеты, прибытие высокопоставленных особ из «германского плена» было запечатлено кинохроникой, демонстрация соответствующих лент в кинематографах сопровождалась возмущенными криками публики. И вдовствующая императрица Мария Федоровна, пожилая мать российского царя, оскорбленная врагом, олицетворяла неспровоцированную жестокость противника.

Поэтому день тезоименитства вдовствующей императрицы, 22 июля, прошел в Санкт-Петербурге в этот раз по-особенному. Как обычно, состоялись торжественные богослужения во всех церквях столицы, гремели салюты, городские улицы и корабли, стоящие на Неве, были украшены флагами. Вечером состоялась иллюминация. Однако отсутствие по вине противника в городе августейшей именинницы, которая в день своего праздника вынуждена была пробираться домой окружным путем, придало этому дню особое значение, празднование использовалось для патриотической мобилизации. Так, настоятель Казанского собора, митрофорный протоиерей Орнатский в конце литургии говорил слово, в котором коснулся и последнего известия из вражеской страны о некультурном поступке немцев, не пропустивших поезд вдовствующей императрицы. Возможно, в связи с этой речью в центре города состоялась манифестация, участники которой направили послание матери царя: «Стотысячная народная масса, собравшаяся на Невском и олицетворяющая всю Русь, повергает к стопам Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны в высочоторжественный день ее тезоименитства свои верноподданнические чувства». Хотя данное послание и было опубликовано в авторитетном издании, упоминание о «стотысячной» манифестации было явным преувеличением. Впрочем, жанр такого приветствия, не вполне типичного для традиционного празднования тезоименитства члена императорской семьи, весьма показательен: в нем отражается специфическая атмосфера начала войны².

И в последующие месяцы вдовствующая императрица Мария Федоровна активно участвовала в патриотической мобилизации

Илл. 42. Вдовствующая императрица Мария Федоровна раздает раненым нашивные образки.

общества. С 1880 года она была покровительницей Российского общества Красного Креста. Портреты высочайшей попечительницы висели в различных учреждениях общества – больные, раненые, медицинский персонал видели их постоянно. Чаще всего на этих портретах воспроизводилась давняя, но весьма удачная фотография Буассона и Эглера.

В Аничковом дворце, одной из городских резиденций императрицы Марии Федоровны, был устроен вешевой склад Красного Креста, в котором работали представительницы высшего общества, иногда к ним присоединялась и сама хозяйка дворца, вступавшая в беседу с польщенными дамами. В результате популярность обаятельной вдовствующей императрицы в аристократических кругах столицы еще более возросла¹.

Канцелярия императрицы Марии Федоровны производила сбор средств в пользу раненых и больных воинов, благодарственные же письма матери царя, адресованные жертвователям, публиковались в русской прессе. Нередко вдовствующая императрица

принимала делегации различных общин Красного Креста, посещала лазареты. 15 декабря 1914 года она писала всликому князю Николаю Михайловичу: «Я посещаю госпитали так часто, как могу. Это единственное мое утешение. Все дорогие нам раненые возвышают душу: какое терпение, какая скромность и какая поразительная сила духа! Я ими искренне люблю и хотела бы встать на колени перед каждым»⁴.

О посещениях вдовствующей императрицы лазаретов, о ее встречах с больными и ранеными, врачами и сестрами милосердия различных общин Красного Креста писали газеты, а фотографии, запечатлевшие эти события, публиковались в иллюстрированных изданиях. Создается впечатление, что в некоторые месяцы число газетных информационных сообщений, посвященных патриотической деятельности матери царя, существенно превышало количество заметок, посвященных царице Александре Федоровне. Но не только благотворительная деятельность императрицы Марии Федоровны определяла отношение к ней общественного мнения.

Как уже отмечалось выше, в некоторых ситуациях мать императора пыталась играть и некоторую политическую роль. Порой сановники и аристократы стремились с помощью вдовствующей императрицы донести до Николая II какую-то важную информацию, а то и повлиять на процесс принятия политических решений. Упомянулось уже, что императрица Мария Федоровна неоднократно, и всякий раз безуспешно, пыталась убедить царя не брать на себя верховное командование в 1915 году. Переселение же матери императора в Киев было знаком нарастания конфликтов в царской семье.

О популярности вдовствующей императрицы свидетельствует и то обстоятельство, что она иногда оказывалась в центре различных патриотических манифестаций. Так, в мае 1916 года в Киеве было организовано шествие детей к дворцу, служившему резиденцией матери царя. Вдовствующая императрица вышла из своих покоев, раздались крики ура, оркестр играл гимн, после этого соединенный хор женских училищ города исполнил народные песни⁵.

Возможно, на восприятие образа матери царя в народной среде повлияло также и то обстоятельство, что и после смерти мужа и женитьбы сына вдовствующая императрица Мария Федоровна некоторое время продолжала играть первую роль в различных церемониях, на торжественных выходах, приемах и балах. Дни рождения и тезоименитства ее продолжали праздноваться как официальные государственные праздники. Иначе говоря, в символической

репрезентации монархической власти вдовствующая императрица продолжала играть важную, хотя и не первостепенную роль.

Косвенно об этом свидетельствует и то обстоятельство, что мать императора продолжала оставаться объектом оскорблений со стороны простояудинов. Очевидно, к 1914 году уже существовала некая развитая традиция оскорбления вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Можно предположить, что эта традиция имела фольклорные источники (фигура вдовы нередко предстает как негативный и активный персонаж). Весьма вероятно и связь с народной традицией богохульства: ругая царя «по матери», легко вспоминали и Мать Марию. Показателен случай оскорбления императора и вдовствующей императрицы двумя пьяными крестьянами Томской губернии. С ними заговорили сборщики денег на Красный Крест. Один из крестьян живо отреагировал: «... я твой Красный Крест». Второй поднял уровень оскорблений: «А я ... ЦАРЯ, Россию и мать его Марию». После этого его приятель также разразился площадной бранью в адрес императора⁶.

Очевидно, как и в ряде случаев оскорбления императрицы Александры Федоровны, оскорбление матери царя было продолжением оскорбления императора. Так, царя, а также его жену и мать обругал в пылу ссоры с односельчанами пьяный 26-летний крестьянин Пермской губернии⁷.

Все же в большинстве известных нам случаев оскорбления адресовались лично вдовствующей императрице Марии Федоровне.

По-видимому, ряд оскорблений имел место в праздничные дни, связанные с чествованием вдовствующей императрицы. Очевидно, некоторые предприниматели и их агенты стремились сделать эти дни — не самые главные, с их точки зрения, «царские праздники» — рабочими днями, а наемные работники и работницы, наоборот, считали, разумеется, их выходными и в данной ситуации были заинтересованы в том, чтобы оказывать матери императора все подобающие знаки почтения. Так, нам известны три случая оскорбления Марии Федоровны 21 и 22 июля 1915 года. Это неслучайно: 22 июля отмечался день ее тезоименитства. Некий дорожный мастер неосторожно заявил рабочим: «Много их таких <...> (брань), а все будем праздновать». О том же говорил служащим и некий мастер железнодорожного депо: «Мы празднуем только Рождение и Тезоименитство ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, а маленьких ЦАРЕНКОВ не признаем». Разумеется, сразу же последовали доносы со стороны рабочих-путейцев, демонстративный монархизм позволял

им увеличить время досуга. А два тюремных надзирателя в ответ на отказ арестантов выйти в этот день на работу позволили себе в присутствии свидетелей заявить: «Праздник 22 июля был раньше, но теперь отменен, т. к. ГОСУДАРЫНЯ Мария Федоровна является сторонницей германского народа и изменницей России». Возможно, впрочем, хитроумные арестанты просто хотели таким образом отомстить придирчивым тюремным служителям, которые в действительности могли и не произносить дерзких слов, но интересно, что для этого они использовали именно такой прием, а обвиняемым приписывали подобную характеристику матери царя⁸.

В оскорблениях, как это ни странно, пожилая вдовствующая императрица описывалась прежде всего как... известная развратница. Показательна озорная деревенская песенка, исполнение которой послужило основанием для судебного расследования:

Николай вином торгует,
Сашка булки продает,
Машка Трепову дает,
А наследник счет ведет⁹.

В этой непристойной песне каждому члену императорской семьи отведена своя особая негативная роль. Николаю II в вину вменяется то обстоятельство, что он лишь торговал водкой (намек на винную монополию), а не готовил страну к войне (весьма распространенное, как мы видели, обвинение). Царицу Александру Федоровну подозревают в том, что она покровительствует контрабандным поставкам хлеба и зерна во враждебные страны, что является причиной дефицита продовольствия. А вдовствующая 67-летняя императрица Мария Федоровна является олицетворением разврата: ей приписывается связь с каким-то представителем известного бюрократического клана Треповых. Удивительно, но тема распутного поведения матери царя получила известное распространение в годы Мировой войны.

Можно с большой долей уверенности предположить, что мать императора стала жертвой своей собственной официальной репрезентации. Необычайно привлекательная, носившая в молодости кокетливую челку, смуцавшую многих строгих дам девятнадцатого века, вдовствующая императрица давала немало поводов для разговоров о своей внешности и в двадцатом веке — она запомнилась своим подданным молодой и красивой женщиной. Даже в 1917 году обыватели нередко судачили о «фарфоровом личике» и

«осиной талии» матери царя. Ходили даже слухи, что она постоянно носит на лице некую фарфоровую маску. Очевидно, императрица Мария Федоровна желала выглядеть молодой и привлекательной и на своих официальных портретах. Именно такой она предстает на замечательном портрете работы В. Е. Маковского, выполненном в 1912 году. Копии этого портрета, хранящегося ныне в Государственном Русском музее, воспроизводились на календарях и в дешевых «народных» изданиях. Жители империи, рассматривавшие эти многочисленные официальные изображения прекрасной молодой царицы, вовсе не воспринимали вдовствующую императрицу как пожилую женщину.

Журнал «Огонек» в связи с началом войны опубликовал портреты главных членов царской семьи¹⁰. Читатели могли увидеть фотографию очаровательной юной императрицы Марии Федоровны, которая выглядела как младшая прекрасная сестра изображенной рядом с ней хмурой ее невестки — царицы Александры Федоровны. Правда, порой публиковались и современные фотографические снимки вдовствующей императрицы, дававшие представление о ее действительной внешности во время войны¹¹. Однако по случаю различных официальных торжеств, например в честь дня тезоименитства Марии Федоровны, в иллюстрированных изданиях продолжали публиковаться портреты юной матери царя¹².

Во всяком случае, пожилая вдовствующая императрица продолжала являться объектом странных слухов и эротических фантазий малообразованных современников. В августе 1914 года некий 52-летний нищий утверждал, что Мария Федоровна якобы «слубилась со Столыпиным и от него прижила ребенка». Этот вымышленный любовный роман предположительно могущественной матери царя и покойного влиятельного министра имел-де и важные политические последствия: якобы поэтому «крестьянам земли и не дали». Можно предположить, что оба утверждения имели известную распространенность накануне войны; в том же месяце было возбуждено еще одно дело против человека, утверждавшего, что между вдовствующей императрицей и покойным премьером существовала связь (интересно, что обвиняемый по мобилизации был зачислен в гвардейскую часть, и уголовное дело против него было прекращено). С другой стороны, встречается и утверждение о том, что именно Мария Федоровна мешает проведению аграрной реформы в пользу крестьян. В марте 1915 года хлеботорговец Л. И. Ольмерг утверждал: «...земли дали бы, но мешает старая ...»¹³

В нескольких случаях в качестве любовника вдовствующей императрицы упоминался «Трепов» (об одном из таких оскорблений уже говорилось выше). Очевидно, иногда имелся в виду министр путей сообщения А.Ф. Трепов¹⁴. Но вернее было бы предположить, что разные образы представителей этого известного и влиятельного бюрократического клана смешивались в сознании современников.

Среди других возможных сожителей Марии Федоровны назывались даже германский император Вильгельм II и престарелый министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс, которому к началу войны было уже 74 года¹⁵. В сентябре 1914 года 51-летний казак утверждал, что мать царя состоит в связи с Ренненкампом¹⁶. Если учесть, что в это время начали распространяться слухи об измене злополучного генерала, то можно предположить, что тень сего предполагаемого предательства падала и на вдовствующую императрицу.

Благотворительная деятельность вдовствующей императрицы Марии Федоровны в некоторых слухах служит лишь прикрытием для ее разврата. В декабре 1915 года приказчик И.Х. Забежинский утверждал: «Старая Государыня, молодая государыня и ее дочери... для разврата настроили лазареты и их объезжают»¹⁷. Развратное поведение вдовствующей императрицы наверняка влечет за собой и должностное преступление. Так, в декабре 1914 года некий 33-летний ратник заявил девушкам, вязавшим теплые вещи для фронтовиков, что труд их напрасен, солдаты и офицеры все равно ничего не получают: «Злая Царица Мать Государя Императора Мария Федоровна все вещи прокутит и прогуляет со своими любовниками и развратниками»¹⁸. Показателен образ «злой царицы-матери», напоминающий сказочные персонажи; в подобном слухе развратной, злой, старой царице дела нет до страшной войны и суровых страданий простых людей. В марте 1916 года 44-летний казак утверждал: «Старая Государыня Мария Федоровна держит при дворе для себя Распутина, так как у него большой член; ей не нужна война, а нужен большой член» (это единственное известное нам упоминание Распутина в делах по оскорблению членов императорской семьи)¹⁹.

В другом слухе именно развратное поведение вдовствующей императрицы повлекло ее государственную измену, а затем и стало причиной международного конфликта. В мае 1915 года два крестьянина Ставропольской губернии рассуждали о том, что императрица Мария Федоровна якобы просила поминать в церквях

своих незаконнорожденных детей. После отъезда она, обожженная, уехала — де в Германию, поэтому и началась война²⁰. Информация о возвращении вдовствующей царицы домой в начале войны буквально выворачивалась наизнанку, многочисленные газетные статьи «переводились» — воспринимались и интерпретировались — самым непредсказуемым образом. Особое значение имела весть о временном ее пребывании на вражеской территории. В том же месяце и другие крестьяне разных губерний говорили о том, что вдовствующая императрица бежала в Германию: «...уехала не на войну, а в Германию»²¹. Встречается и слух о том, что императрица Мария Федоровна едет к врагу не с пустыми руками: «...везет деньги за проданную Россию»²². 18-летнего крестьянина Пермской губернии обвиняли в том, что он в гостях рассказывал: «У нас дело плохо насчет войны. Мать ГОСУДАРЯ отправилась в Германию — значит, изменила». Правда, виду свою он отрицал, признавая, впрочем, что сказал: «ГОСУДАРЫНЯ уехала в Германию и там попала в плен»²³.

Тема злополучной зарубежной поездки, включающая также и эротические слухи, содержалась еще в одном объяснении. Неграмотный 54-летний донской казак сказал соседям по хутору: «Если бы наша старая ГОСУДАРЫНЯ не ездила в Германию ... (*площадная брань*) с королями, то нам повезло бы»²⁴.

Подчеркивалось и иностранное происхождение, но нигде императрица Мария Федоровна не названа датчанкой²⁵. Иногда же ее считали... еврейкой. В августе 1915 года 28-летний крестьянин заявил: «Государыни наши тоже из евреев»²⁶. Но, разумеется, чаще всего она упоминается как «немка», сочувствующая врагу (в действительности вдовствующую императрицу Марию Федоровну отличала явная и давняя германофобия). Первые обвинения такого рода относятся к февралю 1915 года. Они повторялись и впоследствии: «Николай Николаевич вместе с матерью Государя за немцев стоит»; «Его мать — немка, ...! Держит руку немцев»; «Какая у нас может быть правда, когда у нас Государыни старая и молодая... германки»²⁷. 32-летний торговец так прокомментировал весть о поражении русской армии в феврале 1915 года: «Подвела мать ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, которая сама германка»²⁸.

В декабре 1915 года 38-летний неграмотный оренбургский крестьянин был обвинен в том, что произнес при свидетелях: «У нас и ГОСУДАРЬ немец, у него Мать немка». После этого он разразился площадной бранью. Правда, на следствии обвиняемый объяснил, что говорил лишь, что мать царя из Германии, но царя «нем-

цем» не называл и бранных слов по его адресу не произносил²⁹. Очевидно, однако, что он был искренне уверен в немецком происхождении императрицы Марии Федоровны.

47-летняя ярославская крестьянка говорила в июне 1915 года: «Старая государыня у нас несчастная немка, переписывается с германцами, когда русских солдат бьют, то радуется, а когда наши бьют германцев, то плачет»... Затем, произнеся бранное слово, она добавила: «Таких надо давить». Этот образ старой императрицы, оплакивающей разбитых немцев, напоминает обвинения в адрес молодой императрицы Александры Федоровны, он встречается еще в одном оскорблении, окрашенном, впрочем, и весьма редкой в те времена американофобией. Грамотный 30-летний крестьянин Томской губернии сказал в январе 1916 года: «Старая ГОСУДАРЫНЯ немка, Она плачет, когда наших солдат немцы бьют... ГОСУДАРЬ и МАТЬ Его еще до войны отправили золото в Америку; Америка и побрякивает им». В дальнейшей беседе он назвал Марию Федоровну «старою чертовкою»³⁰.

Раненный на войне сибирский казак доказывал в июле 1915 года, что Россия не одержит победы: «Наша никогда не возьмет, нас продадут немцы, сама ГОСУДАРЫНЯ немка. Дом Романовых пропил всю Россию, и старая ... ГОСУДАРЫНЯ, ... ее мать, когда я лежал в лазарете, подходила и вела разговоры только с немцами, а к русским не подходила»³¹.

В июне 1916 года некий приказчик оскорбил сразу нескольких членов императорской фамилии, но особое внимание он уделил Марии Федоровне. В разговоре с покупателями лавки он сказал в присутствии свидетелей: «Война у нас идет плохо, везде измена, потому что правительство у нас все немецкое, Государь наш тоже немецкой крови. Мать ГОСУДАРЯ — тоже немка. Митрополит в разговоре с ней сказал: “Раз вы — немка, то не должны жить в России”»³².

В некоторых оскорблениях «злая мать» царя противопоставляется положительному Николаю II: «Государь страдает на войне, а мать его ... с немцами»³³.

Иногда вдовствующая императрица, подобно своей невестке, царице Александре Федоровне, считается предательницей-контрабандисткой. Уже в апреле 1915 года появились слухи о том, что она поставляет провизию противнику: «...тайно снабжает Германию и хлебом, и деньгами». В августе 1915 года шли разговоры о том, что «наша старая государыня немка, в какой-то город переладала про-

визию для германцев, и ее теперь арестовали». В сентябре 1915 года крестьянин-латыш заявил, что она «германка и доставляет германцам разные предметы. Государь хотел ей за это отрубить голову, но одумался и посадил в тюрьму». Слух об аресте вдовствующей императрицы зафиксирован осенью 1915 года и в Томской губернии, при этом обвиняемый ссылался на заметку в газете «Жизнь Алтая»³⁴. Очевидно, таким образом «переводились» читателями некоторые информационные сообщения, публиковавшиеся в подцензурной печати.

В октябре того же года 41-летний подрядчик вел разговор в московском трамвае о недостатке сахара: «Весь сахар в России скуплен Марией Федоровной и куда-то отправлен. Если дадут ответственное министерство, то всех чиновников перешибают, да и Марию Федоровну повесят»³⁵. Обвиняемый раскаялся, признав факт произнесения этих слов, но он не опровергал самого обвинения; очевидно, что подобные слухи имели некоторое хождение. Можно предположить, что подобное заявление болтливого предпринимателя воспринималось его слушателями как некая экспертная оценка.

В ноябре 1915 года слух о контрабандных поставках продовольствия врагу продолжал циркулировать. Крестьянин Нижегородской губернии говорил: «Старая ... Мария Федоровна в город Ковно после занятия его немцами доставила обоз с провиантом»³⁶. Это напоминает обвинение, содержащееся в уже упомянутом оскорблении. Даже отсутствие сухарей у солдат иногда приписывалось действиям матери царя. 53-летний неграмотный крестьянин Томской губернии в декабре 1916 года говорил в волостном правлении: «Те сухари, которые были собраны по деревням, до них не дошли, так как ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА Мария Федоровна те сухари отослала в Германию своим сыновьям ... незаконнорожденным»³⁷. Повторяется уже отмеченный слух о неких незаконнорожденных детях вдовствующей императрицы, якобы проживающих во враждебной стране.

В некоторых слухах Мария Федоровна предстает не только как саботажница, но и как шпионка и диверсантка. В мае 1915 года И.И. Фельдман, крестьянин Томской губернии (очевидно, слышный), в разговоре с односельчанами заявил, подразумевая императрицу: «Обе немки и всеми силами способствуют поражению России в войне с Германией». Он утверждал даже, что «по их указанию в Петрограде, Японии и еще где-то в один день были взорваны склады оружия и снарядов, а обвиняют для вида «вреев и Мясоедова»³⁸.

36-летний крестьянин Вятской губернии в январе 1916 года утверждал: «Наша война с Германией проиграна, т. к. Мать ГОСУДАРЯ МАРИЯ ФЕДОРОВНА провела в Германию телсфон и передавала немцам все, что делалось у нас». Показательно, что и на дознании, и на предварительном следствии он признал себя виновным³⁹.

Наконец, в некоторых слухах вдовствующая императрица явно напоминает фольклорную вдову-царицу, злую и властолюбивую. Этнической пемке, русской дворянке Э.М. Барановской приписывались слова о том, что Мария Федоровна якобы стреляла в Николая II, чтобы царствовать самой и великому князю Михаилу Александровичу. Неграмотная же крестьянка из Тамбовской губернии так рассказывала о возвращении Марии Федоровны из зарубежной поездки: «Какая она ЦАРИЦА. Она хуже Саратовской ... Она хотела НАСЛЕДНИКА сварить в ванне, а на Его место поставить какого-то ...; вот какая Она ЦАРИЦА»⁴⁰.

Молва о предательстве матери царя повлекла во время Февральской революции и некоторые практические действия. 5 марта 1917 года в киевский дворец, служивший резиденцией вдовствующей императрицы, явилась комиссия от городского революционного комитета. В задачи комиссии входило обнаружение во дворце некоего «беспроволочного телеграфа», по которому якобы «государыня сносилась с немцами». Разумеется, эти поиски не дали никаких результатов⁴¹.

Как видим, иногда ответственность за свои преступные «деяния» Мария Федоровна разделяет с молодой императрицей. Правда, в нескольких случаях Александра Федоровна противопоставлялась вдовствующей императрице как положительный персонаж⁴². Отметим, что для памфлетов 1917 года характерна иная оппозиция: Мария Федоровна порой противопоставляется отрицательной Александре Федоровне.

В одном случае ее имя упоминается рядом с именем великой княгини Елизаветы Федоровны. В ноябре 1915 года один из обвиняемых заявлял: «Машку и Лизку нужно удавить, тогда и война будет выиграна»⁴³.

В известных нам дневниках, письмах, памфлетах 1917 года, т. е. в источниках, характеризующих сознание образованной части общества, вдовствующая императрица не упоминается как отрицательный персонаж. В общем потоке разоблачительной «антиромановской» литературы того времени она стоит особняком, обычно

мать царя в них не упоминается. Впрочем, тема развратного поведения вдовствующей императрицы развивалась в одной заметке, опубликованной в бульварной газете вскоре после Февральской революции⁴⁴. Не удалось пока обнаружить отзвуки подобных слухов в воспоминаниях современников.

Можно, разумеется, допустить, что какие-то источники пока еще не введены в научный оборот, однако скорее было бы предположить, что в образованном обществе мать царя явно не рассматривалась как доминирующий внутренний враг. Правда, весьма вероятно, что некоторые слухи об императрице Александре Федоровне «искажались», адресовались матери царя, персонаж менялся, но его характеристики сохранялись. Однако некоторые слухи явно подразумевают именно «мать царя», царица Александра Федоровна никак не может быть их персонажем. В иных слухах упоминаются обе императрицы, поэтому здесь никак не может быть подмены. Слухи о вдовствующей императрице условно можно назвать наиболее «народными» по сравнению со слухами о других членах царской семьи, их появление никак нельзя объяснить намеренным и целенаправленным воздействием образованной элиты на простодушных крестьян.

Глава VIII

ИСТОЧНИКИ АНТИДИНАСТИЧЕСКИХ СЛУХОВ

Хорошо информированный современник вспоминал фотографический снимок, приобщенный к делам Чрезвычайной следственной комиссии, которая была создана Временным правительством после падения монархии:

При первом же взгляде на фотографию, кроме фигуры Распутина бросалась в глаза фигура сидевшего в клубке монаха, рука которого лежала на спинке стула его соседки — сестры милосердия и как бы обнимала ее. Получалось впечатление пьяной оргии, где гремит музыка и где высшее духовное лицо монашеского звания не стесняясь обнимает на глазах у всех хорошенькую сестрицу. Экспертиза, однако, установила, что часть этой карточки полюжна и что рука, лежавшая на спине стула сестры милосердия, принадлежала вовсе не ее соседу архимандриту, а стоящему сзади между стульями ктитору Феодоровского собора, полковнику Ломану, весьма близкому к возглавлявшемуся Пуришкевичем союзу Михаила Архангела. Фигура полковника Ломана оказалась заретушированной и превращенной в портьеру. Рука же его, лежавшая на плече сестры милосердия и как бы ее обнимавшая, умышленно оставлена!

Фабрикация снимков такого рода весьма способствовала распространению самых невероятных домыслов, такие фото должны были служить «документальным подтверждением» (показательно и присутствие на «оргии» сестры милосердия, этот образ, как отмечалось выше, становился символом разложения тыла). Кто же создавал подобные «документы» эпохи?

Многие современники, прекрасно осознававшие абсурдность некоторых распространенных слухов военной поры, уже в то время задавались вопросом об их происхождении, об их авторстве. Эта

тема обсуждалась и в публицистике, и в частной переписке. «Откуда берутся ложные слухи? Кто это сидит и выдумывает их?» — вопрошал в самом начале войны известный журналист. «Множество рассказов, самых нелепых; кто только их сочиняет?» — писал о том же в июле 1915 некий житель Пермской губернии².

Вопрос об источниках антидинастических слухов затрагивался и многими мемуаристами, и историками, часто он был связан с проблемой определения причин революции. В свою очередь, этот сюжет связан и с другой темой, вокруг которой разворачивались и разворачиваются историографические дискуссии, — проблемой соотношения «стихийного» и «сознательного» начала в событиях Февраля 1917 года³.

В годы войны представители образованной элиты России довольно быстро отказались от господствовавшего ранее представления о том, что слухи являются чем-то архаичным, «нелепым» и «темным», что они распространяются по преимуществу простонародьем, прежде всего крестьянами, малограмотными и неграмотными. Напротив, многие современники событий, а впоследствии и историки стали полагать, что взрывоопасные политические слухи передавались «сверху вниз»: их-де сознательно генерировали образованные социальные верхи, оппозиционное «общество». В зависимости от политических пристрастий мемуаристов и исследователей соответствующее обвинение в создании и распространении слухов предъявлялось либо фрондирующей аристократии, либо политической оппозиции, радикальной и либеральной. Затем якобы слухи, родившиеся «в верхах», меняясь и адаптируясь, воспринимались «массами», «народом». Предполагалось также, что и географически слухи, возникшие в столицах, постепенно перемещались затем из политических центров страны на периферию. Хорошо информированный жандармский генерал А.И. Спиридович, опросивший в эмиграции немало влиятельных современников, вспоминал: «...что тогда “говорили” в столице, что передавалось в провинцию и что, с другими слухами и сплетнями, подготовило, в конце концов, необходимую для революции атмосферу... Здесь все упрощалось, делалось более понятным, вульгарным, скверным»⁴. Правда, простолюдинов историк-генерал не опрашивал, Спиридович беседовал лишь с представителями «политической элиты», оказавшимися в эмиграции, — высокопоставленными военными, аристократами, государственными и политическими деятелями, что, возможно, повлияло на его оценку развития общественного мнения в годы войны.

О том же писали и некоторые другие современники: слухи из политических и культурных центров страны распространяются к границам империи. Житель Тифлиса сообщал в годы войны по-грузински своему соотечественнику, находившемуся в Баку: «Приехало много молодежи из столиц и из Киева. Они рассказывают такие вещи, что просто волосы дыбом становятся. Немцы, стоящие во главе чуть ли не всех учреждений в России, открыто продают нас»⁵. Распространителями слухов, воспринимавшихся провинциалами как сенсационные разоблачительные новости, были в данном случае кавказские студенты, учившиеся в университетах.

Некоторые современники полагали, что невероятные слухи фабриковались в высшем обществе российской столицы. А.А. Вырубова в своих воспоминаниях приводит свидетельство своей сестры, которая обвиняла одну аристократку в распространении всевозможных сплетен. Та якобы заявила: «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, что Императрица спавивает Государя, и все этому верят»⁶. Сложно представить, чтобы представительницы высшего света выступали в роли пропагандисток, отправившихся «в народ», чтобы бунтовать пролетариев. Но и сам российский император тоже противопоставлял разлагающийся «верхи» общества и крепкий духом патриотичный «народ», «гнилую» космополитическую столицу империи и здоровую русскую провинцию. По утверждению французского посла, царь в разговоре с ним 27 сентября (10 октября) 1915 года в Царском Селе заявил: «Эти петербургские миазмы чувствуются даже здесь, на расстоянии двадцати двух верст. И наихудшие запахи исходят не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишенным совести, патриотизма и веры?»⁷ Очевидно, что Николай II подразумевал всевозможные сплетни, действительно распространившиеся в «высшем обществе» столицы в это время.

Противопоставление патриотичной русской провинции и столицы империи, населенной предположительно честолюбивыми и психически неустойчивыми эгоистами и интриганами, еще до революции дополнялось и оппозицией здорового духом фронта и разлагающегося тыла. Царский «летописец» генерал Дубенский воспроизводил слова некоего «боевого генерала», который делился с ним своими впечатлениями: «Чем ближе к противнику, тем лучше делается настроение. В окопах люди живут прямо-таки весело, и когда бываешь там, то невольно заражаешься общей бодростью. ... Но этим живут и так думают здесь, у нас. А чем дальше

в тыл — тем хуже, тем сумрачнее настроение и больше слухов и сплетен. А уж о вашем Питере и говорить не стоит»⁸. Показательно, что о необходимости преодоления «слухов и сплетен», исходящих из столицы империи, писало в разгар войны официальное издание Министерства императорского двора, это косвенно свидетельствует об их распространенности.

Современник событий общественный деятель и известный историк революции С.П. Мельгунов также впоследствии писал в своем исследовании об ответственности образованной элиты, фабриковавшей в годы войны самые невероятные домыслы: «И если то, что «говорили шепотом, на ухо, стало общим криком всего народа и перешло ... на улицу ... то в этом повинно само общество. Оно само революционизировало народ, подчас не останавливаясь перед прямой, а иногда и довольно грубой демагогией»⁹. Нельзя, впрочем, не отметить, что Мельгунов во время войны и сам весьма способствовал распространению самых фантастических слухов о царской семье, взяв на себя ответственность за публикацию сомнительной книги Иллиодора (С. Труфанова) «Святой черт», которая оказала немалое воздействие на массовое политическое, а затем и историческое сознание.

Некоторые сторонники свергнутого режима, считавшие революционный переворот следствием заговора, нередко утверждали, что слухи не только намеренно распространялись, но и сознательно фабриковались оппозицией, как революционерами, так и либералами. Жандармское прошлое отдельных мемуаристов придавало их суждениям характер авторитетнейшей экспертной оценки. Так, А.Т. Васильев, возглавлявший накануне революции Департамент полиции, вспоминал: «Эти предвестники революции стремились сделать из Распутина пугало, чтобы осуществить свои сатанинские планы. Поэтому они распускали самые нелепые слухи, которые создавали впечатление, что только при посредничестве сибирского мужика можно достичь высокого положения и влияния. Чем сильнее чернили имя Распутина и чем больше преувеличивали его влияние, тем легче было скомпрометировать светлый образ Царицы и в итоге превратить русских людей в рабов Интернационала, а могучую и победоносную империю — в страну, где царствует хаос и анархия. ... праздная болтовня оказалась сильнее разумных доводов. Поэтому через какое-то время люди по всей России стали верить в могущество Распутина и говорить об этом не только в гостиных и ресторанах, но и в избах, кухнях и жилье прислуги как об

уже доказанном факте. Это, естественно, было использовано революционерами, чтобы поднять народ против такого положения дел, когда, как они уверяли, Россией правит порочный «старец»¹⁰.

Некоторые современники, создавая свои конспирологические интерпретации русской революции, даже полагали, что кандидатура Распутина задолго до свержения монархии была специально отобрана всемогущими «интернационалистами», «темными силами», «врагами христианства» для активизации коварной антироссийской деятельности: он-де был «послан интернационалом на предмет — оттолкнуть сердце народное от царской четы для торжества намеченной в России революции», — писал впоследствии протоиерей В.И. Востоков. Другие, подобно товарищу обер-прокурора Синода князю Н.Д. Жсвахову, создали еще более сложную конструкцию международного антирусского и антимонархического заговора: антихристианские «темные силы», сврси и «агенты Интернационала» якобы специально отобрали кандидатуру Распутина, старательно выдвигали его, умело создавали ему славу, продвигали его к власти. Затем они пытались использовать «старца» как свое послушное орудие влияния, а когда им это не удалось, то они развернули антираспутинскую агитацию, пытаясь тем самым очернить царскую семью — специально спаивали «старца», провоцировали и инициировали оргии Распутина, фабриковали компрометирующие фотографии и пр.¹¹

Современный историк О.С. Поршнева осторожно полагает, что образы «внутреннего немца» и «темных сил» стали интенсивно формироваться в массовом сознании не без влияния критики, развернутой либеральной оппозицией¹². Тем самым основная инициатива формирования негативных персонафицированных образов монархии также возлагается на образованные верхи общества.

Между тем известный исследователь предреволюционной истории генерал Н.Н. Головин указывал и на другое возможное движение политических слухов — «снизу вверх». Он писал: «В многомиллионной солдатской массе росли слухи об измене. Эти слухи становились все сильнее и сильнее и пропикали даже в среду более интеллигентных лиц. Причиной, дающей особую силу этим слухам, являлось то обстоятельство, что происшедшая катастрофа в боевом снабжении как бы оправдывала те мрачные предположения, которые нашли сильное распространение еще в конце 1914 г.»¹³.

В утверждениях об активной роли революционного подполья если и не в создании, то в тиражировании антидинастических слу-

хов есть своя доля истины, во всяком случае различные революционные группы действительно использовали антимонархические слухи в своей пропаганде. Так, например, распространявшаяся во время войны листовка Петербургского комитета большевиков гласила: «Свершилось то, что давно предсказывалось вождями рабочего класса: самодержавное правительство совершило чудовищное преступление — измену русскому народу <...> оно сторговалось и продало русскую армию немецкой буржуазии»¹⁴.

Удивительно, скорее, не то, что большевики и другие подпольщики-социалисты, давно боровшиеся с режимом, использовали распространенные антидинастические слухи в своей антимонархической и антиправительственной пропаганде, способствуя их дальнейшей циркуляции, а то, что они использовали этот обличительный материал сравнительно редко. Так, если судить по большевистским листовкам, издававшимся в годы войны, довольно слабо разрабатывалась в нелегальной печатной революционной пропаганде подполья «распутинская» тема. Можно предположить, что для принципиальных противников монархии, издавна убежденных в порочности всей существующей политической системы, фигура Распутина существенно ничего не меняла, она лишь подтверждала их давние убеждения, с их точки зрения, сам институт самодержавия неизбежно порождает такие негативные явления. А после Февраля 1917 года ставшая легальной социалистическая пресса уделяла всевозможным «Тайнам дома Романовых» значительно меньше внимания по сравнению с «буржуазной» массовой печатью.

Тактикой разоблачений окружения царя до революции более широко пользовалась либеральная оппозиция. Так, Прогрессивный блок вел активную кампанию по дискредитации «темных сил», «распутинцев» — действительных поклонников, клиентов и союзников «старца», либо особ, считавшихся таковыми¹⁵. Однако и в этом случае вряд ли всегда можно говорить о намеренной фабрикации слухов либералами: многие деятели оппозиции сами, похоже, искренне верили фантастическим домыслам об «измене в верхах». Они выстраивали свою политическую тактику, основываясь на невероятных и недоказанных сообщениях, которым сами вполне доверяли.

Утверждалось и утверждается, что тайными истинными организаторами антираспутинской кампании были масоны¹⁶.

Действительно, еще в 1913—1914 годах русские масоны раз-

облачали «старца», активно распространяя соответствующие издания, запрещавшиеся порой цензурой (в последнем случае распространялись рукописные и, по-видимому, машинописные варианты)¹⁷. В распространении антираспутинских слухов и текстов немалую роль сыграл А.И. Гучков, которого некоторые исследователи порой безосновательно связывают с масонами¹⁸. А в 1916 году охранка сообщала, что А.И. Коновалов желал приобрести за границей «сенсационные материалы» Иллиодора¹⁹. Очевидно, известный предприниматель и политик, игравший немалую роль в организациях русских масонов, хотел использовать эти взрывоопасные «документы» для компрометации режима.

В распоряжении исследователей нет данных, которые позволили бы определенно утверждать, что антимонархические слухи фабриковались исключительно масонами. Но даже если учитывать, что многие тайны русского масонства до сих пор не раскрыты, даже если и предположить, что мы еще не все знаем о воздействии масонов на общественное мнение России, то вряд ли можно обоснованно утверждать, что существовал какой-то единый, единственный или даже главный центр по созданию и распространению слухов с целью манипуляции настроениями страны.

Показательно, что в разоблачении Распутина активно участвовали консервативные, даже правые общественные деятели, немалую роль сыграли, например, В.М. Пуришкевич, В.И. Востоков, которых никто пока еще не заподозрил в принадлежности к масонству. Пуришкевич, похоже, искренне несправедливо не только Распутина, но и царицу, существенно преувеличивая при этом ее влияние. Во всяком случае, осенью 1917 года он писал в своем издании: «О, проклятая, проклятая женщина, кара Господня, ниспосланная России — что сделала ты с Государем, каким зельем опоила ты русского царя, сделавшегося глухим к голосу всей России и толкающего в пропасть могучий, жизненный народ»²⁰. При этом Пуришкевич, остававшийся и после Февраля убежденным монархистом, не очень был подвержен политической мимикрии, нельзя объяснить подобную оценку лишь приспособленчеством или некоей данью революционной моде. Можно предположить, что само употребление слова «зелье» в монархическом издании подтверждало распространенные слухи о различных «порошках», о наркотиках, которыми пичкали-де царя. В воспоминаниях вдумчивого современника, военного прокурора фон Раупаха, также указывается:

«Большая часть скандальных историй о Распутине появилась прежде всего в газетах самых правых из политических партий того времени»²¹.

Кроме того, массовое сознание не следует рассматривать лишь как некий объект индоктринации, адресат умелого и циничного идеологического манипулирования, пассивно воспринимающий навязываемую «сверху» информацию. Как уже неоднократно отмечалось выше, общественное мнение не только по-своему прочитывало пропагандистские сообщения, переводило, воспринимало их порой совсем не так, как предполагали авторы этих сообщений, но и влияло на их содержание. Так, широко использовавшийся накануне Февраля термин «темные силы» мог пробуждать различные ассоциации, сто десятилетиями использовали и в революционной, и в официальной российской пропаганде. В различных текстах термин приобретал совершенно разный смысл. Соответственно совершенно невозможно было предвидеть результат подобной агитации: яростная критика «темных сил», направленная против «распутинцев», могла прочитываться и как антидинастическая, и как антимонархическая, и как антисемитская, и как антинемецкая, и даже как антибуржуазная пропаганда. Неудивительно, что термин «темные силы» употребляли и социалисты разного толка, и Пуришкевич²².

Высказывалось и высказывается также мнение, что появление слухов было следствием пропаганды противника, который действовал в России во время войны с помощью предателей, внутреннего врага: некий заговор иностранцев и инородцев будто бы стал причиной слухов о заговоре. В годы войны люди консервативных взглядов, похоже, искренне в это верили. Уже в апреле 1915 года Н. Любавин писал в частном письме: «А в народ пускают слухи, явно вымыслы о высокопоставленных особах. Интересно бы знать, кто их распускает? Не сами ли немцы, не жидаы, или их прихвостни из русских?» В июле 1915 года пермский епископ Андроник, весьма популярный в своей епархии, также писал о коварных происках врага в России. Правда, он полагал также, что эта антипатриотическая деятельность пользуется и определенной поддержкой представителей властей, покровительствующих, вольно или невольно, вражеской пропаганде: «Много самых ужасных слухов ходит в народе, всех подымая на дыбы, что и нужно немцам, — чтобы народное волнение перешло в бунт, чтобы взорвать Россию изнутри, а потом — это перекатилось бы в армию. Немцы явно провоцируют народное недовольство, а власть их поддерживает»²³.

И некоторые мемуаристы также писали о том, что антидинастические слухи фабриковались неуловимыми вражескими агентами. Иногда ими якобы намеренно создавались ситуации, провоцировавшие невероятные домыслы. Воспитатель царских детей вспоминал слова некоего молодого офицера, произнесенные в конце 1915 года: «С глубоким негодованием он рассказывал нам, что какая-то личность, по приказанию Императрицы, принесла подарки и деньги германским офицерам, лежавшим в одном с ним военном госпитале, и что этот человек даже не зашел в палаты, занятые русскими офицерами. Удивленный этим рассказом, я просил выяснить это дело. Было произведено расследование, которое подтвердило точность сообщенных мне фактов; однако оказалось невозможным напасть на следы этого лица...»²⁴

Великий князь Гавриил Константинович впоследствии также с уверенностью писал: «Эти слухи фабриковались в Германии, чтобы довести Россию до смуты». Влиятельный офицер российской военной разведки, работавший в годы войны во Франции, тоже утверждал в своих мемуарах, что слухи о приверженности императрицы к идее сепаратного мира исходили из германского Генерального штаба или немецкого Министерства иностранных дел. Он ссылаясь даже на некое специальное расследование, якобы проведенное русскими разведчиками. И в других воспоминаниях военных можно встретить предположения о том, что антидинастические слухи, направленные прежде всего против императрицы, распространял противник²⁵.

Для подобных утверждений также имелись некоторые основания. В октябре 1914 года в немецкое посольство в Норвегии явился «подозрительный русский» — это был упоминавшийся уже иеромонах Иллиодор (С. Труфанов), харизматический правый политик, бывший некоторое время близким к Распутину, но затем ставший заклятым врагом «старца». Он предложил германским властям купить рукопись своей скандальной книги, направленной против Распутина. Очевидно, этот вариант его «воспоминаний» был написан с учетом особых интересов потенциального покупателя — германских властей. Иллиодор, в частности, утверждал в данной редакции рукописи своей книги, предназначенной для одобрения немецкими издателями, что Распутин — истинный отец царевича, что он-де фактически правит государством, что война начата по инициативе «старца». Германские дипломаты отнеслись к предложению Иллиодора скептически и отвергли его услуги. Однако ру-

копией заинтересовался немецкий Генеральный штаб, и в феврале 1915 года Иллиодор был отправлен в Берлин для дальнейших переговоров²⁶.

История последующих контактов Иллиодора с немецкими военными и политическими ведомствами неизвестна, но показательным, что и до России доходили какие-то слухи о том, что Иллиодор якобы хочет издать свою разоблачительную книгу в Германии и разбрасывать ее «с аэропланов» по фронту над русскими окопами²⁷.

В германской и австро-венгерской пропаганде военного времени Николай II подчас персонифицировал восточного противника. Российский император порой изображался как грубый повелитель жестоких дикарей, пьяница, «впивый царь». При этом обыгрывалось немецкое звучание имени императора — Николаус (die Laus — вошь). Образ «вшивого царя» появлялся в некоторых карикатурах, изображался на почтовых открытках, печатавшихся в Австро-Венгрии. Порой в немецких иллюстрированных изданиях появляются и карикатуры, изображающие Распутина: экзотическая фигура «старца», ставшая известной европейскому общественному мнению еще до войны, не могла не использоваться во время военного противостояния с Россией. Образ Распутина дополнял в этих случаях образ царя (образы царицы, насколько можно судить, во враждебной пропаганде не использовались).

Негативные образы императора появлялись и в германской пропаганде, адресованной непосредственно русским солдатам. В марте 1916 года на фронте распространялись вражеские листовки с изображением кайзера, опирающегося на немецкий народ, и русского царя, облокотившегося на... половой член Распутина. Возможно, речь идет о карикатуре, упоминаемой М. Лемке в записи от 21 февраля 1916 года: на ней был изображен Вильгельм, меряющий длину германского снаряда, и Николай, измеряющий «стоя на коленях аршином известную часть тела Распутина». Автор упоминает, что листовки разбрасывались с вражеских цеппелинов²⁸. Такого рода непристойные рисунки могли способствовать распространению антидинастических слухов среди солдат российской армии, хотя реакцию военнослужащих на пропаганду врага сложно реконструировать, порой она была обратной, пробуждая чувства, прямо противоположные замыслам ее руководителей.

В некоторых лагерях для российских военнопленных в Германии широко распространялась антимонархическая литература, в том числе и сборники анекдотов про русский двор, публиковавшие-

еся различными эмигрантскими издательствами еще до войны (отношение немецких комендантов к революционной русской пропаганде отличалось от лагеря к лагерю, некоторые германские офицеры категорически выступали против распространения изданий, подрывающих принципы монархизма).

На фронте же немецкие пропагандисты пытались порой опираться и на авторитет царской власти. Так, на Рождество 1916 года в русские окопы перебрасывалась листовка со стихами:

Царь батюшка хотел уже
Мир заключить,
Чтоб народа своего
Больше не губить <...>
И скоро бы мир,
И кончили б войну,
Начальники-изменщики
Мешали тому...²⁹

Как видим, в тексте, явно написанном неким немецким пропагандистом, не очень хорошо знавшим русский язык, положительно оценивалась политическая позиция Николая II. Но тем самым пропаганда противника как бы подтверждала справедливость распространенных слухов о подготовке императором сепаратного мира с Германией (как уже отмечалось выше, немецкие пропагандисты разбрасывали также листовки на русском языке, в которых «миролюбивый» русский царь противопоставлялся кровожадному Верховному главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу, который изображался как главный виновник войны). После Февральской революции на различных участках фронта распространялись немецкие листовки, которые могли восприниматься таким же образом. В них утверждалось, что свержение царя — дело рук коварных англичан, которые якобы хотели сорвать заключение уже согласованного сепаратного мира между Россией и Германией: «Оставайтесь верными своему царю! Сейчас, когда он хотел дать вам почтительный мир, он убит, или арестован английскими шпионами...»³⁰ Немецкие пропагандисты явно переоценили монархизм простых русских солдат. С большой долей уверенности можно предположить, что в обстановке разоблачений «старого режима» немецкие листовки воспринимались как убедительное подтверждение самых невероятных слухов о «предательстве» царя.

Итак, историки, подчеркивающие роль различных заговоров в подготовке и проведении Февральской революции, выделяют раз-

личные центры фабрикации слухов (социалисты, либералы и радикалы, русские масоны, германские спецслужбы). Конспирологические интерпретации истории Российской революции предлагают конспирологические схемы причин появления конспирологического сознания эпохи революции.

Нельзя также вновь не упомянуть о том, что некоторые слухи рождались, по-видимому, и в русской монархической среде.

Генерал Н.Н. Головин утверждал, что под влиянием тяжелых переживаний, вызванных войной, вера в самодержавие была подорвана даже в недрах самого правительственного аппарата, отрицательное отношение к монарху и даже к самодержавию стало всеобщим: «Только этим кризисом веры и можно объяснить ту быстроту, с которой капитулируют на всех ступенях управления представители Царской власти»³¹.

Представляется, что ситуация была еще более сложной: не только чиновники, разочаровавшиеся в режиме, но и даже часть убежденных сторонников самодержавия, сохранявших монархические убеждения и после Февраля, становились критиками, а то и противниками царствующего императора и, особенно, императрицы. Многие антираспутинские слухи исходили и из монархических, крайне правых кругов, при этом влияние «старца» намеренно преувеличивалось, чтобы снять ответственность с режима, с царя, иногда даже с царицы. Некоторые убежденные черносотенцы объясняли непонятные им политические решения власти тем, что дворец «загипнотизирован старцем», который окружен «инородцами и шпионами». Порой даже подобная позиция была окрашена в привычные для правых цвета антисемитизма и германофобии, в социальных низах она формулировалась предельно резко и грубо: «Наш Государь глуп как теленок — его окружают только жида да немцы, которые и являются у него офицерами и воеводами», — утверждал некий приказчик в июне 1915 года; он был привлечен к судебной ответственности за оскорбление царя³². Показательно, что, как уже неоднократно отмечалось выше, в некоторых слухах и антираспутинских текстах послереволюционной поры отдельные члены императорской семьи фигурируют в качестве положительных персонажей. Это великие князья Николай Николаевич, Дмитрий Павлович, Михаил Александрович, вдовствующая императрица Мария Федоровна³³. Иногда даже сам царь предстает жертвой действий коварной императрицы. Это также служит косвенным доказательством того, что подобные слухи появлялись и в монархической среде.

Некоторые сплетни, по-видимому, рождались в аристократических салонах, сама царица не без оснований жаловалась, что эта нарастающая фронда высшего общества остается безнаказанной. Великий князь Александр Михайлович также с возмущением вспоминал великосветских дам, «которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли гнусные слухи про царя и царицу». О революционизирующем воздействии этих слухов, циркулировавших «в верхах» Петрограда, писал и прекрасно знавший мир столичной бюрократии В.И. Гурко: «Между тем то, что говорилось в высшем обществе, постепенно передавалось в другие общественные круги обеих столиц, а затем, через лакейские и дворнички, <...> облепленное грязью, переходило в народные низы, где производило уже определенно революционную работу»³⁴. Добавим, что сам факт циркуляции подобных слухов в «верхах» становился для узнававших об этом «низов» гарантией их достоверности.

Но важнее всего было то обстоятельство, что в эпоху Мировой войны режим сам порой провоцировал появление слухов: официальная проповедь германофобии и шпиономании готовила почву для самых фаггастических измышлений об измене в верхах³⁵. В качестве главного внешнего врага России рассматривался «немец внешний» — Германия, а роль врага внутреннего в годы войны первоначально стали играть русские этнические немцы — «немец внутренний», или германофилы разного сорта, действительные или предполагаемые. Генералы и офицеры объясняли поражения русской армии и недостаток боеприпасов изменой при дворе и в правительстве, а солдаты подозревали всех носителей немецких имен, да и вообще обладателей всяких иностранных фамилий.

Общественное мнение в тылу также объясняло военные поражения, нехватку оружия и продовольствия, управленческую апархию происками коварного врага. Смещение нескольких генералов с немецкими именами подтверждало, казалось бы, эти подозрения. Арест и казнь в марте 1915 года бывшего жандармского офицера С.Н. Мясоседова, бездоказательно обвиненного Ставкой в шпионаже, заставили в это поверить даже многих сомневающихся. Еще до войны лидер октябристов А.И. Гучков, также не приводя существенных доказательств, утверждал, что Мясоседов был причастен к разведывательной деятельности в пользу Германии, эти обвинения были поддержаны влиятельным «Новым временем». Тем самым Гучков уже тогда пытался дискредитировать военного министра генерала В.А. Сухомлинова³⁶.

В этих условиях весной 1915 года вновь стали выдвигаться обвинения в адрес Сухомлинова. А после отставки Сухомлинова в июне 1915 года, после возбуждения против него следствия в июле того же года, и в особенности после ареста бывшего военного министра в апреле 1916 года, даже самые осторожные и лояльные современники готовы были поверить фантастическим слухам, общество с уверенностью провозгласило его «изменником» задолго до окончания следствия. Еще до революции не только русская периодическая печать, но и зарубежная пресса с уверенностью писала: «... если его дело будет разбираться публично, оно раскроет ужасные вещи». Бывший военный министр стал олицетворением измены, молва приписывала ему всевозможные злоупотребления и преступления прошлого, появились и получили распространение слова «мясоедовщина» и «сухомлиновщина». Сухомлинов был осужден общественным мнением задолго до суда над ним, в популярных иллюстрированных изданиях появлялись изображения генерала с петлей на шее. Число обвинений в его адрес все возрастало. Так, Сухомлинова, бывшего командующего войсками Киевского военного округа, обвиняли даже в содействии убийству П.А. Столыпина³⁷. Перевод же его из тюрьмы под домашний арест в октябре 1916 года усилил подозрения в адрес верховной власти. После этого многие жители страны причину военных неудач стали искать в окружении царя, и самую большую неприязнь вызывали царица и Распутин³⁸. Предателем провозглашали впоследствии Сухомлинова и некоторые мемуаристы, не был исключением и А.Ф. Керенский, несмотря на то что открытый суд, состоявшийся в 1917 году, после свержения монархии, не подтвердил этого обвинения, даже невзирая на серьезное давление со стороны общественного мнения и прямые угрозы революционной улицы³⁹.

Вместе с тем неверно было бы объяснять возникновение антидинастических слухов лишь своеобразным «эффектом домино»: дело Мясоедова порождает дело Сухомлинова, а последнее приводит к появлению слухов об измене императрицы и даже самого императора. Как видим, различные слухи о прогерманских симпатиях императрицы, о планах «немецкой партии» заключить сепаратный мир с врагом возникали еще до ареста Мясоедова. Однако решения «компетентных» военных и судебных властей, ставшие известными обществу, значительно способствовали распространению подобных невероятных слухов, официально удостоверяя их «достоверность».

Выступления в печати и в Государственной думе, подтверждавшие, казалось, справедливость слухов, не основывались на проверенных и доказанных фактах, но цензура соответствующих публикаций воспринималась как дополнительное доказательство их достоверности и провоцировала волны новых слухов. Особое значение имели выступления П.Н. Милюкова, В.М. Пуришкевича, А.Ф. Керенского и других депутатов Думы в ноябре 1916 года, воспринимавшиеся как обвинение «молодой императрицы» в измене. В многочисленных апокрифах, распространявшихся по всей стране, эти и другие обличения были сформулированы крайне резко, хотя и сами по себе выступления были необычайно дерзкими (Керенский, например, говорил об «оккупационном режиме», управлявшем страной). Тот факт, что эти обвинения выдвигали депутаты разных политических взглядов, в том числе и правые политики, также убеждал общество в их достоверности.

Уже в годы войны высказывалось даже невероятное предположение о том, что организаторы антигерманских акций по преследованию «немецкого духа» изначально сознательно преследовали тайную цель дискредитации императрицы, подобные предположения высказывали даже некоторые члены императорской семьи⁴⁰.

Фактически и сама царица обвиняла в этом Ставку и лично великого князя Николая Николаевича. Со слов А.А. фон Пистолькорса, сестры Вырубовой, которая, в свою очередь, узнала об этом от артиллерийского офицера графа С.А. Ребиндера, она сообщала царю, что прибалтийские бароны, измученные преследованиями властей во время войны, направили своего представителя в Ставку. Верховный главнокомандующий якобы признал справедливость их жалоб, но отвечал, что ничего не может сделать, ибо «приказанья идут из Царского Села», т.е. обвинил в этом Николая II или (и) царицу⁴¹.

В это время императрица готова была поверить всему дурному, что говорили про бывшего Верховного главнокомандующего, однако большую опасность для нее представляло не недовольство немецких баронов, а убежденность многих жителей страны в том, что остзейских немцев власти преследуют недостаточно, а причиной тому — предполагаемое противодействие самой Александры Федоровны, покровительствующей своим «землякам».

Однако царица сама внесла известный вклад и в распространение этих антинемецких слухов, и в развитие темы шпиономании. Она искренне подозревала видных чинов Ставки в измене и ин-

формировала об этом Николая II, опасаясь, что некие «шпионы», находящиеся в штабе Верховного главнокомандующего, «сразу дадут знать германцам»⁴².

Агрессивная германофобия проявилась в дни Февраля, когда многие офицеры, носители иностранных имен, были уволены со службы, арестованы, а то и убиты лишь за то, что их фамилии воспринимались солдатами как немецкие (не всегда они были таковыми в действительности). Соответственно тому, многие современники воспринимали революцию как патриотический антигерманский переворот, как освобождение России от векового чужеземного ига, как долгожданную победу над «немцем внутренним» во имя победы над «немцем внешним»⁴³.

Новые обличения революционного времени, заполнявшие прессу, воспринимались читателями как сенсационные откровения, а появление даже самого невероятного слуха на страницах русской печати, освобожденной от цензуры, придавало ему в глазах многих современников статус чуть ли не официального сообщения, основанного на неопровержимых доказательствах. Солдаты 1-й гвардейской дивизии русской армии заявляли немецким офицерам-пропагандистам: «Теперь мы знаем, что целью старого режима было оказание помощи Германии»⁴⁴.

Наконец, важным фактором распространения политических слухов стали рыночные механизмы. Читатели и зрители готовы были платить деньги за те тексты и изображения, которым они готовы были поверить. Спрос не мог не породить предложение.

Негативные образы российской монархии и русского царя довольно рано получали особое распространение в губерниях, оккупированных вражескими войсками. Местные писатели и художники, освобожденные от надзора русской цензуры, выбросили на рынок множество давних заготовок — карикатуры, стихи, памфлеты, и они пользовались спросом. Этот процесс не обошел стороной и новейшее искусство. В занятой немцами Варшаве, например, были созданы кинофильмы «Охрана», «Царство и его слуги», «Фаворитка царя»⁴⁵. Польские зрители ждали появления подобных лент. Разоблачению «дома Романовых» в массовой русской культуре после Февраля предшествовали аналогичные процессы на национальных окраинах, занятых врагом.

Во внутренних же губерниях России еще до Февраля предприимчивые дельцы также стремились удовлетворить растущий спрос, печатая в обход цензуры «разоблачительные» тексты и изображе-

ния. Но между подцензурной и нелегальной печатью существовала связь. «Патриотические» настроения затронули массовую культуру эпохи Мировой войны, окрашивая в цвета ксенофобии и шпиономании столь любимые простым читателем и зрителем детективы, эротические повествования и изображения «светской жизни». Всевозможные «Тайны дома Гогенцоллернов» и «Тайны венского двора», печатавшиеся начиная с 1914 года, создавали определенный жанр, где все эти темы перемешивались в разных сочетаниях и пропорциях, предвосхищали появление не менее скандальных брошюр после Февраля, когда стали публиковаться разнообразие «Тайны дома Романовых» и «Тайны Царскосельского дворца». Во время войны в русской прессе постоянно печатались и карикатурные изображения глав вражеских государств, императоров Германии и Австро-Венгрии, турецкого султана, болгарского царя. Десакрализация глав враждебных монархий в русской прессе, отвечавшая, казалось бы, насущным задачам военно-патриотической мобилизации в России, могла ставить вопрос об авторитете любой монархической власти. Эту потенциальную опасность, похоже, недооценивали некоторые члены императорской семьи, но ее хорошо ощущали русские монархисты. Пациент лазарета императрицы впоследствии вспоминал: «Великие княжны привозили нам по утрам пачки газет и искренне смеялись над карикатурами “Петроградской газеты”: Франц-Иосиф в виде обезьянки в поводу у Вильгельма в карикатурном изображении приводил их в восторг. Уже в то время казалось рискованным изображение, хотя и враждебных, но все же монархов, в смешном виде»⁴⁶.

Подчас плодовитые авторы, специализировавшиеся ранее на фабрикации востребованных читателем скандальных «разоблачений» противника, быстро переключались после Февраля на обличение павшего режима, используя хорошо уже отработанные литературные приемы⁴⁷. Законы рынка побуждали авторов бульварной литературы учитывать интересы и пристрастия потенциальной аудитории, поэтому циркулировавшие уже слухи влияли на их тексты. Эротические и полупорнографические тексты оперативно политизировались в духе времени. Одни и те же издательства быстро переходили от выпуска книг «Тайны силы любви» к «Тайнам дома Романовых».

Антинемецкая пропаганда в годы Мировой войны подчас переплеталась с пропагандой революционной, которая издавна не была лишена элементов ксенофобии, прежде всего германофобии

(эту линию можно проследить со времен декабристов). Несколько поколений революционеров создало множество текстов, в которых разоблачался антинациональный, антирусский характер «немецкой» династии. Ее представителей даже порой не именовали Романовыми, презрительно называя династию «Голштин-Готторпской» или «Ангальт-Цербстской». Некоторые авторитетные публикации подтверждали подобное отношение: в знаменитом «Готском альманахе», ежегоднике, публикующем биографические сведения об аристократических семействах Европы, российская правящая династия именовалась династией Гольштейн-Готторп-Романовых. Императрица Александра Федоровна, разумеется, прекрасно понимала все неудобства и опасности, связанные с таким описанием царского рода, она призывала чиновников Министерства императорского двора воздействовать на редакцию альманаха, чтобы та убрала два первых родовых имени династии. Когда же чины ведомства сообщили ей о невозможности воздействовать на немецкую редакцию, то она даже поставила вопрос о запрете ввоза аристократического альманаха на территорию Российской империи. Впрочем, опасение возможного скандала побудило царицу оставить эту идею⁴⁸.

Иногда к «разоблачениям» династии примешивались и антиклерикальные мотивы. В 1917 году революционная пропаганда продолжала развивать эту тему, соединяя ее с обличениями разложения династии. Так, в середине марта Л.Д. Троцкий писал: «...как только рождался новый Лже-Романов от матери немки и неведомого отца (сколько распутных занималось на протяжении веков усовершенствованием романовского рода!), сейчас же божественный промысел касался перстом нового избранника»⁴⁹.

Германофобию во время войны утилизировали в своих целях самые разные политические силы. Как видим, революционеры разного сорта часто писали об «измене верхов», используя в своих целях царившую в стране атмосферу шпиономании и ксенофобии. Если полиция с большим или меньшим основанием пыталась обвинить активистов рабочих и социалистических организаций в сотрудничестве с врагом, то и «левые» использовали этот прием, адресуя подобное же обвинение правым политикам и властям империи. Широкое распространение в 1915 году получило письмо А.Ф. Керенского, адресованное М.В. Родзянко, в котором утверждалось, что «измена свила себе гнездо в Министерстве внутренних дел»⁵⁰.

В этих условиях главным врагом становился «внутренний немец». В сводке Петроградской военно-цензурной комиссии за декабрь 1916 года цитировалось письмо одного солдата (очевидно, цензоры сочли его достаточно показательным): «Армия... остро чувствует внутренние болезни страны и накапливает возмущение против внутреннего “немца”. Боюсь, что в один прекрасный день если не вся, то часть армии двинется против своего злейшего врага, внутреннего немца, чтобы наладить жизнь страны»⁵¹.

При этом сам термин «внутренний немец» мог восприниматься, «расшифровываться», «переводиться» по-разному: это мог быть и этнический немец, русский гражданин, и прелат, шпион, мародер, и любой человек с иностранным именем и фамилией. В атмосфере слухов военного времени многие видные представители бюрократии, аристократии, генералитета и, наконец, члены правящей династии, прежде всего императрица Александра Федоровна, были идеальными кандидатами на роль «внутреннего немца».

Многие слухи совершенно не соответствовали действительности, но в условиях нарастающего кризиса именно слухи становились факторами огромного политического значения. Слухи о воображаемых заговорах, пожалуй, играли в той ситуации еще большую роль, чем заговоры настоящие. Если германская пропаганда постоянно утверждала, что фактическая власть в России якобы принадлежит всемогущим «английским агентам» (а влиятельные немецкие государственные деятели и военачальники, похоже, искренне в это верили), то и многие русские политики, и некоторые союзные дипломаты полагали накануне революции, что Россией уже фактически тайно управляют агенты германские. А известные иностранные журналисты, представляющие влиятельные союзные издания в России, верили, что вражеская агентура даже контролирует русскую цензуру⁵². В соответствии с такими оценками принимались порой важные политические решения как в России, так и в союзных ей странах.

И режим, и оппозиция оказывались подчас жертвами своих собственных пропагандистских кампаний. Это, впрочем, было характерно не только для России. Политическая паранойя, подпитываемая смесью шпиономании и шовинизма, как эпидемия, охватывала все воюющие страны, в Германии, например, распространялись листовки, в которых утверждалось, что сам немецкий канцлер... подкуплен англичанами⁵³.

Фобии военной поры оказывали влияние на процесс принятия важных политических решений. И в Великобритании антигерманские настроения порой переплетались с настроениями антимонархическими, поэтому Саксен-Кобург-Готская династия в 1917 году стала именоваться Виндзорской (при королевском дворе и в английских правительственных кругах явно учитывалось, к чему привели антидинастические и антинемецкие настроения в России), а княжеский род Баттенбергов, находившихся одновременно в родственных отношениях с английским королем и русским царем, превратился в Маунтбеттенов.

Однако в России революционизирующее воздействие патриотической мобилизации, германофобии и шпиономании проявилось особенно сильно, имело самые серьезные политические последствия. Российское общество пытались объединить в борьбе против могущественного внешнего врага, которого олицетворял германский кайзер Вильгельм II, но важнейшим результатом пропагандистских кампаний военного времени было объединение различных слоев общества против коварного «внутреннего врага», «темных сил», которых олицетворяли прежде всего Распутин и императрица Александра Федоровна.

Сознание российского общества кануна Февраля весьма напоминает эпоху Французской революции XVIII века: слухи о королеве будоражили королевство Людовика XVI⁵⁴. «Развратную австриячку» Марию-Антуанетту обвиняли тогда в супружеской неверности, шпионаже в пользу Австрии и государственной измене. Многочисленные памфлеты в жанре «политической порнографии», украшенные самыми откровенными непристойными иллюстрациями, заполняли Францию, большое распространение получили и соответствующие порнографические гравюры. На некоторых из них изображалась королева, занимающаяся любовью одновременно с несколькими партнерами. Впоследствии королеве на суде вменялись в вину не только преступления против нации, но и соращение собственного сына, а ее действительных и предполагаемых любовников и любовниц жестоко преследовали и казнили, порой кровавый самосуд совершался прямо на парижских улицах. «Развратная» и «коварная» Мария-Антуанетта совершенно затмевала в предреволюционных и революционных слухах фигуру «слабовольного» короля-подкаблучника, которого народная молва считала импотентом: приписываемое ему половое бессилие связывалось с бессилием политическим. Слухи были направлены против предполагаемо-

го влияния властолюбивых женщин при дворе слабого короля, а изощренный разврат деградирующих аристократических верхов, действительный или воображаемый, противопоставлялся простым и здоровым правам «народа» Франции.

Русская «политическая порнография» 1917 года весьма отличалась от порнографии французской конца века восемнадцатого. Прежде всего она была гораздо более скромной. В России «порнографией» могли назвать и такие озорные изображения, которые, на взгляд француза эпохи Великой революции (и, разумеется, россиянина начала XXI века), выглядели и выглядят довольно невинно. Современник событий историк С.П. Мельгунов отмечал впоследствии, что русская «заборная литература не доходила до той гнусности и клеветы, которыми отмечена демагогия великой французской революции»⁵⁵. Изучение фондов отечественных библиотек пока подтверждает данное наблюдение. Даже если предположить, что вследствие цензуры и самоцензуры библиотекарей и музейных работников какие-то изображения и тексты оказались утерянными, суждение Мельгунова представляется верным.

Но все же в русской и французской ситуации довольно много общего, и это не ускользнуло от внимания современников. С. Хор, находившийся накануне Февраля в России в составе британской военно-разведывательной миссии, вспоминал впоследствии, что главными распространителями слухов, наиболее злостными критиками режима были представители высшего русского общества, они напоминали ему французских придворных эпохи Людовика XVI, легкомысленно распространявших сплетни про королевскую семью⁵⁶.

Еще более удивительны содержательные совпадения. Маловероятно, что некие изобретательные противники режима, «фабриковавшие» слухи, сознательно ориентировались на хорошо известный французский образец, копируя его даже в деталях. Вернее было бы предположить, что миф о заговоре и ксенофобия, секс и религия являются универсальными составляющими той взрывчатой идеологической смеси, которая нередко порождается массовой культурой современных обществ в условиях глубокого политического кризиса и которая часто вызывает вспышку стихийного массового протестного движения. Отметим также, что и во Франции, и в России главные персонажи слухов своими некомпетентными и бестактными действиями немало повлияли на возникновение и развитие самых невероятных домыслов.

Изучение дел по оскорблению членов императорской семьи позволяет высказать и некоторые предположения относительно маршрутов распространения антидинастических слухов. Можно утверждать, что в народной среде распространялись и такие слухи, которые почти не встречаются в переписке и дневниках образованных современников, в антимонархических памфлетах, изображениях и сценариях 1917 года. Это некоторые слухи о великом князе Николае Николаевиче, это слухи, в которых царица Александра Федоровна выступала как положительный персонаж, и прежде всего это слухи о вдовствующей императрице Марии Федоровне. Можно предположить, что механизм распространения слухов был различным, часть слухов, очевидно, действительно зарождалась в «интеллигентной» среде, а затем воспринималась менее образованными современниками. Но некоторые слухи «возникли», по-видимому, в «низах», имели фольклорные источники. Таковой была реакция широкого общественного мнения на кризисные явления эпохи войны.

В то же время не стоит жестко противопоставлять слухи «народные» и слухи «интеллигентские». Так, комплекс «народных» слухов о вдовствующей императрице Марии Федоровне очень напоминает слухи о царице Александре Федоровне, весьма распространенные и в образованной среде, и развитые в массовой культуре 1917 года («развратная немка», предательница, помогающая врагу). Очевидно, не стоит преувеличивать разницу между политической культурой образованной элиты и «народной» политической культурой неграмотных и полуграмотных простолюдинов. З.Н. Гиппиус, олицетворяющая рафинированную культуру Серебряного века, писала в раннем варианте своего «дневника», в сущности, о том же, о чем сообщали в своих письмах малообразованные русские солдаты. У этих культур, столь различных по своим художественным проявлениям, был общий патриархально-авторитарный знаменатель.

Глава IX

АНТИМОНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ?

Невозможно отрицать, что в феврале—марте 1917 года в России произошла антимонархическая революция, в ходе которой возникли Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов. Но можно ли на этом основании считать революцию лишь результатом действий социалистов и либералов? Можно ли утверждать, что антимонархической революции предшествовало преодоление монархизма в общественном сознании? Представляется, что картина была более сложной.

Увеличение в годы войны числа дел, возбужденных против лиц, оскорблявших императорскую семью, нередко рассматривается историками как убедительное доказательство нарастания антицаристских настроений, прежде всего среди крестьян. Так, составители сборника исторических документов, выпущенного еще в 1932 году в столице Татарстана, отмечали: «Катастрофически увеличиваются дела об оскорблении величеств. Дела судебной палаты за 1915 и 1916 годы представляют собой целый сборник “комплиментов” по адресу Николая II. Особенно царю дарили их крестьяне-татары. Эти “комплименты” ясно характеризуют отношение крестьянства [бывшей] Казанской губернии к царизму»¹.

Такой подход присущ и некоторым современным исследователям. И.К. Кирьянов характеризует изучаемые им оскорбления императора как «антицаристские высказывания». О.С. Поршнева высказывается более осторожно: она считает, что дела по привлечению к ответственности за оскорбления членов императорской фамилии дают материал, характеризующий антицаристские и антиправительственные настроения народных низов².

В то же время некоторые авторы полагают, что исследуемые ими случаи оскорбления царя крестьянами не противоречат выводам о том, что большинство населения страны по своим взглядам продолжало оставаться монархистским. Так, В.Б. Безгин, также

исследовавший подобны: дела, не склонен придавать им особого политического значения. Он присоединяется к высказанному ранее мнению А.В. Буганова: «...большинство россиян на рубеже веков воспринимали носителя власти позитивно, а государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем абсолютной ("Нельзя земле без царя стоять")». Правда, Безгин относит этот вывод к началу XX века в целом, а Буганов вслед за многими авторами более осторожно полагает, что народный монархизм был существенно поколеблен во время Первой российской революции: «...начало разрушению монархического идеала в народном сознании было положено 9 января 1905 г. ...»¹

В другой своей работе Безгин рассматривает возбуждение дел против лиц, оскорблявших царя, даже как доказательство наличия монархических настроений в крестьянской среде: ведь доносителями были, как правило, монархически настроенные односельчане преступников¹. Хотя и невозможно, как правило, выявить степень искренности доносителей, но можно согласиться с тем, что они позиционировали себя как монархисты.

Впрочем, изучение текстов дел по оскорблению членов императорской семьи, сопоставление их с другими источниками, характеризующими восприятие репрезентаций членов царской семьи, не позволяет полностью согласиться ни с одной из приведенных точек зрения. Сам факт оскорбления не свидетельствует о наличии или отсутствии монархического сознания.

Некоторые лица, обвинявшиеся за оскорбления царя, явно были сознательными противниками монархии. Иногда они даже прямо заявляли о себе как о сторонниках республиканского образа правления, хотя и не всегда точно и к месту употребляли соответствующие политические термины. 27-летний чернорабочий асбестового рудника в сентябре 1914 года утверждал в присутствии свидетелей: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР — .... (брань), дураки идут в солдаты, не нужно бы ходить. В некоторых государствах нет даже государей, а живут лучше нашего». Крестьянин Томской губернии заявил: «Когда кончится война, тогда долой Государя... и выберем президента»¹.

Антимонархическое сознание проявлялось и в других ситуациях, даже в ходе бытовых конфликтов проявлялось порой неприятие существующей формы правления. Пьяный крестьянин И.А. Зенуков был задержан в феврале 1916 года на железнодорожной станции Самара за кражу нити подушек. При аресте он кричал: «Долой

Царя, долой самодержавие, да здравствует революция!»⁶ Выпивший призывник, ругавший царствующего «Кольку-винодельца» и певший при этом «Отречемся от старого мира», тоже, наверно, может быть отнесен к противникам монархии, несмотря на те обстоятельства, при которых он совершил сразу несколько преступлений. Пьяный владелец паровой мельницы, также певший революционные песни, называвший императора «кровопийцей», «палачом», «собакой», очевидно, тоже был убежденным противником монархии⁷. Нельзя отнести эти дела к числу «обычных» пьяных оскорблений императора, они использовали выражения антимонархического политического языка, а не традиционные формы хмельного оскорбления царя, переплетавшиеся нередко с богохульством.

В некоторых же случаях люди, оскорблявшие Николая II, явно отвергали монархический принцип правления, хотя при этом и сохраняли монархистскую риторику: «Нам нужен выборный царь»; «Государя нужно выбирать из высших людей, на несколько лет, как выбирают старосту»⁸. Пьяный выпускник духовного училища заявлял: «Какая нам война с немцами, когда у нас сам царь немец. Нам нужно давно сменить царя и выбрать другого на три года»⁹. Хотя в этом случае и использовались слова «государь», «царь», но оскорбители русского императора фактически желали установления в России авторитарного президентского режима, предполагавшего выборность главы государства.

Но мы не знаем, например, был ли противником монархии крестьянин Саратовской губернии А. Самойлов, который еще до войны, в феврале 1911 года, публично ругал императора и императрицу, говорил, что такого государя нам не нужно и не нужно самодержавия, а добиться равноправия и избрать Государя из своей среды¹⁰. Был ли противником монархии и патриот-купец, который в июле 1915 года заявил: «Нужно переменить Хозяина России; вот уже другую войну проигрывает; такая военная держава, а править ею некому?»¹¹ Ведь подобная идея «крестьянского царя» или «хорошего хозяина России» вполне могла быть и традиционно-монархической, хотя она и предполагала замену негодного царствующего императора другим, более способным или более «народным» правителем державы.

И в других случаях антицаристские призывы не всегда свидетельствуют о наличии антимонархического сознания, хотя они могли быть направлены лично против Николая II, а не против существующей политической системы. Так, например, фрейлина

императрицы вспоминала, что накануне революции она увидела надпись «Долой царя» на заиндевевшей стене здания Главного штаба, расположенного напротив Зимнего дворца. Надпись стерли, но она вновь появилась на следующий день¹². Антиправительственный призыв красовался на одном из наиболее охраняемых зданий империи, очевидно, следует поэтому предположить, что солдаты-часовые либо предпочитали не замечать дерзкого преступника, безнаказанно орудовавшего напротив царского дворца, либо сами писали на стене Главного штаба. Но можем ли мы утверждать, что автор этой дерзкой надписи был противником монархии?

Сложно сказать, был ли носителем антимонархического сознания 43-летний мещанин г. Стерлитамака, который в январе 1915 года заявил на постоялом дворе: «Какой у нас ЦАРЬ! Не может он править. По нашей державе надо бы двух ЦАРЕЙ. Не Ему царствовать, как он ..... (брань) ЦАРЬ, а МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ. Вот однажды на крейсере Его хотели убить, и матросы кинули жребий. Если бы мне достался этот жребий, у меня рука не дрогнула бы, я бы бахнул»¹³. Вернее было бы предположить, что он желал замены «плохого» царя царем «хорошим».

Во многих же случаях можно определенно утверждать, что изучаемый источник, скорее, свидетельствует о сохранении монархического сознания у лиц, привлекавшихся за оскорбления членов царской семьи. Сам жанр доноса (в т.ч. и оговора) предполагал наличие такого сознания, в этом отношении В.Б. Безгин совершенно прав. Возможно, впрочем, что доносители не всегда были искренними монархистами, но они явно представляли себя таковыми. К тому же «плохим» членам императорской семьи нередко противопоставлялись «хорошие». В разных слухах они выступали в разном качестве. Напомним, что в некоторых случаях «хорошие» император и его жена противопоставлялись «плохим» Марии Федоровне и Николаю Николаевичу, в других же случаях вдовствующая императрица и великий князь были положительными персонажами, которые противопоставлялись царю или царице. Поражает также и обилие портретов, которые всегда находились под рукой у людей, внезапно пожелавших оскорбить царскую семью. Они часто висят в крестьянских избах, они старательно наклеиваются на записные книжки, на циферблаты часов, на крышки портсигаров. Это косвенно свидетельствует о наличии своеобразного монархического сознания, проникавшего в бытовую культуру.

Язык оскорблений порой также свидетельствует о том, что к ответственности за оскорбления привлекались носители консервативного сознания. Императора порой даже называли «забастовщиком», «посадским».

В некоторых случаях прямо указывалось, что Николай II не соответствовал образу идеального царя. Соответственно он должен быть заменен более достойным кандидатом. Как уже отмечалось, в одних случаях желательным царем считался великий князь Николай Николаевич, в других — брат царя, великий князь Михаил Александрович, храбрый и красивый фронтовой кавалерийский генерал, эффектные фотографии которого печатались в иллюстрированных журналах. Так, 29-летний извозчик в декабре 1915 года говорил в московской чайной, что ему приснилось, будто в России должен царствовать великий князь Михаил Александрович, что «ныне Царствующий ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР завел у Себя во дворе сорок девок» и что «НАСЛЕДНИК АЛЕКСЕЙ рожден от Пуришкевича». Кончил он тем, что назвал царя дураком и произнес по его адресу площадную брань¹⁴.

Очевидно, массовое политическое сознание эпохи Первой мировой войны нельзя изучать, используя лишь простые оппозиции «монархическое» — «антимонархическое», «патриотическое» — «антипатриотическое». К тому же и монархическое сознание порой могло оформлять весьма революционные настроения, это отмечали еще народники. Еще в 1886 году С.М. Степняк-Кравчинский утверждал: «Традиционный монархизм русских крестьян, сильно ослабевший за последние 20 лет, представляется нам, тем не менее, существенным элементом в нравственной жизни наших крестьян. Однако было совершенно неверным считать его предохранительным средством против народных волнений, бунтов и даже революции»¹⁵.

Справедливость этого утверждения проявлялась и в годы Первой мировой войны: монархизм мог оформлять массовые протестные акции, опасные для режима. достаточно вспомнить антигерманский погром в Москве и Московской губернии 26—29 мая 1915 года. Это был не первый погром в древней столице, уже в октябре 1914 года тысячи людей громили немецкие предприятия и магазины (поводом стала весть о падении Антверпена, захваченного германскими войсками). Власти были обеспокоены этими беспорядками, во время которых погромщики использовали национальную и государственную символику. В обращениях, осуждавших волнения, специально указывалось, что национальный гимн — это молитва, а

исполнение его во время грубых актов насилия — богохульство. Однако беспорядки в мае следующего года значительно превзошли их и размахом, числом жертв и беспрецедентным материальным ущербом. Погром возник в результате пересечения различных традиций: акции рабочего протеста (забастовки, «снятие» с работы) накладывались на культурный код антисемитского погрома (избиения и убийства «враждебных чужеземцев», разгром их собственности). При этом шовинистическая антигерманская агитация предшествующего периода сыграла особенно важную роль в подготовке этих событий, провоцируя появление слухов о внутренних врагах, отравляющих источники воды, осуществляющих саботаж и пр. Немалую роль в начале погрома сыграли слухи о великой княгине Елизавете Федоровне, сестре императрицы, жившей в Москве. Толпы двинулись к резиденции ее сестры, великой княгини Елизаветы Федоровны, предполагалось, что она прячет там «немецких принцев», имеет тайную телефонную связь с Германией, хранит оружие и т.п.¹⁶

В организации и самоорганизации толп погромщиков (так же как и во время ряда антисемитских погромов) важную роль вновь играли монархические символы — национальные флаги и народный гимн «Боже, царя храни», бюсты и особенно часто портреты императора. Показательно, что наряду с портретами Николая II громилы несли и портреты великого князя Николая Николаевича. Эти государственные символы, по мнению погромщиков, делали их действия оправданными, патриотическими и законными. Насилие толпы становилось легитимным. В то же время некоторые жертвы погрома спаслись благодаря своевременному использованию этих символов для своей защиты: многие окна и витрины не были разбиты из-за того, что их вовремя украсили портретами царя и русскими национальными флагами. В историю вошел один немецкий лавочник, который весь день простоял у своего заведения с бюстом царя в руках. Всякий раз, когда на улицу выходила толпа громил, он затягивал «Боже, царя храни». Пел он со страшным немецким акцентом, однако, по всей видимости, громко и убедительно — во всяком случае, свою собственность ему удалось спасти. Другие потенциальные жертвы толпы сохранили свою жизнь и свою собственность благодаря тому, что они по требованию погромщиков ислвали в портрет германского императора¹⁷.

И в этой ситуации власти пытались бороться с тем, что символы монархии использовались для организации массовых беспоряд-

ков. Так, губернские власти требовали рассеивать толпы силой, отбирать царские портреты и привлекать к ответственности лиц, их несущих, за... оскорбление императора¹⁸.

Погром, в котором наряду с гражданскими лицами участвовали и некоторые рядовые военнослужащие, представлял не только немалую опасность для общественного порядка, но и таил в себе возможность перерастания в массовую акцию, направленную отчасти против династии (войска, участвовавшие в подавлении беспорядков, понесли потери ранеными и убитыми). В огромной толпе москвичей, собравшейся на Красной площади, громко рассуждали о желательности избрания на престол великого князя Николая Николаевича, о необходимости заключения в монастырь царицы Александры Федоровны, о пострижении ее в монахини¹⁹.

Неудивительно, что в этой накаленной ситуации, чреватой непредсказуемым развитием, различные группы радикальных социалистов по-разному реагировали на антинемецкий погром. Если некоторые подпольные организации интернационалистов оценивали его негативно, то другие радикальные противники режима видели в погроме первую долгожданную акцию, так или иначе направленную против ненавистной власти. Они надеялись со временем преобразовать этот народный протест в полномасштабную революцию (неудивительно, что некоторые лица, активно участвовавшие в погромах, после Февраля вступили в ряды социалистических партий). Да многие современники и воспринимали эти волнения как «начало революции»²⁰.

Власти не могли не понимать, что стихийный антинемецкий взрыв необычайно опасен для режима. Показателем секретный циркуляр Министерства внутренних дел от 4 июня 1915 года, который появился как реакция на майский погром в Москве. В нем отмечалось, что оппозиционные органы печати, «играя на естественном чувстве озлобления населения против германцев и австрийцев», намеренно подчеркивают те, якобы льготные, условия, в которых находятся германцы и австрийцы, живущие в России. Эти утверждения, отмечали авторы циркуляра, якобы намеренно использовались ошозипией для обвинения властей, которые покровительствовали-де немцам. Поэтому местным властям давались указания подвергать административным взысканиям те издания, которые занимались «натравливанием» населения против проживающих в России лиц германского и австрийского происхождения и призыва к агрессивным против них выступлениям. В случае необ-

ходимости подобные издания даже следовало временно прекращать²¹. Составители циркуляра не были вполне искренними: не только оппозиционные издания, но и некоторые вполне лояльные режиму органы печати, консервативные и правые, постоянно проводили в своих публикациях антинемецкую и антиавстрийскую линию, фактически натравливая своих читателей на «внутреннего врага». В то же время выполнить данный циркуляр полностью было практически невозможно: любая попытка ограничить сверху германофобию военного времени могла восприниматься как убедительное доказательство прогерманских настроений верхов.

Крайние проявления шовинизма становились опасными для правительства, объединение общества на основе негативной интеграции стало представлять серьезную политическую проблему для режима. О том же свидетельствовало и воззвание московского градоначальника к населению древней столицы в августе 1915 года, в котором он подтверждал безусловное недопущение демонстраций в городе. Население призывалось «проявить патриотические чувства и духовное единение с армией не путем уличных манифестаций, а упорным и непрерывным трудом на помощь нашим славным героям». В условиях поражений русской армии любая весть даже о частичных победах вызвала вспышки энтузиазма. Так, весть об удачных действиях русского флота в Рижском заливе стала причиной восторженных манифестаций в Петрограде, в накаленной обстановке появился и совершенно невероятный слух о взятии Дарданелл союзниками, что повлекло новые восторженные манифестации²². Очевидно, московский градоначальник боялся повторения майского погрома, спровоцированного патриотическими манифестациями. Но как мог восприниматься русскими патриотами этот призыв властей к дозированию и ограничению проявления искренних патриотических чувств?

Власти предотвратили в 1915 году антинемецкие погромы в других городах империи, показательно, что в Екатеринославе, например, к ним призывали листовки, выпущенные некими рабочими организациями. При этом ситуация во многом программировалась давними традициями германофобии в России: если галломания и англофилия нередко переплетались с выражением симпатий к республиканскому и конституционному образу правления, то германофобия часто оформляла антидинастические и антимонархические настроения. Легко было представить, к каким

последствиям она могла привести, если немецкие фамилии имели более 15% офицеров императорской армии и почти 30% членов Государственного совета²³.

Вернемся к рассмотрению дел по оскорблению членов царской семьи. Изучение этого источника не дает оснований для выводов относительно распространенности антимонархического сознания. Но этот источник важен в ином отношении. Он позволяет точнее описать ситуацию политической изоляции Николая II, связанную с фрагментацией монархической политической культуры. В условиях особого общественного кризиса, связанного с затягиванием войны, даже люди консервативных взглядов, носители разных типов монархического сознания переставали быть прочной опорой режима. «Слабый царь», «слабовольный» император и тем более «шьяненький» «царь-дурак» Николашка, одураченный врагом, не соответствовал их патриархальному монархическому идеалу великого и могучего, мудрого и справедливого государя, которого должны были любить его верноподданные.

Это весьма важно для понимания особенностей революции 1917 года. Обычно внимание современников и историков привлекают фигуры политических вождей, участвовавших в свержении старого режима. Но революции также невозможно представить без поразительного бездействия ряда лиц и институтов, которые как раз в подобных обстоятельствах и должны были бы проявлять себя. Современников поражало нарастание апатии среди государственных служащих разного ранга. Видный чин политической полиции, посетивший в конце 1916 года восточные губернии империи, впоследствии вспоминал: «Поездка моя в Сибирь закончилась. Масса лиц промелькнула передо мною. Припалближали они к различным категориям службы, положения и образования. Были умные и опытные, сосредоточенные, преданные долгу люди, были глупые, легкомысленные и поверхностные, впавшие в обывательщину, но почти на всех отражался отпечаток уныния, нерепительности, что можно было бы назвать психозом апатии, охватившим российского обывателя и чиновника»²⁴.

Между тем автор, обличавший задним числом апатию обывателя, и сам проявил поразительное бездействие, граничившее с должностным преступлением, получив доверительную и важную информацию о подготовке государственного переворота. Один его хорошо информированный знакомый в 1916 году поведал ему о заговорах, предполагавших отречение императора:

Мой знакомый рассказывал мне об этих заговорах с большими подробностями и с рядом имен, считая их, по-видимому, делом самым обычным. Во мне его рассказ возбудил самые сложные чувства. С одной стороны, я, игравший такую роль раньше в деле борьбы со всякого рода заговорами, сознавал, что моим долгом было бы явиться к теперешним руководителям политической полиции и, сообщив им известные мне факты, дать возможность предотвратить готовящийся переворот. Но, с другой стороны, по существу я сам целиком сочувствовал людям, эти заговоры организовывавшим, и понимал, что если есть возможность предотвратить надвигающуюся катастрофу, то только одним путем — возможно более быстрым проведением переворота сверху. Положение было действительно настолько трагично, что только быстрая смена главы государства может предотвратить революцию и спасти государство и династию. Пусть только действуют скорее, чтобы революция их не перебила, думал я, и в этом же смысле говорил тому моему знакомому, который рассказывал мне о планах заговорщиков²⁵.

Известно, что планы переворота не были реализованы, однако подобные разговоры о заговорах и сочувственное восприятие идеи переворота становились важнейшим политическим фактором. Подобное невероятное и продолжительное бездействие влиятельных чиновников разлагало государственный аппарат. Эта пассивность в полной мере проявилась в дни Февраля, когда казаки фактически не участвовали в разгоне демонстраций, а многие офицеры, унтер-офицеры и солдаты с сочувствием относились к толпе, не спешили выполнять приказы начальствующих лиц, а то и попросту игнорировали их. Генералы и бюрократы, придерживавшиеся порой весьма консервативных взглядов, медлили с принятием безотлагательных решений. Объясняется ли это лишь некомпетентностью и нерешительностью? И как понять поддержку Временного комитета Государственной думы в дни революции со стороны некоторых правых депутатов, если не принимать во внимание особенности нарастания крайней оппозиционности многих убежденных монархистов?²⁶

Исследование слухов и дел по оскорблению членов императорской семьи позволяет также высказать некоторые соображения относительно политико-культурной ситуации эпохи революции. Следует вновь отметить — невозможно в данном случае согласиться с часто встречающимся противопоставлением культуры «высокой» и «низкой», культуры образованных «верхов» и культуры темных

«низов». Разумеется, многие интеллигентные современники отрицали и с возмущением обличали грубую, «порнографическую» массовую культуру. Однако при этом они сами весьма способствовали порой распространению тех самых слухов, которые и сделали возможным появление соответствующих «низких» текстов, изображений и постановок. И «верхи», и «низы» здесь выступают как носители разных вариантов одной и той же авторитарно-патриархальной политической культуры.

Антидинастические слухи были индикатором остроты кризиса режима, но они же и становились важным фактором, обостряющим этот кризис. В канун революции невероятные слухи объединяли разнородное общество, сплачивая воедино несоединимые, казалось бы, силы — монархистов и республиканцев, социалистов и либералов, сторонников и противников войны. Политика обеспечения «единства царя и народа», которая в начале войны поддерживалась различными силами, преследовавшими свои собственные цели, сменилась всеобщим отстранением от Николая II, дискредитированного и народной молвой, и экспертными оценками представителей политической элиты. Слухи подталкивали открытых противников режима ко все более активным действиям, слухи парализовали действия потенциальных сторонников власти. Образ царя и царицы в «достоверных» слухах противоречил официальному пониманию монархического патриотизма, персонажи слухов как бы бросали вызов религиозным и политическим убеждениям многих убежденных монархистов, которые в этой атмосфере необычайно быстро радикализировались. Из Казани члену Государственной думы И.В. Годневу писали в начале декабря 1916 года: «Все общество Казани охвачено тем же порывом, как и Государственная дума. Закипело патриотическое, гражданское сердце без различия политических партий. Бывшие очень правые скачут налево, опережая центр. Мне лично пришлось услышать от очень правых интеллигентных и простых людей сознание, что они молились не тем богам и просили достать им где-либо речи Милюкова и пр. Об этих речах всюду огромный гул. Популярность огромная»²⁷. Вряд ли следует полагать, что патриоты правых политических взглядов, совершая «скачки» налево, минуя центр, становились убежденными единомышленниками лидера конституционно-демократической партии. Вернее было бы предположить, что они, оставаясь приверженцами своего старого политического идеала, опережали более умеренных сограждан в критике персон, олицетворявших режим.

Доказательством радикализации части людей правых взглядов служат и некоторые письма, направлявшиеся в то время в адрес лидера кадетов. Один его корреспондент именует Милюкова «спасителем отечества», который борется с людьми, «душою не скрыто преданным немецкому влиянию» (упоминаются Сухомлинов, Распутин, Тренев, Протопопов и Курлов). Но при этом данные враги России описываются с помощью терминов, характерных для типичного политического словаря крайне правых: «люди ада», «сатанинская сила», «темные нечистые силы»²⁸. На короткое время вчерашние противники, либералы и консерваторы, обрели общего врага в лице неуловимых и всемогущих «темных сил», организуемых заговор против родины.

Неудивительно, что в дни Февральской революции депутат Государственной думы, член фракции правых независимых священник С.А. Попов (Попов 2-й) с крестом в руках благословлял революционные войска²⁹.

С другой стороны, невероятные слухи, якобы подтверждавшиеся после переворота многочисленными публикациями, кинофильмами и театральными постановками, делали невозможной реставрацию монархии. Они также провоцировали необычайно враждебное, беспощадное отношение к коронованным «предателям» со стороны лиц консервативных взглядов. Известный математик, член Российской академии наук В.А. Стеклов, записал в свой дневник 10 марта 1917 года: «Постепенно раскрывается мерзостная картина придворной грязи и разврата! <...> Настоящий Рим эпохи вырождения — хуже! Какая масса кровавых злодейств, обмана, провокаторства... и сказать нельзя. Изверги рода человеческого, а не люди. А с ними еще церемонятся! Смертную казнь отменили. Надо бы им объявить, что присуждены к смертной казни через повешение, запереть в Царском Селе и держать в непрерывном ожидании, чтобы довести их до умоисступления! И уже как негодных тварей вздернуть потом! И этой бы казни было мало!» Следует отметить, что почтенный автор этих строк придерживался весьма умеренных, порой консервативных политических взглядов³⁰.

Вера в подобные слухи повлияла на безразличное отношение значительной части российского общества к несчастьям царской семьи. По свидетельствам современников, даже известие об убийстве царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году не вызывало порой возмущения и среди тех людей, которые никак не были сторонниками большевиков (об этом вспоминал впоследствии ректор Московского университета, видный деятель партии кадетов)³¹.

Память о слухах повлияла на развитие политического сознания после Февраля. Миф о заговоре «темных сил», немецких агентов и шпионов пытались использовать в антибольшевистской пропаганде. Смакование распутинской темы несло и известную пропагандистскую нагрузку: царь, царица и Распутин были-де главными сторонниками мира с Германией, а поэтому все противники войны, включая левых социалистов, могли быть причислены к «темным силам». В ноябре 1917 года кадеты, например, сравнивали Ленина и Троцкого со Штюрмером и Распутиным³². Некоторые публикации прямо соединяли антибольшевистскую и антимонархическую пропаганду³³.

Однако слухи об «измене в верхах» порой с большим успехом использовали и левые социалисты в своей антибуржуазной пропаганде. Некий матрос писал в газете большевиков Гельсингфорса после Июльского кризиса, отвечая на обвинения своей партии в измене: «Мы знаем, какой класс составляет Мясоедовых, Сухомлиновых, Леш, Ренненкампов, Штюрмеров, Протопоповых и многих других...»³⁴

Опыт десакрализации монарха и монархии особенно ощутим в слухах о Керенском осенью 1917 года. Мы встречаем буквально те же идеологические блоки. Прежде всего это миф о заговоре. Интернационалисты обвиняли Керенского в том, что он, вместе с британскими и французскими империалистами, готовит заговор против революции. Правые же утверждали, что германские агенты давно манипулируют революционным премьером, который-де уже фактически заключил перемирие с врагом, тайно сотрудничает с большевиками и т.п.³⁵ Одновременно распространялись слухи о национальности и моральном облике революционного премьера: «еврей» Керенский, «сифилитик» и «наркоман», устраивает оргии в Зимнем дворце. Аналитик английского военного министерства писал: «Власть вскружила Керенскому голову, он развелся с женой, взял себе балерину и спит в постели императрицы»³⁶.

При этом подчеркивалась известная схожесть судеб бывшего императора и Керенского, частушка 1917 года гласила:

На столе стоит тарелка,
А в тарелке виноград,
Николай продал Россию,
А Керенский — Петроград³⁷.

Интересно отметить, что в фольклоре образ Керенского порой заменял образ бывшей императрицы. Другой, более ранний вариант этой частушки звучал так:

Посадил царь пшеничку,
А царица виноград,
Царь продал всю Россию,
А царица — Петроград³⁶.

В некоторых же слухах Керенский одновременно напоминает нескольких персонажей дореволюционных слухов, объединяя образы Николая II, императрицы Александры Федоровны и Распутина. Если антидинастические патриархальные слухи всячески подчеркивали немужественность царя, то и «левые» и «правые» слухи осени 1917 года рисуют женственный образ «Александры Федоровны» Керенского, якобы спящего на постели императрицы (в некоторых слухах — в белье императрицы), якобы переодевающегося в женское платье (костюм сестры милосердия!), чтобы избежать ареста, и пр.

Разумеется, и в этом и в других случаях слухи содержат гораздо больше информации о людях, их распространявших, чем об основных их персонажах. Изучение слухов и массовой культуры, впитавшей эти слухи, позволяет лучше понять архетипы политического сознания. По-видимому, они были общими у многих политических противников. Различные, подчас враждебные идеологии могли накладываться на глубинные структуры авторитарно-патриархального сознания. Так, у многих участников демократической революции антимонархическое сознание могло сочетаться с монархической ментальностью. Недовольство «ненастоящим» царем часто становилось исходной точкой радикализации сознания, что порой могло приводить к отрицанию монархической формы правления, но при этом структуры политической культуры могли оставаться авторитарными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любому человеку, интересующемуся историей Российской революции 1917 года, давно известно, что последнего царя многие его современники считали, справедливо или нет, слабым правителем. Царица же имела устойчивую репутацию всевластной, развратной и коварной покровительницы могущественных «внутренних немцев» и всевозможных «темных сил». Эти карикатурные образы, жившие в сознании многих подданных Николая II, могли весьма отличаться от более или менее реалистичных портретов царской четы, однако именно они оказывали огромное влияние на развитие политической ситуации. Император и императрица искренне любили друг друга и желали военной победы России, но миллионы их современников были уверены в обратном, а именно это и определяло их действия.

Представляется, однако, что предложенное в настоящей книге сопоставление различных репрезентаций власти и тех различных образов представителей правящей династии, позитивных и негативных, которые общественное сознание по-своему развивало, позволяет все же несколько уточнить общую картину революции 1917 года.

Сознание революционеров — телеологично. В соответствии с ним общества классифицируются, а страны ранжируются в зависимости от степени их «готовности» к революции. Нередко телеологично и сознание историков, в особенности историков революций: вся предшествующая история рассматривается как предыстория неизбежной революции. Одни исследователи предьявляют внушительный список «объективных причин», сделавших революцию неизбежной, а другие сосредотачивают внимание преимущественно на тех общественных силах, которые оказались в лагере победителей. Так создастся генеалогия новой власти.

Задним числом сложно представить иную, неревolutionонную альтернативу развития общества, пережившего грандиозный переворот, переворот, который на десятилетия определил судьбы ряда стран. Исторические факты, отбираемые исследователем, выстроенные в хронологической последовательности, легко стыкуются во внешне убедительную причинно-следственную связь.

Но порой не менее сложно вообразить другую революционную альтернативу, трудно представить иную революцию, отличную от той, которая произошла в действительности. И это иное проявление телеологичности сознания истории. Прекрасно известно, что после Февраля 1917 года, после свершения революции, которую историки разных направлений называют «буржуазно-демократической», власть оказалась в руках либералов и социалистов. Поэтому при изучении политической жизни предреволюционной поры особое внимание уделяется тем партиям, организациям и лидерам, которые в разное время оказались у руля революционной власти. В последнее время эта тенденция в отечественной историографии еще более усилилась ввиду того, что исследователи особенно активно изучают деятельность политических элит. Применительно к истории революции 1917 года наиболее откровенно этот подход сформулирован в статье С.В. Куликова, а среди последних монографий, посвященных изучению роли элит в революции, следует выделить книги Ф.А. Гайды и А.Б. Николаева¹. Такая тенденция вполне объяснима: долгое время отечественным историкам навязывался примитивно понимаемый классовый подход, поэтому новое поколение исследователей меньше внимание уделяет изучению социальных конфликтов и политического поведения социальных групп, уделяя основное внимание элитам. Но можно ли, например, построить модели описания Российской революции без новых исследований истории рабочих, истории, почти забытой в современных исследованиях? Бесспорно, в центре внимания историков революции должна находиться проблема власти. Но история власти не сводится к истории политических элит даже в так называемые «обычные» периоды, а условия революционного времени «элитистский» подход вряд ли в состоянии убедительно описать. Разумеется, именно элиты создают архивы, а сама структура архивохранилища и даже архивного фонда порой программирует и организует работу исследователя, структурирует его тексты, вследствие чего историки оказываются заложниками политиков, полицейских и бюрократов. Но достаточное ли это основание для построения подобных объяснительных моделей?

Между тем «объяснение» революции через действия элит и контрэлит имеет давнюю историографическую традицию. Одни авторы, описывавшие революцию, уделяли особое внимание большевикам, другие — эсерам, третьи — либеральной оппозиции, четвертые — масонам, пятые — германским спецслужбам, шестые —

генералам-заговорщикам. Слово «заговор» очень часто звучит в подобных интерпретационных моделях, иногда же начальный этап революции попросту сводится к заговору (удивительно, что историки заговоров крайне мало пишут о конспирологическом сознании революционной эпохи). Не все истории революции такого рода были историями конспирологическими, но все они были историями тех, кого современники и потомки считали победителями. Однако в таких повествованиях отодвигаются на задний план, а то и вовсе забываются многочисленные современники, которые непосредственно не участвовали в послереволюционном переделе власти, хотя своими действиями, а порой и своим бездействием они приводили к власти других политиков.

Удивлявшая современников легкость, с которой победила Февральская революция, объясняется не только силой напора на власть ее давних противников, но и отсутствием поддержки даже со стороны немалой части монархистов, оставшихся таковыми даже в момент падения монархии. Немало активных участников событий вовсе не подозревали о том, что их действия являют собой начало попытки демократизации России: они желали покарать предателей отечества, спасти родину от изменников. Но успех революции объясняется не только энтузиазмом и решительностью различных убежденных противников режима, давних и заклятых врагов династии или ненавистников правящего царя и царицы, объединившихся в дни переворота. Победу движения нельзя представить без удивительной пассивности тех, кто в кризисной ситуации по своей должности обязан был действовать решительно и быстро. Генералы, опаздывавшие отдавать приказы, чиновники, медлительные с передачей важных сообщений, казаки, предпочитавшие не замечать нарушителей порядка, солдаты, намеренно стрелявшие мимо цели, — всех их вряд ли можно назвать революционерами или заговорщиками, но их бездейственность нельзя объяснить, не учитывая изменения сознания монархистов и фрагментации политической культуры монархизма в эпоху войны. Не все ненавидели или презирали Николая II, но многие бывшие искренние его сторонники переставали верить в царя. Они переставали любить своего императора.

Разумется, революцию 1917 года невозможно представить без нарастания социальной напряженности в стране, на значение этого фактора справедливо указывают чуть ли не все исследователи, представители различных исторических школ. Призывы на войну,

новые поборы и повинности, проблемы, связанные с размещением беженцев и выдачей пособий, наконец, недостатки снабжения провоцировали недовольство властями разного уровня и усиливали противоречия на местах (это легко заметить и при изучении дел по оскорблению членов царской семьи).

Однако нарастание, обилие и многообразие социальных конфликтов само по себе не всегда ведет к революции. Более того, социальные конфликты не непременно политизируются и идеологизируются, а в случае политизации не всегда направляются против существующего режима. Культурные схемы оформления социальных конфликтов необычайно разнообразны, доминирующие в обществе политические традиции накладывают глубокий отпечаток на протекание этих конфликтов. Сформировавшаяся к моменту кризиса политическая культура может служить стабилизирующим фактором, сдерживающим развитие конфликтов, а может, напротив, углублять и обострять имеющиеся противоречия. Так, существование развитой политической традиции революционного подполья, создававшейся в России десятилетиями, было очень важным фактором, который влиял на политические и социальные процессы. Заняв после Февраля доминирующее, порой монопольное положение, воздействуя на новые государственные символы и ритуалы, активно усваиваясь массами, эта традиция влияла существенно на их политизацию, на их политическое просвещение. Революционная традиция, особым образом оформлявшая умножающиеся социальные, этнические и политические конфликты, становилась важнейшим фактором радикализации общественной ситуации в 1917 году. Это же играло на руку радикальным социалистам — прежде всего большевикам, а также их временным союзникам — анархистам, левым эсерам, интернационалистам. Создавалась особая дискурсивная рамка, объективно способствовавшая углублению революции. Без учета всего этого невозможно понять Октябрь².

В свою очередь, и Февраль 1917 года невозможно понять без изучения специфической военной культуры эпохи войны, без исследования процессов патриотической мобилизации, без изучения особенностей отношения к правящей династии в это время.

Монархизм военной поры, как неоднократно отмечалось в этой книге, был многоликим. Приведем еще один пример. 10 октября 1914 года студенты Петроградского университета устроили патриотическую манифестацию по случаю призыва учащихся высших

учебных заведений в армию. По ходу дела провозглашались здравицы в честь императора и армии. После манифестации состоялась сходка, на которой часть студентов выдвинула требование амнистии для политических заключенных, другие же им возражали. Около пяти сотен студентов покинули аудиторию, исполняя революционные песни, другие же участники сходки пели русский гимн. При этом обе группы выступали в поддержку войны и, как видим, поддерживали главу государства. Однако одни шли на защиту родины с пением «Боже, Царя храни», другие — с пением «Марсельезы». Исполнение революционных песен и неприятие соучеников, исполняющих государственный гимн монархии, вовсе не исключало в то время корректного, даже почтительного отношения к главе государства. По свидетельству современника, до пяти тысяч студентов прошли по улицам столицы с огромным знаменем, на котором было написано: «Единение царя с народом»¹. Правда, отмечалось, что к этой манифестации примкнуло меньшинство столичных студентов, однако, как видим, даже те из них, кто требовал политической амнистии, провозглашали здравицы в честь императора.

Некоторые студенты и ранее были принципиальными монархистами, другие полагали, что в трудную годину следует безоговорочно поддержать главу своей страны, третьи лишь приостановили критику монарха, считая ее несвоевременной. Наконец, часть студентов считала, что только радикальные политические преобразования в стране станут залогом победы. Режим пытался использовать в своих целях взрыв патриотизма в 1914 году, монополизировать патриотизм, придать ему исключительно монархический характер. Однако оборотной стороной этого процесса было усиление противоречий внутри политической культуры монархизма. В условиях военного времени влиятельные политические деятели разных взглядов считали необходимым сплотиться вокруг главы государства и использовать в целях мобилизации государственную символику, образы монархии, включая портреты царя. Иначе говоря, многие участники политического процесса становились монархистами с разной степенью энтузиазма; они становились монархистами в той мере, в какой они были патриотами. Политический союз с монархом был нередко союзом по расчету.

Следует вспомнить и прагматическое использование монархической риторики и императорской символики с целью политического и экономического лоббирования. Этот прием часто встреча-

ется и в упоминавшихся в этой книге делах по оскорблению членов царской семьи. Нередко русские крестьяне во время споров разного характера в деревне привлекали императора как своего символического союзника, провоцировали своего оппонента на оскорбление царя, а затем представляли его как политического преступника. Это было характерно и для мирного времени, спецификой же военной поры были новые противоречия: споры между беженцами и местным населением, ссоры с военнопленными враждебных держав, размещенными в деревнях, конфликты с сельскими властями по поводу новых поборов и повинностей, вызванных войной.

Царь привлекался в качестве заочного символического союзника не только участниками различных деревенских ссор, но и противоборствующими сторонами конфликтов совсем иного уровня. Споры вокруг противоречивых процессов «национализации» русской промышленности и государственного управления, науки и искусства, проходившие под лозунгами ликвидации «немецкого засилья»⁴, сопровождались ссылками на авторитет императора. Этот прием использовали все противоборствующие стороны. Показательно, однако, что никто не стремился использовать в качестве такой символической союзницы императрицу, хотя, например, ее деятельность в качестве профессиональной сестры милосердия, ее новый образ легко могли бы стать символом для активисток женского движения, стремившихся использовать патриотический порыв военного времени для утверждения женщин в ряде профессий. Косвенно это свидетельствует о непопулярности последней царицы.

В то же время монархизм не непременно был связан с поддержкой войны. Многие противники войны искренне полагали, что она была навязана российскому государю его кровожадными слугами, и, протестуя против войны, они ощущали себя русскими патриотами и монархистами. Этот аргумент использовала и враждебная пропаганда Германии и Австро-Венгрии, которая утверждала, что главным виновником войны был великий князь Николай Николаевич, и противопоставляла ему миролюбивого императора. Этот же мотив встречается в некоторых делах по оскорблению великого князя, который считался главным «поджигателем войны» — антагонистом «миролюбивого» государя. Образ Николая II использовался, искренне или нет, в этих случаях как инструмент мобилизации и легитимации пацифизма, а это явно не соответствовало политическим намерениям самого царя.

Наконец, даже сама давняя формула «единства царя и народа» могла в известной ситуации представлять определенную проблему для монарха. Она нередко воспринималась как особый общественный договор эпохи войны, как взаимное политическое и символическое обязательство: если народ должен быть верен своему государю, то и царь должен быть верен своему народу. Различные действия императора во время войны со временем стали восприниматься как нарушение этого обязательства, что оскорбляло даже некоторых искренних сторонников монархии.

Порой даже монархически-патриотический подъем создавал немалые проблемы для сложившейся системы репрезентации монархии. Первая мировая война нанесла новый серьезный удар по исключительным полномочиям придворной цензуры. Действительно, любая попытка приостановить по каким-либо причинам публикацию изображения члена русской императорской семьи могла вызвать обвинения в антипатриотизме, что в условиях военного времени могло повлечь за собой очень серьезные последствия. Тем самым в оборот пускались такие образы монархии, которые не были санкционированы императором, которые не соответствовали актуальным политическим целям самого царя.

С другой стороны, бюрократическое регулирование репрезентации монархии порой затрудняло процесс патриотической мобилизации. Так, сухие отчеты Министерства императорского двора о поездках царя по стране, перепечатававшиеся в газетах, не передавали атмосферу того энтузиазма, который действительно сопровождал порой его визиты. Публикация же корреспондентских отчетов в газетах встречала затруднения. Бюрократические процедуры, созданные в свое время для укрепления авторитета монарха и его семьи, в специфических условиях военного времени порой деформировали процесс патриотической мобилизации.

В исторической литературе уже неоднократно указывалось, что взрывчатая смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании, получившая необычайно широкое распространение в годы Первой мировой войны, оказала дестабилизирующее воздействие на общественную ситуацию в России.

Несмалое значение для судеб династии имело сфабрикованное военной контрразведкой «дело Мясоедова»⁵. Возможно, что лица, инспирировавшие соответствующие следственные действия и пропагандистские кампании, совершенно искренне полагали, что в условиях войны они своими поступками будут способствовать пат-

риотической мобилизации русского общества и укреплению режима, однако, результат их усилий был противоположным. Впрочем, неверно было бы описывать ситуацию лишь как результат некоего неудачного циничного пропагандистского расчета: офицеры русской контрразведки и националистические журналисты нередко искренне верили тем невероятным конспирологическим построениям, которые они сами усердно изобретали и распространяли.

Нарастание германофобии в обществе также способствовало усилению настроений, опасных для режима. Антинемецкая пропагандистская кампания могла «переводиться» массовым сознанием как призыв к немедленной атаке на социальные верхи, популярные лозунги германофобов «прочитывались» порой антикапиталистически и (или) антимонархически, нередко удивляя тем самым создателей и распространителей милитаристских и националистических мифов эпохи войны. В некоторых случаях участники разнообразных конфликтов сознательно утилизировали в своих целях антинемецкую риторику: если консервативные политические и государственные деятели обвиняли левых в прогерманских симпатиях или даже сотрудничестве с врагом, то тот же самый прием даже с большим успехом использовался левыми против правых. Новые идеологические и пропагандистские орудия, изобретенные во время войны, необычайно быстро применялись политическими противниками против их создателей.

Но и националистическое по преимуществу массовое движение, использующее символику и риторику монархии, могло представлять порой немалую опасность для режима, что показали уже патриотические демонстрации кануна войны, сопровождавшиеся и строительством баррикад в центре столицы, и разгромом германского посольства в Санкт-Петербурге в 1914 году. Наиболее ярко опасность массового националистического движения проявилась в Москве в мае 1915 года (влияние этого события на политический кризис лета 1915 года порой недооценивается историками).

Антинемецкую и националистическую протестную струю можно увидеть и при изучении Февраля 1917 года, хотя последующие события затмили это важное измерение революции для многих современников и большинства историков. Ведь в дни переворота офицеры, адмиралы и генералы, фамилии которых воспринимались солдатами и матросами как немецкие (хотя и не всегда были таковыми в действительности), подвергались особой опасности: повстанцы стремились наказать предполагаемых «шпионов» и

«предателей». Именно мщение коварному внутреннему врагу представлялось наиболее важной и актуальной задачей. Революция воспринималась нередко как освобождение от векового «немецкого ига», как свержение чуждой России «германской династии» Голштейн-Готторпов, лишь «прикрывающейся» родовым именем Романовых. Этот поток революции пытались использовать в своих целях некоторые сторонники «войны до победы»: «Мы победили немца внутреннего, мы победим немца внешнего!» — гласил распространённый лозунг⁶.

Историки явно недооценивали роль националистической антинемецкой пропаганды в падении режима. Не только нелегальные издания социалистов и легальные газеты либералов, но и некоторые националистические органы печати, например «Новое время», внесшее солидную лепту в распространение настроений шпиономании и ксенофобии, по-своему активно готовили революцию. На дестабилизирующую роль этого влиятельного издания указывали уже в 1914 году даже некоторые министры. В 1915 году главы правительственных ведомств еще более резко критиковали «Новое время»⁷. Шовинизм военного времени разъедал политическую систему многонациональной империи.

Негативная интеграция общества на основе ксенофобии и шпиономании оказалась чрезвычайно опасной для режима, она не только создавала дискурсивную рамку для политизации и углубления разнообразных социальных и политических конфликтов, но и регулировала их, объединяла на национальном уровне, бросая вызов власти.

На опасность негативной интеграции для режима Николая II указал в своем исследовании и Х. Ян, изучавший патриотическую культуру России эпохи Первой мировой войны. Он отмечал, что русскими писателями, художниками и актерами были созданы яркие образы врага, прежде всего германца, личинами которого были Вильгельм II, немец-колбасник, звероподобный солдат германской армии. Россия ясно осознавала, против кого ведутся военные действия, и это обеспечивало негативную интеграцию общества. Но позитивные символы общенационального объединения созданы не были, существовала явная разногласия относительно того, за кого и за что ведется война. Не стал таким символом и образ Николая II⁸.

С этим важным и интересным наблюдением историка можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, не следует жестко противопоставлять негативную и позитивную интеграцию. В действитель-

ности они редко существуют друг без друга, чаще они как раз обуславливают друг друга. Во-вторых, можно утверждать, что в течение какого-то времени образ Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича объединял до некоторой степени людей разных политических взглядов (напомню, что этот востребованный образ не всегда соответствовал своему оригиналу). Но именно этот влиятельный персонифицированный символ национального объединения, архаичный по форме, но харизматичный по сути, образ, конкурирующий с образом «державного вождя», императора, стал уже в 1915 году представлять известную опасность для режима. Если люди либеральных взглядов изображали, искренне или нет, великого князя сторонником прогрессивных реформ, то немало монархистов видели в нем либо кандидата на роль «настоящего царя», либо спасителя отечества, которому мешают дурные советники «слабого» государя.

После смещения с поста Верховного главнокомандующего в глазах части людей великий князь теряет свою приобретенную харизму. Это находит свое отражение в слухах и в делах по оскорблению членов императорской семьи. Если ранее великого князя Николая Николаевича обвиняли прежде всего в жестокости и чрезмерной воинственности, то начиная с лета 1915 года он порой предстает как пьяница, вор и развратник, а иногда его даже именуют предателем. Грозный полководец в некоторых слухах начинает напоминать «царя-дурака». В то же время часть общества сочувствует великому князю, «сосланному» на Кавказ, он воспринимается чуть ли не как «жертва режима». Еще популярный в некоторых кругах опальный великий князь из символа общенационального объединения стал все более превращаться в один из символов оппозиционного движения.

Но и многие люди, вплоть до революции ощущавшие себя верноподданными императора Николая II, на деле переставали быть надежной опорой режима. Даже продолжая отождествлять себя не только с монархией, но и с царем, они могли искренне верить во всемогущество «немецкой партии» при дворе, могли возмущаться господством «темных сил», могли приходить в отчаяние, получая новые «доказательства» влияния Распутина и «правления» императрицы.

Кризис лета 1915 года и те приемы, при помощи которых режим преодолевал этот кризис, стали серьезным испытанием для процессов патриотически-монархической мобилизации военной

поры. Особое значение имело решение царя взять на себя командование действующей армией и усиление вмешательства царицы в государственные и церковные дела, что сопровождалось новой волной слухов о возрастании политической роли Распутина. Показательно, что как раз в это время царской семьей и Министерством императорского двора прилагаются особые усилия к тому, чтобы популяризировать образы царя, наследника и царицы. Существенно корректируется их репрезентация, появляются новые образы. В это время меняется и практика наказаний за оскорбление члена императорской семьи. Применение этих статей Уголовного уложения ограничивалось в соответствии с высочайшим повелением 10 февраля 1916 года, вследствие чего появился секретный циркуляр министра юстиции, требовавший ограничения и смягчения наказаний за это преступление⁹. Можно предположить, что множество подобных дел, поступавших в суды, могло создать почву для нежелательных политических демонстраций и негативно влиять на общественное мнение, а власти желали этого избежать. Характерно, однако, что усилия по пропаганде императора и императрицы существенно ослабевают с середины 1916 года. Образ царицы фактически исчезает из иллюстрированных изданий, меньше внимания уделяется и царю. Вряд ли было случайным, что Николай II фактически прекращает свои пропагандистские поездки по стране. Похоже, что царь и царица ощущали, что они проигрывают в это время грандиозное пропагандистское сражение за сердца и умы своих подданных.

На возникновение революционной ситуации в канун Февраля особенно повлияла специфическая культура Мировой войны: неотложные задачи общественной мобилизации в разных странах, с одной стороны, требовали ограничения существовавших прав и свобод, но, с другой стороны, они объективно способствовали демократическим общественным процессам. Неудивительно, что после окончания войны в ряде государств вводится всеобщее избирательное право, проводятся социальные реформы. Правящие круги должны были платить по заслугам, столь щедро раздававшимся обществу в годы войны. Мировой конфликт был весьма опасен для многих монархий: сама логика политической мобилизации вела к тому, что противоборствующие стороны использовали в смертельной борьбе идеологические арсеналы самых различных общественных движений. Разнообразный опыт антимонархической пропаганды просто не мог оказаться невостребованным, его ис-

пользовали и пропагандисты Антанты, обличавшие германского императора, и немецкие публицисты, клеймившие русского царя.

В условиях России этот процесс имел свои особенности. С одной стороны, неосложная задача патриотической мобилизации общества требовала использования определенных символов и ритуалов монархии, при этом утилизировался и развивался богатый символический арсенал, созданный за время существования империи, использовался также и опыт других воюющих стран. С другой стороны, новые специфические социальные процессы, развивавшиеся во время войны, также требовали нового культурного оформления, поиска новых ритуалов и символов. Символотворчество этого периода имело важные политические последствия. В массовой литературе появился особый жанр, всевозможные «Тайны венского двора» и «Тайны дома Гогенцоллернов» соединяли эротiku, детектив и изображения «красивой жизни», удовлетворяя плебейский интерес к жизни августейших противников, жизни действительной и выдуманной. Но сам стиль таких произведений, способствуя в первую очередь десакультурации враждебных государей, в конце концов порой подрывал и общие основы политической культуры монархизма. Поэтому неудивительно, что после Февраля те же самые авторы, используя те же приемы, быстро переключились на написание произведений, обличающих «тайны дома Романовых», «тайны Царскосельского дворца» и пр. Однако в поле влияния параноидального резонанса оказывались и многие трезво мыслящие современники. Даже видные историки, призванные в силу своей профессии относиться критически к источникам информации, необычайно легковерно воспринимали слухи о «предательстве императрицы» и «тайнах Царскосельского дворца». Шпиономания и ксенофобия военной поры порождали особое видение мира, легко «объясняющее» и нехватку продовольствия, и военные поражения, и невероятные политические назначения. Жертвами этого конспирологического дискурса, энергично и изобретательно создававшегося националистической пропагандой в годы войны, стали царица и царь.

Историки разных направлений признают, что Россия, выставившая на фронты Мировой войны самую крупную армию в мире, не выдержала экономической и социальной мобилизации: следствием перенапряжения существующей промышленной инфраструктуры и системы коммуникаций был транспортный кризис, расстройство финансов, дезорганизация снабжения городов. Это

не могло не обострять социальный и политический кризис, в ходе которого с новой силой давали знать о себе общественные и политические конфликты разного рода, замороженные на некоторое время после начала войны. Но Россия не выдержала и сложных процессов патриотической мобилизации военного времени; эта мобилизация представляла вызов для неустойчивой политической системы. В условиях войны даже язык патриотического монархизма мог в известной ситуации оказаться крайне опасным, он перекодировался в соответствии с актуальными задачами, приобретал новые значения, оформляя разнообразные общественные движения, объективно направленные против существующего режима.

Как отмечалось во введении, религиозный философ С. Булгаков писал впоследствии о своей трагической любви к Николаю II, он даже упоминал о чувстве «влюбленности», которое он испытывал по отношению к последнему царю. Булгаков желал любить императора, однако объект его искренней политической любви не соответствовал образу идеального монарха. Свое сложное, мучительное отношение к последнему царю и последнему царствованию философ даже назвал «трагической эротикой».

Показательно, что так писал один из авторов известных сборников «Вехи» и «Из глубины», книг, заложивших основы популярной ныне традиции интерпретации Российской революции, объясняющей ее пагубным воздействием русской интеллигенции и интеллигентской культуры. Между тем мемуарное признание самого Булгакова, подтверждаемое многими другими источниками, свидетельствует о том, что у революции были и иные корни.

Исследование культуры эпохи Мировой войны показывает, что случай С. Булгакова не был исключительным. Подобно ему, немало людей страдали оттого, что, вопреки своему искреннему желанию, они просто не могли любить своего царя. Без радости они воспринимали падение монархии, с тревогой смотрели в будущее, однако поддерживать последнего императора, любить его через силу они уже не могли.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Тан. А.Ф. Керенский. Любовь русской революции // Герои дня: Биографические этюды. 1917. №1. С. 1—2. Рукописный вариант очерка именовался «Первая любовь революции А.Ф. Керенский». См.: Николаев А.Б. IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (Научно-практический семинар 11 декабря 2007 года). СПб., 2008. С. 206.*

² *Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987. 503 p.*

³ *Schierle I. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: The Concept of Otechestvo // Eighteen Century Russia: Society, Culture, Economy / Eds. R. Barlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007. P. 283—296.*

⁴ *Булгаков С. Мое безбожие // Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Paris, 1991. С. 28.*

⁵ *Булгаков С. Агония // Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. С. 75.*

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 82.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1922.

⁹ См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. 1995. Русский перевод соответствующей главы: Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация») // Американская русистика. Самара, 2001. С. 250—329.*

¹⁰ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтов // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 95—96.

Глава I

Образы монархии и политические слухи

¹ *Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, NJ, 1995; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, NJ, 2000 (перевод: Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра I до смерти Николая I; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004).*

² *Bloch M. Les rois thaumaturges: étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris, 1924 (перевод:*

Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998); *Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study of Medieval Political Theology.* Princeton, 1957.

³ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (До конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Т. XXVIII (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 414). С. 3—36; *Живов В.М., Успенский Б.М.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избр. труды. М., 1996. Т. I. С. 205—337.

⁴ *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти. СПб., 2007.

⁵ Об этом я упоминал в своей книге: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

⁶ *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти. СПб., 2007. С. 39.

⁷ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (Период двоевластия). Л., 1973.

⁸ *Furet F.* Penser la Révolution française. Paris, 1978 (русский перевод: 1998); *Darnton R.* Literary Underground of the Old Regime. Cambridge, Mass., 1982; *Van Kley D.* The Damiens Affair and the Unraveling of the Old Regime, 1750 — 1770. Princeton, 1984; *Hunt L.* Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkley, 1984; *Chartier R.* Les origines culturelles de la Révolution française Paris, 1990 (русский перевод: 2001); *Merrick J.W.* The Desacralization of the French Monarchy in the Eighteenth Century. Baton Rouge, 1990; *Baker K.* Inventing the French Revolution. Cambridge, 1991; *Farge A.* Dire et mal dire: L'opinion publique au XVIIIe siècle. Paris, 1992 (английский перевод: 1994); *Graham L.J.* If the King Only Knew: Seditious Speech in the Reign of Louis XV. Charlottesville, 2000; *Duprat A.* Les rois de papier: La caricature de Henri III à Louis XVI. Paris, 2002.

⁹ *Lefebvre G.* La grande Peur de 1789. Paris, 1932.

¹⁰ *Jacob Louis.* La Grande Peur en Artois // Annales historiques de la Révolution française. 1936. P. 123—148; *Rudé G.* Introduction // Lefebvre G. The Great Fear: Rural Panic in Revolutionary France. New York, 1973; *Revel J.* La Grande Peur // Dictionnaire critique de la Révolution française / Ed. F. Furet; M. Ozouf. Paris, 1988; *Clay R.* The Ideology of the Great Fear: The Soissonnais in 1789. Baltimore, 1992; *Tackett T.* La Grande Peur et le Complot Aristocratique sous la Révolution Française // Annales historiques de la Révolution française. 2004. № 335. P. 1—17.

¹¹ *Horne J., Kramer A.* German Atrocities, 1914: A History of Denial. New Haven; London, 2001.

¹² Revue de synthèse historique. 1921. Т. 33. P. 13—35.

¹³ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 72; *Ле Гофф Ж.* Предисловие // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 16—19.

¹⁴ *Блок М.* Апология истории. М., 1973. С. 60.

¹⁵ *Козаковцев С.В.* Первая мировая война в письмах воинов-вятичей // Военно-исторический журнал. 2007. № 4. С. 52.

¹⁶ *Гофштетер И.* В царстве сплетен и кошмаров // Новое время. 1917. 4 января.

¹⁷ *Vuxhoeffden S.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia: A Biography. London; New York; Toronto, 1928. P. 213.

¹⁸ Новое время. 1914. 24, 29, 31 июля.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Д. 1057. Л. 754.

²¹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II and the Empress Alexandra (April 1914—March 1917) / Ed. by Joseph T. Fuhrmann. Westport (Conn.); London, 1999. P. 193.

²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1422.

²³ Государственная Дума. 4-й созыв: Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия 4-я. Пг., 1915. Стб. 114.

²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. 1063. Л. 1400; Д. 1064. Л. 1409.

²⁵ *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке, 1914—1915. Минск, 2003. Т. 1. С. 278.

²⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 756.

²⁷ Там же. Л. 758.

²⁸ Там же. Д. 995. Л. 1463.

²⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 43, 52, 55, 188.

³⁰ Новое время. 1914. 30 июля, 5 августа; *Врангель Н.Н.* Дни скорби. Дневник 1914—1915 годов. СПб., 2001. С. 43.

³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 702.

³² Kansallisarkisto (Helsinki). Русские военные бумаги. № 17230: Особая финляндская военно-цензурная комиссия. Гельсингфорсский военно-цензурный пункт. Рапорты и отчеты.

³³ Ранее аналогичные слухи распространялись в Великобритании: многие жители этой страны были убеждены, что десятки тысяч русских солдат, переброшенных на помощь союзникам из Архангельска, высаживались в портах Шотландии, чтобы затем направиться во Францию и в Бельгию. См.: Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю) / Ред. и вступ. ст. В.П. Семенникова. Л.; М., 1925. С. 94.

³⁴ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916 г. М., 1924. С. 186.

³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 302.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 763. Л. 106. Ходили слухи и о том, что русскими войсками, сражающимися под Либавой, командовал японский генерал (Там же. Л. 113). Слухи о прибытии японских войск вновь возникли в августе 1917 года: *Wright J. Butler.* Witness to Revolution: The Russian Revolutionary Diary and Letters of J. Butler Wright / Ed. W. Th. Allison. Westport (Conn.); London, 2002. P. 120.

³⁷ *Иванов Ю.* Вы слышали... (Слухи и страхи уездной России) // Родина. 2006. №7. С. 62.

³⁸ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г.—февраль 1917 г.): Сб. документов / Ред. А.М. Анфимов. М.; Л., 1965. С. 431.

- ³⁹ Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 429.
- ⁴⁰ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 44, 45.
- ⁴¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 402; Новое время. 1914. 5 августа.
- ⁴² Wega. Шептуны // Вечернее время. 1915. 7 февраля.
- ⁴³ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 21, 44, 125, 215, 231, 260, 311, 336, 343; Самохин К.В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). СПб., 2004. С. 91—92.
- ⁴⁴ Об этом сообщалось в письмах, перехваченных цензурой. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1133; Д. 1058. Л. 802; Д. 1064. Л. 1461.
- ⁴⁵ Новое время. 1914. 12 июля.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 201 об. — 202.
- ⁴⁷ Буржуазия накануне Февральской революции / Подг. Б.Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 125—126.
- ⁴⁸ Головин Н.Н. Российская контр-революция в 1917—1918 гг. Ч. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. [Таллинн], 1937. Кн. 1. С. 15, 24.
- ⁴⁹ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания переводчиков охранных отделений / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 110.
- ⁵⁰ Побережников И.В. Слухи как фактор крестьянского движения в Западной Сибири XVIII — первой половине XIX в. // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1990; *Его же*. Общественные настроения в уральской деревне XVIII—XIX вв. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2; *Его же*. Слухи в социальной истории: Типология и функции (По материалам восточных регионов России, XVIII — XIX вв.). Екатеринбург, 1995; *Поветьев В.В.* Слухи в тамбовской деревне в период Первой мировой войны // Война и общество: Материалы международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов 25 февраля 1999 г. Тамбов, 1999. С. 23—24; *Аксенов В.Б.* Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник, 2004. М., 2005. С. 163—200.

Глава II

Изучение слухов: некоторые источники

- ¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. С. 10.
- ² ОР ИРЛИ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 15. Л. 47 (*Лемке М.К.* Дневник (№16), 1914 — 1915 гг.).
- ³ Павлова М.М. Из небытия // Наше наследие. 1990. №6 (18).
- ⁴ Гиппиус З.Н. Синяя книга: Петербургский дневник, 1914—1918. Белград, 1929. С. 5—6.
- ⁵ ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- ⁶ Подробнее см.: *Колоницкий Б.* К вопросу об источниках «Синей книги» З.Н. Гиппиус // Русская эмиграция: Литература, история, кинолетопись (Ма-

териалы международной конференции, Таллинн, 12—14 сентября 2002) / Ред. В. Хазан, И. Белобровцева, С. Доценко. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 23—34.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 342, 364—365 об.

⁸ *Локтева Н.А.* Фронтовые письма как источник для изучения морально-го и патриотического духа солдат Первой мировой войны (По документам Госархива Самарской области) // *Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7—8 сентября 2004 года* / Отв. ред. В.П. Козлов. М., 2006. С. 101.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 345 об., 353.

¹⁰ *Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению Империалистической и Гражданской войны)* / Ред. А. Максимов. Казань, 1932. С. 24, 41.

¹¹ Цит. по: *Покровский М.Н.* Империалистическая война: Сб. статей, 1915—1927. С. 234.

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 1.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 814. Л. 345 об.

¹⁴ *Астахов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // *Отечественная история*. 2003. № 2. С. 72—86.

¹⁵ *Солдатские письма в годы мировой войны (1915—1917 гг.)* // *Красный архив*. 1934. Т. 4—5.

¹⁶ Затем информация подвергалась дальнейшей фильтрации. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов показывал: «Перлюстрация, по моему впечатлению, приносит мало пользы, в смысле ознакомления с настроением общества. ... За время моего управления наиболее интересные письма касались событий, связанных со смертью Распутина; они давали понятие об отношении великих князей и знати к убийству и, в связи с ним, — к царше. Такие письма я доводил до ее сведения; иногда представлял и царю, если в письмах его резко не осуждали» (Гибель монархии: [Сб.] / Вел. князь Николай Михайлович, Михаил Владимирович Родзянко, Вел. князь Андрей Владимирович, Александр Дмитриевич Протопопов; [Сост.: А. Либерман, С. Шокарев]. М., 2000. С. 457—458).

¹⁷ Николай II и Ко. Из журнала «Будущее» // *Народная пива*. Гельсингфорс, 5 (18) мая.

¹⁸ Об антимонархической темс в массовой культуре 1917 года см.: *Hennway E.J.* Nicholas in Hell: Rewriting the Tsarist Narrative in the Revolutionary Skazky of 1917 // *The Russian Review*. 2001. Vol. 60. P. 185—204; *Аксенов В.Б.* 1917 год: Социальные реалии и киносюжеты // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 8—21.

¹⁹ *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века: Автореф. ... к.и.н. М., 1998; *Его же.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. 293 с.; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. 720 с.; *Побережников И.В.* Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989; *Его же.* Дела об оскорблении императорской фамилии (Сибирь, вторая половина XIX века) // *Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания*. Новосибирск, 2000. С. 383—390; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное по-

ведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Безгин В.Б.* «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (Крестьянский монархизм конца XIX — начала XX века) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического ун-та: Сб. науч. ст. СПб., 2004. Вып. 2. С. 29—34; *Его же.* Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов, 2004. С. 127—131; *Дунаева Н.А.* Отношение российского крестьянства к царю (На рубеже XIX — XX веков) // Платоновские чтения (Материалы VIII Всероссийской конференции молодых историков, г. Самара, 6—7 декабря 2002 г.). Самара, 2003. С. 90; *Кирьянов И.К.* Политическая культура русского крестьянства в период капитализма (По уральским материалам) // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1990. С. 100—115; *Колотильщикова Е.А.* Дела об оскорблении его императорского величества и лиц царствующего дома как источник изучения крестьянского сознания в конце XIX — начале XX в. (По материалам Тверской губернии) // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект (Материалы XVII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16—17 мая 2005 г.). СПб., 2005. Ч. 1. С. 142—147; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008. 678 с. Одна из самых ранних работ по данной теме: *Иванов Л.М.* Дела о привлечении крестьян к ответственности по 103-й и 246-й статьям как источник для изучения крестьянских настроений накануне первой революции // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. VII—VIII. С. 119—134.

Глава III

Дела по оскорблению членов императорской семьи: особенности преступления и особенности источника

¹ Уголовное уложение. СПб., 1903. С. 35—37.

² *Колотильщикова Е.А.* Дела об оскорблении его императорского величества. С. 143.

³ *Безгин В.Б.* «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (Крестьянский монархизм конца XIX — начала XX в.). С. 30—31.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 319, 350 об. — 351; ЦДАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3299, 3310, 3503, 3504.

⁵ *Алексеева М.А.* Новгородское губернское жандармское управление (1867—1917 гг.): Автореф. дис. ... к.и.н. Великий Новгород, 2007. С. 19.

⁶ *Тарновский Е.Н.* Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905—1912 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1915. №10. С. 43, 47, 63—64. Национальная принадлежность представителей «господствующей нации» в делах по оскорблению не всегда указывалась. Лишь в некоторых случаях отмечалось — «русский», «малоросс», «белорус». Напротив, когда речь шла о других этнических группах, национальность указывалась как правило. О деле Бурцева см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 489—490.

⁷ *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 162.

- ⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 310 об. — 311, 321об., 387.
- ⁹ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 21 об.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 36; Оп. 521. Д. 476. Л. 170 об. — 171.
- ¹¹ ГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 8762. Л. 43. Сообщено Н.А. Дунаевой.
- ¹² Там же. Л. 27. Сообщено Н.А. Дунаевой.
- ¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 11 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 34. Другой вариант частушки: «Еду из Сибири в Россию, ...царя и мать его Марию»: Там же. Л. 514. Можно предположить, что эта песня, упоминавшая мать императора, появилась под влиянием какого-то богохульного стиха.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 286 об. — 287.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1421—1421 об.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 317 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 371об.—372 (краткое описание дела, составленное для представления министру юстиции); ЦДИАУК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 697. Л. 5—5 об., 6, 15, 30, 31, 36, 60, 70, 80, 81, 85, 92, 96, 113 (материалы следствия).
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 335 об.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 36—37 об.; *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 106.
- ²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 157.
- ²² Там же. Л. 283—283 об., 345.
- ²³ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 13 об.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 27—31 об.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 349 об., 437—437 об.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1917). Д. 12. Л. 248.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 37.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 458. Л. 19—22.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 392.
- ³⁰ Там же. Л. 198.
- ³¹ Там же. Л. 327.
- ³² Там же. Л. 16.
- ³³ ГАУО. Ф. 1. Оп. 92. Д. 13. Л. 3. Сообщено Н.А. Дунаевой.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 366—367.
- ³⁵ Там же. Л. 166. Такая провокация использовалась и в советское время. Во Львовской области недовольные покупатели заявили продавщице-венгерке, что она могла бы выучить «язык Ленина» (возможно, им вспомнилось известное стихотворение Маяковского). Она заявила, что плюет и на язык, и на вождя. Последовал донос. См.: 58.10: Надзорныс производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Аннот. кат., март 1953—1958 / Ред. В.А. Козлов, С.В. Мироенко; Сост. О.В. Эдельман и др. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1999. С. 22.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 141.
- ³⁷ Там же. Л. 249 об.
- ³⁸ Там же. Л. 324.

³⁹ Там же. Л. 311—311 об. Ввиду принятия Иллариона на военную службу дело о нем приостановлено.

⁴⁰ Там же. Л. 323 об. — 324.

⁴¹ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 45об.; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 55. Д. 114. Л. 1—1 об.

⁴² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 245.

⁴³ Там же. Л. 322 об. — 323.

⁴⁴ Там же. Л. 393 об. — 394.

⁴⁵ Там же. Л. 399—399 об. Рябинин за совершенное преступление был заключен в крепость на четыре месяца.

⁴⁶ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1916). Д. 59.

⁴⁷ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 401.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 12. Л. 297—298.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 8.

⁵⁰ В 1913 году было возбуждено 14 291 следствие за лжеприсягу, лжесвидетельство и ложный донос. А статья за «недонесение» фактически «не работала» — не было возбуждено ни одного дела. См.: Общий обзор статистических сведений о деятельности судебных установлений за 1913 год / Изд-е 1-го Департамента Министерства юстиции по 3-му делопроизводству Статистического отделения. Пг., 1915. С. 20, 22.

⁵¹ *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России, 1700—1740 гг. М., 2000. С. 32—33.

⁵² См.: Падение преступности // Новое время. 1914. 25 августа.

⁵³ Новое время. 1915. 16, 17 июля; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1727.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 394 об. — 395.

⁵⁵ ЦДАУК. Ф. 317. Оп. 1.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания. С. 415; *Буржуазия накануне Февральской революции.* С. 77.

⁵⁷ *Тарновский Е.Н.* Война и движение преступности в 1911—1916 гг. // Сб. статей по пролетарской революции и праву. Пг., 1918. №1. С. 100, 104, 105.

⁵⁸ Так, генерал В.Ф. Джунковский, товарищ министра внутренних дел, вспоминал о том, как запасными солдатами, призванными на военную службу, был убит полицейский пристав. Если судить по воспоминаниям, то он, жандармский генерал, один из руководителей ведомства, отвечавшего за общественную безопасность империи, не предпринял никаких мер, чтобы найти убийцу. Да и как бы отреагировали на это согни присутствовавших солдат, многие из которых взирали на генерала исподлобья, «со зверскими лицами»? (*Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 376—377).

⁵⁹ ЦДАУК. Ф. 1072. Оп. 4. Д. 4. Л. 8.

⁶⁰ Т.А. Павленко выявила 15 случаев оскорбления членов императорской семьи в Государственном архиве Краснодарского края. Лишь один из этих случаев фигурирует в известной нам сводке, хранящейся в РГИА.

Глава IV

Лики «державного вождя»:

Образы Николая II в годы Первой мировой войны

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 12—12 об.

² Новое время. 1914. 21 июля; Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К. Зверева. М., 2006. С. 13.

³ Вечернее время. 1915. 20 июля. (Прибавление); Царские слова к русскому народу: Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. Пг., 1914.

⁴ Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Вступ. ст., коммент. Э. Матониной. М., 1998. С. 343.

⁵ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.) / Сост. Генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. VIII—IX; Отрывки из воспоминаний полковника О.И. Пантюхова // Гвардейские стрелки (История гвардейской стрелковой дивизии): Сб. материалов. Царское Село, 2005. С. 165; Августейшие сестры милосердия. С. 13.

⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. С. 14—15.

⁷ Жильяр П. Император Николай II и его семья: Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г. (По личным воспоминаниям). Л., 1990. С. 94.

⁸ Новое время. 1914. 22 июля; Хроника «Женского дела» // Женское дело. 1914. № 15 (1 августа). С. 22.

⁹ Петербургская газета. 1914. 10 августа; Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь. Пг., 1916.

¹⁰ См. фотографию К. Буллы: Нива. 1914. № 31 (2 августа). С. 618.

¹¹ Новое время. 1914. 14—19 июля.

¹² Новое время. 1914. 21 июля; Родзянко М.В. Крушение империи. Февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 104.

¹³ Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США, 1876—1918. М., 2007. С. 111.

¹⁴ ...царствуй на славу // Новый край. Львов, 1915. 9 апреля. Статья была опубликована в день прибытия царя во Львов. Автор тем самым призывал львовян повторить столичную церемонию, ставшую уже легендарной.

¹⁵ Булгаков С. Агония // Булгаков С. Автобиографические заметки. С. 86.

¹⁶ Новое время. 1914. 5 августа.

¹⁷ Арбатский Ф.П. Царствование Николая II. М., 1917. С. 24.

¹⁸ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. С. 16.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1692.

²⁰ Цит. по: Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. II: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 688.

²¹ Новое время. 1914. 23, 24, 26 июля; 18 августа.

²² Новое время. 1914. 24, 25, 30 июля; 22 августа.

²³ Новое время. 1914. 5 августа.

- ²⁴ Вечернее время. 1915. 26 июля.
- ²⁵ Мировые войны XX века. Кн. 2: Первая мировая война (Документы и материалы) / Науч. рук. Б.М. Туполев; Отв. ред. В.К. Шашилло; Сост. А.П. Жилин. М., 2002. С. 101. Утверждали, что эти слова были внесены в манифест по инициативе А.В. Кривошеина: *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 88—89.
- ²⁶ Нива. 1915. №16 (18 апреля). С. 301.
- ²⁷ *Кречетов С.* С железом в руках, с крестом в сердце. Пг., 1915. 156 с.; *Муйжель В.* С железом в руках, с крестом в сердце (На восточно-прусском фронте). Пг., 1915. 264 с.
- ²⁸ Искры. 1914. №43 (2 ноября). С. 339.
- ²⁹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. XI; *Родзянко М.В.* Крушение империи. С. 104—106; Новое время. 1914. 27 июля.
- ³⁰ Огонек. 1914. № 31. 3 (16 августа).
- ³¹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. XII.
- ³² Великий исторический день // Искры. 1914. №30 (3 августа). С. 236—237; *Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 105.
- ³³ *Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная Дума... С. 107.
- ³⁴ *Меньшиков М.* Письма к ближним. Должны победить // Новое время. 1914. 27 июля.
- ³⁵ Вечернее время. 1915. 1 августа; Новое время. 1914. 27 июля.
- ³⁶ *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С. 6; Новое время. 1914. 22 июля.
- ³⁷ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. XIII.
- ³⁸ Газета-копейка. 1914. 5 (18) августа; Новое время. 1914. 4, 5 августа.
- ³⁹ Новое время. 1914. 4 августа; *Жильяр П.* Император Николай II и его семья: Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург; май 1918 г. С. 96—97.
- ⁴⁰ *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция (1914—1917). Минск, 2004. С. 8.
- ⁴¹ Огонек. 1914. № 33. 17 (30 августа). Обложка.
- ⁴² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. XIII—XVI.
- ⁴³ Там же. С. I (паг. 1-я), 1—2, 4.
- ⁴⁴ *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти, 1831—1917. СПб., 2007. С. 9, 216—217.
- ⁴⁵ ЦДИАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3463. Л. 4.
- ⁴⁶ Новое время. 1915. 26 августа.
- ⁴⁷ ЦДИАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3462. Л. 11.
- ⁴⁸ Новое время. 1915. 14 августа.
- ⁴⁹ *Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? (Россия, 1861—1917): Материалы международного colloquiuma истори-

ков. СПб., 1992. С. 18—30. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. II: От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 656.

⁵⁰ Новое время. 1914. 21 июля; Газета-копейка. 1914. 21 июля (3 августа). Войска Московского гарнизона, выстроенные шпалерами для встречи императора, также были в походной форме. См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 385—386.

⁵¹ Kriegsalbum. 22 Sonderheft der in der «Woche». Berlin, 1914. S. 3; 24 Sonderheft der in der «Woche». 1915. S. 5.

⁵² Огонек. 1914. №34. 24 августа (6 сентября).

⁵³ Дневники императора Николая II / Ред. К.Ф. Шацилло. М., 1991. С. 603.

⁵⁴ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. 5.

⁵⁵ Летопись войны 1914—1915 гг. №21. С. 330.

⁵⁶ Вечернее время. 1915. 4 февраля.

⁵⁷ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 277—273.

⁵⁸ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.) / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. 75.

⁵⁹ Новый край. Львов, 1915. 12 апреля.

⁶⁰ Летопись войны 1914—1915 гг. № 48. 18 июля; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь — июнь 1915 г.). 1-я вклейка.

⁶¹ ЦДАУК. Ф. 1072. Оп. 4. Д. 4. Л. 6.

⁶² Солнце России. 1915. № 284 (29). Июль. С. 8—9.

⁶³ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.) / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. 50.

⁶⁴ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1988. С. 245.

⁶⁵ Августейшие сестры милосердия. С. 22; Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. III. С. 4. См. также с. 24: «...сотни людей радуются, что скоро увидят тебя...»

⁶⁶ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. 10; Летопись войны 1914 года. № 8. 11 октября. С. 123; Нива. 1914. № 41. 11 октября. С. 780—781. Огонек. 1914. № 41. 12 (25) октября.

⁶⁷ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. 13.

⁶⁸ Синий журнал. 1915. № 30 (25 июля). С. 3.

⁶⁹ Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. III. С. 17, 20, 23.

⁷⁰ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. С. 16—17.

⁷¹ Kriegsalbum. Band 3. 24 Sonderheft der in der «Woche». Berlin, 1915. S. 28.

⁷² Для российских феминисток это был важный знак прогресса. См.: Женское дело. 1916. № 20 (15 октября). С. 5.

⁷³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 142.

⁷⁴ Там же. Л. 224 об. — 225.

⁷⁵ Там же. Л. 240 об.

⁷⁶ *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. С. 17.

⁷⁷ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 427—428.

⁷⁸ Летопись войны 1914 года. № 8. 11 октября. С. 135; Дневники императора Николая II. С. 488.

⁷⁹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 85.

⁸⁰ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 133.

⁸¹ *Махаров Ю.* Моя служба в старой гвардии, 1905—1917 (Мирное время и война). СПб., 2001. С. 414.

⁸² Дневники императора Николая II. С. 504; Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. III. С. 90; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 177—186.

⁸³ *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. С. 692.

⁸⁴ The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie / Ed. E.J. Bing. London, 1937. P. 289.

⁸⁵ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 12.

⁸⁶ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 51.

⁸⁷ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 32.

⁸⁸ Огонек. 1914. № 52. 25 декабря (7 января).

⁸⁹ Огонек. 1915. № 1. 4 (17) января; Кошунства германцев в Бельгии. Огонек. 1915. № 13. 29 марта (11 апреля); Огонек. 1915. № 26. 28 июня (11 июля).

⁹⁰ Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. III. С. 15.

⁹¹ Там же. С. 47.

⁹² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 124—125.

⁹³ *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. С. 112.

⁹⁴ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем / Сообщ. И.А. Блинов // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 38.

⁹⁵ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 88—90. Показательно, что опасности, ожидавшие русского царя, еще более преувеличивали в своих воспоминаниях некоторые лица, его сопровождавшие. См.: *Ящик Т.К.* Рядом с императрицей: Воспоминания лейб-казака. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 62.

- ⁹⁶ *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. С. 102.
- ⁹⁷ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583 Оп. 1. Д. 1027. Л. 3, 15. Сообщено Т.А. Павленко.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 334.
- ⁹⁹ Там же. Л. 368 об.
- ¹⁰⁰ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 32, 127.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 203.
- ¹⁰² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1989.
- ¹⁰³ ЦДИАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3627. Л. 1—10, 12, 15—16 об., 19, 39, 314, 315, 456; Ф. 707. Оп. 229 (1915). Д. 2. Ч. 2. Л. 51.
- ¹⁰⁴ ЦДИАУК. Ф. 707. Оп. 229 (1915). Д. 2. Ч. 2. Л. 53.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 54.
- ¹⁰⁶ Финляндская газета. Гельсингфорс, 1915. 27 февраля; *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. С. 73—74.
- ¹⁰⁷ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем. С. 38.
- ¹⁰⁸ Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. III. С. 136.
- ¹⁰⁹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 534.
- ¹¹⁰ Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. III. С. 149; *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II*. P. 104.
- ¹¹¹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 535—536; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 172—173.
- ¹¹² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 91.
- ¹¹³ *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. С. 95—96.
- ¹¹⁴ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 101—102.
- ¹¹⁵ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 538—540; *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 174—177.
- ¹¹⁶ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 103.
- ¹¹⁷ Новое время. 1915. 11 апреля; ЦДИАК. Ф. 361. Оп. 1. Ч. 1. Д. 313. Л. 16, 17, 18, 24, 25.
- ¹¹⁸ Огонек. 1915. № 18. 3 (16) мая; Новое время. 1915. 11 апреля.
- ¹¹⁹ А.К. 9 апреля 1915 г. // Львовское военное слово. 1915. 9 апреля.
- ¹²⁰ Новое время. 1915. 11, 18 апреля; Новый край. Львов, 1915. 9 апреля.
- ¹²¹ Новый край. Львов, 1915. 11 апреля.
- ¹²² Новое время. 1915. 15, 18 апреля.
- ¹²³ Новый край. Львов, 1915. 10 апреля.
- ¹²⁴ *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 292.
- ¹²⁵ *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. С. 101; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 110—121, 140.

- ¹²⁶ *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. С. 104—105; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 543—545; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 134.
- ¹²⁷ Патриотическая речь эсдека // Новое время. 1914. 30 июля.
- ¹²⁸ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 160.
- ¹²⁹ Там же. С. 169.
- ¹³⁰ *Толстой И.И.* Дневник, 1906—1916. СПб., 1997. С. 639.
- ¹³¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 417—417 об.
- ¹³² The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 136.
- ¹³³ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 — февраль 1916 г.) / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1916. С. 6.
- ¹³⁴ *Толстой И.И.* Дневник, 1906—1916. С. 659, 663.
- ¹³⁵ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915—февраль 1916 г.). С. 2.
- ¹³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1027. Л. 591; Д. 1028. Л. 1133.
- ¹³⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 274 об.
- ¹³⁸ Там же. Л. 542— 542 об.
- ¹³⁹ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 36 об. — 37.
- ¹⁴⁰ *Толстой И.И.* Дневник, 1906—1916. С. 663.
- ¹⁴¹ Тяжелые дни. С. 53.
- ¹⁴² Летопись войны 1914—1915 гг. № 48. 18 июля.
- ¹⁴³ Солнце России. 1915. № 282 (27). Июль. С. 10. Фотография воспроизводилась и в других иллюстрированных изданиях.
- ¹⁴⁴ Синий журнал. 1915. № 30 (25 июля). С. 3.
- ¹⁴⁵ Год войны // Искры. 1915. № 28 (19 июля). С. 216.
- ¹⁴⁶ Новое время. 1915. 19 июля.
- ¹⁴⁷ Новое время. 1915. 20, 29 июля.
- ¹⁴⁸ Тяжелые дни. С. 18.
- ¹⁴⁹ *Бубнов А.* В царской ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 36—37.
- ¹⁵⁰ *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 130.
- ¹⁵¹ *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 79.
- ¹⁵² Дневники императора Николая II. С. 541—542.
- ¹⁵³ Тяжелые дни. С. 52—56.
- ¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1022. Л. 1091.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 68.
- ¹⁵⁶ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914—1920, 1923 годы) / Сост., науч. ред. Ю.В. Кудрина. М., 2005. С. 89, 90.
- ¹⁵⁷ Императрица Мария Федоровна: Жизнь и судьба. СПб., 2006. С. 48.
- ¹⁵⁸ Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л.; М., 1925. С. 72.

- ¹⁵⁹ Там же. С. 77.
- ¹⁶⁰ *The Russian Diary of an Englishman*. London, 1919. P. 18—19; *Палеолог М.* Дневник посла. С. 350.
- ¹⁶¹ *Новос время*. 1915. 20, 21, 23 августа.
- ¹⁶² Тяжелые дни. С. 85, 86.
- ¹⁶³ Там же. С. 93.
- ¹⁶⁴ Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). М.; Л., 1925. Т. III. С. 254.
- ¹⁶⁵ Тяжелые дни. С. 53.
- ¹⁶⁶ Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. С. 78—79.
- ¹⁶⁷ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года). С. 54, 55, 66—67.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 53, 55, 60, 66.
- ¹⁶⁹ *Бубнов А.* В царской ставке. С. 157.
- ¹⁷⁰ Тяжелые дни. С. 62.
- ¹⁷¹ Там же. С. 86, 95.
- ¹⁷² Там же. С. 54, 55, 60, 68.
- ¹⁷³ Фотографию К.К. Буллы, запечатлевшего моление о даровании победы русскому оружию у Казанского собора, см.: *Нива*. 1915. № 37 (12 сентября). С. 686. Всенародное моление.
- ¹⁷⁴ Летопись войны 1914—1915 гг. № 55. 5 сентября. С. 873, 874.
- ¹⁷⁵ *Огонек*. 1915. № 36. 6 (19) сентября. Затем журнал опубликовал и факсимиле Высочайшего приказа армии и флоту 23 августа 1915 года: *Огонек*. 1915. № 45. 8 (21) ноября.
- ¹⁷⁶ *Искры*. 1915. № 34 (30 августа). С. 265.
- ¹⁷⁷ *Синий журнал*. 1915. № 37 (12 сентября). С. 3.
- ¹⁷⁸ *Огонек*. 1915. № 18. 3 (16) мая; Летопись войны 1914—1915 гг. 1915. № 40. 23 мая. С. 634.
- ¹⁷⁹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 — февраль 1916 г.). С. 19.
- ¹⁸⁰ *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. С. 144; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915—февраль 1916 г.). С. 20.
- ¹⁸¹ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II*. P. 193, 196.
- ¹⁸² *Ibid*. P. 222—223.
- ¹⁸³ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914—1920, 1923 годы). С. 90.
- ¹⁸⁴ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. I. С. 323.
- ¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1240.
- ¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1241.
- ¹⁸⁷ *Родзянко М.В.* Крушение империи. Февральская 1917 года революция. С. 137.
- ¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1254. Очевидно, речь идет об известном физике П.А. Зиллове.

- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1258, 1279.
- ¹⁹⁰ Новое время. 1915. 29 августа.
- ¹⁹¹ Новое время. 1915. 26 августа.
- ¹⁹² *Родзинко М.В.* Крушение империи и Государственная Дума. С. 254.
- ¹⁹³ *Поршинева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 200.
- ¹⁹⁴ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 260.
- ¹⁹⁵ Дневник Л.А. Тихомирова / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 145—146.
- ¹⁹⁶ Гибель монархии: [Сб.]. С. 357.
- ¹⁹⁷ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 206—207.
- ¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1244.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 1264.
- ²⁰⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 38, 190—190 об., 306, 526—526 об.
- ²⁰¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1224.
- ²⁰² *Булгаков С.* Агония // Булгаков С. Автобиографические заметки. С. 87.
- ²⁰³ Летопись войны 1914—1915 гг. № 60. 10 октября. С. 957; *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. С. 114—115; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915—февраль 1916 г.). Вкл. перед с. 1.
- ²⁰⁴ Огонек. 1915. № 45. 8 (21) ноября; Летопись войны 1914—1915 гг. № 67. 28 ноября. С. 1067.
- ²⁰⁵ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 — февраль 1916 г.). С. 17; «Я не заключу мира, пока мы не изгоним последнего неприятельского война» / Сост. генерал-майор Дм. Дубенский. Пг., 1916. 1 с.
- ²⁰⁶ Солнце России. 1916. № 304. (1). Январь. С. 1.
- ²⁰⁷ Там же. С. 2—6.
- ²⁰⁸ Нива. 1916. № 2 (9 января). С. 38. Царская Ставка.
- ²⁰⁹ Искры. 1916. № 26 (3 июля). С. 200 (обложка).
- ²¹⁰ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г. — февраль 1916 г.). С. 63. Штируется также в издании Дубенского: Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 102. С. 1629.
- ²¹¹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г. — февраль 1916 г.). С. 59, 61, 63.
- ²¹² Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.). Т. III. С. 255.
- ²¹³ *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. С. 563.
- ²¹⁴ Летопись войны 1914 года. № 9 (18 октября). С. 146—147.
- ²¹⁵ «Я не заключу мира, пока мы не изгоним последнего неприятельского война» / Сост. генерал-майор Дм. Дубенский. Пг., 1916. 1 с.
- ²¹⁶ Новое время. 1915. Прибавление к № 14135. 18 июля.

- ²¹⁷ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 125.
- ²¹⁸ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г. — февраль 1916 г.). С. 70.
- ²¹⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 259.
- ²²⁰ Летопись войны 1914—1915 гг. № 62. 24 октября. С. 987.
- ²²¹ *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция. С. 197.
- ²²² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г. — февраль 1916 г.). С. 75.
- ²²³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 16.
- ²²⁴ Там же. Л. 144—144 об.
- ²²⁵ ЦДАУК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 1791. Л. 1, 1 об., 3 об., 11, 16, 16 об., 37, 38.
- ²²⁶ Летопись войны 1914—1915 гг. № 61. 17 октября. С. 969; № 62. 24 октября. С. 987.
- ²²⁷ Огонек. 1915. № 42. 18 (31) октября. С. 1.
- ²²⁸ Летопись войны 1914—1915 гг. № 65. 14 ноября. С. 1033. См. также: С. 1035, 1037. Летопись войны 1914—1915 гг. № 66. 21 ноября. С. 1050.
- ²²⁹ Дневники императора Николая II. С. 553.
- ²³⁰ Летопись войны 1914—1915 гг. № 67. 28 ноября. С. 1066; Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 102. 30 июля. С. 1625.
- ²³¹ Воспроизведение на открытке соответствующего портрета работы М. В. Рундальцова см.: *Боханов А. Н.* Николай II. М., 2002. С. 185.
- ²³² ЦДАУК. Ф. 707. Оп. 259. Д. 80а. Л. 346—346 об. Стоимость портрета составляла 3 рубля с упаковкой и пересылкой.
- ²³³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 435 об. — 436.
- ²³⁴ ЦДАУК. Ф. 274. Оп. 4. Д. 548. Л. 61 об.
- ²³⁵ Огонек. 1916. № 10. 13 (26) марта. С. 1.
- ²³⁶ Августейшие сестры милосердия. С. 183.
- ²³⁷ Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 119. 26 ноября. С. 1911; *Боханов А. Н.* Николай II. С. 168.
- ²³⁸ См.: Царевич // Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 117. 12 ноября. С. 1872—1873.
- ²³⁹ Искры. 1916. № 29 (24 июля). С. 232; Солнце России. 1916. № 338 (32). 30 июля. С. 1. Синий журнал. 1916. № 32 (6 августа). С. 3; Огонек. 1916. № 28. 10 (23) июля.
- ²⁴⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1035. Л. 41—41 об.
- ²⁴¹ Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем. С. 38, 39.
- ²⁴² Нива. 1915. № 33 (15 августа). С. 3.
- ²⁴³ *Кантакузина Ю.* Революционные дни. С. 136.
- ²⁴⁴ Летопись войны 1914—1915 гг. № 63. 31 октября. С. 1001.
- ²⁴⁵ Дневники императора Николая II. С. 554.
- ²⁴⁶ Летопись войны 1914—1915 гг. № 63. 31 октября. С. 1002.
- ²⁴⁷ Николай II и великие князья. С. 95.
- ²⁴⁸ Летопись войны 1914—1915 гг. № 70. 19 декабря. С. 1115, 1128.
- ²⁴⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 290. Там же о том же она писала и в телеграмме, посланной царю.

- ²⁵⁰ Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 73. 9 января. С. 1161; Солнце России. 1916. № 304. (1). Январь. С. 4; Нива. 1916. № 2 (9 января). С. 37.
- ²⁵¹ Летопись войны 1914—1915 гг. № 72. 31 декабря. С. 1145.
- ²⁵² Искры. 1916. № 1 (3 января). С. 1 (обложка).
- ²⁵³ Русские императоры — георгиевские кавалеры // Летопись войны 1914—1915 гг. № 67. 28 ноября. С. 1065. Там же. С. 1066—1067; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г.—февраль 1916 г.). С. 87.
- ²⁵⁴ Летопись войны 1914—1915 гг. № 63. 31 октября. С. 1003.
- ²⁵⁵ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 153; *Рауха Р.Р. фон. Facies Nirrostatis* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 193; Толстой И.И. Дневник, 1906—1916. С. 700.
- ²⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 382 об.
- ²⁵⁷ Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 119. 26 ноября. С. 1911.
- ²⁵⁸ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. С. 227—228. Описание праздника в официальном издании см.: Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г. — февраль 1916 г.). С. 130—134.
- ²⁵⁹ Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 119. 26 ноября. С. 1898.
- ²⁶⁰ Жильяр П. Император Николай II. С. 135—136; «Я не заключаю мира, пока мы не изгоним последнего неприятельского воина» / Сост. генерал-майор Дм. Дубенский. Пг., 1916. 1 с.
- ²⁶¹ ЦДИАУК. Ф. 707. Оп. 259. Д. 80а. Л. 290.
- ²⁶² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 459 об. — 460.
- ²⁶³ ЦДИАУК. Ф. 1680. Оп. 1. Д. 357. Л. 1—10.
- ²⁶⁴ Дневники императора Николая II. С. 613.
- ²⁶⁵ Нива. 1916. № 9 (27 февраля). С. 4.
- ²⁶⁶ Нива. 1916. № 43 (22 октября). С. 3.
- ²⁶⁷ Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 116. 5 ноября. С. 1852.
- ²⁶⁸ Дневники императора Николая II. С. 572.
- ²⁶⁹ Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума. С. 155—157.
- ²⁷⁰ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г. — февраль 1916 г.). С. 219—220.
- ²⁷¹ Родзянко М.В. Крушение империи. Февральская 1917 года революция. С. 155. Письмо Клопова опубликовано Б.М. Витенбергом: Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 280—282.
- ²⁷² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г. — февраль 1916 г.). С. 206.
- ²⁷³ Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 79. 20 февраля. С. 1257; Огонек. 1916. № 8. 21 февраля (5 марта); Нива. 1916. № 9 (27 февраля). С. 153; Солнце России. 1916. № 314. Февраль. С. 8; Искры. 1916. № 8 (21 февраля). С. 57.
- ²⁷⁴ Садыков В. Последний председатель Государственной Думы // Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума. С. 17.

- ²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052. Л. 401, 435.
- ²⁷⁶ Там же. Л. 464.
- ²⁷⁷ Там же. Д. 1053. Л. 523, 587.
- ²⁷⁸ Там же. Д. 1052. Л. 407.
- ²⁷⁹ Там же. Л. 447.
- ²⁸⁰ *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума. С. 155. *Глин-ка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 145.
- ²⁸¹ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 458.
- ²⁸² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1053. Л. 533.
- ²⁸³ Там же. Л. 527.
- ²⁸⁴ ЦДИАУК. Ф. 274. Оп. 4. Д. 548. Л. 85 об.
- ²⁸⁵ Столица и усадьба. 1916. № 55. 1 апреля. С. 18.
- ²⁸⁶ Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 103. 6 августа. С. 1649.
- ²⁸⁷ Путешествие Их Императорских Величеств // Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 92. 21 мая. С. 1465—1468.
- ²⁸⁸ Огонек. 1916. № 6. 7 (20) февраля.
- ²⁸⁹ Искры. 1916. № 8 (21 февраля). С. 58.
- ²⁹⁰ *Дубенский Д.* Царский смотр 30-го марта под Хотинном // Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 88. 23 апреля. С. 1405—1407.
- ²⁹¹ ЦДИАУК. Ф. 274. Оп. 4. Д. 548. Л. 134 об.
- ²⁹² *Мосолов А. А.* При дворе последнего Российского императора: Записки начальника Канцелярии Министерства императорского двора. С. 70.
- ²⁹³ Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 87. 16 апреля. С. 1388.
- ²⁹⁴ Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 80. 27 февраля. С. 1274; Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 79. 20 февраля. С. 1259; Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 84. 26 марта. С. 1337; Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 94. 4 июня. С. 1498; 1916. № 97. 25 июня. С. 1545; 1916. № 98. 2 июля. С. 1561, 1562.
- ²⁹⁵ Синий журнал. 1916. № 6 (6 февраля). С. 7.
- ²⁹⁶ Дневники императора Николая II. С. 582.
- ²⁹⁷ *Пирейко А. С.* В тылу и на фронте империалистической войны (Воспоминания рядового). Л., 1926. С. 17; *Его же.* На фронте империалистической войны (Воспоминания большевика). М., 1935. С. 23.
- ²⁹⁸ *Гребенкин И. Н.* «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. 2007. № 4. С. 52—53.
- ²⁹⁹ Дневники императора Николая II. С. 559, 564.
- ³⁰⁰ Там же. С. 579; Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 88. 23 апреля. С. 1405—1407.
- ³⁰¹ *Брусиллов А. А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 165.
- ³⁰² Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 119. 26 ноября. С. 1898.
- ³⁰³ Летопись войны 1914—1917 гг. 1917. № 126. 14 января. С. 2012.
- ³⁰⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 278 об.
- ³⁰⁵ Там же. Л. 301 об.

- ³⁰⁶ *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916—1917—1918. М., 2003. С. 113.
- ³⁰⁷ *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург (Воспоминания камергера). СПб., 1999. С. 147—148.
- ³⁰⁸ *Гарви П.* Воспоминания: Петербург — 1906 г., Петербург—Одесса—Вена — 1912 г. New York, 1961. С. 20.
- ³⁰⁹ Отрывки из воспоминаний полковника О.И. Пантюхова // Гвардейские стрелки (История гвардейской стрелковой дивизии): Сб. материалов. Царское Село, 2005. С. 122.
- ³¹⁰ Цит. по: *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. С. 476—477.
- ³¹¹ См., например: *Раунах Р.Р. фон.* *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). С. 67, 142, 163, 175.
- ³¹² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 672.
- ³¹³ *Булгаков С.* Агония // Булгаков С. Автобиографические заметки. С. 74.
- ³¹⁴ *Gardiner A.G.* *The War Lords.* London; Toronto, 1915. P. 140.
- ³¹⁵ См.: *Алферьев Е.Е.* Император Николай II как человек сильной воли. 1983. 152 с.
- ³¹⁶ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Июль 1915 г.—февраль 1916 г.). С. 62.
- ³¹⁷ *Романов К.К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 245.
- ³¹⁸ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 218.
- ³¹⁹ Там же. С. 235, 252—253.
- ³²⁰ *Александрова Т.А.* Честь дороже, чем жизнь // Палей, Владимир, князь. Поэзия. Проза. Дневники. М., 1996. С. 11.
- ³²¹ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 538.
- ³²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 500—500 об.
- ³²³ Там же. Д. 1042. Л. 8 об.
- ³²⁴ Императрица Мария Федоровна: Жизнь и судьба. СПб., 2006. С. 49—50.
- ³²⁵ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 243.
- ³²⁶ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 318.
- ³²⁷ *Боханов А.* Николай II. М., 1997. С. 144.
- ³²⁸ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 100.
- ³²⁹ *Ibid.* P. 112.
- ³³⁰ *Ibid.* P. 165, 166—167.
- ³³¹ *Ibid.* P. 172.
- ³³² *Ibid.* P. 216—218, 219.
- ³³³ *Ibid.* P. 370.
- ³³⁴ *Ibid.* P. 404.
- ³³⁵ Гибель монархии: [Сб.]. С. 360.
- ³³⁶ *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 193.
- ³³⁷ СПб. ОА РАН. Ф. 837. Оп. 1. Д. 7. Л. 325 об. (Дневник Рыкачена). Благодарю О.Н. Ансберг, сообщившую мне эти сведения.
- ³³⁸ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка». Т. 2. С. 183.

³³⁹ Раунах Р.Р. фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего). С. 42.

³⁴⁰ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 489–490.

³⁴¹ Об образах царя в зарубежных карикатурах см.: *Despotie in der Karikatur: Die russischer Revolution 1905 bis 1907 im Spiegel der deutschen politischen Karikatur* / Hrsg. L. Stern. Berlin, 1967. S. 46, 47, 52, 54, 58, 59, 60, 68 и др.; *Linhart S. «Niedliche Japaner» oder gelbe Gefahr? Westliche Kriegspostkarten, 1900–1945.* Münster, 2005. 164 s.

³⁴² ЦДИАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3539. Л. 51.

³⁴³ <http://www.wwl-propaganda-cards.com/r010slide.html>. Просмотрено 25 ноября 2007 г.

³⁴⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 18.

³⁴⁵ ГАУО. Ф. 1. Оп. 93. Д. 20. Л. 1–2; Д. 26. Л. 1–2. Благодарю Н.А. Дунаеву, сообщившую мне эти сведения.

³⁴⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 315, 479.

³⁴⁷ *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей модернизации армии и флота 1914 года (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 106.

³⁴⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 473 об.

³⁴⁹ Там же. Л. 194, 495 об. — 496.

³⁵⁰ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 22.

³⁵¹ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 311.

³⁵² Там же. Л. 394 об. В данном случае предположение о том, что император «продает» Россию, не следует воспринимать как обвинение в предательстве. Царь обвиняется в том, что он сдает страну врагу.

³⁵³ Там же. Л. 311 об.

³⁵⁴ Там же. Л. 319, 321 об.

³⁵⁵ Там же. Л. 338 об. — 339.

³⁵⁶ Там же. Л. 148 об., 103.

³⁵⁷ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 36 об. — 37.

³⁵⁸ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 8 об., 177 об. — 178, 188, 223–223 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 93 об.

³⁶⁰ Там же. Л. 360.

³⁶¹ Об этом не упоминается в интересном современном исследовании, посвященном этому аспекту культуры военной поры: *Андреева Т.А.* Образ германского императора Вильгельма II в русской публицистике периода Первой мировой войны // Опыт мировых войн в истории России: Сб. статей / Ред. И.В. Нарский и др. Челябинск, 2007. С. 158–165.

³⁶² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 306 об., 418, 480 об. — 481. Особняком стоит дело неграмотного крестьянина Ковенской губернии И. Стонкуса, который, очевидно, был горячим поклонником германского императора. В разговоре с сельскохозяйственными рабочими он заявил: «Наш ГОСУДАРЬ бедный и нищий. Не может дать солдатам ни одежды, ни кушанья. Прусский государь лучше. Через семь месяцев в Россию придет прусский государь и тогда нам будет лучше». Последовал донос, в доме Стонкуса был произведен обыск. На стене его жилища висели в позолоченных рамах портреты кронпринца Вильгельма и его супруги и вырезанные из журнала картины с изображением императора Вильгельма: Там же. Л. 234–234 об.

- ³⁶³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052. Л. 440.
- ³⁶⁴ ЦДІАУК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 731. Л. 1, 2.
- ³⁶⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 516 об. — 517.
- ³⁶⁶ Там же. Л. 165, 342 об. — 343, 390 об. — 391.
- ³⁶⁷ Синий журнал. 1917. №11 (25 марта). С. 9. Очевидно, в годы войны использовался давний распространенный анекдот. Крестьянин, обвиняемый в оскорблении Николая II, оправдывается: «Это я не про нашего Николая сказал, а про черногорского царя. Он тоже Николай». Урядник, арестовавший его, возражает: «Не морочь мне голову, если дурак, то уж точно наш»: *Синдаловский Н.А. Династия Романовых в зеркале городского фольклора*. М.: СПб., 2007. С. 210.
- ³⁶⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 352.
- ³⁶⁹ Там же. Л. 277 об. — 278.
- ³⁷⁰ Там же. Л. 111.
- ³⁷¹ Там же. Л. 309—309 об., 489 об. — 490.
- ³⁷² Там же. Л. 530 об. — 531.
- ³⁷³ Там же. Л. 286—286 об.
- ³⁷⁴ Там же. Л. 140 об.
- ³⁷⁵ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 34 об., 35.
- ³⁷⁶ Подобная композиция использовалась и на других русских плакатах военного времени. См.: *Norris S.M. Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812—1945*. De Kalb, 2006. P. 148. Интересно, что в этих случаях символом негативной идентификации служат главы враждебных государств, а позитивный образ воплощает русский богатырь, символ народа, а не царь. Если в оскорблениях царя вся ответственность за неудачи возлагается на царя, а не на народ, то на плакатах и карикатурах военного времени все успехи, действительные или предполагаемые, приписываются «народу».
- ³⁷⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 202 об. — 203.
- ³⁷⁸ Там же. Л. 53, 513; *Пунин Н.Н. Дневник царскосела // Наше наследие*. 1998. №47. С. 80.
- ³⁷⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 326—326 об.
- ³⁸⁰ Там же. Л. 420 об. — 421.
- ³⁸¹ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 221.
- ³⁸² *Врангель Н.Н., барон*. Дни скорби. Дневник 1914—1915 годов. СПб., 2001. С. 72—73.
- ³⁸³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 19.
- ³⁸⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 191, 274 об., 437.
- ³⁸⁵ Там же. Л. 271—271 об.
- ³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1280.
- ³⁸⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 93, 124, 265, 416—416 об.
- ³⁸⁸ Там же. Л. 47.
- ³⁸⁹ Там же. Л. 3 об., 247 об.
- ³⁹⁰ *Пирейко А.С.* В тылу и на фронте империалистической войны. С. 24; *Его же.* На фронте империалистической войны. С. 35—36.

- ³⁹¹ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 148—149.
- ³⁹² *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. С. 343.
- ³⁹³ Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции. С. 108—109. Практика выкалывания глаз на портретных изображениях царской семьи была весьма распространена.
- ³⁹⁴ *Каррик В.* Война и революция: Записки, 1914 -- 1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 7/9. С. 51.
- ³⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1019. Л. 727.
- ³⁹⁶ *Кантакузина Ю.* Революционные дни. С. 144.
- ³⁹⁷ *Тайны царского двора и Гришка Распутин. М., 1917. С. 4, 5.*
- ³⁹⁸ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 309.
- ³⁹⁹ Cambridge University Library. Manuscript Room. Hardinge Papers. Vol. 31. P. 214; Vol. 32. P. 249 (Sir G. Buchanan to Lord Hardinge); *Буханцев Г.* Беседа с князем Юсуповым // Новое время. 1917. 14 марта; *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. P. 161.
- ⁴⁰⁰ *Чаадаева О.* Армия накануне Февральской революции. М.; Л., 1935. С. 64.
- ⁴⁰¹ *Прусаков А.П.* Фольклор московских рабочих в предоктябрьское десятилетие // Советская этнография. 1970. № 4. С. 112; Февральская революция и охранное отделение // Былое. 1918. № 1 (29). С. 160.
- ⁴⁰² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 230 об. — 231. Обвиняемый был приговорен к заключению в крепости на один год. Возможно, причиной расследования стал оговор, но разговоры такого рода встречаются и в других делах.
- ⁴⁰³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1916. Д. 9. Л. 271.
- ⁴⁰⁴ *Жданов Л.* Суд над Николаем II. Пг., 1917. С. 28—29, 31, 33, 42 и др.
- ⁴⁰⁵ Николай II-ой Романов: Его жизнь и деятельность, 1894—1914 гг. (По шведским и русским источникам). Пг., 1917. С. 72.
- ⁴⁰⁶ Тайны царского двора и Гришка Распутин. М., 1917. С. 12; см. также: *Бывший иеромонах Иллиодор (Сергей Труфанов).* Святой черт (Записки о Распутине). Изд. 2-е. М., 1917. С. 93 («Распутин и царь боится!»).
- ⁴⁰⁷ *Куприяновский П.В.* Неизвестный Фурманов. Иваново. 1996. С. 51, 100.
- ⁴⁰⁸ «Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов» (Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П.П. Скоропадского) / Лубл. Г.В. Папаккина // Исторический архив. 2002. № 5. С. 146.
- ⁴⁰⁹ *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917—1927 гг.: Становление «Нового человека». СПб., 2003. С. 59.
- ⁴¹⁰ *Сайн-Витгенштейн Е.П.* Дневник (1914—1918). Paris. 1986. С. 143, 148.
- ⁴¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 529 об. — 530.
- ⁴¹² Там же. Л. 342—342 об.
- ⁴¹³ *Койков Е.* Народный гимн // Народная нива. Гельсингфорс, 1917. 21 мая.
- ⁴¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 304; Крестыньское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 293—294, 447.
- ⁴¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967. Л. 105—105 об.
- ⁴¹⁶ ЦДАУК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 218. Л. 295, 296; Ф. 1680. Оп. 1. Д. 227. Л. 96.
- ⁴¹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 222—222 об.

⁴¹⁸ Там же. Л. 148. Особняком стоит случай 14-летнего А. М. Савина, который ранее обучался в Устьсысольском начальном училище, но затем вышел из третьего класса «по малоуспешности», это не помешало ему некоторое время выполнять обязанности волостного писаря. В январе 1915 года на квартире волостного писаря (который, по-видимому, сменил его на этой должности) Савин рассуждал о политике, сравнивая текущую войну с Русско-японской: «Государь с Куропаткиным сдал Порт-Артур японцам, а теперь хочет сдать Петроград немцам». Посмотрев на портрет императора и наследника, он запел песню: «Россия, Россия, жаль мне тебя, бедная, горькая участь твоя. Не будем бояться прохвоста царя». После этого он встал перед портретом на стул, вынул свой половой орган и начал тыкать им в изображения царя и цесаревича. По постановлению суда Савин был помещен в психиатрическую лечебницу для испытания, однако он был признан психически здоровым (Там же. Л. 360—361).

⁴¹⁹ Там же. Л. 42.

⁴²⁰ Там же. Л. 296 об. — 297, 301 об. — 302.

⁴²¹ Там же. Л. 530. См. также: Л. 254 об. — 255, 262, 322.

⁴²² Там же. Л. 346 об. — 347.

⁴²³ Там же. Л. 258.

⁴²⁴ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 4.

⁴²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 261 об. — 262.

⁴²⁶ Там же. Л. 312 об. — 313.

⁴²⁷ Там же. Л. 392 об. — 393.

⁴²⁸ ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 1. Л. 55 (Гиппиус З. Н. Современная записка). Текст, взятый в квадратные скобки, не вошел в издание «дневника». Ср.: Гиппиус З. Н. Синяя книга: Петербургский дневник, 1914—1918. Белград, 1929. С. 38.

⁴²⁹ Бонуа А. Н. Мой дневник. С. 61.

⁴³⁰ К истории последних дней царского режима (1916—1917 гг.) / Публ. П. Садиков // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 246.

⁴³¹ СПб. ОА РАН. Ф. 162 (Стеклов В. А.). Оп. 3. Д. 168. Л. 58. Запись за 17 марта 1917 года.

⁴³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 6 об. — 7.

⁴³³ Дневники императора Николая II. С. 559.

⁴³⁴ Каррик В. Война и революция: Записки, 1914—1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 7/9. С. 33.

⁴³⁵ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 78; Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции. С. 150—151, 152.

⁴³⁶ Васильев А. Т. Охрана: Русская секретная полиция // «Охранка». Т. 2. С. 446.

⁴³⁷ Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917—1918 гг. Ч. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Кн. 1. [Таллинн], 1937. С. 82.

⁴³⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1917). Д. 12. Л. 139.

⁴³⁹ Живое слово. Пг., 1917. 10 марта.

⁴⁴⁰ Фронтовые дневники генерала А. Е. Слесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 54.

- ⁴⁴¹ Новый сатирикон. 1917. № 12. Март. С. 5.
- ⁴⁴² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 7. Д. 11. Л. 43.
- ⁴⁴³ Из дневника генерала В. И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 114.
- ⁴⁴⁴ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 68. Д. 10. Л. 22.
- ⁴⁴⁵ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Muenchen). Abt. IV: Kriegsarchiv. 2 Bay. Landw. Div., Band 5. Akt 9, 11.
- ⁴⁴⁶ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 155. См. также: С. 151.
- ⁴⁴⁷ Там же. С. 152.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 150—151.
- ⁴⁴⁹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 16. Д. 531. Л. 1. Великий князь Дмитрий Павлович писал 23 апреля 1917 года: «...одна фамилия “Романов” теперь синоним всякой грязи, пакости и недобропорядочности» (К истории последних дней царского режима (1916—1917 гг.) / Публ. П. Садиков // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 229).
- ⁴⁵⁰ *Raunax P.P. фон. Facies Hippocratica* (Лик умирающего). С. 96.
- ⁴⁵¹ Так, например, относился к нему Керенский, это отношение изменилось после личного знакомства с бывшим царем. Цит. по: *Мельгунов С. П.* Судьба императора Николая II после отречения. С. 60, 159—160.

Глава V

Образы императрицы Александры Федоровны в годы Первой мировой войны и массовая культура революционного времени

- ¹ *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // «Охранка». Т. 2. С. 129.
- ² *Канторович В. А.* Александра Федоровна (Опыт характеристики). Л., 1927. С. 3.
- ³ *Raunax P.P. фон. Facies Hippocratica* (Лик умирающего). С. 193; *Толстой И. И.* Дневник, 1906—1916. С. 163.
- ⁴ Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича. С. 82.
- ⁵ *Шуленбург В. Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж, 1928. С. 6—8.
- ⁶ *Ростковский Ф. Я.* Дневник для записывания... (1917-й: Революция глазами отставного генерала). С. 137.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1239, 1246.
- ⁸ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 211, 220, 221, 237, 241, 253.
- ⁹ *Григорьев С. И.* Придворная цензура и образ верховной власти. С. 246—255.
- ¹⁰ Огонек. 1914. № 30. 27 июля (9 августа). С. 2.
- ¹¹ Искры. 1914. № 41. 19 октября. С. 320.
- ¹² Нива. 1914. № 37. 13 сентября. С. 713.

¹⁵ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. XVII; Новое время. 1914. 19 августа.

¹⁶ Столица и усадьба. 1914. № 23. 1 декабря. С. 20, 21.

¹⁷ Новое время. 1914. 28 августа; 1915. 19 июля; 23, 24. августа.

¹⁸ Вечернее время. Пг., 1915. 10 февраля; Новое время. 1915. 29, 30 июля.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1040. Л. 2260.

²⁰ Деятельность Государыни Императрицы Александры Федоровны на нужды войны // Летопись войны 1914—1915 гг. 1916. № 93. 28 мая. С. 1484—1488; ЦДІАУК. Ф. 707. Оп. 259. Д. 80а. Л. 420.

²¹ «Я не заключаю мира, пока мы не изгоним последнего неприятельского вонна» / Сост. генерал-майор Дм. Дубенский. Пг., 1916. 1 с.

²² Шуленбург В.Э. Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 13—14.

²³ Зарин А.Е. Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. Пг., 1916. С. 5, 6, 10; Вечернее время. 1915. 22, 28 июля; Новое время. 1914. 24 июля; Кантакузина Ю. Революционные дни. С. 113, 115, 128.

²⁴ Новое время. 1914. 28 июля.

²⁵ Огонек. 1914. № 32. 10 (23 августа). Обложка. Другие фотографии склада в Зимнем дворце также публиковались в этом номере.

²⁶ Столица и усадьба. 1914. № 16/17 (1 сентября). С. 26; № 19/20 (10 октября). С. 13.

²⁷ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. XVII.

²⁸ Вечернее время. Пг., 1915. 4 марта.

²⁹ Новое время. 1917. 3 января.

³⁰ Солнце России. 1915. № 297 (42). Октябрь. С. 10; № 300 (45). Ноябрь. С. 13; Огонек. 1915. № 46. 15 (28) ноября; Столица и усадьба. 1915. № 47. 1 декабря. С. 15; Новое время. 1915. 23 августа.

³¹ Зарин А.Е. Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. С. 6.

³² Там же. С. 8, 10—11.

³³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008. С. 218—219.

³⁴ Там же. С. 303—304.

³⁵ Огонек. 1914. № 51. 21 декабря (3 января); № 52. 25 декабря (7 января); Солнце России. 1916. № 356 (50). Декабрь. 1916. С. 2, 3; № 357 (51). Декабрь. С. 8; Столица и усадьба. 1915. № 47. 1 декабря. С. 15.

³⁶ Великие княгини — сестры милосердия // Газета-копейка. 1917. 16 августа.

³⁷ Солнце России. 1914. № 245 (42) — 246 (43). (Военный номер № 6-й). Вклейка между с. 4 и 5.

³⁸ Столица и усадьба. 1914. № 24. 15 декабря. С. 22.

³⁹ Летопись войны 1914 года. № 8. 11 октября. С. 122; Альбом героев войны. Б.г. № 4. С. 3.

⁷⁸ Б-рь О. В Пскове у Великой Княгини Марии Павловны Младшей // Огонек. 1915. № 10. 8 (21 марта).

⁷⁹ Летопись войны 1914 года. № 4 (13 сентября). С. 68; Летопись войны 1914 года. № 8. 11 октября. С. 122.

⁴⁰ Синий журнал. 1914. № 40 (6 ноября). С. 5.

⁴¹ Летопись войны 1914 года. № 13. 15 ноября. С. 205.

⁴² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Январь—июнь 1915 г.). С. 7—9, 12—13.

⁴³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 427.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 105.

⁴⁵ Столица и усадьба. 1915. № 32. 15 апреля. С. 16.

⁴⁶ Столица и усадьба. 1914. № 16/17 (1 сентября). С. 24.

⁴⁷ Альбом героев войны. № 3. С. 5, 13; Нива. 1914. № 39 (27 сентября). С. 749; Летопись войны 1914 года. № 14. 22 ноября. С. 226; Синий журнал. 1915. № 6 (7 февраля). С. 4—5; № 13 (28 марта). С. 14; Солнце России. 1914. № 243 (40) -- 244 (41). С. 16; № 253 (50) — 254 (51). С. 19; 1915. № 267 (12). С. 10; Столица и усадьба. 1914. № 16/17 (1 сентября). С. 25; № 19/20 (10 октября). С. 14; № 19/20 (10 октября). С. 16; № 21. 1 ноября. С. 17.

⁴⁸ Синий журнал. 1914. № 47 (25 декабря). С. 11.

⁴⁹ Баранчук М.Н. Императрица Александра Федоровна: (Первые страницы биографии: От рождения до венчания с императором Николаем II, 1872—1894 годы). М., 2002. С. 13, 15.

⁵⁰ Летопись войны 1914 года. № 4 (13 сентября). С. 61; Лукоморье. 1915. № 3 (17 января). С. 15; № 8 (21 февраля). С. 14; Огонек. 1916. № 46. 13 (26); Синий журнал. 1915. № 30 (25 июля). С. 6; Новое время. 1916. Иллюстрированное приложение к № 14609 (5 ноября).

⁵¹ Августейшие сестры милосердия. М., 2006. С. 20; «Великая сестра милосердия» // Летопись войны 1914—1915—1916 гг. 1916. № 102. 30 июля. С. 1631—1632.

⁵² Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 353.

⁵³ Августейшие сестры милосердия. С. 427.

⁵⁴ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь—октябрь 1914 г.). С. XVII.

⁵⁵ Карикатуристы эпохи Первой мировой войны уделяли внимание усилиям ряда сестер милосердия эротизировать свой облик. Не были забыты и локны, выглядывающие из-под косынок: Огонек. 1915. № 45. 8 (21) ноября.

⁵⁶ Августейшие сестры милосердия. С. 298.

⁵⁷ Августейшие сестры милосердия. С. 295—296, 298.

⁵⁸ Vukhoeffden S. The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia: A Biography. London; New York; Toronto, 1928. P. 192—193; Шуленбург В.Э. Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 34.

⁵⁹ Право на прошлое / Кн. А. Щербатов, Л. Криворучкина-Щербатова. М., 2005. С. 32.

⁶⁰ Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н. Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 223.

⁶¹ Августейшие сестры милосердия. С. 297; Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005. С. 76.

⁶² *Офросимова С.Я.* Царская семья (Из детских воспоминаний) // Августейшие сестры милосердия. С. 293.

⁶³ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 33–34, 39, 47, 51.

⁶⁴ Августейшие сестры милосердия. С. 195.

⁶⁵ *Vuxhoevden S.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. P. 214, 254; Дневник протоиерея А.И. Беляева, настоятеля Федоровского собора в Царском Селе // Августейшие сестры милосердия. С. 349.

⁶⁶ *Чеботарева В.* В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 227.

⁶⁷ Августейшие сестры милосердия. С. 6.

⁶⁸ Летопись войны 1914 года. 1914. № 8. 11 октября. С. 122.

⁶⁹ Огонек. 1914. № 42. 19 октября (1 ноября).

⁷⁰ Летопись войны 1914–1915 гг. № 31. 21 марта. С. 497; Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 139.

⁷¹ Августейшие сестры милосердия. С. 3–4.

⁷² Там же. С. 249.

⁷³ *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М., 1995–2002. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / Науч. ред. Л.Д. Громова; Сост., подгот. текстов и коммент. С.П. Кошечкина и Н.Г. Слюсова. М., 1996. С. 145, 391–393; *Казаков А.* «Приветствует мой стих младых царевен...» // Челябинский рабочий. 2005. 28 сентября. <http://www.chrab.chel.su/archive/28-09-05/3/A94775.DOC.html>. Просмотрено 20 октября 2009 года.

⁷⁴ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 125.

⁷⁵ Столица и усадьба. 1915. № 25. 5 января. С. 21.

⁷⁶ Летопись войны 1914–1915 гг. № 23. 24 января; Нива. 1915. № 31. 1 августа. С. 589.

⁷⁷ Вечернее время. 1915. 5 февраля; Новое время. 1915. 19, 24 июля; 13, 31 августа.

⁷⁸ Августейшие сестры милосердия. С. 341.

⁷⁹ Новое время. 1915. 14 августа.

⁸⁰ Огонек. 1915. № 11. 15 (28) марта.

⁸¹ *Б-рь О.* В Пскове у Великой Книгини Марии Павловны Младшей // Огонек. 1915. № 10. 8 (21 марта).

⁸² Летопись войны 1914–1915 гг. № 31. 21 марта. С. 497.

⁸³ Августейшие сестры милосердия. Вклейка между с. 288 и 289. Датировать открытку позволяет образ наследника: Алексей Николаевич изображен в детской матроске. Начиная же с осени 1915 года он изображался в форме солдата.

⁸⁴ Летопись войны 1914–1915 гг. № 43. 13 июня. С. 681; № 46. 4 июля. С. 730.

- ⁸⁵ Августейшие сестры милосердия. Вклейка между с. 288 и 289.
- ⁸⁶ Солнце России. 1915. № 284 (29). Июль. С. 7.
- ⁸⁷ Солнце России. 1915. № 289 (34). Август. С. 1.
- ⁸⁸ Августейшие сестры милосердия. Вклейка между с. 128 и 129.
- ⁸⁹ Там же. С. 298.
- ⁹⁰ Солнце России. 1915. № 280 (25). С. 8.
- ⁹¹ Синый журнал. 1916. № 5 (30 января). С. 3.
- ⁹² *Зарин А.Е.* Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. С. 9.
- ⁹³ Новое время. 1914. 21 августа; 1917. 21 января; Дневники императора Николая II. С. 514.
- ⁹⁴ Солнце России. 1916. № 353 (47). 19 ноября. С. 1; Огонек. 1916. № 47. 20 ноября (3 декабря); Лукоморье. 1916. № 50 (10 декабря). С. 11; Столица и усадьба. 1916. № 68. 15 октября. С. 21.
- ⁹⁵ Августейшие сестры милосердия. С. 176.
- ⁹⁶ *Шуленбург В.Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 35.
- ⁹⁷ *Зарин А.Е.* Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. С. 9, 10.
- ⁹⁸ Там же. С. 23.
- ⁹⁹ Там же. С. 19—20.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 20.
- ¹⁰¹ Августейшие сестры милосердия. С. 249—250.
- ¹⁰² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Ноябрь—декабрь 1914 г.). С. 138.
- ¹⁰³ *Зарин А.Е.* Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. С. 21.
- ¹⁰⁴ Государыня Императрица Александра Федоровна Романова. Дивный свет: Дневниковые записи, переписка, жизнеописание / Сост. монахиня Нектария (Мак Лиз). М., 2004. С. 84, 85, 87, 112, 146, 171.
- ¹⁰⁵ *Романов К.К.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. С. 323.
- ¹⁰⁶ Cambridge University Library. The Manuscript Room. Hardinge Papers. Vol. 20. P. 278, 283; Vol. 21. P. 207.
- ¹⁰⁷ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 24, 50, 115, 120.
- ¹⁰⁸ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 67; *Шуленбург В.Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 19.
- ¹⁰⁹ *Vuxhoevden S.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. P. 216.
- ¹¹⁰ *Зарин А.Е.* Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. С. 22.
- ¹¹¹ Там же. С. 22.
- ¹¹² Там же. С. 23, 32.
- ¹¹³ Как и в ряде других случаев, тактика репрезентации повлияла на особенности фиксации образа в исторической памяти. На некоторых современных иконах царица Александра Федоровна изображается как сестра милосердия.

- ¹¹⁴ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 106.
- ¹¹⁵ *Васильев А. Т.* Охрана: Русская секретная полиция // «Охранка». Т. 2. С. 446.
- ¹¹⁶ Мария Павловна. Мемуары. М., 2005. С. 462
- ¹¹⁷ Великая княгиня не вспоминала, что солдаты ее собственного госпиталя отказывались верить в то, что она, сестра милосердия, — двоюродная сестра царя. Между тем в современных изданиях об этом упоминалось: В Пскове у Великой Княгини Марии Павловны Младшей // Огонек. 1915. № 10. 8 (21 марта).
- ¹¹⁸ Монархия перед крушением, 1914—1917: Из бумаг Николая II. М.; Л., 1927. С. 130—131.
- ¹¹⁹ *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 35.
- ¹²⁰ *Новое время.* 1916. 2 ноября.
- ¹²¹ *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума. С. 342.
- ¹²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 908.
- ¹²³ *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума. С. 193—194, 196, 351, 354.
- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 941.
- ¹²⁵ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 632; *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 153.
- ¹²⁶ *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту: Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2003. С. 77—78.
- ¹²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 966, 991; Д. 1062. Л. 1201.
- ¹²⁸ *Fuller William.* The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Ithaca; London, 2006. P. 212; см. перевод: *Фуллер У.* Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1308.
- ¹³⁰ *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 226; Русская армия накануне революции // Былос. 1918. № 1 (29). С. 153; *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 40.
- ¹³¹ Мария Павловна. Мемуары. М., 2005. С. 169.
- ¹³² *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 66—67.
- ¹³³ *Шуленбург В. Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 5.
- ¹³⁴ Право на прошлое / Кн. А. Щербатов, Л. Криворучкина-Щербатова. М., 2005. С. 32.
- ¹³⁵ Августейшие сестры милосердия. С. 297.
- ¹³⁶ Переписка Николая и Александры Романовых (1916—1917 гг.). М.; Л., 1927. Т. V. С. 54.
- ¹³⁷ *Шуленбург В. Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 5. Шуленбург утверждал, что наследника не учили языкам до десяти лет, однако воспитатель Алексея Николаевича вспоминал, что он начал давать первые уроки французского языка в сентябре 1912 года. Английский наследник стал изучать позже, а немецкому его не учили вовсе. Очевидно, это было связано с политическими соображениями: *Жильяр П.* Император Николай II и его семья: Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г. С. 24, 59.

- ¹³⁸ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 21, 23.
- ¹³⁹ *Чеботарева В.* В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 182. С. 205.
- ¹⁴⁰ Великий князь Николай Михайлович. Записки // Гибель монархии. М., 2000. С. 44; Донссения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 -- февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4/5. С. 17.
- ¹⁴¹ Переписка Николая и Александры Романовых (1916—1917 гг.). М.: Л., 1927. Т. V. С. 44; *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александр. С. 401.
- ¹⁴² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 97—97 об., 106.
- ¹⁴³ *Каррик В.* Война и революция: Записки. 1914—1917 гг. // Годос минувшего. 1918. № 4/6. С. 11; House of Lords Record Office. Historical Collection-313. Этот отрывок не вошел в публикацию дневника Локхарта: *Sir Robert Bruce Lockhart Diaries. The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. Vol. 1: 1915- 1938 / Ed. Kenneth Young. London, 1973.*
- ¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1275.
- ¹⁴⁵ *Васильев А.Т.* Охрана: Русская секретная полиция // «Охранка». Т. 2. С. 346; Отрывки из воспоминаний полковника О.И. Пантюхова // Гвардейские стрелки (История гвардейской стрелковой дивизии): Сб. материалов. Царское Село, 2005. С. 165; *Кантакузина Ю.* Революционные дни. С. 109—110.
- ¹⁴⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 145 об.
- ¹⁴⁷ Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича / Ред. В.П. Семеновиков. Л., 1925. С. 84—85; *Клюх А.В.F.* With the Russian Army. London, 1921. Vol. 2. P. 515.
- ¹⁴⁸ *Buchanan George.* My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. London; New York; Toronto; Melbourne, 1923. Vol. 2. P. 56.
- ¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967. Л. 105—105 об.
- ¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 216 об. — 217. 305 об.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 146 об.
- ¹⁵² *Long J.W.* From privileged to Dispossessed (The Volga Germans, 1860—1917). Lincoln; London, 1988. P. 229; *Koch F.* The Volga Germans in Russia and the Americas. University Park; London, 1977. P. 240.
- ¹⁵³ *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917—1927 гг.: Становление «Нового человека». СПб., 2003. С. 59.
- ¹⁵⁴ *Ковыль-Бобыль И.* Царица и Распутин. Пг., 1917. С. 5—6.
- ¹⁵⁵ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 92, 106, 169; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4: 1916 год. М.: Л., 1926. С. 289.
- ¹⁵⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 310, 496, 532.
- ¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1228—1228 об.
- ¹⁵⁸ *Труфанов И.* Тайны дома Романовых. М., 1917. С. 53, 128—131.
- ¹⁵⁹ Из дневника генерала В.И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 110—111.
- ¹⁶⁰ *Wright J. Butler.* Witness to Revolution: The Russian Revolutionary Diary and Letters of J. Butler Wright / Ed. W. Th. Allison. Westport (Conn.); London, 2002. P. 61.

¹⁶¹ *Lange Ch. L.* Russia, the Revolution and the War: An Account of a Visit to Petrograd and Helsingfors in March, 1917. Washington, D.C., 1917. P. 9.

¹⁶² *Балашов Е.М.* Школа в российском обществе 1917—1927 гг. С. 59.

¹⁶³ *Кнох А.В.Ф.* With the Russian Army. P. 577; Columbia University Library. Bakhmetieff Archive. Raupakh Papers. Box 1 (Фон Майдель Е. Роман Романович фон Раупах. С. 40); *Мельгунов С.П.* Сульба императора Николая II после отречения. С. 68, 69, 146—147; *Мэсси Р.* Николай и Александра. М., 1992. С. 308—309.

¹⁶⁴ Cambridge University Library (CUL). Manuscript Room. Hardinge Papers. Vol. 31. P. 165 (Lord Bertie to Lord Hardinge); Columbia University Library. Bakhmetieff Archive. Kovarsky Papers. Box 1 (Аргунов А. Из прошлого. С. 38). Текст в квадратных скобках зачеркнут.

¹⁶⁵ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 119.

¹⁶⁶ Ibid. P. 168.

¹⁶⁷ Ibid. P. 231, 232, 347—348, 402 и др.

¹⁶⁸ *Vuxhoevden S.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. P. 225; The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 193.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1554.

¹⁷⁰ *Чеботарева В.* В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 239.

¹⁷¹ К истории последних дней царского режима (1916—1917 гг.) / Публ. П. Садиков // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 242, 246.

¹⁷² *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908—1982). Таллинн, 1996. Т. 1. С. 76—77.

¹⁷³ Русская армия накануне революции // Бытос. 1918. № 1 (29). С. 152, 155—156; Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена) / Публ. А. Дрезена // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 34.

¹⁷⁴ *Мэсси Р.* Николай и Александра. С. 301—302; *Еланчин Н.А.* На службе трех императоров. С. 471; *Родзянко М.В.* Крушение империи. Февральская 1917 года революция. С. 168.

¹⁷⁵ *Чеботарева В.* В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 182. С. 205—206.

¹⁷⁶ *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. P. 160.

¹⁷⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. Д. 2. Л. 4; Д. 9. Л. 1.

¹⁷⁸ Тайны русского двора: Последние часы царствования Николая II. Харьков, 1917. С. 1. Однако брожение действительно захватило часть гвардейского офицерства. Меньшевик А.Э. Дюбуа вспоминал, что несколько кадровых офицеров Павловского полка встретились с ним и сообщили о своем нежелании участвовать в подавлении народных волнений. Они просили проинформировать об этом руководителей революционных организаций: Архив Амстердамского института социальной истории (*Дюбуа А.Э.* В больнице и в казарме).

¹⁷⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 160, 282.

¹⁸⁰ *Вырубова А.* Воспоминания. Цит. по: *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 432.

¹⁸¹ Wren's Library (Trinity College, Cambridge). Layton Papers. Box 28—14. Allied Conference at Petrograd, January—February 1917. Report on Mission to Russia by Major David Davies, MP. P. 1—3.

- ¹⁸² Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 486.
- ¹⁸³ Веселовский С. Б. Дневники // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 86.
- ¹⁸⁴ Тхоржевский И. И. Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 185.
- ¹⁸⁵ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. С. 245.
- ¹⁸⁶ Новое время. 1915. 25 августа.
- ¹⁸⁷ Родзянко М. В. Крушение империи. Февральская 1917 года революция. С. 138.
- ¹⁸⁸ Дневник Л. Тихомирова. С. 187—188.
- ¹⁸⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 234.
- ¹⁹⁰ Ibid. P. 181—182.
- ¹⁹¹ Палеолог М. Дневник посла. С. 552; *Buchanan George*. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Vol. 2. P. 56.
- ¹⁹² Cambridge University Library. Hapdinge Papers. The Manuscript Room. Vol. 24. P. 35—35 об.
- ¹⁹³ Народная пива. Гельсингфорс, 1917. 20 мая (2 июня).
- ¹⁹⁴ Тайны Царскосельского дворца. Пг., 1917. С. 15; *Труфанов И.* Тайны дома Романовых. М., 1917. С. 88.
- ¹⁹⁵ Что теперь поет Николай Романов и его Ко. Киев, 1917. С. 1.
- ¹⁹⁶ Каррик В. Война и революция: Записки, 1914—1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 7/9. С. 55, 56, 57; *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. P. 160.
- ¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1281—1281 об.
- ¹⁹⁸ Каррик В. Война и революция: Записки, 1914—1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 38, 41; № 7/9. С. 55.
- ¹⁹⁹ Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 242; Кн. 182. С. 204.
- ²⁰⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 40. Д. 47. Л. 9.
- ²⁰¹ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 106; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 208—209, 228.
- ²⁰² *Кшесинский С.* Святой черт. С. 25, 159; *Яковлев С.* Последние дни Николая II (Официальные документы, рассказы очевидцев). 2-е изд. Пг., 1917. С. 24.
- ²⁰³ ЦДАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3717. Л. 6, 8.
- ²⁰⁴ Михайловский Г. Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 1. С. 149.
- ²⁰⁵ Буханцев Г. Беседа с князем Юсуповым // Новое время. 1917. 14 марта.
- ²⁰⁶ Тайна дома Романовых. Вып. 1: Фаворитки Николая II. Пг., 1917. С. 16; *Труфанов И.* Тайны дома Романовых. М., 1917. С. 83; Тайны русского двора. Вып. 2: Царь без головы. Пг., 1917. С. 1; Тайны дома Романовых. Пг., 1917. (Альманах свободы, вып. 2-й). С. 12.
- ²⁰⁷ Вада Х. Распутин, царь и царица: Читая роман Валентина Пикуля // Вада Х. Россия как проблема всемирной истории: Избранные труды. М., 1999. С. 56—57.

- ²⁰⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 395.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 473—473 об.
- ²¹⁰ Из дневника генерала В. И. Селивачева // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 123.
- ²¹¹ Тренач. 1917. № 1. С. 11.
- ²¹² *Богданович А. В.* Три последних самодержца (Дневник А. В. Богданович). М.; Л., 1924. С. 447—448; Дневник А. А. Бобринского (1910—1911 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 144.
- ²¹³ По-видимому, какие-то слухи ходили и об отношениях императрицы с княжной Гедройц, врачом дворцового лазарета: «В городе говорили, что подпала совершенно ее влиянию. Злые языки не преминули [сообщить] даже мерзкую окраску»: *Чеботарева В.* В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 182. С. 207.
- ²¹⁴ Отчет о Леопида Федорова о 5-й поездке в Россию. Митрополит Андрій й Шептицький і греко-католикі в Росії. Кн. 1: Документи і матеріали, 1899—1917 / Уп. Ю. Аввакумов О. Гайова, Львів, 2002. С. 647—648.
- ²¹⁵ *Синдаловский Н. А.* Династия Романовых в зеркале городского фольклора. М.; СПб., 2007. С. 199.
- ²¹⁶ *Шульгин В. В.* Дни. С. 108. Награждение царя орденом подчас воспринималось резко отрицательно. Контуженный ветеран войны был отдан под суд за такие слова: «Фу... почему же дали сразу не четыре креста, а только один»: РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 26.
- ²¹⁷ *Берти, лорд.* За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже, 1914—1919. М.; Л., 1927. С. 131.
- ²¹⁸ Коллекция А. М. Луценко.
- ²¹⁹ *Чеботарева В.* В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 182. С. 205—206.
- ²²⁰ Живое слово. Пг., 1917. 10 марта.
- ²²¹ ОР РНБ. Ф. 481. Оп. 1. Д. 1. Л. 62 об. (*Гиппиус З. Н.* Современная запись).
- ²²² *Михайловский Г. Н.* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 1. С. 149; *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. Вып. 1. С. 201, 214.
- ²²³ *Блок А. А.* Дневник. С. 213.
- ²²⁴ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1140. Л. 9 об. На данном листе проставлена дата — 13 декабря 1915 г.
- ²²⁵ Народный трибун. 1917. 10 октября.
- ²²⁶ *Пуришкевич В. М.* Убийство Распутина (Из дневника). М., 1999. С. 87—88. <http://www.rusk.ru/st.php?idar=19691>. Просмотрено: январь 2008 года.
- ²²⁸ Шифр хранения: 34.106.8.188.
- ²²⁹ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 77—79.
- ²³⁰ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1140. Л. 20 об. Тема развивалась в сатирической литературе 1917 года. Появились даже проекты палатки «члену императорской фамилии»: *Аякс (А. Я. Сип-св).* Сон старого бюрократа // Моряк. Гельсингфорс, 1917. № 8. С. 188.
- ²³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1065. Л. 1527.

²²² *Кускова Е.* Люди Февраля и Октября // *Новое русское слово.* 1957. 24 марта; *Правые партии: Документы и материалы.* М., 1998. Т. 2: 1911—1917 гг. С. 645.

²²³ *Альбионов.* Житие неполобного старца Григория Распутина. Пг., 1917. С. 7; *Гришки Распутина (Альманах свободы, вып. 1).* Пг., 1917. С. 2; *Жданов Л.* Николай «Романов» — последний царь: Историч. наброски. Пг., 1917. С. 99—100.

²²⁴ «Царица развратничала с Вырубовой и Распутиным», Николай II-ой Романов: Его жизнь и деятельность. 1894—1914 гг. (По иностранным и русским источникам). Пг., 1917. С. 70.

²²⁵ Отчет о Леониде Федорова о 5-й поездке в Россию. Митрополит Андрий Шентишский і греко-католикі в Росіп. Кн. 1: Документи і матеріяли. 1899—1917 / Уп. Ю. Аввакумов О. Гайола. Львів, 2002. С. 648.

²²⁶ *Чеботарева В.* В дворцовом лазарете в Царском Селе // *Новый журнал.* 1990. Кн. 181. С. 203. Запись за 10 ноября 1915 года.

²²⁷ Казнь Гришки Распутина (Альманах «Свобода», вып. 1). С. 16.

²²⁸ *Каррик В.* Война и революция: Записки, 1914 — 1917 гг. // *Голос минувшего.* 1918. № 7/9. С. 30.

²²⁹ Из дневника генерала В.И. Селивачева // *Красный архив.* 1925. Т. 2 (9). С. 116.

²⁴⁰ *Мария Павловна.* Мемуары. М., 2005. С. 462.

²⁴¹ Великая княгиня не вспоминала, что солдаты ее собственного госпиталя отказывались верить в то, что она, сестра милосердия, — двоюродная сестра царя: В Пскове у Великой Княгини Марии Павловны Младшей // *Огонек.* 1915. № 10. 8 (21 марта).

²⁴² *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 46.

²⁴³ *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора (Записки начальника канцелярии министерства двора). СПб., 1992. С. 98—99; *Спиродович А.И.* Великая война и февральская революция. Кн. 3, С. 74.

²⁴⁴ *Шуленбург В.Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. С. 34—35.

²⁴⁵ *Ден Л.* Подлинная царица // *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 85—86.

²⁴⁶ *Спиродович А.И.* Великая война и февральская революция (1914—1917). Минск, 2004. С. 52.

²⁴⁷ *Vixhoevden S.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. P. 193—194, 200.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 102. Л. 158. Обзор иностранной печати.

²⁴⁹ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 51.

²⁵⁰ *Lieven D.* Nicholas II: Twilight of Empire. N.Y., 1993. P. 208; *Vixhoevden S.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. P. 195, 200.

²⁵¹ Новое время. 1915. 26 мая; 1916. 26 мая.

²⁵² Цит. по: *Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная Дума. С. 185—186.

²⁵³ *Vixhoevden S.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. P. 233; *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 69.

- ²⁵⁴ Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума. С. 186.
- ²⁵⁵ Сорокина А. Первая мировая война и мода в России // Межвузовский центр сопоставительных историко-антропологических исследований. М., 2000. Вып. 1. С. 161—167.
- ²⁵⁶ Логофет Д.Н. Сестры милосердия (Впечатления) // Разведчик. 1914. № 1247. С. 648; Женщины и война // Новое время. 1915. 16 марта.
- ²⁵⁷ Талин В. Женщины в «батальной» беллетристике // Женское дело. 1916. № 21 (1 ноября). С. 14.
- ²⁵⁸ О.Л. Д'Ор. Милосердная сестра // Солнце России. 1915. № 280 (25). С. 16.
- ²⁵⁹ Августейшие сестры милосердия. С. 261.
- ²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 16.
- ²⁶¹ Новое время. 1914. 13 августа.
- ²⁶² Офросимова С.Я. Царская семья (Из детских воспоминаний) // Августейшие сестры милосердия. С. 289.
- ²⁶³ Логофет Д.Н. Сестры милосердия (Впечатления) // Разведчик. 1914. № 1247. С. 648.
- ²⁶⁴ Огонек. 1915. № 40. 4 (17) октября; Летопись войны 1914—1915 гг. № 63, 31 октября. С. 1004.
- ²⁶⁵ Библиотека Санкт-Петербургского Института истории РАН. Первая мировая война 1914—1918 гг.: Вырезки из русских газет. Кн. 2. 1914—1915 гг. Л. 4319.
- ²⁶⁶ Новое время. 1914. 5 августа; 1915. 1 июля, 4 августа.
- ²⁶⁷ См.: Калишские события. Во время столкновения австрийцев с русскими в Подволочиске австрийцы убили 15 сестер милосердия Красного Креста. Изд. Типолитография «Виктория», Москва. См.: Отдел эстампов РНБ (шифр: Э ОИр638/ 1-470, инвентарный номер: 199119).
- ²⁶⁸ Smith B.G. Changing Lives: Women in European History Since 1700. Lexington, 1989. P. 375.
- ²⁶⁹ Искры. 1914. № 37 (21 сентября). С. 296; 1915. № 12 (22 марта). С. 93; Столица и усадьба. 1915. № 27. 1 февраля. С. 22; Нива. 1916. № 31 (30 июля). С. 517.
- ²⁷⁰ Солнце России. 1915. № 304 (49). Декабрь.
- ²⁷¹ СПб. ОА РАН. Ф. 837. Оп. 1. Д. 7. Л. 325 об. Приношу благодарность О.Н. Ансберг, сообщившей мне эти сведения.
- ²⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 46.
- ²⁷³ Там же. Д. 1022. Л. 1086.
- ²⁷⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 112.
- ²⁷⁵ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 166.
- ²⁷⁶ Там же.
- ²⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1482.
- ²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1041. Л. 2367.
- ²⁷⁹ Царская армия. С. 43.
- ²⁸⁰ Общество и революция: Калужская губерния в 1917 году. Калуга, 1917. С. 237.

²⁸¹ XX век: Хроника московской жизни, 1911—1920. М., 2002. С. 358.

²⁸² Вечернее время. 1915. 1, 4 марта. О преступниках, носящих форму сестры милосердия, сообщалось и позднее. См.: Арест мнимой сестры милосердия // Новое время. 1916. 4 ноября; Под видом сестры милосердия // Петроградская газета. 1917. 12 февраля.

²⁸³ Народная нива. Гельсингфорс, 1917. 6 мая.

²⁸⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 203 об.

²⁸⁵ *Hirschfeld, Magnus, Dr. Sittengeschichte des Ersten Weltkrieges. Hanau am Main, 1965. S. 129—138.*

²⁸⁶ Солнце России. 1916. № 314 (8). Февраль. С. 13; Женское дело. 1916. № 11 (1 июня).

²⁸⁷ *Flegon A. Eroticism in Russian Art. London, 1976. P. 224—225.*

²⁸⁸ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 269.

²⁸⁹ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 36; *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 150. Для фронтовиков в других странах образ сестры милосердия также был амбивалентен. Она представляла то как святая, то как блудница. В субкультуре же бойцов германских добровольческих корпусов, которые возникли после окончания Первой мировой войны, этот образ раздваивался, в их восприятии медицинские сестры «красных» были профессиональными проститутками, а свои сестры милосердия — благороднейшими созданиями: *Theweleit K. Male Fantasies. Minneapolis, 1987. Vol. 1. P. 81.*

²⁹⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 390.

²⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 762. Л. 339; Д. 763. Л. 291.

²⁹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 730.

²⁹³ *Родичев Ф.И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 119.

²⁹⁴ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы. М., 1958. С. 280—281.

²⁹⁵ *Рафальский С.* Что было и чего не было. Лондон, 1984. С. 21, 37, 48—49.

²⁹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 481—481 об.

²⁹⁷ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 422.*

²⁹⁸ *Шрейко А.С.* В тылу и на фронте империалистической войны. С. 41.

²⁹⁹ Ср.: *Его же.* На фронте империалистической войны. С. 65.

³⁰⁰ *Шульгин В.В.* Дни. Л., 1926. С. 108; *Войков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II. М., 1995. С. 166—167; *Kerensky A.F. Russia and History's Turning Point. P. 147, 150, 159, 160.*

³⁰¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 496 об.

³⁰² *Палеолог М.* Дневник посла. С. 337—338.

³⁰³ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 224, 356.*

³⁰⁴ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 190—191.

³⁰⁵ *Yale University Library. Manuscripts and Arcives. A. Spiridovitch Papers. Box 1. File 8 (Стиридович А.И. Запись разговора с Н.А. Базили, 17 августа 1932 года). По словам Базили, М.В. Алексеев не входил в эту группу.*

- ³⁰⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 216 об. — 217.
- ³⁰⁷ Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе // Новый журнал. 1990. Кн. 181. С. 212—213.
- ³⁰⁸ Вырубов В. В. Воспоминания о корниловском деле // Минувшее. М.: СПб., 1992. Т. 12. С. 10—11.
- ³⁰⁹ Yale University Library. Manuscripts and Archives. A. Spiridovitch Papers. Box 1. Files 1, 17, 25 (Записи бесед А.И. Спиридовича с графом В.В. Адлербергом, Н.Ф. Бурдуковым (16 сентября 1929 г.), С.А. Долгоруким (25 апреля 1931 г.)).
- ³¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 951.
- ³¹¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 223.
- ³¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1312.
- ³¹³ Мжси Р. Николай и Александра. С. 310.
- ³¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 310.
- ³¹⁵ Vixhoevden S. The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia. P. 243—244.
- ³¹⁶ Гибель монархии: [Сб.]. С. 375, 454.
- ³¹⁷ Николай Михайлович, великий князь. Записки // Гибель монархии. М., 2000. С. 71.
- ³¹⁸ Цит. по: Петрова Е.Е. Коллективное великокняжеское послание от 29 декабря 1916 г.: история создания // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков: Сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2006. С. 363.
- ³¹⁹ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. С. 522—523.
- ³²⁰ Палеолог М. Дневник посла. С. 685.
- ³²¹ Каррик В. Война и революция: Записки, 1914—1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 7/9. С. 51, 54.
- ³²² Чубинский М.П. Год революции (1917) (Из дневника) // 1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция (От новых источников к новому осмыслению). М., 1997. С. 233--234, 236.
- ³²³ Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И.И. Ренгартена) / Публ. А. Дрезена // Красный архив. 1927. Т. 6(25). С. 34; Тайны дома Романовых. Вып. 2. С. 6; Тайны русского двора. Вып. 2: Царь без головы. С. 1; Труфанов И. Тайны дома Романовых. М., 1917. С. 92.
- ³²⁴ К истории последних дней царского режима (1916—1917 гг.) / Публ. П. Садиков // Красный архив. 1926. Т. 1 (14). С. 246.
- ³²⁵ Гибель монархии: [Сб.]. С. 394—395.
- ³²⁶ Бостунич Г. У отставного... Царя: Веселые похождения коми-вояжера в Царском Селе (Политический шарж в одном действии). М., 1917. 16 с.
- ³²⁷ Yale University Library. Manuscripts and Archives. A. Spiridovitch Papers. Box 1. File 9 (Заметка из эмигрантской газеты).
- ³²⁸ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. III: Скорбный путь Романовых (1917—1918 гг.). Гибель царской семьи: Сб. документов и материалов / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталева, при участии М.Д. Стайнберга. М., 2001. С. 170.

¹²⁹ *Knox A.W.F.* With the Russian Army. London, 1921. Vol. 2. P. 558; *Witnesses of the Russian Revolution* / Ed. H. Pitcher. London, 1994. P. 24; *Марков И.* Как произошла русская революция // *Рассвет*. 1937. 27 ноября.

¹³⁰ *Моисеенко П.А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 220.

¹³¹ *Бурджалов В.Э.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 373—374; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle: London, 1981. P. 220.

¹³² *Русское слово*. 1917. 4 марта.

¹³³ *Новая жизнь*. 1917. 27 апреля.

¹³⁴ *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. New York, 1965. P. 236.

¹³⁵ *Бостунич Г.* В Гибельмании (Политический шарж в одном действии). М., 1917. 16 с.

¹³⁶ О Г. Бостуниче см.: *Ганелин Р.Ш.* От черносотенства к фашизму // *Ad hominem: Памяти Николая Гиренко*. М., 2005. С. 243—272.

¹³⁷ *Бостунич Г.* Отчего Распутин должен был появиться (Обоснования психологической неизбежности). Пг., 1917. С. 6—16.

¹³⁸ *Амурское эхо*. Благовещенск, 1917. 29 марта; *Морлиис Умора*. Акафист Григорию Распутину-Новых, память коего празднуется в 17-й день декабря месяца // *Трепач*. 1917. № 1. С. 14; *Всемирный юмор*. 1917. № 14. С. 2.

¹³⁹ *Киесинский С.* Святой черт (Императрица Александра и Григорий Распутин): Исторический роман в 2 частях. М., 1917.

¹⁴⁰ Сведения о тиражах взяты из «Книжной летописи» за 1917 год.

¹⁴¹ *Русское слово*. 1917. 7 апреля; *День*. Пг., 1917. 27 марта.

¹⁴² *РГАЛИ*. Ф. 131. Оп. 3. Д. 483. Л. 14.

¹⁴³ *Народная нива*. Гельсингфорс, 1917. 14 (27) мая.

¹⁴⁴ *Бывший иеромонах Иллиодор (Сергей Труфанов)*. Святой черт: Записки о Распутине. Изд. 2-е. М., 1917. С. XI (паг. 1-я).

¹⁴⁵ См.: *Исторический вестник*. 1917. Т. 148. С. 609—611.

¹⁴⁶ *Дубнов С.М.* Книга жизни: Воспоминания и размышления (Материалы для истории моего времени). СПб., 1998. С. 386.

¹⁴⁷ В погоне за сенсацией // *Речь*. 1917. 7 мая; *Мельгунов С.П.* Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991. С. 147—148; *Аврех А.Я.* Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного правительства: Замысел и исполнение // *Исторические записки*. 1990. Т. 118. С. 72—101; *Columbia University Library*. *Bakhmetieff Archive*. *Raupach Papers*. Box. 1 (Майдель Е. фон Роман Романович фон Раупах. С. 41). Данное издание вообще специализировалось на разоблачении императрицы. См.: *Новый Евгений*. Российское позорище // *Российская республика*. 1917. № 1 (20 марта); *Его же*. Центральная станция шпионажа // Там же. № 2.

¹⁴⁸ *Безалов В.* Театры в дни революции. Л., 1927. С. 38; *Русская музыкальная газета*. 1917. № 25/26. Стб. 420; *Петроградская газета*. 1917. 14 июня; *Блок А.А.* *Дневник*. М., 1989. С. 211.

¹⁴⁹ *Цит. по: Россия, XX век*. 1917. М., 2007. С. 90.

¹⁵⁰ *Театр и искусство*. 1917. № 16. *Цит. по: Россия, XX век*. 1917. М., 2007. С. 112.

³⁵¹ *Мельгунов С. П.* Судьба императора Николая II после отречения. С. 67; *Блок А. А.* Дневник / Подг. А. Л. Гришунин. М., 1989. С. 211; *Бардовский А. Л.* Театральный зритель на фронте в канун Октября. Л., 1928. С. 61; *Свифт Э.* Культурное строительство или культурная разруха? (Некоторые аспекты театральной жизни Петрограда и Москвы в 1917 г.) // *Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 402—403; *Рампа и жизнь.* 1917. № 10/11. С. 1; № 13. С. 1, 5; № 22. С. 9.

³⁵² *Росоловская В.* Русская кинематография в 1917 г.: Материалы к истории. М.; Л., 1937. С. 57; *Сине-фоно.* 1917. № 11/12. С. 16—17, 28—29, 35, 39, 74, 119; *Проектор.* 1917. № 7/8. С. 9—10. Зарисовку соответствующего киносеанса даст современная пресса. См.: *Зрячий.* Гришка на экране // *Всемирная новь.* 1917. № 21. С. 15.

³⁵³ *Петроградский листок.* 1917. 19 марта. Цит. по: *Россия, XX век.* 1917. М., 2007. С. 95.

³⁵⁴ *Флит А. М.* Ее величество пошлость // *Русская стихотворная сатира 1908—1917-х годов* / Сост. И. С. Эвентов. Л., 1974. С. 582.

³⁵⁵ См.: *Алексашин, вождит.* Позорный промысел // *Казанская рабочая газета и известия Совета солдатских и рабочих депутатов.* 1917. 28 мая.

³⁵⁶ «Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов» (Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П. П. Скоропалского) / Публ. Г. В. Папакин // *Исторический архив.* 2002. № 5. С. 140, 146.

³⁵⁷ *Проектор.* 1917. № 7/8. С. 12; № 9/10. С. 14—15; № 13/14. С. 7—8; № 17/18. С. 4; *Театрал.* Как бороться с порнографическими пьесками // *Петроградская газета.* 1917. 10 июня; *Цензура зрелищ* // Там же. 1 августа.

³⁵⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 170 об. — 171.

³⁵⁹ Там же. Л. 524.

³⁶⁰ Там же. Л. 500.

³⁶¹ *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 261; *Каррик В.* Война и революция: Записки, 1914—1917 гг. // *Голос минувшего.* 1918. № 7/9. С. 61.

³⁶² *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca, 1992. P. 421—422.

³⁶³ *Яковлева А. К.* Призыв к женщинам // *Женщина и война.* М., 1915. № 1 (5 марта). С. 3.

³⁶⁴ *Кровавая година* // *Женское дело.* 1914. № 15 (1 августа). С. 2.

³⁶⁵ *Женское дело.* 1914. № 16 (15 августа); 1915. № 20 (15 октября). С. 16.

³⁶⁶ *Зарин А. Е.* Наши Царицы и Царевны во Вторую Отечественную войну. С. 3—4.

³⁶⁷ *Григорьев С. И.* Придворная цензура и образ верховной власти. С. 148.

³⁶⁸ *Солнце России.* 1916. № 326 (20). С. 1.

³⁶⁹ *Искры.* 1916. № 35 (11 сентября). С. 273 (Обложка).

Глава VI

Августейший Верховный главнокомандующий:
Великий князь Николай Николаевич в репрезентациях,
оскорблениях и слухах эпохи Первой мировой войны

¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. С. 17.

² Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 155.

³ Солнце России. 1914. № 243 (40) – 244 (41). (Военный номер 5-й).

⁴ Вечернее время. 1915. 19 января (1 февраля). Благодарю А.В. Яньшина за сообщение о перепечатке этого стихотворения. См.: Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 31 (15 мая). С. 301.

⁵ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 361.

⁶ Летопись войны 1914–1915 гг. № 31. 21 марта. С. 490; Новое время. 1915. 24 июля.

⁷ Царственная инокия. Киев, б.г. С. 68–70.

⁸ ЦДДАУК. Ф. 442. Оп. 559 (1889). Д. 61. Л. 1–5.

⁹ Царственная инокия. Киев, б.г. С. 34, 72. См. также: Анненкова Э.А., Делова Т.Н. Милосердная сестра русского народа: Инокия Анастасия, великая княгиня Александра Петровна // История Петербурга, 2008. № 5 (45). С. 50–57.

¹⁰ Левицкий Г.С. Ее императорское высочество великая княгиня Александра Петровна (в иночестве Анастасия): Биографич. очерк. Киев, 1904. 33 с.; Е., монахиня. Воспоминания об августейшей строительнице Киево-Покровского женского монастыря, инокине Анастасии. СПб., 1911.

¹¹ Царственная инокия. Киев, б.г. С. 19–22.

¹² Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 353.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Символы, святости и награды Российской державы. М., 2005. С. 149.

¹⁵ См.: Белякова З. И. Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. С. 181.

¹⁶ Нива. 1915. № 12 (21 марта). С. 4.

¹⁷ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 128.

¹⁸ Подобная открытка воспроизведена в кн.: Белякова З. И. Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. С. 222.

¹⁹ [Обнинский В.П.] Последний самодержец. Берлин, 1912. С. 35; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х -- начала 90-х годов). М., 1970. С. 47.

²⁰ Сухомлинов В. Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925. С. 46.

²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1251.

²² Столица и усадьба. 1915. № 26. 20 января. С. 23; Разведчик. 1914. № 1257. С. 833; № 1258. С. 845.

- ²¹ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916 гг. М., 1924. С. 120.
- ²² *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 296—297.
- ²³ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 153.
- ²⁴ *Паж А.* Наша царица (Ее жизнь и отношение к правлению государством). Берлин, 1912. С. 7.
- ²⁵ *The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie / Ed. E.J. Bing.* London, 1937. P. 211.
- ²⁶ *Ibid.* P. 202.
- ²⁷ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. С. 254; *Раунах Р.Р. фон.* *Facies Hippocratica (Лик умирающего).* С. 79.
- ²⁸ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. С. 295; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. С. 250, 264—265.
- ²⁹ Николай II и великие князья. С. 29.
- ³⁰ *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 7.
- ³¹ *Александр Михайлович, великий князь.* Книга воспоминаний. С. 120.
- ³² Гибель монархии: [Сб.]. С. 26.
- ³³ *Богданович А.В.* Три последних самодержца: Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 483.
- ³⁴ *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 369.
- ³⁵ *Трубецкой В.* Записки кирасира: Мемуары. М., 1991. С. 150—151.
- ³⁶ *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 353.
- ³⁷ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. С. 578.
- ³⁸ Там же. С. 71.
- ³⁹ *Сухомлинов В.* Великий князь Николай Николаевич (младший). С. 42—44.
- ⁴⁰ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 91.
- ⁴¹ *Александр Михайлович, великий князь.* Книга воспоминаний. С. 120.
- ⁴² *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 23, 129; *Самарин А.Д.* Посадка в Барановичи 19—21 июня 1915 года / Публ. Гр. А.В. Комаровской // *Новый журнал.* 1992. № 187. С. 227.
- ⁴³ *Бубнов А.* В царской ставке. Нью-Йорк, 1955. С. 35.
- ⁴⁴ *Yale University Library. Manuscripts and Archives.* A. Spiridovitch Papers. Box 1. File 1.
- ⁴⁵ *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 105; *Белкова З.И.* Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. С. 195—198.
- ⁴⁶ *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 295. О негативной реакции великой княгини Ксении Александровны см. там же.
- ⁴⁷ *The Letters of Tsar Nicholas and Empress Marie / Ed. E.J. Bing.* London, 1937. P. 227—228.
- ⁴⁸ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 33; *Александр Михайлович, великий князь.* Книга воспоминаний. С. 121—122.
- ⁴⁹ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 138.
- ⁵⁰ В английском оригинале: «turn their husbands round their fingers». *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 252.
- ⁵¹ *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 11—12.

- ⁵⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 104—105.
- ⁵⁵ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 132.
- ⁵⁶ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 137—138.
- ⁵⁷ Летопись войны 1914—1915 гг. № 38. 9 мая. С. 604, 605.
- ⁵⁸ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 132.
- ⁵⁹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 354.
- ⁶⁰ Witte С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 91.
- ⁶¹ Gardinger A.G. The War Lords. London; Toronto, 1915. P. 135.
- ⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1020. Л. 865.
- ⁶³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 122. На одной из известных фотографий, на которой изображены сидящие император и великий князь, рядом с последним можно увидеть трость. Этот снимок распространялся в виде почтовой открытки Скобелевским комитетом (Отдел эстампов РНБ, шифр хранения: Э ОП/Н635 II, инвентарный номер: Эот90614). И на некоторых других фотографиях великий князь был изображен с тростью.
- ⁶⁴ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 131.
- ⁶⁵ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 178.
- ⁶⁶ Огонек. 1914. № 30. 27 июля. С. 1—2.
- ⁶⁷ Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича. С. 76.
- ⁶⁸ Gardinger A.G. The War Lords. London; Toronto, 1915. P. 126—127.
- ⁶⁹ Новое время. 1914. 2 августа.
- ⁷⁰ Газета-копейка. Пг., 1914. 5 (18) августа.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1299.
- ⁷² Гибель монархии: [Сб.]. С. 24.
- ⁷³ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 166.
- ⁷⁴ Родзянко М.В. Крушение империи. Февральская 1917 года революция. С. 249.
- ⁷⁵ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи. С. 24—29.
- ⁷⁶ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 214—215.
- ⁷⁷ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. С. 9.
- ⁷⁸ Новое время. 1914. 5, 9 августа.
- ⁷⁹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи. С. 29—30; Новое время. 1914. 4, 5, 7, 9 августа.
- ⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1909.
- ⁸¹ Там же. Д. 993. Л. 1235.
- ⁸² Там же. Д. 998. Л. 1718.
- ⁸³ Там же. Д. 1018. Л. 664.
- ⁸⁴ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 17.
- ⁸⁵ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем. С. 38—39.

- ⁸⁶ Там же. С. 41.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1925.
- ⁸⁸ Новое время. 1914. 17, 18 августа.
- ⁸⁹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 215.
- ⁹⁰ Новое время. 1914. 4 августа.
- ⁹¹ Огонек. 1914. № 43. 26 октября (8 ноября).
- ⁹² На Руси // Летопись войны 1914 года. № 9. 18 октября. С. 144.
- ⁹³ Некоторые подобные открытки хранятся в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки.
- ⁹⁴ Отдел эстампов РНБ. Шифр хранения: Э ОП/Н635н, инвентарный номер: Эот90625.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1018. Л. 679.
- ⁹⁶ Там же. Д. 1020. Л. 869.
- ⁹⁷ Там же. Д. 1000. Л. 1910.
- ⁹⁸ Там же. Д. 998. Л. 1771.
- ⁹⁹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи. С. 31—33.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1011. Л. 162.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 998. Л. 1741.
- ¹⁰² Там же. Д. 980. Л. 46—46 об.
- ¹⁰³ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 143.
- ¹⁰⁴ Сухомлинов В. Великий князь Николай Николаевич (младший). С. 13.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 93—94.
- ¹⁰⁶ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. С. 393.
- ¹⁰⁷ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Кн. 1. С. 390—392.
- ¹⁰⁸ Белякова Э. И. Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. С. 208—209.
- ¹⁰⁹ Толстой И.И. Дневник, 1906—1916. С. 552—553.
- ¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967. Л. 150—151; Д. 997. Л. 1679.
- ¹¹¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 143.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 7—7 об.
- ¹¹³ Там же. Д. 1018. Л. 651.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 1000. Л. 1941—1941 об.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 1011. Л. 124.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 1042. Л. 3—3 об.
- ¹¹⁷ Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем. С. 44. Возможно, письмо было неверно прочитано публикатором, очевидно, речь шла о «крутизисе» Плева.
- ¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 128.
- ¹¹⁹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 105.
- ¹²⁰ Новое время. 1915. 12 апреля.
- ¹²¹ Вечернее время. 1915. 19 января (1 февраля).
- ¹²² Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 78.
- ¹²³ Новое время. 1914. 26 августа.

- ¹²⁴ Дневники императора Николая II. С. 487.
- ¹²⁵ Новое время. 1915. 2 августа.
- ¹²⁶ С.Н. За границей // Летопись войны 1914 года. № 12, 8 ноября. С. 170.
- ¹²⁷ Отклики войны // Нива. 1915. № 6 (7 февраля). С. 2.
- ¹²⁸ Нива. 1915. № 12 (21 марта). С. 4; № 21 (23 мая). С. 3; Новое время. 1915. 10, 17 апреля.
- ¹²⁹ ЦДАУК. Ф. 711. Оп. 3. Д. 3763. Л. 1; Новое время, 1915. 30 июля; 1917. 5 января.
- ¹³⁰ Покровский М.Н. Империалистическая война. М., 1928. С. 32.
- ¹³¹ Сообщено В.И. Ульяновским.
- ¹³² Отдел эстампов РНБ. Шифр хранения Э ОП / Н635н, инвентарный номер: Эот90775.
- ¹³³ Цит. по: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907 — 1917). М., 2003. С. 52.
- ¹³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1017. Л. 548.
- ¹³⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 496—496 об.
- ¹³⁶ Нива. 1915. № 19 (9 мая). С. 3.
- ¹³⁷ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии, январь — июнь 1915 г. / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. 171.
- ¹³⁸ «Война и печать» (Фот. А.И. Савельева) // Искры, 1915. № 3 (18 января). С. 19.
- ¹³⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 151.
- ¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 988.
- ¹⁴¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 246, 258 об. ~ 259.
- ¹⁴² Новое время. 1915. 17 июля; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1027. Л. 559.
- ¹⁴³ Белякова З.И. Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. С. 191, 221.
- ¹⁴⁴ Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. Шифр Э ОП / Н635н, инвентарный номер Эот90688.
- ¹⁴⁵ Огонек. 1914. № 32. 10 (23 августа); Новое время. 1914. 6, 12 августа.
- ¹⁴⁶ Лукоморье. 1914. № 22 (10 октября). С. 11; № 23 (17 октября). С. 8—9; Нива. 1914. № 42 (18 октября). С. 811.
- ¹⁴⁷ Впрочем, в «Ниве» И. Владимиров опубликовал также выдержанный в «реалистическом» стиле рисунок «В плену у баб». На нем изображалось, как крестьянки, вооруженные косами, граблями и серпами, захватывали приземлившийся вражеский аэроплан (Нива. 1914. № 37 (13 сентября). С. 721). К теме «Казачи и вражеский аэроплан» необычайно плодовитый Владимиров возвращался и позднее. См.: Подстреленный «таубе» // Нива. 1916. № 2 (9 января). С.23.
- ¹⁴⁸ См.: М. Безумство храбрых и автоматический героизм // Летопись войны 1914 года. № 9. 18 октября. С. 149—152.
- ¹⁴⁹ Русский дух и немецкая техника // Нива. 1916. № 35 (27 августа). С. 3.
- ¹⁵⁰ Синий журнал. 1914. № 30 (14 августа). С. 4.
- ¹⁵¹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 383.

- ¹⁵² Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 13.
- ¹⁵³ Там же. С. 369.
- ¹⁵⁴ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 128.
- ¹⁵⁵ Бубнов А. В царской ставке. С. 37; Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума. С. 112.
- ¹⁵⁶ Каррик В. Война и революция: Записки. 1914—1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 9.
- ¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1019. Л. 712.
- ¹⁵⁸ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 104.
- ¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1011. Л. 124.
- ¹⁶⁰ Там же. Д. 980. Л. 46.
- ¹⁶¹ Цит. по: Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. С. 45.
- ¹⁶² РГА ВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 762. Л. 377а.
- ¹⁶³ Там же. Л. 317.
- ¹⁶⁴ Бубнов А. В царской ставке. С. 94.
- ¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 967 Л. 151—151 об.
- ¹⁶⁶ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 145.
- ¹⁶⁷ Циммерман О. У раненых // Женский вестник. 1915. № 7/8. С. 125.
- ¹⁶⁸ Кривошеков А.И. Легенды о войне // Исторический вестник. 1915. Октябрь. С. 207—209. За публикацию этой заметки без разрешения воешной цензуры на журнал был наложен штраф в 500 рублей: Иванова Г.Г. Историк-публицист Б.Б. Глинский // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 144. Возможно, это было связано с упомянутой оценкой великого князя Николая Николаевича, который к этому моменту был заменен на посту Верховного главнокомандующего императором.
- ¹⁶⁹ Новое время. 1915. 29 июля.
- ¹⁷⁰ Не-Сигма. Без «пропуска». Огонек // 1916. № 30. 24 июля (6 августа).
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1216.
- ¹⁷² Там же. Д. 1016. Л. 459.
- ¹⁷³ Там же. Д. 1018. Л. 617.
- ¹⁷⁴ Там же. Д. 1011. Л. 148.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 153; Д. 1018. Л. 678.
- ¹⁷⁶ Циммерман О. У раненых // Женский вестник. 1915. № 7/8. С. 125.
- ¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1023. Л. 144.
- ¹⁷⁸ Отдел эстампов РНБ. Шифр хранения: Э ОП / Н635 н, инвентарный номер: Эот90730.
- ¹⁷⁹ Солнце России. 1914. № 243 (40) — 244 (41). (Военный номер 5-й). С. 2.
- ¹⁸⁰ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 274.
- ¹⁸¹ Бубнов А. В царской ставке. С. 12.
- ¹⁸² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 137—138, 232.
- ¹⁸³ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 278.

- ¹⁸⁴ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 378—379; *Самохин К.В.* Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны. С. 91.
- ¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1016. Л. 410.
- ¹⁸⁶ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 306.
- ¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 42.
- ¹⁸⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 329 об. — 330.
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 6.
- ¹⁹⁰ *Fuller W.* The Fox Within. P. 135; см. перевод: *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 162.
- ¹⁹¹ *Raunax P.P. фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего). С. 116.
- ¹⁹² *Шаццло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 111—112; *Fuller W.* The Fox Within. P. 132—134; см. перевод: *Фуллер У.* Внутренний враг. С. 159—161.
- ¹⁹³ *Фрейштат О.Г.* Правда о деле Мясоедова (По официальным документам и личным воспоминаниям). Вильна, 1918. С. 42.
- ¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 976.
- ¹⁹⁵ Там же. Д. 1022. Л. 1038.
- ¹⁹⁶ Новое время. 1915. 25 августа.
- ¹⁹⁷ Тяжелые дни. С. 81—82, 118.
- ¹⁹⁸ *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 142.
- ¹⁹⁹ Новое время. 1915. 24 июля.
- ²⁰⁰ Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича. С. 35.
- ²⁰¹ *Данилов Ю.И.* Великий князь Николай Николаевич. С. 274.
- ²⁰² *Gardinger A.G.* The War Lords. London; Toronto, 1915. P. 139.
- ²⁰³ Вечернее время. 1915. 19 января (1 февраля).
- ²⁰⁴ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии, январь—июнь 1915 г. / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. 19.
- ²⁰⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 11; Д. 1042. Л. 1.
- ²⁰⁶ Августейшие сестры милосердия. С. 243.
- ²⁰⁷ Новое время. 1915. 16 марта; Нива. 1915. № 36 (5 сентября). С. 4.
- ²⁰⁸ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии, ноябрь—декабрь 1914 г. / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. 2.
- ²⁰⁹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии, январь—июнь 1915 г. / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. 3—4.
- ²¹⁰ Отдел эстампов РНБ. Шифр хранения: Э ОП / Н635 II, инвентарный номер: Эот90482.
- ²¹¹ Лукоморье. 1915. № 14 (4 апреля). Обложка.
- ²¹² *Зорьена-Басальго Н.* Орлы летят // Нива. 1915. № 4 (24 января). С. 73.
- ²¹³ Вестник военного и морского духовенства, 1915. № 15/16 (1—15 августа). Благодарю А.В. Янышина, сообщившего мне об этом источнике.

- ²¹⁴ См. почтовую открытку в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки. Шифр хранения: Э ОП / Н635 II, инвентарный номер: Эот90619.
- ²¹⁵ Отдел эстампов Российской национальной библиотеки. Шифр хранения: Э ОП / Н635 II, инвентарный номер: Эот90617.
- ²¹⁶ Там же. Шифр хранения: Э ОП / Н635 II, инвентарный номер: Эот90687.
- ²¹⁷ Летопись войны 1914 года. № 4 (13 сентября). С. 57.
- ²¹⁸ Нива. 1915. № 7 (14 февраля). С. 125; Искры. 1915. № 3 (18 января). С. 20.
- ²¹⁹ Нива. 1915. № 7 (14 февраля). С. 4.
- ²²⁰ Летопись войны 1914—1915 гг. № 38. 9 мая. С. 601.
- ²²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 53 об., 223—223 об., 319 об., 321 об., 420 об. — 421, 530.
- ²²² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 310.
- ²²³ Столица и усадьба. 1915. № 33. 1 мая. С. 14—16.
- ²²⁴ Редакция, подчеркивавшая свою аполитичность, любила, однако, намеки, замаскированные под рассказы о «красивой жизни». Так, после убийства Распутина в журнале появилась публикация: Князя Юсуповы и их дом в Петрограде на Мойке // Столица и усадьба. 1916. № 74. С. 16—17. Личность Ф. Ф. Юсупова характеризовалась так: «Он пользуется репутацией прекрасного знатока живописи и музыки и отличного стрелка» (Столица и усадьба. 1916. № 74. С. 16—17).
- ²²⁵ Кантакузина Ю. Революционные дни. С. 125.
- ²²⁶ Палеолог М. Дневник посла. С. 308.
- ²²⁷ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 265.
- ²²⁸ ЦДИАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3717. Л. 5 об., 6.
- ²²⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 239.
- ²³⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 244.
- ²³¹ Николай II и великие князья. С. 69.
- ²³² Цит. по: Будаков В. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 60.
- ²³³ Маклаков В. А. Воспоминания: Лидер московских кадетов о русской революции, 1880—1917. М., 2006. С. 304.
- ²³⁴ Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 155.
- ²³⁵ Там же. С. 168—170.
- ²³⁶ Падение царского режима. Т. VII. С. 122—123. Цит. по: Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 165, 169.
- ²³⁷ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 79.
- ²³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 14 об.
- ²³⁹ Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С. 170.
- ²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 9.
- ²⁴¹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 153.

²⁴² Correspondence of Tsar Nicholas II and the Empress Alexandra (April 1914 – March 1917) / Ed. by Joseph T. Fuhrmann. Westport (Conn.); London, 1999. P. 166–167, 169.

²⁴³ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 100.

²⁴⁴ Тяжелые дни. С. 21.

²⁴⁵ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 104.

²⁴⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 421–423.

²⁴⁷ Там же. С. 486.

²⁴⁸ Kriegsalbum. 22 Sonderheft der in der «Woche». Berlin, 1914. S. 14.

²⁴⁹ Der Erste Weltkrieg in der internationalen Karikatur / Hrsg. E. Demm. Hannover, 1988. S. 39, 49, 130; <http://www.wwl-propaganda-cards.com/a024slide.html>
Просмотрено 30 ноября 2007 года.

²⁵⁰ Бубнов А. В царской ставке. С. 11.

²⁵¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. С. 144.

²⁵² Особым «коньком» Янушкевича был его антисемитизм. Отправляясь вместе с великим князем на Кавказ, он писал: «Кавказ интересен вдвойне; он должен быть русским, как и все прочие окраины — это мое глубокое убеждение. Палки и веревки нужны для проклятых жидов, а для других — справедливость и твердость» (Письмо В.Т. Судейкину 19 сентября 1915 г.). См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1467.

²⁵³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 172–172 об.

²⁵⁴ ЦДАУК. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3552. Л. 2, 10, 10 об.

²⁵⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 56 об.

²⁵⁶ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 21 об.

²⁵⁷ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 73, 141, 222, 246, 268 об. — 269.

²⁵⁸ Там же. Л. 231, 290, 307 об. — 308, 369 об., 371 об. — 372, 396 об. — 397.

²⁵⁹ Там же. Л. 327 об.

²⁶⁰ Там же. Л. 278 об.

²⁶¹ Там же. Л. 2, 138 об., 146–146 об., 177 об. — 178.

²⁶² Там же. Л. 354 об.

²⁶³ Там же. Л. 396.

²⁶⁴ Там же. Л. 441–441 об.

²⁶⁵ Петроградская газета. 1915. 19 июля.

²⁶⁶ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 76.

²⁶⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 482.

²⁶⁸ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 193.

²⁶⁹ Fuller W. The Foe Within. P. 189–190. Перевод: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

²⁷⁰ Перениска В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем. С. 33–34.

²⁷¹ На дальнейшее развитие отношения к личности великого князя могло повлиять то обстоятельство, что он отказывался сменить непопулярных высших чинов своего штаба, хотя общественное мнение настойчиво требовало этого. Подобное мнение, в частности, высказал председатель Государственной думы М.В. Родзянко в личном разговоре с Верховным главнокомандующим.

См.: *Белякова З. И.* Великие князья Николаевичи в высшем свете и на войне. С. 219.

- ²⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1021. Л. 987.
- ²⁷³ ЦДИАУК. Ф. 385. Оп. 1. Д. 2922. Л. 12, 26, 26 об.
- ²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 13.
- ²⁷⁵ Там же. Д. 1008. Л. 2—2 об.
- ²⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 346.
- ²⁷⁷ Там же. Д. 1027. Л. 578.
- ²⁷⁸ Там же. Д. 1026. Л. 420.
- ²⁷⁹ Там же. Д. 1025. Л. 345.
- ²⁸⁰ Там же. Д. 1026. Л. 411.
- ²⁸¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 310 об. — 311.
- ²⁸² Там же. Л. 145 об.
- ²⁸³ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 37—37 об.
- ²⁸⁴ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 306—306 об.
- ²⁸⁵ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 138.
- ²⁸⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 210 об. — 211.
- ²⁸⁷ Там же. Л. 441—441 об.
- ²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 456—456 об.
- ²⁸⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 167 об.
- ²⁹⁰ Там же. Л. 403 об. — 404.
- ²⁹¹ Там же. Л. 204—204 об.
- ²⁹² Тяжелые дни. С. 53.
- ²⁹³ *Lieven D. Nicholas II: Twilight of Empire.* N.Y., 1993. P. 212—213.
- ²⁹⁴ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 77.
- ²⁹⁵ Тяжелые дни. С. 16, 21, 23—27. 30—33, 37.
- ²⁹⁶ Тяжелые дни. С. 86.
- ²⁹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1127.
- ²⁹⁸ Цит. по: *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 272.
- ²⁹⁹ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 323.
- ³⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1190.
- ³⁰¹ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 179, 190.
- ³⁰² *Толстой И. И.* Дневник, 1906—1916. С. 668.
- ³⁰³ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 171—172.
- ³⁰⁴ *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 273.
- ³⁰⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1258—1258 об.
- ³⁰⁶ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 80.
- ³⁰⁷ *Переписка Николая и Александры Романовых (1914—1915 гг.).* М.: Л., 1925. Т. III. С. 256.
- ³⁰⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1916). Д. 87. Л. 4.
- ³⁰⁹ *The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II.* P. 181—182.
- ³¹⁰ *Ibid.* P. 179.

- ³¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 6; Д. 1029, Л. 1204.
- ³¹² Там же. Д. 1029. Л. 1209.
- ³¹³ Там же. Л. 1213.
- ³¹⁴ Там же. Д. 1030. Л. 1305.
- ³¹⁵ Там же. Д. 1029, Л. 1227.
- ³¹⁶ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 74.
- ³¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1275.
- ³¹⁸ Там же. Л. 1299.
- ³¹⁹ Там же. Д. 1034. Л. 1685.
- ³²⁰ Там же. Д. 1029. Л. 1224.
- ³²¹ «Нам придется из политиков и благотворителей перестроиться в ученых и книгогорюшеч-издателей»: Письма академика А.И. Соболевского академику И.С. Пальмову, 1914—1920 гг. / Подг. текста П.В. Ильина, С.В. Куликова // Нестор. 2004. № 4. С. 76.
- ³²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1225.
- ³²³ Там же. Д. 1042. Л. 4 об.
- ³²⁴ Там же. Д. 1030. Л. 1308.
- ³²⁵ Там же. Д. 1029. Л. 1241.
- ³²⁶ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. С. 323.
- ³²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1245.
- ³²⁸ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 80.
- ³²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1685.
- ³³⁰ Там же. Д. 1029. Л. 1258—1258 об.
- ³³¹ Там же. Л. 1283.
- ³³² Там же. Д. 1014. Л. 702.
- ³³³ Там же. Д. 1040. Л. 2300.
- ³³⁴ Там же. Д. 1014. Л. 727.
- ³³⁵ *Gardner G.* The War Lords. London; Toronto; New York, 1915. P. 123.
- ³³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1014. Л. 774.
- ³³⁷ Там же. Д. 1034. Л. 1696 об.
- ³³⁸ Дневник Л.А. Тихомирова. С. 206.
- ³³⁹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 196, 198, 199.
- ³⁴⁰ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 78.
- ³⁴¹ Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции. С. 113.
- ³⁴² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 317 об. — 318.
- ³⁴³ Там же. Л. 123, 243 об., 518 об.; Оп. 530. Д. 1035. Л. 17 об.
- ³⁴⁴ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 364 об. — 365.
- ³⁴⁵ Там же. Л. 427.
- ³⁴⁶ Там же. Л. 439 об.
- ³⁴⁷ Там же. Л. 204 об. — 205.
- ³⁴⁸ Там же. Л. 325.

- ³⁴⁹ Там же. Л. 181.
- ³⁵⁰ Там же. Л. 403—403 об.; Оп. 530. Д. 1035. Л. 4 об.
- ³⁵¹ *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 177.
- ³⁵² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 244.
- ³⁵³ Там же. Л. 321 об.
- ³⁵⁴ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 224.
- ³⁵⁵ Ibid. P. 237, 246, 252, 271; *Родзянко М.В.* Крушение империи. Февральская 1917 года революция. С. 167.
- ³⁵⁶ Николай II и великие князья. С. 68—69.
- ³⁵⁷ *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 148.
- ³⁵⁸ Синий журнал. 1915. № 37 (12 сентября). С. 4.
- ³⁵⁹ XX век: Хроника московской жизни, 1911—1920. М., 2002. С. 296.
- ³⁶⁰ Сайт: <http://www.retro.infolot.ru/ships/1901-1920/lenin/index.html> Просмотрен 20 сентября 2009 г.
- ³⁶¹ Картина хранится в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова.
- ³⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1610.
- ³⁶³ Там же. Л. 1257.
- ³⁶⁴ Там же. Л. 1619.
- ³⁶⁵ Там же. Л. 1676.
- ³⁶⁶ Там же. Л. 1619.
- ³⁶⁷ Там же. Л. 1676.
- ³⁶⁸ Там же. Л. 1656.
- ³⁶⁹ Там же. Л. 1695.
- ³⁷⁰ Там же. Д. 1033. Л. 1591.
- ³⁷¹ Там же. Д. 1034. Л. 1695. Арест Милова живо обсуждался в Тифлисе. Ученик культурно-технического училища С.М. Тер-Степанов заявил, что великий князь освободит богатого арестанта за миллион рублей. Один из его соучеников сказал ему, что он не смеет оскорблять «царскую крону». Тогда Тер-Степанов заметил: «Что ты кричишь, все русские, начиная с мелких чиновников, вплоть до ГОСУДАРЯ, все ... (брань)». Тер-Степанов был привлечен к уголовной ответственности за оскорбление члена императорской семьи (РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 235).
- ³⁷² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1053. Л. 506.
- ³⁷³ Там же. Д. 1034. Л. 1656.
- ³⁷⁴ Там же. Д. 1040. Л. 2240—2240 об.
- ³⁷⁵ Там же. Л. 2261.
- ³⁷⁶ Там же. Д. 1041. Л. 2363.
- ³⁷⁷ Там же. Л. 2312, 2326.
- ³⁷⁸ Там же. Д. 1053. Л. 534.
- ³⁷⁹ Там же. Л. 536.
- ³⁸⁰ Там же. Д. 1055. Л. 116.
- ³⁸¹ *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. С. 281.

³⁸² См. доклад великого князя Николая Николаевича Николаю II в кн.: Николай II и великие князья. С. 137.

³⁸³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 620.

³⁸⁴ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II. P. 298, 459.

³⁸⁵ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 287.

³⁸⁶ Огонек. 1916. № 5. 31 января (13 февраля). С. 1; 1916. № 8. 21 февраля (5 марта).

³⁸⁷ Синий журнал. 1916. № 4 (23 января). С. 7.

³⁸⁸ Огонек. 1916. № 7. 14 (27) февраля; № 16. 17 (30) апреля; Солнце России. 1916, № 340 (34); Синий журнал. 1916. № 8 (20 февраля). С. 3; Лукоморье. 1916. № 8 (20 февраля). С. 21.

³⁸⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 357 об. — 358.

³⁹⁰ Николай II и великие князья. С. 67.

³⁹¹ Царская армия в период Мировой войны и Февральской революции. С. 92.

³⁹² Нива. 1916. № 41 (8 октября). С. 677 (обложка).

³⁹³ Искры. 1916. № 42 (30 октября). С. 329 (обложка).

³⁹⁴ Новое время. 1916. 5 ноября; Нива. 1917. № 7 (18 февраля). С. 111; Летопись войны 1914—1917 гг. 1917. № 131. 18 февраля. С. 2090.

³⁹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1054. Л. 84.

³⁹⁶ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 109—115.

³⁹⁷ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 54—55.

³⁹⁸ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 318—320.

³⁹⁹ Отрывки из воспоминаний полковника О.И. Пантюхова // Гвардейские стрелки (История гвардейской стрелковой дивизии): Сб. материалов. Царское Село, 2005. С. 165.

⁴⁰⁰ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 319, 326; Иванов С. Увольнение Н.Н. Романова от должности Верховного Главнокомандующего // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 342—343

⁴⁰¹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. С. 324.

⁴⁰² Там же. С. 324—325.

⁴⁰³ Там же. С. 369—370.

⁴⁰⁴ Нагорная О.С. Танненберг 1914—1934: Национальный миф и политическая культура Германии: Дис. ... к.и.н. Челябинск, 2002. С. 78; *Dein W. Militär, Stadt und Gesellschaft*. München, 1991. S. 139. О культуре Гинденбурга см.: *Von Hoegen J. Der Held von Tannenberg. Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos (1914—1934)*. Köln, 2007. 464 s.

⁴⁰⁵ Новое время. 1915. 24 августа.

⁴⁰⁶ Бубнов А. В царской ставке. С. 159

Глава VII
Вдовствующая императрица Мария Федоровна
в патриотической пропаганде, «народных» слухах и
оскорблениях

- ¹ ЦДИАУК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 5956. Л. 1—3.
- ² Новое время. 1914. 23, 29, 30 июля; 1, 4, 8, 9, 17 августа.
- ³ *Кантакузина Ю.* Революционные дни. С. 128—129.
- ⁴ *Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 222; Новое время. 1914. 16 августа.
- ⁵ Новое время. 1916. 26 мая.
- ⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 186 об.—187.
- ⁷ Там же. Л. 323—323об.
- ⁸ Там же. Л. 155—155об., 239, 251 об.—252.
- ⁹ Там же. Л. 129 об.
- ¹⁰ Огонек. 1914. № 30. 27 июля (9 августа). С. 2.
- ¹¹ Огонек. 1915. № 19. 10 (23) мая; 1916. № 5. 31 января (13 февраля); Столица и усадьба. 1915. № 36—37. 1 июля. С. 19; 1916. № 55. 1 апреля. С. 20; № 60—61. 1 июля. С. 26.
- ¹² Новое время. 1914. 27 июля; Летопись войны 1914 года. 1914. № 4. (13 сентября). С. 58; 1915. № 49. 25 июля. С. 777.
- ¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 219об.—220, 377, 480—480 об.
- ¹⁴ «Железную дорогу строила Государыня Мария Федоровна с генералом Треповым, который на нее скакал, а она ему подпачивалась жопой» (Там же. Л. 155).
- ¹⁵ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 2об.; ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 12. Л. 297—298.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 230.
- ¹⁷ Там же. Л. 481—481 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 4, 524.
- ¹⁹ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 2 об.
- ²⁰ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 354.
- ²¹ Там же. Л. 312—312 об.
- ²² Там же. Л. 27.
- ²³ Там же. Л. 226 об.—227.
- ²⁴ Там же. Л. 208—208 об.
- ²⁵ В одном случае доносители вспомнили, что обвиняемый как-то назвал вдовствующую императрицу дочерью датского короля, но они отказались в это поверить. Невроятным им казалось и то, что жена царя — немка (Там же. Л. 320 об.—321).
- ²⁶ Там же. Л. 404.
- ²⁷ Там же. Л. 317 об.—318; 527. 538 об.
- ²⁸ Там же. Л. 229, 529.
- ²⁹ Там же. Л. 339 об.

¹¹ Там же. Л. 170; 170 об., 358—358 об.; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны. С. 122.

¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 188.

¹³ Там же. Оп. 530. Д. 1035. Л. 14.

¹⁴ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 523.

¹⁵ Там же. Л. 326, 483 об., 499, 531 об.

¹⁶ Там же. Л. 435; Оп. 530. Д. 1035. Л. 47.

¹⁷ Там же. Оп. 521. Д. 476. Л. 101.

¹⁸ Там же. Л. 193.

¹⁹ Там же. Л. 92.

²⁰ Там же. Л. 342.

⁴⁰ Там же. Л. 336, 397. Слух о «бабушке-убийце» появлялся и позднее. В 1924 году в норвежской прессе сообщалось, что полицейский генерал Комиссаров якобы утверждал, что вдовствующая императрица настолько ненавидела Александру Федоровну, что мечтала провозгласить наследником вместо шуренича Алексея великого князя Михаила Александровича. Эта история основывалась на слухе, будто бы Мария Федоровна с помощью двух садовников пыталась лишить царевича жизни в одном из дворцовых парков (*Енсен Б.* Среди цареубийц: Вдовствующая императрица, семья последнего русского царя и Запад. М., 2001. С. 186).

⁴¹ Дневниковые записки офицеров Собственного е.и.в. Конвоя при императрице Марии Федоровне (Киев, 1916—1917; Дания, 1921—1928 гг.) // *Ящик Т.К.* Рядом с императрицей: Воспоминания лейб-казака / Ред. С.И. Поголов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 193—194.

⁴² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 83 об.—84, 171.

⁴³ Там же. Л. 54.

⁴⁴ *Сергеевич.* Развратная династия (Голая правда о низложенном царе и его холопах) // Живое слово. 1917. Пг., 11 марта.

Глава VIII Источники антидинастических слухов

¹ *Раунах Р.Р. фон.* *Facies Hippocratica* (Лих умирающего). С. 169.

² *Пиленко А.* Точки зрения // Новое время. 1914. 30 июля; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 317.

³ См.: *Longley D.A.* *Iakovlev's Question, or the Historiography of the Problem of Spontaneity and Leadership in the Russian Revolution of February 1917 // Revolution in Russia: Reassessments of 1917.* Cambridge, 1992. P. 365—387; *Хасегава Ц.* Февральская революция: Консенсус исследователей // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 95—108.

⁴ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 123.

- ⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1029. Л. 1280.
- ⁶ *Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова)* — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 91.
- ⁷ *Палеолог М.* Дневник посла. С. 374.
- ⁸ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии, июль 1915 г. — февраль 1916 г. С. 202.
- ⁹ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 38.
- ¹⁰ *Васильев А.Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Т. 2. С. 414—415. См. также: *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. С. 160.
- ¹¹ *Востоков В.* Точные данные к послужному списку митрофорного протоиерея Вл. Востокова. С. 4; Columbia University Library. Bakhmetieff Archive. Vostokov Papers. Box 1 (*Востоков В.* Избрание о. Востокова в Учредительное собрание); *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Т. 1: Сентябрь 1915 — март 1917. М., 1993. С. 184, 207, 240, 242—243, 246—253 и др.
- ¹² *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны. С. 122.
- ¹³ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 309.
- ¹⁴ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 1. С. 160. См. также: С. 170, 173.
- ¹⁵ *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С. 251—253.
- ¹⁶ *Платонов О.А.* Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996. С. 97, 231 и др.
- ¹⁷ *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 40; *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. Изд. 3-е, доп. СПб., 2004. С. 96.
- ¹⁸ *Иоффе Г.З.* «Распутиниада»: Большая политическая игра // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 107—109.
- ¹⁹ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 120.
- ²⁰ Народный трибун. 1917. 24 октября.
- ²¹ *Раупах Р.Р. фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего). С. 168.
- ²² *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. С. 251. Даже родственники царя обличали «постоянные вторгательства во все дела темных сил» (письмо великого князя Николая Михайловича Николаю II от 1 ноября 1916 г.). См.: Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю) / Ред. В.П. Семенников. М.; Л., 1925. С. 68.
- ²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1019. Л. 796; Д. 1026. Л. 485.
- ²⁴ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 144.
- ²⁵ *Маевский В.А.* На грани двух эпох (Трагедия императорской России). Мадрид. 1963. С. 11; *Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк, 1955. С. 285; *Игнатьев П.А.* Моя миссия в Париже. М., 1999. С. 109—112; Отрывки из воспоминаний полковника О.И. Пантюхова // Гвардейские стрелки (История гвардейской стрелковой дивизии): Сб. материалов. Царское Село, 2005. С. 182.
- ²⁶ Politisches Archiv des Auswartigen Amts (Bonn). Der Weltkrieg. Russland. 104.

№ 11с. R. 20984. А. 2587; R. 20985. А. 981; R. 20986. А. 3657, 3885; R. 20987. А.6370.

²⁷ Падение царского режима. Т. 1. С. 40.

²⁸ *Зюнарев К.К.* Агентурная разведка. Т. 2: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 гг. М., 1931. С. 146; *Лемке М.* 250 дней в царской Ставке. Пб., 1920. С. 561, 683.

²⁹ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Muenchen). Abt. IV: Kriegsarchiv. Bay. Kav. Div., Abt. 1c. Band 30. Akt 4.

³⁰ *Клох А.В.Ф.* With the Russian Army. London, 1921. Vol. 2. P. 600—601.

³¹ *Головин Н.Н.* Российская контр-революция в 1917—1918 гг. Ч. 1: Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Кн. 1. Таллинн. 1937. С. 19, 63.

³² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 1.

³³ См., например: *Тайны Царскосельского дворца*. С. 14; *Труфанов И.* Тайны дома Романовых. С. 23, 24.

³⁴ *Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний*. М., 1991. С. 163; *Кризис самодержавия в России, 1895—1917* / Отв. ред. В.С. Дякин. Л., 1984. С. 639; *Гурко В.И.* Царь и царица. Париж, 1927. С. 70—71.

³⁵ Известный военный юрист Р.Р. фон Раупах вспоминал, что после каждого серьезного поражения русской армии из Ставки военно-полевого суду давались распоряжения начать новые поиски шпионов и изменников: Columbia University Library. Bakhmetieff Archive. Raupakh Papers. Box 1 (*Фон Майдель Е. Роман Романович фон Раупах*. С. 33).

³⁶ См.: *Шаццло К.Ф.* «Дело» полковника Мясосдова // *Вопросы истории*. 1967. № 4. С. 103—116; *Fuller W.C., Jr.* The Foe Within: Fantasies of Treason and the End of Imperial Russia. Ithaca, 2006; см. перевод: *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

³⁷ РГИА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 101. Л. 9, 256, 336, 498—499.

³⁸ См., например: ОР РНБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 70. Л. 99 (*Пешехонова А.Ф.* Былое: Воспоминания 1905—1919 гг.).

³⁹ The Catastrophe: Kerensky's own Story of the Russian Revolution. New York; London, 1927. P. 39.

⁴⁰ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. С. 84—85.

⁴¹ The Complete Wartime Correspondence of Tsar Nicholas II and the Empress Alexandra. P. 224.

⁴² *Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III: 1914—1915 гг.* М.; Пг., 1925. С. 212, 223, 243.

⁴³ Еще в сентябре 1915 года на собрании московских адвокатов утверждалось, что «именно немен внутренний не дает нам разбить немца внешнего»: Буржуазия накануне Февральской революции. С. 44. См. также с. 129.

⁴⁴ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (Muenchen). Abt. IV: Kriegsarchiv. Bay. Kav. Div., Abt. 1c. Band 30. Akt 2.

⁴⁵ European Culture in the Great War: The arts, entertainment and propaganda, 1914 — 1918 / Ed. A. Roshwald and R. Stites. Cambridge, 2002. P. 84, 102.

⁴⁶ Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К. Зверева. М., 2006. С. 302.

⁴⁷ Ср.: *Альбинов*. Шпионы и шпионаж. Пг., 1914; *Его же*. Житие неподобного старца Григория Распутина. Пг., 1917. То же можно сказать и об авторах

популярных песен. Ср.: *Шкулев Ф.* Что ты кайзер... // Спите орлы боевые. М., 1916. С. 14—15; *Его же.* Чем Русь славилась // Песни Великой Русской революции. М., 1917. С. 8.

⁴⁸ *Мисолов А.А.* При дворе последнего российского императора. С. 98—99.

⁴⁹ *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. 3: 1917. Ч. 1: От Февраля до Октября. М., 1927. С. 22.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1127. Л. 3—3 об. Фактическим автором письма был Д.В. Философов. Письмо было использовано в листовке Петербургского комитета большевиков, изданной в феврале 1915 года: *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Т. 1. С. 168.

⁵¹ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917): Сб. документов. М., 1966. С. 428.

⁵² Письмо Р. Вильтона, корреспондента «Таймс» в России, лорду Нортклифу, датированное ноябрем 1915 года (The British Library Manuscript Collection. Northcliffe Papers. Add. 62253. P. 161).

⁵³ РГИА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 82. Л. 193. Обзор иностранной прессы.

⁵⁴ См.: *Eroticism and the Body Politic* / Ed. Lynn Hunt. Baltimore; London, 1984; *Hunt Lynn.* Pornography and the French Revolution // *The Invention of Pornography: Obscenity and the Crisis of Modernity, 1500—1800.* New York, 1993. P. 301—332. Похоже, что русская императрица чувствовала какую-то связь с казенной королевой, ее портрет висел в кабинете Александры Федоровны, одна из комнат в ее апартаментах воспроизводила стиль эпохи Людовика XVI: *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Т. 2. С. 39. Сестра царицы великая княгиня Елизавета Федоровна говорила ей во время последнего свидания: «Ты кончишь, как Мария Антуанетта».

⁵⁵ *Мельгунов С.П.* Судьба императора Николая II после отречения. С. 67. По-видимому, в дореволюционной России преобладала французская порнографическая продукция. Показательно, что произведения такого рода именовались «парижским жанром».

⁵⁶ Columbia University Library. Manuscript Room. Templewood Papers. XXI:(A)2. P. 24 (*Hoare S.* Three Missions: Russia, Italy, Spain).

Глава IX

Антимонархическое сознание?

¹ Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (Материалы к изучению истории мировой войны и Февральской революции) / Ред. А. Максимов. Казань, 1932. С. 180.

² *Кирьянов И.К.* Политическая культура русского крестьянства в период капитализма. С. 102; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны. С. 71.

³ *Буганов А.В.* Отношение к русским царям в народном сознании XIX начала XX века // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / Ред. Т.И. Заславская. М., 2002. С. 259—260; *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX — начала XX века). М.: Тамбов, 2004. С. 129.

⁴ *Безгин В. Б.* «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (Крестьянский монархизм конца XIX — начала XX в.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сб. науч. ст. СПб., 2004. Вып. 2. С. 31.

⁵ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): Сб. документов / Ред. А.М. Анфимов. М.; Л., 1965. С. 408—409; РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 280 об.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 277.

⁷ Там же. Л. 349.

⁸ Там же. Л. 133, 474 об., 501 об.

⁹ Там же. Л. 534.

¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8762. Л. 71. Сообщено Н.А. Дунаевой, которой я приношу благодарность.

¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 530.

¹² *Vixhoevden S., baronesse.* The Life and Tragedy of Alexandra Fedorovna, Empress of Russia: A Biography. London; New York; Toronto, 1928. P. 248.

¹³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 296 об.

¹⁴ Там же. Л. 362 об.

¹⁵ *Степняк-Кравчинский С.М.* В лондонской эмиграции. М., 1968. С. 19.

¹⁶ Показателен анекдот, появившийся после антинемецкого погрома в Москве. На дворе Елизаветы Федоровны вывешен плакат: «Фирма немецкая, по 300 лет в России. Дядюшка на войне» (*Каррик В.* Война и революция: Записки, 1914 — 1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 34).

¹⁷ *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (Mass.); London, 2003. P. 16—17, 31—54.

¹⁸ *Савинова Н.В.* Погромы немцев в Московской губернии в мае 1915 г. // Россия в XX веке: Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2001. С. 430, 432.

¹⁹ *Гатагова Л.* Хроника бесчинств: Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10.

²⁰ Уличные беспорядки и выступления рабочих в России по документам Департамента полиции (1914—1917 гг.) // Исторический архив. 1995. № 5/6. С. 68; *Меницкий И.* Революционное движение военных годов (1914—1917). М., 1925. С. 420; *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып. 1. С. 194, 196, 197.

²¹ ЦДИАУК. Ф. 1680. Оп. 1. Д. 227. Л. 84—88.

²² Новое время. 1915. 10, 11, 12 августа.

²³ *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. P. 167. В то же время антисемитская пропаганда могла восприниматься как антибуржуазная; и наоборот: антикапиталистическая риторика социалистов использовалась юдофобами.

²⁴ *Заварзин П.П.* Жанدارмы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. С. 123.

²⁵ Там же. С. 336—337.

²⁶ О радикализации членов Государственной думы, включая и весьма консервативных ее депутатов, см.: *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. 695 с.

- ²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1435; РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 19.
- ²⁸ ОР РНБ. Дом Плеханова. Ф. 482. Д. 224. Л. 1.
- ²⁹ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума. С. 278—279.
- ³⁰ СПб. ОА РАН. Ф. 162 (Стеклов В.А.). Оп. 3. Д. 168. Л. 470б.
- ³¹ *Новиков М.М.* Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 282.
- ³² Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. С. 146. Социалистическая пресса редко обращалась к теме интимной жизни царской семьи: *Мельгунов С.П.* Судьба императора Николая II после отречения. С. 67; *Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917—1921. Princeton, 1974. P. 270.
- ³³ *Гомбарт Ю.Я.* Предатели России или большевики Николая Романова (Этюд из семейной жизни Романовых в 4-х картинах). Пг., 1917.
- ³⁴ Цит. по: *Залежский В.* Гельсингфорс весной и летом 1917 года // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 175.
- ³⁵ Сплетни такого рода поступали в британское министерство иностранных дел, при этом они не рассматривались как абсолютно абсурдные: Public Record Office (London). Foreign Office (Далее — PRO FO). 371, 3016, № 205925. P. 544—545; № 208373. P. 577—578; № 210021. P. 582; 3017, № 209501. P. 10—11. Подробнее см.: *Колоницкий Б.И.* Британские миссии и А.Ф. Керенский (март—октябрь 1917 года) // Россия в XIX—XX вв.: Сб. статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина / Ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 67—76.
- ³⁶ PRO. War Office. 158/964. P. 6.
- ³⁷ *Білий В.* Короленькі пісні («частушки») років 1917—1925 // Етнографічний вісник. Київ. 1925. Кн. 1. С. 30.
- ³⁸ *Лобачева Г.В.* Самодержец и Россия: Образ царя в массовом сознании россиян (Конец XIX — начало XX века). Саратов, 1999. С. 92.

Заключение

¹ *Куликов С.В.* «Революции неизменно идут сверху»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007. № 11; *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г). М., 2003; *Николаев А.Б.* Революция и власть. IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

² Об этом см.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.

³ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту: Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2003. С. 22; *Morrissey S.K.* Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York; Oxford, 1998. P. 219—220.

⁴ О «национализации» см.: *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, MA, 2003.

⁵ Отсылаю читателей к исследованию американского историка У. Фуллера, которое уже не раз упоминалось на страницах этой книги: *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

⁶ О националистической составляющей Февральской революции см. нашу статью: *Колоницкий Б.И.* «Русская идея» и идеология Февральской революции // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация (Материалы международного семинара) / Ред. А. Данилевский, А. Доценко. Тарту: Tartu University Press, 1997. С. 11–37. Переиздание см.: *Toronto Slavic Quarterly*. 2007. No. 21. Электр. версия: <http://www.utoronto.ca/tsq/18/kolonitsky18.shtml> (последнее посещение 20 октября 2009 г.).

⁷ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка) / Гл. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 1999. С. 91, 223.

⁸ *Jahn H.J.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London, 1995. P. 172–174.

⁹ ЦДИАУК. Ф. 1072. Оп. 4. Д. 4. Л. 8.

Список сокращений

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Саратовской области
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области
ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы
(Пушкинский Дом)
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА — Российский государственный исторический архив
СПб. ОА РАН — Санкт-Петербургское отделение Архива Российской академии наук
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦДАУК (ЦГИАУК) — Центральный державний історичний архів України, м. Київ (Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве)

Список иллюстраций

Ил. 1. Почтовая открытка (1914). Император Николай II, король Великобритании и Ирландии, император Индии Георг V, король Бельгийский Альберт I.
Российская национальная библиотека.

Ил. 2. Почтовая открытка (1914). Император Николай II, король Великобритании и Ирландии, император Индии Георг V, президент Французской Республики Р. Пуанкаре.
Российская национальная библиотека.

Ил. 3. Синий журнал. 1914. № 30 (14 Августа).
Российская национальная библиотека.

Ил. 4. Огонек. 1914. № 33. 17 (30 августа). С. 1. Их императорские Величества в Москве.
Российская национальная библиотека.

Ил. 5. Николай II. Гравюра М.В. Рундальцева (1914). Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (Сентябрь – октябрь 1914 г.) / Сост. генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. IV. (лаг. 1-я).
Библиотека Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук.

Ил. 6. Николай II. Летопись войны 1914–15 гг. № 48. 18 июля.
Российская национальная библиотека.

Ил. 7. Почтовая открытка (1914). Надпись: «Его Императорское Величество Государь Император принимает доклад о ходе военных действий от Его Императорского Высочества Верховного Главнокомандующего, Великого Князя Николая Николаевича в присутствии начальника штаба Верховного Главнокомандующего Генерал-от-инфантерии Янушкевича.
Российская национальная библиотека.

Ил. 8. Царская ставка. Император Николай II и наследник цесаревич Алексей Николаевич. Фот. П.А. Оцупа (1915). Солнце России. 1916. № 304. (1). С. 4.
Российская национальная библиотека.

Ил. 9. Николай II на смотре кавалерийского корпуса. Летопись войны 1914–16 гг. № 80. 27 февраля 1916 г. С. 1274.
Российская национальная библиотека.

Ил. 10. Император Николай II и наследник цесаревич Алексей Николаевич (1916). Столица и усадьба. 1916. № 55. 1 апреля. С. 16.
Российская национальная библиотека.

Ил. 11. Император Николай II, наследник цесаревич Алексей Николаевич, великая княжна Татьяна Николаевна и князь Никита Александрович. (1916). Столица и усадьба. 1916. № 55. 1 апреля. С. 18.
Российская национальная библиотека.

Ил. 12. Царь в действующей армии. Рис. из журнала «Illustration». Синий журнал. 1915. № 30 (25 июля). С.3.

Российская национальная библиотека.

Ил. 13. Ковыль-Бобыль И. Царица и Распутин. Пг.: Свободное книгоиздательство, 1917. Обложка.

Российская национальная библиотека.

Ил. 14. «Признали мы за благо...» Карикатура Рс-ми (Н.В.Ремизова). Новый сатирик. 1917. № 12. (март). С.5.

Российская национальная библиотека.

Ил. 15. Великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна принимают пожертвования в Зимнем дворце. Столица и усадьба. 1914. № 23. 1 декабря. С.20.
Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 16. Императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна (1914). Фото Я.В.Штейнберга. Столица и усадьба. 1915. № 25. 5 января. С.21.

Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 17. Августейшая сестра милосердия государыня императрица Александра Федоровна. Фото П.И.Волкова (1914). Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии, ноябрь—декабрь 1914 г. / Сост. Генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С.139.

Библиотека Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук.

Ил. 18. Великая княжна Татьяна Николаевна. Фото П.И.Волкова (1915?). Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии, январь — июнь 1915 г. / Сост. Генерал-майор Дубенский. Пг., 1915. С. 193.

Библиотека Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук.

Ил. 19. Императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга и Татьяна и А.А.Вырубова в Царскосельском госпитале (1915). Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К.Зверева. М., 2006. Вклейка между с. 128—129.

Ил. 20. Императрица Александра Федоровна и великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Солнце России. 1915. № 289 (34). Август. С.1.

Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 21. Почтовая открытка (1914?). Императрица Александра Федоровна assisteрует во время хирургической операции в Царскосельском госпитале.

Российская национальная библиотека.

Ил. 22. Высочайший смотр запасным батальонам гвардейских полков на Марсовом поле. Императрица Александра Федоровна и наследник цесаревич смотрят на проходящие церемониальным маршем войска. Солнце России. 1916. № 326 (20). 1916. С.1.
Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 23. Сестры милосердия 4-го летучего отряда полевой Юго-Западной земской организации (1915). Огонек. 1915. № 35. 30 августа (12 сентября).

Российская национальная библиотека.

Ил. 24–27. Обложка и иллюстрации из брошюры: «Самодержавная» Алиса и распутный Гриша. Пг., 1917.

Российская национальная библиотека.

Ил. 28. Германская телеграфная станция. Почтовая открытка (1917).

Российская национальная библиотека.

Ил. 29. «Самодержавие». Почтовая открытка (1917).

Houghton Library, Harvard University.

Ил. 30. Казнь Гришки Распутина. Пг., 1917. «Альманах свобода». Вып. 1. Обложка.

Российская национальная библиотека.

Ил. 31. Великий князь Николай Николаевич. Французская открытка времен Первой мировой войны.

Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 32. PoLacy! Открытка времен Первой мировой войны (1914).

Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 33. Великий князь Николай Николаевич. Почтовая открытка (1914).

Российская национальная библиотека.

Ил. 34. Великий князь Николай Николаевич (Фотомонтаж). Синий журнал. 1914. № 30 (14 Августа). С.4.

Российская национальная библиотека.

Ил. 35. Великий князь Николай Николаевич. Плакат времен Первой мировой войны.

Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 36. Почтовая открытка (1914). Император Николай II и великий князь Николай Николаевич.

Российская национальная библиотека.

Ил. 37. Почтовая открытка (1915?). Великий князь Николай Николаевич.

Российская национальная библиотека.

Ил. 38. Смотр кавказских войск в присутствии наместника, великого князя Николая Николаевич. Летопись войны 1914–15 гг. № 79. 20 февраля 1916 г. С.1261.

Российская национальная библиотека.

Ил. 39. Наместник Его Императорского Величества на Кавказе, Августейший Главнокомандующий кавказской армией Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич. Искры. 1916. № 42 (30 октября). С.329 (обложка).

Российская национальная библиотека.

Ил. 40. Великий князь Николай Николаевич, наместник императора на Кавказе. Летопись войны 1914–1917 гг. № 131. 18 февраля. 1917 г. С.2090.

Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 41. Вдовствующая императрица Мария Федоровна. Летопись войны 1914 года. № 4. (13 сентября).

Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 42. Вдовствующая императрица Мария Федоровна раздает раненым нашейные образки. Фот. П.А. Оцула. Огонек. 1915. № 19. 10 (23) мая.
Национальная библиотека Финляндии.

ВКЛЕЙКА

Ил. 1. «Война России с немцами. День объявления войны». Плакат (1914).
Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 2. «Великий союз народов против Германии и Австрии — залог европейского мира». Плакат (1914).
Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 3. «Петербургский крысолов». Австрийская открытка эпохи Первой мировой войны.
<http://www.wwl1-propaganda-cards.com/r010slide.html>
Последний просмотр 16 декабря 2009 года.

Ил. 4. «Вот так симпатичную же вошь посадил я себе на мех!» Австрийская открытка эпохи Первой мировой войны.
<http://www.wwl1-propaganda-cards.com/r017slide.html> Последний просмотр 16 декабря 2009 года.

Ил. 5. И.С.Горюшкин-Сорокопудов. «На подвиг». Нива. 1916. № 31 (30 июля). С.517.
Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 6. Брошюра: Ковыль-Бобыль И. Вся правда о Распутине. Пг., 1917. Обложка.
Российская национальная библиотека.

Ил. 7. Брошюра: Тайны дома Романовых. Пг., 1917. Обложка.
Российская национальная библиотека.

Ил. 8. Николай и Вильгельм. Открытка (1917).
Российская национальная библиотека.

Ил. 9. Е.И.В. Вел. Кн. Николай Николаевич Верховный Главнокомандующий в подвижной штаб-квартире. Открытка (1914).
Российская национальная библиотека.

Ил. 10. Лукоморье. 1914. № 26 (7 ноября). Обложка. Е.И.В. Верховный Главнокомандующий Вел. Кн. Николай Николаевич. Акварель Г.И. Нарбута.
Национальная библиотека Финляндии.

Ил. 11. Великий князь Николай Николаевич. Памятный жетон. Московская фабрика Кучкина. (1915).

Ил. 12. «Шах! Шах!». Австрийская карикатура (1915).
<http://www.wwl1-propaganda-cards.com/a024slide.html> Последний просмотр 16 декабря 2009 года.

Ил. 13. Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич. Акварель Нива. 1916. № 41 (8 октября). С.677 (Обложка). Акварель Н.С. Самокиша.
Национальная библиотека Финляндии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Абдулов Х.* 58, 59
Абросимова Т. А. 5
 Аврам 501
Аврех А. Я. 494, 508
 Агапит (Вишневский), епископ 109
 Адлерберг В. В., граф 347, 392
 Айзенштейн С.-И. Р. 352
 Акимов А. 483
Аксёнов В. Б. 33
 Александр I, император 76, 108, 147, 173, 177
 Александр II, император 147, 173, 177, 208, 223, 244, 359, 451
 Александр III, император 97, 177, 189, 209, 236, 319, 359, 375, 380, 434
 Александр Михайлович, вел. кн. 350, 388, 391, 393, 542
 Александр Карагеоргиевич, королевич Сербии, принц-регент, 451
 Александра, английская королева 142, 201
 Александра Петровна (инокиня Анастасия), вел. кн. 379—381
 Александра Фёдоровна, императрица 22, 24, 26, 36, 37, 48, 70, 73, 75, 89, 99, 101, 102, 112, 114, 120, 131, 140—142, 154, 160, 162, 166, 167, 170, 178, 180, 187, 200—204, 207, 216, 224, 226, 227, 230, 234, 236, 241—250, 252—257, 261, 263, 264, 266—270, 273—275, 277, 279—283, 285, 286—289, 293—309, 311—317, 319—322, 325—327, 329, 330, 343, 345—351, 353—357, 359, 360, 362, 365—370, 372, 373, 386, 394, 398, 404, 413, 441, 458, 460, 478, 481, 484, 495, 520—523, 526, 528, 529, 544, 547, 548, 551, 558, 565, 575—577, 583, 603, 607, 612, 617, 633, 636
 Алексеев М. В. 156, 157, 163, 164, 178, 309, 347, 348, 415, 488, 509, 510, 615
 Алексей Михайлович, царь 90
 Алексей Николаевич, цесаревич 62, 70, 73, 88, 89, 96, 133, 140, 141, 165—172, 176, 177, 181, 247, 256, 275, 316, 398, 556, 606, 608, 633
 Алексей, митрополит, св. 90
 Алиса, вел. герцогиня Гессенская 262
 Альберт I, король Бельгии 74, 103, 420, 440, 441
Ананьич Б. В. 5
 Анастасия Николаевна, вел. княж. 278, 279, 420
Анастасия (Стана) Николаевна, вел. кн. 6, 345, 381, 392, 393, 394, 396, 411, 412, 454, 495, 496
 Андрей Владимирович, вел. кн. 143, 147, 243, 298, 418, 445, 470, 478, 482, 485, 487, 491, 508
 Андрианов А. А. 345
 Андроник (Никольский), епископ 537
Анисимов Е. В. 5, 42
 Анненкова 327
Ансберг О. Н. 598, 614
 Арам 497
 Арапова А. 413
 Аргунов А. А. 304
 Аристархов М. Г. 184
 Артамонов Л. К. 477
 Архангельская Н. И. 168
Асташов А. Б. 41
 Бадмаев П. А. 223, 224, 226
 Базили Н. А. 615

* Именной указатель составлен Е. Леменовой.

- Байков С. В. 475
 Бакашова А. М. 261
 Балашев (Балашов) П. Н. 86
 Бальфур А. Д., лорд 420
 Барановская М. И. 297
 Барановская Э. М. 528
 Бараш (Месаксуди) Л. Л. 261
 Бардаков Г. И. 211
 Барк П. Л. 86
 Барятинский А. В., кн. 174
 Баттенберги (Маунтбеттены), кня-
     жеская династия 549,
 Бахрах М. 438
 Безгин В. Б. 42, 44, 552, 553, 555
 Безносков К. 134
 Белецкий С. П. 251, 457
 Белов 129
 Белов Е. 208
 Белявский Ш. И. 465
 Беляев М. А. 350
 Белый 128
 Бенкендорф П. К., граф 219, 353
 Бенингсен Ф. В., графиня 261
 Беннинг С. 261
 Бенуа А. Н. 195, 234
 Берти Ф., лорд 303
 Бисмарк О. фон 301
 Блок А. А. 310, 322, 364
 Блок М. 15, 21, 22, 23
 Блэннинг Т. 5
 Бобринский А. А., гр. 320
 Бобринский Г. А., гр. 407
 Богданович А. В. 320
 Богораз-Тан В. Г. 8
 Борис Владимирович, вел. кн. 178,
     339, 507
 Бостунич Г. В. (Г. В. Шварц, Грегуар
     ле Нуар) 352, 357—361
 Бродский Б.-У. Я. 104
 Брусилов А. А. 122, 168, 190, 193,
     309, 417, 437
 Брянский В. Д. 87
 Брячанинов А. Н. 345
 Буассона Ф. 519
 Бубнов А. Д. 138, 392, 439
 Бугинов А. В. 553
 Буйлов К. П. 52
 Буксегвген С. К., баронесса 22
Булгаков С. Н. 9—13, 80, 162, 198, 578
 Булла К. К. 183, 438, 450, 451, 587,
     593
 Булыгин А. Г. 160, 474
 Бурцев В. Л. 45, 206
 Бьюкенен Дж. 223, 261, 299, 316
 Бьюкенен М. 261
Бэйкер К. 19
 Вакулин Н. А. 63
Ван Клей Д. 19
 Ван Лангенхофе Ф. 21
 Варнава (Накропин), архиепископ
     159, 245
 Васильев А. П. 73
 Васильев А. Т. 533
 Васильчикова С. Н., кн. 348
 Велихов Л. А. 447, 458
 Верженский А. 184
 Вселовский С. Б. 312, 313
 Виктория, английская королева 262
 Виктория, королева Швеции 304,
     305
 Виктория Фёдоровна, вел. кн. 154,
     186, 201, 281
 Виленский А. Н. 232
 Вильборг А. И. 96, 98, 279, 451
 Вильгельм (Фридрих Вильгельм
     Виктор Август Эрнст), крон-
     принц прусский 599
 Вильгельм II, кайзер Германии и ко-
     роль Пруссии 79, 95, 103, 114,
     115, 131, 160, 179, 207, 212—215,
     217, 230, 233, 235, 237—239, 292,
     298, 302, 303, 352, 511, 512, 524,
     539, 546, 549, 574, 599
 Винтерголлер И. Д. 212
Витенберг Б. М. 5, 596
Витмер А. Н. 36
 Витте С. Ю. 386, 391, 393, 396
 Владимир Александрович, вел. кн.
     281, 374
 Владимир Святой, кн. 399
 Владимиров И. А. 428, 623

- Владимировичи, дети вел. кн. Владимира Александровича 201, 490
Воейков В. Н. 102, 237, 344, 347, 352, 438, 483, 496
Волжин Н. 437
Волков П. И. 250, 258, 271, 274, 275, 277, 279
Вольский 405
Воронцов-Дашков И. И., гр. 482, 497
Воронцова-Дашкова Е. А., гр. 498
Востоков В. И. 534, 536
Врангель Н. Н., барон 26, 218
Вырубов А. В. 320
Вырубова А. А. (урожд. Танеева) 223, 253, 254, 265, 267, 278—279, 288, 305, 311, 316, 320—322, 325, 326, 350, 351, 364, 366—369, 396, 532, 544
Гавриил Константинович, вел. кн. 538
Гагарин, кн. 351
Гагарин Г. Г., кн. 484
Гагарина М. А., кн. 156
Гагарина Т. А., кн. 486
Газенкамф М. А. 387
Гайда Ф. А. 567
Гальперина Б. Д. 5
Ган К. Е. 163
Гедройц В. И., княж. 262, 269, 327, 328, 612
Гейлер К. И. фон 55
Гейль С. А. 213
Гельман В. Я. 6
Георг V, король Великобритании 74, 75, 181, 200
Георгий (Юрий) Лейхтенбергский, герцог 392, 393, 412
Георгий Михайлович, вел. кн. 155, 175
Гинденбург П. фон 472, 511, 512
Гиппиус З. Н. 35—38, 234, 322, 551
Глинка Я. В. 185
Гогеншоллерны, династия 230, 546, 577
Годнsv И. В. 72, 474, 562
Голике Р. Р. 96, 98, 279, 451
Голицын, кн. 351
Голицын А., кн. 23
Голицын П. П., кн. 213, 351, 484
Голицына Н. П., кн. 486
Голицын-Муравлин Д. П. 86
Головин Н. Н. 8, 32, 534, 541
Головина М. Е. 321
Голошанов П. А. 271
Голубев И. Я. 85, 86
Гольдман Я. Ю. 447
Горемыкин И. Л. 13, 86, 139, 145, 148, 150, 152, 249, 261, 314, 322, 457, 479, 486
Горький М. 356
Григорович И. К. 310
Григорьев В. Н. 471
Григорьев С. И. 16, 92, 246
Гримм Д. Д. 86, 87
Громов А. 498, 500
Грэхэм Л. Дж. 19
Грюнвальд А. А. фон 219
Гужон Ю. П. 221
Гумилев Н. С. 272
Гурко Вас. И. 309, 310
Гурко Вл. И. 542
Гутоп Г. В. 292
Гучков А. И. 348, 455, 507, 536, 542
Даниил Романович, кн. Галицкий и Волынский 399
Данилов Ю. Н. 97, 100, 135, 396, 406, 419, 430, 487
Дарнтон Р. 19
Девель Д. 348
Ден Ю. (Л.) А., фон 32, 328
Джунковский В. Ф. 29, 105, 259, 430, 460, 485, 586
Дзюбинский В. И. 297, 485
Дмитриев-Оренбургский Н. Д. 382
Дмитрий Павлович, вел. кн. 223, 321, 541, 603
Долбилов М. Д. 5
Долгорукий С. А. 347
Драга Машин Обренович, королева Сербии 351

- Драгомиров М. И. 383
 Дрентельн А. А. фон 219, 345
 Дубенский Д. Н. 85, 90, 105, 109, 113, 115, 189, 252, 347, 374, 447, 532,
Дубенцов Б. Б. 5
 Дубин П. Л. 214
 Дубинов С. М. 363
Дунаева Н. А. 6, 42, 599
 Дурново П. Н. 137
 Дьяков А. Л. 485, 488
 Дэвис Д. 312
 Дюбуа А. Э. 610
Дюпра А. 19
- Евреинов В. А. 400
 Евтихеев В. Ф. 404
 Егерман П. И. 475, 476
 Ежов, вахмистр 379
 Екатерина II, императрица 316, 319, 359, 360, 366
 Елена Георгиевна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская 381
 Елизавета Венгерская, св. 262
 Елизавета Петровна, императрица 355
 Елизавета Фёдоровна, вел. кн. 70, 199, 248, 262, 306, 345, 371, 485, 528, 557, 636, 637
Елишев А. 25
 Еникеева В. 486
 Есенин С. А. 273
- Жанна Д'Арк* 195
 Жевахов Н. Д., кн. 534
Живов В. М. 15
 Жильяр П. 76, 88, 167, 288, 294, 538
 Жироховы 57
 Житков Н. Ф. 6
 Жофр Ж. 459
- Забежинский И. X. 524
 Загретский С. А. 471, 472
 Зарин А. Е. 252, 253, 280, 282, 283, 284, 285, 287, 372
 Здлярский А. Ф. 403
 Зенуков И. А. 553
- Зилов 156, 593
 Зильберберг М. Б. 6
 Зорьева-Басалыго Н. 450
 Зубковская С. А. 261
 Зуев С. Н. 494
- Иван Калита, вел. кн. 399
 Иванов 501
 Иванов Н. И. 169, 171, 173—175, 437, 489, 495
 Иванова М. И. 334, 335
 Игнатъев, гр. 489
 Игнатъев Л., гр., 501
 Игнатъева Е. Л., гр. 489, 501
 Иоанн Кронштадский (Сергеев), св. 424
 Иоанн (Шаховской), архиепископ 323
 Ирманов В. А. 122
- Кадушин Н. 427
 Казер, фон 213
 Канин Катахито-Канин, японский принц 96
 Каноник П. 378
 Кантакузен (Кантакузина) Ю. Ф., княгиня, графиня Сперанская 223, 253, 254, 298, 454
Канторович Э. 15
 Карабчевский Н. П. 494
 Карагеоргиевичи, династия 351, 412
 Каракозов В. С. 54
 Караулов М. А. 507
 Карпицкий В. А. 432
 Каррик В. В. 297
 Касаткин С. А. 377, 417, 446
 Каульбарс Л. А., баронесса 261
 Керенский А. Ф. 8, 25, 224, 227, 237, 303, 310, 317, 344, 356, 361, 366, 456, 510, 543, 544, 547, 564, 565, 602
 Кирилл Владимирович, вел. кн. 154, 186, 281, 303, 311
Кирьянов И. К. 42, 552
 Китченер Г. Г., лорд 301, 420
 Клемансо Ж. 153

- Клопов А. А. 183, 185, 596
Кобылинский Е. С. 353
Ковыль-Бобыль И. 196
Колаковский (Кулаковский) Я. П. 442, 443
Колотильщикова Е. А. 42, 44
Комиссаров М. С. 633
Кондратьев Н. М. 209
Коновалов А. И. 536
Коновыцын А. И., граф 414
Константин Константинович, вел. кн. 74, 199, 263, 285, 393
Копыткин С. А. 136
Корде Ш. 195
Корженевский 263
Коринфский А. А. 335
Корнилов Л. Г. 237
Корф П. П., барон 219
Корф С. Н., барон 234, 235
Космин И. В. 281
Кочубей Д. Е. 320
Кравченко Н. И. 96
Краснов П. Н. 347
Кремер А. 21
Кривошин А. В. 26, 137, 140, 141, 149, 151, 158, 200, 455, 458, 588
Кром М. М. 5
Крупников П. Я. 6
Крючков К. Ф. 417
Ксения Александровна, вел. кн. 187, 478, 620
Ксидиас П. С. 97, 98
Кудашев Н. А., кн. 479, 480
Кулаковский Ю. А. 156, 184, 408, 443
Куликов С. В. 567
Куликовский Н. А. 343
Куракин Б. А., кн. 474
Курлов П. Г. 563
Куроки Т. 205
Куропаткин А. Н. 161, 205, 392, 434, 488, 602
Курсис 325
Кустодисв Б. М. 94
Кутузов М. И. (Кутузов-Голенищев-Смоленский, светл. кн.) 422, 488
Кшесницкая М. Ф. 360, 365
Кшесинский С. 362
Кянскин Е. С. 52
Лавров А. С. 64
Лазаренко А. 184
Лалин В. В. 5
Лебелев С. В. 195
Левицкой Г. В. 404
Лелюхин П. А. 161
Лемке М. К. 34, 81, 222, 395, 416, 432, 438, 539
Ленин В. И. 17, 436, 456, 564, 585
Леопольд, бельгийский принц 166
Лечицкий П. А. 437
Леш Л. В. 564
Лефевр Ж. 19, 20
Либкин (Либкен) Г. И. 365, 367
Либкнехт К. 23, 463
Лихарев Н. Н. 82
Локкарт Р. Б. 297
Ломан Д. Н. 251, 530
Лотман Ю. М. 15
Лукин П. В. 42
Лукьянов М. Н. 5
Львов Г. Е., кн. 507, 509, 510
Любавин Н. Н. 223, 537
Людовик XVI, король Франции 549, 550, 636
Лялин П. П. 367
Мазепа И. С. 228
Майоров М. И. 56
Макаров А. 498
Макаров А. Н. 498
Маклаков В. А. 456, 476
Маклаков Н. А. 25, 29, 200, 400, 402, 458
Маковский В. Е. 170, 523
Макс, прищ Баденский 305
Манассевич-Мануйлов И. Ф. 289
Мандельштам А. Н. 322
Маргарита, шведская принцесса 304
Марина Петровна, вел. княж. 381
Мария Александровна, императрица 244

- Мария-Антуанетта, королева Франции 549, 636
 Мария Николаевна, вел. княж. 273, 278, 279
 Мария Павловна (младшая), вел. кн. 257, 258, 266, 276, 277, 280, 288, 326, 327, 608, 613
 Мария Павловна (старшая), вел. кн. 70, 201, 281, 374
 Мария Фёдоровна, императрица 48, 62, 70, 142, 143, 146, 147, 154, 160, 201, 216, 247, 254, 266, 295, 296, 311, 318, 343, 367, 373, 386, 393, 398, 515—528, 541, 551, 555, 585, 632, 633
 Маркин Т. В. 131
 Марков Н. Е. 86
 Матейко Я. 407
 Машистов И. М. 428
Мацкевич М. Г. 6
 Мацкевич К. А. 169
 Медем М. А., баронесса 156
 Меллер-Закомельский А. Н. 386
 Мель М., 114
Мельгунов С. П. 158, 322, 324, 341, 363, 533, 550
 Меньшиков М. О. 86
Меррик Дж. 19
 Милица Николаевна, вел. кн. 6, 345, 381, 393, 394, 396, 411, 412, 495, 496
 Милов А. Н. 500, 501, 630
 Милованова Е. Я. 237
 Милюков П. Н. 289—293, 307, 348, 544, 562, 563
Митя Коляба (Д. Попов) 302
 Михаил Александрович, вел. кн. 181, 182, 185, 205, 225, 313, 528, 541, 555, 556, 633
 Михаил Михайлович, вел. кн., 175, 200
Михайлов Н. В. 5
 Михайловичи, великокняжеская династия. потомки Михаила, сына Николая I, 490
 Моисесенко П. А. 355
 Монвиллов 447
 Мосолов А. А. 317
 Муравьев Н. К. 239, 303
 Мусин-Пушкин В. В., граф 86, 184
 Мухаммелов 218
 Мясоедов С. Н. 126, 127, 221, 365, 442, 527, 542, 543, 564, 572
 Мясоедов Ф. 481, 488
 Мятлев В. П. 323, 354
Надежда Петровна, вел. княж. 381
 Найтингейл Ф. 262
 Наполеон I Бонапарт 76, 155
 Нарбут Г. И. 427
Наталья Алексеевна, великая княгиня 244
 Наумов А. Н. 294
 Негоши, династия 412
 Нейгауз Г. В. 464, 465
 Нейгауз Г. Г. 464
 Немсцалов В. И. 473
 Нестеров М. В. 336
 Нестеров П. Н. 417
 Нечволодов А. Д. 154, 155
 Никита Александрович, кн. 141
Николаев А. Б. 567
 Николаевичи, великокняжеская династия, потомки Николая, сына Николая I, 490
 Николай I, император 108, 173, 359, 377, 390, 509
 Николай II, император 10—13, 26, 34—37, 41, 47, 48, 50, 54, 62, 63, 65, 69, 70, 72—81, 84, 85, 87, 89, 90, 92, 94—116, 118—123, 127—131, 133, 134, 136—142, 144—146, 148, 149, 153—155, 157, 158, 159, 160, 161—167, 168, 169, 171—198, 200—211, 215—218, 221, 223—227, 230—233, 235—239, 244, 245, 247, 250, 259, 263, 266, 268, 285, 289, 293, 296, 298, 307, 309, 310, 313, 315, 317—321, 325, 343, 345, 347, 348, 350, 353, 359, 366, 375, 376, 380, 381, 383, 386—388, 393, 399, 403, 404, 411, 413, 419, 421.

- 422, 439, 440, 446, 448—453, 455, 456, 458—461, 467, 476, 478, 479, 482, 483, 490, 491, 493, 501, 505, 508, 512, 513, 520, 522, 526, 528, 532, 539, 540, 544, 545, 552, 554, 556, 557, 560, 562, 564—566, 568, 571, 574—577, 578, 583, 587, 599, 600, 602, 603, 621, 634
- Николай Михайлович, вел. кн. 199, 296, 349, 350, 388, 400, 456, 495, 505, 520, 634
- Николай Негош, король Черногории 392, 451, 600
- Николай Николаевич Младший, вел. кн., верховный главнокомандующий 6, 30, 36, 47, 49, 70, 75, 84, 93, 99—101, 104, 107, 119, 120, 122, 123, 126, 130, 135, 137, 138, 139, 141—143, 145, 146, 148—151, 153, 154, 156, 159, 161, 162, 163, 172, 183, 194, 203, 207, 217, 230, 232, 247, 297, 305, 312, 334, 345, 346, 348, 349, 367, 375—382, 384—398, 400, 402—427, 429, 430, 432—470, 472—499, 501, 502, 504—513, 525, 540, 541, 544, 551, 555, 557, 558, 571, 575, 619, 621, 624, 627
- Николай Николаевич Старший, вел. кн., генерал-фельдмаршал 377, 378, 379, 381, 382, 383, 384
- Николай Чудотворец, св. 47
- Никон, патриарх 41, 60
- Ногаев Ф. 58
- Нордау, М. 332
- Нургалиев 59
- Облеухов С. 23
- Обнинский В. П. 205
- Оболенский 351
- Овчинникова А. И. 261
- Ольга Александровна, вел. кн. 101, 111, 116, 257, 258, 259, 260, 266, 271, 280, 282, 333, 343, 371
- Ольга Николаевна, вел. княж. 99, 114, 247—249, 251, 252, 257, 262, 263, 266, 267, 277, 280, 281, 306, 307.
- Ольденбургские принцы, династия 410
- Ольденбургский А. П., принц 70, 143, 145, 474, 502
- Ольденбургский П. А, принц 343
- Ольмерг Л. И. 523
- Орбелиани С. И., княж. 269
- Орлов А. А. 319, 320
- Орлов И. 491
- Орнатский Ф. Н. 518
- Остроумова-Лебедева А. П. 195
- Оцуц П. А. 164, 176, 179, 193
- Павел I, император 244, 359
- Павел Александрович, вел. кн. 200, 257, 326, 459
- Лавленко Т. А.* 5, 6, 586, 591
- Палей В. П., кн. 200
- Палей О. В., кн. 185
- Палеолог Ж. М. 45, 126, 144, 185, 221, 316, 345, 350, 455
- Палицын Ф. Ф. 390, 445
- Пальмов Н. 397
- Пальмов Н. Г. 397
- Панина С. В., гр. 481
- Панкратов В. С. 353
- Папюс (Анкосс Ж.) 206, 394
- Пасхалов К. А. 200
- Перельмутер Ш. С. 218
- Перестиани И. Н. 366
- Пётр I, император 18, 41, 147, 152
- Пётр III, император 316
- Пётр I Карагеоргиевич, король Сербии 451
- Пётр Николаевич, вел. кн. 99, 345, 381, 393, 397, 411
- Петрукович Р. П. 433
- Пиккуль В. С.* 319
- Пистолькорс А. А. фон 544
- Питирим (Окнов), митрополит 289
- Плеве П. А. 415, 623
- Плевилкая Н. В.* 261
- Побережников И. В.* 33, 42
- Поветьев В. В.* 33

- Подгорнов В. Ф. 54
 Пойминов Д. И. 217
Покровский М. Н. 421
 Покровский Н. Н. 403
 Покровский С. Н. 340
 Поливанов А. А. 139, 145, 146, 149, 385, 476
 Попов В. 484
 Попов (П. К.?), генерал 352
 Попов С. А. (Попов 2-й) 563
 Попова М. В. 210
Поршнев О. С. 42, 158, 534, 552
 Потапенко Н. И. (Савватий) 261
Потапова Н. Д. 5
Потолов С. И. 5
 Потоцкая, графиня 492
 Протопопов А. Д. 37, 159, 204, 324, 348—350, 352, 563, 564, 583
 Пуанкаре Р. 75
 Пундигов Н. 54
Пуришкевич В. М. 23, 86, 293, 323, 344, 358, 359, 530, 536, 537, 544, 556
 Пустовойтенко М. С. 163, 164

 Радко-Дмитриев Р.Д. 417, 437
 Раев Н. П. 330
 Распутин (Новых) Г. Е. 36, 89, 101, 102, 112, 120, 126, 127, 131, 138, 139, 141, 142, 147, 148, 157—159, 162, 167, 177, 178, 185, 187, 196, 200, 218, 223, 225, 226, 235, 236, 242, 243, 268, 279, 289, 301, 311, 314—326, 343, 344, 347—352, 354—357, 359—370, 394, 396, 404, 431, 436, 455, 459, 460, 484, 485, 524, 530, 533—538, 543, 547, 563—565, 575, 576, 583, 601, 626
 Рауха Р. Р. фон 243, 536, 635
 Ребиндер С. А., гр. 544
 Редько П. 465
Рейеш А. Б. 6
 Ремизов Н. В. (Ре-ми) 231
 Ренненкамф П. К. 7, 386, 414, 415, 484, 524, 564
 Ренников А. М. 213

 Риплер К. 442
 Рогов Л. С. 53
Рогозный П. Г. 5
 Родзевич Н. Н. 251
 Родзянко А. Н. 234, 308, 351
 Родзянко М. В. 78, 85, 140, 141, 156, 158, 182, 183, 185—186, 290, 291, 308, 309, 314, 331, 352, 455, 457, 458, 472, 484, 495, 547, 628
 Розанов В. В. 78
Розенберг У. 5
 Розенталь А. 364
 Роман Мстиславович, кн. Галицкий и Волынский 399
 Роман Петрович, князь императорской крови 496
 Романов П. 239
 Рубинчик Л. З. 216
 Рубинштейн И. Л. 261
 Рузский Н. В. 99, 100, 417, 437, 477, 484, 489
 Рундальцев М. В. 100, 426, 595
 Рутсинский Ф. 442
 Рыбинцев 58
 Рябинин В. Я. 60, 586

 Сабитов С. 168
 Саблин Н. П. (Саблин-2-й) 319
 Савва А. Л. 365
 Савенко А. И. 93, 496
 Савин А. М. 602
 Сазонов С. Д. 27, 86, 149—151, 290, 306, 316, 397, 401, 402, 410, 479, 480
 Сайн-Витгенштейн Е. Н., княгиня 227
 Саксен-Кобург-Готская (Виндзорская) королевская династия 549
 Самарин А. Д. 13, 147, 149, 151, 317, 485, 486
 Самарин С. 486
 Самойлов А. 554
 Самокиш Н. С. 390, 497, 506
 Сахненко И. Р. 180
 Сварог (Корочкин) В.С. 377
 Селивачев В. И. 302

- Серафим Саровский, св. 47
Сергей Михайлович, вел. кн. 199, 210
Сергий Радонежский, св. 87, 90
Сиверс Ф. В. 415
Скоропадский П. П. 226, 366
Смирнов Н. Н. 5
Снесарев А. Е. генерал 237
Собанский, граф 403
Соболев Г. Л. 5, 19
Соболевский А. И. 183, 408, 443, 486
Сокол Б. И. 467
Сормовский 396
Спиридович А. И. 88, 119, 122, 128, 168, 178, 328, 348, 392, 402, 531
Стайтс Р. 5
Сталин И. В. 456
Старцев В. И. 5
Стеклов В. А. 234, 563
Стенин Е. 58
Стенин И. 58, 586
Степанов И. 294
Степняк-Кравчинский С. М. 556
Стессель А. М. 492
Столенец Т. И. 228
Столыпин П. А. 523, 543
Столяров А. М. 6
Стопкус И. 599
Струков К. 291
Суворин Б. А. 274, 275, 443, 444, 455, 480
Суворины 443
Судейкин В. Т. 627
Суханов А. С. 436
Сухова О. А. 42
Сухомлинов В. А. 62, 102, 119, 159, 173, 210, 221, 254, 365, 384, 404, 405, 411, 415, 458, 474, 476, 542, 543, 563, 564
Сухомлинова Е. В. 254
Сытин И. Д. 424, 449
Тальберг Н. 487
Тарапата П. С. 58
Тарапата С. С. 58
Тирновский Е. Н. 67, 69
Татьяна Николаевна, вел. княж. 70, 72, 75, 114, 141, 171, 247—249, 252, 257, 258, 262, 263, 266—269, 277, 279, 280, 281, 296, 325
Тернин Д. С. 134
Терещенко М. И. 347, 350
Тер-Степанов С. М. 630
Тим Е.-Б. К. 339
Тимофеев А. Я. 480
Тиханович-Савицкий Н. Н. 324, 507
Тихомиров Л. А. 158, 159, 218, 314, 490
Тихон (Беллавин), архиепископ 104
Товия (Цынбалов), архимандрит 90
Толстой И. И., гр. 130, 132, 134, 178, 412, 481
Толстой Л. Н. 76
Травин Д. Я. 6
Трейман Р. Я. 425
Трепов 522, 524, 563, 632
Трепов А. Ф. 524
Троицкий С. Ф. 230
Троицкий Ф. И. 230
Троцкий Л. Д. 436, 547, 564
Трубецкая В., кн. 292
Трубецкой Г. Н., кн. 27, 86
Трубецкой Е. Н., кн. 292
Трубецкой Н. С. 456
Труфанов С. М. (бывш. иеромонах Иллиодор) 322, 324, 354, 363, 533, 536, 538, 539
Турапин К. А. 422
Тхоржевский Я. 414
Уортман Р. 15, 16, 94
Урусов, кн. 351
Урусова А. А., княж. 261
Успенский Б. А. 15
Устинов Н. 417
Уткина М. 515, 516
Файджес О. Г. 5
Фальборк Г. А. 134
Фарж А. 19
Фелекиди, Ф. А. и П. А. 214
Фельдман И. И. 527

- Фелькерзам Г. Е., барон 86
 Филипп (Вашо Ф.-Н.-А.) 206, 396
 Философов Д. В. 38, 636
 Фоменцов Ф. В. 49
 Франц-Иосиф I Габсбург 546
 Фредерикс В. Б., граф 62, 171, 181,
 189, 192, 219, 220, 291, 317, 458,
 460, 482, 483, 524
 Френч Д., граф 459
 Фукс Е. 335
 Фуллер У. 638
 Фурманов Д. А. 226
 Фюре Ф. 19
- Халфин И. 5*
Хант Л. 19
 Хардинг (Тардинг) Ч., барон 224
 Харитонов П. А. 149
 Хатисов А. И. 499, 507, 508
 Хаустов В. И. 86
 Хвостов А. А. 68
 Хвостов А. Н. 36, 314, 322, 345
Хиршфельд М. 340
 Хорват А. Г. 318, 455
Хорн Дж. 21
 Хор С. 550
 Хромов Д. 438
- Памутали А. Н. 5*
 Целиков Н. С. 62
 Церетов 284
 Цецилия Августа, супруга крон-
 принца прусского 599
- Чеботарёва В. 309, 310, 317, 321, 325,
 346
 Червинский С. А. 409
Черняев В. Ю. 5
 Чхеидзе Н. С. 352
- Шавельский Г. И. 154, 155, 295, 331,
 345, 346, 391, 392, 395—397, 431,
 436, 439, 440, 455
 Шарлемань О. (И.) А. 449
Шартье Р. 19
 Шаховская, кн. 400
- Шейдеман С. М. 415
Шелин С. Г. 6
 Шенрок А. 81
 Шептицкий А., епископ 320, 325
 Шервашидзе Г. Д., кн. 483
 Шереметев С. Д., граф 160, 184, 474
 Шехмаматьев М. Х. 441
 Шидловская М. В. 244
 Шильер М. В. 407
 Ширинский-Шихматов А. А., кн.
 251
Шмитт К. 8
 Штейнберг Я. В. 249, 274, 278
Штейнле Е. 212
 Штюрмер Б. В. 181, 182, 184, 185,
 289, 291, 318, 348, 564
Шувалова Е. В., графиня 261
 Шуленбург В. Э., граф 243, 235, 294,
 327, 608
 Шульгин 122
 Шульгин В. В. 34, 177, 321, 344, 350
- Шепкин Д. М. 140
 Шербатов А., кн. 294
 Шербатов Н. Б., кн. 134, 135, 147—
 149, 151, 455, 477, 478
 Шербачев Д. Г. 171
- Эбергард А. А. 415
 Эбрахам Р. 8
 Эглер Ф. 519
Энгельштейн Л. 5. 370
 Эрдели А. Н. 485
 Эрн А. А. 185
 Эрнст-Людвиг, вел. герцог Гессенс-
 кий и Рейнский 304, 306, 413
- Юденич Н. Н. 504, 505
 Юсупов Ф. Ф. (младший), кн. 223,
 226, 235, 319, 626
 Юсупов Ф. Ф., кн. 484
 Юсупова З. Н., кн. 308, 351
 Юсуповы, княжеская династия 626
- Ягельский-Ган А. 276
 Яковлев П. 194, 195, 220, 228, 468

Якубсон Ф. И. 6

Ял Х. 5, 574

Янушкевич Н. Н. 100, 107, 119, 135,
153, 173, 405, 415, 419, 471, 480,
481, 487, 488, 506, 507, 627

Яньшин А. В. 625

Ярослав Владимирович Осмомысл,
кн. Галицкий 399

Ястребцов С. 133

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	8
<i>Глава I</i>	
ОБРАЗЫ МОНАРХИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ	15
<i>Глава II</i>	
ИЗУЧЕНИЕ СЛУХОВ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ	34
<i>Глава III</i>	
ДЕЛА ПО ОСКОРБЛЕНИЮ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКА	43
<i>Глава IV</i>	
ЛИКИ «ДЕРЖАВНОГО ВОЖДЯ»: ОБРАЗЫ НИКОЛАЯ II В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	72
1. Единство царя и народа: Репрезентации императорской власти в начале войны	73
2. «Державный хозяин» объезжает свои владения: Поездки императора и монархически-патриотическая мобилизация	99
3. «Венценосный главнокомандующий»: Образы царя- полководца	131
4. Простой царь и простоватый государь: Николай II как объект воздействия враждебных сил	194
5. «Царь-предатель»	228
<i>Глава V</i>	
ОБРАЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ	241
1. Августейшая сестра милосердия	246
2. «Царица-нсмка»: слухи о предательстве императрицы	289
3. Правление императрицы	313
4. «Неверная жена»	319
5. Репрезентационная ошибка? Образ сестры милосердия в русской культуре эпохи Первой мировой войны	326

6. Слухи об аресте царицы и покушениях на нее 344
 7. Политическая порнография: «Распутиниада» до и после
 Февраля 352

Глава VI

- АВГУСТЕЙШИЙ ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ:
 ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
 В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ, ОСКОРБЛЕНИЯХ И
 СЛУХАХ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ** 375
1. Происхождение, биография, репутация 377
  2. Возвращение к полякам и образ великого князя 398
  3. Патриот и германофоб 410
  4. «Великий защитник земли русской»: образы Верховного
 главнокомандующего в общественном мнении 416
  5. «Николай III»: Противопоставление Верховного
 главнокомандующего и императора 444
  6. Великий князь Николай Николаевич
 как отрицательный персонаж 463
  7. Смещение Верховного главнокомандующего 478
  8. Новые слухи 491
  9. Наместник на Кавказе 494
  10. Великий князь и революция 506

Глава VII

- ВДОВСТВУЮЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА
 В ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ,
 «НАРОДНЫХ» СЛУХАХ И ОСКОРБЛЕНИЯХ** 515

Глава VIII

- ИСТОЧНИКИ АНТИДИНАСТИЧЕСКИХ СЛУХОВ** 530

Глава IX

- АНТИМОНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ?** 552
Заключение 566

- Примечания** 579
Список сокращений 640
Список иллюстраций 641
Именной указатель 645

Борис Колоницкий

«ТРАГИЧЕСКАЯ ЭРОТИКА»

**ОБРАЗЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Дизайнер серии

Д. Черногаев

Редакторы

М. Долбилов, И. Жданова

Корректор

Э. Корчагина

Компьютерная верстка

С. Петров

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

**ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»**

Адрес и издательства:

129626, Москва, ИИ-626, а/я 55

Тел.: (495) 976-47-88

факс: (495) 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

<http://www.nlobooks.ru>

Формат 60x90/16

Бумага офсетная № 1

Усл. печ. л. 41,5. Тираж 1500. Заказ № 926

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс

«Ульяновский Дом печати»

432980. г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2008 год

Серия «**HISTORIA ROSSICA**»

Мария Майофис
ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРОПЕ

Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект
1815—1818 годов

Эта монография предлагает совершенно новый взгляд на, казалось бы, хорошо изученную тему — историю российской общественной жизни после Отечественной войны 1812 года. Деятельность «Арзамасского общества безвестных людей», ранее обсуждавшаяся преимущественно как эпизод литературной борьбы, рассматривается в этой работе в таких неожиданных контекстах, как международная дипломатия, противостояние придворных партий или рождение российской ориенталистики. Автор анализирует ранее остававшиеся «в тени» культуротворческие аспекты деятельности «Арзамаса» — например, создание собственного литературного канона, разработка концепций развития национальной культуры, дискуссии на актуальные политические темы. В результате расширения поля исследований становится возможным доказать: появление «Арзамаса» стало непосредственной реакцией на подписание Акта Священного Союза, а существование общества было связано сотнями нитей с судьбой европейски интегрированного модернизационного проекта, задуманного, но так и не осуществленного в послевоенной России.

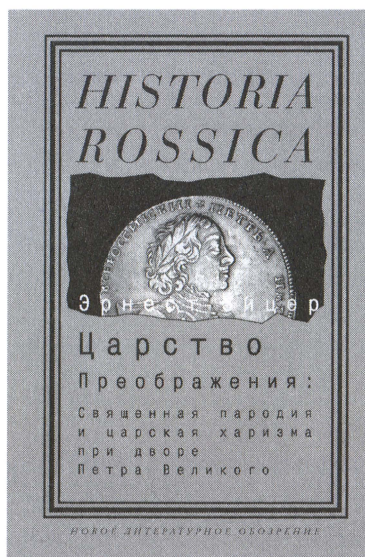
Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2008 год

Серия «HISTORIA ROSSICA»

Эрнест Зицер
ЦАРСТВО ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого
Авторизованный перевод с англ. Д. Хитровой и К. Осповата

В новаторском исследовании российской придворной культуры конца XVII — начала XVIII века американский историк Эрнест Зицер выступает с методологически изощренной трактовкой карнаваловых действий, связанных со «Всешутейшим и всепьянейшим собором» и фаллократическим кульмом личности Петра Великого. «Потешной» мир мнимых монархов, рыцарей и клириков предстает той сферой, где создавалась «компания» уверовавших в новое «Евангелие от Петра». Освещая аспекты петровской политической теологии, до этого игнорировавшиеся историками, данная работа доказывает, что превращение Московии в императорскую Россию было столько же предметом бюрократического переустройства, сколько и переходом в новую веру, то есть столько же преобразованием, сколько и *преображением*. Книга оспаривает многие из распространенных представлений о религиозной и кадровой политике Петра I и стимулирует дальнейшее изучение его правления в общеевропейском контексте барочной придворной культуры раннего Нового времени.

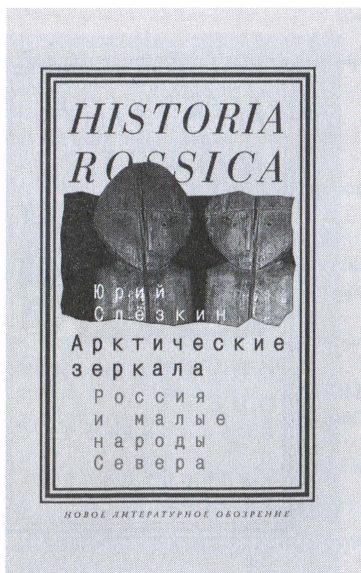
Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2008 год

Серия «**HISTORIA ROSSICA**»

Юрий Слёзкин
АРКТИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА
Россия и малые народы Севера

Авторизованный перевод с англ. О. Леонтьевой

Книга профессора Калифорнийского университета в Беркли Юрия Слёзкина, автора уже изданного в «НЛО» интеллектуального бестселлера «Эра Меркурия: Евреи в современном мире» (2005), посвящена загадке культурной чуждости. На протяжении нескольких веков власть, наука и литература вновь и вновь открывали, истолковывали и пытались изменить жизнь коренных народов Севера. Эти столкновения не проходили бесследно для представлений русских/россиян о самих себе, о цивилизации, о человечестве. Отобразившиеся в «арктических зеркалах» русского самосознания фигуры — иноземец, иноверец, инородец, нацмен, первобытный коммунист, последний абориген — предстают в книге продуктом сложного взаимодействия, не сводимого к клише колониального господства и эксплуатации.

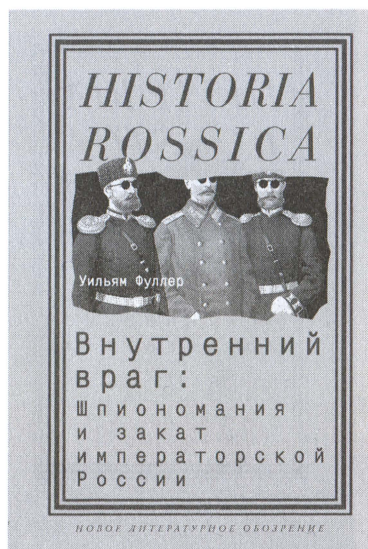
Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2009 год

Серия «**HISTORIA ROSSICA**»

Уильям Фуллер
ВНУТРЕННИЙ ВРАГ

Шпиономания и закат императорской России

Уильям Фуллер, признанный специалист по российской военной истории, избрал темой своей новой книги печально знаменитое дело полковника С.Н. Мясоедова и генерала В.А. Сухомлинова. Привлекая еще не использованные историками следственные материалы, автор соединяет полный живых деталей биографический рассказ с анализом полицейских, разведывательных, судебных практик и предлагает проницательную реконструкцию шпиономании военных и политических элит позднеимперской России. Центральные вопросы, вокруг которых строится книга: как и почему оказалось возможным инкриминировать офицерам, пусть морально ущербным и нечистым на руку, но не склонявшимся никогда к государственной измене и небесталанным, наитягчайшее в военное время преступление и убедить в их виновности огромное число людей? Как отозвались эти «разоблачения» на престиже самой монархии? Фуллер доказывает, что в мышлении, риторике и псевдоюридических приемах устроителей судебных процессов 1915—1917 годов в зачаточной, но уже зловещей форме проявились главные черты будущих большевистских репрессий — одержимость поиском козлов отпущения и презумпция виновности.

Издания

«Нового литературного обозрения»

(журналы и книги)

можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — www.nlobooks.mags.ru

в Москве:

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80

«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, 797-87-17

«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91

«Молодая гвардия» ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01

«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чайнова, д.15, т. (495)250-65-46

«Гилея» — Институт ИНИОН Нахимовский просп. 51/21, 3 этаж,
т. (499)724-61-67

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18; т. (495)624-46-45

«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу

«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте. Тверской бульвар, 25
(вход с М. Бронной), тел. (495)202-86-08

ГПСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74

Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94

Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре

«Фаланстер» — М. Гнезниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

Проект ОГИ Потаповский пер., 8/12, стр. 2 т. (495)627-56-09

Книготорговая компания «Берроунз» т. (495)971-47-92

в Санкт-Петербурге:

Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04

«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28

«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91

Киоск в Библиотеке Академии наук ВО — Биржевая линия, 1

Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)

«Книги и кофе» — наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы
и искусства), т. (812)328-67-08

Книжная лавка писателей Невский пр., 66, (812) 314-47-59

Книжная лавка в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17

Книжные мастерские — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА),
т. (812)310-50-36

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке

Садовая ул., 20; Московский пр., 165 т. (812)310-44-87

«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84

Книжный салон — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета
СПбГУ), т. (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» Каменноостровский пр., 13,
т. (812) 232-33-07

«Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53

«Ретро Стенд» № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;
ул. Обуховской обороны, 105

«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,
т. (812) 448-23-57

«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

в Екатеринбурге:

«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:

«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т.(312)31-64-71

в Воронеже:

«Галерея»

в Красноярске:

«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

в Ярославле:

Книжная лавка гуманитарной литературы, т.(4852)72-57-96

в Минске:

ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.

ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21, 10-375-172-84-36-21(факс)

в Киеве:

ООО «АВР» — т. (044)273-64-07

Интернет-проект «Лавка Бабуин» ул. Юрковская, д. 36, оф. 10,

т.(044)53- 22-43

в Стокгольме:

Русский книжный магазин «INTERBOK» Hantverkargatan, 32, Stockholm, т. 08-651
1147

а также в Интернете:

www.ozon.ru

www.bolero.ru

www.lavkababuin.com/shop

www.mkniga.com

HISTORIA ROSSICA

“ТРАГИЧЕСКАЯ ЭРОТИКА”:

Образы императорской семьи
в годы Первой мировой войны

Верноподанным российского императора следовало не только почитать своего государя, но и любить его. Император и члены его семьи должны были своими действиями пробуждать народную любовь. Этому служили тщательно продуманные ритуалы царских поездок и церемоний награждения, официальные речи и неформальные встречи, широко распространявшиеся портреты и патриотические стихи. В годы Первой мировой войны пробуждение народной любви стало важнейшим элементом монархически-патриотической мобилизации российского общества. Б.И.Колоницкий изучает способы, какими пытались повысить свою популярность члены императорской семьи — Николай II, императрица Александра Федоровна, верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Автор исследует и восприятие образов Романовых. Среди многочисленных источников, на основе которых написана книга, — петиции, дневники и письма современников, материалы уголовных дел против людей, обвиненных в заочном оскорблении членов царской семьи.

ISBN 978-5-86793-757-7

